ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА—ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС

К. МАРКС
и
Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

Издание второе

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва • 1962

К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС

ТОМ
26

часть
I

ПРЕДИСЛОВИЕ

Двадцать шестой том Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса содержит «Теории прибавочной стоимости» Маркса, образующие четвертый том «Капитала».

«Теории прибавочной стоимости» написаны Марксом в период от января 1862 до июля 1863 года. Это произведение представляет собой составную часть обширной рукописи 1861— 1863 годов, озаглавленной Марксом «К критике политической экономии» и написанной в качестве непосредственного продолжения первого выпуска «К критике политической экономии», вышедшего в 1859 году. Рукопись 1861—1863 годов состоит из 23 тетрадей (со сквозной нумерацией страниц от 1 до 1472) общим объемом около 200 печатных листов и является первой более или менее систематической — хотя еще только черновой и незаконченной — разработкой всех четырех томов «Капитала». «Теории прибавочной стоимости» образуют самую большую по объему (около 110 печатных листов) и наиболее разработанную часть этой рукописи и представляют собой первый и единственный набросок четвертого, заключительного тома «Капитала». Этот том, в отличие от трех теоретических томов, Маркс называл *исторической, историко-критической* или *историко-литературной* частью своего труда.

Маркс начал писать «Теории прибавочной стоимости» в рамках того первоначального плана своей «Критики политической экономии», который намечался им в 1858—1862 годах. На основании того, что Маркс сообщает о структуре своего труда в предисловии к первому выпуску «К критике политической экономии», в своих письмах 1858—1862 годов и в самой

рукописи 1861—1863 годов, план этот можно представить в виде следующей схемы:

- I. Капитал:
  - [Введение: Товар и деньги]
  - а) Капитал вообще:
    - 1. Процесс производства капитала:
      - 1. Превращение денег в капитал
      - 2. Абсолютная прибавоч. стоимость
      - 3. Относительная прибавочная стоимость
      - 4. Сочетание обеих
      - 5. Теории прибавочной стоимости
    - 2. Процесс обращения капитала
    - 3. Единство того и другого, или Капитал и прибыль
  - б) Конкуренция капиталов
  - в) Кредит
  - г) Акционерный капитал
- II. Земельная собственность
- III. Наемный труд
- IV. Государство
- V. Внешняя торговля
- VI. Мировой рынок

Из этой схемы видно, что «Теории прибавочной стоимости» были первоначально задуманы Марксом как исторический экскурс к тому разделу его теоретического исследования о «капитале вообще», который был посвящен проблеме процесса производства капитала. Этот исторический экскурс должен был завершить раздел о процессе производства капитала, подобно тому как в первом выпуске «К критике политической экономии» глава о товаре завершалась историческим экскурсом «К истории анализа товара», а глава о деньгах — историческим экскурсом «Теории средств обращения и денег».

Таков был первоначальный замысел Маркса. Однако в процессе его осуществления исторический экскурс о домарксовских теориях прибавочной стоимости вышел далеко за рамки этого замысла. Так как все домарксовские экономисты делали ту ошибку, что рассматривали прибавочную стоимость не в ее чистом виде, а лишь в особых формах прибыли, ренты и процента, то сам материал исследуемых и критикуемых Марксом теорий требовал расширения рамок исследования. Критический анализ воззрений буржуазных экономистов на прибавочную стоимость неизбежно переплетался у Маркса с анализом их представлений о прибыли, о земельной ренте, о проценте и т. д. С другой стороны, для того чтобы критика ошибочных теорий была всесторонней и исчерпывающей, Маркс противопоставлял этим теориям положительную разработку тех или иных частей новой, самим Марксом созданной, экономической тео-

рии, представляющей собой величайший революционный переворот во всей экономической науке.

Чтобы понять все своеобразие состава и структуры «Теорий прибавочной стоимости», необходимо иметь в виду еще следующее. К моменту начала работы Маркса над «Теориями» из трех теоретических частей «Капитала» в письменном виде была более или менее обработана, да и то далеко не целиком, только первая часть — «Процесс производства капитала» (эта проблема исследуется в первых пяти тетрадях рукописи 1861— 1863 годов), а вторая и третья части — вернее, отдельные их разделы — существовали лишь в виде предварительных фрагментарных набросков в черновой рукописи 1857—1858 годов, которая в 1939 году была опубликована Институтом марксизма-ленинизма на языке оригинала под редакционным заголовком «Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie (Rohentwurf)» («Основные черты критики политической экономии (Черновой набросок)»). Таким образом, Маркс, разрабатывая историческую часть своего труда, не мог просто ссылаться на те или иные страницы теоретической части, а должен был тут же давать и положительную разработку тех теоретических вопросов, которые возникали в связи с критическим разбором всей прежней политической экономии.

Все это привело к тому, что исторический экскурс «Теории прибавочной стоимости» разросся до огромных размеров. В обширной рукописи 1861—1863 годов историческая, или историко-критическая, часть занимает тетради от VI до XV включительно плюс тетрадь XVIII и ряд отдельных исторических очерков и заметок в тетрадях XX—XXIII.

Основной текст «Теорий прибавочной стоимости» содержится в тетрадях VI—XV и XVIII, написанных в период от января 1862 до января 1863 года включительно. К этому тексту и относится составленное Марксом оглавление, записанное на обложках тетрадей VI—XV. Оглавление это имеет большое значение для понимания общей структуры труда Маркса, его состава и его плана. В настоящем издании оно дается в самом начале первой части 26-го тома (стр. 3—5). Историко-критические очерки и заметки, содержащиеся в последних тетрадях рукописи и написанные весной и летом 1863 года, являются добавлениями к основному тексту.

В ходе работы над «Теориями прибавочной стоимости» все расширялся круг исследуемых Марксом проблем. Это в конце концов и привело его к мысли о необходимости выделить весь историко-критический материал в виде особой, четвертой книги «Капитала». В процессе работы Маркса над «Капиталом» все

больше и больше обнаруживалось решающее значение того трехчленного деления (1. Процесс производства капитала, 2. Процесс обращения капитала и 3. Единство того и другого), которое первоначально намечалось Марксом только для задуманного в более узком плане отдела «Капитал вообще» (см. схему первоначального плана труда Маркса на стр. VI). Это трехчленное деление оказалось настолько важным и настолько глубоким, что сюда постепенно были включены также и те темы, которые, согласно первоначальному плану, не входили в круг вопросов, отнесенных Марксом к отделу «Капитал вообще» (например, конкуренция капиталов, кредит, земельная рента). Параллельно с этим процессом формирования трех теоретических частей «Капитала», вбиравших в себя постепенно все теоретические проблемы политической экономии, у Маркса все больше укреплялось убеждение, что историко-критические исследования должны быть даны в виде отдельной книги — четвертой книги «Капитала».

Примерно через месяц после окончания работы над рукописью 1861—1863 годов Маркс (в письме от 15 августа 1863 года) писал Энгельсу об этой своей рукописи: «... я теперь смотрю на всю эту махину и вспоминаю, как мне пришлось решительно все опрокинуть и даже *историческую* часть обработать на основании частью совершенно неизвестного дотоле материала...». Говоря об «исторической части», Маркс имеет в виду «Теории прибавочной стоимости», которые, стало быть, уже тогда мыслились Марксом как особая — историческая — часть его труда; между тем еще в январе 1863 года Маркс предполагал распределить этот историко-критический материал по теоретическим отделам своего исследования о «капитале вообще», как это видно из составленных им планов первой и третьей частей «Капитала» (см. настоящий том, часть I, стр. 424—426).

О намерении Маркса критически проследить историю политической экономии начиная с середины XVII столетия свидетельствует обстоятельный историко-критический очерк о Петти, содержащийся в написанной в мае 1863 года XXII тетради рукописи 1861—1863 годов и носящий характерный заголовок «Из области истории: Петти». Этот очерк, не стоящий ни в какой внутренней связи ни с тем текстом, который ему предшествует, ни с тем, который за ним следует, явно предназначался Марксом для историко-критической части его труда. В очерке о Петти разбираются его взгляды на стоимость, заработную плату, земельную ренту, цену земли, процент и т. д. Такой широкий охват экономических воззрений Петти показывает, что уже в мае 1863 года у Маркса возникла та мысль,

о которой он с полной определенностью писал четыре года спустя (30 апреля 1867 года) в письме к Зигфриду Мейеру, сообщая ему о структуре своего «Капитала»: «Том первый охватывает «Процесс производства капитала»... Во втором томе дается продолжение и окончание теории, а в томе третьем — история политической экономии с середины XVII столетия...» (вторую и третью книги «Капитала» Маркс тогда предполагал выпустить в виде одного тома).

Первое прямое упоминание о четвертой, «историко-литературной», книге «Капитала» мы находим в письме Маркса к Энгельсу от 31 июля 1865 года. Маркс пишет Энгельсу о ходе своей работы над «Капиталом»: «Осталось еще написать три главы, чтобы закончить теоретическую часть (первые 3 книги). Затем еще нужно написать 4-ю книгу, историко-литературную; это для меня относительно наиболее легкая часть, так как все вопросы разрешены в первых трех книгах, а последняя является скорее повторением в исторической форме». Здесь может возникнуть вопрос, почему Маркс говорит о том, что четвертую книгу «Капитала» надо еще только «написать»: ведь в цитированном выше письме от 15 августа 1863 года он говорит об «исторической части» как о написанной уже. Различие в формулировках 1863 и 1865 годов объясняется тем, что в промежуток времени между ними, в течение 1863—1865 годов, Маркс заново переработал и переписал все три теоретические книги своего труда, а четвертая книга — «историко-литературная» — осталась в том первоначальном виде, в каком она была написана в 1862—1863 годах, и поэтому нуждалась в переработке в соответствии с новой редакцией первых трех книг «Капитала».

Из письма Маркса к Зигмунду Шотту от 3 ноября 1877 года видно, что Маркс и в дальнейшем рассматривал историческую часть «Капитала» как в известной степени уже написанную. Маркс сообщает здесь о своей работе над «Капиталом»: «... для себя я начал «Капитал» как раз в обратном порядке по сравнению с тем, как он предстанет перед публикой (начав работу с третьей, исторической, части), только с той оговоркой, что первый том, к которому я приступил в последнюю очередь, сразу был подготовлен к печати, в то время как оба другие тома остались в необработанной форме, свойственной каждому исследованию в его первоначальном виде». Здесь историческая часть названа третьей потому, что Маркс, как уже было упомянуто, предполагал вторую и третью книги «Капитала» выпустить в одном томе — в качестве второго тома, а четвертую книгу, рассматривающую «историю теории», — в качестве третьего тома.

Если о первом томе Маркс здесь говорит, что он к нему «приступил в последнюю очередь», то он имеет в виду *окончательный, подготовленный к печати вариант* этого тома, который был написан в 1866 и в первой половине 1867 года. Те подготовительные наброски о превращении денег в капитал и о производстве абсолютной и относительной прибавочной стоимости, которые содержатся в первых пяти тетрадях рукописи 1861— 1863 годов, подверглись в дальнейшем весьма основательной переработке и очень значительному пополнению и расширению. То же самое произошло и с теми разделами рукописи 1861— 1863 годов, которые содержат подготовительные наброски для будущих II и III томов «Капитала». Таким образом, из всей обширной рукописи 1861—1863 годов для Маркса с течением времени первостепенное значение сохранила только ее историческая, историко-критическая или историко-литературная, часть, которая к тому же занимала в этой рукописи наибольшее — можно сказать, центральное — место и была разработана с наибольшей полнотой. Это и дало Марксу основание сказать в письме к Зигмунду Шотту, что свой «Капитал» он начал писать с последней, исторической части, поскольку первый выпуск «К критике политической экономии», вышедший в 1859 году, Маркс рассматривал лишь как введение к исследованию капитала, а содержание первых пяти тетрадей рукописи 1861—1863 годов, представлявшее собой всего лишь предварительные, подготовительные наброски, уже не могло идти в счет после написанного в 1866—1867 годах I тома «Капитала».

То обстоятельство, что Маркс, по сути дела, начал писать свой великий экономический труд с конца, имело глубокие причины. К началу 60-х годов у Маркса *в принципе* были выработаны уже многие основные положения его экономического учения. Но в систематически обработанной форме к этому времени были закончены и опубликованы только две первые вводные главы: глава о товаре и глава о деньгах, составившие содержание первого выпуска «К критике политической экономии». То, что сам Маркс называл *«основной главой»* всего труда, т. е. исследование о капитале, все еще пребывало в совершенно нерасчлененном и неупорядоченном виде сугубо черновой рукописи 1857—1858 годов. «Материал был налицо; оставалось его оформить», — писал Маркс Лассалю 12 ноября 1858 года. Но для того чтобы завершить разработку своего экономического учения и придать надлежащую научную форму накопленному огромному материалу, Марксу необходимо было произвести генеральное размежевание со всей существовавшей до того времени политической экономией. Ведь эконо-

мическое учение Маркса возникло не на пустом месте, а на основе творческой переработки и глубокой всесторонней критики всего того, что было написано домарксовскими экономистами. Поэтому, когда Маркс в августе 1861 года приступил к написанию главного и основного раздела своего труда — раздела о капитале, — он очень скоро прервал изложение своего учения о прибавочной стоимости, этого, по определению В. И. Ленина, краеугольного камня всей экономической теории Маркса, и начал подробно разрабатывать относящийся сюда исторический экскурс, озаглавленный им «Теории прибавочной стоимости» и разросшийся до таких размеров, что он стал основной частью всей рукописи 1861—1863 годов.

На всем протяжении этой исторической части рукописи 1861—1863 годов имеет место тесное сочетание и переплетение историко-критического исследования и теоретической разработки целого ряда кардинальных проблем экономической науки. Историко-критическое исследование раскрывает перед нами картину возникновения, развития и деградации буржуазной политической экономии от середины XVII до середины XIX века. В кругу своих близких друзей Маркс говорил о себе: «Я творю суд истории и воздаю каждому по его заслугам» («Воспоминания о Марксе и Энгельсе», М., 1956, стр. 70). В «Теориях прибавочной стоимости» Маркс показывает, «в каких формах, явившихся историческими вехами, были впервые высказаны и развиты далее законы политической экономии» (см. настоящий том, часть I, стр. 347). Отмечая заслуги классиков буржуазной политической экономии, Маркс вместе с тем дает глубокую критику их классовой ограниченности и тех конкретных экономических ошибок, в которые они впадали в своих теориях. С величайшим мастерством Маркс вскрывает как методологические, так и классовые корни ошибочных экономических концепций и этим дает нам замечательные образцы того, как надо бороться с враждебными научному коммунизму воззрениями и теориями.

С другой стороны, даваемая в тесной связи с историко-критическим анализом домарксовских экономических теорий положительная разработка целого ряда важнейших экономических проблем имеет огромное значение в двух отношениях: во-первых, здесь видно, как Маркс пришел к тем или иным составным частям своей экономической теории, а во-вторых, здесь нередко дается более развернутая трактовка ряда вопросов, чем в написанных позже первых трех томах «Капитала» (например, о производительном труде, о неизбежности кризисов при капитализме, об абсолютной земельной ренте и национализации

земли, о соотношении между индивидуальной и рыночной стоимостью товаров и т. д.).

Все это делает «Теории прибавочной стоимости» чрезвычайно важной составной частью в системе экономического учения марксизма. Они имеют непреходящее значение не только для понимания истории буржуазной политической экономии, но и для творческой разработки многих актуальных экономических проблем и для борьбы против современных вульгарных буржуазных экономистов и ревизионистов.

Целый ряд антинаучных концепций, имеющих хождение в современной вульгарной политической экономии, в той или иной мере воспроизводит те антинаучные воззрения, которые были подвергнуты сокрушительной критике уже в «Теориях прибавочной стоимости» Маркса. В качестве примеров можно указать апологетическую концепцию производительности всех профессий, антинаучные теории о возможности бескризисного развития капитализма, о спасительной роли непроизводительного потребления, человеконенавистнические теории о якобы фатальной неизбежности нищеты широких народных масс, о якобы неустранимом несоответствии между численностью населения на Земле и имеющимися природными ресурсами, разного рода вульгарные теории стоимости и т. д.

Основные выводы своего глубокого и многостороннего анализа истории буржуазной политической экономии Маркс в сжатом и обобщенном виде сформулировал в послесловии ко второму изданию I тома «Капитала» (январь 1873 года): «Поскольку политическая экономия является буржуазной, ... она может оставаться научной лишь до тех пор, пока классовая борьба находится в скрытом состоянии или обнаруживается лишь в единичных проявлениях». О классической буржуазной политической экономии в Англии Маркс пишет, что она «относится к периоду неразвитой классовой борьбы». С развитием классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией резко меняется характер буржуазной политической экономии. Со времени завоевания буржуазией политической власти во Франции и в Англии «классовая борьба, практическая и теоретическая, принимает все более ярко выраженные и угрожающие формы. Вместе с тем пробил смертный час для научной буржуазной политической экономии... Бескорыстное исследование уступает место сражениям наемных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой, угодливой апологетикой» (см. настоящее издание, т. 23, стр. 14, 17).

На фоне этой общей деградации буржуазной политической экономии выделялись фигуры отдельных экономистов, пытав-

шихся, как говорит Маркс, «согласовать политическую экономию капитала с притязаниями пролетариата, которых уже нельзя было более игнорировать». Такая попытка «примирить непримиримое» в середине XIX века была предпринята Джоном Стюартом Миллем. Маркс отмечает всю безнадежность подобного рода попыток, которые целиком оставались в рамках буржуазной политической экономии и свидетельствовали о ее банкротстве. В этой связи Маркс со всей силой подчеркивает заслуги «великого русского ученого и критика» Н. Г. Чернышевского, который в своих «Очерках из политической экономии (по Миллю)», как указывает Маркс, «мастерски показал» банкротство буржуазной политической экономии (там же, стр. 17—18).

Чернышевский писал свой критический разбор книги Джона Стюарта Милля «Principles of Political Economy» в 1860—1861 годах, т. е. почти в то самое время, когда Маркс работал над своими «Теориями прибавочной стоимости».

Через все экономические произведения Чернышевского проходит мысль о необходимости создания новой политической экономии, которую он в противоположность прежней политической экономии, характеризуемой им как «теория капиталистов», со всей определенностью называет «теорией трудящихся».

Создать новую, подлинно научную политическую экономию, означающую коренной революционный переворот в экономической науке, мог только вождь и учитель революционного пролетариата — Карл Маркс. И только Маркс, строя на принципиально новых началах грандиозное здание «Капитала», мог создать ту научную историю буржуазной политической экономии, которая дана в историко-критической части его гениального труда — в «Теориях прибавочной стоимости».

* * *

Как известно, Маркс не успел обработать рукопись «Теорий прибавочной стоимости» для печати. После его смерти эта рукопись, как и все остальное его рукописное наследие, перешла в руки его верного друга и великого соратника — Ф. Энгельса. С этого момента Энгельс важнейшим делом своей жизни считал обработку для печати и издание оставшихся после Маркса рукописных трудов и в первую очередь — не завершенных Марксом трех последних книг «Капитала».

Первые упоминания Энгельса о рукописи «Теорий прибавочной стоимости» встречаются в его письмах к Лауре Лафарг

от 22 мая 1883 года и к Каутскому от 16 февраля и 24 марта 1884 года. В последнем из этих писем Энгельс сообщает о достигнутой им договоренности с издателем «Капитала» Мейснером относительно той последовательности, в которой будут выходить вторая и третья книги «Капитала» и — как заключительная часть всего труда — «Теории прибавочной стоимости».

Более подробно об этой заключительной части «Капитала» Энгельс говорит в письме к Бернштейну, написанном в августе 1884 года. Здесь мы читаем: «...«*История теории»,* между нами, тоже в основном написана. В рукописи «К критике политической экономии» ... имеется, как я, кажется, тебе здесь уже показывал, около 500 страниц в четвертую долю листа, посвященных «теориям прибавочной стоимости», где, правда, очень многое придется вычеркнуть, потому что впоследствии это было переработано по-иному, но останется все же еще достаточно».

Наиболее подробные сведения о рукописи «Теорий прибавочной стоимости» и о том, в каком виде Энгельс предполагал издать ее, даются в предисловии Энгельса ко II тому «Капитала» (предисловие это помечено 5 мая 1885 года). Указав, что «Теории прибавочной стоимости» составляют главную часть большой рукописи «К критике политической экономии», написанной в 1861—1863 годах, Энгельс продолжает: «Этот отдел содержит подробную критическую историю центрального пункта политической экономии, теории прибавочной стоимости, и, кроме того, в форме полемики с предшественниками, здесь излагается большая часть тех пунктов, которые впоследствии исследованы специально и в логической связи в рукописи, относящейся к книгам II и III. Я оставляю за собой право опубликовать критическую часть этой рукописи в виде книги IV «Капитала», причем из нее будут устранены многочисленные места, уже исчерпанные в книгах II и III. Как ни драгоценна эта рукопись, тем не менее для настоящего издания книги II ее не пришлось использовать» (см. настоящее издание, т. 24, стр. 4, 7).

В своих письмах конца 80-х и начала 90-х годов Энгельс несколько раз упоминает о своем намерении — после издания III тома «Капитала» приступить к подготовке IV тома, «Теорий прибавочной стоимости». При этом он уже гораздо менее категорически высказывается по вопросу об устранении теоретических экскурсов, содержащихся в рукописи «Теорий».

Последнее по времени упоминание Энгельса о рукописи «Теорий прибавочной стоимости» находится в письме Энгельса

к Стефану Бауэру от 10 апреля 1895 года. Как видно из этого письма, Энгельс еще в 1895 году предполагал, что ему удастся выпустить в свет это произведение Маркса. Но подготовить к печати заключительный том «Капитала» Энгельс не успел: он умер спустя неполные четыре месяца после того, как было написано это письмо. Энгельс успел только исправить в рукописи «Теорий прибавочной стоимости» несколько бросившихся ему в глаза описок автора.

Из приведенных высказываний Энгельса явствует, что он придавал рукописи «Теорий прибавочной стоимости» очень большое значение и рассматривал ее как IV книгу — или IV том — «Капитала». Но из этих высказываний видно также, что в 1884—1885 годах Энгельс намеревался устранить из текста этой рукописи «многочисленные места, уже исчерпанные в книгах II и III».

В связи с этим, естественно, возникает вопрос: как быть с указанным намерением Энгельса?

Устранить из рукописи «Теорий прибавочной стоимости» целый ряд мест имел право только Энгельс, великий соратник и сподвижник Маркса, являющийся в известном смысле соавтором «Капитала». Для того чтобы части рукописи, оставшиеся после устранения этих мест, не оказались не связанными друг с другом фрагментами, их пришлось бы в значительной мере переработать и связать между собой специально написанными вставками. А на такого рода переработку текста Маркса имел право опять-таки только Энгельс.

Существует и еще одно основание в пользу сохранения в тексте «Теорий прибавочной стоимости» упомянутых «многочисленных мест». Намерение Энгельса устранить эти места было лишь его первоначальным намерением, возникшим у него до того, как он приступил к более детальному изучению рукописи «Теорий прибавочной стоимости». А мы знаем из предисловия Энгельса к III тому «Капитала», что в ходе непосредственной работы по подготовке рукописей Маркса к печати Энгельс иногда пересматривал свои первоначальные намерения и предположения. Так, V отдел III тома «Капитала» Энгельс первоначально хотел дать в своей собственной переработке, поскольку в рукописи Маркса этот отдел остался в недоработанном виде. Энгельс сообщает в своем предисловии, что он по меньшей мере три раза делал попытку коренным образом переработать данный отдел, но в конце концов отказался от этого намерения и решил ограничиться «упорядочением того, что имелось, сделав лишь самые необходимые дополнения» (см. настоящее издание, т. 25, ч. I, стр. 9). По аналогии с этим

можно предположить, что если бы Энгельс вплотную приступил к непосредственной подготовке для печати рукописи «Теорий прибавочной стоимости», то он сохранил бы содержащиеся в рукописи теоретические экскурсы. Это предположение тем более правдоподобно, что среди этих экскурсов имеются такие, в которых даны очень важные теоретические исследования Маркса, существенно дополняющие то, что изложено, например, в III томе «Капитала» — в особенности по разделу о земельной ренте.

Теоретические исследования, входящие в состав рукописи «Теорий прибавочной стоимости», получили весьма высокую оценку В. И. Ленина. В своих произведениях В. И. Ленин много раз обращается к «Теориям прибавочной стоимости» и при этом одинаково высоко ставит как историко-критическое, так и чисто теоретическое содержание этого труда Маркса. Особенно высоко В. И. Ленин оценивает те разделы «Теорий прибавочной стоимости», в которых Маркс развивает свои собственные воззрения на природу земельной ренты (см. В. И. Ленин. Соч., 4 изд., т. 5, стр. 110; т. 13, стр. 161, 249, 271, 273). В. И. Ленин указывает на «замечательные разъяснения Маркса в «Теориях прибавочной стоимости», где особенно наглядно показано и революционное в буржуазно-демократическом смысле значение национализации земли» (т. 28, стр. 289; см. также т. 13, стр. 274, 292—293; т. 15, стр. 148; т. 16, стр. 104 — и др.). В. И. Ленин приводит из «Теорий прибавочной стоимости» основные положения Маркса об абсолютной земельной ренте и констатирует, что они подтверждают правильность той трактовки этой проблемы, которая за несколько лет до опубликования «Теорий» была дана в работе Ленина «Аграрный вопрос и «критики Маркса»» (см. т. 5, стр. 110).

* * *

Рукопись «Теорий прибавочной стоимости» была впервые издана Каутским в 1905—1910 годах в трех томах, из которых второй был в свою очередь разделен на две части. Благодаря этому изданию замечательный труд Маркса стал известен довольно широкому кругу читателей и был переведен на ряд языков, в том числе и на русский. Однако по своему качеству издание Каутского было во многих отношениях неудовлетворительным, а кое в чем прямо-таки порочным.

Каутский отказался от мысли издать рукопись Маркса в качестве IV тома «Капитала», т. е. так, как это собирался сделать Энгельс и как это вытекало из содержания рукописи и из прямого высказывания Маркса о том, что писать «Капитал»

он начал с исторической части. Каутский объявил, что «Теории прибавочной стоимости» являются не IV томом «Капитала», а произведением «параллельным» «Капиталу», притом таким произведением, в котором якобы отсутствует всякий внутренний план и порядок. Эта глубоко ошибочная установка и стала источником тех произвольных приемов обращения с рукописью Маркса, которые позволил себе в своем издании Каутский. Он не понял своеобразной структуры труда Маркса, не понял того значения, которое имеют в нем сочетание и переплетение историко-критических исследований- с исследованиями самих экономических проблем в их положительном теоретическом аспекте. Поэтому он полностью игнорировал те оглавления Марксова труда, которые Маркс писал на обложках своих тетрадей и которые позволяют лучше понять не только внешнюю, но и внутреннюю последовательность отдельных глав и разделов. Отбросив все это, Каутский произвольно изменил структуру труда Маркса, сделал в нем неоправданные перестановки частей текста, перекроил по-своему первый и особенно второй том своего издания.

У Маркса рукопись «Теорий прибавочной стоимости» начинается кратким общим замечанием о том, что до сих пор все экономисты смешивали прибавочную стоимость с ее особыми формами прибыли и ренты, и небольшой вводной главой о Джемсе Стюарте, который впервые осознал невозможность вывести прибыль из обмена. Эта небольшая глава служит введением к разбору учения физиократов, которые первыми сделали попытку объяснить прибавочную стоимость путем анализа процесса производства. Далее Маркс переходит к исследованию учения Адама Смита, а затем снова возвращается к физиократам и рассматривает ту часть их учения, в которой они показали себя более глубокими исследователями, чем выступивший после них Адам Смит, а именно — знаменитую «Экономическую таблицу» Кенэ. Такая последовательность первых глав «Теорий прибавочной стоимости» соответствует противоречивому, зигзагообразному ходу развития буржуазной политической экономии, где шаг вперед в понимании одних вопросов сопровождался иной раз шагом назад в трактовке других проблем.

Каутский грубо нарушил эту последовательность глав, данную Марксом. В самом начале своего издания он поместил четыре небольших отрывка, взятых из последних тетрадей рукописи 1861—1863 годов, перемешал связное изложение, даваемое Марксом в тетрадях VI—XVIII, с дополнительными набросками из тетрадей XX—XXIII, изъял из основного

текста теоретические исследования Маркса, непосредственно связанные с критическим разбором воззрений Смита и Кенэ, и поместил их отдельно в виде особых приложений, оторвав их от историко-критического исследования Маркса.

Еще более бесцеремонно Каутский перетасовал текст во втором томе своего издания. Этот том был произвольно разбит Каутским на две отдельные книги, причем глава «Рикардовская теория прибыли», которая в рукописи Маркса содержит стройную и строго последовательную критику взглядов Рикардо на среднюю норму прибыли и на причины ее понижения, у Каутского была разорвана на две половины, помещенные в разных полутомах и отделенные друг от друга 350 страницами текста. Маркс показывает, что ошибки Рикардо в теории ренты наложили глубокую печать на рикардовское учение о прибыли. Поэтому не случайно в рукописи Маркса анализ рикардовской теории ренты предшествует главе «Рикардовская теория прибыли». Каутский этого не понял и произвольно перекроил текст, пытаясь подчинить его тому порядку изложения, который был применен Марксом в III томе «Капитала», где дается не историко-критическое исследование воззрений Рикардо, а систематическое изложение теории самого Маркса.

Расчленение текста рукописи на главы и параграфы в ряде случаев произведено Каутским без достаточного внимания к ходу рассуждений Маркса. Редакционные заголовки часто ограничиваются простым перечислением имен или же носят совершенно общий, абстрактный характер и не дают никакого указания на то, в какой связи рассматривается та или иная проблема, за что критикует Маркс того или другого экономиста, какие ошибки Маркс вскрывает в той или иной концепции. Иногда Каутский дает такие заголовки, которые могут вызвать у читателя совершенно неправильное представление, будто у таких буржуазных экономистов, как Ричард Джонс, уже имелись отдельные элементы марксистской политической экономии. А в своих предисловиях к томам «Теорий» Каутский вообще смазывает принципиальную разницу между буржуазной и марксистской политической экономией, не говоря ни слова о том великом революционном перевороте, который Маркс совершил в экономической науке и для понимания которого как раз это произведение Маркса дает так много наглядного, конкретного материала.

В издании Каутского очень много ничем не оправданных купюр, как небольших по размеру, так и довольно крупных. В общей сложности Каутский исключил из текста не менее 5—6 печатных листов. Некоторые из опущенных Каутским

мест имеют особо важное значение. В качестве примеров можно привести тот отрывок из главы о Рамсее, где Маркс говорит о неизбежном ухудшении положения рабочего класса по мере накопления капитала (стр. 1098 рукописи Маркса), и то место из главы о Шербюлье, где речь идет об абсолютном уменьшении переменного капитала в более развитых отраслях капиталистического производства (стр. 1112—1113 рукописи Маркса).

Расшифровка рукописи Маркса произведена Каутским в целом ряде случаев в высшей степени небрежно. А это тем более непростительно для Каутского, что он в свое время пользовался советами и указаниями Энгельса, учившего Каутского, как разбирать трудно читаемый почерк Маркса. Даже в тех местах, где рукопись Маркса написана достаточно разборчиво, Каутский по небрежности допускал грубые ошибки и искажения при воспроизведении того, что написано у Маркса. Примером может служить грубая ошибка в расшифровке слова «Prozess» в главе о рикардовской теории накопления (стр. 703 рукописи Маркса). У Маркса сказано: «... При рассмотрении всего процесса в целом ясно, что производители жизненных средств не могут купить, для возмещения своего постоянного капитала, машины или сырье, если производители элементов, служащих для возмещения постоянного капитала, не купят у них произведенных ими жизненных средств, если, следовательно, этот процесс обращения не представляет собой по существу обмен между жизненными средствами и постоянным капиталом». В рукописи здесь ясно написано: «Den allgemeinen Prozess betrachtet...». Каутский слово «Prozess» заменил в своем издании словом «Profit» («прибыль») и этим сделал совершенно непонятной четкую мысль Маркса.

К грубым ошибкам, допущенным Каутским при расшифровке рукописи, надо еще добавить многочисленные неточности в переводе тех мест рукописи, которые написаны на английском и французском языках и которые в издании Каутского были даны в немецком переводе, а также некоторые неправильные редакционные вставки и необоснованные, неверные «исправления» Марксова текста.

В качестве иллюстрации каутскианских «исправлений» можно привести такой пример. В конце главы о рикардовской теории прибыли Маркс, критикуя взгляды Рикардо по вопросу о том влиянии, которое оказывают на среднюю норму прибыли и соответственно на цены производства более высокие, чем в метрополии, прибыли, получаемые от колониальной торговли, пишет: «... Высокие прибыли... приводят к тому, что цены одной части товарной массы поднимаются над стоимостью

этих товаров выше, чем это бывает при низком уровне средней прибыли, тогда как цены другой части товаров опускаются ниже их стоимости в меньшей степени, чем при низких прибылях» (стр. 694 рукописи Маркса). Не поняв, что у Маркса речь здесь идет о влиянии на норму прибыли неэквивалентного обмена между метрополией и колониями, Каутский «исправил» это высказывание Маркса следующим образом: «... Благодаря высоким прибылям цены известной части товаров в большей степени превышают их стоимость, чем в том случае, когда средняя прибыль низка, в то время как цепы другой части товаров упадут еще ниже их стоимостей» («Теории прибавочной стоимости», т. II, ч. 2, 1936, стр. 144). Получилось полное извращение важной мысли Маркса о том, что высокие прибыли, проистекающие из ограбления колоний, повышают среднюю норму прибыли в метрополии и тем самым вызывают там общее повышение цен производства.

Кроме непростительной небрежности при воспроизведении текста рукописи, Каутский позволил себе также произвольную замену одних терминов Маркса другими. Так, термин «Arbeitsbedingungen» («условия труда») Каутский заменил термином «Produktionsmittel» («средства производства»), термин «Arbeitsinstrument» («орудие труда») — термином «Arbeitsmittel» («средство труда»), термины «Kostenpreis» («цена издержек») и «Durchschnittspreis» («средняя цена») — термином «Produktionspreis» («цена производства») и т. д.

* * *

Наличие в издании Каутского столь существенных недостатков и ошибок вызвало необходимость в принципиально новом издании «Теорий прибавочной стоимости», которое и было осуществлено Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в 1954—1961 годах (часть I вышла в 1954 году и была переиздана в 1955 году, часть II появилась в 1957 году, часть III — в начале 1961 года).

В основу нового издания «Теорий прибавочной стоимости» была положена подлинная рукопись Маркса, расшифровка которой была тщательно проверена и во многих случаях существенно уточнена. Для установления состава основного текста, его расположения и расчленения было использовано набросанное самим Марксом оглавление, о котором уже упоминалось выше.

Деление нового издания на три части вызвано, с одной стороны, большим объемом произведения, а с другой стороны —

его содержанием: первая часть трактует, в основном, о дорикардовской политической экономии, вторая часть — о Рикардо, третья — об экономистах послерикардовского периода.

Первая часть «Теорий прибавочной стоимости» содержит главным образом анализ и критику воззрений физиократов и Адама Смита. У физиократов Маркс отмечает две крупные заслуги в истории экономической науки: 1) они первые перенесли вопрос о происхождении прибавочной стоимости из сферы обращения в сферу производства, 2) они первые сделали попытку изобразить весь процесс воспроизводства и обращения капитала в масштабе целой страны. Исследуя экономические воззрения физиократов, Маркс вскрывает свойственную им, как и всем последующим буржуазным экономистам, ограниченность, состоящую в том, что они принимают буржуазные формы производства за вечные, естественные. Он также выявляет их двойственность в понимании прибавочной стоимости, которая выступает у них то как чистый дар природы, то как продукт прибавочного труда земледельца, присваиваемый собственником земли.

Противоречия и двойственность в трактовке важнейших экономических категорий — стоимости, прибавочной стоимости, производительного труда и т. д. — Маркс вскрывает также и в учении Адама Смита, который иногда очень близко подходил к правильным, научным представлениям об источнике стоимости и прибавочной стоимости, хотя и не сумел последовательно провести в своей теории эту научную линию. Подвергая критическому разбору теорию Смита, Маркс с большим мастерством выявляет имевшийся в ней вульгарный элемент, который впоследствии разросся в апологетические теории вульгарных экономистов, эпигонов Смита. В связи с критикой так называемой догмы Смита, сводившего всю стоимость общественного продукта к доходам, Маркс разрабатывает вопрос о воспроизводстве всего общественного капитала и особенно подробно останавливается на проблеме возмещения постоянного капитала. Анализируя взгляды Смита на производительный и непроизводительный труд, Маркс прослеживает также процесс той вульгаризации, которой подверглись эти взгляды у последующих экономистов. При этом Маркс всегда вскрывает не только методологические, но и классовые корни тех или иных концепций.

Во *второй* части «Теорий прибавочной стоимости» центральное место занимает критический анализ системы экономических взглядов Рикардо. Эта система является той кульминационной точкой, выше которой не могла подняться классическая

буржуазная политическая экономия. Рикардо пытался всю буржуазную экономику понять и объяснить на основе трудовой теории стоимости. При этом очень большую роль играла в его воззрениях теория земельной ренты, а одной из основных предпосылок этой теории была у Рикардо ошибочная идея о тождестве стоимости и цены производства, или «цены издержек», как здесь выражается Маркс. Эти особенности системы Рикардо и повели к тому, что свой анализ этой системы Маркс начинает с критики ошибочного отождествления стоимости и цены издержек. А перед этим Маркс дает в виде «отступления» критический разбор теории земельной ренты Родбертуса, сделавшего — правда, неудачную — попытку обосновать существование абсолютной земельной ренты, которую Рикардо отрицал.

Отмечая крупные теоретические заслуги Рикардо, Маркс вместе с тем подчеркивает принципиальные недостатки его метода, неспособность Рикардо связать закон средней нормы прибыли с законом стоимости, наличие вульгарного элемента в его теории прибыли, смешение процесса образования рыночной стоимости внутри какой-нибудь отрасли производства с процессом образования цены издержек, смешение законов прибавочной стоимости с законами прибыли и т. д. Критикуя теоретические ошибки Рикардо и вскрывая классовую ограниченность его воззрений, Маркс тут же развивает свои собственные воззрения на соотношение между стоимостью и ценой производства, на абсолютную и дифференциальную земельную ренту, на образование средней нормы прибыли и причины ее изменения, на процесс накопления капитала и его экономические последствия, на проблему кризисов и т. д.

В *третьей* части «Теорий прибавочной стоимости» рассматривается та критика, которой система Рикардо подверглась как справа — со стороны Мальтуса, представлявшего интересы землевладельческой аристократии и наиболее реакционных элементов буржуазии, — так и слева — со стороны английских утопических социалистов-рикардианцев; прослеживается процесс разложения рикардианской школы; показывается, как с обострением классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией процесс вульгаризации захватывает самые основы политической экономии, ее исходные положения, ее основные категории.

В главе о Мальтусе Маркс показывает нелепость и глубокую реакционность мальтусовской защиты расточительности непроизводительных классов, прославляемой Мальтусом как средство против перепроизводства. В главе о разложении рикардианской школы Маркс вскрывает процесс деградации буржуазной политической экономии, приведший ее к отказу

от всех ценных элементов рикардовской системы, к бесплодной схоластике, к бесстыдной апологетике капиталистического способа производства, ко все более и более вульгарным теориям и концепциям. В главе о социалистах-рикардианцах Маркс отмечает их заслуги в области критики капитализма и в то же время показывает их неспособность преодолеть буржуазные предпосылки рикардовской теории и несостоятельность их попыток построить на ее основах учение о социализме.

Третья часть «Теорий» заканчивается критическим разбором концепций Рамсея, Шербюлье и Ричарда Джонса, у которых Маркс, наряду с вульгарными взглядами на капитал и источник прибыли, отмечает некоторые зародыши представления об исторически преходящем характере капиталистического способа производства, — и большим дополнительным экскурсом «Доход и его источники. Вульгарная политическая экономия», в котором Маркс дает замечательный анализ сущности вульгарной политической экономии в ее отличии от классической буржуазной политической экономии.

Так как в ходе работы Маркса над «Теориями прибавочной стоимости» исследование Маркса, как об этом уже говорилось, вышло далеко за пределы первоначального замысла и Маркс в последних тетрадях рукописи 1861—1863 годов дал ряд дополнительных очерков и заметок об экономистах XVII и XVIII веков, то эти дополнительные очерки и заметки естественным образом вошли в *Приложения к первой части,* образуя позднейшие добавления к основному тексту, писавшемуся вначале в более узком плане. В Приложениях к первой части помещено также теоретическое исследование Маркса о производительном и непроизводительном труде (из XXI тетради рукописи 1861—1863 годов), являющееся весьма важным добавлением к историко-критической главе «Теории о производительном и непроизводительном труде», заметка об апологетической концепции производительности всех профессий (из V тетради рукописи 1861—1863 годов) и Относящиеся к январю 1863 года наброски планов I и III частей «Капитала» (из XVIII тетради той же рукописи).

В *Приложениях ко второй части* даны коротенькие дополнительные заметки Маркса, относящиеся к рассматриваемым во второй части вопросам и написанные Марксом на обложках тетрадей XI, XII и XIII.

В качестве *Приложения к третьей части* дан упомянутый выше большой экскурс «Доход и его источники. Вульгарная политическая экономия», носящий в основном теоретический характер, но имеющий немалое значение также и в историко-

критическом отношении. Его пришлось поместить в виде Приложения потому, что в оглавлении-плане последних глав «Теорий прибавочной стоимости», записанном Марксом на обложке XIV тетради, глава «Ричард Джонс» снабжена пометкой «Конец этой 5-й части», т. е. заключительной, историко-критической части раздела о процессе производства капитала, в качестве которой первоначально писались «Теории прибавочной стоимости». А сразу после этого в указанном оглавлении-плане идут слова «Эпизод: Доход и его источники», к которым в оглавлении XV тетради добавлено: «Вульгарная политическая экономия» (см. настоящий том, часть I, стр. 5). Под «эпизодом» Маркс подразумевал такой экскурс, который представляет собой вставку в основной текст или добавление к нему. Так как характерной чертой вульгарной политической экономии является то, что она цепляется за поверхностную видимость фетишизированных форм дохода и его источников, «эпизод» этот служит завершающим весь том добавлением к историко-критическому исследованию Маркса.

Текст рукописи «Теорий прибавочной стоимости» дается в той последовательности, в которой он содержится в тетрадях Маркса. Отдельные перестановки были сделаны только в тех случаях, где необходимость в них вытекала из указаний самого автора. Так, например, в VII тетради Маркс, трактуя о смитовской концепции производительного труда и упомянув в этой связи о вульгаризаторе взглядов Смита Жермене Гарнье, делает большое отступление, касающееся Джона Стюарта Милля. Оно начинается следующими словами: «Прежде чем разбирать взгляды Гарнье, изложим здесь эпизодически [т. е. в виде экскурса] кое-что о вышецитированном *Милле младшем.* То, что мы имеем в виду здесь сказать, относится собственно к дальнейшему, где речь будет идти о рикардовской теории прибавочной стоимости, а не к данному месту, где мы рассматриваем пока еще А. Смита». В соответствии с этим указанием Маркса и с оглавлением XIV тетради, составленным Марксом позднее, экскурс о Джоне Стюарте Милле перенесен в третью часть «Теорий», в главу о разложении рикардианской школы, где для Джона Стюарта Милля Марксом отведен специальный раздел. Другой пример перестановки: в X тетради имеется небольшая незаконченная глава об английском социалисте Брее (стр. 441—444 рукописи); между тем в составленном позднее (на обложке XIV тетради) оглавлении-плане последних глав «Теорий прибавочной стоимости» раздел «Брей как противник политико-экономов» отнесен Марксом к главе «Противники политико-экономов»; соответственно этому указанию

Маркса страницы 441—444 о Брее и перенесены в главу о противниках политико-экономов.

Расчленение текста на главы и параграфы произведено в соответствии с указаниями Маркса, имеющимися в составленном им оглавлении рукописи и в отдельных местах самой рукописи. В качестве заголовков составных частей рукописи использованы: 1) заголовки из оглавления Маркса, 2) те заголовки из составленных Марксом набросков планов I и III частей «Капитала», которые имеют отношение к тем или иным разделам рукописи «Теорий», 3) те немногочисленные заголовки, которые имеются в самом тексте «Теорий». Однако все это, вместе взятое, составляет только сравнительно небольшую часть всех тех заголовков, которыми необходимо было снабдить разделы и подразделы рукописи. Остальная, большая часть заголовков сформулирована редакцией на основании текста соответствующих частей рукописи с максимальным использованием терминов и формулировок самого Маркса. Заголовки, даваемые редакцией, — как и вообще все то, что принадлежит редакции, — заключены в квадратные скобки, для того чтобы их легко можно было отличить от тех заголовков, которые даны Марксом. В связи с этим те квадратные скобки, которые иногда встречаются в рукописи Маркса, заменены фигурными скобками.

Номера тетрадей рукописи Маркса всюду указаны в квадратных скобках римскими цифрами, номера страниц рукописи — арабскими цифрами. При этом, если текст дается без всяких перестановок, то номер страницы ставится только один раз, в самом начале каждой страницы рукописи. Если же текст печатается не подряд, а с теми или иными перестановками, то номер страницы рукописи (а при переходе к другой тетради — также и номер тетради) ставится как в начале отрывка, так и в конце его.

Немалые трудности при подготовке нового издания представила задача дать точный и в то же время удобочитаемый перевод «Теорий прибавочной стоимости». Дело в том, что текст рукописи во многих местах литературно не отработан. Мысль Маркса нередко выражена в сокращенной и лишь начерно набросанной форме. Потребовалось немало усилий для того, чтобы, не внося никакой отсебятины, найти адекватное выражение для передачи подлинного смысла рукописи. Хотя большая часть рукописи написана Марксом по-немецки, но он часто пользуется для выражения своих мыслей английскими и французскими оборотами, а иной раз и целиком переходит на английский или французский язык. При переводе рукописи

на русский язык все это надо было унифицировать таким образом, чтобы мысль Маркса, выраженная на разных языках, получила однозначное и максимально точное выражение в тексте русского перевода.

В ходе работы над переводом рукописи были выявлены и исправлены всякого рода описки и неточности в цифровых расчетах, в приводимых цитатах и т. д., проверялись фактические данные, ссылки на источники, уточнялась терминология.

Каждая из трех частей нового издания «Теорий прибавочной стоимости» снабжена научно-справочным аппаратом, состоящим из примечаний, указателя цитируемой и упоминаемой литературы, указателя имеющихся русских переводов цитируемых Марксом книг и указателя имен.

По образцу русского издания 1954—1961 годов в Германской Демократической Республике подготовлено и выпущено аналогичное издание «Теорий прибавочной стоимости» на языке оригинала (Берлин, 1956—1962).

* * *

Настоящий том, выпускаемый в трех частях, во всем существенном и основном воспроизводит текст и научно-справочный аппарат отдельного издания «Теорий прибавочной стоимости», вышедшего в 1954—1961 годах. Изменения в тексте, отличающие 26-й том Сочинений от отдельного издания, касаются только некоторых деталей.

Кое-где уточнены редакционные заголовки. В перевод внесены отдельные уточнения и стилистические поправки. Добавлены новые примечания, а некоторые из прежних примечаний переработаны и расширены.

Пополнен указатель цитируемой и упоминаемой литературы. Именной указатель снабжен краткими аннотациями, как это принято в других томах Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса.

В конце третьей части 26-го тома будет дан предметный указатель ко всем трем частям тома.

Институт марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС

К. МАРКС

ТЕОРИИ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

(IV ТОМ «КАПИТАЛА»)

Часть первая (главы I—VII)

[СОДЕРЖАНИЕ РУКОПИСИ «ТЕОРИЙ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ»] [1]

[VI—219b] Содержание VI тетради:

5) Теории прибавочной стоимости[2]

a) Сэр Джемс Стюарт

b) Физиократы

c) А. Смит [VI—219b]

[VII—272b] [Содержание VII тетради]

5) Теории прибавочной стоимости

c) А. Смит (продолжение)

(Исследование того, каким образом возможно, что годовая прибыль и годовая заработная плата покупают произведенные за год товары, которые кроме прибыли и заработной платы содержат еще и постоянный капитал) [VII—272b]

[VIII—331b] [Содержание VIII тетради]

5) Теории прибавочной стоимости

c) А. Смит (окончание)[3] [VIII—331b]

[IX—376b] [Содержание IX тетради]

5) Теории прибавочной стоимости

c) А. Смит. Окончание

d) Неккер [IX—376b]

[X—421c] [Содержание X тетради]

5) Теории прибавочной стоимости

Отступление. Экономическая таблица Кенэ

e) Ленге

f) Брей

g) Господин Родбертус. Отступление. Новая теория земельной ренты [X—421c]

[XI—490a] [Содержание XI тетради]

5) Теории прибавочной стоимости

g) Родбертус

Отступление. Замечания об истории открытия так называемого рикардовского закона

h) Рикардо

Теория цены издержек у Рикардо и А. Смита (Опровержение)
Теория ренты Рикардо
Таблицы дифференциальной ренты с пояснениями [XI-490a]

[XII—580b]. [Содержание XII тетради]

5) Теории прибавочной стоимости

h) Рикардо

Таблица дифференциальной ренты с пояснениями (Рассмотрение влияния изменения стоимости жизненных средств и сырья — следовательно, также и стоимости машин — на органическое строение капитала) Теория ренты Рикардо Теория ренты А. Смита

Рикардовская теория прибавочной стоимости

Рикардовская теория прибыли [XII—580b]

[XIII—670a] [Содержание XIII тетради]

5) Теории прибавочной стоимости и прочее

h) Рикардо

Рикардовская теория прибыли

Рикардовская теория накопления. Критика ее. (Выведение кризисов из основной формы капитала)

Разное у Рикардо. Окончание раздела о Рикардо.

(Джон Бартон)

i) Мальтус [XIII-670a]

[XIV—771a] [Содержание XIV тетради и план последних глав «Теорий прибавочной стоимости»]

5) Теории прибавочной стоимости

i) Мальтус

k) Разложение рикардианской школы (Торренс, Джемс Милль, Прево, полемические сочинения, Мак-Куллох, Уэйкфилд, Стирлинг, Дж. Ст. Милль)

l) Противники политико-экономов[4]

(Брей как противник политико-экономов)[5]

m) Рамсей

n) Шербюлье

o) Ричард Джонс[6]. (Конец этой 5-й части)

Эпизод: Доход и его источники[7] [XIV—771a]

[XV—862a] [Содержание XV тетради]

5) Теории прибавочной стоимости

l) Пролетарские противники на рикардианской основе

2) Рейвнстон. Окончание[8]

3) и 4) Годскин[9]

(Наличное богатство в его отношении к движению производства)

Так называемое накопление [Aufhaufung] как всего лишь явление обращения (запасы и т. д. — резервуары обращения)

(Сложные проценты; основанное на них объяснение уменьшения нормы прибыли)

Вульгарная политическая экономия[10]

(Развитие капитала, приносящего проценты, на основе капиталистического производства)

(Капитал, приносящий проценты, и торговый капитал в их отношении к промышленному капиталу. Более старые формы. Производные формы)

(Ростовщичество. Лютер и т. д.)[11] [XV—862a]

[ОБЩЕЕ ЗАМЕЧАНИЕ]

[VI—220] Все политико-экономы делают ту ошибку, что рассматривают прибавочную стоимость не в чистом виде, не как таковую, а в особых формах прибыли и ренты. Какие теоретические заблуждения с необходимостью должны были отсюда возникнуть, это раскроется полнее в третьей главе, где анализируется та весьма превращенная форма, которую принимает прибавочная стоимость, выступая в виде прибыли[12].

220

5) Theorien über d. Mehrwerth.

[illegible]

Первая страница рукописи К. Маркса «Теории прибавочной стоимости» (начало VI тетради рукописи 1861—1863 годов)

[ГЛАВА ПЕРВАЯ]
СЭР ДЖЕМС СТЮАРТ

[РАЗЛИЧЕНИЕ МЕЖДУ «ПРИБЫЛЬЮ ОТ ОТЧУЖДЕНИЯ» И ПОЛОЖИТЕЛЬНЫМ УВЕЛИЧЕНИЕМ БОГАТСТВА]

До физиократов прибавочная стоимость, — т. е. прибыль, прибавочная стоимость в форме прибыли, — выводилась исключительно из *обмена,* объяснялась продажей товара выше его стоимости. Сэр Джемс Стюарт в целом не вышел за рамки этого ограниченного воззрения; вернее даже будет сказать, что именно Стюарт его научно воспроизвел. Я говорю: «научно» воспроизвел. Дело в том, что Стюарт не разделяет иллюзии, будто прибавочная стоимость, получаемая отдельным капиталистом благодаря продаже товара выше его стоимости, есть созидание нового богатства. Поэтому он проводит различие между *положительной* прибылью и *относительной* прибылью:

«*Положительная прибыль* ни для кого не означает потери; она является результатом *увеличения* труда, усердия или мастерства и вызывает увеличение или возрастание *общественного достояния... Относительная прибыль* означает для кого-то потерю; она отмечает колебание весов богатства между участвующими сторонами, но не предполагает *никакого прибавления к совокупным фондам...* Для понимания *смешанной* прибыли не требуется большого труда: это такая прибыль,.. которая отчасти *относительна,* а отчасти *положительна...* Оба вида могут существовать нераздельно в одной и той же сделке» («Principles of Political Economy», vol. I. The Works of Sir James Steuart etc., ed. by General Sir James Steuart, his son etc. in 6 volumes. London, 1805, стр. 275—276).

Положительная прибыль возникает из «увеличения труда, усердия и мастерства». Стюарт не пытается дать себе отчет в том, *как* она возникает из этого увеличения. Его добавление относительно того, что эта прибыль вызывает увеличение и возрастание *«общественного достояния»,* позволяет, по-видимому, сделать вывод, что Стюарт понимает под этим лишь увеличение массы потребительных стоимостей, обусловленное развитием

производительных сил труда, и что он рассматривает эту положительную прибыль совершенно отдельно от прибыли капиталистов, которая всегда предполагает увеличение меновой стоимости. Такое толкование полностью подтверждается его дальнейшим изложением.

А именно, он говорит:

«В *цене* товаров я рассматриваю две вещи как действительно существующие и *совершенно отличные* одна от другой: *действительную стоимость* товаров и *прибыль от отчуждения [profit upon alienation]»* (стр. 244).

Цена товаров, стало быть, включает в себя два совершенно отличных друг от друга элемента: во-первых, их *действительную стоимость,* во-вторых — *«прибыль от отчуждения»,* прибыль, реализуемую при их отчуждении, при их продаже.

[221] Эта *«прибыль от отчуждения»* возникает, следовательно, из того, что цена товаров превышает их действительную стоимость, другими словами — из того, что товары продаются *выше* их стоимости. Выигрыш для одной стороны здесь всегда означает потерю для другой. Не создается никакого «прибавления к совокупным фондам». Прибыль, — следовало бы сказать, прибавочная стоимость, — относительна и сводится к «колебанию весов богатства между участвующими сторонами». Стюарт сам отклоняет то представление, что таким путем можно объяснить прибавочную стоимость. Его теория о «колебании весов богатства между участвующими сторонами», хотя она ничуть не затрагивает природу и происхождение самой прибавочной стоимости, имеет важное значение при рассмотрении распределения прибавочной стоимости между различными классами и по различным рубрикам, каковы прибыль, процент, рента.

Что Стюарт ограничивает всю прибыль отдельного капиталиста этой «относительной'прибылью», «прибылью от отчуждения», видно из следующего:

«Действительная стоимость», говорит он, определяется в среднем тем «количеством» труда, которое «обыкновенно может выполнить работник данной страны... в течение дня, недели, месяца и т. д.». Во-вторых, «стоимостью средств существования работника и необходимых издержек, как для удовлетворения его личных потребностей, так и... для приобретения инструментов, относящихся к его профессии; все это опять-таки надо брать в среднем»... В-третьих, «стоимостью материалов» (стр. 244—245). «Если известны эти три статьи, то цена продукта определена. Она не может быть меньше суммы всех этих трех статей, т. е. меньше *действительной стоимости. Все, что превышает эту последнюю, есть прибыль фабриканта.* Эта прибыль будет всегда находиться в соответствии со *спросом,* и она поэтому будет изменяться в зависимости от обстоятельств» (цит. соч., стр. 245). «Отсюда возникает необходимость большого спроса для процветания мануфактур... Промышленники сообразуют свои расходы и свой образ жизни с той прибылью, в получении которой они уверены» (цит. соч., стр. 246).

Отсюда ясно: прибыль «фабриканта», отдельного капиталиста, всегда есть «относительная прибыль», всегда есть «прибыль от отчуждения», всегда вытекает из того, что цена товара превышает его действительную стоимость, что *товар продается выше его стоимости.* Следовательно, если бы все товары продавались по своей *стоимости,* то не существовало бы никакой прибыли.

Стюарт написал об этом особую главу, он подробно исследует,

«как прибыли сливаются в одно целое с издержками производства» (цит. соч., том III, стр. 11 и сл.).

Стюарт, с одной стороны, отвергает то представление монетарной и меркантилистской системы, согласно которому продажа товаров выше их стоимости и возникающая отсюда прибыль создают прибавочную стоимость, положительное увеличение богатства*; с другой стороны, он остается приверженцем их взгляда, будто прибыль отдельного капитала есть не что иное, как этот избыток цены над [222] стоимостью — «прибыль от отчуждения», которая, однако, по его мнению, лишь *относительна,* так как выигрышу на одной стороне соответствует потеря на другой и поэтому движение прибыли сводится к «колебанию весов богатства между участвующими сторонами».

В этом отношении Стюарт является, стало быть, *рациональным* выразителем монетарной и меркантилистской системы.

Его заслуга в понимании капитала основывается на том, что он показал, каким образом происходит процесс отделения условий производства, как собственности определенного класса, от рабочей силы[13]. Этому *процессу возникновения* капитала Стюарт уделяет много внимания; правда, он еще не понимает этот процесс прямо как процесс возникновения капитала, но все же видит в нем условие существования крупной промышленности. Стюарт рассматривает этот процесс особенно в земледелии и правильно считает, что только благодаря этому процессу отделения, имевшему место в земледелии, и возникла мануфактурная промышленность как таковая. У А. Смита этот процесс отделения предполагается уже в готовом виде.

(Книга Стюарта [вышла] в Лондоне в *1767* году, книга *Тюрго* [написана] в *1766* году, книга Адама Смита — в *1775* году.)

* Впрочем, даже монетарная система считает, что эта прибыль возникает не внутри страны, а только в обмене с другими странами. Меркантилистская система не видит дальше того, что эта стоимость представлена в деньгах (золоте и серебре) и что прибавочная стоимость находит поэтому свое выражение в торговом балансе, сальдируемом деньгами.

[ГЛАВА ВТОРАЯ]

ФИЗИОКРАТЫ

[1) ПЕРЕНЕСЕНИЕ ВОПРОСА О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ ИЗ СФЕРЫ ОБРАЩЕНИЯ В СФЕРУ ПРОИЗВОДСТВА. ВЗГЛЯД НА ЗЕМЕЛЬНУЮ РЕНТУ КАК НА ЕДИНСТВЕННУЮ ФОРМУ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ]

Существенная заслуга физиократов состоит в том, что они в пределах буржуазного кругозора дали анализ *капитала.* Эта-то заслуга и делает их настоящими отцами современной политической экономии. Прежде всего, они дали анализ различных *вещественных составных частей,* в которых существует и на которые распадается капитал во время процесса труда. Физиократам нельзя ставить в вину то, что ими, как и всеми их преемниками, эти вещественные формы существования капитала —инструменты, сырье и т. д. — рассматриваются как капитал в отрыве от тех общественных условий, в которых они выступают в капиталистическом производстве, короче говоря, рассматриваются в той форме, в какой они являются элементами процесса труда вообще, независимо от его общественной формы. Тем самым физиократы превращают капиталистическую форму производства в какую-то вечную естественную форму производства. Для них буржуазные формы производства с необходимостью принимают вид естественных форм производства. Большой заслугой физиократов было то, что они рассматривали эти формы как физиологические формы общества: как формы, вытекающие из естественной необходимости самого производства и не зависящие от воли, политики и т. д. Это — материальные законы; ошибка состоит здесь лишь в том, что материальный закон одной определенной исторической ступени общества рассматривается как абстрактный закон, одинаково господствующий над всеми формами общества.

Кроме этого анализа вещественных элементов, из которых состоит капитал в пределах процесса труда, физиократы ис-

следуют те формы, которые капитал принимает в обращении (основной капитал, оборотный капитал, хотя термины, употребляемые физиократами, — еще иные), и вообще устанавливают связь между процессом обращения и процессом воспроизводства капитала. К этому следует вернуться в главе об обращении[14].

В обоих этих главных пунктах А. Смит воспринял наследство физиократов. Его заслуга — в этом отношении — ограничивается тем, что он фиксировал абстрактные категории, придав большую устойчивость названиям, которыми он окрестил анализированные физиократами различия.

[223] Как мы видели[15], основой для развития капиталистического производства является вообще то, что *рабочая сила,* в качестве принадлежащего рабочим *товара,* противостоит условиям труда, как товарам, прочно обособившимся в виде капитала и существующим независимо от рабочих. Определение *стоимости* рабочей силы как товара имеет весьма существенное значение. Эта стоимость равна рабочему времени, которое требуется для создания жизненных средств, необходимых для воспроизводства рабочей силы, или равна цене жизненных средств, необходимых для существования рабочего как рабочего. Только на этой основе возникает различие между *стоимостью* рабочей силы и *той стоимостью, которая создается путем применения* этой рабочей силы, — различие, не существующее ни для какого другого товара, так как потребительная стоимость, а следовательно и потребление, всякого другого товара не может повысить его *меновую стоимость* или те меновые стоимости, которые из него получаются.

Таким образом, в основе современной политической экономии, занимающейся анализом капиталистического производства, лежит взгляд на *стоимость рабочей силы* как на нечто фиксированное, как на данную величину, каковой она практически и является в каждом определенном случае. Поэтому *минимум заработной платы* правомерно образует у физиократов ось их учения. Хотя они еще не познали природы самой стоимости, установление понятия минимума заработной платы было для них возможно потому, что эта *стоимость рабочей силы* выражается в цене необходимых жизненных средств, следовательно в некоторой сумме определенных потребительных стоимостей. Не уяснив себе природы стоимости вообще, они все же оказались в состоянии рассматривать стоимость рабочей силы как определенную величину, поскольку это нужно было для их исследований. Если они, далее, впали в ту ошибку, что рассматривали этот *минимум* как неизменную

величину, всецело определяемую, по их мнению, природой, а не ступенью исторического развития, которая сама есть подверженная изменениям величина, то это нисколько не затрагивает абстрактной правильности их выводов, так как различие между стоимостью рабочей силы и той стоимостью, которая создается путем применения этой рабочей силы, совершенно не зависит от того, какая величина, большая или меньшая, приписывается стоимости рабочей силы.

Физиократы перенесли исследование о происхождении прибавочной стоимости из сферы обращения в сферу непосредственного производства и этим заложили основу для анализа капиталистического производства.

Они совершенно правильно выставляют то фундаментальное положение, что *производителен* только такой труд, который создает *прибавочную стоимость,* т. е. только такой труд, в продукте которого содержится стоимость, превышающая сумму стоимостей, потребленных во время производства этого продукта. А так как стоимость сырья и материалов дана, а стоимость рабочей силы равна минимуму заработной платы, то ясно, что эта прибавочная стоимость может состоять только из избытка труда, отдаваемого рабочим капиталисту сверх того количества труда, которое он получает в виде своей заработной платы. Правда, в такой именно форме прибавочная стоимость еще не выступает у физиократов, так как они еще не свели стоимость вообще к ее простой субстанции: к количеству труда, или рабочему времени.

[224] Способ изложения предмета у физиократов необходимым образом определяется, конечно, их общим взглядом на природу стоимости, которая в их понимании не есть определенный общественный способ существования человеческой деятельности (труда), а состоит из вещества, даваемого землей, природой, и из различных видоизменений этого вещества.

Различие между *стоимостью* рабочей силы и *той стоимостью, которая создается путем применения* этой рабочей силы, — т. е. прибавочная стоимость, которая в результате покупки рабочей силы достается тому, кто ее применяет, — ни в одной *отрасли производства* не выступает так осязательно и бесспорно, как в *земледелии,* этой первичной отрасли производства. Сумма жизненных средств, потребляемых рабочим из года в год, или масса вещества, потребляемая им, меньше той суммы жизненных средств, которую он производит. В промышленности непосредственно не видно вообще ни того, что рабочий производит свои жизненные средства, ни того, что сверх них он производит еще избыток. Процесс здесь опосред-

Страница рукописи К. Маркса «Теории прибавочной стоимости»
с поправкой Ф. Энгельса (в конце страницы)

ствован куплей и продажей, различными актами обращения, и для его понимания необходим анализ стоимости вообще. В земледелии он непосредственно обнаруживается в избытке произведенных потребительных стоимостей над потребительными стоимостями, потребленными рабочим, а потому может быть понят и без анализа стоимости вообще, без ясного уразумения природы стоимости. Следовательно, этот процесс понятен также и в том случае, когда стоимость сводят к потребительной стоимости, а последнюю — к веществу вообще. Поэтому для физиократов земледельческий труд есть единственный *производительный труд,* так как, по их мнению, это единственный труд, *создающий прибавочную стоимость,* а *земельная рента* есть *единственная форма прибавочной стоимости,* известная им. В промышленности, полагают они, работник не увеличивает количества вещества: он лишь изменяет форму последнего. Материал — масса вещества — дается ему земледелием. Он, правда, присоединяет к веществу добавочную стоимость, но не своим трудом, а издержками производства своего труда: теми жизненными средствами, которые он потребляет в течение своей работы и сумма которых равна минимуму заработной платы, получаемому им от земледелия. Так как земледельческий труд рассматривается как единственно производительный труд, то та форма прибавочной стоимости, которая отличает земледельческий труд от промышленного труда, — *земельная рента,* — рассматривается как единственная форма прибавочной стоимости.

Поэтому-то у физиократов и не существует *прибыли* на капитал, прибыли в собственном смысле слова, по отношению к которой сама земельная рента является лишь одним из ее ответвлений. Прибыль представляется физиократам лишь как своего рода более высокая заработная плата, которая выплачивается земельными собственниками и потребляется капиталистами как доход (следовательно, она входит в издержки производства совершенно так же, как минимум заработной платы, получаемый обыкновенными рабочими) и которая увеличивает стоимость сырья потому, что она входит в издержки потребления капиталиста, промышленника, приходящиеся на время производства им продукта, на время превращения им сырья в новый продукт.

Поэтому некоторые физиократы, как, например, Мирабо старший, объявляют прибавочную стоимость в форме *денежного процента —* другое ответвление прибыли — ростовщичеством, противным природе. Тюрго, напротив, выводит правомерность денежного процента из того, что денежный капиталист мог бы купить землю, т. е. земельную ренту, и, следовательно,

его денежный капитал должен доставлять ему столько же прибавочной стоимости, сколько он получал бы, если бы превратил его в земельное владение. Таким образом, согласно этому взгляду, также и денежный процент не есть вновь созданная стоимость, не есть прибавочная стоимость; здесь только объясняется, почему часть полученной земельными собственниками прибавочной стоимости притекает к денежному капиталисту в форме процента, подобно тому как другими причинами [225] объясняется, почему к промышленному капиталисту часть этой прибавочной стоимости притекает в форме прибыли. Так как *земледельческий труд,* по мнению физиократов, есть единственно производительный труд, единственный труд, создающий прибавочную стоимость, то та *форма прибавочной стоимости,* которая отличает земледельческий труд от всех других отраслей труда, *земельная рента,* является для них *всеобщей формой прибавочной стоимости.* Промышленная прибыль и денежный процент являются лишь различными рубриками, по которым земельная рента распределяется и переходит определенными долями из рук земельных собственников в руки других классов. Это совершенно противоположно тому взгляду, которого придерживались, начиная с Адама Смита, позднейшие политико-экономы, ибо эти последние справедливо рассматривают *промышленную прибыль* как ту *форму,* в которой прибавочная стоимость *первоначально* присваивается капиталом, а потому — как первоначальную всеобщую форму прибавочной стоимости, процент же и земельную ренту они трактуют только как ответвления промышленной прибыли, которая распределяется промышленными капиталистами между различными классами, являющимися совладельцами прибавочной стоимости.

Кроме уже приведенного основания, — заключающегося в том, что земледельческий труд есть такой труд, где созидание прибавочной стоимости выступает в материально осязательном виде и обнаруживается помимо процессов обращения, — у физиократов были и другие мотивы, объясняющие их точку зрения.

Во-первых, в земледелии земельная рента выступает как третий элемент, как такая форма прибавочной стоимости, которая в промышленности либо совсем не существует, либо имеет только мимолетное существование. Это была прибавочная стоимость сверх прибавочной стоимости (сверх прибыли), следовательно — наиболее осязательная и наиболее бросающаяся в глаза форма прибавочной стоимости, прибавочная стоимость в квадрате.

«Сельское хозяйство», как говорит доморощенный политико-эконом *Карл Арнд* («Die naturgemasse Volkswirtschaft» etc. Hanau, 1845, стр. 461—462), «создает — в виде земельной ренты — такую стоимость, которая не встречается в промышленности и в торговле: стоимость, остающуюся после возмещения всей выплаченной заработной платы и всей израсходованной прибыли на капитал».

Во-вторых. Если отвлечься от внешней торговли, — что физиократы вполне правильно делали и что они должны были делать для абстрактного рассмотрения буржуазного общества,— то ясно, что количество занятых в обрабатывающей промышленности и т. д. и совершенно оторванных от земледелия рабочих («свободных рук», как называет их Стюарт) определяется тем количеством сельскохозяйственных продуктов, которое производится земледельческими работниками сверх их собственного потребления.

«Ясно, что относительная численность тех людей, которые могут существовать не занимаясь земледельческим трудом, всецело определяется производительностью труда земледельцев» *(R. Jones.* On the Distribution of Wealth. London, 1831, стр. 159—160 (Русский перевод: *Джонс, Ричард.* Экономические сочинения. Соцэкгиз, 1937, стр. 114]).

Таким образом, земледельческий труд составляет естественную основу (см. об этом в одной из предыдущих тетрадей)[16] не только для прибавочного труда в сфере самого земледелия, но и для превращения всех других отраслей труда в самостоятельные отрасли, а следовательно и для создаваемой в них прибавочной стоимости; поэтому ясно, что именно его до тех пор должны были рассматривать как созидателя прибавочной стоимости, пока вообще субстанцией стоимости считался определенный конкретный труд, а не абстрактный труд и его мера, рабочее время.

[226] *В-третьих.* Всякая прибавочная стоимость, не только относительная, но и абсолютная, основывается на некоторой данной производительности труда. Если бы производительность труда достигла только такой степени развития, что рабочего времени одного человека хватало бы лишь для поддержания его собственной жизни, лишь для производства и воспроизводства его собственных жизненных средств, то не было бы никакого прибавочного труда и никакой прибавочной стоимости, не существовало бы вообще никакого различия между стоимостью рабочей силы и той стоимостью, которая создается путем применения этой рабочей силы. Возможность прибавочного труда и прибавочной стоимости обусловливается поэтому некоторой данной производительностью труда, такой производительностью, которая делает рабочую силу способной создавать новую стоимость, превышающую ее собственную стоимость,

производить более того, что необходимо для поддержания процесса существования. При этом, как мы уже видели в пункте *втором,* эта производительность, эта степень производительности, служащая исходной предпосылкой, должна быть налицо прежде всего в земледельческом труде, а потому она кажется *даром природы, производительной силой природы.* Здесь, в земледелии, с самого начала дано в широких размерах содействие сил природы, увеличение рабочей силы [Arbeitskraft] человека путем применения и эксплуатации автоматически действующих сил природы. В промышленности это использование сил природы в крупном масштабе появляется только с развитием крупной промышленности. Базисом для развития капитала является определенная степень развития земледелия, будь то в собственной стране или в чужих странах. Постольку абсолютная прибавочная стоимость совпадает здесь с относительной. (Даже ярый противник физиократов *Бьюкенен* выдвигает это против А. Смита, стараясь доказать, что и возникновению современной городской промышленности предшествовало развитие земледелия.)

В-четвертых. Так как заслугой и отличительным признаком физиократии является то, что она выводит стоимость и прибавочную стоимость не из обращения, а из производства, то она, в противоположность монетарной и меркантилистской системе, начинает по необходимости с той отрасли производства, которую вообще можно мыслить обособленно, независимо от обращения, от обмена, и которая предполагает не обмен между человеком и человеком, а только обмен между человеком и природой.

[2) ПРОТИВОРЕЧИЯ В СИСТЕМЕ ФИЗИОКРАТОВ: ФЕОДАЛЬНЫЙ ОБЛИК СИСТЕМЫ И ЕЕ БУРЖУАЗНАЯ СУЩНОСТЬ; ДВОЙСТВЕННОСТЬ В ТРАКТОВКЕ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ]

Из указанных выше обстоятельств и проистекают противоречия в системе физиократии.

Фактически это — первая система, анализирующая капиталистическое производство и изображающая в виде вечных естественных законов производства те условия, в которых капитал производится и в которых он производит. Но, с другой стороны, она выступает скорее как буржуазное воспроизведение феодальной системы, господства земельной собственности; промышленные же отрасли, в которых капитал раньше всего получает самостоятельное развитие, кажутся ей «непроизводи-

тельными» отраслями труда, всего лишь придатками земледелия. Первым условием развития капитала является отделение земельной собственности от труда, является то, что земля — это первичное условие труда — начинает противостоять свободному работнику как самостоятельная сила, как сила, находящаяся в руках особого класса. Поэтому в физиократической трактовке земельный собственник выступает как настоящий капиталист, т. е. как присвоитель прибавочного труда. Таким образом, феодализм изображается и объясняется здесь sub specie* буржуазного производства, а земледелие трактуется как та отрасль производства, в которой только и имеет место капиталистическое производство, т. е. производство прибавочной стоимости. В то время как феодализм благодаря этому приобретает буржуазный характер, буржуазное общество принимает феодальную видимость.

Эта видимость ввела в заблуждение принадлежавших к дворянству сторонников доктора Кенэ, как, например, патриархального чудака *Мирабо* старшего. У тех представителей [227] физиократической системы, которые видели дальше, особенно у *Тюрго,* эта иллюзия полностью исчезает, и физиократическая система выступает как выражение нового капиталистического общества, пробивающего себе дорогу в рамках феодального общества. Она, следовательно, соответствует буржуазному обществу той эпохи, когда оно вылупляется из феодализма. Исходный пункт поэтому находится во Франции, в стране преимущественно земледельческой, а не в Англии, стране, где преобладает промышленность, торговля и мореплавание. В Англии взор естественно направлен на процесс обращения, на то, что продукт приобретает стоимость, становится товаром лишь как выражение всеобщего общественного труда, как деньги. Поэтому, пока дело идет не о форме стоимости, а о величине стоимости и об увеличении стоимости, здесь прежде всего бросается в глаза *«прибыль от отчуждения»,* т. е. описанная Стюартом относительная прибыль. Но когда речь заходит о том, чтобы показать, что прибавочная стоимость создается в сфере самого производства, то необходимо прежде всего обратиться к той отрасли труда, где она выступает наружу независимо от процесса обращения, т. е. к земледелию. Поэтому инициатива в этом отношении была проявлена в стране, где преобладало земледелие. Родственные физиократам идеи встречаются в фрагментарном виде у предшествовавших им старых писателей, как, например, отчасти в самой Франции

* — под углом зрения. *Ред.*

у Буагильбера. Но только у физиократов эти идеи становятся системой, означающей новый этап в науке.

Земледельческий работник, вынужденный довольствоваться минимумом заработной платы, «самым необходимым», воспроизводит больше этого «самого необходимого», и этот избыток есть земельная рента, *прибавочная стоимость,* которая присваивается собственниками основного условия труда — природы. Поэтому физиократы не говорят: работник работает сверх рабочего времени, необходимого для воспроизводства его рабочей силы, а потому стоимость, которую он создает, превышает стоимость его рабочей силы; или, другими словами, труд, который он отдает, больше того количества труда, которое он получает в форме заработной платы. Но они говорят: сумма потребительных стоимостей, потребляемых им во время производства, меньше той суммы потребительных стоимостей, которую он производит, и таким образом остается избыток потребительных стоимостей. — Если бы он работал только в течение того времени, которое необходимо для воспроизводства его собственной рабочей силы, то никакого избытка не получилось бы. Но физиократы отмечают и фиксируют только то обстоятельство, что производительная сила земли предоставляет работнику возможность в течение его рабочего дня, величина которого предполагается данной, производить больше того, что ему нужно потребить для поддержания своего существования. Таким образом, эта прибавочная стоимость выступает как *дар природы,* при содействии которой определенная масса органического вещества — семена растений, поголовье животных — придает труду способность превращать большее количество неорганического вещества в органическое.

С другой стороны, как нечто само собой разумеющееся предполагается, что земельный собственник противостоит работнику как капиталист. Земельный собственник оплачивает работнику его рабочую силу, которую тот предлагает ему в качестве товара, — а взамен этого не только получает эквивалент, но и присваивает себе весь прирост стоимости, созданный применением этой рабочей силы. При этом обмене предполагается, что вещественное условие труда и сама рабочая сила отчуждены друг от друга. Исходным пунктом берется феодальный земельный собственник, но он выступает как капиталист, выступает просто как товаровладелец, увеличивающий стоимость товаров, обмениваемых им на труд, и получающий обратно не только их эквивалент, но и избыток сверх этого эквивалента, так как он оплачивает рабочую силу лишь как товар. В качестве товаровладельца он противостоит свободному

рабочему. Другими словами, этот земельный собственник является по существу капиталистом. Физиократическая система и в этом отношении права постольку, поскольку отделение работника от земли и от земельной собственности представляет собой основное условие [228] для капиталистического производства и производства капитала.

Отсюда в той же системе следующие противоречия: для нее, впервые пытавшейся объяснить *прибавочную стоимость* присвоением чужого труда, притом присвоением на основе товарного обмена, стоимость вообще не есть форма общественного труда, а прибавочная стоимость не есть прибавочный труд; для нее стоимость — это только потребительная стоимость, только вещество, а прибавочная стоимость — только дар природы, которая возвращает труду вместо данного количества органического вещества большее его количество. С одной стороны, земельная рента, — т. е. действительная экономическая форма земельной собственности, — высвобождена из феодальной оболочки земельной собственности, сведена просто к прибавочной стоимости, к избытку над заработной платой. С другой стороны, эта прибавочная стоимость — снова в феодальном духе — выводится из природы, а не из общества, из отношения к земле, а не из общественных отношений. Сама стоимость сводится всего лишь к потребительной стоимости, следовательно к веществу. Но в то же время в этом веществе физиократов интересует только количественная сторона, избыток произведенных потребительных стоимостей над потребленными, следовательно только количественное отношение потребительных стоимостей друг к другу, только их меновая стоимость, которая в конечном счете сводится к рабочему времени.

Все это — противоречия капиталистического производства того периода, когда оно, высвобождаясь из недр феодального общества, пока еще только дает самому этому феодальному обществу буржуазное толкование, но еще не нашло своей собственной формы; подобно тому как философия сначала вырабатывается в пределах религиозной формы сознания и этим, с одной стороны, уничтожает религию как таковую, а с другой стороны, по своему положительному содержанию сама движется еще только в этой идеализированной, переведенной на язык мыслей религиозной сфере.

Поэтому и в тех выводах, которые делают сами физиократы, кажущееся превознесение земельной собственности переходит в ее экономическое отрицание и в утверждение капиталистического производства. С одной стороны, все налоги переносятся на земельную ренту, или, другими словами, земельная

собственность подвергается частичной конфискации — мера, которую пыталось осуществить законодательство французской революции и к которой, как к завершающему выводу, приходит рикардианская, достигшая вполне развитой формы современная политическая экономия[17]. Так как единственной прибавочной стоимостью считается земельная рента и все налоги взваливаются, исходя из этого, на земельную ренту, то всякое обложение других форм дохода представляет собой только косвенный, а потому экономически вредный, тормозящий производство, путь обложения земельной собственности. Вследствие этого бремя налогов и тем самым всякое государственное вмешательство отстраняется от промышленности, и промышленность таким образом освобождается от какого бы то ни было вмешательства со стороны государства. Совершается это якобы для блага земельной собственности, не в интересах промышленности, а в интересах земельной собственности.

С этим связано: laissez faire, laissez aller*, ничем не стесняемая свободная конкуренция, освобождение промышленности от всякого государственного вмешательства, устранение монополий и т. д. Так как промышленность, по мнению физиократов, ничего не создает, а только превращает в другую форму даваемые ей земледелием стоимости; так как она не присоединяет к этим стоимостям никакой новой стоимости, а только возвращает в другой форме, в виде эквивалента, доставленные ей стоимости, то, естественно, представляется желательным, чтобы этот процесс превращения совершался без помех и обходился как можно дешевле, а это достигается лишь свободной конкуренцией, — достигается тем, что капиталистическое производство предоставляется самому себе. Выходит, что освобождение буржуазного общества от абсолютной монархии, воздвигнутой на развалинах феодального общества, совершается лишь в интересах [229] феодального земельного собственника, превратившегося в капиталиста и стремящегося только к обогащению. Капиталисты являются капиталистами только в интересах земельного собственника, совершенно так же, как в своем дальнейшем развитии политическая экономия заставляет их быть капиталистами лишь в интересах рабочего класса.

Из всего этого видно, как мало понимают физиократов современные экономисты, вроде издателя физиократов господина Эжена Дэра с его удостоенным премии очерком о них, когда считают, что специфические положения физиократов об исклю-

* — требование полной свободы действий (буквально: «предоставьте действовать, предоставьте вещам идти своим ходом»). *Ред.*

чительной производительности земледельческого труда, о земельной ренте как единственной форме прибавочной стоимости, о выдающемся положении земельных собственников в системе производства — не стоят ни в какой связи и лишь случайно сочетаются у физиократов с провозглашением свободы конкуренции, с принципом крупной промышленности, капиталистического производства. Вместе с тем становится понятным, каким образом феодальная видимость этой системы — совершенно так же, как аристократический тон эпохи Просвещения — должна была сделать немалое количество феодальных господ восторженными приверженцами и распространителями такой системы, которая по существу провозглашала буржуазную систему производства на развалинах феодальной.

[3) КЕНЭ О ТРЕХ КЛАССАХ ОБЩЕСТВА. ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ ФИЗИОКРАТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ У ТЮРГО: ЭЛЕМЕНТЫ БОЛЕЕ ГЛУБОКОГО АНАЛИЗА КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ]

Теперь мы просмотрим ряд мест частью для пояснения, частью для доказательства приведенных выше положений.

У самого *Кенэ,* в «Analyse du Tableau economique», нация состоит из трех классов граждан:

«производительный, класс» (работники земледелия), *«класс земельных собственников»* и *«бесплодный класс»* («все граждане, занятые всякими Другими услугами и всякими другими работами, кроме земледелия») («Physiocrates» etc., edition Eugene Daire, Paris, 1846, I partie, стр. 58) [Русский перевод: *Кенэ, Франсуа.* Избранные экономические произведения. М., 1960, стр. 360].

Производительным классом, классом, создающим прибавочную стоимость, являются только работники земледелия, а не земельные собственники. Значение этого класса, класса земельных собственников, который не «бесплоден», так как он является представителем «прибавочной стоимости», вытекает не из того, что он создает эту прибавочную стоимость, а исключительно из того, что он ее присваивает.

У *Тюрго* физиократическая система приняла наиболее развитый вид. Местами у него «чистый дар природы» представлен даже как *прибавочный труд,* а с другой стороны, существующая для рабочего необходимость отдавать то, что превышает потребную для жизни заработную плату, объясняется отделением работника от условий труда, которые противостоят ему как собственность класса, превратившего их в предмет купли-продажи.

Первый довод в пользу того, что производителен один лишь земледельческий труд, состоит в том, что он является естественной основой и предпосылкой для самостоятельного существования всех других видов труда.

«Его» (земледельца) «труд сохраняет среди других видов труда, распределенных между различными членами общества, такое же первенствующее значение,.. какое труд, необходимый для добывания себе пищи, занимал среди различных работ, которые человек до общественного разделения труда должен был выполнять для удовлетворения своих разнообразных потребностей. Это не первенство в смысле почета или достоинства; это первенство, обусловленное *физической необходимостью...* То, что труд земледельца извлекает из земли сверх необходимого для удовлетворения его личных потребностей, образует единственный фонд заработной платы, которую получают все другие члены общества в обмен на свой труд. Эти последние — тем, что они в свою очередь используют получаемую ими при этом обмене плату для покупки продуктов земледельца, — возвращают ему точь-в-точь» (в вещественном выражении) «только то, что они получили. Таково существенное [230] различие между этими двумя видами труда» («Reflexions sur la Formation et la Distribution des Richesses» (1766). *Turgot.* Oeuvres, edition Daire, Tome I, Paris, 1844, стр. 9—10).

Каким же образом возникает прибавочная стоимость? Возникает она не из обращения, но реализуется она в обращении. Продукт продается по своей стоимости, а не *выше* своей стоимости. Нет избытка цены над стоимостью. Но так как продукт продается по своей стоимости, продавец реализует прибавочную стоимость. Это возможно только потому, что сам он не полностью оплатил продаваемую им стоимость, иначе говоря потому, что продукт содержит в себе такую составную часть стоимости, которая не оплачена продавцом, не возмещена эквивалентом. Именно так и обстоит дело с земледельческим трудом. Продавец продает то, чего он не купил. Это некупленное Тюрго сначала изображает как *«чистый дар природы».* Но мы увидим, что этот «чистый дар природы» незаметным образом превращается у него в некупленный земельным собственником, но продаваемый им в земледельческих продуктах, прибавочный труд земледельцев.

«Как только земледелец своим трудом начинает *производить сверх того, что необходимо* для удовлетворения его потребностей, он получает возможность на этот избыток, *предоставляемый ему природой как чистый дар* сверх платы за его труд, покупать труд других членов общества. Эти последние, продавая ему свой труд, зарабатывают себе только на жизнь; земледелец же, кроме своих средств существования, пожинает еще такое богатство, которым он может самостоятельно и свободно распоряжаться, богатство, *которого он не купил, но которое он продает.* Он является, таким образом, единственным источником богатств, оживляющих своим обращением все виды труда в обществе, *так как его труд является единственным трудом, производящим больше того, что составляет оплату труда»* (цит. соч., стр. 11).

В этой первой трактовке схвачена, во-первых, сущность прибавочной стоимости, схвачено именно то, что она есть такая стоимость, которая реализуется при продаже, но за которую продавец не дал никакого эквивалента, т. е. которую он не купил. *Неоплаченная стоимость.* Но, во-вторых, этот избыток над *«платой за труд»* рассматривается как «чистый дар природы», так как вообще даром природы, чем-то таким, что зависит от ее производительности, является то обстоятельство, что работник способен произвести в течение своего рабочего дня больше, чем необходимо для воспроизводства его рабочей силы, больше, чем составляет его заработная плата. Согласно этой первой трактовке, весь продукт присваивается еще самим работником. И весь этот продукт распадается на две части. Первая часть образует заработную плату работника, — он изображается по отношению к самому себе как наемный работник, выплачивающий себе ту часть продукта, которая необходима для воспроизводства его рабочей силы, для поддержания его жизни. Вторая часть, остающаяся сверх этого, есть *дар природы* и образует прибавочную стоимость. Но природа этой прибавочной стоимости, этого «чистого дара природы» обрисовывается более ясно, как только отбрасывается предпосылка о «земледельце-собственнике земли» и две части продукта, заработная плата и прибавочная стоимость, достаются различным классам, одна — наемному работнику, другая — земельному собственнику.

Для того чтобы образовался класс наемных работников, будь то в промышленности, будь то в самом земледелии (первоначально все занятые в промышленности выступают лишь как stipendiēs, как наемные работники у «земледельца-собственника»), — условия труда должны отделиться от рабочей силы, а основой этого отделения служит то, что сама земля выступает как частная собственность одной части общества, так что другая его часть оказывается отстраненной от этого вещественного условия применения своего труда.

«Первоначально земельный собственник не отличался от земледельца... В то далекое время, когда каждый трудолюбивый человек находил столько земли, сколько [231] хотел, ни у кого не могло быть побуждения *работать на другого...* Но в конце концов каждый участок земли нашел себе хозяина, и те, которые не смогли добыть себе земельную собственность, не имели вначале другого выхода, как *обменивать труд своих рук,* осуществляемый в виде занятий *наемного* класса» (т. е. класса ремесленников, короче говоря — всех Неземледельческих работников), «на излишек продуктов земледельца-собственника» (стр. 12). «Земледелец-собственник», имея в своем распоряжении тот «значительный избыток», который земля давала в награду за его труд, мог «оплачивать людей этим избытком, чтобы они обрабатывали его землю; ведь для тех, кто живет на заработную плату,

безразлично, за какой род труда получать ее. *Собственность на землю должна была поэтому отделиться от земледельческого труда, и это вскоре произошло...* Земельные собственники начинают... избавлять себя от труда по обработке земли, взваливая его на наемных земледельцев» (цит. соч., стр. 13).

Тем самым отношение капитала и наемного труда появляется в самом земледелии. Оно появляется лишь с того момента, когда известная масса людей оказывается лишенной собственности на условия труда — и прежде всего на землю — и когда им нечего продавать кроме своего собственного труда.

Теперь для наемного рабочего, который не может уже производить никакого товара, а вынужден продавать самый труд свой, *минимум* заработной платы, эквивалент необходимых жизненных средств, неизбежно становится законом при его обмене с собственником условий труда.

«Простой рабочий, у которого нет ничего кроме рук и умения работать, имеет лишь столько, сколько ему удается получить от продажи своего труда другим... Во всех отраслях труда должен иметь место и действительно имеет место тот факт, что заработная плата рабочего ограничивается тем, что ему безусловно необходимо для поддержания жизни» (пит. соч., стр. 10).

И вот, как только появился наемный труд,

«продукт земли делится на две части: одна из них включает в себя средства существования и прибыль земледельца, вознаграждающие его труд и составляющие то условие, при котором он берет на себя обработку полей собственника; остаток представляет собой ту самостоятельную и свободную часть, которую *земля дает тому, кто ее обрабатывает, в качестве чистого дара,* сверх затраченных им средств и оплаты его труда, и это составляет долю собственника, или доход, на который собственник может жить, не работая, и с которым он может делать, что захочет» (цит. соч., стр. 14).

Однако этот «чистый дар земли» выступает теперь уже определенно как такой подарок, который земля делает «тому, кто ее обрабатывает», т. е. как ее подарок труду, как производительная сила приложенного к земле труда, как такая производительная сила, которой труд обладает вследствие использования производительной силы природы и которую он черпает, таким образом, из земли, но черпает из нее только как труд. В руках собственника земли избыток выступает поэтому уже не как «дар природы», а как присвоение — без эквивалента — чужого труда, который благодаря производительности природы оказывается в состоянии производить средства существования сверх своих собственных потребностей, но который — в силу того, что он есть наемный труд, — вынужден ограничиваться присвоением себе из всего продукта труда только «того, что ему безусловно необходимо для поддержания жизни».

«*Земледелец* производит *свою собственную заработную плату* и, кроме того, доход, служащий для оплаты всего класса ремесленников и других наемных лиц. *Собственник получает все то, что он имеет, только благодаря труду земледельца»* (следовательно, не благодаря «чистому дару природы»); «он получает от земледельца [232] средства существования для себя и то, чем он оплачивает работы других наемных лиц... Земледелец нуждается в собственнике только в силу существующих соглашений и законов» (цит. соч., стр. 15).

Здесь, стало быть, прибавочная стоимость прямо изображается как та часть труда земледельца, которую собственник земли присваивает себе без эквивалента и продукт которой он поэтому продает, не купив его. Однако Тюрго имеет в виду не меновую стоимость как таковую, не само рабочее время, а избыток продуктов, который труд земледельца сверх его собственной заработной платы доставляет земельному собственнику; но этот избыток продуктов является лишь овеществлением того количества времени, в течение которого земледелец работает на собственника бесплатно, сверх того времени, в течение которого он работает для воспроизводства своей заработной платы.

Мы видим, таким образом, что *в пределах земледельческого труда* физиократы правильно понимают прибавочную стоимость, что они рассматривают ее как продукт труда наемного работника, хотя самый труд этот они опять-таки рассматривают в той конкретной форме, в которой он представлен в потребительных стоимостях.

Заметим мимоходом, что капиталистический способ эксплуатации земледелия — «сдачу земель в аренду» — Тюрго считает

«самым выгодным из всех способов, но этот способ применим только в такой стране, которая уже достаточно богата» (цит. соч., стр. 21).

{При рассмотрении прибавочной стоимости необходимо из сферы обращения перейти в сферу производства, т. е. выводить прибавочную стоимость не просто из обмена товара на товар, а из того обмена, который в пределах самого производства происходит между собственниками условий труда и рабочими. Также и они, собственники условий труда и рабочие, противостоят друг другу как товаровладельцы, и поэтому здесь отнюдь не предполагается производство, независимое от обмена.}

{В физиократической системе земельные собственники являются «нанимателями», а рабочие и предприниматели во всех других отраслях производства представляют собой «получателей заработной платы», или «наемных лиц». Отсюда также «управляющие» и «управляемые».}

Тюрго следующим образом анализирует условия труда:

«В любой отрасли труда работник должен заранее иметь орудия труда и достаточное количество материалов, являющихся предметом его труда; затем он должен иметь возможность содержать себя до продажи своих изделий» (цит. соч., стр. 34).

Земля первоначально доставляет даром все эти «авансы», эти условия, при которых только и возможен труд, которые, следовательно, являются *предпосылками* процесса труда:

«Она доставила первый фонд авансов еще до всякой обработки земли» в виде плодов, рыбы, животных и т. п., в виде орудий, — например, сучьев, камней, домашних животных, число которых возрастает благодаря процессу размножения и которые, кроме того, дают ежегодно такие продукты, как «молоко, шерсть, кожа и другие материалы, составившие, вместе с добытыми в лесу деревьями, первоначальный фонд для промышленного производства» (цит. соч., стр. 34).

И вот эти условия труда, эти «авансы» становятся *капиталом,* как только они должны авансироваться рабочему третьим лицом, а это наступает с того момента, когда у рабочего нет ничего кроме самой его рабочей силы.

«С тех пор как для значительной части членов общества *их собственные руки стали единственным источником существования,* те, которые таким образом жили на свою заработную плату, должны были получать *кое-что вперед* как для того, чтобы иметь сырье для переработки, так и для того, чтобы прожить до выплаты им заработной платы» (пит. соч., стр. 37—38).

[233] Тюрго определяет *«капиталы»* как

«накопленные движимые ценности» (цит. соч., стр. 38). Первоначально земельный собственник или земледелец каждый день прямо выдает, например прядильщице льна, заработную плату и материал. С развитием промышленности становится необходимым применять более значительные «авансы» и обеспечивать постоянство этого процесса производства. Это и берут на себя «владельцы капиталов». В цене своих продуктов такой «владелец капитала» должен возместить себе все сделанные им *«авансы»,* а также прибыль, равную той, «какую принесли бы ему его деньги, если бы он употребил их на покупку участка» (земли), и свою «заработную плату», «ибо несомненно, что при одинаковой прибыли он предпочел бы жить, совершенно не трудясь, на доходы с земли, которую мог бы приобрести на тот же капитал» (стр. 38—39).

«Промышленный наемный класс», в свою очередь, подразделяется

«на предпринимателей-капиталистов и простых рабочих» и т. д. (стр. 39).

С «предпринимателями-фермерами» дело обстоит так же, как с этими предпринимателями-капиталистами. Они тоже должны получить обратно все «авансы» и, вместе с тем, прибыль, как в вышеуказанном случае.

«Все это должно быть предварительно вычтено из цены продуктов земли; *избыток* служит земледельцу для уплаты собственнику за разрешение пользоваться его землей, на которой земледелец основывает свое предприятие. Это — арендная плата, доход собственника, *чистый продукт,* ибо все то, что земля производит для возмещения авансов всякого рода и прибылей того, кто делает эти авансы, не может рассматриваться как доход, а должно рассматриваться лишь как *возмещение издержек по возделыванию земли;* ведь если бы земледелец не выручал этих издержек, он не стал бы затрачивать свои средства и свой труд на обработку чужих полей»(цит. соч., стр. 40).

Наконец:

«Хотя капиталы образуются отчасти из тех сбережений, которые делаются из прибылей работающих классов, но так как эти прибыли получаются всегда из земли, ибо все они оплачиваются или из дохода или из издержек производства этого дохода, то очевидно, что и капиталы, совершенно так же, как и доход, проистекают из земли; или, точнее, они являются не чем иным, как накоплением той части производимых землей ценностей, которую владельцы дохода или же те, с кем они делят свой доход, могут ежегодно откладывать, не затрачивая ее на удовлетворение своих потребностей» (стр. 66).

Вполне естественно, что раз земельная рента образует единственную форму прибавочной стоимости, то накопление капитала имеет своим источником одну только земельную ренту. То, что капиталисты накопляют помимо нее, урезывается ими от их «заработной платы» (от их дохода, предназначенного для их потребления, ибо прибыль рассматривается именно как такого рода доход).

Так как прибыль, подобно заработной плате, причисляется к издержкам по обработке земли и только избыток образует доход земельного собственника, то на деле этот последний, несмотря на отводимое ему почетное место, отстраняется от всякого участия в издержках на обработку земли и тем самым перестает быть агентом производства, — совсем как у рикардианцев.

Возникновение физиократии было связано как с оппозицией против кольбертизма, так и, в особенности, со скандальным крахом системы Ло.

[4) СМЕШЕНИЕ СТОИМОСТИ С ВЕЩЕСТВОМ ПРИРОДЫ (ПАОЛЕТТИ)]

[234] Смешение, или, вернее, отождествление стоимости с веществом природы, а также связь этого взгляда со всей системой воззрений физиократов ясно выступают в следующих выдержках из сочинения *Фердинандо Паолетти* «I veri mezzi di render felici le società» (отчасти направлено против Верри,

который в своих «Meditazioni sulla Economia politica» (1771) выступил против физиократов). (Паолетти из Тосканы, указанное сочинение — в XX томе издания Кустоди, Parte Moderna.)

«Такое увеличение количества материи», каким являются «произведения земли», «несомненно не имеет и никогда не сможет иметь места в промышленности, которая дает материи только форму, только видоизменяет ее; поэтому промышленность ничего не создает. Но промышленность, возражают мне, придает материи форму, следовательно она производительна; ибо она представляет собой производство если не материи, то формы. Хорошо, я этого не отрицаю; но *это не создание богатства, а наоборот, не что иное, как расход...* Политическая экономия предполагает и делает предметом своих изысканий физическое и реальное производство, каковое имеет место только в земледелии, потому что одно только земледелие увеличивает количество материальных предметов и продуктов, составляющих богатство... Промышленность покупает у земледелия сырье для того, чтобы его обработать. Промышленный труд, как уже было сказано, дает только форму этому сырью, но ничего к нему не прибавляет и не умножает его» (стр. 196—197). «Дайте повару некоторое количество гороха для приготовления обеда; он сварит его, как следует, и в готовом виде подаст вам на стол, но подаст он то же самое количество, которое получил; напротив, дайте такое же количество гороха огороднику, чтобы он вверил его земле, и он в свое время возвратит вам по меньшей мере вчетверо больше полученного. Это и есть настоящее и единственное производство» (стр. 197). «Вещи приобретают стоимость благодаря потребностям людей. Поэтому стоимость товаров — или увеличение этой стоимости — является следствием не промышленного труда, а расходов работающих» (стр. 198). «Лишь только появится какой-нибудь модный промышленный товар, он быстро распространяется как внутри страны, так и вне ее; и вот *весьма скоро* конкуренция других промышленников и купцов понижает его цену до надлежащего уровня, который... определяется стоимостью сырья и средств существования рабочих» (стр. 204—205).

[5) ЭЛЕМЕНТЫ ФИЗИОКРАТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ У АДАМА СМИТА]

В земледелии раньше, чем во всех других отраслях производства, в крупных размерах применяются для процесса производства силы природы. Применение сил природы в промышленности бросается в глаза только на более высокой ступени развития промышленности. Из нижеследующей цитаты можно видеть, как А. Смит здесь еще отражает предысторию крупной промышленности и поэтому высказывает физиократические взгляды, между тем как Рикардо отвечает ему с точки зрения современной промышленности.

[235] А. Смит в пятой главе второй книги своего труда [Русский перевод: *А. Смит.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.—Л., 1935, том I, стр. 307—308] говорит относительно земельной ренты:

«Она есть произведение природы, которое остается за вычетом или возмещением всего того, что можно считать произведением человека. Она редко составляет меньше четверти всего продукта и часто превышает треть его. Равновеликое количество производительного труда, затраченного в мануфактурах, никогда не может дать столь большой массы вновь созданного продукта. *В мануфактурах природа не делает ничего, все делается человеком;* а полученный продукт всегда должен быть пропорционален силе агентов производства, создающих его».

В ответ на это Рикардо замечает в своих «Началах» (второе издание, 1819 год, примечание на стр. 61—62) [Русский перевод: *Рикардо, Давид.* Сочинения, том I. М., 1955, стр. 72, примечание]:

«Разве природа не делает ничего для человека в промышленности? Разве силы ветра и воды, которые приводят в движение наши машины и корабли, равняются нулю? Разве давление атмосферы и упругость пара, которые делают нас способными заставлять работать самые изумительные машины, не дары природы? Я уже не говорю о действии тепла при размягчении и расплавлении металлов, о действии атмосферы в процессах окрашивания и брожения. Нельзя назвать ни одной отрасли промышленности, в которой природа не оказывала бы помощи человеку, притом помощи щедрой и даровой».

О том, что физиократы рассматривают прибыль лишь как вычет из ренты:

«Физиократы говорят, например, о цене куска кружева, что одна часть ее просто возмещает то, что потребил рабочий, а другая часть только переходит из кармана одного человека» {а именно, земельного собственника} «в карман другого» («An Inquiry into those Principles, respecting the Nature of Demand and the Necessity of Consumption, lately advocated by Mr. Malthus» etc. London, 1821, стр. 96).

Из воззрения физиократов, рассматривающих прибыль (включая процент) лишь как доход, идущий на потребление капиталиста, вытекает также тот взгляд А. Смита и последующих экономистов, что накопление капитала обязано своим происхождением личным лишениям капиталиста, его бережливости и воздержанию. Физиократы могли утверждать это потому, что одна только земельная рента рассматривалась ими как настоящий, экономический, так сказать законный источник накопления.

«Он», т. е. труд земледельца, — говорит Тюрго, — «является единственным трудом, производящим *больше того, что составляет оплату труда» (Тюрго,* цит. соч., стр. 11).

Таким образом, прибыль здесь полностью включена в «оплату труда».

[236] «Земледелец создает сверх этого возмещения» (своей собственной заработной платы) «доход земельного собственника, а ремесленник не создает никакого дохода ни для себя самого, ни для других» (цит. соч., стр. 16).

«Все то, что земля производит для возмещения авансов всякого рода и прибылей того, кто делает эти авансы, *не может рассматриваться как доход,* а должно рассматриваться лишь как *возмещение издержек по возделыванию землю)* (цит. соч., стр. 40).

А. Бланки в «Histoire de l'économie politique», Bruxelles, 1839, стр. 139, говорит о физиократах:

«Они считали, что труд, прилагаемый к обработке земли, производит не только то, что необходимо работнику для его собственного пропитания в течение всего времени работы, но еще и некоторый *избыток стоимости»* (прибавочную стоимость), «который может быть присоединен к массе уже существующего богатства. Они называли этот избыток *чистым продуктом»* .

(Они рассматривают, следовательно, прибавочную стоимость в виде тех потребительных стоимостей, в которых она представлена.)

«Чистый продукт, с их точки зрения, должен был по необходимости принадлежать собственнику земли и составлял в его руках доход, которым он мог полностью располагать. А что было чистым продуктом других отраслей труда?.. Промышленники, торговцы, рабочие— все они рассматривались как служащие, *наемные работники* земледелия, этого верховного созидателя и распределителя всех благ. Согласно системе *экономистов*[18]*,* продукты труда всех этих людей представляли только эквивалент того, что потребили эти люди за время своей работы, так что по окончании последней общая сумма богатств оставалась совершенно такою же, какой была до того, *если только рабочие или хозяева не откладывали,* т. е. *не сберегали чего-нибудь из того, что они имели право потребить.* Таким образом, только труд, приложенный к земле, признавался производящим богатство, а труд в других отраслях производства рассматривался как *бесплодный,* ибо он *не приводит-де ни к какому увеличению общественного капитала».*

{Итак, сущность капиталистического производства физиократы усматривали в производстве прибавочной стоимости. Именно это явление им надлежало объяснить. В этом и состояла проблема, после того как они отвергли «прибыль от отчуждения» меркантилистской системы.

«Чтобы иметь деньги», — говорит *Мерсье де ля Ривьер,* — «их надо купить, и после этой покупки человек не становится богаче, чем был раньше; он только получил деньгами ту же самую стоимость, какую отдал товарами» *(Mercier de la Riviere,* Ordre naturel et essentiel des sociétés politiques, том II, стр. 338).

Это относится как к [237] купле, так и к продаже, а равно и к результату всего метаморфоза товара, т. е. к результату продажи и купли, к обмену различных товаров по их стоимости, т. е. к обмену эквивалентов. Но откуда в таком случае берется прибавочная стоимость, т. е. откуда берется капитал? Такова была проблема, стоявшая перед физиократами. Их ошибка заключалась в том, что *прирост вещества,* который вследствие

естественного произрастания растений и естественного размножения животных отличает земледелие и скотоводство от промышленности, они смешивали с *приростом меновой стоимости.* Для них основой была потребительная стоимость. А потребительной стоимостью всех товаров, сведенной, если воспользоваться термином схоластиков, к универсальной сущности, было для них вещество природы как таковое, увеличение которого в данной его форме имеет место только в сельском хозяйстве.}

Переводчик А. Смита Ж. Гарнье, который сам был физиократом, правильно излагает физиократическую *теорию сбережения* и пр. Прежде всего он говорит нам, что промышленность, — как это меркантилисты утверждали о всяком производстве, — может создавать прибавочную стоимость *только* посредством «прибыли от отчуждения», продавая товары выше их стоимости, так что происходит только новое распределение уже созданных стоимостей, но не присоединение новой стоимости к созданным раньше.

«Труд ремесленников и промышленников, не открывающий никакого нового источника богатства, *может быть прибыльным только при выгодном обмене* и имеет лишь чисто относительную стоимость, — стоимость, которая больше не будет иметь места, если снова не представится случай *выиграть от обмена»* (том V, стр. 266 его перевода А. Смита «Recherches sur la nature et les causes de la richesse des nations», Paris, 1802)[19].

Или же те сбережения, которые они делают, — та стоимость, которую они сохраняют у себя за вычетом расходуемой ими, — должны делаться за счет сокращения их собственного потребления.

«Хотя труд ремесленников и промышленников не может добавить к совокупной массе богатств общества ничего другого кроме сбережений, делаемых наемными рабочими и капиталистами, но путем такого рода сбережений он может способствовать обогащению общества» (там же, стр. 266).

И подробнее:

«Работники земледелия обогащают государство самим продуктом своего труда; напротив, работники промышленности и торговли могут обогащать его *только сбережениями за счет своего собственного потребления.* Это утверждение экономистов является следствием проводимого ими различения между земледельческим трудом и трудом промышленным и представляется столь же бесспорным, как и само это различение. В самом деле, труд ремесленников и промышленников может добавить к стоимости материи только *стоимость* их собственного труда, т. е. стоимость заработных плат и прибылей, которую должен был принести этот труд в соответствии с обычной в данной стране и в данное время нормой заработной платы [238] и прибыли. Эти заработные платы, каковы бы они ни были, малы ли они или велики, составляют вознаграждение за труд; это есть то,

что рабочий по праву может потребить и что он по предположению потребляет; ибо только путем потребления он в состоянии воспользоваться плодами своего труда, а в этом и состоит в действительности все его вознаграждение. Точно так же и прибыли, каковы бы они ни были, малы ли они или велики, рассматриваются как то, что изо дня в день потребляется капиталистом, причем естественно предполагается, что свои наслаждения он соразмеряет с величиной дохода, приносимого ему его капиталом. Итак, если бы рабочий не отказался от некоторой части удобств, на которые он имеет право соответственно обычной норме заработной платы, причитающейся *за его труд;* если бы капиталист не откладывал часть дохода, приносимого ему его капиталом, — то и тот и другой потребили бы к моменту завершения работы всю стоимость, получающуюся от этой работы. Таким образом, по окончании их труда вся масса богатств общества останется такой же, какой была до этого, *если только они не сберегут* часть того, что они имели право потребить и что они могли бы потребить, не рискуя быть обвиненными в расточительстве; в этом случае вся масса богатств общества увеличится *на всю стоимость этих сбережений.* Следовательно, можно с полным правом сказать, что лица, занятые в промышленности и торговле, могут *увеличивать совокупную массу имеющегося в данном обществе богатства только путем личных лишений»* (там же, стр. 263—264).

Гарнье также совершенно правильно нащупывает, что теория А. Смита о накоплении посредством сбережения покоится на этой физиократической основе (А, Смит был сильно заражен физиократией, и нигде он не обнаруживает этого более разительно, чем в своей критике физиократии). Гарнье говорит:

«Наконец, если экономисты утверждали, что промышленность и торговля могут увеличивать национальное богатство только путем лишений, то Смит точно так же говорит, что промышленность работала бы впустую и капитал страны никогда не стал бы больше, если бы экономия не увеличивала его своими сбережениями (книга II, глава 3). Таким образом, Смит полностью согласен с экономистами» и т. д. (там же, стр. 270).

[6) ФИЗИОКРАТЫ КАК СТОРОННИКИ КРУПНОГО КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ]

[239] Как одно из непосредственных исторических обстоятельств, содействовавших распространению физиократии и даже самому возникновению ее, А. Бланки в вышецитированном сочинении приводит следующее:

«От всех ценностей, распустившихся пышным цветом в лихорадочной атмосфере *системы»* (Ло), «не осталось ничего кроме разорения, опустошения и банкротства. *Одна лишь земельная собственность* уцелела в этой буре».

{Потому-то, очевидно, у господина Прудона в «Philosophie de la Misere» земельная собственность и появляется только вслед за кредитом.}

«Ее положение даже улучшилось, так как она, быть может *впервые со* времен феодализма, стала переходить из рук в руки и *дробиться в широком масштабе»* (цит. соч., стр. 138).

А именно:

«Бесчисленные переходы из рук в руки, происходившие под влиянием системы, положили начало дроблению земельной собственности... Земельная собственность впервые вышла из того состояния неподвижности, в котором так долго держала ее феодальная система. Это было поистине пробуждение земельной собственности для земледелия... Она» (земля) «из режима мертвой руки перешла в режим обращения» (стр. 137—138).

Тюрго и выступает — совершенно так же, как *Кенэ* и другие приверженцы этого последнего — за *капиталистическое* производство в земледелии. Так, Тюрго говорит:

«Сдача земель в аренду... Этот последний способ» (земледелие в крупном масштабе, основанное на современной системе аренды) «является самым выгодным из всех способов, но этот способ применим только в такой стране, которая уже достаточно богата» (см. *Тюрго,* цит. соч., стр. 21).

А Кенэ в своих «Maximes generales du gouvernement economique d'un royaume agricole» говорит:

«Земли, предназначенные для выращивания зерновых хлебов, следует, насколько это только возможно, соединять в крупные фермы, эксплуатируемые богатыми земледельцами» (т. е. капиталистами), «потому что в крупных земледельческих предприятиях — по сравнению с мелкими — расходы на содержание и ремонт построек уменьшаются, издержки производства здесь пропорционально гораздо меньше, а чистый продукт гораздо больше» [«Physiocrates», издание Дэра, часть I, стр. 96—97] [Русский перевод, стр. 436].

Вместе с тем Кенэ в указанном месте признаёт, что результаты роста производительности земледельческого труда приходятся на долю «чистого дохода» и, следовательно, в первую очередь достаются земельному собственнику, т. е. владельцу прибавочной стоимости, и что относительное возрастание этой последней проистекает не из земли, а из общественных и тому подобных мероприятий по повышению производительности труда. [240] Ибо он говорит в указанном месте:

«Всякое выгодное» {т. е. выгодное для «чистого продукта»} «сбережение того труда, который может быть выполнен с помощью животных, машин, силы воды и т. п., идет на пользу населению [и государству, потому что более значительный чистый продукт обеспечивает больший заработок для людей, занятых в других профессиях и работах]».

В то же время Мерсье де ля Ривьер (цит. соч., том II, стр. 407) смутно догадывается, что прибавочная стоимость, по крайней мере в промышленности (Тюрго, как упомянуто выше, распространяет это на все отрасли производства), имеет какое-то

отношение к самим промышленным рабочим. В указанном месте он восклицает:

«Умерьте свой восторг, вы слепые поклонники обманчивых продуктов промышленности! Прежде чем восхвалять ее чудеса, откройте глаза и посмотрите, до какой степени бедны или, по крайней мере, стеснены в средствах те самые рабочие, которые владеют искусством превращать двадцать су в стоимость, равную тысяче экю! *Кому же достается это громадное увеличение стоимости? Посмотрите: те, руками которых оно создается, не знают достатка! Относитесь же с опаской к этому контрасту!»*

[7) ПРОТИВОРЕЧИЯ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ ФИЗИОКРАТОВ. ФИЗИОКРАТЫ И ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ]

Противоречия системы экономистов, взятой в целом. В числе сторонников абсолютной монархии был Кенэ.

«Власть должна быть единой... В деле правления система противодействующих друг другу сил гибельна, она лишь свидетельствует о раздоре среди высших и об угнетении низших» (в цитированных выше «Maximes generales» etc. [«Physiocrates», издание Дэра, часть I, стр. 81] [Русский перевод, стр. 432]).

Мерсье де ля Ривьер пишет:

«Уже тем самым, что человеку предназначено жить в обществе, ему предназначено жить под властью деспотизма» («Ordre naturel et essentiel des societes politiques», том I, стр. 281).

А тут еще и «друг народа»[20], маркиз де Мирабо, Мирабо-отец! И как раз эта школа своим laissez faire, laissez aller отвергает кольбертизм и вообще всякое вмешательство правительства в деятельность гражданского общества. Она позволяет государству жить только в порах этого общества, подобно тому как по учению Эпикура боги обитают в порах вселенной! Прославление земельной собственности превращается на практике в требование перенесения налогов исключительно на земельную ренту, а это таит в себе возможность конфискации земельной собственности государством, — совсем как у радикальной части рикардианцев[21]. Французская революция, вопреки возражениям Редерера и других, приняла эту налоговую теорию.

Сам Тюрго — радикальный буржуазный министр, деятельность которого была введением к французской революции. При всем своем мнимофеодальном облике физиократы работают рука об руку с энциклопедистами. [240]

[241] Тюрго пытался предвосхитить мероприятия французской революции. *Февральским* эдиктом *1776 года* он упразднил цехи. (Этот эдикт был отменен через три месяца после его опубликования.) Точно так же Тюрго освободил крестьян от

дорожной повинности и пытался ввести единый налог на земельную ренту[22].

[241] Позже мы еще раз вернемся к крупной заслуге физиократов в деле анализа капитала[23].

Здесь, стало быть, мы имеем пока что следующее. По мнению физиократов, прибавочная стоимость обязана своим происхождением производительности особого вида труда, земледелия. А эта особая производительность обязана своим существованием в общем и целом самой природе.

Согласно меркантилистской системе, прибавочная стоимость только относительна: что выигрывает один, то теряет другой. «Прибыль от отчуждения», или «колебание весов богатства между участвующими сторонами»[*]. Поэтому, если рассматривать совокупный капитал какой-нибудь страны, то внутри страны не происходит в действительности никакого образования прибавочной стоимости. Оно может иметь место только в сношениях одной нации с другими нациями. И тот излишек, который одна нация реализует по отношению к другой, выражается в деньгах (торговый баланс), так как именно деньги представляют собой непосредственную и самостоятельную форму меновой стоимости. В противоположность этому, — ибо меркантилистская система на деле отрицает образование абсолютной прибавочной стоимости, — физиократия желает объяснить последнюю: *«чистый продукт».* А так как внимание физиократов приковано к потребительной стоимости, то земледелие представляется им как *единственный созидатель этого «чистого продукта».*

[8) ВУЛЬГАРИЗАЦИЯ ФИЗИОКРАТИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ У ПРУССКОГО РЕАКЦИОНЕРА ШМАЛЬЦА]

Одного из самых наивных представителей физиократии — как далеко ему до Тюрго! — мы встречаем в лице старого специалиста по выслеживанию демагогов[24], прусского королевского тайного советника Шмальца. Шмальц говорит, например, следующее:

«Если природа платит ему» (земельному собственнику) *«процент вдвое более высокий, чем установленный законом денежный процент,* то на каком разумном основании можно было бы лишить его этого дохода?» («Economie politique», traduit par Henri Jouffroy etc., tome I, Paris, 1826, стр. 90)[25].

Минимум заработной платы формулируется физиократами так, что потребление (или издержки) рабочих равно *получаемой*

[*] См. настоящий том, часть I, стр. 9—11. *Ред.*

ими заработной плате. Или, как господин Шмальц выражает это в общей форме:

«Средняя заработная плата в той или иной профессии равна тому, что в среднем человек данной профессии потребляет за время своей работы» (цит. соч., стр. 120).

[Далее мы читаем у Шмальца:]

«*Земельная рента* является единственным элементом национального дохода; [242] как проценты на вложенный капитал, так и заработная плата за все виды труда лишь переносят из рук в руки продукт этой земельной ренты» (цит. соч., стр. 309—310).

«Богатство нации заключается только в способности почвы ежегодно производить земельную ренту» (цит. соч., стр. 310).

«Если обратиться к самым основам, к первичным элементам *стоимости* всех предметов, каковы бы ни были эти предметы, то придется признать, что эта стоимость есть не что иное, как стоимость простых продуктов природы. Это значит, что хотя труд и придает предметам новую стоимость и таким образом увеличивает их цену, но все-таки эта новая стоимость, или эта увеличенная цена, состоит только из суммы стоимостей всех тех продуктов природы, которые были потреблены рабочим или употреблены им так или иначе для того, чтобы придать данным предметам новую форму» (цит. соч., стр. 313).

«Этот вид труда» (земледелие в собственном смысле слова) «есть единственный, который до известной степени можно назвать производительным, так как только он содействует производству *новых тел...* Труд в обрабатывающей промышленности только придает новую форму телам, произведенным природой» (цит. соч., стр. 15—16).

[9) РАННЯЯ КРИТИКА ФИЗИОКРАТИЧЕСКОГО ПРЕДРАССУДКА В ВОПРОСЕ О ЗЕМЛЕДЕЛИИ (ВЕРРИ)]

Против предрассудка физиократов.

Верри (Пьетро), «Meditazioni sulla Economia politica» (впервые напечатано в 1771 году), XV том издания Кустоди, Parte Moderna.

«Все явления вселенной, созданы ли они рукой человека или же всеобщими законами природы, не дают нам идеи о действительном *сотворении* материи, а дают лишь идею о ее *видоизменении. Соединение* и *разделение* — вот единственные элементы, которые обнаруживает человеческий разум, анализируя идею *производства. Производство стоимости* и *богатства* в одинаковой степени имеет место как в том случае, когда земля, воздух и вода превращаются на поле в пшеницу, так и в том случае, когда под рукой человека клейкие выделения насекомых превращаются в шелковую ткань или когда отдельные кусочки металла соединяются вместе и образуют часовой механизм» (стр. 21—22).

Далее:

Физиократы называют «класс работников промышленности бесплодным потому, что, по их мнению, стоимость промышленных изделий равна сырью плюс средства питания, потребляемые работниками промышленности во время обработки этого сырья» (стр. 25).

[243] Верри, напротив, обращает внимание на постоянную бедность земледельцев в противоположность прогрессирующему обогащению работников промышленности и затем продолжает:

«Это показывает, что промышленник получает в выручаемой им цене не только *возмещение того, что потреблено, но и некоторую сумму сверх этого, и эта сумма представляет собой новое количество стоимости,* созванное в производстве в течение года» (стр. 26). «Произведенная стоимость есть та часть цены земледельческого или промышленного продукта, которая составляет *избыток над первоначальной стоимостью* материалов и необходимых при их обработке издержек потребления. В земледелии подлежат вычету семена и потребление земледельца; в промышленности равным образом вычитаются сырье и потребление работника, и *новой стоимости* создается ежегодно ровно столько, *сколько остается после такого вычета»* (стр. 26—27).

[ГЛАВА ТРЕТЬЯ]

АДАМ СМИТ

[1) ДВА РАЗЛИЧНЫХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТОИМОСТИ У СМИТА: ОПРЕДЕЛЕНИЕ СТОИМОСТИ КОЛИЧЕСТВОМ ЗАТРАЧЕННОГО ТРУДА, СОДЕРЖАЩИМСЯ В ТОВАРЕ, И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЕЕ КОЛИЧЕСТВОМ ЖИВОГО ТРУДА, ПОКУПАЕМЫМ В ОБМЕН НА ЭТОТ ТОВАР]

А. Смит, как и все заслуживающие внимания экономисты, воспринял от физиократов понятие средней заработной платы, получившей у него название «естественной цены заработной платы»:

«Человек всегда должен иметь возможность существовать своим трудом, и его заработная плата должна по меньшей мере быть достаточной для его существования. Она в большинстве случаев должна даже несколько превышать этот уровень, так как иначе рабочему было бы невозможно содержать семью, и раса этих рабочих вымерла бы в первом же поколении» ([перевод Гарнье] том I, книга I, глава 8, стр. 136) [Русский перевод, том I, стр. 63].

А. Смит констатирует с полной определенностью, что развитие производительных сил труда не идет на пользу самому рабочему. Так, мы у него читаем (книга I, глава 8, издание Мак-Куллоха, Лондон, 1828):

«Продукт труда составляет естественное вознаграждение за труд, или его заработную плату. В том первобытном состоянии общества, которое предшествует *возникновению частной собственности на землю* и *накоплению капитала,* весь продукт труда принадлежит работнику. Ему не приходится делиться ни с земельным собственником, ни с хозяином. Если бы такое состояние общества продолжало существовать, то плата за труд *возрастала бы вместе с увеличением производительных сил труда,* порождаемым *разделением труда.* Все предметы должны были бы постепенно становиться более дешевыми».

{Во всяком случае все те предметы, которые для своего воспроизводства требуют меньшего количества труда. Но они не только «должны были бы становиться более дешевыми», а и на самом деле стали дешевле.}

«На производство их требовалось бы все меньшее количество труда; а так как товары, на производство которых затрачено одинаковое количество труда, при таком положении вещей естественно обменивались бы один на другой, то их соответственно можно было бы покупать [244] на продукт меньшего количества труда... Однако такое первобытное состояние общества, при котором работник получает весь продукт своего труда, *не могло сохраниться после возникновения частной собственности на землю и накопления капитала.* Это положение вещей отошло, следовательно, в прошлое задолго до того, как были достигнуты наиболее значительные успехи в увеличении производительных сил труда, и поэтому было бы бесполезно исследовать дальше, какое влияние это положение вещей могло бы оказать на вознаграждение за труд, или на заработную плату» (том I, стр. 107—109) [Русский перевод, том I, стр. 60—61].

Здесь А. Смит очень тонко замечает, что развитие производительной силы труда начинается в действительно крупных размерах только с того момента, когда труд превращен в наемный труд и когда условия труда уже противостоят ему, с одной стороны, в виде земельной собственности, а с другой — в виде капитала. Развитие производительной силы труда начинается, следовательно, только при таких условиях, при которых сам работник уже не может присвоить себе результаты этого развития. Поэтому совершенно бесполезно исследовать, какие последствия это увеличение производительных сил имело бы (или должно было бы иметь) для «заработной платы», — которая здесь равна продукту труда, — при допущении, что продукт труда (или стоимость этого продукта) принадлежит самому работнику.

А. Смит очень сильно заражен физиократическими представлениями, и через его сочинение проходят подчас целые напластования, которые принадлежат физиократам и полностью противоречат взглядам, выдвинутым им самим. Например, в учении о земельной ренте и т. д. Для нашей цели могут быть оставлены совершенно без внимания эти, не характерные для Смита, составные части его труда, в которых он является просто физиократом[26].

В первой части этого сочинения, в связи с анализом товара, я уже показал[27], как А. Смит колеблется между различными определениями меновой стоимости, а именно — между определением стоимости *товаров* количеством необходимого для их производства труда и определением ее тем количеством живого труда, на которое может быть куплен товар, или, что сводится к тому же самому, тем количеством товара, на которое может быть куплено определенное количество живого труда; первое определение у него то смешивается со вторым, то вытесняется этим последним. Во втором из этих определений Смит делает мерой стоимости товаров

меновую стоимость труда, фактически — *заработную плату;* ибо заработная плата равна тому количеству товаров, которое приобретается взамен определенного количества живого труда, или равна тому количеству труда, которое может быть куплено на определенное количество товаров. Но стоимость труда, или, вернее, рабочей силы, как и стоимость всякого другого товара, подвержена изменениям и ничем специфически не отличается от стоимости других товаров. Здесь масштабом стоимости и основанием для ее объяснения объявляется сама стоимость, — получается, следовательно, порочный круг.

Однако из дальнейшего изложения будет видно, что эти колебания и это смешение совершенно разнородных определений не сбивают Смита с пути в его исследованиях о природе и происхождении прибавочной стоимости, потому что всюду, где Смит развивает свои положения, он на деле, даже не сознавая этого, придерживается правильного определения меновой стоимости товаров, а именно определения ее содержащимся в товарах количеством затраченного на них труда, или рабочим временем. [244]

[VII—283a] {На многих примерах можно показать, как часто А. Смит на протяжении своего сочинения, — там, где он объясняет действительные факты, — рассматривает содержащееся в продукте количество труда как стоимость и как фактор, определяющий стоимость. Часть этого материала цитирована у Рикардо[28]. На этом основано все учение Смита о влиянии разделения труда и усовершенствования машин на цену товаров. Здесь достаточно привести одно только место. В 11-й главе первой книги А. Смит говорит об удешевлении в его время многих промышленных товаров по сравнению с предыдущими столетиями, относительно которых он замечает:

«Требовалось гораздо большее количество труда [283b] для изготовления этих предметов, а потому, будучи доставлены на рынок, они должны были продаваться, или поступать в обмен, за цену большего количества труда» ([перевод Гарнье] том II, стр. 156) [Русский перевод, том I, стр. 218—219].} [VII—283b]

[VI—245] А затем, указанное противоречие и переход от одного способа объяснения к другому имеют у А. Смита более глубокую основу. (Рикардо, вскрывая противоречие Смита, не заметил этой более глубокой основы, не дал правильной оценки вскрытому им противоречию, а потому и не разрешил его.) Предположим, что все работники являются товаропроизводителями, что они не только производят свои товары, но и продают их. Стоимость этих товаров определена содержащимся в них необходимым рабочим временем. Следовательно, если

товары продаются по их стоимости, то на товар, являющийся продуктом двенадцатичасового рабочего времени, работник покупает опять-таки двенадцатичасовое рабочее время в форме другого товара, т. е. двенадцатичасовое рабочее время, овеществленное в другой потребительной стоимости. Таким образом, стоимость его труда равна стоимости его товара, т. е. равна продукту двенадцатичасового рабочего времени. Продажа и следующая за ней покупка, одним словом, весь процесс обмена — метаморфоз товара — не вносит никаких изменений в положение дела. Он изменяет только вид той потребительной стоимости, в которой представлено это двенадцатичасовое рабочее время. Стало быть, стоимость труда равна стоимости продукта труда. Во-первых, в товарах, — поскольку обмен их производится в соответствии с их стоимостью, — обмениваются равные количества овеществленного труда. А во-вторых, определенное количество живого труда обменивается на равное количество овеществленного труда, потому что, с одной стороны, живой труд овеществляется в продукте, в товаре, принадлежащем работнику, а с другой стороны, товар этот в свою очередь обменивается на другой товар, в котором содержится равновеликое количество труда. Следовательно, на самом деле определенное количество живого труда обменивается на равновеликое количество овеществленного труда. Таким образом, не только товар обменивается на товар в том соотношении, в каком в них представлены, в овеществленном виде, равные количества рабочего времени, но и известное количество живого труда обменивается на товар, в котором представлено, в овеществленном виде, такое же количество труда.

При таком предположении стоимость труда (количество товара, которое может быть куплено на данное количество труда, или количество труда, которое может быть куплено на данное количество товара) могла бы приобрести значение меры стоимости товара совершенно так же, как и содержащееся в товаре количество труда. Это было бы возможно в силу того, что стоимость труда выражала бы, в овеществленном виде, такое его количество, которое всегда было бы равно количеству живого труда, необходимому для производства этого товара, — иными словами: определенное количество живого рабочего времени всегда получало бы в свое распоряжение такое количество товара, в котором было бы представлено, в овеществленном виде, столько же рабочего времени. Но при всех тех способах производства — особенно же при капиталистическом способе производства, — где вещественные условия труда принадлежат одному классу (или нескольким),

а другому классу, рабочему классу, принадлежит, напротив, одна лишь рабочая сила, имеет место прямо противоположное явление. Продукт труда, или стоимость продукта труда, не принадлежит рабочему. Определенное количество живого труда не получает в свое распоряжение равного ему количества овеществленного труда; другими словами, определенное количество овеществленного в товаре труда получает в свое распоряжение большее количество живого труда, чем то, которое содержится в самом товаре.

Но так как А. Смит совершенно правильно берет за исходную точку товар и обмен товаров и у него поэтому производители первоначально противостоят друг другу только как товаровладельцы — как продавцы товаров и покупатели товаров, — то он обнаруживает (так ему представляется дело), что в обмене между капиталом и наемным трудом, между [246] трудом овеществленным и трудом живым, общий закон тотчас же теряет силу и товары (потому что и труд является товаром, поскольку он покупается и продается) обмениваются уже не в соответствии с представленными в них количествами труда. *Отсюда* он делает вывод, что коль скоро условия труда уже противостоят наемному рабочему в форме земельной собственности и капитала, рабочее время перестает быть имманентной мерой, регулирующей меновую стоимость товаров. Смит скорее должен был бы, — как справедливо заметил по его адресу Рикардо, — сделать тот обратный вывод, что выражения «количество труда» и «стоимость труда» перестали быть тождественными и, следовательно, что относительная стоимость товаров, хотя она регулируется содержащимся в них рабочим временем, не регулируется уже больше стоимостью труда, так как это последнее выражение оставалось правильным лишь до тех пор, пока оно было тождественно с первым. В дальнейшем, в связи с Мальтусом[29], можно будет показать, что даже в том случае, если бы работник присваивал свой собственный продукт, т. е. стоимость своего собственного продукта, само по себе неправильно и нелепо было бы принимать эту стоимость, или стоимость труда, за меру стоимостей в том же смысле, в каком мерой стоимостей и создающим стоимость элементом является рабочее время, или самый труд. Даже и в этом случае труд, покупаемый на какой-нибудь товар, не мог бы иметь значение меры в том же смысле, в каком это значение присуще труду, содержащемуся в данном товаре. Один был бы всего лишь показателем другого.

Как бы то ни было, А. Смит чувствует, что из закона, определяющего обмен товаров, трудно вывести обмен между капиталом и трудом, имеющий, очевидно, своей основой совершенно про-

тивоположные этому закону и противоречащие ему принципы. И противоречие это оставалось необъяснимым, пока капитал противопоставлялся прямо труду, а не рабочей силе. А. Смит хорошо знал, что рабочее время, затрачиваемое на воспроизводство и содержание рабочей силы, весьма отличается от того труда, который может выполнить она сама. По этому вопросу он даже ссылается на сочинение Кантильона «Essai sur la nature du commerce».

«Этот автор», — пишет Смит о Кантильоне, — «добавляет, что труд сильного раба признается имеющим вдвое бо́льшую стоимость, чем расход на его содержание, а труд самого слабого рабочего, как он полагает, не может стоить меньше, чем труд сильного раба» (книга I, глава 8, стр. 137. Перевод *Гарнье,* том I) [Русский перевод, том I, стр. 63].

С другой стороны, удивительно, что А. Смит не понял, как мало общего имеет смутившее его обстоятельство с тем законом, который регулирует обмен одного товара на другой. Обмен товаров *А* и *В* пропорционально содержащемуся в них рабочему времени нисколько не нарушается теми пропорциями, в которых производители этих товаров распределяют между собой продукты *А* и *В,* или, точнее, их стоимость. Если одна часть продукта *А* достается земельному собственнику, другая — капиталисту, третья — рабочему, то, каковы бы ни были получаемые ими доли, это нисколько не меняет того положения вещей, что само *А* обменивается на *В* соответственно своей стоимости. Соотношение рабочего времени, содержащегося в каждом из обоих товаров — *А* и *В,* совершенно не зависит от того, как содержащееся в *А* или *В* рабочее время присваивается различными лицами.

«Когда произойдет обмен сукна на холст, производители сукна будут иметь в холсте точно такие же доли, какие они раньше имели в сукне» («Misère de la philosophie», стр. 29)[30].

Таков и тот довод, который рикардианцы с полным правом выдвигали впоследствии против [247] А. Смита. Точно так же мальтузианец Джон Кейзнов пишет:

«Обмен товаров и их распределение должны рассматриваться отдельно друг от друга... Обстоятельства, оказывающие влияние на одно, не всегда действуют на другое. Например, уменьшение издержек производства одного какого-нибудь товара изменит его отношение ко всем остальным; но оно вовсе не должно обязательно изменить распределение самого этого товара или каким бы то ни было образом повлиять на распределение других товаров. С другой стороны, общее уменьшение стоимости, *одинаково распространяющееся на все* товары, не изменит их соотношения между собой. Оно может отразиться, — но может и не отразиться, — на их распределении» и т. д. (*Джон Кейзнов,* в предисловии к его изданию книги *Мальтуса* «Definitions in Political Economy», London, 1853).

Но так как «распределение» стоимости продукта между капиталистом и рабочим само основывается на обмене товаров— обмене между товарами и рабочей силой, — то это, естественно, вызывает путаницу у А. Смита. То обстоятельство, что А. Смит за меру стоимости принимал еще и стоимость труда, или покупательную силу того или иного товара (или же денег) по отношению к труду, привело к нарушению хода его мысли там, где он дает теорию цен, исследует действие конкуренции на норму прибыли и т. д., лишило вообще его сочинение всякого единства и явилось даже причиной того, что большое количество существенных вопросов выпало из круга его исследования. Однако на *общий* ход его мысли относительно *прибавочной стоимости* это, как мы сейчас увидим, не повлияло, так как Смит здесь всегда придерживается правильного определения стоимости затраченным рабочим временем, содержащимся в различных товарах.

Итак, перейдем теперь к его трактовке вопроса.

Но предварительно следует упомянуть еще об одном обстоятельстве. А. Смит смешивает различные вещи. Во-первых, в пятой главе первой книги он говорит:

«Человек богат или беден в зависимости от того, в какой степени он обладает средствами, чтобы обеспечить себя предметами необходимости, удобства и удовольствия. Но, после того как установилось разделение труда во всех отраслях, человек лишь очень небольшую часть этих предметов в состоянии добывать собственным трудом; значительно большую часть их он должен получать *от труда других людей;* и он будет богат или беден в *зависимости от того, как велико количество того труда, которым он может распоряжаться, или которое он может купить.* Поэтому *стоимость всякого товара* для того, кто, обладая им, имеет в виду *обменять его на другие предметы,* а не использовать его или лично потребить, *равна количеству труда,* которое этот *товар может купить, или получить в свое распоряжение.* Таким образом, труд представляет собой *действительную* меру *меновой стоимости* всех товаров» (том I, стр. 59—60) [Русский перевод, том I, стр. 30].

Далее:

«Они» (товары) «содержат стоимость известного количества труда, которое мы обмениваем на то, что, по нашему предположению, [248] содержит в данное бремя стоимость такого же количества труда... Не золотом или серебром, а только трудом были приобретены первоначально все богатства мира; и стоимость их для того, кто владеет ими и кто хочет обменять их на какие-либо новые продукты, в точности равна количеству труда, которое он в состоянии купить на них, или получить в свое распоряжение» (книга I, глава 5, стр. 60—61) [Русский перевод, том I, стр. 30].

Наконец:

«Как говорит господин Гоббс, *богатство* — это *сила;* но человек, который приобретает или получает по наследству большое состояние,

не обязательно приобретает вместе с ним политическую власть, гражданскую или военную... Та сила, которую немедленно и прямо дает ему это богатство, есть не что иное, как покупательная сила; это — право распоряжаться *всяким трудом другого человека или всяким продуктом этого труда, находящимся на рынке»* (там же, стр. 61) [Русский перевод, том I, стр. 31].

Мы видим, что во всех этих местах Смит смешивает *«труд другого человека»* с *«продуктом этого труда»*. С тех пор как установилось разделение труда, меновая стоимость товара, принадлежащего тому или иному лицу, выражается в тех чужих товарах, которые данное лицо в состоянии купить, т. е. в количестве чужого труда, содержащемся в этих товарах, в количестве овеществленного чужого труда. И это количество чужого труда равняется тому количеству труда, которое содержится в его собственном товаре. Смит заявляет вполне определенно:

«Товары содержат стоимость известного количества труда, которое мы обмениваем на то, что, по нашему предположению, содержит в данное время *стоимость такого же количества труда»*.

Ударение стоит здесь на порожденной *разделением труда* перемене, выражающейся в том, что богатство состоит уже не в продукте собственного труда, а в том количестве чужого труда, которое этот товар получает в свое распоряжение, — в том количестве общественного труда, которое он в состоянии купить и которое определяется количеством труда, содержащимся в нем самом. На самом деле здесь скрывается лишь понятие меновой стоимости — мысль о том, что мой труд только как общественный определяет мое богатство, что оно, следовательно, определяется продуктом моего труда, предоставляющим в мое распоряжение равное количество общественного труда. Мой товар, содержащий определенное количество необходимого рабочего времени, дает мне возможность распоряжаться всяким другим товаром равной стоимости, следовательно равным количеством чужого труда, овеществленного в других потребительных стоимостях. Ударение стоит здесь на вызванном разделением труда и меновой стоимостью приравнивании *моего* труда к *чужому* труду, иными словами, к общественному труду (от Адама ускользает, что и *мой* труд, или труд, содержащийся в моих товарах, определен уже *общественно* и что он существенно изменил свой характер), а отнюдь не на различии между *овеществленным* трудом и *живым* трудом и не на специфических законах их обмена. На самом деле А. Смит говорит здесь только то, что стоимость товаров определена содержащимся в них рабочим временем и что богатство

товаровладельца состоит в том количестве общественного труда, которым он распоряжается.

Однако отождествление *труда* и *продукта труда,* [249] действительно, дает уже здесь первый повод к тому, чтобы определение стоимости товаров содержащимся в них количеством труда было смешано с определением их стоимости тем количеством живого труда, которое может быть куплено на эти товары, т. е. с определением стоимости товаров стоимостью труда. Если А. Смит говорит:

«Богатство человека более велико или менее велико в точном соответствии с величиной этой силы, т. е. с количеством труда других людей, которым он, благодаря своему богатству, может распоряжаться, или, *что то же самое»* (вот оно, это ошибочное отождествление!), «с *продуктом труда других людей,* который он может купить» (там же, стр. 61) [Русский перевод, том I, стр. 31], —

то точно так же он мог бы сказать: богатство человека находится в соответствии с тем количеством общественного труда, которое содержится в его собственных товарах, составляющих его «богатство». Смит это и отмечает:

«Они» (товары) «содержат стоимость известного количества труда, которое мы обмениваем на то, что, по нашему предположению, содержит в данное время стоимость *такого же количества труда».* (Слово *«стоимость»* является здесь лишним и бессмысленным.)

Ложный вывод обнаруживается уже в этой же пятой главе, когда он, например, говорит:

«Таким образом, труд, никогда не изменяясь в своей *собственной стоимости,* является единственной действительной и окончательной мерой, которая во все времена и повсюду может служить для оценки и сравнения стоимости всех товаров» (там же, стр. 66) [Русский перевод, том I. стр. 32—33].

То, что верно по отношению к самому труду, а потому и к его мере, рабочему времени, — тот именно вывод, что стоимость товаров всегда пропорциональна овеществленному в них рабочему времени, как бы ни изменялась *стоимость труда,* — приписывается здесь самой этой изменчивой стоимости труда.

Здесь А. Смит рассматривает пока еще только товарный обмен вообще: природу меновой стоимости, разделения труда, а также природу денег. Участники обмена противостоят еще друг другу только как товаровладельцы. Они покупают чужой труд в форме товара, подобно тому как в форме товара выступает и их собственный труд. Поэтому количество общественного труда, которым они распоряжаются, равно количеству труда, содержащемуся в том товаре, посредством которого они сами покупают. Но когда А. Смит в следующих главах переходит

к обмену между трудом овеществленным и трудом живым, между капиталистом и рабочим, и при этом *подчеркивает,* что теперь стоимость товара определяется уже не тем количеством труда, которое содержится в нем самом, а отличающимся от этой величины количеством чужого живого труда, которое можно посредством этого товара получить в свое распоряжение, т. е. купить, — то это в действительности вовсе не означает, что сами товары обмениваются теперь уже не в соответствии с содержащимся в них рабочим временем. Это означает только то, что *обогащение,* увеличение содержащейся в товаре стоимости и степень этого увеличения зависят от большего или меньшего количества живого труда, приводимого в движение овеществленным трудом. И в таком именно смысле это правильно. Но у Смита здесь остается неясность.

[2) ОБЩАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ У СМИТА. ВЗГЛЯД НА ПРИБЫЛЬ, ЗЕМЕЛЬНУЮ РЕНТУ И ПРОЦЕНТ КАК НА ВЫЧЕТЫ ИЗ ПРОДУКТА ТРУДА РАБОЧЕГО]

[250] В шестой главе первой книги А. Смит переходит от тех отношений, при которых предполагается, что производители противостоят друг другу только как продавцы товаров и товаровладельцы, к отношениям обмена между владельцами условий труда и владельцами одной лишь рабочей силы.

«В том первобытном, неразвитом состоянии общества, которое *предшествует накоплению капиталов и возникновению частной собственности на землю,* единственным основанием, которое могло дать правило для обмена, было, по-видимому, *количество труда, необходимое для приобретения различных предметов обмена...* Вполне естественно, что продукт, на изготовление которого требуется обычно труд двух дней или двух часов, будет иметь вдвое бо́льшую стоимость, чем продукт, на изготовление которого требуется обычно труд одного дня или одного часа» (том I, книга I, глава 6, стр. 94—95. Перевод Гарнье) [Русский перевод, том I, стр. 45].

Итак, рабочее время, необходимое для производства различных товаров, определяет то соотношение, в котором они обмениваются друг на друга, другими словами — их *меновую стоимость.*

«При таком положении вещей весь продукт труда принадлежит работнику, и количество труда, обычно затрачиваемое на приобретение или на производство какого-нибудь товара, представляет собой единственное обстоятельство, определяющее то количество труда, которое обычно может быть куплено, получено в распоряжение или обменено на этот товар» (там же, стр. 96) [Русский перевод, том I, стр. 45].

Следовательно: при такой предпосылке работник является простым продавцом товаров, и один человек распоряжается

трудом другого лишь тогда, когда он на свой товар покупает товар этого другого. Таким образом, он посредством своего товара получает в свое распоряжение лишь такое количество труда другого человека, какое содержится в его собственном товаре, так как оба они обменивают между собой только товары, а меновая стоимость товаров определяется содержащимся в них рабочим временем или количеством труда.

Но,— продолжает Адам:

«Лишь только появляются *запасы, накопленные в руках отдельных лиц,* некоторые из них начинают, естественно, пользоваться этими запасами для того, чтобы дать работу трудолюбивым людям, снабжая их материалами и средствами существования, *в расчете извлечь прибыль из продажи продуктов их труда, или из того, что труд этих рабочих присоединяет к стоимости обрабатываемых материалов»* (там же, стр. 96) [Русский перевод, том I, стр. 46].

До того как перейти к дальнейшему, задержимся несколько на этой цитате. Прежде всего, откуда берутся «трудолюбивые люди», которые не имеют ни средств существования, ни материала для труда, — люди, у которых выбита почва из-под ног? Если освободить выражение Смита от его наивной формы, то смысл его сведется к следующему: капиталистическое производство берет свое начало с того момента, когда условия труда становятся собственностью одного класса, а в распоряжении другого класса остается одна только рабочая сила. Это отделение труда от условий труда и образует предпосылку капиталистического производства.

Но, во-вторых, что имеет в виду А. Смит, утверждая, что «работодатели» применяют рабочих «в расчете *извлечь прибыль из продажи продуктов их труда, или* из того, что труд [251] этих рабочих присоединяет к стоимости обрабатываемых материалов»? Хочет ли он этим сказать, что прибыль возникает из *продажи,* что товар продается *выше* его стоимости, что прибыль, следовательно, есть то, что Стюарт называет «прибылью от отчуждения», являющейся не чем иным, как «колебанием весов богатства между участвующими сторонами»[*]? Вот какой ответ дает он сам:

«При обмене *готового изделия* на деньги *или на труд»* (здесь — источник новой ошибки) «или на другие товары, к оплате цены материалов и заработной платы рабочих *должна быть прибавлена еще некоторая сумма,* составляющая прибыль предпринимателя, рискующего своим капиталом в этом деле» (там же) [Русский перевод, том I, стр. 46].

К этому «риску» нужно будет вернуться в дальнейшем изложении, в главе об апологетических объяснениях прибыли (см.

[*] См. настоящий том, часть I, стр. 9—11. *Ред.*

тетрадь VII, стр. 173)[31]. Возникает ли эта «некоторая сумма, составляющая *прибыль* предпринимателя при обмене готового изделия», из продажи товара выше его стоимости, является ли она стюартовской «прибылью от отчуждения»?

«Поэтому», — непосредственно вслед за этим продолжает Адам, — «та *стоимость, которую рабочие присоединяют к материалу,* распадается *теперь»* (с тех пор как возникло капиталистическое производство) «*на две части, из которых одна оплачивает их заработную плату, а другая оплачивает прибыль предпринимателя на всю сумму капитала, авансированного в виде заработной платы и материала, идущего в обработку»* (там же, стр. 96—97) [Русский перевод, том I, стр. 46].

Итак, Смит заявляет здесь вполне определенно: прибыль, получаемая при продаже «готового изделия», возникает не из *самой продажи,* не из того, что товар продается *выше* его стоимости, — она не есть «прибыль от отчуждения». Дело обстоит как раз наоборот. Стоимость, т. е. количество труда, прибавляемое рабочими к материалу, распадается на две части. Одна часть оплачивает заработную плату рабочих или уже оплачена полученной рабочими заработной платой. Рабочие отдают в виде этой части только такое количество труда, какое они получили в форме заработной платы. Другая часть образует прибыль капиталиста, т. е. она представляет собой определенное количество труда, которое капиталист продает, хотя и не оплатил его. Следовательно, если капиталист продает товар по его стоимости, т. е. по количеству содержащегося в нем рабочего времени, иными словами, если обмен этого товара на другие товары происходит согласно закону стоимости, то прибыль капиталиста проистекает из того, что он, не *оплатив* часть содержащегося в товаре труда, тем не менее *продает* ее. Тем самым А. Смит сам опроверг ту свою мысль, что если рабочему уже не принадлежит весь продукт его труда и он принужден делить этот продукт — или его стоимость — с собственником капитала, то этим устраняется закон, по которому соотношение, в каком обмениваются друг на друга товары, — или их меновая стоимость, — определяется количеством овеществленного в них рабочего времени. Более того, он выводит прибыль капиталиста именно из того, что последний не оплатил часть присоединенного к товару труда, откуда и возникает прибыль, получаемая им при продаже товара. Мы увидим, как в дальнейшем Смит в еще более буквальном смысле выводит прибыль из труда, выполняемого рабочим сверх того количества труда, которым рабочий *оплачивает* — т. е. возмещает эквивалентом — свою заработную плату. Тем самым Смит уловил истинное происхождение прибавочной стоимости. Вместе с тем

он со всей определенностью отметил, что она возникает не из [252] авансированного фонда, стоимость которого, — как бы полезен он ни был в реальном процессе труда, — просто-напросто только вновь появляется в продукте, а возникает исключительно из нового труда, который «рабочие *присоединяют к материалам»* в новом процессе производства, где этот фонд фигурирует в качестве средств труда или орудий труда.

Напротив, неверно (и основано на упомянутом выше смешении) выражение: «при обмене готового изделия на деньги *или на труд* или на другие товары».

Когда капиталист обменивает товар на деньги или на товар, его прибыль возникает из того, что он продает большее количество труда, чем то, которое он оплатил, из того, что капиталист не обменивает определенное количество овеществленного труда на равное количество живого труда. А. Смит поэтому не вправе ставить на одну доску «обмен на деньги или на другие товары» с «обменом готового изделия на труд». Ибо в обмене первого рода прибавочная стоимость возникает из того, что товары обмениваются по их стоимости, по содержащемуся в них рабочему времени, которое, однако, частью *не оплачено.* Здесь предполагается, что капиталист не обменивает определенное количество прошлого труда на равное количество живого труда; что присвоенное им количество живого труда больше, чем количество оплаченного им живого труда. В противном случае заработная плата рабочего равнялась бы стоимости его продукта. Прибыль, получаемая при обмене «готового изделия» на деньги или на товар, — когда они обмениваются по их стоимости, — возникает, таким образом, оттого, что обмен «готового изделия» на живой труд подчиняется другим законам, оттого, что здесь обмениваются не эквиваленты. Следовательно, эти случаи нельзя смешивать.

Таким образом, прибыль есть не что иное, как вычет из той стоимости, которую рабочие присоединили к материалу труда. Но присоединяют они к материалу не что иное, как новое количество труда. Поэтому рабочее время рабочего распадается на две части: одна из них есть та, за которую он получает от капиталиста эквивалент, свою заработную плату; другая—это та, которую он безвозмездно отдает капиталисту и которая образует *прибыль.* А. Смит правильно подчеркивает, что распадается на заработную плату и прибыль только та часть труда (стоимости), которую рабочий вновь присоединяет к материалу; следовательно, вновь созданная прибавочная стоимость сама по себе не имеет ничего общего с той частью капитала, которая затрачена на материалы и инструменты.

После того как А. Смит свел таким образом прибыль к присвоению неоплаченного чужого труда, он непосредственно вслед за этим говорит:

«Но, может быть, скажут, что прибыль на капитал представляет собой лишь другое обозначение для заработной платы за особый вид труда, а именно, за труд по надзору и управлению» (стр. 97) [Русский перевод, том I, стр. 46].

И он опровергает этот ложный взгляд относительно «труда по надзору и управлению». К этому мы еще вернемся в одной из следующих глав[32]. Здесь важно лишь отметить, что А. Смит отчетливо видит и решительно подчеркивает противоположность своего взгляда на происхождение прибыли этому апологетическому взгляду. Подчеркнув эту противоположность, он продолжает:

[253] «При таком положении вещей работнику не всегда принадлежит весь продукт его труда. В большинстве случаев он должен делить продукт труда с *собственником капитала,* который нанимает его. В таком случае количество труда, обычно затрачиваемое на приобретение или на производство какого-либо товара, не является единственным обстоятельством, определяющим то количество труда, которое обычно может быть куплено, получено в распоряжение или обменено на этот товар. Очевидно, что здесь должно причитаться еще *добавочное количество* труда, которое идет на прибыль, получаемую капиталом, авансировавшим заработную плату и доставившим материалы для рабочего» (там же, стр. 99) [Русский перевод, том I, стр. 47].

Это совершенно верно. Если мы берем капиталистическое производство, то овеществленный труд, — представленный в деньгах или в товаре, — всегда покупает сверх количества труда, содержащегося в нем самом, еще «добавочное количество» живого труда, которое «идет на прибыль, получаемую капиталом», но это, другими словами, означает только то, что овеществленный труд безвозмездно присваивает себе часть живого труда, присваивает, не оплачивая его. Превосходство Смита над Рикардо состоит в энергичном подчеркивании того обстоятельства, что этот переворот наступает вместе с возникновением капиталистического производства. Наоборот, Смит уступает Рикардо в том отношении, что никак не может отделаться о г им же самим опровергнутого в ходе исследования взгляда, будто это новое отношение, имеющее место при обмене между овеществленным трудом и живым трудом, вносит изменение в определение относительной стоимости товаров, представляющих по отношению друг к другу лишь материализованный труд, лишь данные количества овеществленного труда.

После того как прибавочная стоимость в одной из ее форм, в форме прибыли, была представлена Смитом как часть труда,

выполняемая рабочим сверх той части труда, которая идет на возмещение его заработной платы, Смит поступает точно так же и с другой формой прибавочной стоимости — с *земельной рентой.* Одним из вещественных условий труда, отнятых у труда и потому противостоящих ему в качестве чужой собственности, является *капитал;* другим является сама *земля,* земля как *земельная собственность.* Поэтому, покончив с *«собственником капитала»,* А. Смит продолжает:

«С тех пор как вся земля в той или иной стране превратилась в частную собственность, земельные собственники, подобно *всем другим людям,* хотят пожинать там, где они не сеяли, и начинают требовать *ренту* даже за естественные плоды земли... Он» (работник) «должен уступать собственнику земли *часть того, что он собирает или производит своим трудом.* Эта часть, или, что то же самое, цена этой части, составляет *земельную ренту...»* (там же, стр. 99—100) [Русский перевод, том I, стр. 47].

Таким образом, подобно промышленной прибыли в собственном смысле, земельная рента представляет собой лишь часть труда, присоединяемого рабочим к материалам, ту часть, которую «*он уступает»,* предоставляет без оплаты собственнику земли; следовательно, она есть только часть прибавочного труда, превышающего ту часть рабочего времени, в течение которой рабочий возмещает свою заработную плату, или доставляет эквивалент содержащегося в этой заработной плате рабочего времени.

Итак, *прибавочную стоимость,* т. е. прибавочный труд, — избыток выполненного и овеществленного в товаре труда *над* оплаченным трудом, следовательно над трудом, получившим свой эквивалент в заработной плате, — А. Смит понимает как *всеобщую категорию,* 1254] по отношению к которой прибыль в собственном смысле слова и земельная рента составляют только ее ответвления. При этом, однако, он прибавочную стоимость как таковую не отделил, в виде особой категории, от тех особенных форм, которые она принимает в прибыли и земельной ренте. Отсюда у него — а еще больше у Рикардо — много ошибок и недостатков в исследовании.

Другая форма проявления прибавочной стоимости — это *процент с капитала,* ссудный процент (процент с денег). Но этот

«процент с денег» (говорит Смит в той же главе) *«всегда* представляет собой *производный доход,* который, — если он выплачивается не из *прибыли,* полученной от применения этих денег, — должен быть выплачен из какого-либо иного источника дохода»

(следовательно, или из земельной ренты или из заработной платы; в последнем случае — при данной средней заработной плате — процент проистекает не из прибавочной стоимости,

а из самой заработной платы, как вычет из нее, что является лишь другой формой прибыли, и в этой форме, как мы — в ходе исследования — увидим дальше, процент встречается при неразвитом капиталистическом производстве)[33],

«если только заемщик не является расточителем, делающим новый долг для уплаты процентов по первоначальному долгу» (там же, стр. 105—106) (Русский перевод, том I, стр. 49].

Таким образом, процент есть или часть *прибыли,* приносимой полученным в ссуду капиталом; в этом случае он является, следовательно, производной формой самой прибыли, ее ответвлением, т. е. лишь дальнейшим распределением между различными лицами прибавочной стоимости, присвоенной в форме прибыли. Или же процент уплачивается из ренты. Тогда имеет место то же самое. Или же, наконец, заемщик уплачивает процент из своего собственного или чужого капитала. В таком случае процент вообще не является прибавочной стоимостью, а только иным распределением уже существующего богатства, «колебанием весов богатства между участвующими сторонами», как это имеет место при «прибыли от отчуждения». За исключением последнего случая, когда процент вообще не является формой прибавочной стоимости (и за исключением того случая, когда он представляет собой вычет из заработной платы, или сам по себе является одной из форм прибыли; об этом последнем случае Адам вовсе не говорит), процент составляет только производную форму прибавочной стоимости, только часть прибыли или ренты (что имеет отношение только к распределению прибыли и ренты); следовательно, также и процент выражает не что иное, как часть неоплаченного прибавочного труда.

«Денежные средства, ссужаемые под проценты, заимодавец всегда *считает* капиталом. Он ожидает, что в установленный срок они будут возвращены ему и что заемщик в течение всего этого времени будет уплачивать ему за пользование ими определенную ежегодную ренту. Заемщик может использовать их или как *капитал* или как *фонд, предназначенный для непосредственного потребления.* Если он использует их как капитал, он употребляет их на содержание производительных рабочих, *которые воспроизводят их стоимость и доставляют прибыль,* В этом случае он может вернуть капитал и уплатить проценты, не отчуждая и не затрагивая никаких других источников дохода. Если он употребляет их для непосредственного потребления, он ведет себя как расточитель, растрачивая на поддержание праздности то, что было предназначено для содержания трудолюбивых людей. В этом случае он уже не в состоянии ни вернуть капитал, ни уплатить проценты, не отчуждая или не затрагивая какого-либо другого источника дохода, как, например, земельной собственности или земельной ренты» (том II, книга II, глава 4, стр. 127, издание Мак-Куллоха) [Русский перевод, том I, стр. 296].

[255] Следовательно, тот, кто занимает деньги — т. е., в данном контексте, занимает капитал, — тот либо сам употребляет их в качестве капитала и получает прибыль с него. В этом случае процент, уплачиваемый им заимодавцу, есть лишь часть прибыли, получившая здесь *особое название.* Либо же он растрачивает взятые в ссуду деньги. Тогда он увеличивает богатство заимодавца, уменьшая свое собственное. Здесь имеет место только иное распределение богатства, которое из рук расточителя переходит в руки ростовщика, но мы не имеем здесь процесса создания прибавочной стоимости. Таким образом, поскольку процент вообще представляет прибавочную стоимость, он является не чем иным, как частью прибыли, которая в свою очередь есть не что иное, как определенная форма прибавочной стоимости, т. е. неоплаченного труда.

Наконец, А. Смит отмечает, что также и все доходы лиц, живущих за счет налогов, либо берутся из заработной платы, т. е. представляют собой вычет из самой заработной платы, либо же имеют своим источником прибыль и земельную ренту, следовательно означают лишь право различных социальных групп на участие в потреблении прибыли и земельной ренты, которые сами являются лишь различными формами прибавочной стоимости.

«Все налоги и всякий основанный на них доход — оклады, пенсии, ежегодные рентные доходы всякого рода — в конечном счете получаются из того или другого из этих трех первичных источников дохода и выплачиваются прямо или косвенно из заработной платы, из прибыли с капитала или из ренты с земли» (перевод Гарнье, книга I, глава 6, стр. 106) [Русский перевод, том I, стр. 49—50].

Следовательно, процент с денег, как и налоги или получаемые из налогов доходы, — поскольку они не являются вычетами из самой заработной платы, — представляют собой только доли участия в прибыли и земельной ренте, а эти последние, в свою очередь, сводятся к прибавочной стоимости, т. е. к неоплаченному рабочему времени.

Такова общая теория прибавочной стоимости у А. Смита.

А. Смит еще раз резюмирует свою концепцию в целом. При этом становится особенно ясным, как мало попыток делает он, чтобы хоть как-нибудь доказать, что стоимость, присоединяемая рабочим к продукту (за вычетом издержек производства — стоимости сырья и орудий труда), уже не определяется-де содержащимся в продукте рабочим временем, так как рабочий не целиком присваивает себе эту стоимость, а вынужден делить эту стоимость — или продукт — с капиталистом и земельным собственником. Тот способ, каким стоимость товара распреде-

ляется между его производителями, нисколько, конечно, не изменяет ни природы этой стоимости, ни стоимостного соотношения между одним товаром и другим.

«Как только земля становится частной собственностью, земельный собственник требует определенную долю почти со всякого продукта, который работник может взрастить на этой земле или собрать с нее. *Его рента составляет первый вычет из продукта того труда, который затрачен на обработку земли.* Только в редких случаях лицо, обрабатывающее землю, имеет средства для содержания себя до сбора урожая. Его содержание обычно авансируется ему из капитала его хозяина, фермера, который нанимает его и у которого не было бы никакого интереса нанимать его, если бы он, фермер, не получал долю продукта труда работника, или если бы его капитал не возмещался ему с некоторой прибылью. *Эта прибыль составляет второй вычет* [256] из *продукта того труда, который затрачен на обработку земли. Такой же вычет для оплаты прибыли* делается из продукта почти всякого другого труда. Во всех ремеслах и мануфактурах большинство работников нуждается в хозяине, который авансировал бы им материалы для их работы, а также заработную плату и средства существования до времени окончания работы. *Этот хозяин получает долю продукта их труда, или долю той стоимости, которую их труд присоединяет к обрабатываемому ими материалу: эта доля и составляет прибыль хозяина»* (издание Мак-Куллоха, том I, книга I, глава 8, стр. 109—110) [Русский перевод, том I, стр. 61].

Итак, А. Смит прямо, без обиняков, называет здесь земельную ренту и прибыль на капитал всего лишь *вычетами* из продукта рабочего или из стоимости его продукта, равной количеству труда, присоединенному им к сырью. Но этот вычет, как раньше доказывал сам А. Смит, может состоять только из той части труда, которую рабочий присоединяет к сырью сверх того количества труда, которое оплачивает только его заработную плату, или доставляет только эквивалент его заработной платы; следовательно, этот вычет состоит из прибавочного труда, из неоплаченной части труда рабочего. (Так что, заметим мимоходом, прибыль и рента, или капитал и земельная собственность, никогда не могут быть *«источником стоимости».*)

[3) РАСПРОСТРАНЕНИЕ СМИТОМ ПОНЯТИЯ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ НА ВСЕ СФЕРЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ТРУДА]

Мы видим, какой большой шаг вперед сделал А. Смит по сравнению с физиократами в анализе прибавочной стоимости, а следовательно и капитала. У физиократов прибавочная стоимость создается только одним определенным видом реального труда — земледельческим трудом. Они рассматривают, таким образом, потребительную стоимость труда, а не рабочее время, не всеобщий общественный труд, этот единственный источник стоимости. Но при этом особом виде труда, действительно,

природа, земля создает прибавочную стоимость в смысле увеличения количества (органической) материи, в смысле избытка произведенного вещества над потребленным. Они рассматривают предмет в еще совершенно ограниченной, и потому искаженной фантастическими представлениями, форме. Напротив, у А. Смита стоимость создается всеобщим общественным трудом, — в каких бы потребительных стоимостях он ни был представлен, — создается исключительно только количеством необходимого труда. Прибавочная стоимость, — выступает ли она в форме прибыли, земельной ренты или в производной форме процента, — есть не что иное, как та часть этого труда, которую собственники вещественных условий труда присваивают себе в процессе обмена с живым трудом. Поэтому у физиократов прибавочная стоимость выступает только в форме земельной ренты, тогда как у А. Смита земельная рента, прибыль и процент — только различные формы прибавочной стоимости.

Если я называю прибавочную стоимость, отнесенную ко всей сумме авансированного капитала, *прибылью на капитал,* то я делаю это потому, что капиталист, непосредственно участвующий в производстве, *непосредственно* присваивает себе прибавочный труд, причем безразлично, под какими рубриками ему приходится потом делиться этой прибавочной стоимостью, будь то с земельным собственником, будь то с заимодавцем капитала. Так, арендатор платит непосредственно земельному собственнику. Так, фабрикант из присвоенной им прибавочной стоимости уплачивает земельную ренту собственнику земли, на которой стоит его фабрика, и процент — капиталисту, который предоставил ему в ссуду капитал.

[257] {Теперь еще предстоит рассмотреть: 1) смешение А. Смитом прибавочной стоимости и прибыли; 2) его взгляды на производительный труд; 3) как рента и прибыль превращаются у него в *источники стоимости* и насколько ошибочен его анализ «естественной цены» товаров, в которой, по его мнению, стоимость сырья и орудий труда не существует — и не идет в счет — отдельно от «цены» трех «источников дохода».}

[4) НЕПОНИМАНИЕ СМИТОМ СПЕЦИФИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ ЗАКОНА СТОИМОСТИ В ОБМЕНЕ МЕЖДУ КАПИТАЛОМ И НАЕМНЫМ ТРУДОМ]

Заработной платой, — или тем эквивалентом, на который капиталист покупает на определенный срок распоряжение рабочей силой, — является не товар в его непосредственной форме, а товар, уже претерпевший метаморфоз, являются деньги —

товар в его самостоятельной форме, присущей ему как меновой стоимости, как непосредственной материализации общественного труда, всеобщего рабочего времени. На эти деньги рабочий, конечно, покупает товары {здесь должны быть оставлены в стороне такого рода частности, как, например, тот факт, что рабочий делает покупки при менее благоприятных для него условиях и обстоятельствах, и т. п.}, покупает их по той же цене, как и всякий другой владелец денег. Рабочий — подобно всякому другому владельцу денег — противостоит продавцам товаров как покупатель. В самом процессе товарного обращения он выступает не как рабочий, а как полюс-деньги против полюса-товара, как владелец товара в его всеобщей, всегда готовой к обмену форме. Его деньги снова превращаются в товары, которые должны служить ему как потребительные стоимости, и в этом процессе обмена он покупает товары по той цене, по которой они продаются на рынке, — говоря вообще, по их стоимости. Он проделывает здесь лишь акт *Д—Т,* означающий изменение формы, но отнюдь не изменение величины стоимости, если рассматривать этот акт в его общем виде. Однако так как рабочий своим материализованным в продукте трудом присоединил не только то количество рабочего времени, которое содержалось в полученных им деньгах, не только уплатил эквивалент, но и отдал безвозмездно прибавочный труд, который как раз и образует источник прибыли, — то *фактически* (опосредствующее движение, содержащееся в продаже рабочей силы, отпадает, когда мы имеем дело уже с результатом) он отдал стоимость, превышающую стоимость той суммы денег, которая составляет его заработную плату. Посредством большего количества рабочего времени он купил то количество труда, которое овеществлено в деньгах, притекающих к нему в качестве заработной платы. Можно поэтому сказать, что точно так же все те товары, в которые превращаются заработанные им деньги (представляющие собой лишь самостоятельное выражение определенного количества общественного рабочего времени), покупаются им — косвенно — посредством большего количества рабочего времени, чем то, которое в них содержится, хотя он и покупает их но той же цене, как и всякий другой покупатель, или владелец товара, проделавшего свое первое превращение. И наоборот: деньги, на которые капиталист покупает труд, содержат меньшее количество труда, меньше рабочего времени, чем то количество труда рабочего или его рабочего времени, которое содержится в произведенном им товаре. Сверх того количества труда, которое содержится в этой сумме денег, составляющей заработную плату, капиталист

покупает, не оплачивая ее, добавочную сумму труда — избыток над тем количеством труда, которое содержится в уплаченных им деньгах. И это-то добавочное количество труда и образует созданную капиталом прибавочную стоимость.

Но так как деньги, [258] на которые капиталист покупает труд (фактически, в результате, здесь покупается труд, хотя это и опосредствовано обменом на рабочую силу, а не прямо на труд), представляют собой не что иное, как превращенную форму *всех других товаров,* их самостоятельное бытие в качестве меновой стоимости, — то можно также сказать, что все товары, при обмене их на живой труд, покупают больше труда, чем содержится в них самих. Это добавочное количество и образует прибавочную стоимость.

Крупная заслуга А. Смита заключается в том, что именно в тех главах первой книги (главы 6, 7, 8), в которых он от простого обмена товаров и присущего этому последнему закона стоимости переходит к обмену между овеществленным и живым трудом, к обмену между капиталом и наемным трудом, к рассмотрению прибыли и земельной ренты в их общем виде, одним словом к вопросу о происхождении прибавочной стоимости, — что в этих главах он нащупывает наступивший разрыв; он чувствует, что, — каковы бы ни были посредствующие звенья, остающиеся для него непонятными, — закон, в порождаемых им результатах, фактически нарушается: большее количество труда обменивается на меньшее количество труда (со стороны рабочего), меньшее количество труда — на большее (со стороны капиталиста). Заслуга Смита состоит в том, что он подчеркивает, — но это-то как раз и сбивает его с толку, — что с *накоплением капитала* и с *возникновением собственности на землю,* следовательно вместе с обособлением условий труда, противостоящих теперь самому труду, происходит поворот, кажущееся (и фактическое по своему результату) превращение закона стоимости в его противоположность. Если теоретическая сила А. Смита заключается в том, что он чувствует и подчеркивает это противоречие, то его теоретическая слабость — в том, что это противоречие сбивает его с толку даже при рассмотрении общего закона в его применении к простому обмену товаров; что он не понимает, как возникает это противоречие, обусловленное тем, что сама рабочая сила становится товаром и что у этого специфического товара сама его потребительная стоимость, не имеющая, стало быть, ничего общего с его меновой стоимостью, представляет собой энергию, создающую меновую стоимость. Рикардо имеет то преимущество перед А. Смитом, что его не вводят в заблуждение эти кажущиеся —

а по своему результату и действительные — противоречия. Но он уступает А. Смиту в том отношении, что даже не подозревает здесь наличия проблемы и что поэтому то *специфическое* развитие, которое претерпевает закон стоимости с возникновением капитала, ни на минуту не смущает его и даже нисколько не интересует. В дальнейшем мы увидим, каким образом то, что гениально у А. Смита, становится реакционным у Мальтуса, ополчающегося против точки зрения Рикардо[34].

Но, конечно, этот именно взгляд А. Смита делает его в то же время колеблющимся, неуверенным, выбивает у него из-под ног твердую почву и — в противоположность Рикардо — не позволяет ему достичь связного теоретического воззрения, охватывающего абстрактную общую основу буржуазной системы.

[259] Приведенное выше положение А. Смита о том, что товар покупает больше труда, чем содержится в нем самом, или что рабочий уплачивает за товар большую стоимость, чем содержится в товаре, — это положение выражено у Годскина в его «Popular Political Economy» следующим образом:

«*Естественная цена* (или *необходимая* цена) означает то общее *количество труда,* которого природа требует от человека для производства какого-либо товара... Труд был первым и навсегда останется единственным покупательным средством в наших взаимоотношениях с природой. Каково бы ни было количество труда, необходимое для производства какого-либо товара, рабочий, — для того чтобы приобрести этот товар и владеть им, — всегда должен, при современном состоянии общества, отдавать значительно больше труда, чем это нужно при непосредственной покупке его у природы. Естественная цена, увеличенная таким образом для рабочего, есть *общественная цена.* Необходимо всегда проводить различие между ними» *(Thomas Hodgskin.* Popular Political Economy etc. London, 1827, стр. 219—220) [Русский перевод: *Томас Годскин.* Сочинения. М., 1938 стр. 184—185].

Этот взгляд Годскина воспроизводит как то, что было правильного в концепции А. Смита, так и то, что, будучи путаным у него, порождало путаницу и у других.

[5) СМЕШЕНИЕ У СМИТА ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ С ПРИБЫЛЬЮ. ВУЛЬГАРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ В ТЕОРИИ СМИТА]

Мы видели, как А. Смит рассматривает *прибавочную стоимость* вообще, по отношению к которой земельная рента и прибыль представляют собой лишь различные формы и составные части. Согласно его трактовке, та часть капитала, которая состоит из сырья и средств производства, не имеет никакого непосредственного отношения к созиданию прибавочной стоимости. Эта последняя возникает исключительно из добавочного

количества труда, отдаваемого рабочим *сверх* той части его труда, которая образует лишь эквивалент его заработной платы. Следовательно, прибавочная стоимость возникает непосредственно только из той части капитала, которая затрачена на заработную плату, ибо это единственная часть капитала, которая не только воспроизводит себя, но и производит «избыток». Напротив, в прибыли прибавочная стоимость исчисляется на всю сумму авансированного капитала, и, кроме того, к этому видоизменению присоединяются еще и новые видоизменения, обусловленные выравниванием прибылей в различных сферах капиталистического производства.

Так как Адам, хотя он по сути дела и рассматривает прибавочную стоимость, не представляет ее ясно выраженным образом в форме определенной категории, отличной от ее особых форм, — то в дальнейшем он уже прямо смешивает, не вводя никаких посредствующих звеньев, прибавочную стоимость с более развитой формой, с прибылью. Эта ошибка сохраняется у Рикардо и у всех последующих экономистов. Отсюда (в более резкой форме это имеет место у Рикардо, у которого основной закон стоимости проводится с большим систематическим единством и последовательностью, а потому у него резче выступают также непоследовательности и противоречия) возникает ряд непоследовательностей, неразрешенных противоречий и бессмыслиц, которые рикардианцы (как мы увидим ниже в отделе о прибыли) пытаются разрешить схоластическим путем, с помощью словесных ухищрений[35]. Грубый эмпиризм превращается в ложную метафизику, в схоластику, которая делает мучительные усилия, чтобы вывести неопровержимые эмпирические явления непосредственно, путем простой формальной абстракции, из общего закона или же чтобы хитроумно подогнать их под этот закон. Мы приведем один пример этого уже здесь, при анализе взглядов Смита на прибавочную стоимость, потому что начинается путаница у Смита не там, где он ex professo[*] трактует о прибыли и земельной ренте, этих особых формах прибавочной стоимости, а там, где он рассматривает прибыль и земельную ренту только как формы прибавочной стоимости вообще, как *«вычеты* из труда, присоединенного рабочим к материалам».

[260] После того как А. Смит в 6-й главе первой книги сказал:

«Поэтому та стоимость, которую рабочие *присоединяют* к материалу, распадается теперь на две части, из которых одна оплачивает их заработную плату, а другая оплачивает прибыль предпринимателя на всю сумму

[*] — специально. *Ред.*

капитала, авансированного в виде заработной платы и материала, идущего в обработку» [том I перевода Гарнье, стр. 96—97] [Русский перевод, том I, стр. 46], —

он продолжает:

«У него» (предпринимателя) «не было бы никакого интереса нанимать этих рабочих, если бы он не рассчитывал получить от продажи изготовленных ими изделий — сверх того, что необходимо для возмещения его капитала, — еще некоторый избыток; точно так же у него не было бы никакого интереса затрачивать большую сумму капитала, а не меньшую, если бы его прибыли не находились в известном соответствии с величиной употребленного в дело капитала» [там же, стр. 97] [Русский перевод, том I, стр. 46].

Прежде всего заметим следующее. Прибавочная стоимость — тот «избыток», который «предприниматель» получает сверх массы стоимости, необходимой «для возмещения его капитала», — сводится сначала А. Смитом к той части труда, которую рабочие присоединяют к материалу сверх труда, возмещающего их заработную плату; Смит выводит этот избыток, таким образом, исключительно из той части капитала, которая затрачена на заработную плату. Но тотчас же после этого он рассматривает этот избыток в форме прибыли, т. е. относит его не к той части капитала, из которой он возникает, а представляет его как избыток над совокупной стоимостью авансированного капитала, над «всей суммой капитала, авансированного в виде заработной платы *и* материала, идущего в обработку» (по недосмотру здесь пропущены орудия производства). Он рассматривает, следовательно, прибавочную стоимость непосредственно в форме прибыли. Отсюда немедленно же возникают затруднения.

У капиталиста, говорит А. Смит, «не было бы никакого интереса нанимать этих рабочих, если бы он не рассчитывал получить от продажи изготовленных ими изделий — сверх того, что необходимо для возмещения его капитала, — *еще некоторый избыток».* Раз предположено существование капиталистических отношений, то это совершенно правильно. Капиталист производит не для того, чтобы удовлетворять произведенным продуктом свои потребности, — потребление, вообще, не является для него непосредственной целью производства. Он производит для того, чтобы производить прибавочную стоимость. Но этой предпосылкой, имеющей только тот смысл, что при капиталистическом производстве капиталист производит ради прибавочной стоимости, А. Смит не *объясняет прибавочной стоимости* — как это впоследствии делали многие его бездарные преемники. Это значит: он не объясняет

существования прибавочной стоимости интересом капиталиста, его стремлением к прибавочной стоимости. Напротив, он уже вывел эту прибавочную стоимость из той стоимости, которую рабочие «присоединяют к материалу сверх стоимости, присоединенной ими в возмещение полученной заработной платы». Но вслед за этим он продолжает: у капиталиста не было бы никакого интереса применить больший капитал вместо меньшего, если бы его прибыли не стояли в определенном отношении к величине авансированного капитала. Здесь прибыль объясняется уже не природой прибавочной стоимости, а «интересом» капиталиста. А это пошло и нелепо.

А. Смит не чувствует, что, смешивая таким образом непосредственно прибавочную стоимость с прибылью и прибыль с прибавочной стоимостью, он опрокидывает только что установленный им закон происхождения прибавочной стоимости. [261] Если прибавочная стоимость есть лишь та «часть стоимости» (или количества труда), «которую рабочий *присоединяет сверх* того, что он присоединяет к материалу в возмещение своей заработной платы», — то почему эта вторая часть должна возрастать непосредственно оттого, что стоимость авансированного капитала в одном случае больше, чем в другом? Еще яснее выступает это противоречие в том примере, который А. Смит сам приводит сейчас же после этого с целью опровергнуть мнение, будто прибыль является заработной платой за так называемый «труд по надзору».

А именно, он говорит:

«Она» (прибыль на капитал) «коренным образом отличается, однако, от заработной платы; она устанавливается на совершенно иных началах и не находится ни в каком соответствии с количеством и характером этого предполагаемого труда по надзору и управлению. *Она в общем определяется стоимостью употребленного в дело капитала* и бывает большей или меньшей в зависимости от размера этого капитала. Предположим, например, что в каком-либо месте, где *прибыль на капитал,* применяемый в промышленности, *составляет обычно десять процентов в год,* имеются две различных мануфактуры, в каждой из которых работают по 20 рабочих за плату по 15 ф. ст. в год, так что каждая мануфактура расходует на заработную плату по 300 ф. ст. в год. Предположим далее, что на одной мануфактуре обрабатывается сырье низшего качества, которое обходится всего в 700 ф. ст. за год, тогда как на другой мануфактуре обрабатывается материал более высокого качества, который стоит 7000 ф. ст. В таком случае капитал, ежегодно затрачиваемый на первой мануфактуре, составит всего лишь 1000 ф. ст., тогда как капитал, затрачиваемый на второй, достигнет 7300 ф. ст. При норме в 10% владелец первой мануфактуры будет рассчитывать на годовую прибыль лишь в размере около 100 ф. ст., а владелец второй — на прибыль в размере около 730 ф. ст. Но хотя размер их прибыли так различен, их труд по надзору и управлению может быть одинаков иди почти одинаков» [том I французского перевода Гарнье, стр. 97— 98] [Русский перевод, том I, стр. 46].

От прибавочной стоимости в ее общей форме мы здесь сразу же приходим к общей норме прибыли, которая непосредственно никак не относится к данному вопросу. Но пойдем дальше! На каждой из двух фабрик применяется труд двадцати рабочих; их заработная плата в обоих случаях одна и та же — 300 ф. ст. Следовательно, дело обстоит не так, что на одной из этих фабрик применяется труд более высокого качества, чем на другой, так что час труда, а значит и прибавочного труда, на одной из них равнялся бы нескольким часам прибавочного труда на другой. Напротив, в обоих случаях предполагается одинаковый средний труд, как это показывает равенство заработной платы на обеих фабриках. Как же в таком случае на одной фабрике прибавочный труд, присоединяемый рабочими сверх цены их заработной платы, может быть в семь раз больше чем на другой? Или почему на одной фабрике — только потому, что обрабатываемый на ней материал в семь раз дороже чем на другой, — рабочие должны доставить в семь раз больше прибавочного труда, хотя они в обоих случаях получают одинаковую заработную плату и, стало быть, работают одинаковое количество времени для того, чтобы ее [262] воспроизвести?

То обстоятельство, что прибыль, полученная на одной фабрике, в семь раз превышает прибыль, полученную на другой, — или, вообще, закон пропорциональности прибыли величине авансированного капитала — противоречит, таким образом, prima facie* закону прибавочной стоимости или прибыли (ведь А. Смит непосредственно отождествляет их), согласно которому прибавочная стоимость выражает лишь неоплаченный, прибавочный труд рабочих. А. Смит преподносит это с совершенной наивностью и нисколько над этим не задумываясь, не имея даже самого отдаленного представления о возникающем здесь противоречии. Все последующие экономисты, — поскольку ни один из них не рассматривает прибавочную стоимость в ее общем виде, отдельно от ее определенных форм, — остались верны ему в этом отношении. У Рикардо, как уже отмечено выше, это выступает лишь в еще более резкой форме.

Так как А. Смит сводит прибавочную стоимость не только к прибыли, но также и к земельной ренте, — к этим двум особым видам прибавочной стоимости, движение которых определяется совершенно различными законами, — то уже одно это обстоятельство должно было бы навести его на мысль, что нельзя смешивать, не вводя никаких посредствующих звеньев, всеобщую абстрактную форму с какой бы то ни было из ее

* — на первый взгляд. *Ред.*

особых форм. Как у него, так и у всех позднейших буржуазных экономистов недостаток теоретического понимания, необходимого для уяснения различия форм экономических отношений, остается правилом, — они грубо хватаются за эмпирически данный материал, который только и интересует их. Отсюда также их неспособность правильно понять сущность денег, где дело идет лишь о различных превращениях формы меновой стоимости при остающейся неизменной величине стоимости.

[6) ОШИБОЧНЫЙ ВЗГЛЯД СМИТА НА ПРИБЫЛЬ, ЗЕМЕЛЬНУЮ РЕНТУ И ЗАРАБОТНУЮ ПЛАТУ КАК НА ИСТОЧНИКИ СТОИМОСТИ]

Лодердель в «Recherches sur la nature et l'origine de la richesse publique» (traduit par Lagentie de Lavaisse. Paris, 1808) выдвигает против смитовского понимания прибавочной стоимости, — о котором он говорит, что оно соответствует взглядам, высказанным уже Локком, — тот упрек, что согласно этому пониманию капитал является не первичным источником богатства, хотя Смит и выдает его за таковой, а только производным. Вот что Лодердель говорит по этому поводу:

«Более столетия тому назад Локк высказал почти такой же взгляд» (как и А. Смит)... «Деньги, — говорит Локк, — бесплодны и ничего не производят; вся польза, которая из них извлекается, заключается в том, что в силу взаимного соглашения они переносят ту прибыль, которая была вознаграждением за труд одного человека, в карман другого» *(Лодердель,* стр. 116). «Если бы это понимание прибыли с капитала было в строгом смысле правильным, то из него вытекало бы, что прибыль является не первичным источником дохода, а только производным, и капитал нельзя было бы рассматривать как один из источников богатства, так как приносимая им прибыль была бы только перемещением дохода из кармана рабочего в карман капиталиста» (там же, стр. 116—117).

Поскольку стоимость капитала снова появляется в продукте, капитал не может быть назван «источником богатства». Капитал прибавляет здесь к продукту свою собственную стоимость просто как накопленный труд, как определенное количество овеществленного труда.

Капитал является производителем стоимости лишь как *отношение,* поскольку он, как принудительная сила, господствующая над наемным трудом, принуждает его к прибавочному труду или же подстегивает производительную силу труда, заставляя ее создавать относительную прибавочную стоимость. В обоих случаях капитал производит стоимость только [263] как отчужденная от труда и господствующая над ним сила его собственных вещественных условий, вообще только как одна из форм самого наемного труда, кик условие наемного труда.

В принятом же у политико-экономов смысле, в качество накопленного труда, существующего в виде денег или товаров, капитал — подобно всем условиям труда, в том числе и даровым силам природы, — действует производительно в процессе труда, при создании потребительных стоимостей, но он никогда не становится источником стоимости. Капитал не создает никакой новой стоимости, и вообще он прибавляет к продукту меновую стоимость лишь постольку, поскольку сам обладает меновой стоимостью, т. е. поскольку он сам сводится к овеществленному рабочему времени и поскольку, следовательно, источником его стоимости является труд.

Лодердель прав в том отношении, что А. Смит, после того как он исследовал природу прибавочной стоимости и стоимости, впадает в ошибку, изображая капитал и землю как самостоятельные источники меновой стоимости. Они — источники дохода для их владельцев, поскольку они служат основанием для получения известного количества прибавочного труда, которое рабочий вынужден выполнять сверх рабочего времени, необходимого для возмещения его заработной платы. Так, например, А. Смит говорит:

«Заработная плата, прибыль и рента представляют собой три первичных источника всякого дохода, точно так же как и всякой меновой стоимости» (книга I, глава 6) [Русский перевод, том I, стр. 49].

Насколько верно то, что они представляют собой «три первичных источника всякого дохода», настолько же ложно то, что они являются «точно так же тремя первичными источниками *всякой меновой стоимости»,* ибо стоимость товара определяется исключительно содержащимся в нем рабочим временем. Ведь А. Смит только что представил земельную ренту и прибыль как простые «вычеты» из стоимости, или из труда, присоединяемого рабочим к сырью, — как может он после этого называть их «первичными источниками меновой стоимости»? (Они могут играть эту роль только в том смысле, что приводят в движение «первичный источник», т. е. заставляют рабочего выполнять прибавочный труд.) Поскольку они служат основаниями (условиями) для присвоения части стоимости, т. е. овеществленного в товаре труда, они представляют собой источники дохода для их собственников. Но ведь распределение стоимости, или ее присвоение, вовсе не является источником присваиваемой стоимости. Если бы это присвоение не имело места и рабочий получал бы в виде заработной платы весь продукт своего труда, то стоимость произведенного товара осталась бы прежней, хотя в ее дележе не участвовали бы земельный собственник и капиталист.

Земельная собственность и капитал, являющиеся источниками дохода для своих владельцев, т. е. дающие им власть присваивать часть созданных трудом стоимостей, не становятся в силу этого источниками той стоимости, которую присваивают их владельцы. Но точно так же неправильно будет сказать, что заработная плата образует первичный источник меновой стоимости, хотя заработная плата — или, вернее, постоянная продажа рабочей силы — и образует источник дохода для рабочего. Труд, а не заработная плата рабочего, — вот что создает стоимость. Заработная плата есть не более, как уже имеющаяся налицо стоимость или, — если рассматривать производство в целом, — та часть созданной рабочим стоимости, которая присваивается им самим. Но это присвоение не создает стоимости. Заработная плата рабочего может поэтому подниматься или падать, не затрагивая этим стоимости производимого им товара. [263]

[265] {К сказанному необходимо добавить следующую цитату, подтверждающую, что у А. Смита те рубрики, под которыми присваивается стоимость товара, объявляются источниками этой стоимости. После того как он опроверг тот взгляд, согласно которому прибыль есть только другое название для заработной платы капиталиста, или для «заработной платы за труд по надзору», он заключает:

«Итак, в *цене* товаров *прибыль* на фонды, или на капитал, является *источником стоимости,* совершенно *отличным* от заработной платы, и регулируется она совершенно другими принципами» (книга I, глава 6) {Русский перевод, том I, стр. 47].

Между тем, только что Смит доказал, что та стоимость, которую рабочие присоединяют к материалам, распределяется между ними и капиталистами в форме заработной платы и прибыли; труд представляет собой, таким образом, единственный *источник стоимости,* и из этого источника стоимости возникают «цена заработной платы» и «цена прибыли». Но сами эти «цены» — как заработная плата, так и прибыль — отнюдь не являются *источниками стоимости.*} [265]

[7) ДВОЙСТВЕННОСТЬ ВО ВЗГЛЯДАХ СМИТА НА СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ СТОИМОСТЬЮ И ДОХОДАМИ. ПОРОЧНЫЙ КРУГ В СМИТОВСКОЙ КОНЦЕПЦИИ «ЕСТЕСТВЕННОЙ ЦЕНЫ» КАК СУММЫ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ, ПРИБЫЛИ И РЕНТЫ]

[263] Здесь мы совершенно не будем касаться того, в какой мере А. Смит рассматривает земельную ренту как конституирующий элемент цены товаров. Вопрос этот, в данной связи,

тем более безразличен для нашего исследования, что земельную ренту, совершенно так же как и прибыль, Смит считает просто частью прибавочной стоимости, «вычетом из труда, присоединенного рабочим к сырому материалу». Смит, следовательно, [264] понимает ее, по сути дела, и как «вычет из прибыли», поскольку весь неоплаченный, прибавочный труд *непосредственно* присваивается противостоящим труду капиталистом, под какими бы рубриками ни приходилось последнему делить впоследствии эту прибавочную стоимость с владельцами условий производства, будь то собственник земли или заимодавец капитала. Поэтому мы, для упрощения, будем говорить только о заработной плате и прибыли как о тех двух рубриках, по которым распределяется вновь созданная стоимость.

Предположим, что в каком-нибудь товаре материализована (*оставляя в стороне* стоимость потребленного в нем сырья и орудий труда) двенадцатичасовое рабочее время. Стоимость данного товара как таковую мы можем выразить только в *деньгах*. Итак, предположим, что в 5 шилл. материализовано тоже двенадцатичасовое рабочее время. В таком случае стоимость товара равна 5 шилл. Под «естественной ценой товаров» А. Смит понимает не что иное, как их стоимость, выраженную в деньгах. (Рыночная цена товара, конечно, бывает выше или ниже его стоимости. Даже и средняя цена [der Durchschnittspreis] товаров, как я покажу это в дальнейшем, *всегда отличается* от их стоимости[36]. Но А. Смиту, при рассмотрении «естественной цены», нет до этого никакого дела. Кроме того, ни рыночная цена, ни, тем более, колебания средней цены товаров не могут быть поняты до тех пор, пока в основу не будет положен правильный взгляд на природу стоимости.)

Если прибавочная стоимость, содержащаяся в товаре, составляет 20% всей его стоимости, или — что сводится к тому же — 25% содержащегося в нем необходимого труда, то эта стоимость в 5 шилл., «естественная цена» товара, может быть разложена на 4 шилл. заработной платы и 1 шилл. прибавочной стоимости (которую мы, следуя А. Смиту, назовем здесь прибылью). Правильно было бы сказать, что величина стоимости товара, которая определена независимо от заработной платы и прибыли, — или «естественная цена» товара, — может быть разложена на 4 шилл. заработной платы («цена труда») и 1 шилл. прибыли («цена прибыли»). Но было бы ошибочно сказать, что стоимость товара образуется из сложения или соединения цены заработной платы и цены прибыли, регулируемых независимо от стоимости товара. В последнем случае не существовало бы совершенно никакого основания, почему бы вся стоимость

товара не составляла 8, 10 и т. д. шилл., — смотря по тому, принимается ли заработная плата равной 5 шилл., а прибыль равной 3 шилл. и т. д.

Что же служит А. Смиту руководящей нитью при исследовании «естественной нормы» заработной платы, или «естественной цены» заработной платы? Естественная цена жизненных средств, необходимых для воспроизводства рабочей силы. А чем определяет он естественную цену этих жизненных средств? Поскольку он вообще определяет эту цену, он снова обращается к правильному определению стоимости, а именно к определению ее рабочим временем, необходимым для производства этих жизненных средств. Но как только Смит сходит с этого правильного пути, он попадает в порочный круг. Чем определяет он естественную цену жизненных средств, определяющих естественную цену заработной платы? Естественной ценой «заработной платы», «прибыли», «земельной ренты», которые образуют естественную цену этих жизненных средств, как и всех товаров вообще. И так in infinitum*. Болтовня о законе спроса и предложения не помогает, конечно, выбраться из этого порочного круга. Ведь «естественная цена», или цена, соответствующая стоимости товара, тогда именно и должна иметь место, когда спрос и предложение покрывают друг друга, т. е. когда цена товара не отклоняется вверх или вниз от его стоимости вследствие колебаний спроса и предложения, — когда, другими словами, цена издержек[37] товара (или стоимость предлагаемого продавцом товара) вместе с тем является и той ценой, которую платит спрос.

[265] Но, как уже сказано, при исследовании естественной цены заработной платы А. Смит снова обращается на деле — по крайней мере местами — к правильному определению стоимости товара. Напротив, в главе об естественной норме прибыли, или естественной цене прибыли, он запутывается — поскольку дело идет о той задаче, которая собственно подлежит разрешению, — в бессодержательных общих местах и тавтологиях. В самом деле, сначала заработная плата, прибыль и земельная рента регулируются у него стоимостью товара. Но затем он подходит к делу с противоположной стороны (что ближе к эмпирической видимости и к обыденному представлению) и пытается определить естественную цену товаров путем сложения естественных цен заработной платы, прибыли и земельной ренты. Одной из главных заслуг Рикардо является то, что он положил конец этой путанице. Когда мы

* — до бесконечности. *Ред.*

будем говорить о Рикардо, мы еще вернемся вкратце к этому пункту[38].

Здесь заметим еще только следующее: *данная величина* стоимости товара — того фонда, из которого выплачивается заработная плата и прибыль, — эмпирически выступает перед промышленником в той форме, что определенная рыночная цена товара держится какое-то время на одном уровне, несмотря на все колебания заработной платы.

Итак, следует обратить внимание на странный ход мыслей в книге А. Смита: сперва он исследует стоимость товара и местами определяет ее правильно, до такой степени правильно, что перед ним в общих чертах вырисовывается источник прибавочной стоимости и ее особых форм, — из стоимости товара он и выводит заработную плату и прибыль. Но затем он вступает на противоположный путь и пытается, наоборот, вывести стоимость товаров (из которой он уже вывел заработную плату и прибыль) из сложения естественных цен заработной платы, прибыли и земельной ренты. Это последнее обстоятельство и повинно в том, что Смит, у которого не было самой основы, нигде не дал правильного анализа влияния колебаний заработной платы, прибыли и т. д. на цены товаров. [VI—265]

* * *

[VIII—364] {*А. Смит. Стоимость и ее составные части.* Ошибочное представление Смита, — смотри выше, — развиваемое им вопреки его первоначальному правильному взгляду, сказывается также и в следующем положении:

«Рента образует... составную часть цены товаров, но совершенно иначе, чем прибыль и заработная плата. Высокая или низкая прибыль и заработная плата являются *причиной высокой или низкой цены хлеба, а больший или меньший размер ренты является результатом этой цены»* («Wealth of Nations», книга I, глава 11)[39] [Русский перевод, том I, стр. 131—132].}(VIII-364]

[8) ОШИБКА СМИТА, СВОДИВШЕГО ВСЮ СТОИМОСТЬ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОДУКТА К ДОХОДАМ. ПРОТИВОРЕЧИЯ ВО ВЗГЛЯДАХ СМИТА НА ВАЛОВОЙ И ЧИСТЫЙ ДОХОД]

IVI—265] Мы переходим теперь к другому пункту, который связан с разложением цены или стоимости товара (та и другая здесь еще предполагаются тождественными). Допустим, что А. Смит правильно вел расчет, т. е. предположим, что, взяв за исходный пункт стоимость товара, он разложил ее на те составные части, в виде которых эта стоимость распределяется между различными агентами производства. Допустим, что Смит

не пытался, наоборот, вывести стоимость из цепы этих составных частей, — оставим это здесь в стороне. Оставим также в стороне тот его односторонний способ представления, в результате которого заработная плата и прибыль были взяты только как формы распределения, а потому обе они в одинаковом смысле были изображены как доходы, потребляемые их владельцами. Отвлекаясь от всего этого, следует заметить, что А. Смит сам высказывает некоторое сомнение [относительно сводимости всей стоимости продукта к доходам]; и здесь его преимущество перед Рикардо состоит опять-таки не в том, что он правильно разрешает появившееся у него сомнение, а в том, что он вообще высказывает его.

[266] А именно, А. Смит говорит следующее:

«Эти три части» (заработная плата, прибыль, рента земельного собственника) «непосредственно или в конечном счете составляют, по-видимому, *всю* цену хлеба» (вообще товара. А. Смит берет здесь хлеб потому, что в цену ряда товаров, по его мнению, земельная рента не входит в качестве конституирующей составной части). «Пожалуй, можно было бы думать, что к этим трем частям следует добавить еще и *четвертую часть,* необходимую для возмещения капитала фермера, т. е. для возмещения износа его рабочего скота и других орудии земледельческого хозяйства. Но надо принять во внимание, что цена всякого орудия в этом хозяйстве, например рабочей лошади, сама состоит из тех же трех частей: ренты с земли, на которой лошадь была вскормлена, *труда,* затраченного на уход за ней и содержание ее, и прибыли фермера, авансировавшего как эту ренту, так и заработную плату за этот труд». {Здесь прибыль выступает как первичная форма, включающая также и ренту.} «Поэтому, хотя цена хлеба и должна оплачивать цену и содержание лошади, тем не менее *полная* цена его разлагается, непосредственно или в конечном счете, на те же самые три части: ренту, труд и прибыль» (книга I, глава 6) [Русский перевод, том I, стр. 47—48]. (Совершенно нелепо здесь то, что вместо «заработной платы» Смит вдруг говорит «труд», в то время как у него фигурируют «рента» и «прибыль», а не «земельная собственность» и «капитал».)

Но не менее очевидно, что здесь надо было принять во внимание следующее: подобно тому как фермер включает цену лошади и плуга в цену пшеницы, так и коннозаводчик и фабрикант плугов, у которых фермер купил лошадь и плуг, включили в цену лошади и плуга цену орудий производства (в частности, коннозаводчик включил, быть может, цену другой лошади) и сырья (корма и железа), между тем как тот фонд, из которого коннозаводчик и фабрикант плугов *выплачивают* заработную плату и прибыль (и ренту), состоит только из нового труда, который они *присоединили* в своей сфере производства к наличной сумме стоимости их постоянного капитала. Следовательно, если А. Смит относительно фермера признаёт, что в цену его хлеба, кроме выплаченных им себе самому и другим лицам заработной платы, прибыли и ренты, входит еще также *четвертая*

и отличная от них составная часть — стоимость потребленного им постоянного капитала, как, например, стоимость лошадей, земледельческих орудий и т. д., — то это остается в силе также и по отношению к коннозаводчику и к фабриканту земледельческих орудий, и совершенно напрасно Смит отсылает нас от Понтия к Пилату. К тому же, пример с фермером выбран особенно неудачно в смысле отсылки от Понтия к Пилату, ибо в числе статей постоянного капитала имеется в данном случае такая, которая вовсе не обязательно должна быть куплена у кого-то, а именно семена, — и разве эта составная часть стоимости распадается для кого-нибудь на заработную плату, прибыль и ренту?

Но сначала пойдем дальше и посмотрим, проводит ли Смит последовательно свой взгляд, что стоимость всякого товара может быть сведена к какому-либо одному источнику дохода или же ко всем им вместе: к заработной плате, прибыли, земельной ренте, — тот, следовательно, взгляд, что все товары могут быть потреблены в качестве продуктов, предназначенных для потребления, или, во всяком случае, так или иначе могут быть использованы для личных нужд (а не для производственного потребления). Однако предварительно [267] еще одно замечание. Можно принять, что, например, при сборе ягод и т. д. их стоимость сводится только к заработной плате, хотя и здесь в большинстве случаев требуется, в качестве средств труда, кое-какая утварь, например корзины и т. п. Но в данной связи, где речь идет о капиталистическом производстве, подобные примеры вообще не имеют никакого отношения к делу.

Сначала идет опять повторение взгляда, высказанного в 6-й главе I книги.

Во *2-й главе II книги* (том II перевода *Гарнье,* стр. 212—213) говорится:

«Было показано,.. *что цена большей части товаров* распадается на три части, из которых одна оплачивает заработную плату, вторая — прибыль с капитала, а третья — ренту с земли» [Русский перевод, том I, стр. 238].

Согласно этому, вся стоимость всякого товара распадается на доходы и достается, следовательно, в качестве фонда потребления тому или другому классу, живущему на данный доход. Но так как совокупная продукция той или иной страны, например годовая продукция, состоит лишь из суммы стоимостей произведенных товаров, а стоимость каждого из этих товаров, взятого в отдельности, распадается на доходы, то получается, что и сумма их — годовой продукт труда, валовой доход — может быть за год потреблена в этой форме. И вот Смит тотчас же возражает самому себе:

«Было высказано такого рода замечание: если так обстоит дело с каждым единичным товаром, взятым в отдельности, то это необходимо должно относиться и ко всей *совокупности* товаров, составляющих всю массу продукта земли и труда данной страны. *Совокупная цена или меновая стоимость* этого годового продукта должна распадаться на такие же три части и распределяться между различными жителями страны в виде платы за их труд, прибыли с их капитала или ренты с их земли» (там же, стр. 213) [Русский перевод, том I, стр. 238].

Это, действительно, необходимый вывод. Что верно для одного товара, необходимо остается в силе и для всей суммы товаров. Но это не так, говорит Адам. Он продолжает:

«Хотя вся стоимость годового продукта земли и труда данной страны распределяется, таким образом, между различными жителями страны и составляет их доход, однако, подобно тому как в доходе с частного имения мы различаем *валовой доход* и *чистый доход,* мы такое же различие можем проводить также и в доходе *всех жителей* большой страны» (там же, стр. 213) [Русский перевод, том I, стр. 238].

(Стой! Выше он нам сказал прямо противоположное: в продукте отдельного фермера — например, в его пшенице — мы различаем еще четвертую часть среди тех частей, на которые распадается стоимость этого продукта, а именно ту часть, которая лишь возмещает использованный постоянный капитал; это *непосредственно* верно для отдельного фермера, но если мы пойдем дальше, то увидим, что та часть, которая для фермера является постоянным капиталом, распадается на более ранней стадии — в других руках, до того как эта часть стала капиталом в руках фермера, — на заработную плату, прибыль и пр., одним словом на доходы. Поэтому, если и верно, что товары, рассматриваемые как находящиеся в руках отдельных производителей, содержат такую часть стоимости, которая не образует дохода, то это-де неверно по отношению ко «всем жителям большой страны», ибо то, что в руках одного служит постоянным капиталом, обязано своей стоимостью тому обстоятельству, что оно вышло из рук другого как совокупная цена заработной платы, прибыли и ренты. Теперь он говорит прямо противоположное.)

А. Смит продолжает:

[268] *«Валовой* доход с частного имения охватывает все, что уплачивает фермер; *чистый доход,* — это все то, что остается у *собственника земли* за вычетом расходов по управлению и по ремонту и всех других *необходимых издержек,* или, другими словами, все то, что он может, не ухудшая состояния своего имения, включить в свой фонд, предназначенный для непосредственного потребления, т. е. затратить на свой стол и т. д. Действительное богатство земельного собственника пропорционально не *валовому,* а *чистому* доходу, получаемому им» [Русский перевод, том I, стр. 238-239].

(Во-первых, Смит говорит здесь о не относящихся к делу вещах. То, что фермер уплачивает земельному собственнику в качестве ренты, — совершенно так же, как и то, что он уплачивает рабочим в качестве заработной платы, — представляет собой, как и его собственная прибыль, ту часть стоимости или цены товаров, которая распадается на доходы. А вопрос заключается в том, содержит ли товар еще какую-нибудь другую составную часть стоимости. Здесь Смит допускает это, как он должен был это допустить по отношению к фермеру, хотя такое допущение не помешало Смиту заявить, что произведенный фермером хлеб (т. е. цена *или* меновая стоимость его хлеба) распадается лишь на доходы. Во-вторых, заметим мимоходом следующее. Реальное богатство, которым располагает отдельный фермер, *как фермер,* зависит от его прибыли. Но с другой стороны, как товаровладелец, он может продать свой участок или, если земля ему не принадлежит, весь находящийся на ней постоянный капитал, как-то: рабочий скот, земледельческие орудия и т. д. Стоимость, которую он может таким путем реализовать, а следовательно богатство, которым он может располагать, обусловливается стоимостью, а значит и размером, принадлежащего ему постоянного капитала. Однако он может продать это опять-таки только другому фермеру, в руках которого это является не богатством, которым можно свободно располагать, а постоянным капиталом. Итак, мы всё еще не сдвинулись с места.)

«*Валовой* доход всех жителей большой страны обнимает *всю массу* годового продукта их земли и их труда»

(прежде мы слышали, что вся эта масса — ее стоимость — распадается на заработную плату, прибыль и ренту, т. е. исключительно на различные формы чистого дохода);

«их *чистый* доход обнимает то, что остается в их распоряжении после вычета расходов на поддержание, во-первых, их *основного капитала,* во-вторых, их *оборотного капитала»*

(следовательно, Смит вычитает теперь орудия труда и сырье),

«т. е. чистый доход обнимает то, что они могут, не затрагивая своего капитала, обратить в *фонд непосредственного потребления...»* [Русский перевод, том I, стр. 239].

(Итак, теперь мы узнаём, что цена или меновая стоимость совокупной суммы товаров содержит в себе как у отдельного капиталиста, так и для всей страны, еще и четвертую часть, которая ни для кого не образует дохода и не может быть сведена ни к заработной плате, ни к прибыли, ни к ренте.)

«Очевидно, что все расходы на поддержание *основного капитала* подлежат вычету из чистого дохода общества. Ни *материалы, необходимые* для содержания в исправности полезных машин, промышленных орудий, зданий, приносящих доход, и пр., ни *продукт труда, необходимого* для придания этим материалам надлежащей формы, никогда не могут составить какую-либо часть *чистого* дохода. Правда, *цена этого труда* может составить часть чистого дохода, так как занятые этим трудом рабочие могут обратить *всю стоимость* [269] *своей заработной платы в фонд непосредственного потребления.* Но, в отличие от этого, в других отраслях труда *и цена труда и продукт его входят в фонд непосредственного потребления:* именно — цена труда входит в фонд рабочих, а продукт — в фонд других лиц, у которых средства существования, удобства и удовольствия увеличиваются благодаря труду этих рабочих» (там же, стр. 214—215)* [Русский перевод, том I, стр. 239].

Здесь А. Смит опять шарахается в сторону от того вопроса, на который он должен ответить, — от вопроса о четвертой части совокупной цены товара, о топ части, которая не сводится ни к заработной плате, ни к прибыли, ни к ренте. Прежде всего отметим крупную ошибку. Ведь у фабриканта машин, как и у всякого другого промышленного капиталиста, труд, придающий надлежащую форму сырому материалу машин и т. д., распадается на необходимый труд и на прибавочный труд, следовательно не только на заработную плату рабочих, но и на прибыль капиталиста. Стоимость же материалов и стоимость тех инструментов, при помощи которых рабочие придают материалам надлежащую форму, не сводится ни к тому, ни к другому. Не имеет никакого отношения к делу то обстоятельство, что продукты, по самой природе своей предназначенные не для индивидуального, а для производственного потребления, не входят в фонд непосредственного потребления. Например, семена (та часть пшеницы, которая служит для посева) по природе своей могли бы войти также и в фонд потребления, но экономически они должны войти в фонд производства. А затем совершенно неверно, будто вся цена продуктов, предназначенных для индивидуального потребления, вместе с продуктом входит в *фонд потребления.* Например, холст, если он не идет на паруса и не используется для какой-либо другой производственной цели, входит в качестве продукта целиком в потребление; но этого нельзя сказать о его цене, ибо часть этой цены возмещает льняную пряжу, другая — ткацкие станки и т. д., и только часть цены холста сводится к доходу того или другого рода.

Адам только что сказал нам, что материалы, необходимые для постройки машин, зданий, приносящих доход, и т. д., — точно

* К этому месту рукой Маркса сделана приписка карандашом: «Это все же ближе к правильному взгляду, чем представления других экономистов». *Ред.*

так же, как и построенные из этих материалов машины и пр., — «никогда не могут составить какую-либо часть *чистого* дохода»; значит, они входят в валовой доход. Но вскоре после этого, в той же 2-й главе II книги, на стр. 220, он говорит обратное:

«Машины и рабочие инструменты и т. д., составляющие *основной капитал* отдельного лица или общества, не образуют никакой части ни *их валового дохода, ни их чистого дохода,* точно так же и *деньги»* и т. д. [Русский перевод, том I, стр. 241].

Эти блуждания Адама, его противоречия, его отклонения от предмета доказывают, что он здесь попал в тупик и что он неизбежно должен был запутаться, коль скоро заработная плата, прибыль и рента превратились у него в конститутивные составные части меновой стоимости или совокупной цены продукта.

[9) СЭЙ КАК ВУЛЬГАРИЗАТОР ТЕОРИИ СМИТА. ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ВАЛОВОГО ПРОДУКТА С ОБЩЕСТВЕННЫМ ДОХОДОМ У СЭЯ. ПОПЫТКИ ИХ РАЗЛИЧЕНИЯ У ШТОРХА И РАМСЕЯ]

У Сэя, который пытается скрыть свою пошлую поверхностность тем, что он непоследовательности и промахи А. Смита растворяет в совершенно общих фразах, мы читаем:

«Нация, взятая в целом, вовсе не имеет чистого продукта. Так как стоимость *продуктов* равняется *издержкам* их производства, то, вычитая эти *издержки,* мы вычитаем всю *стоимость продуктов... Годовой доход* есть *валовой доход»* («Traite d'economie politique», 3-е издание, Париж, 1817, том II, стр. 469).

Стоимость суммы продуктов, произведенных за год, равняется количеству материализованного в них [270] рабочего времени. Если вычесть эту совокупную стоимость из произведенного за год продукта, то, действительно, — поскольку речь идет о стоимости, — никакой стоимости не остается, и тем самым приходит конец как чистому, так и валовому доходу. Но Сэй полагает, что ежегодно производимые стоимости ежегодно и потребляются. Поэтому-де для нации в целом не существует вовсе чистого продукта, а существует только валовой продукт. Во-первых, неверно, что ежегодно производимые стоимости ежегодно и потребляются. Со значительной частью основного капитала дело обстоит не так. Значительная часть произведенных за год стоимостей входит в процесс труда, не входя в процесс образования стоимости; это значит: не вся совокупная стоимость этих предметов потребляется в течение года. А во-вторых, определенную часть ежегодно потребляемы к стоимостей образуют те стоимости, которые, не входя в фонд

потребления, потребляются как средства производства, возвращаемые — либо в их собственной натуральной форме, либо в виде эквивалентов — процессу производства, откуда они и вышли. Вторую часть образуют те стоимости, которые — после вычета указанной первой части — могут войти в индивидуальное потребление. Они составляют «чистый продукт». Шторх говорит по поводу этой сэевской дребедени:

«Ясно, что стоимость годового продукта разлагается частью на капиталы и частью на прибыли и что каждая *из этих частей стоимости кодового продукта регулярно покупает продукты, в которых нуждается нация* как для поддержания в сохранности своего капитала, так и для возобновления своего фонда потребления» *(Storch.* Cours d'e̲conoinie politique, том V: Considerations sur la nature du revenu national. Paris, 1824. стр. 134—135), «Поставим себе такой вопрос: равен ли доход семьи, которая удовлетворяет все свои потребности своим собственным трудом, чему много примеров мы имеем в России, ... равен ли *доход* такой семьи валовому продукту ее земли, ее капитала и ее труда? Может ли она жить в своих амбарах и хлевах, проедать свой семенной фонд и предназначенный для скота корм, одеваться в шкуры своего рабочего скота, пользоваться своими земледельческими орудиями для развлечения? Согласно тезису господина Сэя, пришлось бы ответить утвердительно на все эти вопросы» (там же, стр. 135—136). «Сэй рассматривает валовой продукт как доход общества и отсюда делает вывод, что общество может потребить стоимость, равную этому продукту» (там же, стр. 145). «Чистый доход нации состоит не из избытка произведенных стоимостей *над всей суммой потребленных стоимостей,* как это изображает Сэй, а только из избытка *над стоимостями, потребленными в целях производства.* Поэтому, если нация в течение года потребляет весь этот избыток, то она потребляет весь свой чистый доход» (там же, стр. 146). «Если допустить, что доход нации равен ее валовому продукту, т. е. что из этого продукта не нужно вычитать никакого *капитала,* то следовало бы также допустить, что нация может непроизводительно израсходовать всю стоимость своего годового продукта, не нанося ни малейшего ущерба своему будущему доходу» (там же, стр. 147). *«Продукты, составляющие капитал нации» (постоянный капитал), «не могут идти в потребление»* (там же, стр. 150).

Рамсей (Джордж) в «An Essay on the Distribution of Wealth» (Edinburgh, 1836) делает следующее замечание о том же предмете, т. е. о том, что А. Смит называет «четвертой составной частью совокупной цены», а я — постоянным капиталом в отличие от капитала, затрачиваемого на заработную плату:

[271] «Рикардо», — говорит он, — «забывает, что весь продукт разлагается не только на заработную плату и прибыль, но что одна часть необходима еще для возмещения основного капитала» (стр. 174, примечание).

Под «основным капиталом» Рамсей понимает не только орудия производства и т. п., но также и сырье, короче — то, что я называю постоянным капиталом в пределах каждой сферы производства. Когда Рикардо говорит о разделении продукта на прибыль и заработную плату, он постоянно предполагает,

что авансированный самому производству и потребленный в нем капитал уже вычтен. И тем не менее Рамсей в основном прав. Не подвергая постоянную часть капитала какому бы то ни было дальнейшему анализу, пренебрегая ею, Рикардо делает грубые ошибки и, в частности, смешивает прибыль и прибавочную стоимость, затем делает ошибки при исследовании колебаний нормы прибыли и т. д.

Но послушаем, что говорит сам Рамсей:

«Каким образом возможно сравнение продукта с затраченным на нею капиталом?.. Если иметь в виду нацию в целом.., то совершенно ясно, что все различные элементы затраченного капитала должны быть воспроизведены в той или другой отрасли хозяйства, так как в противном случае производство страны не могло бы дальше вестись в прежних размерах. Сырой материал промышленности, орудия, употребляемые в ней, а также и в сельском хозяйстве, многочисленные и сложные машины в промышленности, постройки, необходимые для производства или хранения продуктов, — все это, в качестве составных частей, должно входить как в совокупный продукт страны, так и во все авансы ее капиталистических предпринимателей. Количество совокупного продукта может быть поэтому сравнено с количеством авансов — благодаря тому, что каждый предмет можно себе представить стоящим как бы рядом с другим предметом того же рода» (там же, стр. 137—139). «Что же касается каждого капиталиста в отдельности, то — в силу того обстоятельства, что он не *возмещает* свои затраты в натуре, а большую часть их должен получить посредством обмена, для чего необходима определенная доля продукта, — в силу этого каждый отдельный капиталистический предприниматель вынужден обращать гораздо больше внимания на меновую стоимость своего продукта, чем на его количество» (там же, стр. 145—146). «Чем больше *стоимость* его *продукта* превышает *стоимость* авансированного *капитала,* тем большей будет его прибыль. Таким образом, капиталист будет исчислять прибыль, сравнивая стоимость со стоимостью, а не количество с количеством... Прибыль должна повышаться или понижаться в такой же точно степени, в какой понижается или повышается та доля валового продукта или его *стоимости,* которая требуется для *возмещения необходимых авансов...* Поэтому норма прибыли зависит от двух обстоятельств: во-первых, от той доли всего продукта, которая достается рабочим; во-вторых, от той доли, которая должна быть отложена для возмещения основного капитала в натуре или путем обмена» (там же, стр. 146—148).

{То, что Рамсей говорит здесь о норме прибыли, подлежит рассмотрению в главе III (о прибыли)[40]. Важно то, что он правильно подчеркивает этот элемент. С одной стороны, прав Рикардо, когда он говорит, что удешевление товаров, образующих постоянный капитал (его-то и имеет в виду Рамсей, говоря об «основном капитале»), всегда понижает стоимость определенной части наличного капитала. Это относится в особенности к основному капиталу в собственном смысле — к машинам и т. д. Для отдельного капиталиста нет никакой выгоды в том, что прибавочная стоимость увеличивается по сравнению со всем его капиталом, если подобное повышение ее уровня вызвало

понижением совокупной стоимости его постоянного капитала (которым капиталист владел еще до понижения этой стоимости). Но это лишь в весьма незначительной мере применимо к той части капитала, которая состоит из сырья или из готовых товаров (не входящих в основной капитал). Эта наличная их масса, могущая претерпеть подобное уменьшение стоимости, всегда составляет лишь ничтожную величину по сравнению с совокупной продукцией. У каждого отдельного капиталиста это лишь в незначительной мере имеет силу для той части его капитала, которая вложена в оборотный капитал. С другой стороны, ясно, что так как прибыль равняется отношению прибавочной стоимости к совокупному авансированному капиталу и так как количество труда, которое может быть поглощено, зависит не от стоимости, а от массы сырья и от эффективности средств производства, не от их меновой стоимости, а от их потребительной стоимости, — то имеет место следующее: чем производительнее труд в тех отраслях, продукт которых [272] участвует в образовании постоянного капитала, чем меньше затраты на постоянный капитал, необходимый для производства определенного количества прибавочной стоимости, — тем больше отношение этой прибавочной стоимости ко всему авансированному капиталу и, следовательно, тем выше, при данной массе прибавочной стоимости, норма прибыли.}

(То, что Рамсей рассматривает как два самостоятельных явления — возмещение продукта продуктом в процессе воспроизводства, когда речь идет о всей стране, и возмещение стоимости стоимостью, когда речь идет об отдельном капиталисте, — сводится к двум аспектам, которые оба, даже по отношению к отдельному капиталу, должны быть приняты во внимание при анализе *процесса обращения капитала, процесса, одновременно являющегося и процессом воспроизводства.*)

Рамсей не разрешил того действительного затруднения, которое занимало А. Смита и запутало его во всякого рода противоречиях. Чтобы представить это затруднение в наиболее резкой форме, сформулируем его следующим образом. Весь капитал (в качестве стоимости) сводится к труду, он — не что иное, как известное количество овеществленного труда. Но оплаченный труд равняется заработной плате рабочих, неоплаченный труд равняется прибыли капиталистов. Следовательно, весь капитал может быть сведен, прямо или косвенно, к заработной плате и прибыли. Или, может быть, где-нибудь выполняется такой труд, который не сводится ни к заработной плате, ни к прибыли и имеет целью лишь возмещение тех стоимостей, которые были потреблены в процессе производства и в то же

время являются условиями воспроизводства? Но кто же выполняет этот труд? Ведь всякий труд рабочего распадается на две части, из которых одна идет на восстановление его собственной рабочей силы, а другая образует прибыль на капитал. .

[10)] ИССЛЕДОВАНИЕ ТОГО, КАКИМ ОБРАЗОМ ВОЗМОЖНО, ЧТО ГОДОВАЯ ПРИБЫЛЬ И ГОДОВАЯ ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА ПОКУПАЮТ ПРОИЗВЕДЕННЫЕ ЗА ГОД ТОВАРЫ, КОТОРЫЕ, КРОМЕ ПРИБЫЛИ И ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ, СОДЕРЖАТ ЕЩЕ И ПОСТОЯННЫЙ КАПИТАЛ [41]

[а) НЕВОЗМОЖНОСТЬ ВОЗМЕЩЕНИЯ ПОСТОЯННОГО КАПИТАЛА ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ ПРЕДМЕТОВ ПОТРЕБЛЕНИЯ ПУТЕМ ОБМЕНА СРЕДИ ЭТИХ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ]

Для того чтобы устранить из проблемы всякую обманчивую примесь, заметим предварительно еще следующее. Когда капиталист превращает часть своей прибыли, своего дохода, в капитал, в средства труда и материал труда, то он оплачивает то и другое той частью труда, которую рабочий выполнил для него бесплатно. Здесь налицо некоторое новое количество труда, образующее эквивалент для некоторого нового количества товаров — таких именно товаров, которые по своей потребительной стоимости представляют собой средства труда и материал труда. Этот случай относится, стало быть, к накоплению капитала и не содержит в себе никаких затруднений; мы имеем здесь дело с ростом постоянного капитала за его прежние границы, или с образованием нового постоянного капитала сверх той его массы, которая уже существует и подлежит возмещению. Затруднение относится к воспроизводству *уже существующего* постоянного капитала, а не к образованию нового постоянного капитала сверх той его массы, которая подлежит воспроизводству. Новый постоянный капитал явно ведет свое происхождение из прибыли; он существовал одно мгновение в форма дохода, превратившегося вслед за тем в капитал. Эта часть прибыли сводится к *тому прибавочному рабочему времени, которое общество и без существования капитала должно было бы постоянно затрачивать, чтобы иметь в своем распоряжении, так сказать, фонд дальнейшего развития — фонд, необходимость которого вызывается уже ростом населения.*

{Хорошее пояснение относительно постоянного капитала, но лишь со стороны его потребительной стоимости, мы находим у Рамсея на стр. 166 его книги, где он говорит:

«Как бы ни изменялась величина валового продукта» (например, у фермера), «то количество его, которое требуется для возмещения всего

того, что в различных формах было потреблено в процессе производства, не подлежит никакому изменению. Это количество должно рассматриваться как *постоянное,* пока производство ведется в прежних размерах».}

Итак, прежде всего надо исходить из следующего факта: новообразование постоянного капитала, в отличие от воспроизводства уже существующего постоянного капитала, имеет своим источником прибыль; при этом предполагается, что, с одной стороны, заработной платы хватает лишь на воспроизводство рабочей силы и что, с другой стороны, вся прибавочная стоимость целиком входит в категорию «прибыли», так как *непосредственно присваивает* всю прибавочную стоимость не кто иной, как промышленный капиталист, независимо от того, кому и где ему приходится впоследствии отдавать часть ее.

{«Капиталистический предприниматель является всеобщим распределителем богатства: он выплачивает рабочим заработную плату, капиталисту (денежному) — ссудный процент, земельному собственнику — ренту» (*Рамсей,* стр. 218—219).

Называя всю прибавочную стоимость прибылью, мы рассматриваем капиталиста как то лицо, которое 1) непосредственно присваивает всю созданную прибавочную стоимость и 2) распределяет эту прибавочную стоимость так, что в этом дележе участвуют он сам, денежный капиталист и собственник земли.}

[VII—273] Однако то обстоятельство, что этот новый постоянный капитал возникает из прибыли, означает только, что он обязан своим происхождением определенной части прибавочного труда рабочих. Это аналогично тому, как дикарь — помимо времени, затрачиваемого на охоту, — должен затрачивать еще какое-то время на изготовление лука, а крестьянин, при патриархальном земледелии, — помимо времени, идущего на обработку земли, — должен затрачивать определенное количество рабочего времени на изготовление большей части своих орудий.

Но вопрос здесь в том, кто именно работает, чтобы возместить эквивалент постоянного, уже затраченного в производстве, капитала? Та часть труда, которую рабочий выполняет для самого себя, возмещает его заработную плату или, если рассматривать все производство в целом, создает его заработную плату. Напротив, его прибавочный труд, образующий прибыль, отчасти составляет фонд потребления для. капиталиста, отчасти превращается в добавочный капитал. Но капиталист не этим прибавочным трудом, или прибылью, возмещает тот капитал, который уже затрачен в его собственном производстве. {Если бы дело обстояло так, то прибавочная стоимость служила бы по фондом для нового капиталообразования, а фондом для

сохранения старого капитала.} Однако необходимый труд, образующий заработную плату, и прибавочный труд, образующий прибыль, заполняет собой весь рабочий день, не оставляя места для какого бы то ни было другого труда. («Труд по надзору», выполняемый — предположительно — капиталистом, включен в заработную плату. С этой стороны капиталист является наемным рабочим, хотя и не другого капиталиста, а своего собственного капитала.) Откуда же берется тот источник, тот труд, который возмещает постоянный капитал?

Та часть капитала, которая израсходована на заработную плату, возмещается (не говоря уже о прибавочном труде) новым производством. Рабочий потребляет заработную плату, но он присоединяет столько же нового труда, сколько он уничтожил старого, а если мы будем рассматривать весь рабочий класс в целом, не допуская того, чтобы разделение труда сбивало нас с толку, то увидим, что рабочий воспроизводит не только ту же самую стоимость, но и те же самые потребительные стоимости, так что — в зависимости от производительности его труда — одна и та же стоимость, одно и то же количество труда воспроизводит себя в виде большей или меньшей массы тех же самых потребительных стоимостей.

В какой бы момент времени мы ни взяли общество, мы увидим, что одновременно во всех сферах производства существует, хотя и в весьма различных соотношениях, определенный постоянный капитал, который предполагается как условие производства, раз навсегда принадлежит производству и должен быть возвращен ему — подобно тому, как семена возвращаются почве. *Стоимость* этой постоянной части может, правда, понижаться или повышаться в зависимости от того, дешевле или дороже обходится воспроизводство тех товаров, из которых эта часть состоит. Однако такое *изменение стоимости* никогда не мешает тому, чтобы постоянная часть капитала, входящая в производственный процесс как условие производства, представляла собой в этом процессе заранее данную стоимость, которая должна снова появиться в стоимости продукта. Это изменение стоимости самого постоянного капитала можно, следовательно, оставить здесь без внимания. При всех обстоятельствах он фигурирует здесь как определенное количество *прошлого, овеществленного* труда, которое переходит в стоимость продукта как один из определяющих ее факторов. Поэтому мы, — для того чтобы резче очертить проблему, — примем, что издержки производства[42], или стоимость, постоянной части капитала тоже не изменяются, остаются постоянными, Дело нисколько не меняется также и от того, что, например,

в течение одного года не вся стоимость постоянного капитала переходит в продукты, что она, — поскольку речь идет о стоимости основного капитала, — лишь в течение ряда лет переходит в произведенную за это время массу продуктов. Ибо речь идет здесь только о той части постоянного капитала, которая действительно потребляется в течение года и, следовательно, должна быть и возмещена в течение того же года.

Совершенно очевидно, что вопрос о воспроизводстве постоянного капитала относится к отделу о процессе воспроизводства или процессе обращения капитала, но это не мешает тому, чтобы основная проблема была разобрана уже здесь.

[274] Возьмем прежде всего заработную плату рабочего. Он получает определенную сумму денег, в которой материализовано, допустим, 10 часов труда, при рабочем дне в 12 часов, отдаваемых им капиталисту. Эта заработная плата превращается в жизненные средства. Все эти жизненные средства являются товарами. Предполагается, что цена этих товаров равна их стоимости. Однако в их стоимости имеется такая составная часть, которая покрывает собой стоимость содержащихся в них сырья и изношенных средств производства. Но все составные части стоимости этих товаров, взятые вместе, содержат в себе, как и израсходованная рабочим заработная плата, только 10 часов труда. Предположим, что $^2/_3$ стоимости этих товаров состоят из стоимости содержащегося в них постоянного капитала, а $^1/_3$, напротив, из труда, завершившего процесс производства и превратившего продукт в предмет потребления. Таким образом, рабочий своими 10-ю часами живого труда возмещает $^2/_3$ постоянного капитала и $^1/_3$ живого (в течение года присоединенного к предмету) труда. Если бы в жизненных средствах — в товарах, покупаемых рабочим, — вовсе не содержалось постоянного капитала; если бы необходимое для их производства сырье ничего не стоило и никаких орудий труда при этом не требовалось бы, — то возможно было бы одно из двух. Либо товары содержали бы в себе, как и прежде, 10 часов труда. В таком случае рабочий возместил бы 10 часов живого труда 10-ю же часами живого труда. Либо та же самая масса потребительных стоимостей, в которую превращается его заработная плата и которая необходима ему для воспроизводства его рабочей силы, стоила бы только $3^1/_3$ часа труда (предполагается отсутствие орудий труда и такого сырья, которое само было бы уже продуктом труда). В последнем случае необходимый труд рабочего составлял бы только $3^1/_3$ часа, и его заработная плата понизилась бы на самом деле до $3^1/_3$ часа овеществленного рабочего времени.

Предположим, что товаром является холст — 12 арш. холста (нас, конечно, совершенно не интересует здесь, какова действительная цена) = 36 шилл., или 1 ф. ст. 16 шилл. Пусть $^1/_3$ этой суммы составляет присоединенный труд, а $^2/_3$ приходятся на сырье (пряжу) и износ машин. Допустим, что необходимое рабочее время равно 10 часам; следовательно, прибавочный труд равен 2 часам. Пусть один час труда, выраженный в деньгах, равняется 1 шилл. В таком случае 12 часов труда = 12 шилл., заработная плата = 10 шилл., прибыль = 2 шилл. Предположим, что всю заработную плату и всю прибыль, составляющие вместе 12 шилл., другими словами всю стоимость, присоединенную к сырью и машинам, все количество нового рабочего времени, материализованное в процессе превращения пряжи в холст, рабочий и капиталист израсходовали на покупку этого самого холста в качестве предмета потребления. (Возможно, что впоследствии на покупку продукта собственного производства будет затрачено более одного рабочего дня.) Аршин холста стоит 3 шилл. На 12 шилл., если сложить заработную плату и прибыль, рабочий и капиталист вместе могут купить только 4 арш. холста. В этих 4 арш. холста содержится 12 часов труда, из которых, однако, только 4 представляют вновь присоединенный труд, а 8 представляют труд, овеществленный в постоянном капитале. На 12 часов труда заработная плата и прибыль вместе покупают только одну треть своего совокупного продукта, так как две трети этого совокупного продукта состоят из постоянного капитала. 12 часов труда распадаются на 4 + 8, из которых 4 возмещают сами себя, а 8 возмещают тот труд, который, независимо от труда, присоединенного в процессе тканья, вошел в этот процесс в материализованной уже форме, в виде пряжи и машины.

Итак, что касается той части продукта, или товара, которая обменивается или покупается на заработную плату и прибыль в качестве предмета потребления (или для какой-либо цели, связанной с самим воспроизводством, ибо цель, ради которой покупается товар, нисколько не меняет дела), — то ясно, что часть стоимости этого продукта, соответствующая постоянному капиталу, оплачивается из фонда вновь присоединенного труда, который распадается на заработную плату и прибыль. Много ли или мало постоянного капитала, много ли или мало труда, присоединенного в последнем процессе производства, покупается на заработную плату и прибыль, вместе взятые; в каких пропорциях оплачивается труд, присоединенный на последней стадии производства, и в каких пропорциях оплачивается труд, овеществленный в постоянном капитале, — все это зависит

от той первоначальной пропорции, в какой они, как составные части стоимости, вошли в готовый товар. Ради упрощения мы предполагаем отношение двух третей труда, овеществленного в постоянном капитале, к одной трети вновь присоединенного труда.

[275] В связи с этим выясняются следующие два момента:

Во-первых. Отношение, предположенное нами для холста, т. е. для того случая, когда рабочий и капиталист реализуют заработную плату и прибыль в товаре собственного производства, когда они покупают обратно часть своего собственного продукта, — это отношение не изменяется, если они ту же самую сумму стоимости расходуют на другие продукты. Согласно сделанному предположению, что в каждом товаре содержится $^2/_3$ постоянного капитала и $^1/_3$ вновь присоединенного труда, заработная плата и прибыль, вместе взятые, всегда могут купить только $^1/_3$ продукта. 12 часов труда = 4 арш. холста. Если эти 4 арш. холста превращаются в деньги, то они существуют в виде 12 шилл. Если эти 12 шилл. превращаются, в свою очередь, не в холст, а в другой товар, то они покупают товар стоимостью в 12 часов труда, из которых 4 часа составляют вновь присоединенный труд, а 8 — труд, овеществленный в постоянном капитале. Следовательно, это отношение является всеобщим при том предположении, что в других товарах так же, как и в холсте, существует то же первоначальное отношение между трудом, присоединенным на последней стадии производства, и тем трудом, который овеществлен в постоянном капитале.

Во-вторых. Если вновь присоединенный за день труд равен 12 часам, то из этих 12 часов только 4 возмещают сами себя, т. е. возмещают живой, вновь присоединенный труд, тогда как 8 оплачивают труд, овеществленный в постоянном капитале. Но кто же оплачивает эти 8 часов живого труда, не возмещаемые этим же самым живым трудом? Оплачивают их те именно 8 часов овеществленного труда, которые содержатся в постоянном капитале и обмениваются на 8 часов живого труда.

Не подлежит, следовательно, никакому сомнению, что та часть готового товара, которая покупается на всю сумму заработных плат и прибылей (взятые вместе, они представляют не что иное, как совокупное количество труда, вновь присоединенного к постоянному капиталу), возмещается во всех своих элементах. Возмещается вновь присоединенный труд, содержащийся в этой части, а равно и то количество труда, которое содержится в постоянном капитале. Не подлежит, далее, никакому сомнению, что содержащийся в постоянном капитале

труд получил при этом свой эквивалент из фонда живого, вновь присоединенного к нему труда.

Но здесь-то и начинается затруднение. *Совокупный продукт* 12-часового ткацкого труда, — а этот совокупный продукт весьма отличается от того, что произвел ткацкий труд сам по себе, — равен 12 арш. холста стоимостью в 36 часов труда или 36 шилл. Но заработная плата и прибыль, вместе взятые, или совокупное рабочее время в 12 часов, могут из этих 36 часов труда выкупить *только* 12; другими словами, из совокупного продукта они могут выкупить всего только 4 арш., ни на один аршин больше. Что же будет с остальными 8 арш.? (*Форкад, Прудон*[43].)

Заметим прежде всего, что 8 арш. представляют не что иное, как затраченный постоянный капитал. Но этот последний получил измененную форму потребительной стоимости. Он существует в виде нового продукта, уже не в виде пряжи, ткацкого станка и т. д., а в виде холста. Эти 8 арш. холста, как и 4 остальных, купленных на заработную плату и прибыль, состоят, по стоимости, на одну треть — из труда, присоединенного в процессе тканья, и на две трети — из труда прошлого, материализованного в постоянном капитале. Но если раньше, при 4 арш., одна треть вновь присоединенного труда покрывала содержащийся в 4 арш. ткацкий труд, т. е. самоё себя, а остальные две трети ткацкого труда покрывали содержащийся в 4 арш. холста постоянный капитал, то теперь, наоборот, содержащийся в 8 арш. холста постоянный капитал покрывается двумя третями постоянного капитала, а содержащийся в них вновь присоединенный труд покрывается одной третью постоянного капитала.

Что же будет теперь с этими 8 арш. холста, содержащими в себе, впитавшими в себя стоимость всего постоянного капитала, — стоимость, которая в течение 12-часового ткацкого труда переносилась на продукт, входила в процесс его производства, а теперь существует в форме продукта, предназначенного для непосредственного, индивидуального (не производственного) потребления?

Эти 8 арш. принадлежат капиталисту. Если бы он захотел их сам потребить, — подобно тому, как он потребил те $^2/_3$ арш., которые представляют его прибыль, — [276] то он не мог бы воспроизвести постоянный капитал, участвующий в 12-часовом процессе тканья; он вообще но мог бы — поскольку речь идет о капитале, участвующем в этом двенадцатичасовом процессе, — продолжать функционировать как капиталист. Итак, он продает 8 арш. холста, превращает их в деньги на сумму в 24 шилл.,

или 24 часа труда. Но здесь-то мы и наталкиваемся на затруднение. Кому он продаст их? В чьи деньги он превращает их? К этому мы скоро вернемся. Пока же проследим дальнейший ход процесса.

Как только капиталист превратил в деньги, продал, перевел в форму меновой стоимости 8 арш. холста, — т. е. ту часть стоимости своего продукта, которая равна авансированному им постоянному капиталу, — он на вырученные деньги снова покупает товары, однородные (по своим потребительным стоимостям) с теми товарами, из которых первоначально был составлен его постоянный капитал: он покупает пряжу, ткацкий станок и т. д. Он распределяет 24 шилл. на покупку сырья и орудий производства в такой пропорции, в какой они нужны для изготовления нового холста.

Таким образом, его постоянный капитал, в отношении потребительной стоимости, возмещен новыми продуктами такого же труда, что и те продукты, из которых он состоял первоначально. Капиталист воспроизвел постоянный капитал. Но эта новая пряжа, новый ткацкий станок и т. д. состоят точно так же (согласно предположению) на две трети из постоянного капитала и на одну треть из вновь присоединенного труда. Следовательно, если первые 4 арш. холста (вновь присоединенный труд и постоянный капитал) были оплачены исключительно вновь присоединенным трудом, то эти 8 арш. холста возмещаются необходимыми для данного производства вновь произведенными элементами, которые состоят частью из вновь присоединенного труда, частью из постоянного капитала. Таким образом, по крайней мере часть постоянного капитала обменивается, по-видимому, на постоянный же капитал в другой форме. Возмещение продуктов есть нечто реальное, так как — одновременно с переработкой пряжи в холст — лен перерабатывается в пряжу, а семена льна — в лен; точно так же одновременно с изнашиванием ткацкого станка изготовляется новый ткацкий станок, а во время изготовления этого последнего добываются вновь дерево и железо. Одновременно с тем, как определенные элементы производятся в данной сфере производства, в другой сфере происходит их переработка. И хотя каждый из всех этих *одновременных* процессов производства представляет более высокую стадию изготовления продукта, однако во всех них одновременно потребляется в различных пропорциях постоянный капитал.

Итак, стоимость готового продукта, холста, распадается на две части, из которых одна вновь покупает произведенные в это самое время элементы постоянного капитала, а другая

расходуется на предметы потребления. Для упрощения мы здесь совершенно не принимаем во внимание обратное превращение части прибыли в капитал, т. е. допускаем — как и во всем этом исследовании, — что заработная плата плюс прибыль, т. е. вся сумма труда, присоединенного к постоянному капиталу, потребляется как доход.

Остается только ответить на вопрос: кто именно покупает ту часть совокупного продукта, стоимость которой затрачивается на то, чтобы опять купить вновь произведенные за это время элементы постоянного капитала? Кто покупает 8 арш. холста? Чтобы отрезать путь каким бы то ни было уверткам, мы принимаем, что это такой сорт холста, который предназначен специально для индивидуального потребления, а не — как, например, парусный холст — для потребления производственного. Необходимо также оставить здесь в стороне чисто промежуточные торговые операции, поскольку они являются лишь посредническими. Например, если 8 арш. холста продаются купцу и проходят через руки не одного, а целых двадцати купцов, двадцать раз покупаются и снова продаются, то в двадцатый раз они, в конце концов, должны быть проданы купцом действительному потребителю, — этот последний, таким образом, на самом деле платит либо производителю, либо *последнему,* двадцатому купцу, представляющему по отношению к потребителю *первого купца,* т. е. действительного производителя. Эти промежуточные сделки отодвигают или, если угодно, опосредствуют заключительную сделку, но не объясняют се. Вопрос остается тем же самым, спросим ли мы: кто покупает 8 арш. холста у фабриканта холста? — или же спросим: [277] кто покупает их у двадцатого купца, в руки которого они попали путем целого ряда меновых сделок?

Эти 8 арш. холста совершенно так же, как и первые 4 арш., должны перейти в фонд потребления. Это значит, что они могут быть оплачены только из заработной платы и прибыли, ибо заработная плата и прибыль являются единственными источниками дохода для производителей, которые одни только и фигурируют здесь как потребители. 8 арш. холста содержат 24 часа труда. Допустим (считая 12 часов труда за общепринятый нормальный рабочий день), что рабочий и капиталист двух других отраслей расходуют всю свою заработную плату и прибыль на холст, подобно тому, как в ткацкой промышленности рабочий и капиталист израсходовали на холст весь свой рабочий день (рабочий — свои 10 часов, капиталист — полученные им от рабочего 2 часа прибавочной стоимости, приходящиеся на эти 10 часов). В таком случае фабрикант холста

продал бы свои 8 арш.; тем самым была бы возмещена приходящаяся на 12 арш. *стоимость* его постоянного капитала, и эта стоимость могла бы быть снова затрачена на те определенные товары, из которых состоит постоянный капитал, *так как* эти находящиеся на рынке товары — пряжа, ткацкий станок и пр. — производились в то самое время, когда пряжа и ткацкий станок перерабатывались в холст. То обстоятельство, что *производство* пряжи и ткацкого станка как продуктов *совершается одновременно* с тем процессом производства, в который они входят как продукты, но из которого они выходят уже не в качестве самостоятельных продуктов, — это обстоятельство делает понятным, почему та часть *стоимости* холста, которая равняется стоимости переработанного в нем материала, ткацкого станка и пр., может быть снова превращена в пряжу, ткацкий станок и пр. Если бы это производство элементов холста не происходило одновременно с производством самого холста, то 8 арш. холста — даже в том случае, если бы они были проданы, превращены в деньги, — не могли бы быть обратно превращены из денег в постоянные элементы холста*.

Но, с другой стороны, хотя на рынке и имеется новая пряжа, новый ткацкий станок и т. д. и процесс производства новой пряжи, нового ткацкого станка происходил, следовательно, в то самое время, когда готовая пряжа и готовый ткацкий станок превращались в холст; хотя пряжа и ткацкий станок производились, таким образом, одновременно с холстом, — несмотря на это, 8 арш. холста не могут быть обратно превращены в эти вещественные элементы постоянного капитала ткацкого производства до тех пор, пока они не будут проданы, пока они не будут превращены в деньги. Стало быть, непрерывное реальное производство элементов холста, которое все время идет параллельно производству самого холста, еще не может объяснить нам воспроизводство постоянного капитала, пока мы не знаем, откуда берется фонд, необходимый для того, чтобы купить 8 арш. холста, для того, чтобы вернуть им форму денег, самостоятельной меновой стоимости.

Чтобы разрешить это последнее затруднение, мы приняли, что *В и С,* — скажем, сапожник и мясник, — целиком расходуют на холст всю сумму своей заработной платы и прибыли, т. е. 24 часа рабочего времени, которыми они располагают. Что касается *А,* ткача холста, то мы этим путем вышли из за-

* Как это происходит, например, в настоящее время, вследствие Гражданской войны в Америке, с пряжей и ситцем хлопчатобумажных фабрикантов. Одна лишь продажа их продукта не обеспечивает им указанного обратного превращения, так как на рынке нет хлопка.

труднения. Весь его продукт, 12 арш. холста, в которых овеществлены 36 часов труда, возмещен исключительно заработной платой и прибылью, т. е. всей суммой рабочего времени, вновь присоединенного к постоянному капиталу в сферах производства *A, B* и *C.* Все содержащееся в холсте рабочее время, — как воплощенное уже раньше в его постоянном капитале, так и вновь присоединенное в процессе тканья, — теперь обменено на такое рабочее время, которое не существовало уже раньше, в виде постоянного капитала, в какой-либо сфере производства, а в одно и то же время было присоединено к постоянному капиталу *на последней стадии производства* в трех указанных сферах — *A*, *B* и *C*.

Итак, если по-прежнему ошибочно было бы сказать, что первоначальная стоимость холста распадается только на заработную плату и прибыль, — ибо она в действительности распадается на стоимость, равную сумме заработной платы и прибыли, т. е. 12 часам тканья, и на 24 часа труда, которые, независимо от процесса тканья, содержались в пряже, в ткацком станке, одним словом в постоянном капитале, — то, напротив, правильно было бы сказать, что эквивалент 12 арш. холста, т. е. 36 шилл., за которые они проданы, распадается только на заработную плату и прибыль, что, следовательно, не только ткацкий труд, но также и труд, содержащийся в пряже и ткацком станке, возмещаются исключительно вновь присоединенным трудом, а именно: 12 часами труда в *A*, 12 часами в *B* и 12 часами в *C*.

Стоимость, которой обладает сам проданный товар, распадается [278] на вновь присоединенный труд (заработную плату и прибыль) и на прошлый труд (стоимость постоянного капитала); такова стоимость товара для продавца (а это и есть действительная стоимость товара). Напротив, стоимость, покупающая этот товар, — эквивалент, который покупатель дает продавцу, — свелась в нашем примере исключительно к вновь присоединенному труду, к заработной плате и прибыли. Но так как всякий товар до того, как он продан, есть товар, подлежащий продаже, а в деньги он превращается лишь посредством простого изменения формы, то всякий товар, в качестве продаваемого товара, должен был бы в таком случае состоять из других составных частей стоимости, чем те, из которых он состоит в качестве товара покупающего (в качестве денег). А это нелепо. Далее: труд, выполненный обществом в течение, например, одного года, не только покрывал бы сам себя, — так что если всю товарную массу разделить на две равные части, одна половина годового труда образовала бы эквивалент для другой половины, — но та одна треть труда, которую

в совокупном труде, содержащемся в годовом продукте, составляет труд текущего года, покрывала бы три трети труда, т. е. равнялась бы величине в три раза большей, чем она сама. А это еще более нелепо.

В вышеприведенном примере мы переместили затруднение, передвинув его от *А к В и С.* Но от этого оно только увеличилось, а отнюдь не стало более простым. *Во-первых,* пока мы имели дело только с А, у нас был тот выход, что 4 арш., содержащие столько же рабочего времени, сколько его было присоединено к пряже, — а это составляет сумму прибыли и заработной платы в сфере *А,* — что эти 4 арш. потребляются в виде самого же холста, в продукте собственного труда. Иначе обстоит дело с *В* и *С,* ибо сумму присоединенного ими рабочего времени— сумму заработной платы и прибыли — они потребляют в продукте сферы *А,* в холсте, следовательно не в продукте *В* и *С.* Они, стало быть, должны продавать не только ту часть своего продукта, которая представляет 24 часа труда, содержащиеся в постоянном капитале, но и ту часть своего продукта, которая представляет 12 часов рабочего времени, вновь присоединенного к постоянному капиталу. Сфера *В* должна продать 36 рабочих часов, а не только 24, как это было в сфере *А.* Точно так же обстоит дело и с С. *Во-вторых,* для того, чтобы продать постоянный капитал сферы А, чтобы сбыть его с рук, превратить в деньги, нужен весь вновь присоединенный труд не только сферы *В,* но также и сферы *С. В-третьих, В* и *С* не могут продать сфере *А* ни одной доли своего продукта, так как вся та часть продукта *А*, которая сводится к доходу, уже израсходована в самой сфере *А* производителями продукта *А*. *В* и *С* не могут также возместить постоянную часть А ни одной частью своего собственного продукта, так как, согласно предположению, их продукты представляют собой не элементы производства *А*, а товары, входящие в индивидуальное потребление. С каждым дальнейшим шагом трудность все возрастает.

Для того чтобы 36 часов, содержащихся в продукте *А* (а именно, $^2/_3$, или 24 часа, содержащиеся в постоянном капитале, и $^1/_3$, или 12 часов, вновь присоединенного труда), можно было обменять исключительно на тот труд, который присоединен к постоянному капиталу, — для этого нужно было, чтобы заработная плата и прибыль в *А*, т. е. 12 часов труда, присоединенного в *А*, сами потребили $^1/_3$ продукта этой же сферы. Остальные $^2/_3$ совокупного продукта, т. е. 24 часа, представляли стоимость, заключенную в постоянном капитале. Эта стоимость была обменена на всю сумму заработной платы и прибыли сфер *В и С,* т. е. на вновь присоединенный труд

в сферах *B и C.* Но для того чтобы *B* и *C* могли купить холст на те содержащиеся в их продуктах 24 часа, которые сводятся к заработной плате [и прибыли], они должны продать эти 24 часа в виде своих собственных продуктов. Кроме того, они 48 часов в продуктах своего собственного производства должны продать для возмещения постоянного капитала. Таким образом, им приходится продать продукты *B* и *C* в размере 72 часов в обмен на совокупную сумму прибыли и заработной платы других сфер производства — *D, E* и т. д.; при этом (предполагая нормальный рабочий день равным 12 часам) на покупку продуктов *B та. C* должны быть израсходованы 12 × 6, т. е. 72 часа, — т. е. труд, вновь присоединенный в шести других сферах производства; [279] следовательно, должна быть израсходована прибыль и заработная плата сфер *D, E, F, G, H, I,* иными словами — вся сумма труда, присоединенного к соответствующим постоянным капиталам в этих сферах.

При данных условиях стоимость совокупного продукта *B* + *C* была бы оплачена одним лишь вновь присоединенным трудом, т. е. суммой заработной платы и прибыли в шести сферах производства — *D, E, F, G, H, I.* Но в этих шести сферах весь совокупный продукт опять-таки должен быть продан (так как ни одна часть их продуктов не потребляется самими их производителями, которые весь свой доход поместили уже в продукты *B* и *C),* и ни одна часть этого совокупного продукта не может быть реализована внутри этих же сфер. Речь идет, стало быть, о продукте 6 × 36 часов труда, т. е. 216 часов труда, из которых 144 приходятся на постоянный капитал и 72 (т. е. 6 × 12) — на вновь присоединенный труд. Для того чтобы превратить теперь в свою очередь продукты D и т. д. подобным же образом в заработную плату и прибыль, т. е. во вновь присоединенный труд, нужно было бы, чтобы весь труд, вновь присоединенный в 18 сферах производства K^1—K^{18}, т. е. совокупная сумма заработной платы и прибыли в этих 18 сферах, был целиком затрачен на продукты сфер *D, E, F, G, H, I.* Эти 18 сфер K^1 — K^{18}, которые сами не потребили ни малейшей доли своего продукта, а, наоборот, весь свой доход затратили уже в шести сферах *D — I,* должны, в свою очередь, продать 18 × 36 часов труда, т. е. 648 часов труда, из которых 18 × 12 (216 часов) представляли бы вновь присоединенный труд, а 432 — труд, содержащийся в постоянном капитале. Следовательно, для того чтобы свести этот совокупный продукт K^1 — K^{18} *к* вновь присоединенному в других сферах труду, иными словами к сумме заработной платы и прибыли, — для этого понадобился бы вновь присоединенный труд сфер L^1 — L^{54},

а именно 12 × 54 = 648 часов труда. Сферы L^1—L^{54}, — для того чтобы обменять на вновь присоединенный труд свой совокупный продукт, равный 1944 часам (из которых 648 = 12 × 54 равны вновь присоединенному труду, а 1296 часов труда равны труду, содержащемуся в постоянном капитале), — должны были бы поглотить вновь присоединенный труд сфер M^1 — M^{162}, ибо 162 × 12 = 1944, эти последние сферы должны были бы, в свою очередь, поглотить вновь присоединенный труд сфер N^1 —N^{486}, и т. д.

Таков тот великолепный progressus in infinitum*, к которому нас приводит предположение, будто стоимость всех продуктов сводится к заработной плате и прибыли, т. е. к вновь присоединенному труду, и будто не только труд, вновь присоединенный к товару, но и постоянный капитал, содержащийся в этом товаре, должен быть оплачен трудом, вновь присоединенным в какой-либо другой сфере производства.

Для того чтобы свести содержащееся в продукте *А* рабочее время, 36 часов ($^1/_3$ — вновь присоединенный труд, $^2/_3$ — постоянный капитал), к вновь присоединенному труду, т. е. чтобы предположить, что оно оплачивается заработной платой и прибылью, мы, первым делом, приняли, что $^1/_3$ продукта (стоимость этой трети равна сумме заработной платы и прибыли) потребляется или, что то же самое, покупается самими производителями сферы А. Дальнейший ход рассуждения был таков[44]:

1) *Сфера производства А*. Продукт = *36* часам труда. 24 часа труда — постоянный капитал. 12 часов — вновь присоединенный труд. $^1/_3$ продукта потребляется участвующими в распределении этих 12 часов сторонами — заработной платой и прибылью, рабочими и капиталистами. Остается еще продать $^2/_3$ продукта *А*, равные 24 часам труда, которые содержатся в постоянном капитале.

2) *Сферы производства* B^1 — B^2. Продукт = *72* часам труда; из них *24* — присоединенный труд, а 48 — постоянный капитал. Присоединенным трудом эти сферы покупают те две трети продукта *А*, которые возмещают стоимость постоянного капитала *А*. Но в целом сферы B^1—B^2 должны продать 72 часа труда, из которых состоит стоимость их совокупного продукта.

3) *Сферы производства* C^1 — C^6. Продукт = *216* часам труда, из них *72* — вновь присоединенный труд (заработная плата и прибыль). Присоединенным трудом они покупают весь про-

* — прогресс в бесконечность. *Ред.*

дукт B^1 — B^2. Но продать они должны 216, из которых 144 — постоянный капитал.

[280] 4) *Сферы производства* D^1 — D^{18}. Продукт = 648 часам труда; 216 — присоединенный труд и 432 — постоянный капитал. Присоединенным трудом они покупают совокупный продукт сфер производства C^1 — C^6 = 216. Но продать они должны 648.

5) *Сферы производства* E^1 — E^{54}. *Продукт* = 1944 часам труда; 648 — присоединенный труд и 1296 — постоянный капитал. Они покупают совокупный продукт сфер производства $\boldsymbol{D^1}$ —D^{18}, но должны продать 1944.

6) *Сферы производства* F^1 — F^{162}. *Продукт* = 5832, из которых 1944 — присоединенный труд и 3888 — постоянный капитал. На 1944 они покупают продукт E^1 — E^{54}. Продать они должны 5832.

7) *Сферы производства* G^1 — G^{486}.

Ради упрощения, в каждой сфере производства предполагается всякий раз только один рабочий день — в двенадцать часов, — который делится между капиталистом и рабочим. Увеличение числа этих рабочих дней не решает вопроса, а без всякой надобности усложняет его.

Итак, чтобы яснее представить себе закон этого ряда:

1) *А*. *Продукт* = 36 часам; постоянный капитал = 24 часам. *Сумма заработной платы и прибыли,* или *вновь присоединенный труд* = 12 часам. Эти последние потребляются капиталом и трудом в виде продукта самой сферы А.

Подлежащий продаже продукт *А* = его постоянному капиталу = 24 часам.

2) B^1 — B^2. Нам нужны здесь 2 рабочих дня, следовательно 2 сферы производства, для того чтобы оплатить 24 часа сферы *А*.

Продукт = 2 × 36 = 72 часам, из которых 24 часа — присоединенный труд, а 48 — постоянный капитал.

Подлежащий продаже продукт B^1 и B^2 = 72 часам труда; ни одна его часть не потребляется в самих этих сферах.

6) C^1 — C^6. Нам нужны здесь 6 рабочих дней, так как 72 = 12 × 6 и весь продукт B^1 — B^2 должен быть потреблен трудом, присоединенным в C^1 — C^6. Продукт = 6 × 36 = 216 часам труда, из которых 72 — вновь присоединенный труд, а 144 — постоянный капитал.

18) D^1 — D^{18}. Нам нужны здесь 18 рабочих дней, ибо 216 = 12 × 18. А так как на рабочий день приходится $^2/_3$ постоянного капитала, то совокупный продукт = 18 × 36 = 648 (432 — постоянный капитал).

И т. д.

Поставленные в начале абзацев цифры 1, 2 и т. д. означают число рабочих дней или различных видов труда в различных сферах производства, так как для каждой сферы мы принимаем один рабочий день.

Итак: 1) *А. Продукт — 36 часов.* Присоединенный труд — *12* часов. *Подлежащий продаже продукт* (постоянный капитал) = 24 часам.

Или:

1) *А. Продукт, подлежащий продаже,* или *постоянный капитал* = 24 часам. Совокупный продукт — 36 часов. Присоединенный труд — *12 часов.* Последние *потреблены, в самой сфере А.*

2) B^1 — B^2. На присоединенный труд эти сферы покупают 24 часа *А. Постоянный капитал* — 48 часов. *Совокупный продукт* — 72 часа.

6) C^1 — C^6. На присоединенный труд они покупают *72* часа B^1 — B^2 (= 12 × 6). *Постоянный капитал* — 144, совокупный продукт — 216. И т. д.

[281] Итак:

1) *А.* Продукт = 3 рабочим дням (36 часам). 12 часов — вновь присоединенный труд. *24 часа* — постоянный капитал.

2) $B^{1\text{-}2}$. *Продукт* = 2 × 3 = 6 рабочим дням (72 часам). Присоединенный труд = *12 × 2 = 24 часам. Постоянный ка-питал* = 48 = 2 × 24 часам.

6) $C^{1\text{-}6}$. *Продукт* = 3 × 6 рабочим дням = 3 × 72 часам = 216 часам труда. *Присоединенный труд* = 6 × 12 часам труда (= 72 часам труда). *Постоянный капитал* = 2 × 72 = 144.

18) $D^{1\text{-}18}$. *Продукт* = 3 × 3 × 6 рабочим дням = 3 × 18 рабочим дням = 54 рабочим дням = 648 часам труда. Присоединенный труд = 12 × 18 = *216.* Постоянный капитал = 432 часам труда.

54) $E^{1\text{-}54}$. *Продукт* = 3 × 54 рабочим дням = 162 рабочим дням = 1944 часам труда. Присоединенный труд = 54 рабочим дням = 648 часам труда; постоянный капитал = 1296 часам труда.

162) F^1 — F^{162}. *Продукт* = 3 × 162 рабочим дням = 486 рабочим дням = 5832 часам труда, из которых 162 рабочих дня, т. е. 1944 часа труда, — присоединенный труд, а 3888 часов труда — постоянный капитал.

486) $G^{1\text{-}486}$. *Продукт = 3 × 486 рабочим дням,* из которых 486 рабочих дней, т. е. 5832 часа труда, — присоединенный труд, а 11664 часа труда — постоянный капитал.

И т. д.

Здесь мы имели бы уже весьма изрядную сумму, слагающуюся из 1 + 2 + 6 + 18 + 54 + 162 + 486 различных рабочих дней в различных сферах производства, в 729 различных сферах, что предполагает уже значительно расчлененное общество.

Для того чтобы из совокупного продукта сферы *А,* — в которой к постоянному капиталу в 2 рабочих дня присоединяются только 12 часов труда, т. е. 1 рабочий день, а заработная плата и прибыль потребляют свой собственный продукт, — продать только постоянный капитал в 24 часа, и притом опять только в обмен на вновь присоединенный труд, на заработную плату и прибыль, — для этого нам нужны:

2 рабочих дня в B^1 и B^2. Но на эти 2 дня приходятся 4 рабочих дня постоянного капитала, так что совокупный продукт $B^{1\text{-}2}$ равен 6 рабочим дням. Эти последние должны быть проданы *полностью,* так как *начиная отсюда* предполагается, что каждая последующая сфера ничего не потребляет из своего собственного продукта, а свою прибыль и заработную плату затрачивает только на продукт предшествующей сферы. Для того чтобы возместить эти 6 рабочих дней, содержащиеся в продукте $B^{1\text{-}2}$, необходимы 6 рабочих дней, которые, в свою очередь, предполагают постоянный капитал в 12 рабочих дней. Поэтому совокупный продукт $C^{1\text{-}6}$ равен 18 рабочим дням. Для того чтобы их возместить вновь присоединенным трудом, необходимы 18 рабочих дней ($D^{1\text{-}18}$), которые опять-таки предполагают постоянный капитал в 36 рабочих дней. Следовательно, предполагается продукт в 54 рабочих дня. Для возмещения этих последних нужны 54 рабочих дня $E^{1\text{-}54}$, предполагающие постоянный капитал в 108. Продукт равен 162 рабочим дням. Наконец, для возмещения этих последних нужны 162 рабочих дня, предполагающие, в свою очередь, постоянный капитал в 324 рабочих дня; следовательно, нужен совокупный продукт в 486 рабочих дней. Таким является продукт F^1 — F^{162}. Наконец, для того чтобы возместить этот продукт $\text{Т}^{71"162}$, нужны 486 рабочих дней ($G^{1\text{-}486}$), предполагающих постоянный капитал в 972 рабочих дня. Следовательно, совокупный продукт $G^{1\text{-}486}$ = 972 + 486 = 1458 рабочим дням.

Но предположим теперь, что со сферой *G* мы достигли предела, дальше которого двигаться некуда, — [282] ведь во всяком обществе изображенный выше переход от одной сферы к другой скоро должен натолкнуться на предел. Как же в таком случае обстоит дело? Мы имеем продукт, в котором содержится 1458 рабочих дней, причем из них 486 дней приходятся на вновь присоединенный труд, а 972 — на труд, овеществленный в постоянном капитале. 486 дней вновь присоединенного труда

могут быть обменены в предыдущей сфере — $F^{1\text{-}162}$. Но на что могут быть куплены 972 рабочих дня, содержащиеся в постоянном капитале? За пределами G^{486} нет уже никакой новой сферы производства, а следовательно, и никакой новой сферы обмена. В предшествующих же ей сферах, за исключением $F^{1\text{-}162}$, ничего обменять нельзя. Да и сама сфера $G^{1\text{-}486}$ всю содержащуюся в ней заработную плату и прибыль до последнего сантима израсходовала в сфере $F^{1\text{-}162}$. Таким образом, 972 рабочих дня, овеществленные в продукте $G^{1\text{-}486}$ и равняющиеся стоимости содержащегося в нем постоянного капитала, не могут быть проданы. Следовательно, нам нисколько не помогло то, что затруднение, на которое мы натолкнулись, — 8 арш. холста в сфере *A,* или 24 часа труда, 2 рабочих дня, представляющие в продукте этой сферы стоимость постоянного капитала, — мы передвинули почти через 800 отраслей производства.

Нисколько не поможет делу предположение, будто расчет получился бы другой, если бы, скажем, сфера *A* затратила не всю свою прибыль и заработную плату на холст, а часть их израсходовала бы на продукты *B* и *C.* Пределом для расходов служит количество часов присоединенного труда, содержащихся в А, *B, C,* вследствие чего эти сферы при всех обстоятельствах могут распоряжаться лишь таким количеством рабочего времени, которое равно присоединенному ими труду. Если одного какого-нибудь продукта они покупают больше, то другого они покупают меньше. Это только запутало бы расчет, но никоим образом не изменило бы результата.

Итак, что же нам делать?

В вышеприведенном расчете мы имеем:

	Продукт в рабочих днях	*Присоединенный труд*	*Постоянный капитал*
A)=	3	1	2
B)=	6	2	4
C)-	18	6	12
D)-	54	18	36
E)=	162	54	108
F)=	486	162	324
Итого:	729	243	486

($^{1}/_{3}$ продукта *A* потребляется в этой же сфере)
Если бы в этом расчете последние 324 рабочих дня (постоянный капитал в *F*) были сходны с тем постоянным капиталом, который земледелец возмещает себе сам, удерживая его из своего продукта и возвращая его земле, и который, следовательно, не должен оплачиваться новым трудом, — то расчет сошелся бы. По загадка была бы разгадана только благодаря тому, что часть постоянного капитала возмещает самоё себя.

Итак, в нашем расчете, в самом деле, на потребление ушло 243 рабочих дня, соответствующие вновь присоединенному труду. Стоимость последнего продукта, равная 486 рабочим дням, равняется стоимости совокупного постоянного капитала, содержащегося в *A — F,* которая тоже равна 486 рабочим дням. Чтобы найти для них объяснение, мы допускаем, что в *G* имеется 486 дней нового труда. Но этим мы достигаем только того, что вместо разбора вопроса, касающегося 486 дней постоянного капитала, [283] нам предстоит теперь удовольствие оперировать постоянным капиталом в 972 рабочих дня, содержащихся в продукте *G,* равном 1458 рабочим дням (972 постоянного капитала + 486 труда). Если бы мы захотели выпутаться из затруднения, предположив, что в сфере *G* процесс труда совершается без постоянного капитала, так что продукт равен только 486 дням вновь присоединенного труда, то наш расчет, конечно, был бы сведен без остатка, но тогда вопрос о том, кто оплачивает содержащуюся в продукте составную часть стоимости, образующую постоянный капитал, оказался бы разрешенным только потому, что мы допустили такой случай, когда постоянный капитал равен нулю, когда он, следовательно, не образует никакой составной части стоимости продукта.

Для того чтобы весь продукт А мог быть целиком продан в обмен на вновь присоединенный труд; для того чтобы можно было свести его к прибыли и заработной плате, — *весь присоединенный в А, В и С труд*[45] должен был быть израсходован в виде продукта труда сферы А. Точно так же, для того чтобы был продан весь продукт *В + С,* в обмен на него должен быть отдан весь присоединенный в D^{1} — D^{18} труд[46]. Равным образом, для того чтобы купить весь продукт D^{1} — D^{18}, нужен весь труд, присоединенный в $E^{1\text{-}54}$. Для покупки всего продукта $E^{1\text{-}54}$ нужен весь труд, присоединенный в $F^{1\text{-}162}$. И, наконец, для того чтобы купить весь продукт $F^{1\text{-}162}$, требуется все рабочее время, присоединенное в $G^{1\text{-}486}$. В конце концов, в этих 486 сферах производства, представляемых сферой $G^{1\text{-}486}$, все присоединенное рабочее время равняется всему продукту 162 сфер ***F,*** причем весь этот продукт, возмещаемый трудом, равновелик постоянному капиталу сфер А, $B^{1\text{-}2}$, $C^{1\text{-}6}$, $D^{1\text{-}18}$, $E^{1\text{-}54}$, $F^{1\text{-}162}$. Но постоянный капитал сферы *G,* который в два раза больше постоянного капитала, примененного в *A* — F^{162}, остался невозмещенным, да и не может быть возмещен.

В самом деле, мы нашли, — поскольку, согласно нашему предположению, в каждой сфере производства отношение вновь присоединенного труда к прошлому труду равно 1:2, — что, для того чтобы купить продукт предыдущих сфер, требуется

каждый раз весь вновь присоединенный труд новых сфер, число которых вдвое больше [числа всех предыдущих сфер, вместе взятых][47]: для покупки совокупного продукта *A* требуется присоединенный труд *A* и $B^{1\text{-}2}$, для покупки продукта $C^{1\text{-}6}$ требуется присоединенный труд 18 *D,* или $D^{1\text{-}18}$ (т. е. 2 × 9) и т. д. Коротко говоря, всегда нужно [еще] двойное количество вновь присоединенного труда по сравнению с трудом, содержащимся в самом продукте, так что в отношении последней сферы производства, *G,* дело обстоит так, что, для того чтобы купить весь продукт этой сферы, потребовалось бы [еще] двойное количество вновь присоединенного труда в сравнении с тем, какое здесь дано. Одним словом, в конечном пункте, в *G,* мы сталкиваемся с тем же обстоятельством, которое уже имело место в исходном пункте *A,* — с тем именно обстоятельством, что вновь присоединенный труд никак не может купить из своего собственного продукта долю, превышающую величину самого этого вновь присоединенного труда, и что он *не может* купить содержащийся в постоянном капитале прошлый труд.

Следовательно, невозможно, чтобы стоимость дохода покрывала стоимость всего продукта. А так как помимо дохода не существует никакого фонда, из которого мог бы быть оплачен продукт, продаваемый производителем (индивидуальному) потребителю, то невозможно, чтобы стоимость всего продукта минус стоимость дохода была вообще продана, оплачена или (индивидуально) потреблена. Но, с другой стороны, всякий продукт должен быть продан и оплачен по своей цене (согласно предположению, цена здесь равна стоимости).

Впрочем, уже с самого начала можно было предвидеть, что включение промежуточных актов обмена — продаж и покупок различных товаров, или продуктов различных сфер производства, — не подвинет нас ни на шаг вперед. При рассмотрении сферы А, первого товара, холста, мы имели $^1/_3$, или [283a] 12 часов, вновь присоединенного труда и 2 × 12 (или 24) часа содержащегося в [постоянном] капитале прошлого труда. Заработная плата и прибыль могли выкупить только такую долю товара А, — стало быть, также и его эквивалента в каком-нибудь другом продукте, — которая равна 12 часам труда. Они не могли выкупить свой собственный постоянный капитал, содержащий 24 часа, а следовательно, не могли выкупить и эквивалент этого постоянного капитала в каком-либо другом товаре.

Возможно, что в товаре В мы имеем иное соотношение между присоединенным трудом и постоянным капиталом. Но как бы различно ни было в различных сферах производства соотношение

между постоянным капиталом и вновь присоединенным трудом, мы всегда можем вычислить среднюю величину этого соотношения. Мы можем сказать, что в продукте всего общества или всего класса капиталистов, в совокупном продукте капитала, вновь присоединенный труд равен *a,* прошлый же труд, существующий в виде постоянного капитала, равен *b;* другими словами, отношение 1:2, принятое нами для *A,* т. е. для холста, является лишь символическим выражением отношения *a:b* и означает только то, что существует какое-то, так или иначе определенное и поддающееся определению соотношение между этими двумя элементами, между живым трудом, присоединенным в текущем году или в течение любого промежутка времени, и прошлым трудом, существующим в виде постоянного капитала. Если на присоединенные к пряже 12 часов покупается не один только холст, если холста покупается, например, лишь на 4 часа, то на остальные 8 часов можно купить любой другой продукт; но общая сумма купленного никогда не может быть больше 12 часов. И если на 8 часов труда будет куплен другой продукт, то *A* должен будет продать холста на 32 часа труда. Таким образом, пример, выбранный нами для *A,* имеет силу для совокупного капитала всего общества, а введение промежуточных актов обмена различных товаров может только запутать проблему, но нисколько не меняет сути дела.

Предположим, что *A* есть совокупный продукт общества; в таком случае одна треть этого совокупного продукта может быть куплена для собственного потребления производителями, которые оплачивают ее суммой своих заработных плат и прибылей, равной сумме вновь присоединенного труда, сумме их совокупного дохода. Но для оплаты, покупки и потребления остальных двух третей у них нет необходимого фонда. Следовательно, подобно тому как вновь присоединенный труд, — составляющий одну треть совокупного труда, распадающуюся целиком на прибыль и заработную плату, — покрывает себя сам своим продуктом, или удерживает лишь ту часть стоимости продукта, в которой содержится $^1/_3$ совокупного труда, т. е. вновь присоединенный труд или его эквивалент, — подобно этому и те две трети, которые приходятся на прошлый труд, должны быть покрыты собственным продуктом этого прошлого труда. Иными словами, постоянный капитал остается равен самому себе и сам себя возмещает из той части стоимости, которая представляет его в совокупном продукте. Обмен между различными товарами, ряд покупок и продаж между различными сферами производства, лишь в том смысле вносит некоторое различие формы, что постоянные капиталы различных

сфер производства взаимно покрывают друг друга в той пропорции, в какой они первоначально содержались в этих сферах производства.

Это мы теперь и должны рассмотреть подробнее. [283a]

[б) НЕВОЗМОЖНОСТЬ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВСЕГО ОБЩЕСТВЕННОГО ПОСТОЯННОГО КАПИТАЛА ПУТЕМ ОБМЕНА МЕЖДУ ПРОИЗВОДИТЕЛЯМИ ПРЕДМЕТОВ ПОТРЕБЛЕНИЯ И ПРОИЗВОДИТЕЛЯМИ СРЕДСТВ ПРОИЗВОДСТВА]

[283b] Тот же самый взгляд, что годовой продукт страны распадается на заработную плату и прибыль (земельная рента, ссудный процент и т. д. включаются в прибыль), Адам Смит высказывает во 2-й главе II книги при рассмотрении денежного обращения и кредитной системы (в дальнейшем — сопоставить с формулировкой *Тука),* где он говорит следующее:

«Обращение каждой страны можно рассматривать как разделенное на две различные области: обращение, совершающееся только между деловыми людьми» (dealers) (здесь дается пояснение, что под dealers разумеются «все купцы, мануфактуристы, ремесленники и т. д. — одним словом, все агенты торговли и промышленности страны»), «и обращение, совершающееся между деловыми людьми и потребителями. Хотя одни и те же денежные знаки, бумажные или металлические, могут употребляться то в одной из этих двух областей обращения, то в другой, все же, поскольку оба эти процесса обращения происходят в одно и то же время, каждый из них требует для своего совершения определенной суммы денег того или иного рода. *Стоимость товаров, обращающихся между различными деловыми людьми, никогда не может превысить стоимость товаров, обращающихся между деловыми людьми и потребителями, поскольку все, что покупается первыми, в конечном счете предназначается для продажи потребителям»* (том II, книга II, глава 2, стр. 292—293)[48] [Русский перевод, том I, стр. 270—271].

К этому, а также к Туку, вернуться в последующем изложении[49].

Возвратимся к нашему примеру. Дневной продукт сферы *A,* превращающей льняную пряжу в холст, равен 12 арш. или 36 шилл. или 36 часам труда. Из этих 36 часов 12 часов вновь присоединенного труда распадаются на заработную плату и прибыль, а 24 часа, или 2 дня, равны стоимости постоянного капитала. Но последний существует теперь уже не в прежней форме пряжи и ткацкого станка, а в форме холста, и при этом — в таком количестве холста, которое равняется 24 часам или 24 шилл. Это количество холста содержит то же количество труда, которое содержалось в пряже и в ткацком станке, замещенных теперь холстом. В обмен на это количество холста можно, следовательно, снова купить то же самое количество пряжи

и ткацких станков (предполагается, что стоимость пряжи и ткацкого станка осталась прежней, что производительность труда в этих отраслях промышленности не изменилась). Прядильщик и фабрикант ткацкого станка весь свой продукт — годовой или дневной (это здесь, для нашей цели, безразлично) — должны продать ткачу, так как только для ткача их товар имеет потребительную стоимость. Ткач является единственным потребителем этого товара.

Если постоянный капитал ткача (ежедневно потребляемый им постоянный капитал) равняется 2 рабочим дням, то на один рабочий день ткача приходятся 2 рабочих дня прядильщика и фабриканта машин, — 2 рабочих дня, которые, в свою очередь, опять распадаются, в весьма различных пропорциях, на вновь присоединенный труд и постоянный капитал. По совокупный дневной продукт прядильщика и фабриканта машин, их обоих вместе (при том условии, что фабрикант машин производит только ткацкие станки), т. е. постоянный капитал и присоединенный труд, вместе взятые, не могут составлять больше двух рабочих дней, тогда как дневной продукт ткача — вследствие того, что ткачом вновь присоединено 12 часов труда, — составляет 3 рабочих дня. Возможно, что прядильщик и фабрикант машин потребляют столько же живого рабочего времени, сколько и ткач. В таком случае содержащееся в их постоянном капитале рабочее время должно быть меньше. Как бы то ни было, прядильщик и фабрикант машин ни в коем случае не могут применять такое же количество труда, овеществленного и живого (summa summarum*), какое применяет ткач. Возможно, что ткач применяет относительно меньше живого рабочего времени, нежели прядильщик (этот последний, например, — наверняка меньше, чем льновод); тем значительнее будет в таком случае перевес его постоянного капитала над переменной частью капитала.

[284] Итак, постоянный капитал ткача возмещает весь капитал прядильщика и фабриканта ткацких станков, возмещает не только их собственный постоянный капитал, по и труд, вновь присоединенный в процессе прядения и производства машин. Таким образом, новый постоянный капитал возмещает здесь полностью другие постоянные капиталы и, кроме того, весь вновь присоединенный к ним труд. Путем продажи своих товаров ткачу прядильщик и фабрикант ткацких станков не только возместили свой постоянный капитал, но и получили оплату своего вновь присоединенного труда. Постоянный

* — в общей сложности. *Ред.*

капитал ткача возмещает прядильщику и фабриканту ткацких станков их собственный постоянный капитал и реализует их доход (сумму заработной платы и прибыли). Поскольку постоянный капитал ткача возмещает им лишь их собственный постоянный капитал, который они передали ему в форме пряжи и ткацкого станка, постольку произошел лишь обмен постоянного капитала в одной форме на постоянный капитал в другой форме. В действительности никакого изменения стоимости постоянного капитала не произошло.

Но пойдем еще дальше назад. Продукт прядильщика распадается на две части: на лен, веретена, уголь и т. п. — словом, на постоянный капитал прядильщика — и на вновь присоединенный труд. Точно так же обстоит дело и с совокупным продуктом фабриканта машин. Когда прядильщик возмещает свой постоянный капитал, он оплачивает не только весь капитал фабриканта веретен и пр., но и весь капитал льновода. Постоянный капитал прядильщика оплачивает постоянную часть их капитала плюс присоединенный труд. Что же касается льновода, то его постоянный капитал — за вычетом земледельческих орудий и пр. — сводится к семенам, удобрениям и т. д. Примем, что эта часть постоянного капитала фермера — как это, в более или менее опосредствованном виде, всегда должно происходить в земледелии — образует ежегодный вычет из его собственного продукта, вычет, который ежегодно из собственного продукта фермера возвращается земле, т. е. самому производству. Здесь мы обнаруживаем такую часть постоянного капитала, которая сама себя возмещает и никогда не поступает в продажу, следовательно никогда не оплачивается, никогда также не потребляется, не входит в индивидуальное потребление. Семена и пр. равняются такому-то количеству рабочего времени. Стоимость семян и т. д. входит в стоимость совокупного продукта; но та же стоимость, — потому что речь идет о той же самой массе продуктов (при том предположении, что производительность труда не изменилась), — снова удерживается из совокупного продукта и возвращается производству, не поступая в обращение.

Тут мы видим, что по крайней мере часть постоянного капитала, — то, что можно рассматривать как сырье в земледелии, — возмещает самоё себя. Таким образом, здесь перед нами значительная — самая значительная по размерам и по вложенной в нее массе капитала — отрасль годового производства, в которой значительная часть постоянного капитала, состоящая из сырья (за исключением искусственных удобрений и т. д.), возмещает самоё себя и не входит в обращение, а значит

не возмещается ни одной из форм дохода. Таким образом, для возмещения этой (самим льноводом возмещенной и уплаченной им самому себе) части постоянного капитала прядильщик не должен выплачивать ее льноводу, точно так же как ткач не должен выплачивать ее прядильщику, а покупатель холста — ткачу.

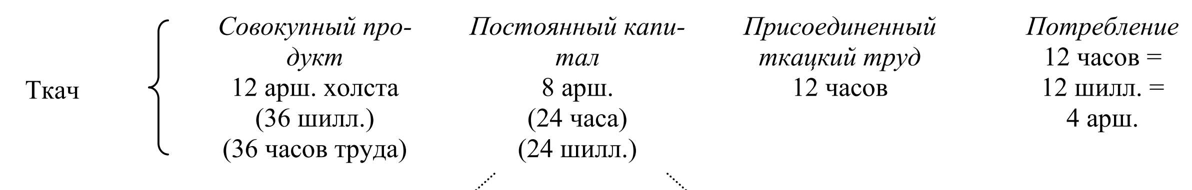
Предположим, что все прямо или косвенно участвующие в производстве 12 арш. холста (= 36 шилл. = 3 рабочим дням, т. е. 36 часам труда) получают возмещение в виде самого же холста. Прежде всего ясно, что производители элементов холста, постоянного капитала холста, *не могут потребить свой собственный продукт,* так как этот продукт произведен для дальнейшего производства и не входит в непосредственное [285] потребление. Они, следовательно, должны обратить свои заработные платы и прибыли на покупку холста, того продукта, который входит, наконец, в индивидуальное потребление. А все то, что они потребляют не в виде холста, они должны потребить в виде другого пригодного для потребления продукта, полученного в обмен на холст. Следовательно, производители других продуктов потребляют холста ровно столько, сколько (по стоимости) производители элементов холста потребляют — вместо него — других предметов потребления. Получается тот же результат, как если бы производители элементов холста сами потребили это в виде холста, потому что столько же, сколько они потребляют в другом продукте, производители других продуктов потребляют в холсте. Следовательно, вся загадка должна разъясниться без всякого обращения к обмену; она должна получить свое разрешение посредством рассмотрения того, как 12 арш. холста распределяются между всеми производителями, участвовавшими в производстве самого холста или же его элементов.

В пряже и ткацком станке одну треть составляет труд, присоединенный прядильщиком и фабрикантом ткацкого станка, — пусть этот фабрикант будет одновременно и фабрикантом прядильной машины, — а две трети составляет их постоянный капитал. Следовательно, из 8 арш. холста (т. е. 24 часов) или из 24 шилл., возмещающих весь их продукт, они могут потребить $^{8}/_{3}$ арш. холста ($2^{2}/_{3}$), т. е. 8 часов труда или 8 шилл. Остается, стало быть, дать отчет относительно $5^{1}/_{3}$ арш. или 16 часов труда.

$5^{1}/_{3}$ арш. холста или 16 часов труда представляют постоянный капитал прядильщика и фабриканта ткацкого станка. Если мы предположим, что в постоянном капитале прядильщика сырье, состоящее здесь из льна, составляет $^{2}/_{3}$, то льновод

может полностью потребить эти $^{2}/_{3}$ в виде холста, потому что свой постоянный капитал {но при этом мы допускаем, что износ его орудий труда и т. д. = 0} он вообще не бросает в обращение; напротив, свой постоянный капитал он уже вычел из продукта и сохранил для воспроизводства. Таким образом, он может купить $^{2}/_{3}$ из $5^{1}/_{3}$ арш. холста[50] или — что то же — из 16 часов труда; это составляет $3^{5}/_{9}$ арш. или $10^{2}/_{3}$ часа труда. Таким образом, остается дать отчет только относительно $5^{1}/_{3}$ арш. минус $3^{5}/_{9}$ арш. или 16 часов труда минус $10^{2}/_{3}$ часа, т. е. относительно $1^{7}/_{9}$ арш. или $5^{1}/_{3}$ часа труда. Эти $1^{7}/_{9}$ арш. или $5^{1}/_{3}$ часа труда распадаются на две части: на постоянный капитал фабриканта ткацкого станка и на совокупный продукт фабриканта прядильной машины, причем предполагается, что фабрикант станка и фабрикант машины — одно и то же лицо.

[286] Итак, еще раз:

	Совокупный продукт	*Постоянный капитал*	*Присоединенный ткацкий труд*	*Потребление*
Ткач	12 арш. холста (36 шилл.) (36 часов труда)	8 арш. (24 часа) (24 шилл.)	12 часов	12 часов = 12 шилл. = 4 арш.

Предположим, что в *постоянном капитале* ткача $^{3}/_{4}$ составляет пряжа, а $^{1}/_{4}$ — ткацкий станок (орудия производства вообще). Ткач, следовательно, платит 6 арш. или 18 часов прядильщику и 2 арш. или 6 часов машиностроителю и др.

Прядильщик				Машиностроитель			
Совокупный продукт	*Постоянный капитал*	*Присоединенный труд*	*Потребление*	*Совокупный продукт*	*Постоянный капитал*	*Присоединенный труд*	*Потребление*
6 арш.	4 арш.	2 арш.	2 арш.	2 арш.	$^{4}/_{3}$ арш.	$^{2}/_{3}$ арш.	$^{2}/_{3}$ арш.
18 шилл.	12 шилл.	6 шилл.	6 шилл.	6 шилл.			
18 часов	12 часов	6 часов		6 часов			

Таким образом, из 8 арш., возмещающих постоянный капитал ткача, 2 арш. (= 6 шилл. = 6 часам) потребляются пря-

дильщиком, а $^{2}/_{3}$ арш. (2 шилл., 2 часа труда) — фабрикантом ткацкого станка и прочих орудий производства.

Следовательно, остается дать отчет относительно 8 минус $2^{2}/_{3}$, т. е. относительно $5^{1}/_{3}$ арш. (= 16 шилл. = 16 часам труда). Эти остающиеся $5^{1}/_{3}$ арш. (=16 шилл. = 16 часам труда) распределяются следующим образом. Допустим, что в 4 арш., представляющих постоянный капитал прядильщика, — представляющих, следовательно, элементы его пряжи, — $^{3}/_{4}$ равны льну и $^{1}/_{4}$ равна прядильной машине. Элементы [287] прядильной машины мы будем исчислять после, — тогда именно, когда перейдем к рассмотрению постоянного капитала фабриканта ткацкого станка. Фабрикант прядильной машины и фабрикант ткацкого станка представлены в одном лице.

Из 4 арш., возмещающих постоянный капитал прядильщика, $^{3}/_{4}$, что составляет 3 арш., приходятся, стало быть, на *лен.* Но значительная часть постоянного капитала, применяемого в производстве льна, не подлежит возмещению, так как она возвращена сельскохозяйственному производству уже самим льноводом в форме *семян, удобрений, корма для скота,* в форме *скота* и т. д. Поэтому в ту часть продукта льновода, которую этот последний продает, мы должны в нашем расчете занести в качестве постоянного капитала только износ его орудий труда и т. д. Присоединенный труд мы должны здесь считать равным по крайней мере двум третям, а подлежащий возмещению постоянный капитал равным — самое большее — одной трети.

Итак:

	Совокупный продукт	*Постоянный капитал*	*Труд, присоединенный в земледелии*	*Подлежит потреблению*
Лен	3 арш. 9 шилл. 9 часов труда	1 арш. 3 шилл. 3 часа труда	2 арш. 6 шилл. 6 часов труда	*2* арш. 6 шилл. 6 часов труда

Нам остается еще, следовательно, учесть:

1 арш. (3 шилл., 3 часа труда) = постоянному капиталу льновода;

$1^{1}/_{3}$ арш. (4 шилл., 4 часа труда) = постоянному капиталу ткацкого станка;

наконец, 1 арш. (3 шилл., 3 часа труда), причитающийся машиностроителю за тот его *совокупный продукт,* который содержится в прядильной машине.

Прежде всего надо, стало быть, вычесть то, что может быть потреблено машиностроителем в обмен за изготовленную им прядильную машину:

	Совокупный продукт	*Постоянный капитал*	*Труд, присоединенный в машиностроении*	*Подлежит потреблению*
Прядильная машина	1 арш.	$^2/_3$ арш.	$^1/_3$ арш.	$^1/_3$ арш.
	3 шилл.	2 шилл.	1 шилл.	1 шилл.
	3 часа труда	2 часа труда	1 час труда	1 час труда

Далее разложим стоимость *земледельческой машины,* постоянный капитал льновода, на ту часть, которая подлежит потреблению, и на другие части.

	Совокупный продукт	*Постоянный капитал*	*Труд, присоединенный в машиностроении*	*Подлежит потреблению*
Земледельческая машина	1 арш.	$^2/_3$ арш.	$^1/_3$ арш.	$^1/_3$ арш.
	3 шилл.	2 шилл.	1 шилл.	1 шилл.
	3 часа труда	2 часа труда	1 час труда	1 час труда

Сводя воедино ту часть совокупного продукта ткача, которая приходится на долю машин, мы получим: 2 арш., приходящиеся на ткацкий станок, 1 арш., приходящийся на прядильную машину, и 1 арш. — на земледельческую машину; итого 4 арш. (12 шилл., 12 часов труда, или $^1/_3$ всего продукта, равного 12 арш. холста). Из этих 4 арш. может быть потреблено фабрикантом ткацкого станка $^2/_3$ арш., фабрикантом прядильной машины — $^1/_3$ и фабрикантом земледельческой машины — тоже $^1/_3$, итого $1^1/_3$ арш. Остается $2^2/_3$ арш., а именно: $^4/_3$ арш. приходятся на постоянный капитал ткацкого станка, $^2/_3$ — на постоянный капитал прядильной машины и $^2/_3$ — на постоянный капитал земледельческой машины; итого $^8/_3 = 2^2/_3$ арш. (= 8 шилл. = 8 часам труда). Этот остаток составляет, таким образом, подлежащий возмещению постоянный капитал машиностроителя. На какие же части разлагается этот постоянный капитал? С одной стороны, на сырье — железо, дерево, ремни и т. д. С другой стороны, на подвергшуюся износу часть его рабочей машины (пусть эту последнюю машиностроитель соорудил сам), необходимой ему для производства машин. Предположим, что сырье составляет две трети постоянного

капитала, а износ машиностроительной машины — одну треть (эту треть мы рассмотрим позже), $^{2}/_{3}$, идущие на дерево и железо, [288] представляют собой две трети от $2^{2}/_{3}$ арш. ($2^{2}/_{3}$ = $^{8}/_{3}$ = $^{24}/_{9}$). Одна треть от $2^{2}/_{3}$ составляет $^{8}/_{9}$. Следовательно, две трети составляют $^{16}/_{9}$ арш.

Допустим, что здесь [в производстве дерева и железа] на машины приходится одна треть, а на присоединенный труд — две трети (так как на сырье здесь ничего не приходится). В таком случае две трети от $^{16}/_{9}$ арш. возмещают присоединенный труд, а одна треть от них возмещает машины. На возмещение машин приходится, следовательно, $^{16}/_{27}$ арш. Постоянный капитал производителя дерева и железа, словом, добывающей промышленности, состоит не из сырья, а исключительно из орудий производства, которые мы здесь называем вообще машинами.

Таким образом, $^{8}/_{9}$ арш. идут на возмещение машиностроительной машины, $^{16}/_{27}$ арш. — на возмещение машин, используемых производителем железа и дерева. Итак, $^{24}/_{27}+^{16}/_{27}=^{40}/_{27}$ = $1^{13}/_{27}$ арш. Это количество холста причитается, стало быть, опять-таки машиностроителю.

Машины. $^{24}/_{27}$ арш. составляют возмещение машиностроительной машины. Но эта последняя, в свою очередь, распадается на сырье (железо, дерево и пр.), на ту часть машинного оборудования, которая была изношена при производстве машиностроительной машины, и на присоединенный труд. Следовательно, при предположении, что каждый из этих элементов равен одной трети, $^{8}/_{27}$ арш. приходятся на долю присоединенного труда, а $^{16}/_{27}$ арш. остаются на возмещение *постоянного капитала* машиностроительной машины, — стало быть, $^{8}/_{27}$ арш. приходятся на сырье и $^{8}/_{27}$ арш. — на возмещение той составной части стоимости, которая представляет износ машин, употребленных при обработке этого сырья (всего $^{16}/_{27}$ арш.).

С другой стороны, те $^{16}/_{27}$ арш., которыми возмещаются машины производителей железа и дерева, также распадаются на сырье, машины и присоединенный труд. Если последний составляет $^{1}/_{3}$, то он равняется $\frac{16}{27\times3}=\frac{16}{81}$ арш., а постоянный капитал в этой части машин выразится в $^{32}/_{81}$ арш., из которых $^{16}/_{81}$ арш. приходятся на сырье, а $^{16}/_{81}$ арш. возмещают износ машин.

Таким образом, в руках машиностроителя — для возмещения износа его машин — остается в качестве постоянного капитала $^{8}/_{27}$ арш., которыми он возмещает износ своей машино-

строительной машины, и $^{16}/_{81}$ арш., приходящиеся на износ тех машин, которые должны быть возмещены производителями железа и дерева.

С другой стороны, машиностроитель должен из своего постоянного капитала возместить: посредством $^{8}/_{27}$ арш. — сырье, содержащееся в машиностроительной машине, посредством $^{16}/_{81}$ арш. — сырье, содержащееся в машинах производителей железа и дерева. Из этого количества холста $^{2}/_{3}$, в свою очередь, сводятся к присоединенному труду, а $^{1}/_{3}$ — к износу машин. Таким образом, из $^{24}/_{81}+^{16}/_{81}(=^{40}/_{81})$ две трети — следовательно, $^{26^{2}/_{3}}/_{81}$ — оплатят собой труд. Из этого сырья остается [289] опять-таки для возмещения машин $^{13^{1}/_{3}}/_{81}$ арш. Эти $^{131/3}/_{81}$ арш. холста возвращаются, стало быть, к машиностроителю.

Теперь в руках машиностроителя опять оказываются: $^{8}/_{27}$ арш. для возмещения износа машиностроительной машины, $^{16}/_{81}$ арш. для возмещения износа машин, применяемых производителями железа и дерева; $^{131/3}/_{81}$ приходятся на ту составную часть стоимости, которая в сырье машиностроителя (в железе и т, д.) идет на возмещение машин.

И мы могли бы продолжать так наш расчет до бесконечности, получая всё меньшие дроби, но никогда паши 12 арш. холста не будут размещены без остатка.

Резюмируем вкратце предыдущий ход нашего исследования.

Сначала мы сказали, что в различных сферах производства существует различное соотношение между вновь присоединенным трудом (который частью возмещает переменный капитал, затраченный на заработную плату, частью образует прибыль, неоплаченный, прибавочный труд) и постоянным капиталом, к которому этот труд присоединяется. Но мы можем принять среднее отношение между *a* — присоединенным трудом — и *b* — постоянным капиталом; можем, например, принять, что в среднем последний относится к первому как 2:1, как $^{2}/_{3}:^{1}/_{3}$. Если, сказали мы дальше, таково отношение в каждой сфере производства капитала, то в какой-нибудь определенной сфере производства присоединенный труд (заработная плата и прибыль, вместе взятые) может купить всегда только $^{1}/_{3}$ своего собственного продукта, потому что заработная плата и прибыль вместе образуют лишь $^{1}/_{3}$ совокупного рабочего времени, овеществленного в продукте. Принадлежат, конечно, капиталисту также и те $^{2}/_{3}$ продукта, которые возмещают его постоянный капитал. Но если капиталист хочет продолжать производство,

то он должен возместить свой постоянный капитал, должен, следовательно, превратить обратно $^2/_3$ своего продукта в постоянный капитал. Для этого ему необходимо продать эти $^2/_3$.

Но кому продать? Та треть продукта, которая может быть куплена на сумму прибыли и заработной платы, уже вычтена нами. Если эта сумма представляет 1 рабочий день, или 12 часов, то та часть продукта, стоимость которой равна постоянному капиталу, представляет 2 рабочих дня, или 24 часа. Мы поэтому приняли, что [вторая] треть продукта покупается на сумму прибыли и заработной платы другой отраслью производства, а последняя треть покупается третьей отраслью производства, опять-таки на сумму прибыли и заработной платы. Но в таком случае мы обменяли постоянный капитал продукта I исключительно на заработную плату и прибыль, т. е. на вновь присоединенный труд, тем путем, что мы заставили весь присоединенный труд, заключенный в продуктах II и III, потреблять продукт 1. Из 6 рабочих дней, содержащихся в продуктах II и III как в виде вновь присоединенного труда, так и в виде прошлого труда, ни один не был возмещен, не был куплен ни трудом, содержащимся в продукте I, ни трудом, содержащимся в продуктах II и III. Поэтому мы снова должны были предположить, что производители других продуктов расходуют весь свой вновь присоединенный труд на покупку продуктов II и III, и т. д. В конце концов мы должны были остановиться на некотором продукте *X,* в котором присоединенный труд равен сумме постоянных капиталов всех предыдущих продуктов; но собственный постоянный капитал этого продукта, составляющий в нем две трети его, продать было некому. Таким образом, решение проблемы ни на шаг не сдвинулось с места. Для продукта *X*, как и для продукта I, остается в силе тот же вопрос: кому продается та часть продукта, которая возмещает постоянный капитал? Или, может быть, присоединенный новый труд, составляющий в продукте одну его треть, возмещает содержащуюся в продукте одну треть нового труда плюс две трети прошлого труда? Быть может, $^1/_3 = ^3/_3$?

Итак, здесь обнаружилось, что отодвигание затруднения от продукта I к продукту II и т. д., словом — введение посредствующего звена, заключающегося в одном только обмене товаров, ничего не объясняет.

[290] Пришлось поставить вопрос иначе.

Мы предположили, что 12 арш. холста (= 36 шилл. = 36 часам труда) являются таким продуктом, в котором содержатся 12 часов труда ткача, или один его рабочий день

(необходимый и прибавочный труд, вместе взятые, т. е. сумма прибыли и заработной платы), а $^{2}/_{3}$ представляют стоимость содержащегося в холсте постоянного капитала: пряжи, машин и т. д. Далее, — чтобы закрыть всякую лазейку уверткам и ссылкам на промежуточные сделки, — мы приняли, что наш холст такого именно сорта, что он пригоден лишь для индивидуального потребления и, стало быть, не может, например, служить, в свою очередь, сырьем для какого-нибудь нового продукта. Тем самым мы приняли, что это такой продукт, который должен оплачиваться заработной платой и прибылью, должен обмениваться на доход. Наконец, для упрощения мы предположили, что ни одна часть прибыли не превращается обратно в капитал, а вся прибыль расходуется в качестве дохода.

Что касается первых 4 арш., первой трети продукта, равной 12 часам труда, которые присоединил ткач, то с ними мы быстро покончили. Они распадаются на заработную плату и прибыль; их стоимость равна стоимости суммы прибыли и заработной платы ткача. Они потребляются, следовательно, самим владельцем ткацкого предприятия и его рабочими. Для 4 арш. это решение является окончательным. В самом деле, если прибыль и заработная плата потребляются не в виде холста, а в виде какого-нибудь другого продукта, то это только потому, что производители этого другого продукта ту часть его, которая предназначена для их собственного потребления, потребляют в виде холста, а не в виде своего собственного продукта. Если, например, из 4 арш. холста самим ткачом потребляется только 1 арш., а 3 арш. потребляются им в виде мяса, хлеба, сукна, то стоимость 4 арш. холста все-таки потреблена по-прежнему самими ткачами, с той только разницей, что они потребили $^{3}/_{4}$ этой стоимости в виде других товаров, тогда как производители этих других товаров потребили в виде холста то мясо, тот хлеб и то сукно, которые могут быть потреблены ими в качестве заработной платы и прибыли. {Конечно, здесь, как и во всем этом исследовании, всегда предполагается, что товар удается продать, и притом — по его стоимости,}

Теперь мы и подошли к настоящей проблеме. Постоянный капитал ткача существует теперь в форме 8 арш. холста (= 24 часам труда = 24 шилл.). Если ткач желает продолжать производство, то он должен превратить эти 8 арш. холста в деньги, в 24 шилл., и на эти 24 шилл. купить те находящиеся на рынке вновь произведенные товары, из которых состоит его постоянный капитал. Ради упрощения вопроса допустим, что ткач возмещает свои машины не в один прием, по истечении опре-

деленного ряда лет, а что он ежедневно, на деньги, выручаемые от продажи своего продукта, должен возмещать in natura* такую часть машин, которая равна ежедневно уничтожаемой части стоимости этих машин. Ту часть продукта, которая равна стоимости постоянного капитала, потребленного в процессе производства данного продукта, ткач должен возместить элементами этого постоянного капитала, т. е. вещественными условиями производства, необходимыми для ткацкого труда. С другой стороны, продукт ткача, холст, не входит ни в какую другую сферу производства в качестве условия производства, а поступает лишь в индивидуальное потребление. Таким образом, ткач может возместить ту часть своего продукта, которая представляет его постоянный капитал, лишь путем обмена ее на доход, т. е. на ту часть стоимости продукта других производителей, которая сводится к заработной плате и прибыли, следовательно — к вновь присоединенному труду. В таком виде проблема поставлена правильно. Спрашивается только, при каких условиях она может быть решена.

Одно затруднение, возникшее при нашей первой постановке вопроса, теперь частично уже устранено. Хотя в каждой сфере производства присоединенный труд равен $^1/_3$, а постоянный капитал, согласно предположению, равен $^2/_3$, однако эта треть, состоящая из присоединенного труда, или сумма стоимости дохода (заработной платы и прибыли; как уже отмечено выше, мы отвлекаемся здесь от той части прибыли, которая превращается обратно в капитал), может быть потреблена только в продуктах тех отраслей производства, которые работают непосредственно для индивидуального потребления. Продукты всех остальных отраслей производства могут потребляться только в качестве капитала, могут входить только в производственное потребление.

[291] Постоянный капитал, представленный 8 арш. (= 24 часам = 24 шилл.), состоит из пряжи (сырья) и машин; он состоит, скажем, на $^3/_4$ из сырья и на $^1/_4$ из машин. (К сырью здесь могут быть причислены, кроме того, все вспомогательные материалы, как смазочное масло, уголь и т. д.; но для упрощения лучше совсем оставить их в стороне.) Пряжа стоила бы в этом случае 18 шилл. или 18 часов труда = 6 арш., а машины стоили бы 6 шилл. = 6 часам труда = 2 арш.

Стало быть, если ткач на свои 8 арш. покупает на 6 арш. — пряжу и на 2 арш. — машины, то своим постоянным капиталом в 8 арш. он оплачивает не только постоянный капитал

* — в натуре, в натуральной форме. *Ред.*

прядильщика и фабриканта ткацкого станка, но и вновь присоединенный ими труд. Таким образом, часть той стоимости, которая выступает как постоянный капитал ткача, на стороне прядильщика и фабриканта ткацкого станка выступает как вновь присоединенный труд и потому сводится для них не к капиталу, а к доходу.

Из 6 арш. холста прядильщик может потребить сам одну треть, т. е. 2 арш. (= вновь присоединенному труду — прибыли и заработной плате). А 4 арш. только возмещают ему лен и машины. Скажем, 3 арш. приходятся на лен и 1 арш. — на машины. Этими четырьмя аршинами он должен оплатить свои новые покупки. Из [полученных от ткача] 2 арш. машиностроитель может сам потребить $^2/_3$ арш., а остальные $^4/_3$ арш. только возмещают ему железо и дерево, короче сырье, а также машинное оборудование, использованное при производстве машины. Скажем, из $^4/_3$ арш. на сырье приходится 1 арш., а на машины — $^1/_3$ арш.

Из 12 арш. до сих пор потреблено: 1) 4 — ткачом, 2) 2 — прядильщиком и 3) $^2/_3$ — машиностроителем. Итого, $6^2/_3$ арш. Остаются, следовательно, еще $5^1/_3$ арш. Они распределяются следующим образом:

Прядильщик должен из стоимости 4 арш. возместить тремя аршинами лен и одним — машины.

Машиностроитель должен из стоимости $^4/_3$ арш. возместить одним аршином железо и пр., а одной третью аршина — машины (те, которые он сам использовал в машиностроении).

Таким образом, 3 арш. прядильщик платит за лен льноводу. Но для льновода характерна та особенность, что одна часть его постоянного капитала (а именно, семена, удобрения и т. д., словом, все те продукты земли, которые льновод обратно возвращает земле) совсем не поступает в обращение и, стало быть, не подлежит вычету из продаваемого им продукта; в последнем (за исключением той части его, которая возмещает машины, искусственные удобрения и т. д.) представлен только присоединенный труд, и потому этот продукт распадается лишь на заработную плату и прибыль. Если мы, следовательно, сделаем здесь то же допущение, какое мы делали до сих пор, а именно, что одну треть совокупного продукта составляет присоединенный труд, то к категории присоединенного труда будет отнесен один аршин из трех. Примем относительно остальных 2 арш., что — как и прежде — одна четверть их приходится на машины; это составит $^2/_4$ арш. Остающиеся $^6/_4$ арш., напротив, пришлись бы опять-таки на присоединенный труд, так как

в этой части продукта льновода не содержится постоянного капитала,—этот последний уже ранее был вычтен им. Следовательно, у льновода на заработную плату и прибыль пошли $2^2/_4$ арш. На возмещение машин остались $^2/_4$ арш. {Таким образом, из $5^1/_3$ арш., которые по нашим расчетам подлежали еще потреблению, использованы уже $2^2/_4$ ($5^4/_{12}$—$2^6/_{12}$ =$2^{10}/_{12}$= $2^5/_6$ арш.).} Эти последние $^2/_4$ арш. льновод должен был бы, следовательно, обратить на покупку машин.

Счет машиностроителя принял бы теперь такой вид: из постоянного капитала, приходящегося на ткацкий станок, он затратил 1 арш. на железо и т. д., $^1/_3$ арш. — на износ машиностроительной машины в процессе производства ткацкого станка.

Но, далее, у машиностроителя прядильщик покупает на 1 арш. прядильную машину, а льновод — на $^2/_4$ арш. земледельческие орудия. Из этих $^6/_4$ арш. машиностроитель должен $^1/_3$ потребить в возмещение присоединенного им труда, а $^2/_3$ израсходовать на возмещение постоянного капитала, вложенного в прядильную машину и земледельческие орудия. Но $^6/_4$ = $^{18}/_{12}$. Таким образом, машиностроитель [292] снова должен потребить $^6/_{12}$ арш., а $^{12}/_{12}$, или 1 арш., превратить в постоянный капитал. (Следовательно, из $2^5/_6$ арш. еще не потребленного холста вычитается $^1/_2$ арш.; остается $^{14}/_6$ арш., т. е. $2^2/_6$, или $2^1/_3$ арш.)

Из одного аршина холста, оставшегося у машиностроителя для возмещения его постоянного капитала, машиностроитель должен затратить $^3/_4$ на сырье — железо, дерево и пр., — а $^1/_4$ уплатить самому себе в возмещение машиностроительной машины.

Весь расчет представляется теперь в таком виде:

Постоянный капитал машиностроителя	На долю ткацкого станка приходится: 1 арш. на сырье, $^1/_3$ арш. на возмещение износа его (машиностроителя) собственных машин
	На долю прядильной машины и земледельческих орудий приходится: $^3/_4$ арш. на сырье, $^1/_4$ арш. на возмещение износа его собственных машин
	Следовательно: $1^3/_4$ арш. — на сырье, $^1/_3$+$^1/_4$ арш. — на возмещение износа его собственных машин

Итак, $1^3/_4$ арш. покупают на сумму этой стоимости у железоделателя и лесопромышленника железо и дерево. $^7/_4$ = $^{21}/_{12}$.

Но здесь возникает новый вопрос. У льновода часть постоянного капитала — сырье — не входила в продаваемый им продукт, так как заранее была вычтена. В рассматриваемом теперь случае мы должны весь продукт [железо, дерево] разложить на присоединенный труд и машины. Даже при предположении, что присоединенный труд составляет здесь две трети продукта, а машины — одну треть, потреблению подлежали бы лишь $^{14}/_{12}$ арш., а $^{7}/_{12}$ арш. остались бы, в качестве постоянного капитала, на долю машин. Эти $^{7}/_{12}$ арш. вернулись бы к машиностроителю.

Следовательно, остаток от 12 арш. состоял бы из $^{1}/_{3}$ + $^{1}/_{4}$ арш., которые машиностроитель должен был бы уплатить самому себе за износ своих собственных машин, и из $^{7}/_{12}$ арш., которые возвращают ему за машины железоделатель и лесопромышленник. Итак, $^{1}/_{3}+^{1}/_{4}=^{4}/_{12}+^{3}/_{12}=^{7}/_{12}$. К этому надо прибавить возвращаемые железоделателем и лесопромышленником $^{7}/_{12}$. (В общей сложности $^{14}/_{12}$, что составляет $1^{2}/_{12}$, или $1^{1}/_{6}$.)

Машины и рабочие инструменты железоделателя и лесопромышленника должны быть куплены у машиностроителя — совершенно так же, как у него же должны быть куплены машины и рабочие инструменты ткача, прядильщика и льновода. Пусть в $^{7}/_{12}$ арш. одну треть — $^{2}/_{12}$ арш. — составляет вновь присоединенный труд. Эти $^{2}/_{12}$ арш. тоже могут быть, следовательно, потреблены. В остальных же $^{5}/_{12}$ (собственно говоря, в $^{4}/_{12}$ и $^{2/3}/_{12}$, но такая точность в данном случае не нужна) представлен постоянный капитал, содержащийся в топоре дровосека и в машине железоделателя, причем $^{3}/_{4}$ приходятся на чугун, дерево и пр. и $^{1}/_{4}$ — на возмещение износа машин. (Из $^{14}/_{12}$ арш. остается $^{12}/_{12}$ арш., или 1 арш. = 3 часам труда = 3 шилл.) Следовательно, из 1 арш. четверть аршина идет на возмещение машиностроительной машины и три четверти аршина — на дерево, железо и пр.

Итак, на возмещение износа машиностроительной машины приходятся $^{7}/_{12}$ арш. + $^{1}/_{4}$ арш. = $^{7}/_{12}$ + $^{3}/_{12}$ = $^{10}/_{12}$ арш. С другой стороны, было бы совершенно бесполезно $^{3}/_{4}$ арш., приходящиеся на дерево и железо, опять разлагать на их составные части и снова возвращать одну из этих частей машиностроителю, который, в свою очередь, возвращает часть этой части железоделателю [293] и лесопромышленнику. Всегда получался бы остаток и progressus in infinitum.

[в) ОБМЕН КАПИТАЛА НА КАПИТАЛ СРЕДИ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ СРЕДСТВ ПРОИЗВОДСТВА. ПРОИЗВЕДЕННЫЙ ЗА ГОД ПРОДУКТ ТРУДА И ПРОДУКТ ВНОВЬ ПРИСОЕДИНЕННОГО В ДАННОМ ГОДУ ТРУДА]

Итак, рассмотрим вопрос в том виде, в каком он предстоит теперь перед нами.

Стоимость $^{10}/_{12}$ (или $^{5}/_{6}$) арш. машиностроитель оставляет себе для возмещения износа машин. В $^{3}/_{4}$ (или $^{9}/_{12}$) арш. представлена соответствующая стоимость дерева и железа. Машиностроитель отдал их железоделателю и лесопромышленнику, чтобы возместить свое сырье. Общий остаток холста [не подлежащий дальнейшему разложению на свои составные части] составляет у нас $^{19}/_{12}$ (или $1^{7}/_{12}$) арш.

$^{5}/_{6}$ арш., которые машиностроитель удерживает у себя в виде остатка для возмещения износа своих машин, равны $^{15}/_{6}$ шилл. = $^{15}/_{6}$ часа труда; они, следовательно, равны $2^{3}/_{6} = 2^{1}/_{2}$ шилл. или $2^{1}/_{2}$ часам труда. Эта стоимость не может быть возмещена машиностроителю в виде холста; ведь этот холст ему пришлось бы перепродать, для того чтобы возместить этими $2^{1}/_{2}$ шилл. износ своих машин, одним словом, для того, чтобы произвести новую машиностроительную машину. Но кому же мог бы быть продан этот холст? Производителям других продуктов (помимо железа и дерева)? Но эти производители уже потребили в виде холста все, что они могут в этом виде потребить. Только те 4 арш., которые образуют заработную плату и прибыль в ткацком предприятии, могут быть обменены на другие продукты (кроме тех, которые входят в постоянный капитал ткацкого производства, или кроме того труда, к которому сводится этот постоянный капитал). А эти 4 арш. мы уже приняли в расчет. Или, может быть, машиностроитель должен оплачивать этим холстом рабочих? Но ведь мы уже вычли из его продукта все то, что присоединено к продукту трудом, и все это, по нашему предположению, потреблено в виде холста.

Представим дело в другом виде:

Ткач должен затратить на возмещение *машин*	2	арш.	=	6	шилл.	=	6	часам	труда
Прядильщик	1	»	=	3	»	=	3	»	»
Льновод	$^{2}/_{4}$	»	=	$1^{1}/_{2}$	»	=	$1^{1}/_{2}$	»	»
Производитель железа и дерева	$^{7}/_{12}$	»	=	$1^{3}/_{4}$	»	=	$1^{3}/_{4}$	»	»
Сумма аршин холста, затраченных на *машины,* т. е. та часть стоимости холста, в которой представлена стоимость *машин*	$4^{1}/_{12}$	арш.	=	$12^{1}/_{4}$	шилл.	=	$12^{1}/_{4}$	часам	труда

Для упрощения расчетов примем: 4 арш. = 12 шилл. = 12 часам труда, из которых на труд (прибыль и заработную плату) идет одна треть, т. е. $^{4}/_{3}$ арш., или $1^{1}/_{3}$ арш.

На долю постоянного капитала остается $2^{2}/_{3}$ арш., из которых $^{3}/_{4}$ идут на сырье, а $^{1}/_{4}$ — на возмещение износа машин. $2^{2}/_{3} = ^{8}/_{3} = ^{32}/_{12}$. Одна четверть этого количества равна $^{8}/_{12}$ арш.

Эти $^{8}/_{12}$ арш., идущие на возмещение износа машин, — все, что остается в руках машиностроителя, так как $^{24}/_{12}$ арш. (2 арш.) он уплачивает за сырье производителям железа и дерева.

[294] Было бы ошибочно заставлять производителей железа и дерева вновь платить за машины, так как все, что они должны возместить в машинах, а именно $^{7}/_{12}$ арш., уже было занесено в счет машиностроителю. В данную статью уже занесены все машины, необходимые им для производства железа и дерева, а потому эти машины не могут быть поставлены в счет вторично. Таким образом, последние 2 арш., идущие на оплату железа и дерева (остаток от $2^{8}/_{12}$*)*, сводятся, — так как здесь нет сырья, — целиком к труду и могут поэтому быть потреблены в виде холста.

Итак, весь получающийся остаток выражается в $^{8}/_{12}$ арш. ($^{2}/_{3}$ арш.), которые приходятся на износ машин, применяемых машиностроителем.

Проблема, взятая в целом, получила отчасти свое разрешение тем путем, что та часть *постоянного капитала* земледельца, которая не сводится ни к вновь присоединенному труду, ни к машинам, вовсе не вступает в обращение, а заранее вычитается: эта часть сама себя возмещает в своем собственном производстве, и, следовательно, весь *вступающий в обращение* продукт земледельца, за вычетом машин, распадается на заработную плату и прибыль и поэтому может быть потреблен в виде холста. В этом состояла одна часть решения.

Другая часть решения состояла в следующем: то, что в одной сфере производства выступает как постоянный капитал, в других сферах производства выступает как новый труд, присоединенный в течение того же самого года. То, что в руках ткача выступает как постоянный капитал, сводится в значительной своей части к доходу прядильщика, машиностроителя, льновода, железоделателя, лесопромышленника (углепромышленника и т. д.; но для упрощения вопроса мы последнего не вводим в наш расчет). (Это со всей ясностью обнаруживается в том, что когда, например, один и тот же фабрикант прядет и ткет, то его постоянный капитал меньше, чем постоянный капитал

ткача, а присоединенный им труд, т. е. та часть его продукта, которая сводится к присоединенному труду, к доходу — к прибыли и заработной плате, — больше, чем у ткача. Так, у ткача доход равнялся 4 арш. = 12 шилл.; постоянный капитал равнялся 8 арш. = 24 шилл. Если же он одновременно прядет и ткет, то его доход = 6 арш., его постоянный капитал = тоже 6 арш., а именно: 2 арш. приходятся на ткацкий станок, 3 арш. — на лен, 1 арш. — на прядильную машину.)

В-третьих, найденное до сих пор решение состояло в том, что все производители сырья или орудий труда, необходимых для производства того продукта, который входит, наконец, в индивидуальное потребление, потребляют свой доход — прибыль и заработную плату, представляющие вновь присоединенный труд, — не в виде своего собственного продукта. Ту часть их продукта, которая сводится к доходу, они могут потребить лишь в виде того пригодного для непосредственного потребления продукта, о котором здесь идет речь, или — что равносильно — в виде пригодного для непосредственного потребления продукта других производителей, полученного в обмен и имеющего ту же стоимость. Вновь присоединенный труд производителей сырья и орудий труда входит как составная часть стоимости в конечный продукт, в виде которого он только и служит потреблению, в то время как по своей потребительной стоимости этот вновь присоединенный труд содержится в конечном продукте в качестве сырья или в качестве потребленных машин.

Итак, та часть проблемы, которую остается еще решить, свелась к следующему: что будет с $^2/_3$ арш., приходящимися на износ машиностроительной машины машиностроителя? (Речь идет здесь об износе именно этой машины, а не об износе примененных ткачом, прядильщиком, льноводом, железоделателем, лесопромышленником рабочих машин, ибо эти последние сводятся к новому труду, а именно к новому труду, придающему форму новых машин такому сырью, которое как таковое само уже не имеет своего сырья, требующего издержек.) Или, иначе говоря: при каких условиях данный машиностроитель может потребить в виде холста эти $^2/_3$ арш., равные 2 шилл. или 2 часам труда, и в то же время возместить свои машины? В этом суть вопроса. Этот факт действительно имеет место. Он существует как нечто необходимое. Задача, следовательно, состоит в том, чтобы объяснить это явление.

[295] Ту часть прибыли, которая превращается в новый капитал (стало быть, как в оборотный капитал, так и в основной; как в переменный капитал, так и в постоянный), мы здесь

оставляем совершенно без внимания. Она не имеет никакого отношения к нашей проблеме, ибо в этом случае новый переменный капитал, как и новый постоянный капитал, создается и возмещается *новым* трудом (той или иной частью прибавочного труда).

Итак, если оставить этот случай в стороне, то вся сумма присоединенного (например, за год) нового труда, равная сумме прибыли и заработной платы, т. е. сумме годового *дохода,* затрачивается на продукты, входящие в индивидуальное потребление, — на предметы питания, одежду, отопление, жилище, мебель и т. д.

Сумма этих входящих в потребление продуктов равна по своей стоимости сумме присоединенного за год труда (сумме стоимости дохода). Это количество труда должно равняться сумме содержащегося в этих продуктах труда, как вновь присоединенного, так и прошлого. При покупке этих продуктов необходимо оплатить не только содержащийся в них вновь присоединенный труд, но и заключенный в них постоянный капитал. Их стоимость равняется, как сказано, сумме прибылей и заработных плат. Когда мы в качестве примера берем холст, то он является для нас представителем суммы продуктов, вступающих в течение года в индивидуальное потребление. Этот холст не только должен равняться по своей стоимости всем своим стоимостным элементам, но и вся его потребительная стоимость должна быть пригодна для потребления различными производителями, получающими в нем свои доли. Необходимо, чтобы вся его стоимость распадалась на прибыль и заработную плату, т. е. на составные части вновь присоединенного за год труда, хотя состоит этот холст из присоединенного труда и постоянного капитала.

Это, как сказано, объясняется отчасти следующим:

Во-первых: часть постоянного капитала, необходимого для производства холста, не входит в холст ни в качестве потребительной стоимости, ни в качестве меновой стоимости. Это та часть льна, которая сводится к семенам и т. д., та часть постоянного капитала земледельческого продукта, которая не вступает в обращение, а прямо или косвенно возвращается производству, земле. Эта часть возмещает сама себя; она, следовательно, не нуждается для своего восстановления в оплате холстом. {Крестьянин может продать весь свой сбор хлеба, скажем, 120 квартеров. Но в таком случае он должен купить семена (например, 12 квартеров) у другого крестьянина. Этот последний должен, таким образом, из своего продукта (120 квартеров) обратить на семена не 12 квартеров, а 24, не одну десятую часть,

а одну пятую. Следовательно, также и в данном случае из 240 квартеров возвращаются земле в качестве семян 24 квартера. Но в сфере обращения здесь действительно имеется различие. В первом- случае, когда каждый удерживает одну десятую часть, в обращение вступают 216 квартеров. Во втором случае в обращение вступают 120 квартеров первого крестьянина и 108 второго, т. е. 228 квартеров. На действительных потребителей приходится, как и прежде, только 216 квартеров. Здесь, следовательно, мы уже имеем пример того, что сумма стоимостей, обращающихся между одними «деловыми людьми» и другими, может быть больше суммы стоимостей, обращающихся между «деловыми людьми» и потребителями[51].} (Такая же разница, далее, существует во всех тех случаях, когда часть прибыли превращается в новый капитал; затем тогда, когда сделки между одними «деловыми людьми» и другими простираются на целый ряд лет, — и т. д.)

Таким образом, значительная часть постоянного капитала, требующегося для производства холста, т. е. продукта, пригодного для индивидуального потребления, не нуждается в возмещении холстом.

Во-вторых: значительная часть постоянного капитала, необходимого для холста, т. е. для произведенного за год предмета потребления, на одной ступени выступает как постоянный капитал, а на другой — как вновь присоединенный труд и поэтому действительно распадается на прибыль и заработную плату, составляющие доход для одних, тогда как та же сумма стоимости выступает для других как капитал. Так, часть постоянного капитала [ткача] сводится к [вновь присоединенному] труду прядильщика и т. д.

[296] *В-третьих:* на всех промежуточных стадиях производства, необходимых для изготовления продукта, пригодного для потребления, значительная часть продуктов — за исключением сырья и некоторых вспомогательных материалов — никогда не входит в потребительную стоимость предмета потребления, а входит в него только как составная часть его стоимости; это относится к машинам, углю, маслу, салу, ремням и т. д. На каждой из этих стадий, которые на деле всегда производят лишь постоянный капитал для следующей ступени, — поскольку они вследствие разделения общественного труда выступают как особые отрасли, — продукт каждой ступени распадается на две части: в одной представлен вновь присоединенный труд (эта часть сводится к прибыли и заработной плате, сводится, при указанном выше ограничительном условии[52], к доходу), а в другой части представлена стоимость потребленного

постоянного капитала. Таким образом, ясно, что в каждой из. этих сфер производства своим собственным производителем может быть потреблена тоже только та часть продукта, которая распадается на заработную плату и прибыль, только та часть, которая остается после того, как вычтена масса продуктов, равная стоимости постоянного капитала, содержащегося в продукте данной сферы. Но никто из этих производителей не потребляет ни малейшей части продуктов предшествующей ступени, продуктов всех тех ступеней, которые на деле производят только постоянный капитал для дальнейшей ступени.

Итак, хотя конечный продукт (холст, который играет здесь роль представителя всех пригодных для потребления продуктов) состоит из вновь присоединенного труда и постоянного капитала, так что последние производители этого предмета потребления могут потребить лишь ту его часть, которая сводится к присоединенному на последней стадии труду, к сумме заработных плат и прибылей, к их доходу, — тем не менее все производители постоянного капитала также потребляют, реализуют свой вновь присоединенный труд только в продукте, пригодном для потребления. Несмотря на то, что этот последний состоит из присоединенного труда и постоянного капитала, его покупная цена выражает, — кроме той части продукта, которая равна количеству труда, вновь присоединенного на последней стадии, — все то совокупное количество труда, которое было присоединено в процессе производства постоянного капитала этого продукта. Производители постоянного капитала реализуют весь присоединенный ими труд не в своем собственном продукте, а в продукте, пригодном для потребления, — и постольку получается то же самое, как если бы этот последний состоял только из заработной платы и прибыли, из присоединенного труда.

Из предмета потребления, из холста, производители холста, выпускающие его из своей сферы производства в готовом виде, сами удерживают ту часть продукта, которая равна их доходу, равна труду, присоединенному на последней стадии производства, равна сумме заработных плат и прибылей (взаимный обмен предметов потребления и предварительное превращение товаров в деньги нисколько не меняют положения дела). Другой частью произведенного ими предмета потребления они оплачивают ту составную часть стоимости, которая приходится на непосредственных производителей применяемого ими постоянного капитала. Вся эта часть произведенного ими предмета потребления покрывает, следовательно, стоимость дохода и постоянного капитала ближайших производителей этого по-

стоянного капитала. Но эти последние удерживают у себя только ту часть пригодного для потребления продукта, стоимость которой равна их доходу. Другой частью они, в свою очередь, платят производителям их постоянного капитала, который опять-таки равняется доходу плюс постоянный капитал. *Однако расчет может быть сведён без остатка лишь в том случае,* если последней частью холста — продукта, пригодного для потребления, — подлежит возмещению только доход, вновь присоединенный труд, а не постоянный капитал. Ибо холст, согласно предположению, входит только в потребление и не образует, в свою очередь, постоянного капитала другой фазы производства.

Для одной части земледельческого продукта это уже доказано.

Вообще, только о продуктах, входящих в конечный продукт в качестве сырья, можно сказать, что они потребляются как продукты. Другие же входят в пригодный для потребления продукт только в качестве составных частей стоимости. Пригодный для потребления продукт покупается на доход, т. е. на заработную плату и прибыль. Следовательно, сумма его стоимости должна целиком распадаться на заработную плату и прибыль, т. е. на различные количества труда, присоединенного на всех пройденных этим продуктом ступенях. И вот спрашивается: существует ли, кроме той части земледельческого продукта, которая возвращается производству самим производителем [297] (семена, скот, навоз и т. д.), еще и какая-нибудь другая часть постоянного капитала, которая не входит как составная часть стоимости в пригодный для потребления продукт, а возмещает себя in natura в самом процессе производства?

Здесь, разумеется, об основном капитале во всех его формах речь может идти лишь постольку, поскольку его стоимость сама входит в производство и потребляется в нем.

Не только в земледелии (включая сюда скотоводство, рыбоводство, лесоводство, где процесс воспроизводства совершается искусственно), — следовательно, не только в производстве всякого рода сырья для одежды, предметов питания и значительной части таких продуктов, которые входят в промышленный основной капитал, каковы, например, паруса, канаты, ремни и т. п., — но и в горном деле происходит частичное возмещение постоянного капитала in natura из продукта собственного производства, так что эта часть постоянного капитала не должна быть возмещена той частью продукта, которая поступает в обращение. Так, например, в каменноугольном производстве часть угля употребляется на то, чтобы приводить в движение паровую машину, выкачивающую воду или поднимающую уголь на поверхность.

Стоимость произведенного за год продукта равняется, таким образом, частью тому прошлому труду, который содержался в угле, потребленном в процессе угледобычи, а частью — тому количеству труда, которое при этом вновь присоединено (износ машин и пр. не принимается во внимание). Но из этого совокупного продукта непосредственно удерживается и возвращается производству та часть постоянного капитала, которая сама состоит из угля. Никто не должен возмещать производителю эту часть, так как он сам ее себе возмещает. Если производительность труда не подверглась ни повышению, ни понижению, то и часть стоимости, представленная этой частью продукта, остается неизменной, равняясь определенной, соответствующей ей, части того количества труда, которое существует в продукте как в виде прошлого труда, так и в виде труда, вновь присоединенного в течение года. Также и в других отраслях горной промышленности происходит частичное возмещение постоянного капитала in natura.

Отходы продуктов, как, например, отходы хлопка и т. п., возвращаются почве в виде удобрения или используются в качестве сырья в других отраслях производства; так, превратившийся в тряпье холст используется в производстве бумаги. В первом из указанных случаев часть постоянного капитала одной отрасли производства может непосредственно обмениваться на постоянный капитал другой. Например: хлопок — на хлопковые отходы, употребляемые в качестве удобрения.

Вообще же главное различие существует между производством машин и производством сырья (угля, железа, дерева), с одной стороны, и другими фазами производства, с другой. В этих последних нет взаимодействия. Холст не может стать частью постоянного капитала прядильщика; пряжа (как таковая) не может стать частью постоянного капитала льновода или фабриканта машин. Но сырым материалом для машины служат не только такие полученные из сельскохозяйственного сырья продукты, как ремни, канаты и т. д., но еще и дерево, железо, уголь; а с другой стороны, машина, в свою очередь, входит в качестве средства производства в постоянный капитал производителя дерева, железа, угля и т. д. Таким образом, обе эти отрасли на деле возмещают друг другу часть своего постоянного капитала in natura. Здесь происходит обмен постоянного капитала на постоянный капитал.

Дело здесь не сводится к одним только бухгалтерским расчетам. Производитель железа ставит в счет машиностроителю износ использованных в производстве железа машин, а фабри-

кант машин ставит в счет производителю железа износ своих машин, использованных в машиностроении. Пусть производитель железа и производитель угля — одно и то же лицо. Во-первых, как мы уже видели, он сам возмещает себе уголь. Во-вторых, стоимость его совокупного продукта — железа и угля — равна стоимости, созданной вновь присоединенным трудом, плюс та стоимость, которая создана содержащимся в изношенной части машин прошлым трудом. После того как из этого совокупного продукта вычтено то количество железа, которое возмещает стоимость машин, остается то именно количество железа, которое сводится к присоединенному труду. Последняя часть образует сырой материал для фабриканта машин, производителя инструментов и т. д. Эту последнюю часть фабрикант машин оплачивает производителю железа холстом, а взамен первой части поставляет ему машину, возмещающую износ его оборудования.

С другой стороны, мы имеем такую часть постоянного капитала машиностроителя, которая соответствует износу его машиностроительной машины, инструментов и пр., которая, таким образом, не может быть сведена ни к сырью (мы оставляем здесь в стороне примененную [в производстве угля и железа] машину [298] и ту часть угля, которая возмещает себя самоё), ни к вновь присоединенному труду, следовательно — ни к заработной плате, ни к прибыли; этот износ возмещается фактически тем, что машиностроитель удерживает для себя самого из своих собственных машин одну или несколько в качестве машиностроительных машин. В отношении этой части его продукта дело сводится просто к тому, что для ее изготовления требуется добавочное количество сырья. В этой части продукта вновь присоединенный труд не представлен, так как в совокупном продукте труда определенное количество машин равняется стоимости, созданной присоединенным трудом, другое количество их — стоимости сырья, третье — той составной части стоимости, которая содержалась в машиностроительной машине. Правда, эта последняя составная часть содержит в себе на деле и присоединенный труд. Но со стороны стоимости труд этот равен нулю, так как в той части машин, в которой представлен присоединенный труд, не принимается в расчет труд, содержащийся в сырье и изношенных машинах; во второй части, возмещающей сырье, не принята в расчет та часть, которая возмещает новый труд и машины; следовательно, в третьей части, рассматриваемой со стороны стоимости, не содержится ни присоединенного труда, ни сырья; в этой части машин представлен только износ машин.

Машины, необходимые самому фабриканту машин, не идут в продажу. Они возмещаются им in natura, удерживаются из совокупного продукта. Таким образом, в продаваемых им машинах представлен лишь сырой материал (который сводится только к труду, коль скоро на счет фабриканта машин уже отнесен износ машин производителя сырья) и присоединенный труд; следовательно, эти машины сводятся к холсту как для него самого, так и для производителя сырья. Что же касается специально взаимоотношения между фабрикантом машин и производителем сырья, то этот последний для возмещения изношенной части своих машин удержал такое количество железа, которое соответствует стоимости изношенной части. Этим количеством железа он обменивается с фабрикантом машин, так что оба они расплачиваются друг с другом in natura, и этот процесс не имеет ничего общего с распределением дохода между ними.

Так обстоит дело с этим вопросом, к которому мы еще вернемся при рассмотрении обращения капитала[53].

Постоянный капитал в действительности возмещается тем путем, что он постоянно вновь производится и частью воспроизводит себя сам. Но та часть постоянного капитала, которая входит в пригодный для потребления продукт, оплачивается тем живым трудом, который входит в продукты, не являющиеся предметами потребления. Именно потому, что этот труд оплачивается не своими собственными продуктами, весь пригодный для потребления продукт может быть сведен к доходу. Одна часть постоянного капитала, рассматриваемая как часть годового продукта, есть только кажущийся постоянный капитал. Другая часть, хотя и она входит в совокупный продукт, однако — ни в качестве составной части стоимости, ни в качестве потребительной стоимости — не входит в пригодный для потребления продукт, а возмещается in natura, оставаясь все время неотъемлемым элементом производства.

Здесь мы рассмотрели, как весь пригодный для потребления продукт распределяется и распадается на все входящие в него составные части стоимости и условия производства.

Но всегда существуют одновременно, одно рядом с другим: пригодный для потребления продукт (который, — в той мере, в какой одна из частей, на которые он распадается, есть заработная плата, — равен переменной части капитала), производство пригодного для потребления продукта и производство всех частей постоянного капитала, необходимого для производства этого продукта, независимо от того, входит ли этот постоянный капитал в пригодный для потребления продукт или же нет. Таким образом, всякий капитал всегда делится на

постоянный и переменный капитал, из которых он одновременно состоит, и, хотя постоянная его часть, подобно переменной, непрерывно возмещается новыми продуктами, она всегда продолжает существовать в одной и той же форме, пока производство продолжается в том же виде.

[299] Отношение между фабрикантом машин и производителем сырья — производителем железа, дерева и т. д. — таково, что каждый из них на деле обменивается с другим частью своего постоянного капитала (что ничего общего не имеет с превращением части постоянного капитала одного в доход другого[54]), и продукт каждого из этих двух взаимосвязанных производителей, хотя один из указанных продуктов и служит предварительной ступенью для другого продукта, входит как средство производства в постоянный капитал каждого другого из этих двух производителей. Производители железа, дерева и т. д. дают машиностроителю — в обмен на машины, в которых они нуждаются, — железо, дерево и т. д. в размере стоимости машины, подлежащей возмещению. Эта часть постоянного капитала машиностроителя является для этого последнего тем же, чем семена являются для крестьянина. Она составляет ту часть его годового продукта, которую он возмещает себе in natura и которая не является для него доходом. С другой стороны, путем этого обмена машиностроителю возмещается в форме сырого материала не только сырье, содержащееся в машине производителя железа, но и та часть стоимости этой машины, которая состоит из присоединенного труда и износа его собственных машин. Таким образом, машиностроителю возмещается не только то, что соответствует износу его собственных машин, но также и то, что может быть отнесено (в качестве возмещения) на счет части износа, содержащегося в другой машине.

Правда, также и эта, проданная производителю железа, машина содержит такие составные части стоимости, которые равны сырью и присоединенному труду. Но зато в другой машине должно быть засчитано соответственно меньше на возмещение износа. Стало быть, эта часть постоянного капитала производителей железа и т. д., т. е. эта часть продукта их годового труда, возмещающая только ту составную часть стоимости постоянного капитала, в которой представлен износ,- не входит в машины, продаваемые машиностроителем другим промышленникам. Что же касается износа в этих других машинах, то он, конечно, возмещается машиностроителю упомянутыми выше $^{2}/_{3}$ арш. холста, равными 2 часам труда. Машиностроитель покупает на них чугун, дерево и т. д. в размере той же суммы

стоимости и возмещает себе износ в другой форме своего постоянного капитала, в форме чугуна. Таким образом, машиностроителю часть его сырья возмещает, кроме стоимости сырья, также и стоимость износа его машин. Но на стороне производителя чугуна и т. д. это сырье сводится к одному лишь присоединенному труду, так как машины этих производителей сырья (железа, дерева, угля и т. д.) были засчитаны уже раньше.

Таким образом, все элементы холста сводятся к такой сумме определенных количеств труда, которая равна сумме вновь присоединенного труда, но отнюдь не равна сумме совокупного труда, содержащегося в постоянном капитале и увековечиваемого воспроизводством.

К тому же тавтологией является положение, гласящее, что то количество труда — частью живого, частью прошлого, — которое образует сумму товаров, входящих на протяжении года в индивидуальное потребление, и которое, следовательно, потребляется как доход, не может превышать присоединенный в течение года труд. Ибо доход равен сумме прибыли и заработной платы, равен сумме вновь присоединенного труда, равен сумме товаров, содержащих такое же количество труда.

Пример с производителем железа и машиностроителем есть только отдельный пример. Также и между другими различными сферами производства, доставляющими друг другу средства производства в виде своих продуктов, происходит обмен их постоянных капиталов in natura (хотя бы и скрытый рядом денежных сделок). Поскольку это имеет место, постольку потребители конечного продукта, входящего в потребление, не должны возмещать этот постоянный капитал, так как он уже возмещен. [299]

[304] {Например, при производстве паровозов ежедневно остаются целые вагоны железных стружек. Их собирают и перепродают (или записывают в счет) тому же самому владельцу железоделательного завода, который поставляет владельцу паровозостроительного завода его главное сырье. Владелец железоделательного завода снова придает этим стружкам компактную форму, присоединяет к ним новый труд. И в этой форме, в которой он отправляет их обратно владельцу паровозостроительного завода, эти металлические стружки образуют ту часть стоимости продукта, которая возмещает сырье. Так странствуют они между этими двумя заводами, — конечно, не те же самые стружки, но всегда определенное количество их. Эта часть попеременно служит сырьем для обеих отраслей промышленности и, рассматриваемая со стороны стоимости, всегда

только кочует из одного предприятия в другое. Поэтому она не входит в окончательный продукт, а представляет собой возмещение постоянного капитала in natura.

В действительности каждая машина, которую поставляет владелец машиностроительного завода, распадается, — если рассматривать ее стоимость, — на сырье, присоединенный труд и износ машин. Но совокупная сумма этих машин, входящих в производство других сфер, может по своей стоимости равняться лишь совокупной стоимости машин минус та часть постоянного капитала, которая непрестанно перемещается — то туда, то обратно — между владельцем машиностроительного завода и владельцем железоделательного завода.

Любой квартер пшеницы, продаваемый крестьянином, стоит столько же, сколько и всякий другой. Проданный квартер пшеницы нисколько не дешевле того квартера, который возвращен почве в виде семян. Тем не менее, если продукт равен шести квартерам, а квартер трем фунтам стерлингов, — причем каждый квартер содержит составные части стоимости, приходящиеся на присоединенный труд, сырье и машины, — и если крестьянин должен употребить один квартер на семена, то продает он потребителям только 5 квартеров, получая за них 15 ф. ст. Потребителям не приходится, следовательно, платить за ту составную часть стоимости, которая содержится в одном квартере семян. В этом-то и заключается соль вопроса: как это возможно, что стоимость проданного продукта равна всем содержащимся в нем элементам стоимости — вновь присоединенному труду и постоянному капиталу,—а потребитель, хотя он и не оплачивает постоянный капитал, все же покупает этот продукт ?}[55] [304]

[300] {Добавление к предшествующему.

Как мало пошлый Сэй понимал даже самый вопрос, показывает следующая цитата:

«Для полного понимания этого вопроса о доходах следует принять во внимание, что вся стоимость продукта разделяется на доходы различных лиц, ибо *совокупная* стоимость всякого продукта слагается из прибылей тех земельных собственников, капиталистов и искусных в труде людей, которые содействовали его созданию. Вследствие этого доход общества равняется произведенной *валовой стоимости,* а не только *чистому продукту* земли, как полагала секта экономистов[56]... Если бы доходы нации сводились только к избытку произведенных стоимостей над потребленными, то отсюда вытекал бы тот поистине нелепый вывод, что нация, потребляющая в течение года столько же стоимостей, сколько она производит, не имеет никакого дохода» (цит. соч., том II, стр. 63—64).

Такая нация имела бы, в действительности, тот или иной доход в истекшем уже году, но в следующем году не имела бы

никакого. Неверно, будто *произведенный за год продукт труда,* в котором *продукт вновь присоединенного в данном году труда* образует только часть, сводится к доходу. Это верно только относительно той части продукта, которая входит в годовое индивидуальное потребление. Доход, состоящий исключительно из присоединенного труда, может оплатить этот продукт, состоящий отчасти из присоединенного труда, отчасти же из прошлого труда, — другими словами; присоединенный труд может оплатить в этих продуктах не только самого себя, но и прошлый труд, — благодаря тому, что другая часть продукта, тоже состоящая из труда присоединенного и труда прошлого, возмещает только прошлый труд, только постоянный капитал.}

[11) ДОБАВЛЕНИЯ: ПУТАНИЦА У СМИТА ПО ВОПРОСУ О МЕРЕ СТОИМОСТИ; ОБЩИЙ ХАРАКТЕР ПРОТИВОРЕЧИИ СМИТА]

{К рассмотренным здесь пунктам теории Адама Смита следует еще добавить, что к его колебаниям в определении стоимости — кроме явного противоречия в вопросе о заработной плате[57] — присоединяется еще следующее смешение понятий: мера стоимостей как имманентная мера, которая вместе с тем образует субстанцию стоимости, смешивается с мерой стоимостей в том смысле, в каком мерой стоимостей называются деньги. Отсюда попытка — своего рода квадратура круга — найти для меры во втором смысле товар неизменной стоимости, который служил бы постоянным измерителем других товаров. О том, как мера стоимостей, в смысле денег, относится к определению стоимости рабочим временем, — смотри первую часть моего сочинения[58]. Это смешение местами встречается также и у Рикардо.} [300]

* * *

[299] Противоречия А. Смита важны в том смысле, что они заключают в себе проблемы, которых он, правда, не разрешает, но которые он ставит уже тем, что сам себе противоречит. Его верный инстинкт в этом отношении доказывается лучше всего тем обстоятельством, что последующие экономисты, споря друг с другом, воспринимают от Смита то одну, то другую сторону[59].

[ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ]
ТЕОРИИ О ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОМ И НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНОМ ТРУДЕ

Мы переходим теперь к последнему спорному пункту, который мы должны рассмотреть при анализе взглядов А. Смита, — к [300] *различению между производительным и непроизводительным трудом.*

Таким же двойственным, каким мы видели до сих пор А. Смита во всем, он остается и при определении того, что он называет *производительным трудом* в отличие от *непроизводительного.* Мы находим у него постоянное смешение двух определений того, что он называет производительным трудом. Рассмотрим сначала первое, правильное определение.

[1) ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ КАК ТРУД, СОЗДАЮЩИЙ ПРИБАВОЧНУЮ СТОИМОСТЬ]

Производительным трудом, в смысле капиталистического производства, является тот наемный труд, который, будучи обменен на переменную часть капитала (на часть капитала, затрачиваемую на заработную плату), не только воспроизводит эту часть капитала (т. е. стоимость своей собственной рабочей силы), но, кроме того, производит прибавочную стоимость для капиталиста. Только благодаря этому товары или деньги превращаются в капитал, производятся в качестве капитала. Производительным является только тот наемный труд, который производит капитал. (Это значит, что израсходованную на этот труд сумму стоимостей он воспроизводит в увеличенном размере, другими словами — возвращает больше труда, чем получает в форме заработной платы. Следовательно,

производительна лишь та рабочая сила, применение которой дает большую стоимость, чем та, которую имеет она сама.)

Само существование класса капиталистов, а значит и капитала, основывается на производительности труда, но не на абсолютной, а на относительной его производительности. Если бы рабочего дня хватало только на поддержание жизни работника, т. е. только на воспроизводство его рабочей силы, [301] то, абсолютно говоря, труд был бы производителен, так как он воспроизводил бы, т. е. постоянно возмещал бы, потребленные им стоимости (сумма которых равна стоимости его-собственной рабочей силы). Но он не был бы производителен в капиталистическом смысле, так как не производил бы никакой прибавочной стоимости. (Он не производил бы на деле никакой новой стоимости, а лишь возмещал бы прежнюю; он потреблял бы стоимость в одной форме, чтобы воспроизводить ее в другой. В этом смысле и была высказана мысль, что производителен тот работник, чья. продукция равна его собственному потреблению, и непроизводителен тот, который потребляет больше, чем воспроизводит.)

Эта производительность основывается на относительной производительности, на том, что рабочий не только возмещает прежнюю стоимость, но создает еще и новую; на том, что он овеществляет в своем продукте больше рабочего времени, чем овеществлено в том продукте, который поддерживает его существование как рабочего. Этот вид производительного наемного труда и служит основой существования капитала.

{Но предположим, что никакого капитала не существует и что рабочий сам присваивает себе свой прибавочный труд, избыток созданных им стоимостей над стоимостями, потребленными им. Лишь при этом положении вещей можно было бы сказать, что труд такого рабочего действительно производителен, т. е. создает новые стоимости.}

[2) ПОСТАНОВКА ВОПРОСА О ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОМ ТРУДЕ У ФИЗИОКРАТОВ И У МЕРКАНТИЛИСТОВ]

Это понимание производительного труда вытекает само собою из представления А. Смита о происхождении прибавочной стоимости, а следовательно — из его представления о сущности капитала. Поскольку он проводит этот взгляд на производительный труд, он движется в одном из взятых физиократами и даже меркантилистами направлений, освобождая его лишь от ложного способа представления и, следовательно, выявляя его внутреннее ядро. Физиократы, неправильно считавшие произ-

водительным только земледельческий труд, проводили, однако, правильный взгляд, что с капиталистической точки зрения производителен только тот труд, который создает прибавочную стоимость, и притом не для себя самого, а для собственника условий производства; только тот труд, который создает «чистый продукт», не для себя самого, а для земельного собственника. Ибо прибавочная стоимость, или прибавочное рабочее время, овеществляется в прибавочном продукте, или в «чистом продукте». (Этот последний физиократы опять-таки понимают неправильно. Они считают его чистым продуктом потому, что, например, пшеницы получается больше, чем съедают рабочий и фермер; но ведь и сукна тоже производится больше, чем его нужно на одежду производителям сукна — рабочему и предпринимателю.) Сама прибавочная стоимость понимается ими неправильно, так как они имеют неправильное представление о стоимости, которую они сводят к потребительной стоимости труда, а не к рабочему времени, не к общественному, качественно безразличному труду. Тем не менее у них за вычетом всего этого остается правильное определение, что только тот наемный труд производителен, который создает больше стоимости, чем стоит сам. А. Смит освобождает это определение от неправильного представления, с которым оно связано у физиократов.

Если от физиократов мы обратимся еще дальше назад — к меркантилистам, то и у них, в качестве одной из сторон их воззрений, мы найдем тот же взгляд на производительный труд, хотя это и осталось у них неосознанным. В основе воззрений меркантилистов лежало представление о том, что труд производителен лишь в тех отраслях производства, продукты которых, будучи отправлены за границу, приносят стране больше денег, чем они стоили (или чем нужно было в обмен на них вывезти за границу), — которые, следовательно, дают стране возможность в усиленной мере участвовать в присвоении продуктов недавно открытых тогда золотых и серебряных рудников. Они видели, что в таких странах происходил быстрый рост богатства и среднего класса. Чем же на самом деле обусловливалось это влияние золота? Рост заработной платы отставал от роста товарных цен; заработная плата, следовательно, понижалась, а тем самым возрастал относительный прибавочный труд, повышалась норма прибыли, но не потому, что рабочий стал более производителен, а потому, что абсолютная заработная плата (т. е. сумма жизненных средств, получаемых рабочим) понизилась, словом — потому, что ухудшилось положение рабочих. Таким образом, в этих странах труд действительно стал

производительнее для применяющих этот труд предпринимателей, Этот факт был связан с притоком благородных металлов, что и послужило мотивом, — хотя только смутно сознаваемым, — побудившим меркантилистов объявить единственно производительным трудом тот труд, который применяется в такого рода отраслях производства.

[302] «Поразительный рост населения, происходивший почти во всей Европе в течение последних 50 или 60 лет, вызывается, может быть, главным образом возросшей производительностью американских рудников. Увеличившийся избыток драгоценных металлов» (конечно, вследствие понижения их действительной стоимости) «повышает цену товаров в большей мере, чем цену труда; он ухудшает положение рабочего и в то же время увеличивает прибыли его нанимателя, который в результате этого применяет больше оборотного капитала для найма рабочих рук, а это способствует росту населения... Мальтус замечает, что открытие американских рудников, повысив хлебные цены в три-четыре раза, подняло цену труда только вдвое... Цена товаров, предназначенных для потребления внутри страны (например, цена хлеба), повышается в результате притока денег не сразу; а так как вследствие этого норма прибыли в земледелии понижается по сравнению с нормой прибыли в промышленности, то капитал переходит из земледелия в промышленность. И таким образом в конце концов все капиталы начинают приносить более высокие прибыли, чем прежде, а повышение прибылей всегда равносильно понижению заработной платы» (*John Barton.* Observations on the Circumstances which influence the Condition of the Labouring Classes of Society. London, 1817, стр. 29 и следующие).

Итак, во-первых, согласно Бартону, во второй половине XVIII столетия повторилось то самое явление, которое в последней трети XVI столетия и в XVII столетии дало толчок меркантилистской системе. Во-вторых, так как по понизившейся стоимости золота и серебра измеряются только экспортируемые товары, в то время как товары, предназначенные для потребления внутри страны, продолжают еще измеряться по прежней стоимости золота и серебра (до тех пор пока конкуренция между капиталистами не устранит этого измерения двумя различными мерами), то в отраслях производства, работающих на экспорт, труд выступает как непосредственно производительный, т. е. как создающий прибавочную стоимость, благодаря тому, что заработная плата снижается по сравнению с ее прежним уровнем.

[3) ДВОЙСТВЕННОСТЬ СМИТОВСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОГО ТРУДА. ПЕРВАЯ ТРАКТОВКА ВОПРОСА: ВЗГЛЯД НА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД КАК НА ТРУД, ОБМЕНИВАЕМЫЙ НА КАПИТАЛ]

Второй, неправильный взгляд на производительный труд, развиваемый Смитом, до такой степени переплетается с правильным, что оба эти взгляда шаг за шагом следуют друг за другом

на протяжении одного и того же отрывка. Поэтому для иллюстрации первого взгляда нам придется кое-где разрывать цитаты на части.

«Один вид труда увеличивает стоимость предмета, к которому он прилагается, другой вид труда не производит такого действия. Первый, так как *он производит стоимость,* может быть назван *производительным трудом,* второй — *непроизводительным.* Так, труд мануфактурного рабочего обычно *присоединяет* к стоимости материала, который он подвергает обработке, *стоимость своего собственного содержания и прибыль своего хозяина.* Труд домашнего слуги, напротив, не дает никакого увеличения стоимости. Хотя хозяин и *авансирует* мануфактурному рабочему его заработную плату, последний *в действительности не стоит ему никаких издержек, так* как стоимость этой заработной платы обычно возвращается к хозяину *вместе с прибылью* в увеличенной стоимости того предмета, к которому был приложен труд рабочего. Напротив, расход на содержание домашнего слуги никогда не возвращается. Человек *богатеет,* нанимая много мануфактурных рабочих; он беднеет, если содержит много домашних слуг» (книга II, глава 3, стр. 93 и 94 во II томе издания Мак-Куллоха) (Русский перевод, том I, стр. 278].

В этом месте, — а в его продолжении, которое мы процитируем ниже, противоречащие друг другу определения еще больше переплетаются друг с другом, — под производительным трудом понимается главным образом такой труд, который производит прибавочную стоимость — «прибыль своего хозяина» — сверх воспроизводства стоимости «своего собственного» (т. е. наемного рабочего) «содержания». Ведь промышленник не мог бы *обогащаться,* «нанимая много мануфактурных рабочих», если бы последние, сверх стоимости своего собственного содержания, не создавали еще и прибавочной стоимости.

Но, во-вторых, А. Смит понимает здесь под производительным трудом такой труд, который вообще «производит стоимость». Оставляя пока в стороне эту [303] последнюю трактовку, процитируем сначала другие места, где первый взгляд Смита отчасти повторяется, отчасти резче формулируется, главным же образом получает вместе с тем дальнейшее развитие.

«Если бы то количество пищи и одежды, которое... потреблено непроизводительными работниками, было распределено между производительными работниками, последние воспроизвели бы с *той или иной прибылью* полную стоимость того, что ими было потреблено» (цит. соч., стр. 109; книга II, глава 3) [Русский перевод, том I, стр. 286].

Здесь производительным совершенно определенно назван такой работник, который не только воспроизводит капиталисту полную стоимость содержащихся в заработной плате жизненных средств, но и воспроизводит ему эту стоимость «с той или иной прибылью».

Только труд, производящий капитал, есть производительный труд. Но капиталом товары или деньги становятся

благодаря тому, что они непосредственно обмениваются на рабочую силу, и притом обмениваются только для того, чтобы быть возмещенными большим количеством труда, чем содержится в них самих. Ибо потребительная стоимость рабочей силы для капиталиста как такового состоит не в ее *действительной* потребительной стоимости, не в полезности данного вида конкретного труда, не в том, что это труд прядильщика, ткача и т. д., — совершенно так же, как не интересует капиталиста потребительная стоимость продукта этого труда как таковая, так как продукт для него является товаром (и притом, до первого своего метаморфоза), а не предметом потребления. Капиталиста интересует в товаре только то, что товар обладает большей меновой стоимостью, чем капиталист за него заплатил, и таким образом потребительная стоимость труда для него состоит в том, что он получает обратно большее количество рабочего времени, чем то, которое он оплатил в форме заработной платы. К числу этих производительных работников принадлежат, разумеется, все те, кто так или иначе участвует в производстве товара, начиная с рабочего в собственном смысле слова и кончая директором, инженером (в отличие от капиталиста). Поэтому-то и последний английский официальный фабричный отчет *«совершенно определенно»* зачисляет в категорию наемных работников всех лиц, занятых на фабриках и в фабричных конторах, за исключением самих фабрикантов (см. слова отчета перед заключительной частью этой дряни).

Производительный труд определяется здесь с точки зрения капиталистического производства, и А. Смит в данном случае проник в самую суть дела, попал прямо в точку. Одна из его крупнейших научных заслуг (как правильно отметил Мальтус[60], это смитовское различение между производительным и непроизводительным трудом остается основой всей политической экономии буржуазного общества) состоит в том, что он определяет производительный труд как такой труд, *который обменивается непосредственно на капитал,* т. е. определяет его тем обменом, посредством которого производственные условия труда и стоимость вообще, деньги или товары, впервые только и превращаются в капитал (а труд — в наемный труд в научном смысле этого слова).

Этим самым абсолютно установлено также, что такое *непроизводительный труд.* Это — такой труд, который обменивается не на капитал, а *непосредственно* на доход, т. е. на заработную плату или прибыль (а также, конечно, и на те различные рубрики, которые существуют за счет прибыли капиталиста, каковы процент и рента). Там, где всякий труд отчасти еще сам себя

оплачивает (как, например, земледельческий труд барщинного крестьянина), отчасти же обменивается непосредственно на доход (как мануфактурный труд в городах Азии), там не существует капитала и наемного труда в смысле политической экономии буржуазного общества. Эти определения взяты, стало быть, не из вещественной характеристики труда (не из природы его продукта и не из тех определенных свойств, которые присущи труду как конкретному труду), а из определенной общественной формы, из тех общественных производственных отношений, в которых этот труд осуществляется. Актер, например, и даже клоун, является, в соответствии с этим, производительным работником, если он работает по найму у капиталиста (антрепренера), которому он возвращает больше труда, чем получает от него в форме заработной платы; между тем мелкий портной, который приходит к капиталисту на дом и чинит ему брюки, создавая для него только потребительную стоимость, является непроизводительным работником. Труд первого обменивается на капитал, труд второго — на доход. Первый род труда создает прибавочную стоимость; при втором потребляется доход.

Производительный и непроизводительный труд здесь различаются всегда *со стороны владельца денег, капиталиста,* а не со стороны *работника,* и отсюда нелепости у Ганиля и других, которые настолько далеки от понимания сути дела, что сводят ее к вопросу, приносит ли деньги работа — или услуга, или функция — проститутки, лакея и т. д. [303]

[304] Писатель является производительным работником не потому, что он производит идеи, а потому, что он обогащает книгопродавца, издающего его сочинения, т. е. он производителен постольку, поскольку является наемным работником какого-нибудь капиталиста.

Потребительная стоимость товара, в котором воплощается труд производительного рабочего, может быть совершенно ничтожной. Эта характеристика труда с его вещественной стороны нисколько не связана с его свойством быть производительным трудом, которое, напротив, выражает только определенное общественное производственное отношение. Здесь мы имеем такую характеристику труда, которая проистекает не из его содержания или его результата, а из его определенной общественной формы.

С другой стороны, если предположить, что капитал овладел всем производством, что, следовательно, *товар* (который нужно отличать от простой потребительной стоимости) уже не производится работником, владеющим условиями производства этого

товара, что, стало быть, только капиталист является производителем *товаров* (за исключением одного-единственного товара — рабочей силы), то в таком случае доход должен обмениваться *или* на товары, производимые и продаваемые исключительно капиталом, *или* на такие виды труда, которые так же, как и эти товары, покупаются для потребления, т. е. только из-за присущих им определенных вещественных свойств, из-за их потребительной стоимости, из-за тех *услуг,* которые они в своей вещественной определенности оказывают своим покупателям и потребителям. Для производителя этих услуг они — товары. Они имеют определенную потребительную стоимость (воображаемую или действительную) и определенную меновую стоимость. Но для покупателя эти услуги — лишь потребительные стоимости, предметы, в виде которых [305] он потребляет свой доход. Эти непроизводительные работники не безвозмездно получают свою долю дохода (заработной платы и прибыли), свою долю в товарах, созданных производительным трудом, — они должны ее купить, — но к производству этих товаров они не имеют никакого отношения.

Однако при всех обстоятельствах ясно: чем больше дохода (заработной платы и прибыли) тратится на товары, произведенные капиталом, тем меньше может быть затрачено на покупку услуг непроизводительных работников, и наоборот.

Вещественный характер того или другого труда, а следовательно и его продукта, сам по себе не имеет ничего общего с этим различением между производительным и непроизводительным трудом. Например, повара и официанты в ресторане являются производительными работниками, поскольку их труд превращается в капитал для владельца ресторана. Эти же лица являются непроизводительными работниками в качестве домашней прислуги, поскольку я не создаю себе капитала из их услуг, а трачу на них свой доход. Но фактически те же самые лица и в ресторане являются для меня, как потребителя, непроизводительными работниками.

«Та часть годового продукта земли и труда *какой-либо страны, которая возмещает капитал,* всегда *непосредственно* употребляется на содержание только производительных работников. Она *оплачивает заработную плату* только *производительного труда.* Та же часть, которая *непосредственно* предназначается на образование дохода, в виде ли прибыли или ренты, может одинаково идти на содержание как производительных, так и непроизводительных работников. Какую бы часть своих фондов человек ни затрачивал в качестве капитала, он всегда ожидает, что она будет возмещена ему с прибылью. Поэтому он затрачивает ее исключительно на содержание *производительных работников;* выполнив для него свою функцию капитала, она образует доход для этих последних. Всякий же раз, когда он употребляет часть своих фондов *на содержание непроизводитель-*

ных работников того или другого рода, она с этого момента изымается из его капитала и поступает в те его фонды, которые предназначены для непосредственного потребления» (цит. соч. [издание Мак-Куллоха, том II], стр. 98) [Русский перевод, том I, стр. 280].

Ясно, что по мере того, как капитал овладевает всем производством, как исчезает поэтому домашняя и мелкая форма промышленности, словом та промышленность, которая производит для собственного потребления и продукты которой не являются товарами, — непроизводительные работники, т. е. те работники, услуги которых непосредственно обмениваются на доход, по большей части выполняют уже только *личные* услуги, и только самая незначительная часть их (например, повар, швея, портной, занимающийся починкой, и т. д.) производит вещественные потребительные стоимости. Что они не производят *товаров,* вытекает из самого существа дела. Ибо товар как таковой никогда не является непосредственно предметом потребления, а является носителем меновой стоимости. Поэтому лишь весьма незначительная часть этих непроизводительных работников может при развитом капиталистическом способе производства непосредственно участвовать в материальном производстве. Она принимает участие в последнем только путем обмена своих услуг на доход. Это, как отмечает А. Смит, не мешает тому, чтобы стоимость услуг этих непроизводительных работников определялась — и могла определяться — тем же (или аналогичным) способом, каким определяется стоимость производительных рабочих. А именно — издержками производства, необходимыми для их содержания или для их производства. К этому здесь присоединяются еще и другие обстоятельства, рассмотрение которых сюда не относится.

[306] Рабочая сила производительного работника является товаром для него самого. Точно так же обстоит дело и с рабочей силой непроизводительного работника. Но производительный работник производит для покупателя его рабочей силы товар. Непроизводительный же производит для него просто потребительную стоимость, воображаемую или действительную, а вовсе не товар. Для непроизводительного работника характерного, что он для своего покупателя не производит товара, хотя и получает от него товар.

«Труд некоторых наиболее уважаемых сословий общества, подобно труду домашних слуг, не производит никакой стоимости... Например, государь со всеми своими судебными чиновниками и офицерами, вся армия и флот являются непроизводительными работниками. Они — слуги общества и содержатся на часть годового продукта труда других людей... К этому же классу должны быть отнесены... священники, юристы, врачи, всякого рода писатели; актеры, паяцы, музыканты, оперные певцы, танцовщики и т. д.» (там же, стр. 94—95) (Русский перевод, том I, стр. 279].

Само по себе это различение между производительным и непроизводительным трудом, как уже сказано, не имеет ничего общего ни с той или иной особой специальностью труда, ни с особой потребительной стоимостью, в которой этот специальный вид труда воплощается. В одном случае труд обменивается на капитал, в другом — на доход. В одном случае труд превращается в капитал и создает капиталисту прибыль; в другом случае он является расходом, одним из тех объектов, на которые тратится доход. Например, рабочий фортепианного фабриканта является производительным работником. Его труд не только возмещает потребленную им заработную плату, но в его продукте, в фортепиано, в товаре, продаваемом фабрикантом, сверх стоимости заработной платы содержится еще прибавочная стоимость. Предположим, наоборот, что я покупаю весь материал, необходимый для изготовления фортепиано (или пусть даже сам рабочий имеет этот материал), и, вместо того чтобы купить фортепиано в магазине, поручаю сделать его у меня на дому. В этом случае фортепианный мастер является непроизводительным работником, так как его труд обменивается непосредственно на мой доход.

[4) ВТОРАЯ ТРАКТОВКА ВОПРОСА У СМИТА: ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД КАК ТРУД, ОВЕЩЕСТВЛЯЮЩИЙСЯ В ТОВАРЕ]

Ясно, однако, что в той же мере, в какой капитал подчиняет себе все производство, — так что все товары производятся для продажи, а не для непосредственного потребления, и соответственно этому растет производительность труда, — появляется и все более усиливается также и вещественное различие между производительными и непроизводительными работниками, так как первые, за незначительными исключениями, будут производить только *товары,* а вторые, тоже за незначительными исключениями, будут выполнять только личные услуги. Класс первых будет поэтому производить непосредственное, материальное, из *товаров* состоящее богатство, все товары, поскольку они состоят не из самой рабочей силы. И в этом заключается одно из соображений, побудивших А. Смита к первой differentia specifica*, являющейся основным определением, присоединить еще и другие.

Так, в результате сплетения различных рядов мыслей у Смита получается следующее:

* — специфическая отличительная черта, специфическое различие. *Ред.*

«Труд домашнего слуги» (в отличие от труда мануфактурного рабочего) *«... не дает никакого увеличения стоимости...* Расход на содержание домашнего слуги *никогда не возвращается.* Человек богатеет, нанимая много мануфактурных рабочих; он беднеет, если содержит много домашних слуг. Тем не менее *труд последних имеет свою стоимость* и заслуживает вознаграждения так же, как и труд первых. Но труд мануфактурного рабочего *фиксируется и овеществляется в каком-либо отдельном предмете, или товаре, который можно продать и который существует, по крайней мере, некоторое время после того, как сам этот труд уже прекратился.* Это есть, так сказать, определенное количество труда, скопленное в процессе его овеществления и хранящееся в резерве, чтобы быть использованным, если понадобится, при каком-либо другом случае. Этот предмет, или, что то же самое, цена этого предмета, может впоследствии, если понадобится, привести в движение количество труда, равное тому, какое первоначально было затрачено на его производство. Труд домашнего [307] слуги, напротив, не *фиксируется или* не *овеществляется в каком-либо отдельном предмете, или пригодном для продажи товаре. Его услуги обычно исчезают в самый момент их выполнения и редко оставляют после себя какой-либо след или какую-нибудь стоимость,* за которую можно было бы *впоследствии* получить равное количество услуг. Труд некоторых наиболее уважаемых сословий общества, подобно труду домашних слуг, *не производит никакой стоимости и не фиксируется или не овеществляется ни в каком длительно существующем предмете,* или *пригодном для продажи товаре»* (там же, стр. 93—94) [Русский перевод, том I, стр. 278—279].

Для характеристики непроизводительного работника мы здесь имеем следующие определения, в которых вместе с тем обнаруживаются звенья внутреннего хода мыслей А. Смита:

Труд непроизводительного работника «не производит никакой стоимости», «не дает никакого увеличения стоимости», «расход на содержание» (непроизводительного работника) «никогда не возвращается», «он не *фиксируется* или не *овеществляется в каком-либо отдельном предмете, или пригодном для продажи товаре».* Напротив, «его услуги обычно исчезают в самый момент их выполнения и редко оставляют после себя какой-либо след или какую-нибудь стоимость, за которую можно было бы *впоследствии* получить равное количество услуг». Наконец, «он не фиксируется или не овеществляется ни в каком *длительно существующем предмете, или пригодном для продажи товаре».*

Здесь термины «производительный» и «непроизводительный» берутся в другом смысле, чем тот, какой они имели первоначально. Речь идет уже не о производстве прибавочной стоимости, которое само по себе подразумевает воспроизводство эквивалента потребленной стоимости. Труд работника считается здесь производительным постольку, поскольку работник вместо потребленной стоимости дает эквивалент, присоединяя своим трудом к какому-нибудь материалу такое же количество стоимости, какое содержалось в его заработной плате. Здесь мы выходим за пределы того определения, которое относится

к общественной форме, за пределы определения производительных и непроизводительных работников их отношением к капиталистическому производству. Из 9-й главы IV книги (где А. Смит критикует учение физиократов) видно, что он пришел к этой аберрации, развивая свои взгляды отчасти в противовес физиократам, отчасти под их влиянием. Если рабочий в течение года только возмещает эквивалент своей заработной платы, то он не является производительным работником для капиталиста. Правда, он возмещает капиталисту свою заработную плату, покупную цену своего труда. Но это совершенно такая же сделка, как если бы капиталист купил товар, производимый этим работником. Капиталист оплачивает труд, содержащийся в постоянном капитале, примененном для производства данного товара, и в заработной плате. Он теперь владеет таким же количеством труда в форме товара, каким владел раньше в форме денег. Его деньги от этого не превращаются в капитал. В данном случае получается то же самое, как если бы рабочий сам был владельцем своих условий производства. Из стоимости своего годового продукта он должен ежегодно удерживать стоимость условий производства, чтобы возмещать их. В течение года он потребил или мог бы потребить ту часть стоимости своего продукта, которая равна новому труду, присоединенному им за год к своему постоянному капиталу. В этом случае мы, стало быть, не имели бы капиталистического производства.

Первое основание, в силу которого А. Смит называет этот вид труда «производительным», состоит в том, что физиократы называют его «бесплодным» и «непроизводительным».

Так, Смит говорит нам в указанной главе:

«Во-первых, [физиократы] признают, что этот класс» (а именно, промышленные классы, не занимающиеся земледелием) *«воспроизводит ежегодно стоимость* своего собственного годового потребления *и сохраняет, по меньшей мере, тот фонд, или капитал, который предоставляет ему занятие и дает ему возможность существовать...* Правда, фермеры и сельскохозяйственные рабочие сверх капитала, который предоставляет им работу и средства существования, воспроизводят ежегодно еще *чистый продукт,* чистую ренту для земельного собственника... Труд фермеров и сельскохозяйственных рабочих, несомненно, производительнее труда купцов, ремесленников и мануфактуристов. Но то обстоятельство, что продукт одного класса превосходит продукт другого класса, не делает еще другой класс *бесплодным* и *непроизводительным»* (цит. соч., том III, стр. 530 [французского перевода Гарнье]) [Русский перевод, том II, стр. 220—221].

Здесь, следовательно, А. Смит возвращается к физиократическому [308] взгляду. Собственно «производительным трудом», трудом, производящим прибавочную стоимость, а потому и «чистый продукт», оказывается труд земледельческий. Смит

отказывается от своего собственного взгляда на прибавочную стоимость и принимает взгляд физиократов. В то же время он выдвигает против физиократов то положение, что мануфактурный (у него также и торговый) труд все-таки тоже производителен, хотя и не в этом высшем смысле слова. Смит, стало быть, выходит за пределы того определения, которое относится к общественной форме, за пределы определения того, что представляет собой «производительный работник» с точки зрения капиталистического производства; он выдвигает против физиократов тот тезис, что неземледельческий, промышленный класс воспроизводит свою собственную заработную плату, следовательно все же производит стоимость, равную той, которую он потребляет, и тем самым «сохраняет, по меньшей мере, тот фонд, или капитал, который предоставляет ему занятие». Так под влиянием физиократов и в противовес им возникает его второе определение «производительного труда».

«Во-вторых», — говорит А. Смит, — «ввиду этого представляется вообще неправильным рассматривать ремесленников, мануфактуристов и купцов в таком же свете, как и домашнюю прислугу. *Труд домашнего слуги не сохраняет того фонда, который предоставляет ему занятие и средства существования. Этот слуга получает занятие и содержится всецело за счет издержек своего хозяина,* и *работа, которую он выполняет, не такого рода, чтобы возместить эти издержки.* Работа эта состоит в *услугах,* которые *обычно исчезают в самый момент их выполнения;* она не *фиксируется* и не *овеществляется в каком-либо пригодном для продажи товаре, который мог бы возместить стоимость их заработной платы и содержания.* В противоположность этому, труд ремесленников, мануфактуристов и купцов естественным образом *фиксируется и овеществляется в таком предмете, который может быть продан или обменен.* Вот почему в главе о *производительном* и *непроизводительном труде я* отнес ремесленников, мануфактуристов и купцов к *производительным* работникам, а домашнюю прислугу — к *бесплодным* и *непроизводительным»* (там же, стр. 531) [Русский перевод, том II, стр. 221].

Как только капитал овладевает всем производством, доход, поскольку он вообще обменивается на труд, обменивается не непосредственно на труд, производящий *товары,* а на одни лишь *услуги.* Он обменивается отчасти на такие *товары,* которые служат ему в качестве потребительных стоимостей, отчасти на *услуги,* которые, в качестве таковых, потребляются как потребительные стоимости.

Товар, в отличие от самой рабочей силы, есть противостоящий человеку в вещественной форме предмет, который обладает известной полезностью для человека и в котором фиксировано, материализовано определенное количество труда.

Таким образом, мы приходим к определению, которое по существу уже содержится в пункте первом: производительным

является тот рабочий, труд которого *производит товары,* причем этот рабочий потребляет товаров не больше, чем производит, не больше, чем стоит его труд. Его труд фиксируется и овеществляется *«в таком предмете, который может быть продан или обменен», «в каком-либо пригодном для продажи товаре, который мог бы возместить стоимость их»* (т. е. рабочих, изготовивших эти товары) *«заработной платы и содержания».* Производя товары, производительный рабочий тем самым непрерывно воспроизводит переменный капитал, который он непрерывно потребляет в форме заработной платы. Он постоянно производит тот фонд, который его оплачивает, «который предоставляет ему занятие и средства существования».

Во-первых, к труду, «фиксирующемуся и овеществляющемуся в таком товары, который может быть продан или обменен», А. Смит, естественно, причисляет все виды умственного труда, которые непосредственно потребляются в материальном производстве. Смит имеет здесь в виду не только труд рабочего, работающего непосредственно руками или же работающего у машин, но и труд надсмотрщика, инженера, директора, приказчика и т. д., словом, труд всего персонала, требующегося в определенной сфере материального производства для производства определенного товара, — персонала, совместный труд (кооперация) которого необходим для изготовления товаров. В самом деле, они присоединяют к постоянному капиталу свой совокупный труд и повышают стоимость продукта на эту величину. (В какой мере это верно в применении к банкирам[61] и т. д.?)

[309] *Во-вторых,* А. Смит говорит, что *обычно* этого не бывает с трудом непроизводительных работников. А. Смит прекрасно знает, что даже и в том случае, когда капитал овладел материальным производством, следовательно когда в основном исчезла домашняя промышленность, исчез труд мелкого ремесленника, непосредственно на дому у потребителя создающего ему потребительные стоимости, — даже в этом случае швея, которую я приглашаю на дом шить рубахи, или рабочие, которые ремонтируют мебель, или слуга, моющий, убирающий дом и т. д., или кухарка, придающая мясу и т. д. пригодную для потребления форму, фиксируют свой труд в той или иной вещи и действительно увеличивают стоимость этих вещей совершенно так же, как и швея, которая шьет на фабрике, как и механик, ремонтирующий машину, как и рабочие, чистящие машину, как и кухарка, готовящая в ресторане в качестве наемной работницы капиталиста. Произведенные ими потребительные стоимости потенциально также являются товарами: рубахи

могут быть заложены в ломбарде, дом может быть продан, мебель может пойти с молотка и т. д. Таким образом, перечисленные лица потенциально тоже произвели товары и присоединили стоимость к предметам своего труда. Но они составляют весьма незначительную категорию среди непроизводительных работников, и того, что сказано о них, нельзя сказать о массе домашних слуг, попов, правительственных чиновников, солдат, музыкантов и т. д.

Однако как бы велико или мало ни было число этих «непроизводительных работников», во всяком случае ясно то, — и Смит признаёт это своим ограничительным выражением: «услуги эти *обычно* исчезают в самый момент их выполнения» и т. д., — что не обязательно тот или иной специальный вид труда и не та или иная форма проявления его продукта делают его «производительным» или «непроизводительным». Один и тот же труд может быть производительным, когда я покупаю его как капиталист, как производитель, для того чтобы применение его принесло мне увеличенную стоимость, и непроизводительным, когда я покупаю его как потребитель, когда я трачу свой доход с целью потребления его (труда) потребительной стоимости, независимо от того, исчезает ли эта потребительная стоимость вместе с прекращением самого функционирования рабочей силы или же она материализуется, фиксируется в какой-нибудь вещи.

Для того, кто в качестве капиталиста купил труд кухарки, для владельца ресторана, кухарка производит в ресторане товар. Потребитель бараньих котлет должен оплатить ее труд, и этот труд возмещает владельцу ресторана (помимо прибыли) тот фонд, из которого он продолжает платить кухарке. Напротив, если труд кухарки, которая варит мне мясо и пр., покупается мной не для того, чтобы применять этот труд в качестве труда вообще ради получения прибавочной стоимости, а для пользования им в качестве именно этого определенного конкретного труда, то в этом случае ее труд непроизводителен, хотя он и фиксируется в материальном продукте и с таким же успехом мог бы стать (в своем результате) идущим в продажу товаром, каким он и в самом деле является для владельца ресторана. Остается, однако, большое различие (различие по самой сути дела): мне (частному лицу) кухарка не возмещает того фонда, из которого я ей плачу. Ибо я покупаю ее труд не как образующий стоимость элемент, а исключительно из-за его потребительной стоимости. Ее труд точно так же не возмещает мне того фонда, из которого я ей плачу, т. е. не возмещает мне ее заработной платы, как, например, съедаемый мной в ресторане обед

не дает, как таковой, мне возможности еще раз купить и съесть такой же обед. Но это же различие существует и между товарами. Товар, который капиталист покупает для возмещения своего постоянного капитала (например, хлопчатобумажная ткань, если он имеет ситцепечатную фабрику), возмещает ему свою стоимость в печатном ситце. Напротив, если капиталист покупает этот же товар, чтобы потреблять самый ситец, то товар не возмещает ему его расхода.

Наибольшая часть общества, — т. е. рабочий класс, — принуждена, впрочем, сама для себя выполнять этот непроизводительный труд; но она может взяться за него лишь при условии, если она предварительно поработала «производительно». Рабочий может варить себе мясо только в том случае, если он произвел заработную плату, которою можно заплатить за мясо; он в состоянии содержать в чистоте свою мебель и свое жилище, чистить свою обувь только при том условии, если он предварительно произвел стоимость мебели, квартирной платы, обуви. Таким образом, у самого этого класса производительных рабочих «непроизводительным трудом» оказывается тот труд, который они выполняют для самих себя. Этот непроизводительный труд никогда не дает им возможности [310] снова повторить тот же самый непроизводительный труд, если они предварительно не поработали производительно.

В-третьих. С другой стороны: антрепренер театров, устроитель концертов, содержатель публичных домов и т. д. покупают временное распоряжение рабочей силой актеров, музыкантов, проституток и т. д. (в действительности — окольным путем, представляющим интерес лишь с точки зрения экономической формы и не влияющим на результаты процесса); они покупают этот так называемый «непроизводительный труд», которого «услуги исчезают в самый момент их выполнения» и не фиксируются или не овеществляются в каком-либо «длительно существующем» (или, иначе, в «особом») «предмете, или пригодном для продажи товаре» (помимо самих этих услуг). Продажа этих услуг публике возмещает антрепренеру заработную плату и дает прибыль. И эти услуги, купленные им таким образом, дают ему возможность купить их снова, т. е. сами возобновляют тот фонд, из которого они оплачиваются. То же самое относится, например, к труду писцов, работающих в конторе у адвоката, с той только разницей, что услуги писцов по большей части еще воплощаются в весьма объемистых «особых предметах», в форме огромных кип документов.

Верно, что самому антрепренеру эти услуги оплачиваются из доходов публики. Но не менее верно, что точно так же об-

стоит дело и со всеми продуктами, поскольку они идут в индивидуальное потребление. Страна, правда, не может экспортировать эти услуги как таковые; но она может экспортировать их исполнителей. Так, Франция экспортирует танцмейстеров, поваров и т. д., а Германия — школьных учителей. Конечно, вместе с экспортом танцмейстера и школьного учителя экспортируется также и их доход, между тем как экспорт танцевальной обуви и книг доставляет стране возмещающую их стоимость.

Таким образом, если, с одной стороны, часть так называемого непроизводительного труда воплощается в материальных потребительных стоимостях, которые с таким же успехом могли бы быть товарами («пригодными для продажи товарами»), то, с другой стороны, часть услуг, существующих в чистом виде, не принимающих предметной формы, не получающих в виде вещи самостоятельного бытия отдельно от исполнителя этих услуг и не входящих составной частью в стоимость какого-нибудь товара, — может быть куплена на капитал (*непосредственным* покупателем труда), может возмещать свою собственную заработную плату и доставлять прибыль. Словом, производство этих услуг может в известной своей части быть подчинено капиталу, — точно так же, как, с другой стороны, часть того труда, который воплощается в полезных предметах, покупается непосредственно на доход и не подчиняется капиталистическому производству.

В-четвертых. Весь мир «товаров» может быть разделен на две большие части. Во-первых, рабочая сила; во-вторых, товары, отличные от самой рабочей силы. Покупка же таких услуг, которые выражаются в обучении рабочей силы, которые сохраняют ее, видоизменяют и т. д., словом, дают ей специальность или же только служат ее сохранению, следовательно, например, услуг школьного учителя, поскольку он «промышленно-необходим» или полезен, услуг врача, поскольку он поддерживает здоровье, т. е. сохраняет источник всех стоимостей — самоё рабочую силу, — все это есть покупка таких услуг, которые дают взамен себя «пригодный для продажи товар и т. д.», а именно самоё рабочую силу, в издержки производства или воспроизводства которой эти услуги входят. Впрочем, А. Смит знал, какую ничтожную роль в издержках производства массы рабочих играют издержки на «образование». И при всех обстоятельствах услуги врача принадлежат к faux frais* производства. Их можно отнести к издержкам по ремонту рабочей силы. Допустим, что по той или иной причине одновременно

* — побочные издержки, не участвующие непосредственно в процессе производства, но при данных условиях являющиеся необходимыми. *Ред.*

уменьшаются заработная плата и прибыль, как по своей совокупной стоимости, — например, вследствие того, что нация стала более ленивой, — так и по своей потребительной стоимости, если труд стал менее производителен в результате плохого урожая и т. д.; словом, допустим, что та часть продукта, стоимость которой равна доходу, уменьшается по той причине, что за последний год присоединено меньше нового труда и что присоединенный труд менее производителен. Если бы капиталист и рабочий пожелали теперь потреблять в виде вещественных продуктов ту же сумму стоимостей, что и прежде, то им пришлось бы покупать меньше услуг врача, учителя и т. д. Если же они были бы вынуждены расходовать на врача и учителя столько же, сколько прежде, то им пришлось бы сократить потребление других вещей. Итак, ясно, что труд врача и учителя не создает'непосредственно фонда, из которого они оплачиваются, хотя их труд входит в издержки производства того фонда, который вообще создает все стоимости, а именно в издержки производства рабочей силы, [311] А. Смит продолжает:

«В-третьих, представляется со всех точек зрения неправильным утверждение, что труд ремесленников, мануфактуристов и купцов не увеличивает *действительного дохода* общества. Даже если предположить, например, как это предполагает рассматриваемая здесь теория, что стоимость дневного, месячного и годового потребления этого класса в точности равняется стоимости того, что он производит в течение данного дня, месяца и года, то все же отсюда отнюдь не следует, что его труд ничего не добавляет к действительному доходу общества, к действительной стоимости годового продукта земли и труда общества. Так, например, ремесленник, который в первые шесть месяцев после жатвы выполняет работу на 10 ф. ст., даже если он и потребляет за это время хлеба и других средств существования на 10 ф. ст., на деле добавляет к годовому продукту земли и труда общества стоимость в 10 ф. ст. Потребляя хлеб и другие средства существования на сумму полугодового дохода стоимостью в 10 ф. ст., он в то же время произвел своей работой равновеликую стоимость, на которую можно купить для него самого или для кого-либо другого точно такой же полугодовой доход. Поэтому стоимость того, что потреблено и произведено в течение этих шести месяцев, равняется не 10, а 20 ф. ст. Конечно, вполне возможно, что в каждый данный момент налицо было не более 10 ф. ст. этой стоимости. Но если бы хлеб и другие средства существования стоимостью в 10 ф. ст., потребленные ремесленником, были потреблены солдатом или домашним слугой, то стоимость той части годового продукта, которая существовала бы в конце шести месяцев, оказалась бы на 10 ф, ст. меньше по сравнению с тем, что имеется на самом деле в результате труда ремесленника. Таким образом, даже если допустить, что стоимость того, что производится ремесленником, никогда не превышает той стоимости, которую он потребляет, все же в каждый данный момент совокупная стоимость товаров, имеющихся на рынке, будет в результате его труда больше той, какой она была бы, если бы он не работал» (цит. соч., книга IV, глава 9, стр. 531—533 [III тома французского перевода Гарнье]) [Русский перевод, том II, стр. 221— 222].

А разве в каждый данный момент [совокупная] стоимость товаров, имеющихся на рынке, не будет в результате «непроизводительного труда» больше той, какая была бы без наличия этого труда? Разве в любой момент, наряду с пшеницей, мясом и т. д., нет на рынке также проституток, адвокатов, проповедей, концертов, театров, солдат, политических деятелей и т. д.? Эта братия получает хлеб и другие средства существования или увеселения не даром. За это она отдает или навязывает свои услуги, которые, как таковые, имеют потребительную стоимость, а в результате их издержек производства — также и меновую стоимость. В каждый данный момент в числе предметов потребления, наряду с предметами потребления, существующими в виде товаров, имеется известное количество предметов потребления в виде услуг. Таким образом, общая сумма предметов потребления всегда оказывается больше той, какою она была при отсутствии пригодных для потребления услуг. А во-вторых, большей оказывается также и стоимость, ибо она равна стоимости товаров, поддерживающих эти услуги, и стоимости самих услуг. Ведь здесь, как и при всяком обмене товара на товар, эквивалент дается за эквивалент, следовательно одна и та же стоимость имеется в наличии вдвойне: один раз на стороне покупателя и один раз — на стороне продавца.

{А. Смит продолжает о физиократах:

«Когда сторонники этой системы утверждают, что *потребление* ремесленников, мануфактуристов и купцов *равняется стоимости того, что они производят,* они, вероятно, имеют в виду только то обстоятельство, что *доход* этих работников, или *фонд, предназначенный для их потребления, равен этой стоимости»* (т. е. стоимости того, что они производят) (там же, стр. 533) [Русский перевод, том II, стр. 222].

В этом физиократы были правы, если иметь в виду рабочих и предпринимателей, вместе взятых; прибыль этих последних включает ренту просто как свою особую рубрику.}

[312] {В той же связи, т. е. в связи со своей критикой физиократов, *А. Смит* — книга IV, глава 9 (перевод Гарнье, том III) — замечает:

«Годовой продукт земли и труда какого-либо общества может быть увеличен только двумя способами: либо, *во-первых,* путем *усовершенствования производительной способности полезного труда,* действующего в данное время в данном обществе; либо, *во-вторых, путем увеличения количества этого труда.* Для того чтобы произошло какое-либо усовершенствование или возрастание производительной способности полезного труда, необходимо *или усовершенствование ловкости рабочего или усовершенствование машин, при помощи которых он работает... Увеличение количества полезного труда,* употребляемого в данное время в обществе, зависит исключительно от *увеличения того капитала, который приводит его в действие,* а *увеличение этого капитала, в свою очередь, должно точно*

равняться сумме сбережений, которые делают из своего дохода управляющие этим капиталом лица или же какие-либо другие лица, ссужающие его им» (стр. 534—535) [Русский перевод, том II, стр. 222].

Здесь получается двойной порочный круг. *Во-первых:* годовой продукт увеличивается в результате увеличения производительности труда. Все средства увеличения этой производительности (поскольку это увеличение не вызывается случайностями природы, например особо благоприятной погодой и т. д.) требуют увеличения капитала. Но чтобы увеличить капитал, необходимо увеличить годовой продукт труда. Первый порочный круг. *Во-вторых,* годовой продукт может быть увеличен путем увеличения количества применяемого труда. Но количество применяемого труда может быть увеличено лишь в результате предварительного увеличения того капитала, который «приводит его (труд) в действие». Второй порочный круг. Смит пытается выпутаться из обоих этих порочных кругов с помощью *«сбережений».* Под этим выражением он понимает превращение дохода в капитал.

Уже само по себе неправильно рассматривать всю прибыль как «доход» капиталиста. Закон капиталистического производства, напротив, требует, чтобы часть прибавочного, неоплаченного труда, выполняемого рабочим, превращалась в капитал. Когда отдельный капиталист действует как капиталист, т. е. как исполнитель функций капитала, то это превращение прибыли в капитал, конечно, может ему самому казаться сбережением, но даже и для него самого оно выступает в виде необходимости иметь резервный фонд. Однако увеличение количества труда зависит не только от числа рабочих, но и от продолжительности рабочего дня. Количество труда, следовательно, может быть увеличено без увеличения той части капитала, которая превращается в заработную плату. При этом условии нет также необходимости в увеличении количества машин и т. д. (хотя изнашиваться они будут быстрее; но это дела не меняет). Необходимо было бы только увеличить ту часть сырья, которая идет на семена и т. д. При этом остается правильным, что в каждой данной стране (если отвлечься от внешней торговли) прибавочный труд сперва должен иметь место в земледелии, чтобы он стал возможен в тех отраслях промышленности, которые получают от земледелия сырье. Часть сырья, — уголь, железо, дерево, рыба и т. д. (последняя, например, в качестве удобрения), все удобрения не-животного происхождения, — может быть получена в результате простого увеличения труда (при прежнем числе рабочих). За этим дело, следовательно, не станет. С другой стороны, раньше уже было показано, что

увеличение производительности первоначально предполагает всегда только концентрацию капитала, а не накопление его[62]. Но в дальнейшем оба эти процесса дополняют друг друга.}

{Причина, побуждавшая физиократов проповедовать laissez faire, laissez passer*, т. е. свободную конкуренцию, правильно указана Смитом в следующем отрывке:

«Торговля, ведущаяся между этими двумя различными группами населения» (городом и деревней), «состоит, в конечном счете, в обмене известного количества сырых продуктов на известное количество мануфактурных изделий. Поэтому, чем дороже последние, тем дешевле первые, и все то, что в какой-либо стране ведет к повышению цены мануфактурных изделий, тем самым ведет к понижению цены сырого продукта земли и этим замедляет развитие земледелия». Но все стеснения, ограничения, налагаемые на мануфактуры и внешнюю торговлю, удорожают мануфактурные изделия и т. д. Следовательно, и т. д. (*Смит,* цит. соч. [III том французского перевода Гарнье], стр. 554—556) [Русский перевод, том II, стр. 230].}

* * *

[313] Итак, второй (или, вернее, переплетающийся с вышеизложенным другим его взглядом) взгляд Смита на «производительный» и «непроизводительный труд» сводится к тому, что производительным является труд, производящий *товар,* а непроизводительным — труд, не производящий «никакого товара». Смит не отрицает того, что и тот и другой род труда *является товаром.* См. выше**: «Труд последних имеет свою стоимость и заслуживает вознаграждения так же, как и труд первых» (а именно, экономически. О моральной и т. п. точке зрения нет речи ни по отношению к одному, ни по отношению к другому роду труда). А понятие товара включает в себя, что труд воплощается, материализуется, овеществляется в своем продукте. Сам труд в его непосредственном бытии, в его живом существовании не может рассматриваться непосредственно как товар, — в качестве товара может рассматриваться только рабочая сила, временное проявление которой есть сам труд. Только такой взгляд выясняет нам как понятие наемного труда в собственном смысле, так и понятие «непроизводительного труда», который А. Смит всюду определяет издержками производства, необходимыми для производства «непроизводительного работника». Таким образом, *товар* должен рассматриваться как нечто такое, что обладает отличным от самого труда существованием. Но тогда мир товаров распадается на две большие категории:

* — требование полной свободы действий (буквально: «предоставьте действовать, предоставьте вещам идти своим ходом»). *Ред.*

** См. настоящий том, часть I, стр. 143. *Ред.*

На одной стороне — рабочие силы.

На другой стороне — самые товары.

Однако материализацию и т. д. труда не следует понимать так по-шотландски, как ее понимает А. Смит. Если мы говорим о товаре как о материализованном выражении труда — в смысле меновой стоимости товара, — то речь идет только о воображаемом, т. е. исключительно социальном способе существования товара, не имеющем ничего общего с его телесной реальностью; товар представляется как определенное количество общественного труда или денег. Возможно, что конкретный труд, результатом которого он является, не оставляет на нем никакого следа. В мануфактурном товаре этот след сохраняется в такой форме, которая остается внешней для сырья. В земледелии же и т. д., — хотя форма, которую получил товар, например пшеница, бык и т. д., также является продуктом человеческого труда, и притом труда, наследуемого и дополняемого от поколения к поколению, — этого на продукте не видно. Есть и такая сфера промышленного труда, где целью труда является вовсе не изменение формы вещи, а только изменение ее пространственного положения. Например, если товар доставляется из Китая в Англию и т. д., то на самой вещи никто не заметит никаких следов труда, затраченного на перевозку (разве только кто-нибудь вспомнит, что данная вещь — не английского происхождения). Стало быть, вышеуказанным образом понимать материализацию труда в товаре нельзя. (Здесь вводит в заблуждение то обстоятельство, что общественное отношение выступает в форме вещи.)

Тем не менее остается верным, что товар выступает как прошлый, овеществленный труд и, следовательно, если он выступает не в форме вещи, то он может выступать только в форме самой рабочей силы, живой же труд как таковой никогда не может быть товаром непосредственно (а может стать им только на том или ином окольном пути, который кажется практически безразличным, но обнаруживает свое значение при установлении различных заработных плат). Таким образом, производительным трудом Смит должен был бы признать такой труд, который или производит товары или непосредственно производит, формирует, развивает, сохраняет, воспроизводит самоё рабочую силу. Этот последний вид труда А. Смит исключает из своей рубрики производительного труда; он делает это произвольно, но руководствуется при этом некоторым верным инстинктом, подсказывающим ему, что если он включит сюда и этот труд, то настежь откроет двери для всякого рода необоснованных претензий на звание производительного труда.

Таким образом, поскольку мы отвлекаемся от самой рабочей силы, производительный труд сводится к такому труду, который производит товары, материальные продукты, изготовление которых стоило определенного количества труда или рабочего времени. В число этих материальных продуктов включены все произведения искусства и науки, книги, картины, статуи и т. п., поскольку они существуют как вещи. Но, далее, продукт труда должен быть *товаром* в смысле «пригодного для продажи товара», т. е. в смысле товара в его первой форме, которому еще предстоит проделать свой метаморфоз. (Положим, что фабрикант, не имея возможности купить готовую машину, строит ее сам, не для продажи, а для пользования ею как потребительной стоимостью. Но в таком случае он употребляет ее как часть своего постоянного капитала, следовательно продает ее по частям в форме того продукта, изготовлению которого она содействовала.)

[314] Итак, хотя известные виды труда домашней прислуги точно так же могут быть представлены в *товарах (potentia*[*]*)* и даже, если рассматривать их с вещественной стороны, в тех же самых потребительных стоимостях, но это не есть производительный труд, так как в действительности они производят не «товар», а непосредственно *«потребительные стоимости».* А что касается тех видов труда, которые производительны для их покупателя или нанимателя, как, например, труд актера для театрального антрепренера, то они потому оказались бы непроизводительными видами труда, что их покупатель может продавать их публике не в форме товара, а только в форме самой деятельности.

Если оставить это в стороне, то производительным трудом [согласно второму определению Смита] является труд, производящий *товары,* а *непроизводительным трудом* — труд, производящий личные услуги. Первый вид труда представлен в какой-нибудь пригодной для продажи вещи; второй вид труда должен быть потреблен во время своего выполнения. Первый вид труда (за исключением труда, создающего самоё рабочую силу) охватывает все существующее в вещной форме материальное и интеллектуальное богатство — мясо точно так же, как и книги; второй охватывает все виды труда, которые удовлетворяют какую-нибудь воображаемую или действительную потребность индивидуума или даже навязываются индивидууму против его воли.

Товар есть самая элементарная форма буржуазного богатства. Поэтому и трактовка «производительного труда» как труда,

[*] — в возможности. *Ред.*

производящего «товар», соответствует гораздо более элементарной точке зрения, чем определение производительного труда как труда, производящего капитал.

Противники А. Смита оставили без внимания его первую, соответствующую сути дела, трактовку и ухватились за вторую, подчеркивая неизбежные здесь противоречия и непоследовательности. Но и тут они облегчили себе полемику тем, что сосредоточили свое внимание на вещественном содержании труда, в особенности на том определении, что труд должен фиксироваться в каком-нибудь более или менее *долговечном* продукте. Мы сейчас увидим, что именно вызвало особенно сильную полемику.

Предварительно еще одно замечание. А. Смит считает крупной заслугой физиократической системы то ее положение, что

«богатство народов состоит не в непригодных для потребления золоте и серебре, а в пригодных для потребления благах, ежегодно воспроизводимых трудом общества» (том III [французского перевода Гарнье], книга IV, глава 9, стр. 538) [Русский перевод, том II, стр. 223—224].

Здесь перед нами родословная его второго определения производительного труда. Определение прибавочной стоимости зависело, естественно, от той формы, в какой понималась сама стоимость. Поэтому в монетарной и меркантилистской системе прибавочная стоимость выступает как *деньги;* у физиократов — как продукт земли, как земледельческий продукт; наконец, у А. Смита — как *товар* вообще. У физиократов, в той мере, в какой они касаются субстанции стоимости, стоимость сводится просто к потребительной стоимости (к материи, к веществу), точно так же, как у меркантилистов она сводится просто к форме стоимости, — к той форме, в которой продукт *проявляется* как всеобщий общественный труд, как деньги. У А. Смита оба условия товара, потребительная стоимость и меновая стоимость, взяты вместе, и поэтому производительным у него является всякий труд, представленный в какой-либо потребительной стоимости, в полезном продукте. То обстоятельство, что в этом последнем представлен именно производительный труд, уже заключает в себе то, что этот продукт вместе с тем равняется определенному количеству всеобщего общественного труда. В противоположность физиократам А. Смит восстанавливает стоимость продукта как то, что составляет сущность буржуазного богатства; но с другой стороны, он освобождает ее от той чисто фантастической формы — формы золота и серебра, — в которой стоимость представляется меркантили-

стам. Всякий товар есть *an sich** деньги. Нельзя не признать, что А. Смит здесь вместе с тем в большей или меньшей мере возвращается также и к представлению меркантилистов о «долговечности» (фактически — «непригодности для непосредственного потребления») тех или иных продуктов труда. Тут следует вспомнить то место у Петти (см. мой выпуск I, стр. 109[63], где цитируется «Political Arithmetick» Петти), где богатство оценивается в соответствии с тем, насколько оно является непреходящим, более или менее долговечным, и где, в конце концов, выше всего ставятся золото и серебро как «непреходящее богатство».

«Ограничив область *богатства»,* — говорит А. Бланки, — «исключительно теми ценностями, которые фиксированы в материальных субстанциях, Смит вычеркнул из книги производства все безграничное множество нематериальных ценностей, дочерей *духовного капитала* цивилизованных наций» и т. д. («Histoire de l'economie politique», Bruxelles, 1839, стр. 152).

[5) ПРОЦЕСС ВУЛЬГАРИЗАЦИИ БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ В ВОПРОСЕ О ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОМ ТРУДЕ]

Полемику против выдвинутого А. Смитом различения между производительным и непроизводительным трудом вели преимущественно dii minorum gentium** (среди которых Шторх еще самый выдающийся); этой полемики мы не находим ни у одного из значительных экономистов, [315] ни у кого, о ком можно было бы сказать, что он сделал какое-нибудь открытие в политической экономии; но зато она является коньком для второразрядной братии, в особенности же для пропитанных менторским духом компиляторов и составителей компендиумов, а также для пишущих на беллетристический манер дилетантов и вульгаризаторов в данной области. Эта полемика против Адама Смита была вызвана главным образом следующими обстоятельствами.

Громадной массе так называемых «высших» работников, — государственных чиновников, военных, виртуозов, врачей, попов, судей, адвокатов и т. д., труд которых отчасти не только не производителен, но по существу разрушителен и которые тем не менее умеют присваивать себе весьма крупную долю «материального» богатства либо продажей своих «нематериальных» товаров, либо насильственным навязыванием их, — всей

* — «в себе», в возможности, потенциально. *Ред.*
** — боги низшего разряда. *Ред.*

этой массе отнюдь не было приятно быть причисленной в *экономическом* отношении к одному классу со скоморохами и домашней прислугой и предстать просто в качестве прихлебателей, паразитов, живущих за счет подлинных производителей (или, точнее, за счет агентов производства). Это было своеобразным развенчанием как раз тех функций, которые до того были окружены ореолом святости и пользовались суеверным почитанием. В свой классический период политическая экономия точно так же, как и сама буржуазия того периода, когда ей еще приходилось выбиваться в люди, строго и критически относилась к государственной машине и т. д. Впоследствии она поняла, — и это обнаруживается также в ее практике, — убедилась на опыте, что из ее собственной организации вырастает необходимость в унаследованной общественной комбинации всех этих отчасти совершенно непроизводительных классов.

Если вышеупомянутые «непроизводительные работники» не производят наслаждений и поэтому спрос на их услуги не зависит целиком от того, как намерен израсходовать свою заработную плату или свою прибыль тот или иной агент производства; если они, напротив, становятся необходимыми или сами делают себя необходимыми отчасти по причине существования физических недугов (как врачи) или духовной немощи (как попы) или по причине столкновения интересов частных лиц и столкновения национальных интересов (как политические деятели, все юристы, полицейские, солдаты), — то они для А. Смита, как и для самого промышленного капиталиста и для рабочего класса, выступают как faux frais производства, которые, следовательно, нужно по возможности свести к самому необходимому минимуму и насколько возможно удешевить. Буржуазное общество вновь воспроизводит в присущей ему форме все то, против чего оно боролось, когда это было облечено в феодальную или абсолютистскую форму. И поэтому сикофанты* этого общества, особенно его высших сословий, главным своим занятием делают прежде всего теоретическую реставрацию даже чисто паразитической части этих «непроизводительных работников» или же обоснование непомерных претензий их необходимой части. На деле это было провозглашением *зависимости* идеологического и тому подобных классов от *капиталистов.*

Но, *во-вторых,* то теми, то другими экономистами объявлялась «непроизводительной» та или иная часть агентов производства (самого материального производства). Так, например,

* — подхалимы, прислужники. *Ред.*

той частью экономистов, которая представляет интересы промышленного капитала (Рикардо), был объявлен «непроизводительным» земельный собственник. Другие (например, Кэри) объявляют «непроизводительным» работником торговца. Затем появились даже такие, которые объявили непроизводительным уже самого «капиталиста» или, по меньшей мере, стремились свести его притязания на материальное богатство к «заработной плате», т. е. к плате, получаемой «производительным работником». Многие из работников умственного труда, по-видимому, склонялись к этому скептическому взгляду на производительность капиталиста. Поэтому пора уже было пойти на компромисс и признать «производительность» всех классов, не входящих прямо в категорию агентов материального производства. Рука руку моет, и, как в «Басне о пчелах»[64], надо было доказать, что и с «производительной», экономической точки зрения буржуазный мир со всеми его «непроизводительными работниками» есть лучший из миров; тем более, что сами «непроизводительные работники» со своей стороны выдвинули критические соображения относительно производительности тех классов, которые вообще «fruges consumere nati»[*], или же относительно таких агентов производства, которые, как, например, земельные собственники, совсем ничего не делают, и т. д. Как *бездельники,* так и их *паразиты* должны были найти свое место в этом лучшем из миров.

В-третьих. По мере того как развивалось господство капитала, по мере того как все более и более зависимыми от него становились на деле также и те сферы производства, которые непосредственно не относятся к созданию материального богатства, — в особенности же когда на службу материальному производству были поставлены положительные (естественные) науки, — [316] сикофантствующие мелкие чиновники от политической экономии стали считать своей обязанностью возвеличивать и оправдывать любую сферу деятельности указанием на то, что она «связана» с производством материального богатства, что она служит средством для него; и каждому они оказывали честь тем, что объявляли его «производительным работником» в «первом» смысле, т. е. работником, работающим на службе у капитала, полезным в том или ином отношении для обогащения капиталиста, и т. д.

Тут уже заслуживают предпочтения такие люди, как Мальтус, которые прямо защищают необходимость и полезность *«непроизводительных* работников» и явных паразитов.

[*] — «рождены для вкушения плодов» (Гораций, «Послания»). *Ред.*

[6) СТОРОННИКИ ВЗГЛЯДОВ СМИТА ПО ВОПРОСУ О ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОМ ТРУДЕ. К ИСТОРИИ ВОПРОСА]

[а) СТОРОННИКИ ПЕРВОЙ ТРАКТОВКИ: РИКАРДО, СИСМОНДИ]

Не стоит тратить время на подробное рассмотрение пошлостей Ж. Гарнье (переводчика Смита), графа Лодерделя, Брума, Сэя, Шторха, а позже Сениора, Росси и т. д. по поводу этого пункта. Достаточно будет привести несколько характерных мест.

Предварительно еще отметим одно место из *Рикардо,* где он доказывает, что для «производительных рабочих» гораздо полезнее, когда собственники прибавочной стоимости (прибыли, земельной ренты) потребляют ее на «непроизводительных работников» (например, на домашнюю прислугу), чем когда они расходуют ее на создаваемые «производительными рабочими» предметы роскоши.

{*Сисмонди* в «Nouveaux Principes» (том I, стр. 148) принимает правильную трактовку смитовского различения (как это само собой разумеется и у Рикардо): действительное различие между производительным и непроизводительным классом состоит в том, что

«первый всегда обменивает свой труд на капитал нации, а второй всегда обменивает его на часть национального дохода» [Русский перевод: *Сисмонди, Ж. Симонд де.* Новые начала политической экономии. М., 1937, том I, стр. 212—213].

Прибавочную стоимость *Сисмонди* рассматривает также по А. Смиту:

«Хотя рабочий своим дневным трудом создает гораздо больше, чем составляет его дневной расход, все же после дележа с землевладельцем и капиталистом ему редко достается такая доля, которая значительно превысила бы самое необходимое для существования» *(Sismondi.* Nouveaux Principes и т. д., том I, стр. 87) [Русский перевод, том I, стр. 184].}

Рикардо говорит:

«Если землевладелец или капиталист тратит свой доход, по примеру барона старых времен, на содержание многочисленной свиты или домашних слуг, то он дает занятие гораздо большему числу людей, чем в том случае, если он тратит свой доход на роскошную одежду или дорогостоящую мебель, кареты, лошадей или иные предметы роскоши. В обоих случаях чистый доход, а также валовой, будет один и тот же, но в каждом из этих случаев чистый доход реализуется в различных товарах. Если мой доход составляет 10000 ф. ст., то применяется приблизительно такое же количество производительного труда как в том случае, когда я реализую его в роскошной одежде, дорогой мебели и т. д., так и в том случае, когда я реализую его в определенном количестве продовольствия и обыкновенной одежды такой же стоимости. Но если я реализую свой доход в товарах первого рода, то *следствием этого* не будет новый спрос на труд: я буду пользоваться своей мебелью и одеждой, и этим дело будет исчер-

пано; если же, напротив, я реализую свой доход в продовольствии и обыкновенной одежде и нанимаю домашних слуг, то в этом случае *к прежнему спросу на рабочих прибавляется еще* спрос на всех тех, кому я в состоянии дать занятие посредством моего дохода в 10000 ф. ст., или посредством покупаемого на него количества продовольствия и обыкновенной одежды, и такое увеличение спроса произошло бы только потому, что я избрал этот второй способ расходования моего дохода. А так как рабочие заинтересованы в *спросе на труд,* то они, естественно, должны желать, чтобы возможно больше дохода отвлекалось от приобретения предметов роскоши и направлялось на содержание домашних слуг» *(Ricardo.* Principles, 3rd edition, 1821, стр. 475—476) [Русский перевод, том I, стр. 323—324].

[б) РАННИЕ ПОПЫТКИ РАЗЛИЧЕНИЯ МЕЖДУ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫМ И НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫМ ТРУДОМ (ДАВЕНАНТ, ПЕТТИ)]

Давенант приводит таблицу одного старого статистика, Грегори Кинга, озаглавленную «Таблица доходов и расходов различных семейств в Англии в 1688 году». Ученый муж Кинг делит в ней весь народ на два главных класса: на класс, *«умножающий* богатство королевства», насчитывающий 2675520 душ, и класс, *«уменьшающий* богатство королевства», охватывающий 2825000 душ; первый класс, стало быть, «производителен», второй — «непроизводителен». *«Производительный»* класс состоит из лордов, баронетов, рыцарей, эсквайров, дворян, высших и низших чиновников, купцов, ведущих морскую торговлю, юристов, священников, землевладельцев, фермеров, людей свободных профессий, мелких и крупных торговцев, ремесленников, морских и армейских офицеров. Напротив, в *«непроизводительный»* класс входят: матросы (common seamen), земледельческие рабочие и поденщики мануфактур (labouring people and out servants), крестьяне [cottagers] (составлявшие во времена Давенанта еще $^{1}/_{5}$ всего населения Англии), [317] рядовые солдаты, пауперы, цыгане, воры, нищие и вообще бродяги. Давенант следующим образом поясняет этот табель о рангах ученейшего Кинга:

«Он этим хочет сказать, что первый из двух классов народа сам себя содержит с помощью земли, искусства и прилежания и ежегодно кое-что прибавляет к национальному капиталу и помимо этого уделяет ежегодно определенную сумму из своих излишков на содержание других. Из тех же, кто принадлежит ко второму классу, некоторые отчасти сами себя содержат своим трудом, но остальные, а равно их жены и дети, содержатся за счет других; это — бремя для общества, так как они ежегодно потребляют то, что в противном случае было бы прибавлено к совокупному капиталу нации» *(D'Avenant.* An Essay upon the Probable Methods of making a People Gainers in the Ballance of Trade. London, 1699, стр. 23 и 50).

Кроме того, для представлений меркантилистов о прибавочной стоимости характерно следующее место из Давенанта:

«Вывоз нашего собственного продукта должен обогатить Англию; чтобы иметь благоприятный торговый баланс, мы должны вывозить наш собственный продукт, в обмен на который мы будем покупать производимые за границей предметы, необходимые для нашего собственного потребления, причем у нас должен оставаться *излишек* или в виде драгоценного металла или в виде товаров, которые мы могли бы продать в другие страны; *этот излишек* составляет ту *прибыль, которую нация извлекает из торговли.* Величина его находится в зависимости от естественной бережливости вывозящего народа» (бережливости, которой отличаются голландцы, но не англичане — см. стр. 46 и 47 цитируемого сочинения) «и от низкой цены его труда и его мануфактурных изделий, позволяющей ему *дешевле всех своих конкурентов продавать эти изделия на иностранных рынках» (Давенант,* цит. соч., стр. 45—46).

{«Когда продукты потребляются внутри страны, один выигрывает только то, что теряет другой, и нация в целом ничуть не становится богаче; но все, что потребляется за границей, представляет явную и верную прибыль» («An Essay on the East-India Trade» etc., London, 1697, [стр. 31]).}

{Эта работа, *напечатанная в виде приложения* к другому сочинению Давенанта, написанному в ее защиту[65], не та же самая, что «Considerations on the East-India Trade», 1701 года, приводимые Мак-Куллохом.}

Впрочем, не следует представлять себе этих меркантилистов такими глупцами, какими их изображали впоследствии вульгарные сторонники свободной торговли. Во втором томе своих «Discourses on the Publick Revenues and on the Trade of England» etc., London, 1698, Давенант между прочим говорит:

«Золото и серебро действительно служат мерилом торговли, но родником и первоисточником ее у всех народов являются естественные или искусственные произведения страны, т. е. то, что производят ее земля или труд и усердие населяющих ее людей. И это до такой степени верно, что тот или иной народ в силу какого-нибудь обстоятельства может даже совсем лишиться всякого рода денег, но если это — народ многочисленный, трудолюбивый, опытный в торговле, искусный в мореплавании,обладающий хорошими гаванями, владеющий такой землей, которая родит много разнообразных продуктов, то он все-таки будет в состоянии вести торговлю и в скором времени сделается обладателем большого количества серебра и золота. Так что истинное и действительное богатство страны — это ее собственные произведения» (стр. 15). «Золото и серебро так далеки от того, чтобы быть единственными вещами, заслуживающими названия сокровища или богатства данной нации, что деньги представляют собой поистине не более, как счетные марки, при помощи которых люди привыкли вести счет в своих деловых сношениях» (стр. 16). «Мы понимаем под богатством то, что дает государю и его народу достаток, благополучие и безопасность; сокровищем является равным образом и то, что для нужд людей, в обмен на золото и серебро, превращено в строения и в улучшение почвы, а также и в другие предметы, *которые могут быть обменены* на эти металлы, как, например, плоды земли и произведения промышленности или иностранные товары и торговые корабли... Даже преходящие блага могут считаться богатством нации, если их *можно обменять,* — хотя бы они и оставались *необмененными,* — на золото и серебро; и они, по нашему мнению, являются

богатством не только во взаимоотношениях между одним индивидуумом и другим, но и во взаимоотношениях между одной страной и другой» (стр. 60—61). «Простой народ* — это желудок государственного тела. В Испании этот желудок не принимал денег надлежащим образом, [318] не переваривал их... Торговля и промышленность являются единственными средствами, могущими обеспечить такое переваривание и распределение золота и серебра, которое будет доставлять государственному телу необходимые питательные вещества» (стр. 62—63).

Впрочем, уже и у Петти тоже имеется понятие *производительных работников* (только он относит к ним еще и солдат):

«Земледельцы, моряки, солдаты, ремесленники и купцы являются истинными устоями всякого общества; все другие крупные профессии *порождаются слабостями и неудачами этих людей;* моряк же один соединяет в своем лице троих из этой четверки» (мореплавателя, купца и солдата) («Political Arithmetick», London, 1699, стр. 177) [Русский перевод: *Петти, Вильям.* Экономические и статистические работы. М., 1940, стр. 164]. «Труд моряка и корабельный фрахт всегда являются по своей природе вывозимым товаром, *избыток* которого над ввозом приносит стране деньги и т. д.» (цит. соч., стр. 179) [Русский перевод, стр. 165].

По этому поводу Петти опять доказывает выгоды разделения труда:

«Те, которые господствуют в морской торговле, могут и при более дешевом фрахте работать с большей прибылью, чем другие при большем» (более дорогом фрахте); «ибо подобно тому, как платье обходится дешевле, если один выполняет одну операцию, другой — другую, и т. д., так и те, которые господствуют в морской торговле, могут строить различные виды судов, имеющие различные назначения: морские суда, речные, торговые, военные и т. д., — и это является одной из главных причин того, что голландцы могут перевозить грузы по более дешевой цене, чем их соседи, так как они в состоянии для каждой особой отрасли торговли предоставлять особый вид судов» (цит. соч., стр. 179—180) [Русский перевод, стр. 165— 166].

К тому же у Петти здесь, в его последующих рассуждениях, слышатся совершенно смитовские нотки:

«Если налог берется с промышленников и т. д. для снабжения деньгами тех, кто вообще по роду своих занятий *не* производит *материальных предметов,* или *предметов,* действительно полезных и ценных для *общества,* то в этом случае богатство общества уменьшается. Иначе следует смотреть на те виды развлечения и освежения духа, которые, при умеренном пользовании ими, делают человека способным и склонным к вещам, имеющим сами по себе более важное значение» (цит. соч., стр. 198) [Русский перевод, стр. 173—174]. «Когда подсчитано, сколько людей требуется для труда в производстве, все остальные могут быть спокойно и без ущерба для общества использованы в искусствах и занятиях, которые служат удовольствию и украшению и *среди которых величайшим является усовершенствование естествознания»* (цит. соч., стр. 199) [Русский перевод, стр. 174].

* Выражение «простой народ» («common people») означает здесь то, что в дореволюционной Франции называлось «третьим сословием», т. е. все население, противополагавшееся духовенству и дворянству. *Ред.*

«Больше можно приобрести от промышленности, чем от сельского хозяйства, и больше от торговли, чем от промышленности» (стр. 172) [Русский перевод, стр. 162]. «Один моряк равноценен трем крестьянам» (стр. 178) [Русский перевод, стр. 164]. [VII—318]

* * *

[VIII—346] *Петти. Прибавочная стоимость.* В одном месте у Петти можно увидеть догадку о природе *прибавочной стоимости,* хотя он рассматривает ее только в форме земельной ренты. В особенности, если это место сопоставить со следующим местом, где он относительную стоимость серебра и хлеба определяет теми относительными количествами их, на производство которых требуется одно и то же рабочее время:

«Если одну унцию серебра можно добыть и доставить в Лондон из перуанских рудников с такой *же* затратой времени, какая необходима для производства одного бушеля хлеба, то первый из этих продуктов будет составлять естественную цену второго; и если вследствие открытия новых, более богатых рудников две унции серебра можно будет добывать так же легко, как теперь одну, то caeteris paribus* хлеб будет так же дешев при цене в 10 шилл. за бушель, как теперь при цене в 5 шилл.».

«Допустим, что сто человек производят в течение десяти лет хлеб и что такое же число людей столько же времени затрачивает на добычу серебра; я говорю, что чистая добыча серебра будет ценой всего чистого сбора хлеба и одинаковые части первого составят цену одинаковых частей второго». «Хлеб будет вдвое дороже там, где 200 земледельцев выполняют ту самую работу, которую могли бы выполнить 100 человек» («On Taxes and Contributions», 1662) (в издании 1679 года стр. 32, 24, 67) [Русский перевод, стр. 40, 34, 73].

То место [о природе прибавочной стоимости], которое я имел в виду выше, гласит:

«Если торговля, промышленность и изящные искусства возрастают, то земледелие должно идти на убыль, — или же заработки земледельцев должны повыситься, а земельная рента, *вследствие этого,* понизиться... Если торговля и промышленность в Англии возросли, т. е. если ими занимается более значительная часть населения, чем это было прежде, и если цена зернового хлеба теперь не выше, чем она была в то время, когда больше людей занималось земледелием и меньше — промышленностью и торговлей, то уже по одному этому... земельная рента должна упасть. Предположим, например, что пшеница продается по 5 шилл., или по 60 пенсов, за бушель; если ренту с земли, на которой растет эта пшеница, составляет каждый третий сноп» (т. е. третья часть урожая, третья доля в нем), «то из 60 пенсов 20 приходятся на землю и 40 на земледельца; но если заработок последнего поднимется на $^{1}/_{8}$, или с 8 до 9 пенсов в день, то доля земледельца в бушеле пшеницы поднимется с 40 до 45 пенсов, и вследствие этого земельная рента должна будет упасть с 20 до 15 пенсов. Ибо мы предполагаем, что *цена пшеницы все время остается неизменной;* это мы предполагаем с тем большим правом, что *мы не в состоянии ее повысить,* так

* — при прочих равных условиях. *Ред.*

как, при попытке сделать это, к нам [347] (как это имеет место в Голландии) стали бы ввозить хлеб из-за границы, где положение сельского хозяйства не изменилось» («Political Arithmetick» etc., London, 1699, стр. 193—194) [Русский перевод, стр. 171—172]. [VIII—347]

* * *

[VIII—364] {*Петти.* С приведенным выше местом из Петти надо сопоставить следующее, где рента выступает как прибавочная стоимость вообще, как «чистый продукт»:

«Допустим, что какой-нибудь человек своими собственными руками возделывает под зерновой хлеб определенный участок земли, т. е. вспахивает его, засевает, боронит, снимает урожай, увозит снопы в ригу, обмолачивает их, одним словом делает все то, что требуется земледелием. Я утверждаю, что когда этот человек вычтет из полученного им урожая свои семена, а также все то, что он сам съел и что отдал другим в обмен на одежду и другие предметы, необходимые для удовлетворения насущных потребностей, то остаток хлеба составит истинную земельную ренту этого года; а *среднее* за семь лет или, вернее, за тот ряд лет, в течение которого недороды чередуются с хорошими урожаями, дает обычную ренту с земли, возделываемой под зерновой хлеб. Но здесь может возникнуть дальнейший, хотя и побочный, вопрос: какой суммы денег стоит этот хлеб, или эта рента? Я отвечаю: такой суммы денег, которая останется у другого индивидуума, *все свое время* использующего на то, чтобы отправиться в страну серебра, добыть там этот металл, очистить его, начеканить из него монеты и доставить их туда, где первый индивидуум сеял и собирал свой хлеб. Сумма, остающаяся у второго индивидуума после вычета всех его издержек, будет в точности равна по стоимости тому хлебу, который останется у земледельца» («Traite des taxes»[66], стр. 23) [Русский перевод, стр. 34].} [VIII—364]

[в) СТОРОННИК ВТОРОЙ СМИТОВСКОЙ ТРАКТОВКИ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОГО ТРУДА — ДЖОН СТЮАРТ МИЛЛЬ]

[VII—318] Господин *Джон Стюарт Милль,* в «Essays on some Unsettled Questions of Political Economy», London, 1844, тоже бьется над проблемой производительного и непроизводительного труда; но на деле он ничего не прибавляет к смитовскому (второму) определению, кроме утверждения, что производительны также и те виды труда, которые производят самое рабочую силу.

«Накоплять и откладывать про запас можно *источники наслаждения,* но не само наслаждение. Богатство страны состоит из совокупной суммы имеющихся в ней длительно существующих источников наслаждения, все равно, материальны ли они или нет; а труд или расход, имеющий целью умножение или сохранение этих длительно существующих источников, следует называть *производительным»* (назв. соч., стр. 82). «То, что потребляют механик или прядильщик, обучаясь своему ремеслу, потребляется

производительно, другими словами, их потребление имеет целью не уменьшить, а увеличить в стране число длительно существующих источников наслаждения путем нового создания этих источников в таком количестве, которое превышает сумму потребленного» (там же, стр. 83).

* * *

Теперь мы вкратце рассмотрим направленную против А. Смита белиберду о производительном и непроизводительном труде.

[7)] ЖЕРМЕН ГАРНЬЕ [ВУЛЬГАРИЗАЦИЯ ТЕОРИЙ СМИТА И ФИЗИОКРАТОВ]

[319] В V томе выполненного Жерменом Гарнье перевода «Богатства народов» Смита (Париж, 1802) напечатаны примечания переводчика к этому произведению.

По вопросу о «производительном труде» — в смысле сугубо производительного труда — Гарнье разделяет взгляд физиократов, лишь несколько ослабляя его. Он оспаривает взгляд Смита, согласно которому

«производителен тот труд, который, овеществляется в каком-нибудь предмете, оставляет после себя следы своей деятельности и продукт которого может быть предметом продажи или обмена» (цит. соч., том V, стр. 169)[67]. [VII—319]

[а) СМЕШЕНИЕ ТРУДА, ОБМЕНИВАЕМОГО НА КАПИТАЛ, С ТРУДОМ, ОБМЕНИВАЕМЫМ НА ДОХОД. ЛОЖНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВСЕГО КАПИТАЛА ДОХОДАМИ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ]

[VIII—347] Гарнье выдвигает против А. Смита различные доводы (отчасти повторенные позднейшими авторами). *Во-первых,* такой довод:

«Это различение ошибочно, так как оно покоится на несуществующем различии. *Всякий труд производителен* в том смысле, в каком автор понимает слово *производительный.* Труд как одного, так и другого рода одинаково производителен в смысле создания какого-либо наслаждения, какого-нибудь удобства или какой-нибудь пользы для того лица, которое оплачивает этот труд. Без этого никакой труд не оплачивался бы».

{Следовательно, труд производителен потому, что производит какую-нибудь потребительную стоимость и продается, обладает меновой стоимостью, т. е. сам является товаром.}

Но развивая эту мысль, Гарнье для ее иллюстрации приводит такие примеры, в которых «непроизводительные работники» делают *то же самое,* производят ту же самую или такого же рода потребительную стоимость, что и «производительные». Например,

«лакей, который, находясь у меня в услужении, топит мои печи, завивает мне волосы, чистит и содержит в порядке мою одежду и мою мебель, приготовляет мне пищу и т. д., — этот лакей оказывает *услуги совершенно такого же рода;* как прачка или белошвейка, стирающие и содержащие в исправности белье своих клиентов,... как трактирщик или содержатель харчевни, специально занимающийся приготовлением пищи для тех, кому удобнее столоваться у него, чем у себя дома; как цирюльник, парикмахер и т. д.»

(но большинство этих лиц у А. Смита в такой же мере не относится к категории производительных работников, как и домашняя прислуга),

«которые оказывают непосредственные услуги; наконец, как каменщик, кровельщик, столяр, стекольщик, печник и т. д. и т. д. и все то множество строительных рабочих, которых приглашают для починок и ремонта и годовой доход которых получается в такой же мере от ремонтных работ и простых починок, как и от новых построек».

(А. Смит нигде не говорит, что труд по ремонту не может фиксироваться в более или менее длительно существующем предмете совершенно так же, как в нем фиксируется труд по производству новой вещи.)

«Этот род труда состоит не столько в производстве вещей, сколько в их сохранении его цель — не столько в увеличении стоимости тех предметов, к которым он прилагается, сколько в предотвращении их разрушения. Все эти работники, включая домашнюю прислугу, *сберегают тому, кто их оплачивает, труд по уходу за его собственным имуществом».*

(Следовательно, их можно рассматривать как машины для сохранения стоимости или, точнее, потребительных стоимостей. Эту же точку зрения «сбережения» труда развивает дальше *Дестют де Траси.* Об этом позже. Непроизводительный труд одного не становится производительным в силу того, что он избавляет другого от *непроизводительного труда.* Он выполняется одним из них. Часть смитовского непроизводительного труда становится необходимой вследствие разделения труда, — однако лишь та часть его, которая абсолютно необходима для потребления вещей и относится, так сказать, к *издержкам потребления,* да и то она становится необходимой только тогда, когда сберегает это время производительному работнику. Но А. Смит не отрицает этого «разделения труда». Если бы каждый человек был вынужден выполнять как производительный труд, так и непроизводительный, а при разделении этих видов труда между двумя лицами и тот и другой вид труда выполнялся бы более успешно., то, согласно Смиту, это нисколько не изменило бы того обстоятельства, что один из этих видов труда производителен, а другой непроизводителен.)

«В громадном большинстве случаев их для этого — и только для этого — и нанимают»

(оригинальный способ «сберегать» труд: для того, чтобы один сберегал труд по обслуживанию самого себя, его должны обслуживать десять человек; кроме того, «непроизводительным трудом» такого рода пользуются по большей части как раз те, кто ничего не делает);

«следовательно, или все они *производительны* или никто из них не производителен» (цит. соч., стр. 171—172).

[348] *Во-вторых.* Француз не может позабыть «ponts et chaussees»*. Почему, говорит он, следует называть производительным

«труд инспектора или директора частного торгового или промышленного предприятия, а *непроизводительным* — труд правительственного чиновника, который наблюдает за содержанием в надлежащем порядке общественных дорог, судоходных каналов, гаваней, денежной системы и других важных орудий оживления торговли; который следит за безопасностью транспорта и коммуникаций и за выполнением договоров и т. д. и которого с полным правом можно считать как бы *инспектором большой общественной мануфактуры?* Это — труд совершенно такого же рода, только выполняемый в более крупном масштабе» (стр. 172—173).

Поскольку такой парень участвует в производстве (или в сохранении и воспроизводстве) материальных вещей, которые *могли бы быть проданы,* если бы не находились в руках государства, Смит мог бы назвать его труд «производительным». «Инспектора большой общественной мануфактуры» — чисто французские создания.

В-третьих. Тут Гарнье ударяется в «мораль». Почему «парфюмер, ласкающий мое обоняние», должен считаться производительным работником, а музыкант, «чарующий мой слух», — непроизводительным? (стр. 173). Потому, ответил бы Смит, что один доставляет материальный продукт, а другой — нет. Мораль, как и «заслуга» того и другого, не имеет никакого отношения к этому различению.

В-четвертых. Разве это не противоречие, что «скрипичный и органный мастер, торговец музыкальными инструментами, механик и т. д.» производительны, а профессии, по отношению к которым их труд является лишь «подготовительной стадией», непроизводительны?

«И те и другие имеют конечной целью *своего труда один и тот же род потребления.* Если конечный результат труда одних не заслуживает того, чтобы отнести его к категории *продуктов* труда общества, то почему такое предпочтение отдается тому, что является лишь *средством для достижения этого результата?»* (цит. соч., стр. 173).

* — буквально: «мосты и шоссейные дороги». Так называлось во Франции ведомство путей сообщения. *Ред.*

Рассуждая так, придется заключить, что тот, кто ест хлеб, столь же производителен, как и тот, кто его производит. Ибо для чего производится хлеб? Для еды. Стало быть, если еда — непроизводительный труд, то почему же производительным является хлебопашество, которое служит лишь средством к достижению этой цели? Кроме того, тот, кто ест, производит мозг, мышцы и т. д., а разве это не такие же благородные продукты, как ячмень или пшеница? — мог бы спросить А. Смита какой-нибудь возмущенный друг человечества.

Во-первых, А. Смит не отрицает, что непроизводительный работник производит какой-либо продукт. В противном случае он вообще не был бы работником. Во-вторых, пусть и кажется странным, что врач, прописывающий пилюли, не является производительным работником, а аптекарь, приготовляющий их, — производительный работник. Подобным же образом производительным работником является инструментальный мастер, делающий скрипку, но не скрипач, играющий на ней. Это могло бы служить доказательством только того, что некоторые «производительные работники» доставляют такие продукты, единственное назначение которых — служить средством производства для непроизводительных работников. Но это не более странно, чем то, что, в конце концов, все производительные работники, во-первых, доставляют средства для оплаты непроизводительных работников, а во-вторых, доставляют продукты, потребляемые теми, кто *не выполняет никакого труда.*

Из этих критических замечаний второй пункт вполне в духе французов, которые никак не могут забыть свои «ponts et chaussees»; третий сводится к морали; четвертый — либо содержит ту нелепость, что потребление столь же производительно, как и производство (что неверно для буржуазного общества, где один производит, а другой потребляет), либо же означает, что часть производительного труда лишь доставляет материал для непроизводительных видов труда, чего А. Смит нигде не отрицает. Только первый пункт содержит ту правильную мысль, что А. Смит во втором своем определении называет производительными и непроизводительными *одни и те же* виды труда, [349] или, точнее, что он в соответствии со своим собственным определением должен был бы назвать *производительной* некоторую, сравнительно незначительную, часть своего «непроизводительного» труда, — но это говорит не против самого *различения,* а против *подведения* тех или иных видов труда под это различение, или против *применения* этого различения.

После всех этих замечаний ученейший Гарнье подходит, наконец, к делу:

«Единственное общее различие, которое, по-видимому, можно найти между двумя придуманными Смитом классами, состоит в том, что у того класса, который он называет *производительным,* существует или *всегда может существовать посредник между изготовителем вещи и ее потребителем;* тогда как у того класса, который он называет *непроизводительным, не может быть никакого посредника,* и отношение *между работником и потребителем* здесь по *необходимости прямое и непосредственное.* Ясно, что тот, кто пользуется опытностью врача, искусством хирурга, знаниями адвоката, талантом музыканта или актера или, наконец, услугами домашней прислуги, *по необходимости* становится в прямое и непосредственное отношение к каждому из этих различных работников в момент выполнения ими своего труда; напротив, в профессиях, составляющих другой класс, *предназначенная для потребления вещь материальна и осязаема и поэтому может стать предметом целого ряда посреднических актов обмена,* прежде чем она от своего изготовителя попадет к потребителю» (стр. 174).

Этими последними словами Гарнье, сам того не замечая, показывает, какая скрытая связь идей существует между первым смитовским различением (труд, обменивающийся на капитал, и труд, обменивающийся на доход) и вторым (труд, фиксирующийся в материальном, пригодном для продажи товаре, и труд, в таком товаре не фиксирующийся). Те виды труда, которые не фиксируются в товаре, по природе своей в большинстве случаев *не могут* быть подчинены капиталистическому способу производства; другие же виды труда могут быть подчинены ему. Мы не говорим уже о том, что *на основе капиталистического производства,* при котором большая часть материальных товаров — «материальных и осязаемых вещей» — производится под властью капитала наемными рабочими, [непроизводительные] виды труда (или услуги, будь то услуги проститутки или римского папы) могут оплачиваться только из заработной платы производительных рабочих или из прибылей их нанимателей (и соучастников в дележе этих прибылей); не говорим мы также и о том обстоятельстве, что эти производительные рабочие создают материальный базис для пропитания непроизводительных работников и, следовательно, для существования этих последних. Но характерно для этого болтливого французского пса, что он, мнящий себя политико-экономом, а значит исследователем капиталистического производства, считает *несущественным* то, что делает это производство капиталистическим, а именно обмен капитала на наемный труд вместо прямого обмена дохода на наемный труд или прямой уплаты дохода работником самому себе. Тем самым само капиталистическое производство оказывается у Гарнье несущественной формой, вместо того чтобы быть необходимой, хотя только исто-

рически необходимой, т. е. преходяще необходимой формой для развития общественной производительной силы труда и для превращения труда в общественный труд.

«Из его *производительного* класса следовало бы, кроме того, исключить всех тех рабочих, труд которых состоит только в том, что они чистят, сохраняют или чинят готовые предметы, не вводя в обращение никакого нового продукта» (стр. 175).

(Смит нигде не утверждает, что труд или его продукт обязательно должен входить в оборотный капитал. Он может входить прямо в основной капитал, как, например, труд механика, ремонтирующего на фабрике машины. Но в этом случае *стоимость* такого рода труда входит в обращение продукта, товара. Если же работники, производящие ремонт и т. д., выполняют эту работу на дому у заказчика, то они обменивают [350] свой труд не на капитал, а на доход.)

«Именно вследствие этого различия *непроизводительный* класс существует, как это заметил Смит, только за счет доходов. В самом деле, так как у этого класса не может быть посредника между ним и потребителем: его продуктов, т. е. тем, кто пользуется его трудом, то он оплачивается непосредственно потребителем, *а этот последний платит только из своего дохода.* Напротив, работники *производительного* класса обычно оплачиваются *посредником, имеющим целью извлекать из их труда прибыль;* поэтому *они чаще всего оплачиваются из капитала.* Но этот капитал в конечном итоге всегда возмещается доходом потребителя; иначе он не обращался бы и потому не приносил бы прибыли своему владельцу» [стр. 175].

Это последнее «но» совершенно ребяческое. Во-первых, часть капитала возмещается капиталом же, а не доходом — все равно, поступает ли эта часть в обращение или не поступает (последнее может иметь место, например, при возмещении семян).

[б) К ВОПРОСУ О ВОЗМЕЩЕНИИ ПОСТОЯННОГО КАПИТАЛА В ПРОЦЕССЕ ОБМЕНА КАПИТАЛА НА КАПИТАЛ]

Когда каменноугольная шахта поставляет уголь железоделательному заводу и получает от него железо, которое в качестве средства производства входит в производственный процесс каменноугольной шахты, то уголь обменивается на капитал в размере стоимости этого железа и, обратно, железо, в размере своей собственной стоимости, обменивается как капитал на уголь. И уголь и железо (как потребительные стоимости) являются продуктами нового труда, хотя труд этот совершался с помощью уже существующих средств производства. Но стоимость произведенного за год продукта труда не есть то же самое, что продукт вновь присоединенного в этом году труда.

Она возмещает еще и стоимость прошлого труда, который был овеществлен в средствах производства. Следовательно, та часть совокупного продукта, которая равна этой стоимости, не есть часть продукта труда данного года, а является воспроизведением прошлого труда.

Возьмем для примера продукт дневного труда каменноугольной шахты, железоделательного завода, лесопромышленного предприятия и машиностроительного завода. Предположим, что постоянный капитал во всех этих предприятиях равен одной трети всех составных частей стоимости продукта, т. е. что отношение прошлого труда к живому равно 1:2. Пусть однодневный продукт этих предприятий будет x, x', x'', x'''. Эти продукты представляют собой определенные количества угля, железа, дерева и машин. В качестве таковых они являются продуктами однодневного труда (по также и продуктами потребленных в течение дня сырых материалов, топлива, машинного оборудования и т. д., содействовавших дневному производству). Пусть их стоимости будут z, z', z'', z'''. Стоимости эти не являются продуктом труда данного дня, так как $^{z}/_{3}$, $^{z'}/_{3}$, $^{z''}/_{3}$, $^{z'''}/_{3}$ просто равны той стоимости, которую имели постоянные элементы этих z, z', z'', z''', прежде чем они вошли в процесс труда этого дня. Стало быть, также и о $^{x}/_{3}$, $^{x'}/_{3}$, $^{x''}/_{3}$, $^{x'''}/_{3}$, или треть произведенных потребительных стоимостей, представляют лишь стоимость прошлого труда и постоянно возмещают ее. {Обмен, происходящий здесь между прошлым трудом и *продуктом* живого труда, по самой природе своей совершенно отличен от обмена между рабочей силой и существующими как капитал условиями труда.}

$x=z$; однако этот z есть стоимость всего x,[68] а $^{1}/_{3}$ z есть стоимость содержащегося во всем x сырья и т. д. Таким образом, $^{x}/_{3}$ есть та часть дневного продукта труда {но отнюдь не продукт дневного труда, а, напротив, продукт связанного с ним труда предыдущего дня, вообще прошлого труда}, в которой снова выступает и возмещается связанный с дневным трудом прошлый труд. Правда, всякая данная доля этого x, обозначающего только количество действительных продуктов (железа, угля и т. д.), представляет собой по стоимости на одну треть прошлый труд и на две трети — труд, выполненный и присоединенный в течение данного дня. Прошлый труд и труд данного дня входят в одинаковой пропорции как в сумму продуктов, так и в каждый отдельный продукт, образующий составную часть этой

суммы. Но если я разделю весь продукт на две части, поместив на одну сторону $^1/_3$ его, а на другую — $^2/_3$, то получится то же самое, как если бы первая $^1/_3$ представляла только прошлый труд, а остальные $^2/_3$ — только труд данного дня. В самом деле, первая $^1/_3$ представляет весь прошлый труд, вошедший в совокупный продукт, всю стоимость потребленных средств производства. Следовательно, после вычета этой $^1/_3$, остающиеся $^2/_3$ могут представлять только продукт дневного труда. Они и в самом деле представляют все то количество труда, которое за день было присоединено к средствам производства.

Таким образом, последние $^2/_3$ равняются доходу производителя (заработной плате и прибыли). Производитель может потребить их, т. е. затратить на предметы своего индивидуального потребления. Предположим, что эти $^2/_3$ добываемого за день каменного угля, покупаются потребителями, или покупателями, не на деньги, а в обмен на те товары, которые они предварительно превращают в деньги с целью покупки угля. Часть угля из этих $^2/_3$ войдет в индивидуальное потребление самих производителей угля — для домашнего отопления и т. п. Следовательно, эта часть не поступает в обращение или, если она уже вошла в обращение, она извлекается из него обратно [351] ее собственными производителями. За вычетом из Уз угля этой части, потребляемой самими производителями угля, все остальное количество (если они хотят потребить его) должно быть обменено ими на предметы индивидуального потребления.

При этом обмене для производителей угля совершенно безразлично, что именно обменивают на уголь продавцы предметов потребления: свой капитал или свой доход; другими словами, обменивает ли, например, фабрикант сукна свое сукно на уголь, чтобы отапливать свое жилище (в этом случае уголь, в свою очередь, является для него предметом потребления. и он оплачивает его доходом, некоторым количеством сукна, представляющим прибыль), или же Джемс, лакей фабриканта сукна, обменивает на уголь сукно, полученное им в качестве заработной платы (в этом случае уголь опять является предметом потребления и обменивается на доход фабриканта сукна, который, в свою очередь, обменял свой доход на непроизводительный труд лакея), или, наконец, фабрикант сукна обменивает сукно на уголь с целью возместить необходимый для его фабрики, но уже потребленный уголь. (В этом последнем случае сукно, даваемое в обмен фабрикантом сукна, представляет для него постоянный капитал, стоимость одного из его средств производства; уголь же является для него не только стоимостью, но и определенным средством производства in

natura*. А для углепромышленника сукно есть предмет потребления, причем как сукно, так и уголь представляют для него доход: уголь — доход в его нереализованной форме, сукно — доход в его реализованной форме.)

Что же касается последней $^1/_3$ угля, то углепромышленник не может затратить ее на предметы своего индивидуального потребления, не может затратить ее как доход. Она принадлежит процессу производства (или процессу воспроизводства) и должна быть превращена в железо, дерево, машины, в те предметы, которые образуют составные части его постоянного капитала и без которых не может быть возобновлено или продолжено производство угля. Конечно, он мог бы и эту $^1/_3$ обменять на предметы потребления (или, что то же самое, на деньги производителей этих предметов), однако лишь с тем, чтобы эти предметы потребления обменять обратно на железо, дерево, машины, так что они не войдут ни в его собственное потребление, ни в расходование его дохода, а войдут в потребление и расходование дохода производителей дерева, железа, машин, причем все эти производители дерева, железа и т. д., в свою очередь, сами находятся в таком положении, что $^1/_3$ своего продукта они не могут затратить на предметы индивидуального потребления.

Но предположим теперь, что уголь входит в постоянный капитал производителя железа, производителя дерева, машиностроителя. С другой стороны, железо, дерево, машины входят в постоянный капитал углепромышленника. Поскольку, таким образом, эти их продукты взаимно входят одинаковой суммой стоимости [в их постоянные капиталы], постольку они возмещают друг друга in natura, и одному из контрагентов остается лишь уплатить другому балансовую разницу в размере излишка того, что куплено, над тем, что продано. И действительно, деньги выступают здесь на практике (посредством векселей и т. д.) лишь как *средство платежа,* а не как монета, не как средство обращения, и служат только для уплаты балансовой разницы. Некоторая часть этой $^1/_3$ угля понадобится производителю угля для его собственного воспроизводства, совершенно так же, как некоторая часть от $^2/_3$ была удержана им для своего собственного потребления.

Все это количество угля, железа, дерева и машин, которые таким путем взаимно возмещают друг друга посредством обмена постоянного капитала на постоянный капитал, постоянного капитала в одной натуральной форме на постоянный капитал в другой натуральной форме, не имеет абсолютно ничего общего

* — в натуре, в своей натуральной форме. *Ред.*

ни с обменом дохода на постоянный капитал, ни с обменом дохода на доход. Эта часть продукта играет совершенно такую же роль, как семена в земледелии или основной фонд скота в животноводстве. Это та часть *произведенного за год продукта труда,* — речь идет не о продукте *вновь присоединенного в данном году труда,* а о продукте как этого труда, так и прошлого труда, — которая (при неизменных условиях производства) ежегодно возмещает самоё себя как средство производства, как постоянный капитал, — возмещает, не входя ни в какое другое обращение, кроме обращения между одними «деловыми людьми» и другими, и не оказывая влияния на *стоимость* той части продукта, которая входит в обращение между «деловыми людьми» и «потребителями»*.

Предположим, что вся эта $^1/_3$ угля обменивается указанным образом in natura на свои собственные элементы производства, на железо, дерево, машины. {Могло бы быть и так, что она непосредственно обменивается, например, только на машины, но машиностроитель, в свою очередь, обменивает ее как постоянный капитал не только на свой собственный постоянный капитал, но и на постоянный капитал производителя железа и лесопромышленника.} В таком случае каждый центнер каменного угля из тех двух третей продукта углепромышленника, [352] которые он обменял на предметы потребления, т. е. обменял как доход, состоял бы, правда, по своей стоимости — как и весь продукт — из двух частей: $^1/_3$ центн. была бы равна стоимости средств производства, потребленных на производство одного центнера угля, а $^2/_3$ центн. были бы равны труду, вновь присоединенному к этой $^1/_3$ производителями угля. Однако если весь продукт углепромышленника составляет, например, 30000 центн., то в качестве дохода углепромышленник обменивает только 20000 центн. Остальные 10000 центн., согласно предположению, возмещаются железом, деревом, машинами и т. д. и т. д.; словом, вся стоимость вошедших в 30000 центн. средств производства возмещается in natura средствами производства того же рода и той же стоимости.

Таким образом, покупатели 20000 центн. на деле не платят ни одного фартинга за стоимость прошлого труда, содержащегося в 20000 центн.; ибо 20000 центн. представляют лишь те $^2/_3$ стоимости совокупного продукта, в которых овеществляется вновь присоединенный труд. Получается то же самое, как если бы эти 20000 центн. представляли лишь вновь присоединенный (например, в течение года) труд и совсем не представляли бы

* См настоящий том, часть I, стр. 104, 122—123. *Ред.*

прошлого труда. Покупатель оплачивает, таким образом, всю стоимость каждого центнера: прошлый труд плюс вновь присоединенный труд, и тем не менее он оплачивает только вновь присоединенный труд; и это потому именно, что он покупает только 20000 центн., т. е. только ту часть всего продукта, которая равна стоимости всего вновь присоединенного труда. Точно так же покупатель не оплачивает семена земледельца сверх той пшеницы, которую он ест. Производители железа, дерева, машин и т. д. возместили друг другу эту часть продукта; не надо, стало быть, возмещать ее им вторично. Они возместили ее той частью своего собственного продукта, которая, будучи годовым продуктом их труда, отнюдь не является продуктом труда, присоединенного ими в данном году, а, наоборот, является той частью их годового продукта, которая представляет прошлый труд. Без нового труда не было бы продукта; но его не было бы и без того труда, который овеществлен в средствах производства. Если бы он был продуктом только нового труда, то его стоимость была бы меньше, чем теперь, и тогда ни одной части продукта не нужно было бы возвращать производству. Однако если бы другой способ труда [т. е. тот способ, который основан на применении средств производства] не был производительнее и не давал большего количества продукта, — несмотря на то, что часть продукта должна быть возвращена производству, — то его никто бы и не применял.

Хотя ни одна составная часть стоимости этой $^1/_3$ угля не входит в 20000 центн. угля, продаваемых в качестве дохода, тем не менее всякое изменение стоимости постоянного капитала, представленного этой третью, или 10000 центн., вызвало бы изменение стоимости остальных $^2/_3$, продаваемых в качестве дохода. Допустим, что производство железа, дерева, машин и т. д., словом, тех элементов производства, к которым сводится указанная $^1/_3$ продукта, становится дороже. Производительность же труда по добыванию угля остается прежней. При затрате того же самого количества железа, дерева, угля, машин и труда производится попрежнему 30000 центн. угля. Но так как железо, дерево и машины стали дороже, стоят большего рабочего времени, чем прежде, то за них приходится отдавать больше угля, чем прежде.

[353] Пусть, как и раньше, продукт составляет 30000 центн. угля. Производительность труда в угольной шахте осталась такой же, какой она была раньше. С тем же количеством живого труда и с той же массой дерева, железа, машин и т. д. производится, как и прежде, 30000 центн. угля. Живой труд, как и прежде, представлен в той же стоимости, скажем — в 20000 ф. ст.

(в денежном выражении). Напротив, дерево, железо и т. д., короче постоянный капитал, стоят теперь 16000 ф. ст. вместо 10000, т. е. содержащееся в них рабочее время увеличилось на $^{6}/_{10}$, или на 60%.

Таким образом, стоимость всего продукта равняется теперь 36000 ф. ст. вместо прежних 30000 ф. ст.; она, следовательно, увеличилась на $^{1}/_{5}$, или на 20%. Стало быть, также и каждая данная часть продукта стоит теперь на $^{1}/_{5}$, или на 20%, больше прежнего. Если раньше центнер угля стоил 1 ф. ст., то теперь он стоит 1 ф. ст. + $^{1}/_{5}$ ф. ст. = 1 ф. ст. 4 шилл. Раньше из совокупного продукта одна треть, или $^{3}/_{9}$, равнялась постоянному капиталу, а две трети равнялись присоединенному труду. Теперь постоянный капитал относится к стоимости совокупного продукта как 16000:36000 = $^{4}/_{9}$. Постоянный капитал составляет сейчас, стало быть, на $^{1}/_{9}$ [стоимости совокупного продукта] больше, чем прежде. Та часть продукта, которая равна стоимости присоединенного труда, раньше составляла $^{2}/_{3}$, или $^{6}/_{9}$, продукта, теперь — $^{5}/_{9}$.

Таким образом, мы имеем:

	Постоянный капитал	*Присоединенный труд*
Стоимость = 36 000 ф. ст.	16 000 ф. ст. ($^{4}/_{9}$ продукта)	20 000 ф. ст. (та же стоимость, что и раньше; $^{5}/_{9}$ продукта)
Продукт = 30 000 центн.	13 333$^{1}/_{3}$ центн.	16 666$^{2}/_{3}$ центн.

Труд углекопов не сделался менее производительным, но совокупный труд, затраченный на угледобычу (труд углекопов плюс прошлый труд), стал менее производительным; а именно, для возмещения той составной части стоимости, которая приходится на [354] постоянный капитал, теперь требуется на $^{1}/_{9}$ совокупного продукта больше, а стоимость вновь присоединенного труда составляет на $^{1}/_{9}$ продукта меньше. Производители железа, дерева и т. д. будут теперь по-прежнему оплачивать только 10000 центн. угля. Раньше это количество угля стоило им 10000 ф. ст. Теперь оно будет им стоить 12000 ф. ст. Часть издержек постоянного капитала возместилась бы, таким образом, в результате того, что за ту часть угля, которую они получают взамен железа и т. д., им пришлось бы уплачивать повышенную цену. Но производитель угля должен купить у них на 16000 ф. ст. сырья и т. д. Он должен, следовательно, уплатить балансовую разницу в размере 4000 ф. ст., т. е. 3333$^{1}/_{3}$ центн. угля. Следовательно, он, как и прежде, доставляет потребителям 16666$^{2}/_{3}$ + 3333$^{1}/_{3}$ = 20000 центн. угля, т. е. $^{2}/_{3}$ продукта; но потребители должны теперь заплатить за них

вместо 20000 ф. ст. 24000 ф. ст. Этой суммой они должны возместить ему не только вновь присоединенный труд, но и часть постоянного капитала.

По отношению к потребителям дело будет обстоять очень просто. Если они захотят потреблять прежнее количество угля, то им придется уплатить за него на $^1/_5$ больше, и, стало быть, они должны будут в размере этой $^1/_5$ затратить меньше из своего дохода на покупку других продуктов, при предположении, что для каждой отрасли производства издержки производства остались прежними. Затруднение заключается лишь в следующем: каким образом производитель угля уплачивает 4000 ф. ст. за то железо, то дерево и т. д., в обмен на которые производителям этих продуктов не требуется уголь? Свои $3333^1/_3$ центн. угля, равные этим 4000 ф. ст., он продал потребителям угля и получил за них всякого рода товары. Но они не могут войти ни в его личное потребление, ни в потребление его рабочих, а должны быть потреблены производителями железа, дерева и т. д., так как именно в виде этих предметов он должен возместить стоимость своих $3333^1/_3$ центн. угля. Скажут: дело очень просто. Теперь все потребители угля должны потребить всех других товаров на $^1/_5$ меньше или же должны из каждого своего товара отдать за уголь на $^1/_5$ больше. Эта именно $^1/_5$ идет на увеличение потребления производителей дерева, железа и т. д. Однако непонятно prima facie*, каким образом уменьшение производительности на железоделательном заводе, в машиностроении, в лесной промышленности и т. д. дает производителям железа, машин, леса возможность потреблять больший по сравнению с прежним доход; ведь мы предполагаем, что цена их продуктов равна стоимости этих последних и, следовательно, повышается только пропорционально уменьшению производительности их труда.

Мы предположили, что стоимость железа, дерева, машин повысилась на $^3/_5$, на 60%. Это может быть вызвано только двумя причинами. Или производство железа, дерева и т. д. стало менее производительным потому, что уменьшилась производительность применяемого в этих отраслях производства живого труда, так что требуется применение большего количества труда для производства того же продукта. В этом случае производителям железа, дерева, машин пришлось бы применять на $^3/_5$ больше труда, чем прежде. Норма заработной платы осталась та же, потому что понижение производительности труда только временно коснулось отдельных продуктов. Следова-

* — на первый взгляд. *Ред.*

тельно, осталась неизмененной и норма прибавочной стоимости. Производителю требуются теперь 24 рабочих дня там, где раньше ему требовалось 15, но рабочим он по-прежнему платит только за 10 рабочих часов каждого из этих 24 рабочих дней и по-прежнему заставляет их бесплатно работать по 2 часа ежедневно. Таким образом, если раньше 15 рабочих работали 150 часов на себя и 30 часов на предпринимателя, то теперь 24 рабочих работают 240 часов на себя и 48 часов на предпринимателя. (Норма прибыли нас здесь не интересует.) Заработная плата понизилась бы лишь постольку, поскольку она расходовалась бы на железо, дерево, машинное оборудование и т. д., что не имеет места. 24 рабочих потребляют теперь на $^{3}/_{5}$ больше, чем раньше потребляли 15. Следовательно, производители угля могут теперь сбыть им (это значит — их хозяину, который выплачивает им заработную плату) соответственно большую часть стоимости $3333^{1}/_{3}$ центн.

Или же уменьшение производительности в железоделательной промышленности, в лесном деле и т. д. обусловливается тем, что вздорожали части их постоянного капитала, их средств производства. Тогда [перед другими отраслями производства} выступает опять та же самая альтернатива, и в конечном счете уменьшение производительности должно свестись к увеличению количества применяемого живого труда, а следовательно, и к увеличению заработной платы, которую потребители угля частично уплатили углепромышленнику в виде вышеупомянутых 4000 ф. ст.

В тех отраслях производства, где применяется добавочное количество труда, возрастет и масса прибавочной стоимости, так как возросло число занятых рабочих. С другой стороны, норма прибыли понизится соответственно [увеличению стоимости] всех тех элементов их постоянного капитала, в которые входит их собственный продукт, как в том случае, когда они часть своего собственного продукта сами употребляют в качестве средства производства, так и в том случае — как, например, с углем, — когда их продукт входит, как средство производства, в их собственные средства производства. Но если их оборотный капитал, затраченный на заработную плату, увеличился больше, чем подлежащая возмещению часть постоянного капитала, то повысится также и их норма прибыли, и они [355] будут участвовать в потреблении некоторой части вышеупомянутых 4000 ф. ст.

Повышение стоимости постоянного капитала (вследствие уменьшения производительности в отраслях труда, поставляющих этот постоянный капитал) повышает стоимость продукта,

в который входит этот постоянный капитал, и уменьшает ту часть продукта (in natura), которая возмещает вновь присоединенный труд, — оно, следовательно, делает этот труд менее производительным, если его выражать в его собственном продукте. Для той части постоянного капитала, которая обменивается in natura, все остается без изменения. По-прежнему то же самое количество железа, дерева, угля обменивается in natura для возмещения использованного железа, дерева, угля, и повышение цен здесь взаимно уравновешивается. Но тот излишек угля, который теперь образует для углепромышленника часть его постоянного капитала и в этот натуральный обмен не входит, обменивается, как и прежде, на доход (в вышеупомянутом случае часть его обменивается не только на заработную плату, но и на прибыль), с той только разницей, что доход этот принадлежит уже не прежним потребителям, а тем производителям, которые работают в сферах производства, где было применено большее количество труда, т. е. возросло число рабочих.

Если какая-либо отрасль производства производит продукты, входящие только в индивидуальное потребление, но не входящие в качестве средств производства ни в какую-либо другую отрасль производства (под средствами производства здесь всегда надо понимать постоянный капитал), ни в свое собственное воспроизводство (что бывает, например, в земледелии, скотоводстве, угольной промышленности, где сам уголь входит в производство в качестве вспомогательного материала), то годовой продукт этой отрасли {возможный излишек сверх годового продукта не имеет значения для данного вопроса} всегда должен быть оплачен из дохода, т. е. из заработной платы или прибыли.

Возьмем приведенный выше* пример с холстом. 3 арш. холста состоят на $^{2}/_{3}$ из постоянного капитала и на $^{1}/_{3}$ из присоединенного труда. Следовательно, 1 арш. холста представляет присоединенный труд. Если прибавочная стоимость составляет 25%, то $^{1}/_{5}$ от 1 арш. представляет прибыль. Остальные $^{4}/_{5}$ арш. представляют воспроизведенную заработную плату. $^{1}/_{5}$ потребляет фабрикант сам или, что сводится к тому же, ее потребляют другие, оплачивая ему ее стоимость, которую он потребляет в их собственных или в каких-нибудь других товарах. {Для упрощения здесь вся прибыль неправильно рассматривается как доход.} А остальные $^{4}/_{5}$ арш. он снова выплачивает в виде заработной платы; его рабочие потребляют их как свой

* См. настоящий том, часть I, стр. 87 и следующие. *Ред.*

доход — либо непосредственно, либо же в обмен на другие предметы потребления, владельцы которых потребляют холст.

Обе эти части вместе составляют всю ту долю в трех аршинах холста, — 1 арш. холста, — которую сами производители холста могут потребить как доход. Остальные 2 арш. представляют постоянный капитал фабриканта; они должны быть снова превращены в условия производства холста — в пряжу, машины и т. д. С его точки зрения обмен 2 арш. холста есть обмен постоянного капитала, но он может их обменять только на доход других лиц. Итак, он платит за пряжу, скажем, $^4/_5$ от 2 арш., или $^8/_5$ арш., а за машины — $^2/_5$ арш. Прядильщик и машиностроитель могут, в свою очередь, потребить из этих количеств холста по $^1/_3$ каждый, т. е. один из $^8/_5$ арш. может потребить $^8/_{15}$ арш., а другой из $^2/_5$ — $^2/_{15}$. Вместе — $^{10}/_{15}$, или $^2/_3$, арш. А остальные $^{20}/_{15}$ или $^4/_3$, арш. должны возместить им сырье — лен, железо, уголь и т. д., и каждый из этих предметов, в свою очередь, сам распадается на часть, представляющую доход (вновь присоединенный труд), и на другую часть, представляющую постоянный капитал (сырье и основной капитал и т. д.).

Но эти последние $^4/_3$ арш. холста могут быть потреблены только как доход. Следовательно, то, что в конце концов выступает в пряже и в машине как постоянный капитал и чем прядильщик и машиностроитель возмещают лен, железо, уголь и т. д. (мы отвлекаемся от той части железа, угля и т. д., которую машиностроитель возмещает машинами), может представлять лишь ту часть льна, железа, угля, которая образует доход производителей льна, железа, угля и за которую, стало быть, не приходится возмещать постоянный капитал; другими словами, то, что в пряже и в машине выступает как постоянный капитал, должно принадлежать к той части продукта производителей льна, железа, угля и т. д., которая не содержит, как мы показали выше, ни одной доли постоянного капитала. Но свой доход, представленный в железе, угле, льне и т. д., производители железа, угля и т. д. потребляют в виде холста или других предметов потребления, так как их собственные продукты как таковые совершенно не входят или же входят лишь в незначительной части в их индивидуальное потребление. Таким образом, часть железа, льна и т. д. может обмениваться на продукт, входящий только в индивидуальное потребление, — на холст — и в обмен на этот продукт возмещать прядильщику полностью, а машиностроителю частично их постоянный капитал, в то время как прядильщик и машиностроитель,

в свою очередь, потребляют холст, отдавая в обмен на него ту часть своей пряжи и своих машин, в которой представлен их доход, и тем самым возмещают постоянный капитал ткача.

Итак, в действительности весь холст сводится к прибыли и заработной плате ткача, прядильщика, машиностроителя, льновода, производителя угля и железа; в то же время они возмещают фабриканту холста и прядильщику весь их постоянный капитал. Расчет не свелся бы без остатка, если бы последние производители сырья должны были возмещать свой собственный постоянный капитал путем обмена на холст, так как это предмет индивидуального потребления, который ни в какую сферу производства не входит в качестве средства производства, в качестве [356] части постоянного капитала. Расчет сводится без остатка потому, что холст, купленный льноводом, углепромышленником, железоделателем, машиностроителем и т. д. в обмен на их продукт, возмещает им лишь ту часть их продукта, которая для *них* составляет доход, а для их покупателей — постоянный капитал. Это возможно только потому, что ту часть их продуктов, которая не сводится к доходу и которая, следовательно, не может быть обменена на предметы потребления, они возмещают in natura, т. е. посредством обмена постоянного капитала на постоянный капитал.

В вышеприведенном примере может показаться странным предположение, что производительность труда в данной отрасли производства осталась неизменной и что тем не менее она понизилась, если производительность применяемого в этой отрасли производства живого труда выражать в его собственном продукте. Но дело объясняется очень просто.

Предположим, что продукт труда прядильщика составляет 5 фунтов пряжи. Допустим, что для его производства прядильщику нужно только 5 фунтов хлопка (значит, совсем нет отбросов); пусть фунт пряжи стоит один шиллинг (мы отвлекаемся от машинного оборудования, т. е. предполагаем, что его стоимость не понизилась и не повысилась; следовательно, для рассматриваемого случая оно равно нулю). Фунт хлопка стоит 8 пенсов. Из 5 шилл., выражающих стоимость 5 фунтов пряжи, 40 пенсов (5 × 8 пенсов), или 3 шилл. 4 пенса, приходятся на хлопок, а 5 × 4 пенсов, т. е. 20 пенсов, или 1 шилл. 8 пенсов, — на вновь присоединенный труд. Из всего продукта $3^1/_3$ фунта пряжи (стоимостью в 3 шилл. 4 пенса) приходятся, следовательно, на долю постоянного капитала, а $1^2/_3$ фунта пряжи — на долю труда. Стало быть, $^2/_3$ от 5 фунтов пряжи возмещают постоянный капитал, а $^1/_3$ от 5 фунтов пряжи, или

$1^2/_3$ фунта, составляет ту часть продукта, которая оплачивает труд.

Допустим теперь, что цена фунта хлопка поднялась на 50%, с 8 пенсов до 12 пенсов, т. е. до одного шиллинга. Тогда 5 фунтов пряжи стоят: 5 шилл. за 5 фунтов хлопка и 1 шилл. 8 пенсов за присоединенный труд, количество которого, а потому и стоимость, выраженная в деньгах, остаются прежними. Таким образом, 5 фунтов пряжи стоят теперь 5 шилл. + 1 шилл. 8 пенсов = 6 шилл. 8 пенсам. Из этих 6 шилл. 8 пенсов на сырье теперь приходятся 5 шилл., а на труд — 1 шилл. 8 пенсов.

6 шилл. 8 пенсов = 80 пенсам, из которых 60 пенсов приходятся на сырье, а 20 пенсов — на труд. Труд составляет теперь только 20 пенсов в общей стоимости 5 фунтов пряжи (80 пенсов), или $^1/_4$, т. е. 25%; прежде — $33^1/_3$%. С другой стороны, сырье составляет 60 пенсов, т. е. $^3/_4$, или 75%, а раньше оно составляло только $66^2/_3$%. Так как 5 фунтов пряжи стоят теперь 80 пенсов, то 1 фунт стоит $^{80}/_5$, т. е. 16 пенсов. Из 5 фунтов пряжи на 20 пенсов, выражающих стоимость, созданную [вновь присоединенным] трудом, приходится, таким образом, $1^1/_4$ фунта пряжи; остальные $3^3/_4$ фунта пряжи приходятся на сырье. Раньше на [вновь присоединенный] труд (прибыль и заработную плату) приходилось $1^2/_3$ фунта, а на постоянный капитал — $3^1/_3$ фунта. Оцениваемый в его собственном продукте, труд стал, следовательно, менее производительным, хотя производительность его не изменилась, а вздорожало только сырье. Труд сохранил свою прежнюю производительность, так как тот же самый труд в течение того же времени превращает 5 фунтов хлопка в 5 фунтов пряжи и так как подлинным продуктом этого труда (по потребительной стоимости) является лишь приданная хлопку *форма пряжи.* 5 фунтов хлопка, как и прежде, приобрели форму пряжи в результате того же самого труда. Однако действительный продукт состоит не только из этой формы пряжи, но также и из хлопкового волокна — из того вещества, которому придана эта форма, а стоимость этого вещества составляет теперь по отношению к труду, придающему эту форму, большую, чем прежде, часть совокупного продукта. Поэтому то же самое количество труда прядильщика оплачивается теперь меньшим количеством пряжи, иными словами — уменьшается доля продукта, возмещающая этот труд.

Вот как обстоит дело с этим вопросом.

[в) ВУЛЬГАРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПОЛЕМИКИ ГАРНЬЕ ПРОТИВ СМИТА. ВОЗВРАТ ГАРНЬЕ К ФИЗИОКРАТИЧЕСКИМ ПРЕДСТАВЛЕНИЯМ. ШАГ НАЗАД В СРАВНЕНИИ С ФИЗИОКРАТАМИ: ВЗГЛЯД НА ПОТРЕБЛЕНИЕ НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ КАК НА ИСТОЧНИК ПРОИЗВОДСТВА]

Итак, во-первых, неверным является утверждение Гарнье, что весь капитал в конечном счете всегда возмещается доходом потребителя; ибо часть капитала может быть возмещена только капиталом, а не доходом. Во-вторых, это и само по себе нелепо, так как сам доход, поскольку он не является заработной платой (или же заработной платой, выплачиваемой из заработной платы, т. е. производным от нее доходом), представляет собой прибыль на капитал (или доход, производный от прибыли на капитал). Наконец, нелепо утверждение Гарнье*, что та часть капитала, которая не обращается (в том смысле, что она не возмещается доходом потребителя), «не приносила бы прибыли своему владельцу». Эта часть — при неизменных условиях производства — на самом деле не приносит прибыли (точнее — прибавочной стоимости). Но без этой части капитал вообще не мог бы производить свою прибыль.

[357] «Из этого различия можно вывести лишь то заключение, что для найма производительных работников нужен не-только доход того, кто пользуется их трудом, но еще и капитал, приносящий прибыль посредникам, тогда как для найма непроизводительных работников в большинстве случаев достаточно дохода лица, оплачивающего их» (цит. соч., стр. 175).

Уже одна эта фраза представляет собой такое сплетение бессмыслицы, что из нее ясно: Гарнье, переводчик А. Смита, по сути дела ничего не понял у А. Смита и даже не имеет никакого представления о самом существенном в «Богатстве народов», а именно, о взгляде на капиталистический способ производства как на самый производительный (каким он безусловно и является в сравнении с предшествующими формами).

Прежде всего, в высшей степени глупо, когда против Смита, признающего непроизводительным тот труд, который оплачивается непосредственно доходом, выдвигается то возражение, что «для найма *непроизводительных* работников в большинстве случаев достаточно дохода лица, оплачивающего их». А затем — антитеза: «для найма *производительных* работников нужен *не только доход того, кто пользуется* их трудом, но еще и *капитал, приносящий прибыль посредникам»!* (Сколь производителен в таком случае у господина Гарнье земледельческий труд, для

* См. настоящий том, часть I, стр. 171. *Ред.*

которого, помимо дохода потребителей продукта земли, нужен еще и капитал, приносящий не только прибыль посредникам, но и земельную ренту земельному собственнику!)

Неверно, что «для найма производительных работников» нужен, во-первых, капитал, применяющий их, и, во-вторых, доход, потребляющий их труд; для этого нужен только капитал, который создает доход, потребляющий плоды их труда. Если я в качестве портного-капиталиста затрачиваю 100 ф. ст. на заработную плату, то эти 100 ф. ст. приносят мне, скажем, 120 ф. ст. Они создают мне доход в 20 ф. ст., на который я при желании могу теперь потребить также и труд портного, придающий материалу форму «сюртука». Если же я, напротив, приобретаю на 20 ф. ст. разной одежды, чтобы носить ее, то совершенно очевидно, что не эта одежда создала для меня затраченные на ее покупку 20 ф. ст. И то же самое было бы, если бы я позвал к себе портного на дом и велел ему сшить мне одежду за 20 ф. ст. В первом случае я получил на 20 ф. ст. больше, чем имел до того, а во втором случае у меня после сделки — на 20 ф. ст. меньше, чем было до нее. Кроме того, я скоро заметил бы, что портной, которого я оплачиваю прямо из своего дохода, к тому же изготовляет сюртук не по такой дешевой цене, какую я уплатил бы при покупке сюртука у «посредника».

Гарнье воображает, что прибыль оплачивается потребителем. Потребитель оплачивает «стоимость» товара; и хотя товар включает в себя прибыль капиталиста, однако этот товар для него, потребителя, обходится дешевле, чем если бы он затратил свой доход непосредственно на покупку труда с тем, чтобы заставить нанятого работника производить в карликовом масштабе те или иные вещи для удовлетворения личных потребностей нанимателя. Здесь явно обнаруживается, что Гарнье не имеет ни малейшего представления о том, что такое капитал.

Он продолжает:

«Далее, разве многие *непроизводительные* работники, как, например, актеры, музыканты и т. д., не получают свою заработную плату в большинстве случаев через директора, который извлекает прибыль из капитала, вложенного в подобного рода предприятие?» (цит. соч., стр. 175—176).

Это замечание правильно. Но оно показывает только то, что часть работников, которых А. Смит согласно своему второму определению называет непроизводительными, являются согласно его первому определению производительными работниками.

«Ввиду этого следует предположить, что в обществе с очень многочисленным *производительным* классом существует большое накопление капиталов в руках посредников или предпринимателей» (цит. соч., стр. 176).

Действительно: массовое наличие наемного труда есть лишь другое выражение для массового наличия капитала.

«Следовательно, не отношение между массой капиталов и массой доходов, как полагает Смит, определяет отношение между *производительным* классом и *непроизводительным* классом. Это последнее отношение в гораздо большей степени зависит, по-видимому, от нравов и привычек народа, от более или менее высокого уровня развития его промышленности» (стр. 177).

Если производительными являются работники, которые оплачиваются капиталом, а непроизводительными — те, которые оплачиваются доходом, то совершенно очевидно, что производительный класс относится к непроизводительному, как капитал к доходу. Но пропорциональный рост обоих классов будет зависеть не только от существующего отношения между массой капиталов и массой доходов. Он будет зависеть от того, в какой пропорции растущий доход (прибыль) превращается в капитал и. в какой он расходуется как доход. Хотя первоначально буржуазия очень бережлива, однако с ростом производительности капитала, т. е. производительности труда, она начинает подражать [358] феодалам и заводит себе целые свиты. Согласно последнему (1861 или 1862 год) фабричному отчету, общее число лиц (включая административный персонал), занятых на фабриках в собственном смысле слова, составляло в Соединенном Королевстве лишь 775534*, тогда как число женской прислуги в одной только Англии составляло 1 миллион человек. Хорош, нечего сказать, тот порядок вещей, который заставляет молодую девушку по 12 часов в день до изнеможения работать на фабрике для того, чтобы на часть ее неоплаченного труда фабрикант мог взять себе на службу, для оказания ему личных услуг, ее сестру в качестве горничной, ее брата в качестве грума, а ее двоюродного брата в качестве солдата или полицейского!

Последнее добавление Гарнье — пошлая тавтология. Отношение между производительным классом и непроизводительным классом зависит, дескать, не от отношения между капиталом и доходом, или, выражаясь точнее, между массой наличных товаров, расходуемых в форме капитала, и массой товаров, расходуемых в форме дохода, — а (!?) от нравов и привычек народа, от уровня развития его промышленности. В самом деле, капиталистическое производство появляется только на известной ступени развития промышленности.

* «Return to an Address of the House of Commons» от 24 апреля 1861 года (напечатано 11 февраля 1862 года).

В качестве бонапартистского сенатора, Гарнье мечтает, разумеется, о лакеях и вообще о прислуге:

«При равном числе лиц ни один класс не содействует в такой мере, как домашняя прислуга, превращению в капиталы сумм, получающихся от *дохода»* (стр. 181).

На деле же ни один класс не поставляет более негодных элементов в мелкую буржуазию. Гарнье не понимает, как это Смит, «человек, обладающий такой проницательностью», не дает более высокой оценки

«этому посреднику, приставленному к богачу, чтобы *подбирать* остатки дохода, так беззаботно им расточаемого» и т. д. (цит. соч., стр. 183).

Но сам же Гарнье говорит здесь, что посредник только «подбирает» остатки «дохода». Из чего же состоит этот доход? Из неоплаченного труда производительных рабочих.

После всей этой никуда не годной полемики против Смита Гарнье, откатываясь назад к физиократии, объявляет земледельческий труд единственно производительным трудом! И почему? Потому, что он

«создает еще новую стоимость, стоимость, которая *не существовала* в обществе — даже в качестве эквивалента — в тот момент, когда началось действие указанного труда, и именно эта стоимость доставляет земельному собственнику ренту» (цит. соч., стр. 184).

Итак, что такое производительный труд? Это — труд, создающий прибавочную стоимость, новую стоимость сверх того эквивалента, который он получает в качестве заработной платы. И не Смит виноват, если Гарнье не понимает, что обмен *капитала на труд* означает *только то,* что товар данной стоимости, равной данному количеству труда, обменивается на количество труда большее, чем то, которое содержится в этом товаре, и таким путем «создается новая стоимость, которая не существовала в обществе — даже в качестве эквивалента — в тот момент, когда началось действие указанного труда». [VIII—358]

* * *

[IX—400] *Господин Ж. Гарнье* издал *в 1796 году* в Париже «Abrege elementaire des Principes de l'Economie Politique». Наряду с физиократическим воззрением, что только земледелие производительно, мы встречаем здесь и другое (которое хорошо объясняет его полемику против А. Смита), а именно, что потребление (пышно представленное «непроизводительными работниками») является источником производства и что величина последнего измеряется величиной первого. Непроизводительные

работники удовлетворяют «искусственные потребности» и потребляют материальные продукты, — таким образом, они-де во всех отношениях полезны. Поэтому он полемизирует также против экономии (бережливости). На стр. XIII его предисловия мы читаем:

«Богатство отдельного лица увеличивается посредством сбережений; общественное богатство, *напротив,* возрастает в результате увеличения потребления».

А на стр. 240, в главе о государственных долгах, Гарнье заявляет:

«Улучшение и расширение земледелия, а следовательно, и прогресс промышленности и торговли не имеют *другой причины* кроме расширения искусственных потребностей».

Он выводит отсюда, что государственные долги — хорошая вещь, так как они увеличивают эти потребности[69]. [IX—400]

* * *

[IX—421] *Шмальц.* В своей критике проводимого Смитом различения между производительным и непроизводительным трудом этот немецкий последыш физиократии говорит (немецкое издание его книги вышло *в 1818 году*)*:*

«Я только замечу,.. что проводимое Смитом различение между *производительным* трудом и *непроизводительным* трудом не следует рассматривать как существенное и очень точное, если принять во внимание, что вообще труд других людей производит для нас всегда только экономию времени и что эта экономия времени есть все, что составляет *стоимость труда* и *его цену».*

{Здесь у него путаница: дело обстоит не так, что экономия времени, вызванная разделением труда, определяет стоимость и цену вещи, а так, что за ту же стоимость я получаю больше потребительной стоимости, труд становится производительнее, так как в одно и то же время создается большее количество продукта; но, будучи отголоском физиократов, он, конечно, не может найти стоимость в самом рабочем времени.}

«Столяр, например, изготовляющий для меня стол, и слуга, который относит мои письма на почту, чистит мою одежду и достает необходимые мне вещи, — оба они оказывают мне услуги, совершенно одинаковые по своей природе: и тот и другой сберегают мне как то время, которое я должен был бы сам потратить на эти занятия, так и то время, которое я потратил бы на приобретение навыка и способностей к такого рода делам» (*Schmalz.* Economie Politique, traduit par Henri Jouffroy etc., 1826, том I, стр. 304).

У этого же бумагомарателя Шмальца[*] мы находим еще и следующее замечание, важное для понимания того, каким

[*] В подлиннике непереводимый каламбур с фамилией Шмальц: Schmalzschmiertopf (Schmalz — сало, Schmiertopf — мазила, пачкун, маратель). *Ред.*

образом — например, у Гарнье — его система потребления (и экономической полезности расточительства) увязывается с физиократией:

«Эта система» (система Кенэ) «ставит в заслугу ремесленникам и даже тем, кто *только потребляет,* их потребление на том основании, что оно содействует, хотя и косвенным образом, увеличению национального дохода, *ибо без этого потребления потребленные предметы не были бы произведены землей и не могли бы, быть присоединены к доходу земельного собственника»* (там же, стр. 321)[70]. [IX—421]

[8)] ШАРЛЬ ГАНИЛЬ [МЕРКАНТИЛИСТСКИЙ ВЗГЛЯД НА ОБМЕН И МЕНОВУЮ СТОИМОСТЬ. ПОДВЕДЕНИЕ ВСЯКОГО ТРУДА, ПОЛУЧАЮЩЕГО ОПЛАТУ, ПОД ПОНЯТИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОГО ТРУДА]

[VIII—358] Очень слабой и поверхностной стряпней является сочинение *Ш. Ганиля* «Des Systemes d'economie politique». Первое издание вышло в Париже *в 1809 году;* второе — *в 1821 году* (цитирую по этому последнему). Его вздорные разглагольствования непосредственно примыкают к Гарнье, против которого он полемизирует.

{*Канар* в «Principes d'economie politique» определяет *«богатство как накопление избыточного труда»*[71]. Если бы он сказал, что богатство есть труд, составляющий избыток сверх того, что нужно для поддержания существования рабочего как рабочего, то это определение было бы правильно.}

Исходной точкой служит господину Ганилю то элементарное положение, что товар является элементом буржуазного богатства, т. е. что для того, чтобы производить богатство, труд должен производить товар, должен *продавать* самого себя или свой продукт:

«При современном состоянии цивилизации труд известен нам только через посредство обмена» (назв. соч., том I, стр. 79). «Без обмена труд не может производить никакого богатства» (стр. 81).

Отсюда господин Ганиль тотчас перескакивает в меркантилистскую систему. Так как труд без обмена не создает буржуазного богатства, то «богатство проистекает исключительно из торговли» (стр. 84). Или, как он говорит дальше:

«Только обмен, или торговля, придает вещам стоимость» (стр. 98). На этом «принципе тождественности стоимости и богатства... основано учение о плодотворности всеобщего труда» (цит. соч., стр. 93).

Ганиль сам заявляет, что

[359] «торговая система», которую он называет простым «видоизменением» монетарной системы, «выводит частное и общее богатство из

меновых стоимостей труда, независимо от того, фиксированы ли эти стоимости в долговечных и неизменных материальных предметах или нет» (стр. 95).

Таким образом, он возвращается к представлениям меркантилистской системы, подобно тому как Гарнье возвращается к представлениям физиократической системы. Его ни на что другое не годная болтовня весьма пригодна поэтому для характеристики меркантилистской системы и ее воззрений на «прибавочную стоимость», в особенности потому, что он выдвигает эти воззрения против Смита, Рикардо и т. д.

Богатство есть меновая стоимость; поэтому всякий труд, производящий меновую стоимость или сам имеющий меновую стоимость, производит богатство. Единственное слово, которое показывает, что Ганиль смотрит несколько глубже, чем другие меркантилисты, это термин *«всеобщий* труд» [travail *général*]. Труд отдельного лица, или, вернее, продукт его труда, должен принять форму всеобщего труда. Только таким путем продукт труда становится меновой стоимостью, *деньгами.* Фактически Ганиль возвращается к тому взгляду, что богатство, это — деньги; однако для Ганиля богатством являются уже не только золото и серебро, но и сам товар, поскольку он представляет собой *деньги.* Ганиль говорит:

«торговая система, или обмен стоимостей всеобщего труда» (стр. 98).

Последнее выражение нелепо: продукт есть стоимость как наличное бытие всеобщего труда, как воплощение этого труда, а не как *«стоимость* всеобщего труда», что означало бы: стоимость стоимости. Но предположим, что товар конституирован как стоимость, пусть он принял даже, если угодно, форму денег, проделал свой метаморфоз. Теперь он — меновая стоимость. Но какова величина стоимости данного товара? Меновыми стоимостями являются все товары. Этим они не отличаются друг от друга. Но что определяет меновую стоимость данного товара? Тут Ганиль не идет дальше самой грубой внешней формы явлений. Товар *A* есть большая меновая стоимость, если он обменивается на большое количество товаров *B, C, D* и т. д.

Совершенно верно направленное против Рикардо и большинства политико-экономов замечание Ганиля, что они, рассматривая труд, оставляют без внимания обмен, хотя их система, как и вся буржуазная система, покоится на меновой стоимости. Но поступали они так единственно потому, что товарная *форма* продукта представлялась им чем-то само собой разумеющимся и они поэтому рассматривали только *величину стоимости,.* В обмене продукты отдельных индивидуумов обнаруживают

себя как продукты всеобщего труда лишь благодаря тому, что они получают свое выражение в виде *денег.* А эта относительность коренится уже в том, что они должны проявлять себя как наличное бытие всеобщего труда и могут быть сведены к нему лишь как относительные, только количественно различные выражения общественного труда. Но самый обмен не дает им *величины стоимости.* В обмене они выступают как всеобщий общественный труд, а насколько они могут проявлять себя как таковой, это зависит от того, в какой мере они могут проявлять себя как общественный труд, т. е. зависит от числа тех товаров, на которые они могут обмениваться, следовательно от размеров рынка, торговли, от того ряда товаров, в котором они выражают себя в качестве меновой стоимости. Если бы, например, существовало только четыре различных отрасли производства, то каждый из четырех производителей значительную часть своих продуктов производил бы для самого себя. Если же существуют тысячи отраслей производства, то каждый может производить весь свой продукт как товар. Весь его продукт может полностью идти в обмен.

Но Ганиль вместе с меркантилистами воображает, что *сама величина стоимости есть продукт обмена,* между тем как в действительности продукты посредством обмена получают лишь форму стоимости, или форму *товара.*

«Обмен дает *вещам* стоимость, которой они без него не имели бы» (стр. 102).

Если это должно означать: *вещи,* потребительные стоимости, становятся стоимостью, получают эту форму только как относительные выражения общественного труда, то это тавтология. Если же это должно означать, что они получают посредством обмена большую стоимость, чем имели бы без него, то это явный вздор, потому что обмен может повысить величину стоимости товара *A,* лишь понизив величину стоимости товара *B.* Насколько он увеличивает стоимость товара *A* сравнительно с тем, какой она была до обмена, настолько же он уменьшает стоимость товара *B.* Следовательно, *A + B имеют, как до обмена, так и после него, одну и ту же стоимость.*

«Самые полезные продукты могут не иметь никакой стоимости, если обмен не дает ее им,..»

(Прежде всего, если эти вещи — «продукты», то они с самого начала продукты труда, а не всеобщие дары природы, как воздух и т. п. Если они — «самые полезные», то они представляют собой потребительные стоимости в наивысшем смысле слова, такие потребительные стоимости, в которых нуждаются

все. Если обмен не дает им *никакой* стоимости, то это возможно только при том условии, что каждый производит их сам для себя; но это противоречит [360] предпосылке, что они производятся для обмена; таким образом, вся предпосылка нелепа.)

... «а самые бесполезные продукты могут иметь очень большую стоимость, если им благоприятствует обмен» (стр. 104).

«Обмен» представляется господину Ганилю некоей мистической личностью. Если «самые бесполезные продукты» ни на что не годны, если они не имеют никакой потребительной стоимости, то кто станет их покупать? Для покупателя они, стало быть, должны во всяком случае иметь какую-нибудь, хотя бы только воображаемую, «полезность». И если он не дурак, то с какой стати он будет за них платить дороже? Следовательно, их дороговизна должна вызываться таким обстоятельством, которое вытекает во всяком случае не из их «бесполезности». Не вызывается ли она их «редкостью»? Но Ганиль называет их «самыми бесполезными *продуктами».* А раз они — продукты, то почему же их не производят в более массовом масштабе, несмотря на их большую «меновую стоимость»? Если прежде дураком был покупатель, который давал много денег за нечто, не имеющее для него самого ни действительной, ни воображаемой потребительной стоимости, то теперь дураком оказывается продавец, не производящий этих безделушек, меновая стоимость которых велика, вместо полезных вещей, имеющих незначительную меновую стоимость. Таким образом, если их меновая стоимость так велика несмотря на незначительность их потребительной стоимости (при предположении, что потребительная стоимость определяется естественными потребностями людей), то это должно обусловливаться обстоятельством, исходящим не от господина обмена, а от самого продукта. *Его высокая меновая стоимость не есть, стало быть, продукт обмена, а лишь проявляется в обмене.*

«Та стоимость, по которой вещи уже обменены [valeur echangee], а не та, по которой они еще только могут быть обменены [valeur echangeable], составляет *истинную стоимость,* ту, которая тождественна с богатством» (цит. соч., стр. 104).

Но valeur echangeable является отношением данной вещи к другим вещам, на которые она может быть обменена. {То правильное, что лежит здесь в основе, состоит в следующем: превращение товара в деньги вынуждается тем, что товар вступает в обмен как valeur echangeable, как меновая стоимость, но таковой он является только в результате существования обмена.} Напротив, та стоимость, по которой *A* уже обменено,

есть определенное количество продуктов *B, C, D* и т. д. Следовательно, это уже (по господину Ганилю) не стоимость, а «вещь без обмена». *B, C, D* и т. д. до обмена их на *A* не были «стоимостями». *A* стало стоимостью благодаря тому, что его место (как обмененной стоимости) заняли эти не-стоимости. Получается, что эти «вещи» вдруг стали стоимостями в результате простей перемены места, после которой они выходят из обмена и оказываются в том же положении, что и прежде.

«Итак, не действительная полезность вещей и не их *внутренняя* стоимость делают их богатством: это обмен фиксирует и определяет их стоимость, и именно эта стоимость делает их тождественными с богатством» (цит. соч., стр. 105).

Господин обмен фиксирует и определяет либо нечто такое, что уже существовало, либо же нечто такое, что не существовало. Если он впервые создает стоимость вещей, то эта стоимость, этот продукт обмена, исчезает, как только прекращается сам обмен. Следовательно, то, что он создает, он в такой же мере и уничтожает. Я обмениваю *A* на *B + C + D.* акте этого обмена *A* приобретает стоимость. Как только этот акт закончился, *B + C + D* стоят на стороне *A*, а *A* сто<u>и</u>т на стороне *B + C + D.* И стоят они, каждая сторона сама по себе, вне господина обмена, который заключался только в этой перемене мест. *B + C + D* суть теперь «вещи», но не стоимость. Точно так же и *A*. Или же обмен «фиксирует и определяет» в собственном смысле этих слов, — в том смысле, в каком силомер определяет и фиксирует, но не создает, силу моих мышц. Но в таком случае стоимость создается не обменом.

«Для отдельных лиц и для народов богатство существует на деле только тогда, когда каждый работает на всех» —

(т. е. когда труд каждого выступает как *всеобщий общественный труд.* При другом толковании эта фраза нелепа, так как если отвлечься от этой формы всеобщего общественного труда, то надо будет сказать, что железоделатель работает не на всех, а *только* на потребителей железа) —

«и все работают на каждого»

(это опять-таки нелепость, если речь идет о потребительной стоимости, потому что продукты всех представляют собой исключительно только особые продукты и каждому нужны лишь определенные особые продукты; стало быть, смысл этого опять-таки лишь тот, что каждый особый продукт принимает такую форму, в которой он *существует для каждого,* а в этой форме он существует не поскольку он как особый продукт отличается от продукта «каждого», а лишь поскольку он

тождествен с ним; здесь перед нами опять та форма общественного труда, которая выступает на основе товарного производства) (пит. соч., стр. 108).

[361] От этого определения: меновая стоимость есть выражение труда изолированного индивидуума как всеобщего общественного труда, — Ганиль опять скатывается к самому грубому представлению: меновая стоимость есть то отношение, в котором товар *А* обменивается на товары *В, С, D* и т. д. Меновая стоимость товара *А* велика, если за него дают много *В, С, D;* но в таком случае дают мало *А* за *В, С, D.* Богатство состоит из меновой стоимости. Меновая стоимость есть то отношение, в котором продукты обмениваются друг на друга. Общая сумма всех продуктов не имеет, стало быть, никакой меновой стоимости, потому что она ни на что не обменивается. Выходит, что общество, богатство которого состоит из меновых стоимостей, не имеет никакого богатства. А отсюда получается не только тот вывод, что, — как заключает сам Ганиль, — «национальное богатство, состоящее из меновых стоимостей труда» (стр. 108), никогда не может ни увеличиваться, ни уменьшаться по своей меновой стоимости (стало быть, *нет никакой прибавочной стоимости},* но также и тот вывод, что это богатство вообще не имеет меновой стоимости, а следовательно, и не является богатством, ибо богатство состоит лишь из меновых стоимостей.

«Если вследствие обилия хлеба *понизится его стоимость,* то уменьшится богатство земледельцев, так как у них будет теперь меньше меновых стоимостей для приобретения таких вещей, которые необходимы, полезны или приятны для жизни; но потребители хлеба ровно столько же выиграют, сколько земледельцы потеряют; потеря одних будет компенсирована выигрышем других, и общее богатство не подвергнется никакому изменению» (стр. 108—109).

Извините, пожалуйста! Потребители хлеба потребляют хлеб, а не меновую стоимость хлеба. Они стали богаче предметами питания, но не меновой стоимостью. Они обменяли на хлеб небольшое количество своих продуктов, имеющих высокую меновую стоимость вследствие того, что их относительно мало по сравнению с той массой хлеба, на которую они обмениваются. Земледельцы получили теперь *высокую меновую стоимость,* а потребители — много хлеба меньшей меновой стоимости, так что теперь они бедняки, а земледельцы богачи.

Далее, выходит, что сумма (общественная сумма меновых стоимостей) теряет свое свойство быть меновой стоимостью в той же степени, в какой она становится суммой меновых стоимостей. *А, В, С, D, Е, F* имеют меновую стоимость, поскольку они обмениваются друг на друга. Раз они уже обменены,

все они являются продуктами для своих потребителей, покупателей. В результате перехода из одних рук в другие они перестали быть меновыми стоимостями. Тем самым богатство общества, «состоящее из меновых стоимостей», исчезло. Стоимость товара *A* относительна; она есть его меновое отношение к *B, C* и т. д. *A* + *B* имеют меньше меновой стоимости, так как их меновая стоимость состоит уже только в их отношении к *C, D, E, F.* А сумма *A, B, C, D, E, F* не имеет вовсе никакой меновой стоимости, так как она не выражает никакого отношения. Сумма товаров не обменивается на другой товар. Следовательно, богатство общества, состоящее из меновых стоимостей, не имеет никакой меновой стоимости и потому не есть богатство.

«Отсюда происходит, что трудно и, быть может, даже невозможно для страны обогащаться посредством внутренней торговли. В несколько ином положении находятся народы, ведущие торговлю с заграницей» (цит. соч., стр. 109).

Это — старый меркантилизм. Стоимость состоит, дескать, в том, что я получаю не просто эквивалент, а больше чем эквивалент. Но в то же время для Ганиля не существует никакого эквивалента, — ведь эквивалент предполагает, что стоимость товара *A* и стоимость товара *B* определяются не отношением *A* к *B* или *B* к *A,* а чем-то таким третьим, в чем *A* и *B* тождественны. Если же нет эквивалента, то нет и избытка над эквивалентом. Я получаю меньше золота за железо, чем железа за золото. Теперь у меня больше железа, за которое я получаю меньше золота. Следовательно, если я первоначально выигрывал вследствие того, что меньшее количество золота приравнивается к большему количеству железа, то теперь я столько же теряю, так как большее количество железа приравнивается к меньшему количеству золота.

* * *

«Всякий труд, какова бы ни была его природа, является производительным трудом, трудом, производящим богатство, если только он обладает меновой стоимостью» (цит. соч., стр. 119). «Обмен не считается ни с количеством продуктов, ни с их материальностью, ни с их долговечностью» (цит. соч., стр. 121). «Все» (виды труда) *«одинаково производительны* в том смысле, что они производят ту *сумму,* на которую они были обменены» (стр. 121—122).

Сперва они объявляются одинаково производительными в смысле возмещения упомянутой *суммы,* т. е. той *цены,* которую за них заплатили (*стоимости* их заработной платы). Но Ганиль сейчас же делает еще один шаг дальше. Нематериальный труд, заявляет он, производит тот материальный продукт,

на который он обменивается, так что кажется, что материальный труд произвел продукт нематериального труда.

[362] «Нет никакой разницы между трудом рабочего, изготовляющего шкаф и получающего в обмен на него четверик хлеба, и трудом странствующего музыканта, который получает четверик хлеба за свой труд. В одном случае имеется четверик хлеба, произведенный для оплаты шкафа, а в другом — четверик хлеба, произведенный для оплаты удовольствия, доставленного странствующим музыкантом. Правда, после потребления четверика хлеба столяром остается шкаф, а после того как музыкант потребил свой четверик хлеба, не остается ничего. Но сколько видов труда, считающихся производительными, находится в таком же положении!.. О производительности или бесплодности того или иного труда можно судить не по тому, что остается после потребления, а *по обмену или по тому производству, которое вызывается к жизни этим трудом. А* так как труд музыканта в такой же степени, как и труд столяра, является *причиной производства четверика хлеба, то производительность труда их обоих одинаково измеряется одним четвериком хлеба,* хотя труд одного из них, после того как он окончен, не фиксируется и не овеществляется в каком-либо долговечном предмете, а труд другого фиксируется и овеществляется в таковом» (цит. соч., стр. 122—123).

«А. Смит хотел бы уменьшить число работников, труд которых не приносит пользы, для того чтобы увеличить число работников, занятых полезным трудом; но сторонники такого рода воззрений упустили из виду, что если бы это желание могло осуществиться, то стало бы невозможно какое бы то ни было богатство, так как производителям не хватило бы потребителей и непотребленные излишки не могли бы быть воспроизведены вновь. Производительные классы не безвозмездно отдают продукты своего труда *тем классам, труд которых не создает материальных продуктов».*

(Таким образом, здесь он все-таки сам различает виды труда, производящие материальные продукты, и виды труда, не производящие их.)

«Они отдают им свои продукты в обмен на получаемые от них удобства, удовольствия, наслаждения, *а для того чтобы иметь возможность отдавать им свои продукты, они вынуждены производить их.* Если бы материальные продукты труда не шли на оплату тех видов труда, которые не создают материальных продуктов, то они не находили бы себе потребителей, и *их воспроизводство* прекратилось бы. Поэтому те виды труда, которые производят удовольствия, *так же деятельно участвуют в производстве,* как и труд, считающийся наиболее производительным» (цит. соч., стр. 123—124).

«Удобства, удовольствия или наслаждения, к которым они» (народы) «стремятся, почти всегда *следуют за продуктами, необходимыми для их оплаты, а не предшествуют им»* (цит. соч., стр. 125).

(Стало быть, они, по-видимому, являются скорее следствием, чем причиной продуктов, «необходимых для их оплаты».)

«Иначе обстоит дело, когда те виды труда, которые служат удовольствию, роскоши или пышности, *не вызываются спросом со стороны производительных классов»* (здесь, следовательно, Ганиль сам делает это различение), «но эти классы том не менее *принуждены* оплачивать эти виды труда

и на соответствующую сумму урезывать свои потребности. В этом случае может получиться, что подобный вынужденный платеж не вызывает никакого увеличения количества продуктов» (стр. 125). «За исключением этого случая... всякий труд по необходимости производителен и способствует в большей или меньшей степени образованию и росту общего богатства, так как *он с необходимостью вызывает производство продуктов, которыми он оплачивается»* (цит. соч., стр. 126).

{Таким образом, «непроизводительные виды труда», согласно этому, производительны не потому, что они чего-нибудь стоят, т. е. не вследствие их меновой стоимости, и не потому, что они производят определенное удовольствие, т. е. не вследствие их потребительной стоимости, а потому, что они производят производительный труд.}

{Если, по А. Смиту, производителен тот труд, который обменивается непосредственно на капитал, то при этом, кроме формы, имеют значение также и вещественные составные части капитала, обмениваемого на труд. Этот капитал сводится к необходимым средствам существования — следовательно, по большей части к товарам, к материальным вещам. То, что рабочему приходится из этой заработной платы выплачивать государству и церкви, составляет вычет за навязанные ему услуги; то, что он затрачивает на воспитание, совершенно ничтожно; в тех случаях, когда он делает эти затраты, они производительны, так как воспитание производит рабочую силу; то, что он расходует на услуги врачей, адвокатов, попов, — это его беда; остаются еще кое-какие другие виды непроизводительного труда или услуг, на которые расходуется заработная плата рабочего, но их очень мало, в особенности потому, что работы, связанные с потреблением (приготовление пищи, содержание в чистоте жилища, в большинстве случаев даже всякого рода ремонт), рабочий выполняет сам.}

В высшей степени характерно следующее место у Ганиля:

«Если обмен придает труду слуги стоимость в 1000 франков, между тем как труду земледельца или промышленного рабочего он придает стоимость лишь в 500 франков, то отсюда следует заключить, что труд слуги способствует *производству богатства* вдвое больше, чем труд земледельца или промышленного рабочего; иначе и быть не может, пока труд слуги получает в оплату вдвое больше материальных продуктов, чем труд земледельца или промышленного рабочего. Как же можно говорить, что богатство происходит от труда, имеющего наименьшую меновую стоимость и потому наиболее низко оплачиваемого!» (цит. соч., стр. 293—294).

[363] Если заработная плата промышленного или земледельческого рабочего равна 500 франкам, а создаваемая им прибавочная стоимость (прибыль и рента) составляет 40%, то «чистый продукт» такого рабочего будет равняться 200 франкам,

и нужен труд 5 таких рабочих, чтобы произвести заработную плату слуги в 1000 франков. Если бы господину обмену заблагорассудилось вместо слуги купить себе содержанку за 10000 франков в год, то для этого потребовался бы «чистый продукт» 50 такого рода производительных рабочих. Но так как содержанке ее непроизводительный труд приносит меновую стоимость, плату, в двадцать раз большую, чем заработная плата производительных рабочих, то, по мнению Ганиля, эта особа в двадцать раз больше способствует «производству богатства», и страна производит тем больше богатства, чем выше она оплачивает своих слуг и содержанок. Господин Ганиль забывает, что только производительность промышленного и земледельческого труда, что вообще только тот избыток, который создают производительные рабочие, но за который им не платят, доставляет фонд для оплаты непроизводительных работников. Но расчет Ганиля таков: 1000 франков заработной платы и ее эквивалент в форме труда слуги или содержанки составляют вместе 2000 франков. В действительности же стоимость слуг и содержанок, т. е. издержки их производства, всецело зависят от *«чистого продукта»* производительных рабочих. От него зависит самое существование слуг и содержанок как особой категории людей. Между их ценой и их ценностью весьма мало общего.

Но допустим даже, что стоимость (издержки производства) слуги вдвое больше, чем стоимость, или издержки производства, производительного рабочего. Тогда следует заметить, что производительность рабочего (как и производительность машины) и его стоимость — совершенно различные вещи, находящиеся даже в обратном отношении друг к другу. Стоимость, в которую обходится та или иная машина, всегда является минусом по отношению к ее производительности.

«Напрасно тут выдвигают следующее возражение: если труд слуг столь же производителен, как и труд земледельцев и промышленных рабочих, то непонятно, почему нельзя было бы употребить общие сбережения страны на содержание слуг, не только не расточая эти сбережения, но и постоянно увеличивая их стоимость. Это возражение только потому кажется правильным, что оно основывается на предположении, будто плодотворность всякого труда является результатом его *соучастия в производстве материальных предметов, будто материальное производство создает богатство* и *будто производство и богатство совершенно тождественны.* Забывают, что *всякое производство каких бы то ни было продуктов является богатством только в той мере, в какой эти продукты потребляются»*[*], «и что обмен определяет, в какой мере производство *способст-*

[*] {Поэтому тот же самый молодчик страницей ниже говорит: «Всякий труд *производит* богатство пропорционально своей меновой стоимости, определяемой предложением и спросом» (выходит, что труд *производит* богатство пропорционально не тому, сколько меновой стоимости он производит, а тому, сколько составляет его собственная меновая стоимость, т. е. пропорционально не тому, сколько он производит, а тому, сколько он стоит), «и его стоимость может способствовать накоплению капиталов только путем *сбережения и воздержания от потребления* тех продуктов, которые эта его стоимость дает право взять из общей суммы продукта».}

вует образованию богатства. Если вспомнить, что во всякой стране все виды труда прямо или косвенно содействуют всему производству в целом, что обмен, устанавливая стоимость каждого вида труда, определяет долю его участия в производстве, что *потребление продукта* реализует стоимость, данную ему обменом, и что избыток или недостаток производства по сравнению с потреблением определяет степень богатства или бедности народов, — то тогда станет ясно, как непоследовательно *брать в отдельности* каждый вид труда и измерять его продуктивность и плодотворность степенью его *участия в материальном производстве, не обращая внимания на* [364] *потребление этого труда, которое одно только и придает ему стоимость,* ту стоимость, без которой не может существовать богатство» (цит. соч., стр. 294—295).

С одной стороны, у нашего молодчика богатство зависит от избытка производства над потреблением, а с другой — одно только потребление придает стоимость. И слуга, потребляющий 1000 франков, согласно этому взгляду, вдвое больше содействует созданию стоимости, чем крестьянин, потребляющий 500 франков.

Ганиль, с одной стороны, признаёт, что эти непроизводительные виды труда непосредственно не участвуют в образовании материального богатства. Большего не утверждает и Смит. С другой стороны, он пытается доказать, что они, наоборот, создают материальное богатство, — в такой же мере, в какой они, по его собственному признанию, не делают этого.

У всех этих полемистов, выступавших против А. Смита, мы видим, с одной стороны, высокомерное отношение к материальному производству, а с другой, попытку оправдать нематериальное производство — или даже вовсе не производство, как, например, труд лакея, — под видом материального производства. Тратит ли владелец «чистого дохода» этот доход на лакеев, содержанок или на паштеты, — это совершенно безразлично. Но смешно воображать, будто избыток обязательно должен потребляться слугами и не может быть потреблен самим производительным рабочим без того, чтобы стоимость продукта не пошла к черту. Мальтус точно так же провозглашает необходимость существования непроизводительных потребителей, которая действительно имеет место, раз избыток находится в руках «праздных людей». [364]

[9) ГАНИЛЬ И РИКАРДО О «ЧИСТОМ ДОХОДЕ». ГАНИЛЬ КАК СТОРОННИК УМЕНЬШЕНИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОГО НАСЕЛЕНИЯ; РИКАРДО КАК СТОРОННИК НАКОПЛЕНИЯ КАПИТАЛА II РОСТА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ]

[364] *Ганиль* утверждает, что в своей «Theorie de l'economie politique» (книге, мне неизвестной) он выдвинул теорию, которую вслед за ним воспроизвел Рикардо[72]. Эта теория состоит в том, что богатство зависит не от валового, а от чистого продукта, т. е. от высоты прибыли и ренты. (Это безусловно не открытие Ганиля; однако та манера, как он высказывает это, в самом деле выделяет его среди других экономистов.)

Прибавочная стоимость представлена (имеет свое реальное существование) в прибавочном продукте, в избытке продукта над той массой его, которая возмещает лишь его первоначальные элементы и, следовательно, входит в издержки его производства; если сложить постоянный и переменный капитал, то эта часть продукта равна вообще тому капиталу, который был авансирован производству. Цель капиталистического производства — прибавочная стоимость, а не продукт. Необходимое рабочее время рабочего — и вместе с тем тот эквивалент в продукте, которым оно оплачивается, — необходимо лишь постольку, поскольку оно доставляет прибавочный труд. В противном случае оно *непроизводительно* для капиталиста.

Прибавочная стоимость равна норме прибавочной стоимости $^m/_v$, помноженной на число одновременных рабочих дней или на число занятых рабочих, *n*. Следовательно, $M = {}^m/_v \times n$. Эта прибавочная стоимость может, стало быть, увеличиваться или уменьшаться двояким образом. Например: $^m/_v \times n$ равно $^{2m}/_v \times n$, т. е. $2M$. Здесь *M* увеличилось [365] вдвое потому, что вдвое увеличилась норма прибавочной стоимости, ибо $^m/_v$ составляет $^{2m}/_v$, а это в два раза больше, чем $^m/_v$. С другой стороны, $^m/_v \times 2n$ точно так же равнялось бы $^{2mn}/_v$, следовательно тоже $2M$. Переменный капитал, *V*, равен цене отдельного рабочего дня, помноженной на число занятых рабочих. Если занято 800 рабочих, из которых каждый обходится в 1 ф. ст., то $V = 800$ ф. ст., т. е. 1 ф. ст. × 800, где $n = 800$. Если прибавочная

стоимость составляет 160, то ее норма = $^{160}/_{1 \text{ ф. ст.} \times 800}$ = $^{160}/_{800}$ = $^{16}/_{80}$=$^{1}/_{5}$ = 20%. Но сама прибавочная стоимость составляет $^{160}/_{1 \text{ ф. ст.} \times 800} \times 800$, т. е. $^{M \text{ ф. ст.}}/_{1 \text{ ф. ст.} \times n} \times n$.

Эта прибавочная стоимость может увеличиться, при данной длине рабочего дня, лишь путем увеличения производительности или же, при данной производительности, лишь путем удлинения рабочего времени.

Но здесь важно следующее: $2M = {}^{m}/_{v/2} \times n$, и $2M = {}^{m}/_{v} \times 2n$. Прибавочная стоимость (валовая ее сумма) остается той же, когда число рабочих уменьшается вдвое, — вместо $2n$ составляет n, — но их ежедневный прибавочный труд вдвое больше, чем прежде. При этом предположении остались бы без изменения две вещи: во-первых, вся масса произведенных продуктов; во-вторых, вся масса прибавочного продукта, или «чистого продукта». Но изменилось бы следующее: во-первых, сумма переменного капитала, или расходуемая на заработную плату часть оборотного капитала, уменьшилась бы наполовину. Та часть постоянного капитала, которая состоит из сырья, осталась бы тоже неизменной, так как по-прежнему перерабатывается та же самая масса сырья, хотя и вдвое меньшим числом рабочих. Напротив, часть, состоящая из основного капитала, увеличилась бы.

Если капитал, израсходованный на заработную плату, составлял 300 ф. ст. (1 ф. ст. на 1 рабочего), то теперь он будет составлять 150 ф. ст. Если капитал, израсходованный на сырье, составлял 310 ф. ст., то и теперь он будет составлять 310 ф. ст. Если предположить, что стоимость машин в четыре раза больше остальной части капитала, то она составляет теперь 1600 ф. ст.[73] Следовательно, если машины изнашиваются в 10 лет, то входящая ежегодно в продукт стоимость машин составляет 160 ф. ст. Допустим, что раньше на орудия производства ежегодно затрачивался капитал в 40 ф. ст., т. е. только $^{1}/_{4}$ теперешнего.

При этих условиях расчет получится следующий:

	Прежний капитал	*Новый капитал*
Машины	40	160
Сырье	310	310
Заработная плата	300	150
Сумма	650	620
Прибавочная стоимость	150, или 50%	150, или 100%
Норма прибыли	$23^{1}/_{13}$%	$24^{6}/_{13}$%
Весь продукт	800	770

В этом случае норма прибыли увеличилась потому, что весь капитал в целом уменьшился: в то время как капитал, израсходованный на заработную плату, уменьшился на 150, сумма стоимости основного капитала увеличилась лишь на 120, т. е. всего было израсходовано на 30 ф. ст. меньше прежнего.

Если оставшиеся 30 ф. ст. будут израсходованы таким же образом, а именно $^{31}/_{62}$ этой суммы (или $^{1}/_{2}$) на сырье, $^{16}/_{62}$ на машины и $^{15}/_{62}$ на заработную плату, то получится:

Машины	7	ф. ст.	14	шилл.	6	пенсов
Сырье	15	» »				
Заработная плата	7	» »	5	шилл.	6	пенсов
Прибавочная стоимость	7	» »	5	»	6	»

Итого, следовательно:

Новый капитал:

Машины	167	ф. ст.	14	шилл.	6	пенсов
Сырье	325	» »				
Заработная плата	157	» »	5	шилл.	6	пенсов
Прибавочная стоимость	157	» »	5	»	6	»
Норма прибыли	$24^{6}/_{31}$%					

Вся сумма затраченного капитала: 650 ф. ст., как и раньше. Весь продукт — 807 ф. ст. 5 шилл. 6 пенсов.

Совокупная стоимость продукта увеличилась, совокупная стоимость израсходованного капитала осталась той же; при этом увеличилась не только стоимость, но и масса всего продукта, ибо сырья превращено в продукт на 15 ф. ст. больше прежнего.

[366] У Ганиля мы читаем:

«Когда страна лишена помощи машин и труд ее совершается только силой рук, то трудящиеся классы потребляют почти всю массу своих продуктов. По мере того как промышленность делает успехи, совершенствуясь благодаря разделению труда, повышению квалификации рабочих и изобретению машин, издержки производства уменьшаются, или, Другими словами, требуется меньшее число рабочих для получения большего количества продукции» (цит. соч. [«Des systemes d'econortue politique», 2-е изд., 1821], том I, стр. 211—212).

Это, стало быть, означает, что по мере того как труд становится производительнее, издержки производства, приходящиеся на заработную плату, уменьшаются. Количество рабочих по отношению к продукту уменьшается; следовательно, они и съедают меньшую часть этого продукта.

Если одному рабочему для производства своих собственных жизненных средств требуется 10 часов при работе без машины

и лишь 6 часов — при работе с помощью машины, то в первом случае он (при двенадцатичасовом рабочем дне) работает 10 часов на себя и 2 часа на капиталиста, и этот последний из всего продукта двенадцатичасового труда получает $^1/_6$. В первом случае 10 рабочих будут работать 100 часов на себя (производя продукт для 10 рабочих) и 20 часов на капиталиста. Из стоимости в 120 единиц капиталист получает шестую часть, т. е. 20. Во втором случае 5 рабочих будут работать 30 часов на себя (производя продукт для 5 рабочих) и 30 часов на капиталиста. Теперь из 60 часов капиталист получит 30, т. е. $^1/_2$, втрое больше прежнего. Увеличится также и масса прибавочной стоимости, а именно с 20 до 30, на $^1/_3$. 60 дней, из которых я присваиваю $^1/_2$, дают прибавочной стоимости на одну треть больше, чем 120 дней, из которых я присваиваю $^1/_6$.

Далее, получаемая капиталистом половина совокупного продукта также и количественно возрастет сравнительно с тем, что он получал раньше. Ибо 6 часов дают теперь столько же продукта, сколько прежде давали 10 часов; следовательно, один час дает $^{10}/_6$ прежнего, или $1^4/_6 = 1^2/_3$. Таким образом, 30 прибавочных часов выражаются теперь в таком же количестве продукта, в каком раньше выражались $30\ (1 + {}^2/_3) = 30 + {}^{60}/_3 = 50$ часов. 6 часов доставляют столько же продукта, сколько прежде 10 часов; следовательно, 30 (или 5 × 6) — столько, сколько прежде 5 × 10.

Итак, возрастет прибавочная стоимость капиталиста и его прибавочный продукт (если он сам потребляет этот продукт in natura, или в той мере, в какой он его потребляет in natura). Прибавочная стоимость может возрасти даже и без увеличения количества совокупного продукта. В самом деле, возрастание прибавочной стоимости означает, что рабочий способен производить свои жизненные средства в меньшее время, чем прежде; что, стало быть, стоимость потребляемых им товаров уменьшается, представляет меньше рабочего времени и что, следовательно, определенная стоимость, равная, например, 6 часам, представляет большее количество потребительных стоимостей, чем прежде. Рабочий получает то же количество продукта, что и прежде, но это количество составляет меньшую часть совокупного продукта, а стоимость этого количества выражает меньшую часть продукта рабочего дня. Несмотря на то, что никакое увеличение производительных сил в тех отраслях производства, продукты которых ни прямо, ни косвенно не входят в производство предметов потребления рабочего, не могло бы иметь такого результата, так как увеличение или уменьшение производительности в этих отраслях не изменяет соотношения

между необходимым и прибавочным трудом, — тем не менее для этих отраслей производства результат получился бы тот же самый, хотя он и проистекал бы не из изменения их собственной производительности. Относительная стоимость их продуктов (если их собственная производительность осталась неизменной) возросла бы в точно такой же мере, в какой понизилась бы относительная стоимость других товаров; следовательно, пропорционально меньшая часть этих продуктов, или материализованная в них меньшая часть рабочего времени, затраченного рабочим, давала бы ему прежнее количество жизненных средств. Значит, прибавочная стоимость повысилась бы в этих отраслях совершенно так же, как и в других.

Но что станет теперь с пятью уволенными рабочими? Скажут, что высвободился также и капитал, а именно тот, которым оплачивались 5 уволенных рабочих, получавших плату каждый в размере 10 часов, за которую они работали по 12 часов в день, т. е. высвободился капитал в размере 50 часов; это прежде давало возможность оплачивать 5 рабочих, а теперь, когда заработная плата понизилась до 6 часов, это позволяет оплатить $^{50}/_{6}$, т. е. $8^{1}/_{3}$ рабочих дней. Таким образом, на высвободившийся капитал в 50 рабочих часов теперь можно дать работу большему числу рабочих, чем их уволено.

Однако высвободился капитал не всех 50 рабочих часов. Ибо, даже если предположить, что материал подешевел во столько же раз, во сколько раз больше перерабатывается его теперь в течение того же самого рабочего времени, т. е. что и в этой отрасли производства произошло такое же увеличение производительной силы, то все же остается затрата на новые машины. Допустим, что они стоят ровно 50 рабочих часов; тогда их производство никак не могло дать работу такому же числу рабочих, какое было уволено. Ведь эти 50 рабочих часов целиком расходовались на заработную плату, на наем 5 рабочих. А в стоимости машины, равной 50 рабочим часам, содержатся прибыль и заработная плата, оплаченное и неоплаченное рабочее время. Кроме того, в стоимость машины входит постоянный капитал. К тому же те из машиностроительных рабочих, которые заняты изготовлением новой машины и число которых меньше числа уволенных, — это не те же самые рабочие, [367] которые были уволены. Увеличение спроса на рабочих в машиностроении может в лучшем случае повлиять на последующее распределение рабочей массы в том направлении, что к этой отрасли обратится более значительная часть поколения, начинающего работать, — более значительная, чем прежде. Это не отразится на уволенных рабочих. Да и помимо этого увели-

чение годового спроса на машиностроительных рабочих отнюдь не равно новому капиталу, затрачиваемому на машины. Машина служит, например, 10 лет. Значит, созданный ею постоянный спрос равен ежегодно $^1/_{10}$ содержащейся в ней заработной платы. К этой $^1/_{10}$ надо еще прибавить труд по ремонту в течение всех этих 10 лет и повседневное потребление угля, смазочного масла, вообще вспомогательных материалов; все это, вместе взятое, составит, быть может, еще $^2/_{10}$.

{Если бы высвободившийся капитал равнялся 60 часам, то эти последние представляли бы теперь 10 часов прибавочного труда и только 50 часов необходимого. Следовательно, если раньше эти 60 часов расходовались на заработную плату и на них были наняты 6 рабочих, то теперь — только 5.}

{Перемещение труда и капитала, вызываемое увеличением производительности в какой-нибудь отдельной отрасли производства благодаря введению машин и т. д., возможно всегда лишь впоследствии. Это значит, что по-иному будет распределяться *прирост, вновь притекающая рабочая масса,* состоящая, быть может, из детей тех, которые выброшены на улицу, но не из них самих. Сами же они долгое время прозябают в своей старой профессии, которою продолжают заниматься в самых неблагоприятных условиях, так как их необходимое рабочее время больше общественно-необходимого; они становятся пауперами или находят себе работу в таких отраслях, где применяется труд более низкого качества.}

{Паупер, совершенно так же как и капиталист (рантье), живет на доход страны и не входит в издержки производства продукта. Поэтому господин Ганиль должен был бы объявить его представителем меновой стоимости, точно так же как и преступника, которого кормят в тюрьме. Значительная часть «непроизводительных работников» — обладатели государственных синекур и т. д. — является не более чем исполненными важности пауперами.}

{Предположим, что производительность труда повысилась настолько, что если прежде в материальном производстве непосредственно участвовало $^2/_3$ населения, то теперь участвует лишь $^1/_3$. Прежде $^2/_3$ населения доставляли жизненные средства для $^3/_3$ населения; теперь $^1/_3$ — для $^3/_3$. Прежде «чистый доход» (в отличие от дохода работника) составлял $^1/_3$; теперь — $^2/_3$. Теперь нация — если отвлечься от [классовой] противоположности — должна была бы употреблять на непосредственное производство $^1/_3$ своего времени вместо прежних $^2/_3$. При равномерном распределении все имели бы больше времени — $^2/_3$ — для непроизводительного труда и досуга. Но при

капиталистическом производстве все представляется антагонистическим и на самом деле является таковым. Наше предположение не означает, что население остается застойным. Ибо если возрастают $^{3}/_{3}$, то возрастает и $^{1}/_{3}$, и таким образом по своей *массе* число людей, занятых производительным трудом, могло бы непрерывно увеличиваться. Но относительно, в пропорции ко всему населению, оно все же было бы на 50% меньше, чем прежде. Теперь $^{2}/_{3}$ населения состоят частью из владельцев прибыли и ренты, частью из непроизводительных работников (которые вследствие конкуренции тоже плохо оплачиваются), помогающих им проедать доход и дающих или, — если речь идет, например, о политических непроизводительных работниках, — навязывающих им взамен этого эквивалент в виде услуг. Можно предположить, что, за исключением домашней прислуги, солдат, матросов, полицейских, низших чиновников и т. п., содержанок, конюхов, клоунов и скоморохов, эти непроизводительные работники будут в общем стоять на более высокой ступени образования, чем прежде, и что увеличится в особенности число плохо оплачиваемых художников, музыкантов, адвокатов, врачей, ученых, учителей, изобретателей и т. д.

Внутри самого производительного класса возрастет число торговых посредников, в особенности же число лиц, занятых в машиностроении, на постройке железных дорог, в горной промышленности; затем — число рабочих, занятых в сельском хозяйстве скотоводством, занятых добыванием химических, минеральных удобрений и т. д. Далее, число земледельцев, производящих сырье для промышленности, возрастет сравнительно с числом тех земледельцев, которые производят предметы питания; а число тех, кто производит корм для скота, увеличится сравнительно с теми, кто производит продовольствие для людей. *При возрастании постоянного капитала увеличивается и относительная масса совокупного труда, занятого его воспроизводством.* Тем не менее та часть рабочих, которая непосредственно производит жизненные средства, производит теперь [368] больше продуктов, чем прежде, хотя число этих рабочих уменьшилось. Их труд стал производительнее. *Подобно тому как в отдельном капитале уменьшение его переменной части по отношению к постоянной* выступает непосредственно как уменьшение той части капитала, которая затрачивается на заработную плату, так и для совокупной массы капитала — при его *воспроизводстве* — уменьшение доли переменного капитала должно выражаться в том, что относительно большая часть применяемой массы рабочих занята воспроизводством

средств производства, а не воспроизводством самих продуктов, т. е. занята воспроизводством машинного оборудования (включая сюда средства сообщения и транспорта, а также и строения), вспомогательных материалов (угля, газа, смазочных масел, приводных ремней и т. д.) и растений, образующих сырье для промышленных продуктов. Количество сельскохозяйственных рабочих уменьшится по сравнению с количеством промышленных рабочих. Наконец, возрастет количество рабочих, занятых производством предметов роскоши, так как повысившийся доход потребляет теперь большее количество предметов роскоши.}

* * *

{Переменный капитал превращается в доход: во-первых — в заработную плату, во-вторых — в прибыль. Поэтому если брать капитал в его противоположности к доходу, то постоянный капитал выступает как капитал *в собственном смысле слова,* как та часть совокупного продукта, которая принадлежит производству и входит в издержки производства, не будучи никем индивидуально потребляема (исключение составляет рабочий скот). Пусть в отдельных случаях эта часть и возникает целиком из прибыли и заработной платы. В последнем счете она никогда не может проистекать из одного этого источника; она представляет собой продукт труда, но такого труда, который своим доходом считает, как дикарь свой лук, самые орудия производства. Однако раз превратившись в постоянный капитал, эта часть продукта уже не сводится к заработной плате и прибыли, хотя ее воспроизводство и доставляет заработную плату и прибыль. Этой части принадлежит известная доля продукта. Всякий последующий продукт является продуктом этого прошлого труда и труда настоящего. Последний может продолжаться лишь постольку, поскольку он возвращает производству некоторую часть совокупного продукта. Он должен возместить постоянный капитал *in natura.* Если труд становится более производительным, то он возмещает соответствующий продукт, но не его стоимость, которая в результате этого уменьшается. Если он становится менее производительным, то стоимость продукта повышается. В первом случае уменьшается та процентная доля совокупного продукта, которую прошлый труд требует для своего возмещения; во втором случае эта доля увеличивается. В первом случае живой труд становится более производительным, во втором — менее производительным.}

{К числу обстоятельств, понижающих издержки на *постоянный капитал,* относится также и улучшение сырья. Так,

например, в течение данного времени невозможно выработать одно и то же количество пряжи как из хорошего, так и из плохого хлопка, не говоря уже об относительной массе отбросов и т. д. Такое же значение имеет и качество семян и т. д.}

{Примеры *комбинации,* где фабрикант сам производит часть своего прежнего постоянного капитала или сам придает дальнейшую форму тому сырому продукту, который прежде переходил в качестве постоянного капитала из его сферы производства в другую (все это всегда сводится лишь к концентрации прибылей, как уже было показано выше*). *Пример первого:* объединение прядения и ткачества. *Пример второго:* владельцы рудников в окрестностях Бирмингема, взявшие на себя *весь* процесс производства железа, который прежде был разделен между различными предпринимателями и владельцами.}

* * *

Ганиль продолжает:

«Пока разделение труда введено не во всех отраслях, пока все классы трудящегося, искусного в ремеслах населения не достигли полного развития, до тех пор изобретение и применение машин в некоторых отраслях промышленности вызывает только отлив высвобожденных машиной капиталов и рабочих в другие отрасли труда, где они могут найти полезное применение. Но совершенно очевидно, что когда все отрасли труда располагают нужным для них капиталом и необходимыми рабочими, всякое дальнейшее усовершенствование, всякие новые машины, сокращающие труд, неизбежно уменьшают трудящееся население; а так как его уменьшение отнюдь не сокращает производства, то та часть продукта, которая в результате этого остается в распоряжении общества, увеличивает собой либо прибыли с капиталов, либо ренту с земли; поэтому введение машин имеет своим естественным и необходимым последствием уменьшение численности тех классов наемных людей, которые живут за счет валового продукта, и увеличение численности тех классов, которые живут за счет чистого продукта» (пит. соч., стр. 212).

[369] *«Изменение состава населения* страны, *неизбежно* вызываемое *прогрессом промышленности,* является истинной причиной процветания, силы и цивилизации современных народов. Чем больше уменьшаются в числе низшие классы общества, тем меньше приходится обществу тревожиться из-за опасностей, которым его постоянно подвергают нужда, невежество, легковерие и суеверие этих злополучных классов; чем многочисленнее становятся высшие классы, тем значительнее число тех подданных, которыми может располагать государство, тем сильнее и могущественнее государство, тем больше просвещения, разума и цивилизации распространено во всем населении» (цит. соч., стр. 213).

{Сэй следующим образом сводит к доходу совокупную стоимость продукта. В своем примечании к 26-й главе «Начал» Рикардо (французский перевод Констансио) Сэй говорит:

* См. настоящий том, часть I, стр. 120—121, а также часть III, гл. XX, § 7 (стр. 332—334 рукописи Маркса). *Ред.*

«Чистый доход частного лица состоит из *стоимости продукта,* в производстве которого оно участвовало,.. минус его издержки. Но так как все его издержки представляют собой *части дохода,* которые оно уплатило другим лицам, то *вся сумма стоимости продукта идет на уплату доходов.* Совокупный доход нации состоит из ее валового продукта, т. е. из валовой стоимости всех ее продуктов, распределяющихся между производителями»[74].

Последнее положение было бы правильно, если бы оно было выражено так: совокупный доход нации состоит из той части ее валового продукта, — т. е. из валовой стоимости той части всех продуктов, — которая распределяется между производителями в качестве дохода, иными словами, он равен валовому продукту за вычетом той части всех продуктов, которая в каждой отрасли производства возместила собой средства производства. Но формулированное таким образом, сэевское положение уничтожает само себя.

Сэй продолжает:

«Стоимость эта, после ряда актов обмена, может быть целиком потреблена в течение года своего возникновения, не переставая все же составлять доход нации, подобно тому как частное лицо, обладающее годовым доходом в 20000 франков, не перестает иметь 20000 франков годового дохода, даже если бы оно целиком съедало весь этот доход в течение года. Его доход не составляется из одних только его сбережений».

Его доход никогда не составляется из его сбережений, хотя эти сбережения всегда составляются из его доходов. Чтобы доказать, что нация может в течение года съедать как свой капитал, так и свой доход, Сэй сравнивает ее с частным лицом, которое оставляет нетронутым свой капитал и в течение года потребляет только свой доход. Если бы это частное лицо за один год съедало как свой капитал в 200000 франков, так и свой доход в 20000 франков, то в следующем году ему нечего было бы есть. Если бы весь капитал нации, а следовательно, и вся валовая стоимость ее продуктов распадались на доходы, то Сэй был бы прав. Частное лицо съедает свои 20000 франков дохода. Его капитал в 200000 франков, не съедаемый им, составлялся бы из доходов других частных лиц, из которых каждое съедает свою часть, так что к концу года весь этот капитал был бы съеден. Сэй мог бы возразить: а разве этот капитал не воспроизводился бы одновременно с тем, как его потребляют, и не был бы таким образом возмещен? Но ведь наше частное лицо потому воспроизводит ежегодно свой доход в 20000 франков, что не съедает своего капитала в 200000 франков. Если этот капитал потребили другие лица, то они уже не имеют капитала для воспроизводства дохода.}

«Только *чистый продукт», —* говорит Ганиль, — «и те, кто его потребляет, составляют его» (государства) «богатство и силу и содействуют его процветанию, его славе и его величию» (пит. соч., стр. 218).

Далее Ганиль цитирует примечания Сэя к 26-й главе «Начал» Рикардо в переводе Констансио, где Рикардо говорит, что если население страны насчитывает 12 миллионов, то для ее богатства выгоднее, когда на эти 12 миллионов работают 5 миллионов производительных рабочих, чем когда работают 7 миллионов. В первом случае «чистый продукт» состоит из прибавочного продукта, за счет которого живут 7 миллионов непроизводительного населения, а во втором случае — из прибавочного продукта для 5 миллионов. Сэй замечает по этому поводу:

«Это сильно напоминает учение экономистов XVIII века[75], утверждавших, что мануфактуры нисколько не содействуют богатству государства, так как *класс, состоящий на жалованье,* потребляющий [370] столько же стоимости, сколько он производит, ничего не прибавляет к их (экономистов) знаменитому *чистому продукту».*

Ганиль замечает по этому поводу (стр. 219—220):

«Нелегко обнаружить связь между утверждением экономистов, что промышленный класс потребляет столько же стоимости, сколько он производит, и теорией господина Рикардо, по которой заработная плата рабочих не может быть причислена к доходу государства».

Ганиль и здесь не попал в точку. Экономисты ошибаются в том, что работников промышленности они рассматривают только как *«класс, состоящий на жалованье».* Это отличает их от Рикардо. Далее, они ошибаются, когда полагают, будто *«состоящие на жалованье»* производят только то, что потребляют. В противоположность им Рикардо правильно указывает, что «чистый продукт» производят именно наемные рабочие, но производят его как раз потому, что их потребление (т. е. их заработная плата) равно не всему их рабочему времени, а только тому рабочему времени, которое они затратили для производства своей заработной платы; или, иными словами, потому, что из своего продукта они получают только часть, равную их необходимому потреблению, т. е. из своего собственного продукта получают лишь эквивалент своего собственного необходимого потребления. Экономисты полагали, что в указанном ими положении находится весь промышленный класс (хозяева и рабочие). Одна только земельная рента рассматривалась ими как избыток произведенного продукта над заработной платой. Поэтому она им представлялась как единственное богатство. И если Рикардо говорит, что прибыли и ренты образуют этот избыток, а потому и единственное богатство, то, несмотря на свое расхождение с физиократами, он разделяет с ними

тот взгляд, что только «чистый продукт», тот продукт, в котором воплощена прибавочная стоимость, образует национальное богатство (хотя Рикардо лучше физиократов понимает природу этой прибавочной стоимости). Также и у него богатством является только та часть дохода, которая представляет собой избыток над заработной платой. От экономистов его отличает не объяснение «чистого продукта», а объяснение заработной платы, той категории, под которую экономисты неправильно подводили также и прибыль. Сэй далее возражает Рикардо:

«У 7 миллионов полностью занятых рабочих получалось бы больше сбережений, чем у 5 миллионов».

Против этого Ганиль правильно замечает:

«Это значит предполагать, что *сбережения из заработной платы* предпочтительнее *сбережений, возникающих из прекращения выплаты заработной платы»...* «Было бы слишком нелепо выплачивать 400 миллионов франков заработной платы рабочим, которые не производят никакого чистого продукта, только ради того, чтобы дать им возможность и средства делать сбережения из своей заработной платы» (цит. соч., стр. 221).

«С каждым шагом цивилизации вперед труд становится менее тяжелым и более производительным; классы, обреченные на то, чтобы производить и потреблять, уменьшаются в своей численности, а те классы, которые управляют трудом, которые дают всему населению облегчение (!), утешение (!) и просвещение, увеличиваются, *становятся более многочисленными и присваивают себе все выгоды, получающиеся от уменьшения издержек труда,* от изобилия продуктов и дешевизны потребления. В этом направлении совершенствуется род человеческий. ... Благодаря этому *непрерывному уменьшению численности низших классов общества и росту высших...* гражданское общество становится счастливее, могущественнее» и т. д. (цит. соч., стр. 224). «Если... число занятых рабочих составляет 7 миллионов, то их заработная плата составит 1400 миллионов франков; но если эти 1400 миллионов франков... дают не больший чистый продукт, чем миллиард франков, получаемый 5 миллионами рабочих, то *действительное сбережение будет состоять в прекращении выплаты 400 миллионов франков заработной платы тем двум миллионам рабочих, которые не доставляют никакого чистого продукта,* а отнюдь не в тех сбережениях, которые эти два миллиона рабочих могут сделать из своей заработной платы, составляющей 400 миллионов франков» (стр. 221).

В главе 26-й Рикардо замечает:

«Адам Смит постоянно преувеличивает выгоды, которые страна извлекает из большого валового дохода, в сравнении с выгодами, доставляемыми большим чистым доходом... В чем же состоят выгоды, проистекающие для страны из применения большого количества производительного труда, если ее чистая рента и прибыль, вместе взятые, остаются теми же самыми независимо от того, применяет ли страна это количество труда или меньшее?.. Применяет ли нация 5 или 7 миллионов производительных рабочих [371] для производства чистого дохода, на который живут остальные 5 миллионов,.. пища и одежда для этих 5 миллионов человек

по-прежнему будут составлять чистый доход. Применение большего количества людей не доставило бы нам возможности ни увеличить хотя бы на одного человека нашу армию и наш флот, ни внести хотя бы одну добавочную гинею в виде налога» (пит. соч., стр. 215)[76].

Это напоминает древних германцев, у которых попеременно одна часть населения отправлялась на войну, а другая обрабатывала поля. Чем меньше была часть населения, которую необходимо было оставить для обработки земли, тем больше была та часть, которая могла идти воевать. Они ничего не выгадали бы от возрастания народонаселения на $^1/_3$» скажем с 1000 до 1500, если бы при этом для обработки земли потребовалось 1000 человек вместо прежних 500. Войско, которым они могли бы располагать, состояло бы по-прежнему только из 500 чело-иск. Напротив, если бы возросла производительная сила их труда, так что для хлебопашества было бы достаточно 250 человек, то на войну могли бы отправляться 750 человек из 1000, тогда как при уменьшении производительности труда из 1500 человек могли бы воевать только 500.

Здесь, во-первых, следует заметить, что под «чистым доходом», или «чистым продуктом», Рикардо понимает не избыток всего продукта над той его частью, которая должна быть возвращена производству в качестве средств производства — сырья или орудий. Он, наоборот, разделяет тот ошибочный взгляд, что валовой продукт сводится к валовому доходу. Под «чистым продуктом», или «чистым доходом», он понимает прибавочную стоимость, избыток совокупного дохода над той его частью, которая состоит из заработной платы, из дохода рабочего. А этот доход рабочего равен переменному капиталу, той части оборотного капитала, которую рабочий постоянно потребляет и постоянно воспроизводит как потребляемую им самим часть его продукции.

Если Рикардо не считает капиталистов совершенно бесполезными, т. е. если он относит и их самих к числу агентов производства и поэтому часть их прибыли сводит к заработной плате, то из «чистого дохода» он должен вычесть часть их дохода и объявить, что и все эти лица способствуют увеличению богатства лишь постольку, поскольку их заработная плата образует возможно меньшую часть их прибыли. Но как бы там ни было, по крайней мере часть времени этих людей, как агентов производства, принадлежит в качестве неотъемлемой детали самому производству. И в той мере, в какой их время принадлежит производству, они не могут быть использованы для других целей общества или государства. Чем больше свободного времени остается у них от их занятий в качестве руководителей

производства, тем в большей степени их прибыль оказывается не зависящей от их заработной платы. В противоположность им те капиталисты, которые живут только на получаемые ими проценты, а также люди, живущие на земельную ренту, целиком могут быть использованы для целей общества и государства, и ни одна часть их дохода не входит в издержки производства, кроме той части, которая идет на воспроизводство их собственных драгоценных особ. Таким образом, в интересах *государства* Рикардо должен был бы также желать возрастания ренты (чистейшего «чистого дохода») за счет прибыли; но он был очень далек от этого. А почему? Потому, что это вредит накоплению капиталов, или, что отчасти то же самое, потому, что это увеличивает массу непроизводительных работников за счет производительных.

Рикардо целиком разделяет проводимое Смитом различение между производительным и непроизводительным трудом в том смысле, что первый обменивается непосредственно на капитал, [а второй] непосредственно на доход. Но у него уже нет смитовской нежности к производительным рабочим и смитовских иллюзий на их счет. Быть производительным рабочим, это — несчастье. Производительный рабочий, это — рабочий, производящий *чужое* богатство. Его существование имеет смысл лишь постольку, поскольку он служит таким орудием производства чужого богатства. Поэтому, если то же самое количество чужого богатства может быть создано меньшим числом производительных рабочих, то вполне уместно устранение излишних производительных рабочих. Vos, non vobis[77]. Впрочем, Рикардо понимает это *устранение* не так, как Ганиль; не в том смысле, что одно только устранение их увеличивает доход и позволяет потреблять *в виде дохода то, что раньше* потреблялось *как переменный капитал* (т. е. в форме заработной платы). С уменьшением числа производительных рабочих отпадает и то количество продукта, которое сами потребляли и сами производили эти вытесненные рабочие, отпадает эквивалент для этого числа рабочих. Рикардо не предполагает, как Ганиль, что по-прежнему производится та же самая масса продукта. Но неизменной останется масса «чистого продукта». Если рабочие потребляли 200, а производимый ими прибавочный продукт составлял 100, то совокупный продукт составлял 300, а прибавочный продукт был равен одной трети совокупного продукта. Если же рабочие потребляют 100, а производимый ими прибавочный продукт по-прежнему равен 100, то совокупный продукт будет составлять 200, а прибавочный продукт будет равен одной половине совокупного продукта. Совокупный продукт при этом

уменьшается на $^{1}/_{3}$, на то количество продуктов, какое раньше потреблялось сотней уволенных рабочих, а «чистый [372] продукт» остается *неизменным,* так как $^{200}/_{2}$ равно $^{300}/_{3}$. Рикардо поэтому относится безразлично к массе валового продукта, лишь бы только та часть валового продукта, которая составляет «чистый продукт», оставалась неизменной или же увеличивалась, но во всяком случае не уменьшалась. Так, он говорит[78]:

«Человеку, имеющему капитал в 20000 ф. ст., приносящий ему ежегодно 2000 ф. ст. прибыли, совершенно безразлично, доставляет ли его капитал занятие для 100 или для 1000 человек, продается ли произведенный товар за 10000 или за 20000 ф. ст., если только во всех этих случаях получаемая им прибыль не падает ниже 2000 ф. ст. Не таков ли также и реальный интерес целой нации?»[79] [VIII—372]

* * *

[IX—377] Цитированное выше место из 26-й главы «Начал» Рикардо гласит:

«Адам Смит постоянно преувеличивает выгоды, которые страна извлекает из большого валового дохода, в сравнении с выгодами, доставляемыми большим чистым доходом» (так как, говорит Адам, «тем больше будет количество производительного труда, приводимого в движение капиталом»)... «В чем же состоят выгоды, проистекающие для страны из применения большого количества производительного труда, если ее чистая рента и прибыль, вместе взятые, остаются теми же самыми независимо от того, применяет ли страна это количество труда или меньшее?»...

{Это, следовательно, означает лишь то, что прибавочная стоимость, произведенная большим количеством труда, остается такой же, как и прибавочная стоимость, произведенная меньшим его количеством. А это опять-таки означает только то, что для страны безразлично, применяет ли она большое число рабочих при меньшей норме прибавочной стоимости или меньшее число рабочих при большей ее норме, $n \times {}^{1}/_{2}$ равно $2n \times {}^{1}/_{4}$, где n означает число рабочих, а $^{1}/_{2}$ и $^{1}/_{4}$ — прибавочный труд. «Производительный рабочий» сам по себе является лишь орудием производства для создавания прибавочной стоимости, и при одинаковом результате большее число этих «производительных рабочих» было бы только обузой.}

... «Человеку, имеющему капитал в 20000 ф. ст., приносящий ему ежегодно 2000 ф. ст. прибыли, совершенно безразлично, доставляет ли **его** капитал занятие для 100 или для 1000 человек, продается ли произведенный товар за 10000 или за 20000 ф. ст., если только во всех этих случаях получаемая им прибыль не падает ниже 2000 ф. ст.».

{Это, как явствует из одного позднейшего места, имеет совершенно банальный смысл. Например, виноторговец, кото-

рый, вложив в дело 20000 ф. ст., ежегодно оставляет в погребе вина на 12000 ф. ст., а на 8000 продает, получая за это количество вина 10000 ф. ст., — такой виноторговец применяет мало людей и получает 10% прибыли. И т. д. А если взять еще банкиров!}

«Не таков ли также и реальный интерес целой нации? Если только ее чистый реальный доход, ее рента и прибыль, не изменяется, то не имеет никакого значения, состоит ли эта нация из 10 или из 12 миллионов жителей. Ее способность содержать флот и армию и все виды непроизводительного труда»

(это место показывает между прочим, что Рикардо разделял взгляд А. Смита на производительный и непроизводительный труд, хотя и не разделял уже его, основанной на иллюзиях, нежности к производительному рабочему)

«должна быть пропорциональна ее чистому, а не ее валовому доходу. Если 5 миллионов человек могут производить столько пищи и одежды, сколько необходимо для 10 миллионов человек, то пища и одежда для 5 миллионов являются чистым доходом. Разве страна получила бы какую-нибудь выгоду от того, что *для производства того же самого чистого дохода* понадобилось бы 7 миллионов человек, или, иначе говоря, что труд 7 миллионов человек был бы применен для производства пищи и одежды в количестве, достаточном для 12 миллионов? Пища и одежда для 5 миллионов человек по-прежнему будут составлять чистый доход. Применение большего количества людей не доставило бы нам возможности ни увеличить хотя бы на одного человека нашу армию и наш флот, ни внести хотя бы одну добавочную гинею в виде налога» *(Ricardo.* On the Principles of Political Economy, and Taxation. 3rd edition. London, 1821, стр. 415— 417) [Русский перевод, том I, стр. 284—285].

Страна тем богаче, чем меньше ее производительное население *по отношению* к совокупному продукту; совершенно так же, как и для отдельного капиталиста тем лучше, чем меньше нужно ему рабочих для того, чтобы произвести ту же самую прибавочную стоимость. Страна тем богаче, чем меньше, при одном и том же количестве продуктов, производительное население по отношению к непроизводительному. Ведь относительная малочисленность производительного населения была бы только другим выражением относительной высоты производительности труда.

С одной стороны, тенденция капитала заключается в том, чтобы сводить к все уменьшающемуся минимуму рабочее время, необходимое для производства товара, а следовательно, также и количество производительного населения *по отношению* к массе продукта. Но, с другой стороны, тенденция капиталистического способа производства заключается, наоборот, в том, чтобы накоплять, превращать прибыль в капитал, присваивать возможно большее количество чужого труда. Капиталистический

способ производства стремится понижать норму необходимого труда, но при данной норме применять возможно большее количество производительного труда. Отношение продуктов к населению при этом безразлично. Хлеб и хлопок могут обмениваться на вино, бриллианты и т. п. [378] или же рабочие могут применяться для такого производительного труда, который непосредственно ничего не прибавляет к предметам потребления (как, например, постройка железных дорог и т. п.).

Если бы вследствие какого-нибудь изобретения капиталист оказался в состоянии вкладывать в свое предприятие вместо прежних 20000 ф. ст. только 10000 ф. ст., потому что этих 10000 ф. ст. было бы достаточно, и если бы они приносили 20 процентов вместо прежних 10, следовательно столько же, сколько прежде приносили 20000 ф. ст., то это не могло бы служить для него основанием тратить 10000 ф. ст. как доход, вместо того чтобы употреблять их, как и до этого, в качестве капитала. (О прямом превращении капитала в доход можно говорить собственно только при государственных займах.) Он вложил бы их в какое-нибудь другое предприятие; кроме того, он капитализировал бы еще и часть своей прибыли.

У политико-экономов (отчасти и у Рикардо в том числе) мы видим ту же антиномию, которая имеет место в самой действительности. Машины вытесняют труд и увеличивают «чистый доход» (в особенности они увеличивают всегда то, что Рикардо называет здесь «чистым доходом», т. е. массу тех продуктов, в виде которых потребляется доход); они уменьшают число рабочих и увеличивают количество продуктов (которые теперь частью потребляются непроизводительными работниками, частью обмениваются за пределами страны и т. д.). Как будто это и было желательно. Но нет. Ведь надо доказать, что они, машины, не лишают рабочих куска хлеба. А чем это доказывается? Тем, что машины после некоторого потрясения (которому, быть может, как раз пострадавший слой населения не в состоянии оказать сопротивления) снова дают занятие большему числу людей, чем было занято до их введения, так что масса «производительных рабочих» снова увеличивается и прежняя диспропорция опять восстанавливается.

Так это и бывает на самом деле. И таким образом, несмотря на возрастающую производительность труда, рабочее население могло бы постоянно расти, не по отношению к продукту, который возрастает вместе с ним и быстрее его, а относительно всего народонаселения, если, например, одновременно происходит концентрация капитала и, следовательно, прежние составные части производительных классов попадают в ряды пролетари-

ата. Небольшая часть пролетариата переходит в ряды среднего класса. Но непроизводительные классы заботятся о том, чтобы на долю пролетариата приходилось не слишком много средств существования. Постоянное обратное превращение прибыли в капитал неизменно восстанавливает тот же кругооборот на более широкой основе.

А у Рикардо забота о накоплении еще сильнее, чем забота о чистой прибыли, которой он ревностно восхищается как средством для накопления. Отсюда также и противоречивые увещания и утешения по адресу рабочих. Они, дескать, больше всего заинтересованы в накоплении капитала, ибо от этого зависит спрос на них. Если возрастает спрос, то возрастает и цена труда. Следовательно, они сами должны желать понижения заработной платы, чтобы отобранная у них прибавочная стоимость, профильтрованная опять через капитал, причиталась им за новый труд и повышала их заработную плату. Но это повышение заработной платы вредно, так как оно задерживает накопление. С одной стороны, они не должны плодить детей. Тем самым уменьшится предложение труда и, значит, повысится его цена. Но повышение цены труда уменьшает норму накопления, сокращает, следовательно, спрос на рабочих и понижает цену труда. Еще быстрее, чем уменьшается предложение труда, уменьшится вместе с ним и [накопление] капитала. Если же рабочие будут плодить детей, то этим они увеличат предложение труда и уменьшат цену труда, в результате чего возрастет норма прибыли и вместе с ней накопление капитала. Но рабочее население должно идти pari passu* с накоплением капитала; т. е. рабочему населению предписывается, чтобы оно имелось как раз в такой массе, в какой это требуется капиталисту, — что и без того происходит в действительности.

Господин Ганиль не совсем последователен в своем преклонении перед «чистым продуктом». Он цитирует Сэя:

«Я нисколько не сомневаюсь в том, что при рабском труде избыток продуктов над потреблением больше, чем при труде свободного человека... Труд раба не имеет другой границы, кроме истощения его рабочей силы... Раб» (и свободный рабочий тоже) *«работает для удовлетворения безграничной потребности своего господина — его алчности»* (*Сэй,* 1-0 издание, стр. 215—216).

[379] По этому поводу Ганиль замечает:

«Свободный рабочий не может расходовать больше, а производить меньше, чем раб... Всякий расход предполагает эквивалент, произведенный для оплаты этого расхода. Если свободный рабочий расходует больше,

* — в ногу. *Ред.*

чем раб, то и продукты его труда должны быть значительнее, чем продукты рабского труда» *(Ганиль,* том I, стр. 234).

Как будто величина заработной платы зависит *только* от производительности работника, а не от распределения продукта — при данной производительности — между работником и хозяином.

«Я знаю», — продолжает Ганиль, — «что с некоторым основанием можно сказать, что *та экономия, которую хозяин проводит в отношении издержек своего раба»* (здесь, стало быть, все же «экономия в отношении вознаграждения раба»), «служит для увеличения его личных издержек» и т. д. ... «Но для общего богатства более выгодно, чтобы во всех классах общества, царило благосостояние, чем чтобы небольшое число индивидуумов обладало чрезмерным изобилием» (стр. 234—235).

Как согласовать это с «чистым продуктом»? Впрочем, господин Ганиль сейчас же берет назад свои либеральные тирады (там же, стр. 236—237). Он — сторонник рабства темнокожих в колониях. Он либерален лишь-настолько, что не высказывается за восстановление рабства в Европе, уразумев, что свободные рабочие являются здесь рабами, существующими только для того, чтобы производить «чистый продукт» для капиталистов, земельных собственников и их слуг.

«Он» *(Кенэ)* «решительно оспаривает, что сбережения классов, состоящих на жалованье, обладают способностью увеличивать капиталы; и он обосновывает это тем, что эти классы не должны иметь возможности делать сбережения и что если они имеют *излишек, избыток,* то он может получаться только вследствие ошибки или беспорядка в общественном хозяйстве» (там же, стр. 274).

В подтверждение этого Ганиль цитирует следующее место из Кенэ:

«Если бесплодный класс делает сбережения в целях увеличения количества своих наличных денег,... то в той же пропорции уменьшаются его работа и его заработки, и он приходит в упадок» («Physiocratie», стр. 321).

Осел! Он не понял Кенэ.

Господин Ганиль кладет последний кирпич следующей фразой:

«Чем они» (заработные платы) «значительнее, тем меньше доход общества»

(фундаментом, на котором стоит «общество», являются наемные рабочие, но сами они не состоят в «обществе»),

«и все искусство правительств должно быть направлено на уменьшение суммы заработной платы... *Задача... достойная просвещенного века, в котором мы живем»* (цит. соч., том II, стр. 24).

* * *

По вопросу о производительном и непроизводительном труде следует еще кратко рассмотреть *Лодерделя* (плоские шутки Брума после этого не стоит разбирать), (Ферье?), *Токвиля, Шторха, Сениора* и *Росси.*

[10)] ОБМЕН ДОХОДА И КАПИТАЛА [ВОЗМЕЩЕНИЕ ВСЕЙ МАССЫ ГОДОВОГО ПРОДУКТА ПРИ ПРОСТОМ ВОСПРОИЗВОДСТВЕ: а) ОБМЕН ДОХОДА НА ДОХОД; б) ОБМЕН ДОХОДА НА КАПИТАЛ; в) ОБМЕН КАПИТАЛА НА КАПИТАЛ]

{Следует различать: 1) Ту часть *дохода, которая превращается в новый капитал;* стало быть, ту часть прибыли, которая сама снова капитализируется. Эту часть мы здесь оставляем совершенно без внимания. Это относится к отделу о накоплении. 2) Доход, который обменивается на капитал, потребленный в производстве; так что посредством этого обмена происходит не образование нового капитала, а возмещение старого капитала, одним словом — сохранение старого капитала. Таким образом, ту часть дохода, которая превращается в новый капитал, мы можем для данного исследования приравнять к нулю и рассматривать дело так, как если бы всякий доход покрывал либо доход, либо потребленный капитал.

Вся масса годового продукта распадается, следовательно, на две части: одна часть потребляется как доход, другая возмещает in natura* потребленный постоянный капитал.

Доход обменивается на доход, когда, например, производители холста из той доли своего продукта, холста, в которой представлены их прибыли и заработные платы, их доход, обменивают ту или иную часть на хлеб, в котором представлена часть прибылей и [380] заработных плат земледельца. Здесь, следовательно, налицо обмен холста на хлеб, обмен двух товаров, из которых каждый входит в индивидуальное потребление, обмен дохода в форме холста на доход в форме хлеба. Здесь нет никакой трудности. Если продукты, пригодные для индивидуального потребления, произведены в пропорциях, соответствующих потребностям, если, следовательно, пропорционально распределены и соответственные массы общественного труда, необходимые для их производства {чего, конечно, никогда в точности не бывает; всегда имеют место отклонения, диспропорции, которые как таковые выравниваются, но так, что

* — в натуре, в натуральной форме. *Ред.*

постоянное движение выравнивания само предполагает постоянную диспропорцию}, — то доход, например в форме холста, существует в таком точно количестве, в каком он требуется в качестве предмета потребления, т. е. в каком он возмещается предметами потребления других производителей. То, что производитель холста потребляет в виде хлеба и т. д., крестьянин и т. д. потребляет в виде холста. Стало быть, та часть его представляющего доход продукта, которую он обменивает на другие товары (предметы потребления), принимается в обмен производителями этих других товаров как предмет потребления. То, что он потребляет в виде другого продукта, другие потребляют в виде его продукта.

Заметим мимоходом следующее: то обстоятельство, что на единицу продукта затрачивается не больше рабочего времени, чем это общественно необходимо, т. е. не больше времени, чем нужно в среднем для производства этого товара, — является результатом капиталистического производства, которое постоянно даже понижает минимум необходимого рабочего времени. Но для этого оно должно производить в постоянно возрастающем масштабе.

Если стоимость одного аршина холста равняется только одному часу и если это составляет необходимое рабочее время, какое должно затратить общество, чтобы удовлетворить свою потребность в одном аршине холста, то отсюда отнюдь еще не следует, что если произведены 12 миллионов аршин, следовательно затрачены 12 миллионов рабочих часов, или, что то же самое, 1 миллион рабочих дней, применен 1 миллион рабочих в качестве ткачей холста, то обществу «необходимо» затрачивать на тканье холста именно такую часть своего рабочего времени. Если дано необходимое рабочее время, т. е. дано, что определенное количество холста может быть произведено в течение одного дня, то спрашивается, сколько таких дней должно быть затрачено на производство холста. Рабочее время, затраченное на всю сумму определенных продуктов в течение, например, одного года, равно определенному количеству этой потребительной стоимости, например одному аршину холста (пусть это количество = 1 рабочему дню), помноженному на число затраченных вообще рабочих дней. Процентное отношение совокупного количества рабочего времени, затраченного в определенной отрасли производства, ко всему рабочему времени, находящемуся в распоряжении общества, может быть ниже или выше надлежащего отношения несмотря на то, что каждая доля продукта содержит лишь необходимое для ее изготовления рабочее время, или несмотря на то, что каждая

доля затраченного рабочего времени была необходима для создания соответствующей ей доли совокупного продукта.

С этой точки зрения необходимое рабочее время приобретает другой смысл. Спрашивается, в каких количествах само необходимое рабочее время распределяется по различным сферам производства. Конкуренция постоянно регулирует это распределение, точно так же, как она постоянно его нарушает. Если в какой-нибудь отрасли затрачено слишком большое количество общественного рабочего времени, то эквивалент может быть уплачен только в таком размере, как если бы было затрачено надлежащее количество. Совокупный продукт — т. е. стоимость совокупного продукта — равняется тогда уже, следовательно, не тому рабочему времени, какое содержится в нем, а тому, какое было бы пропорционально затрачено, если бы совокупный продукт данной сферы находился в надлежащем отношении к продукции других сфер. Но в той мере, в какой цена совокупного продукта данной сферы падает ниже его стоимости, падает и цена каждой отдельной его части. Если произведено 6000 арш. холста вместо 4000 и если 12000шилл. составляют стоимость 6000 арш., то они будут проданы за 8000 шилл. Цена каждого аршина будет $1^1/_3$ шилл. вместо 2, т. е. на $^1/_3$ ниже его стоимости. Это, стало быть, то же самое, как если бы на производство одного аршина было затрачено на $^1/_3$ рабочего времени больше, чем необходимо. При наличии у товара потребительной стоимости падение его цены ниже его стоимости свидетельствует, таким образом, о том, что, хотя на каждую часть продукта было затрачено лишь общественно-необходимое рабочее время {здесь предполагается, что условия производства остаются неизменными}, но на всю эту отрасль производства в целом затрачена излишняя, превышающая необходимую, совокупная масса общественного труда.

Нечто совсем иное представляет собой понижение относительной стоимости товара вследствие изменившихся [381] условий производства. Данный кусок холста, находящийся на рынке, стоил 2 шилл., что равняется, положим, 1 рабочему дню. Но он в любой день может быть воспроизведен за 1 шилл. Так как стоимость определяется общественно-необходимым рабочим временем, а не тем рабочим временем, какое требуется отдельному производителю, то день, понадобившийся производителю для производства 1 арш., равняется лишь половине общественно-определенного дня. Понижение цены аршина его холста с 2 шилл. до 1 шилл., т. е. падение цены аршина холста ниже той стоимости, в которую он ему *обошелся,* указывает лишь на изменение условий производства, т. е. указывает на

то, что само необходимое рабочее время изменилось. Если, с другой стороны, издержки производства холста остаются без изменения, а повышаются издержки производства всех других предметов за исключением золота, т. е. денежного материала, или же издержки производства только определенных предметов, например пшеницы, меди и т. д., одним словом предметов, не входящих в составные части холста, то 1 арш. холста по-прежнему будет равен 2 шилл. Его *цена* не понизилась бы, но понизилась бы его относительная стоимость, выраженная в пшенице, меди и т. д.

* * *

Относительно той части дохода (в какой-либо отрасли производства, производящей товары, пригодные для индивидуального потребления), которая потребляется в виде дохода какой-нибудь другой отрасли производства, можно утверждать, что спрос равняется ее собственному предложению (поскольку производство ведется в надлежащей *пропорциональности*). Это то же самое, как если бы каждая из данных отраслей производства сама потребляла эту часть своего дохода. Здесь налицо только формальный метаморфоз товара: *Т* — *Д* — *Т'*. Холст — деньги — пшеница.

В обоих товарах, обмениваемых друг на друга, здесь представлена только часть присоединенного за год нового труда. Но ясно, во-первых, что этот обмен, при котором каждый из двух производителей потребляет в товаре другого часть своего продукта, представляющую доход, имеет место только в тех отраслях производства, где производятся предметы потребления, т. е. такие предметы, которые непосредственно входят в индивидуальное потребление и на которые поэтому доход может затрачиваться как доход. Во-вторых, столь же ясно и следующее: только для *этой части* обмена продуктов правильно, что предложение со стороны производителя равно его спросу на другие продукты, какие он хочет потребить. Здесь в действительности дело идет лишь о простом товарообмене. Вместо того чтобы самому производить свои жизненные средства, он производит жизненные средства для другого, а этот другой производит жизненные средства для него. Здесь не заключено никакого отношения дохода к капиталу. Доход в одной форме предметов потребления обменивается на доход в другой форме предметов потребления, т. е. на деле предметы потребления обмениваются на предметы потребления. Процесс их обмена определяется не тем, что оба они — доход, а тем, что оба они — предметы потребления. То обстоятельство, что со стороны своей

формы они являются доходом, здесь совсем не играет роли. Правда, это обстоятельство обнаруживается в потребительной стоимости взаимно обмениваемых товаров, в том, что оба они входят в индивидуальное потребление, но это, опять-таки, означает только то, что одна часть предметов потребления обменивается на другую часть предметов потребления.

Форма дохода может проявить себя или выступить на передний план только там, где ей противостоит форма капитала. Но даже и в рассматриваемом нами случае неверно то, что утверждают Сэй[80] и другие вульгарные экономисты, а именно, что если *А* не может продать свой холст, т. е. ту часть своего холста, которую он сам хочет потребить как доход, или если он может продать его только ниже его цены, то это происходит потому, что *В, С и т. д.* произвели слишком мало пшеницы, мяса и т. д. Это может произойти потому, что они их произвели в недостаточном количестве. Но это может произойти и потому, что *А* произвел слишком много холста; ибо даже если предположить, что *В, С* и т. д. имеют достаточно пшеницы и т. д., чтобы купить у *А* весь его холст, то всё же они не покупают его по той причине, что ими *потребляется* только определенное количество холста. Или же это может произойти еще и потому, что *А* произвел холст в количестве, превышающем ту часть их дохода, которая вообще может быть истрачена на материалы для одежды, потому вообще, стало быть, что каждый может тратить в качестве дохода только определенное количество своего продукта, а производство холста у *А* предполагает больший доход, чем тот, который вообще имеется налицо. Но там, где дело идет лишь об обмене дохода на доход, смешно предполагать, что предметом спроса является не потребительная стоимость продукта, а количество этой потребительной стоимости, т. е. опять забывать, что в *этом* обмене дело идет лишь об удовлетворении потребностей, а не о количестве, которое имеется в виду, когда речь идет о меновой стоимости.

Однако каждый предпочитает иметь побольше какого-нибудь продукта, а не поменьше! Если это соображение должно разрешить затруднение, то [382] абсолютно непонятно, почему производитель холста, вместо того чтобы обменивать свой холст на другие предметы потребления и нагромождать эти последние en masse*, не прибегает к более простому процессу — к потреблению части своего дохода в излишнем холсте. Почему он вообще превращает свой доход из формы холста в другие формы? Потому, что кроме потребности в холсте ему надо удовлетворить

* — в больших количествах. *Ред.*

и другие потребности. Почему он потребляет сам только определенную часть холста? Потому, что только количественно определенная часть холста имеет для него потребительную стоимость. Но то же самое относится также к *B, C* и т. д. Если *B* продает вино, *C* — книги, а *D* — зеркала, то каждый из них, может быть, предпочитает потребить излишек своего дохода в своем собственном продукте, в вине, книгах, зеркалах, а не в холсте. Стало быть, нельзя сказать, что если *A* свой доход, состоящий из холста, совсем не может превратить (или не может превратить соответственно его стоимости) в вино, книги, зеркала, то это с абсолютной необходимостью означает, что произведено слишком мало вина, книг, зеркал. Но еще более смешно изображать этот обмен дохода на доход — эту одну только часть товарного обмена — как весь товарный обмен в целом.

Итак, одну часть продукта мы разместили. Одна часть предметов потребления переходит из рук в руки в среде самих производителей этих предметов потребления. Каждый из этих производителей потребляет часть своего дохода (прибыли и заработной платы) не в своем собственном продукте, а в продукте другого, и он может это делать лишь постольку, поскольку другой тоже потребляет вместо своего собственного продукта чужой пригодный для потребления продукт. Это то же самое, как если бы каждый потребил ту часть своего пригодного для потребления продукта, в которой представлен его собственный доход.

Но что касается всех остальных продуктов, то здесь вступают в действие более сложные отношения, и только здесь обмениваемые товары противостоят друг другу как доход и капитал — стало быть, не только как доход.

Прежде всего нужно различать следующее. Во всех отраслях производства часть совокупного продукта представляет доход, т. е. присоединенный (в течение года) труд: прибыль и заработную плату. {Рента, процент и т. д. — это части прибыли; доход негодяя-чинуши составляет часть прибыли и заработной платы; доход других непроизводительных работников является той частью прибыли и заработной платы, которую они покупают на свой непроизводительный труд; он, стало быть, не увеличивает продукта, существующего в виде прибыли и заработной платы, а только определяет, какую долю этого продукта потребляют эти непроизводительные работники и какую — сами рабочие и капиталисты.} Но только в некоторых сферах производства доля продукта, представляющая доход, может непосредственно in natura стать составной частью дохода, т. е. может

по своей *потребительной стоимости* быть потреблена как доход. Все продукты, представляющие *только* средства производства, могут быть потреблены как доход не in natura, не в своей непосредственной форме, а только по своей *стоимости.* Но эта стоимость должна быть потреблена в тех отраслях производства, которые производят предметы непосредственного потребления. Часть средств производства может служить в качестве того или иного предмета непосредственного потребления в зависимости от применения: например, лошадь, телега и т. д. Часть предметов непосредственного потребления может служить в качестве средств производства, как, например, хлеб для производства водки, пшеница в качестве семян и т. д. Почти все предметы потребления сами могут снова входить в процесс производства в виде отбросов потребления, как, например, изношенные и полусгнившие тряпки холста, используемые в производстве бумаги. Но никто не производит холст для того, чтобы он в виде тряпок служил сырьем для бумаги. Эту форму он приобретает только после того, как продукт ткачества вошел как таковой в потребление. Лишь в виде отбросов этого потребления, в виде остатка и продукта процесса потребления он может затем снова войти в другую сферу производства как средство производства. Следовательно, этот случай сюда не относится.

Итак, существуют такие продукты, которые в своей представляющей доход части могут быть потреблены своими собственными производителями только по своей стоимости, а не по своей потребительной стоимости, так что эти производители, для того чтобы потребить ту часть своих продуктов, например машин, в которой представлена заработная плата и прибыль, должны ее продать, поскольку этими машинами как таковыми они не могут непосредственно удовлетворить ни одной индивидуальной потребности. Продукты эти равным образом не могут быть потреблены производителями других продуктов, не могут войти в их индивидуальное потребление, не могут, следовательно, принадлежать к числу тех продуктов, на которые они тратят свой доход, так как это противоречит потребительной стоимости этих товаров, по самой природе своей *исключающей* индивидуальное потребление. Таким образом, производители этих непригодных для непосредственного потребления продуктов могут потреблять только их *меновую стоимость;* т. е. они должны предварительно превратить их в деньги, чтобы затем обратно превратить эти деньги в товары, пригодные для непосредственного потребления. Но кому же они должны [383] продать эти продукты? Производителям других непригодных

для индивидуального потребления продуктов? В таком случае они лишь получат один непригодный для непосредственного потребления продукт вместо другого. Но ведь мы предположили, что эта часть продуктов образует их доход, что они продают их для того, чтобы потребить их стоимость в виде предметов потребления. Следовательно, они могут продать эти продукты только производителям продуктов, пригодных для индивидуального потребления.

Эта часть товарного обмена представляет обмен капитала одного лица на доход другого или дохода одного лица на капитал другого. Только одна часть совокупного продукта производителя предметов потребления представляет доход; другая часть представляет п©стоянный капитал. Эту последнюю часть он не может ни сам потребить, ни обменять на пригодные для непосредственного потребления продукты других производителей. Он не может ни потребить in natura потребительную стоимость этой части своего продукта, ни потребить ее стоимость, обменяв ее на другие предметы потребления. Напротив, он должен обратно превратить ее в натуральные элементы своего постоянного капитала. Он должен эту часть своего продукта *потребить производственно,* т. е. потребить как средство производства. Но его продукт по своей потребительной стоимости может войти только в индивидуальное потребление; поэтому производитель этого продукта не может обратно превратить его in natura в его собственные элементы производства. Природа потребительной стоимости этого продукта исключает *производственное потребление.* Поэтому производитель такого продукта может производственно потребить только *стоимость* своего продукта — путем продажи его производителям вышеупомянутых элементов производства этого продукта. Эту часть своего продукта он не может потребить in natura; не может он также потребить ее стоимость посредством обмена на другие индивидуально потребляемые продукты. Совершенно так же, как эта часть его продукта не может войти в его собственный доход, она не может быть возмещена и из дохода производителей других индивидуально потребляемых продуктов, ибо это было бы возможно только в том случае, если бы он обменял свой продукт на их продукт, т. е. если бы он *проел* стоимость своего продукта, что, по предположению, не имеет места. Но так как эта часть его продукта, подобно другой его части, которую он потребляет как доход, по своей потребительной стоимости может быть потреблена только как доход, должна войти в индивидуальное потребление и не может возместить постоянный капитал, то она должна войти в доход производителей продуктов, непри-

годных для непосредственного потребления, должна быть обменена на ту часть их продуктов, стоимость которой они могут потребить, или которая представляет их доход.

Если рассматривать этот обмен со стороны каждого его участника в отдельности, то для *А,* производителя предмета потребления, обмен этот представляет Превращение капитала в капитал. Часть своего совокупного продукта, равную стоимости содержащегося в нем постоянного капитала, производитель *А* превращает путем этого обмена обратно в ту натуральную форму, в какой она может функционировать как постоянный капитал. Как до обмена, так и после него она по своей стоимости представляет только постоянный капитал. Наоборот, для *В,* производителя продукта, непригодного для непосредственного потребления, вышеуказанный обмен представляет только превращение дохода из одной формы в другую. Часть своего совокупного продукта, образующую его доход, т. е. ту часть совокупного продукта, в которой представлен вновь присоединенный труд этой сферы производства (необходимый и прибавочный), производитель *В* впервые превращает здесь в такую натуральную форму, в которой он может потребить ее как доход. Как до обмена, так и после него эта часть продукта по своей стоимости представляет только его доход.

Если рассматривать это отношение с обеих сторон одновременно, то *А* обменивает свой постоянный капитал на доход *В,* а *В* обменивает свой доход на постоянный капитал *А*. Доход *В* возмещает постоянный капитал *А,* а постоянный капитал *А* возмещает доход *В*.

В самом обмене {если не говорить о том, какие цели преследуют при этом участники обмена} противостоят друг другу только товары и происходит простой обмен товаров, которые относятся друг к'другу только как товары и для которых обозначения «доход» и «капитал» безразличны. Только различный характер *потребительной стоимости* этих товаров показывает, что одни из них могут служить лишь для производственного потребления, а другие — лишь для индивидуального потребления и могут войти в него. Но различие способов применения различных потребительных стоимостей различных товаров относится к области потребления и не имеет никакого касательства к процессу обмена их как товаров. Совершенно иначе обстоит дело, когда капитал капиталиста превращается в заработную плату, а труд превращается в капитал. Здесь товары противостоят друг другу не как простые товары, но капитал выступает как капитал. В только что рассмотренном обмене продавец и покупатель противостоят друг другу лишь

как продавец и покупатель, лишь как простые товаровладельцы.

Далее, ясно: всякий продукт, предназначенный исключительно для индивидуального потребления, или всякий продукт, входящий в индивидуальное потребление, — в той мере, в какой он входит в это потребление, — может быть обменен только на доход. То обстоятельство, что он не может быть потреблен производственно, как раз и означает, что он может быть потреблен лишь как доход, т. е. только индивидуально. {Как было замечено выше, мы здесь отвлекаемся от превращения прибыли в капитал.}

Предположим, что *А* является производителем какого-нибудь продукта, потребляемого только индивидуально, и что его доход равняется одной трети его совокупного продукта, а его постоянный капитал — двум третям. Первую треть он, согласно предположению, потребляет сам, — безразлично, [384] целиком ли in natura или только частично или же совсем не потребляет ее in natura, а потребляет ее стоимость в виде других предметов потребления; в последнем случае продавцы этих предметов потребления потребляют свой собственный доход в виде продукта *А.* Таким образом, та часть предметов потребления, в которой представлен доход их производителей, потребляется ими либо непосредственно, либо косвенно, посредством взаимного обмена нужных им для потребления продуктов. В отношении этой части происходит, следовательно, *обмен, дохода на доход.* Здесь имеет место то же самое, как если бы *А* представлял производителей всех предметов потребления. Одну треть всей массы этих продуктов, — т. е. часть, представляющую его доход, — он потребляет сам. Но эта часть представляет в точности то количество труда, которое категория *А* в течение года присоединила к своему постоянному капиталу, а это количество равно всей сумме заработных плат и прибылей. произведенных категорией *А* в течение года.

Остальные две трети совокупного продукта категории *А* равняются стоимости постоянного капитала; они, следовательно, должны быть возмещены продуктом годового труда категории *В,* которая доставляет продукты, непригодные для индивидуального потребления и входящие только в производственное потребление, входящие в процесс производства в качестве средств производства. Но так как эти две трети совокупного продукта А совершенно так же, как первая его треть, должны войти в индивидуальное потребление, то они вымениваются производителями категории *В* на ту часть их продукта, в которой представлен их доход. Таким образом, категория *А* постоянную

часть своего совокупного продукта обменяла на продукты, имеющие первоначальную натуральную форму этой постоянной части, обратно превратила ее во вновь созданные продукты категории *B,* а категория *B* уплатила лишь той частью своего продукта, в которой представлен ее доход, но которую она сама может потребить только в виде продуктов категории *A*. Она, следовательно, на деле уплатила своим вновь присоединенным трудом, полностью представленным в той части продукта *B,* которая обменивается на последние две трети продукта *A*. Таким образом, весь продукт *A* обменивается на доход, или целиком входит в индивидуальное потребление. С другой стороны (так как, согласно предположению, превращение дохода в капитал остается здесь вне рассмотрения, принимается равным нулю), *весь доход* общества расходуется на продукт *A*; ибо производители *A* потребляют свой доход в виде продуктов *A*, и то же самое делают производители категории *B.* Других же категорий кроме этих не существует.

Продукт *A* потребляется целиком несмотря на то, что две трети его содержат постоянный капитал и не могут быть потреблены производителями *A*, а должны быть обратно превращены в натуральную форму элементов производства этого продукта. Совокупный продукт *A* равен совокупному доходу общества. А совокупный доход общества представляет сумму рабочего времени, которую оно в течение года присоединило к имеющемуся постоянному капиталу. Итак, хотя совокупный продукт А только на $^1/_3$ состоит из вновь присоединенного труда, а на $^2/_3$ — из прошлого и подлежащего возмещению труда, он все же может быть целиком куплен на вновь присоединенный труд, так как $^2/_3$ этого совокупного годового труда должны быть потреблены не в виде их собственных продуктов, а в виде продуктов *A*. Продукт *A* возмещается вновь присоединенным трудом, на $^2/_3$ превышающим тот вновь присоединенный труд, который содержится в нем самом, потому что эти $^2/_3$ представляют собой присоединенный труд *B,* а *B* может потребить эти $^2/_3$ только индивидуально, в виде продуктов *A*, подобно тому как А может потребить эти же самые $^2/_3$ только производственно, в виде продуктов *B.* Таким образом, совокупный продукт *A*, во-первых, может быть целиком потреблен как доход, и вместе с тем может быть возмещен его постоянный капитал. Или, точнее, совокупный продукт *A* целиком потребляется как доход только потому, что $^2/_3$ его возмещаются производителями постоянного капитала, которые лишены возможности потреблять in natura представляющую их доход часть их продукта, а должны потреблять ее в виде продуктов *A*, т. е. посредством обмена на $^2/_3$ *A*.

Итак, мы разместили последние $^2/_3$ *А*.

Ясно, что дело нисколько не меняется, если существует третья категория *С,* продукты которой пригодны как для производственного, так и для индивидуального потребления, как, например, рожь, служащая пищей человеку или кормом для скота, либо же идущая на семена или на выпечку хлеба, а также телеги, лошади, скот и т. д. В той части, в какой эти продукты входят в индивидуальное потребление, они должны быть прямо или косвенно потреблены как доход их собственными производителями или производителями (прямо или косвенно) той части постоянного капитала, которая в них содержится. В этом случае они, следовательно, относятся к категории *А.* В той части, в какой они не входят в индивидуальное потребление, они относятся к категории *В.*

Процесс обмена этого второго рода, где обменивается не доход на доход, а капитал на доход и где весь постоянный капитал должен в конечном счете свестись к доходу, следовательно к вновь присоединенному труду, — может быть представлен двояко. Пусть продуктом *А* будет, например, холст. Две трети холста, равные постоянному капиталу А, — или их стоимость, — оплачивают пряжу, машины, вспомогательные материалы. Но фабрикант пряжи и фабрикант машин [385] могут потребить из этого продукта лишь такое количество, какое представляет их собственный доход. Фабрикант холста оплачивает полную цену пряжи и машин двумя третями своего продукта. Этим он возместил прядильщику и машиностроителю весь их продукт, вошедший в качестве постоянного капитала в холст. Но этот совокупный продукт прядильщика и машиностроителя сам равен постоянному капиталу и доходу, равен сумме двух частей: присоединенному прядильщиком и машиностроителем труду плюс другая часть, представляющая стоимость их собственных средств производства, т. е. для прядильщика — стоимость льна, смазочного масла, машин, угля и т. д., а для машиностроителя — стоимость угля, железа, машин и т. д. Таким образом, две трети холста, равные постоянному капиталу *А,* возместили совокупный продукт прядильщика и машиностроителя, их постоянный капитал плюс присоединенный ими труд, их капитал плюс их доход. Но прядильщик и машиностроитель могут потребить в виде продуктов *А* только свой доход. После вычета той части $^2/_3$ *А,* которая равняется их доходу, они остатком оплачивают свое сырье и свои машины. Но производителям этого сырья и этих машин, согласно предположению, уже не приходится возмещать никакого постоянного капитала. Из их продукта в продукт *А*, а следовательно и в продукты,

служащие средством для производства *A,* может войти лишь столько, сколько *A* в состоянии оплатить. Но *A* двумя третями своего продукта может оплатить лишь столько, сколько *B* может купить на свой доход, т. е. столько, сколько дохода, вновь присоединенного труда, представлено в продукте, обмениваемом *B.* Если бы производители последних элементов производства *A* должны были продавать прядильщику [и машиностроителю] такое количество своего продукта, которое представляло бы часть их собственного постоянного капитала, представляло бы больше чем труд, присоединенный ими к своему постоянному капиталу, то в уплату они не могли бы принять продукт *A*, потому что часть этого продукта они не могли бы потребить. Следовательно, здесь имеет место противоположный случай.

Пойдем теперь в обратном направлении. Предположим, что весь холст равен 12 дням. Продукт льновода, железоделателя и т. д. равен 4 дням; продукт этот продается прядильщику и машиностроителю, которые присоединяют к нему еще 4 дня; они, в свою очередь, продают его ткачу, который присоединяет к нему еще 4 дня. Одну треть своего продукта ткач, изготовляющий холст, может потребить сам; 8 дней возмещают ему его постоянный капитал и оплачивают продукт прядильщика и машиностроителя; эти последние могут из 8 дней потребить 4, а остающимися 4 днями они платят льноводу и т. д. и возмещают таким путем свой постоянный капитал; льновод, железоделатель и т. д. последними 4 днями, овеществленными в холсте, должны возместить себе только свой труд.

Несмотря на то, что доход во всех трех случаях предполагается одинаковым (равным 4 дням), он в различной пропорции входит в продукты трех классов производителей, участвующих в производстве продукта *A.* У ткача он составляет $^1/_3$ его продукта ($^1/_3$ от 12), у прядильщика и машиностроителя — $^1/_2$ его продукта ($^1/_2$ от 8), у льновода он равен его продукту, равен 4 дням. По отношению же к совокупному продукту доход всех этих производителей совершенно одинаков: он равен $^1/_3$ от 12, т. е. 4 дням. Но у ткача вновь присоединенный труд прядильщика, машиностроителя и льновода выступает как постоянный капитал; у прядильщика и машиностроителя вновь присоединенный ими самими и льноводом труд выступает как совокупный продукт, а рабочее время льновода — как постоянный капитал. Это явление, имеющее место в отношении постоянного капитала, прекращается у льновода. Поэтому, например, прядильщик может применять машины, вообще постоянный капитал, в такой же пропорции, как ткач. Например,

в пропорции $^1/_3$:$^2/_3$. Но, во-первых, сумма (совокупная сумма) капитала, примененного в прядении, должна быть меньше, чем сумма капитала, примененного в ткачестве, потому что в ткачество входит как постоянный капитал весь продукт прядения. Во-вторых, если у прядильщика точно так же существует отношение $^1/_3$:$^2/_3$, то его постоянный капитал будет равен $^{16}/_3$, а его присоединенный труд — $^8/_3$; первый будет равен $5^1/_3$ рабочего дня, а второй — $2^2/_3$ рабочего дня. В этом случае относительно больше рабочих дней будет содержаться в той отрасли, которая доставляет ему лен и т. д. Вместо 4 дней он должен будет здесь заплатить поэтому за вновь присоединенное рабочее время $5^1/_3$ дня.

Само собой понятно, что новым трудом должна быть возмещена только та часть постоянного капитала категории *А,* которая у *А* входит в процесс образования стоимости, т. е. потребляется во время процесса труда этого *А.* Целиком входят в процесс образования стоимости сырье, вспомогательные материалы и износ основного капитала. Остальная часть основного капитала не входит в этот процесс, а потому и не подлежит возмещению.

Значительная часть наличного постоянного капитала, — ее величина определяется отношением основного капитала к совокупному капиталу, — не подлежит, стало быть, ежегодному возмещению новым трудом. Поэтому масса [ежегодно возмещаемой стоимости основного капитала], хотя она и может быть большой (в абсолютных цифрах), все же не велика по отношению к совокупному (годовому) продукту. *Вся* же указанная выше *часть постоянного капитала* в категориях *А* и *В,* участвующая в определении нормы прибыли (при данной прибавочной стоимости), не входит в качестве определяющего элемента в фактическое воспроизводство основного капитала. Чем больше эта часть по отношению к совокупному капиталу, чем в большем масштабе применяется в производстве наличный, уже имеющийся основной капитал, — тем больше будет *фактическая масса воспроизводства,* идущая на возмещение изношенного основного капитала; но *по сравнению с* совокупным капиталом масса этого воспроизводства может быть относительно небольшой.

Предположим, что время воспроизводства *(среднее)* всех видов основного капитала равно 10 годам. [386] Допустим, что различные виды основного капитала оборачиваются в 20, 17, 15, 12, 11, 10, 8, 6 лет, в 4, 3, 2, 1, $^4/_6$ и $^2/_6$ года (всего 14 видов), — тогда основной капитал *в среднем* совершал бы один оборот в 10 лет[81].

Следовательно, в среднем основной капитал подлежал бы возмещению в 10 лет. Если весь основной капитал составляет $^1/_{10}$ совокупного капитала, то подлежащая ежегодному возмещению одна десятая часть основного капитала составляла бы только $^1/_{100}$ совокупного капитала.

Если основной капитал составляет $^1/_3$ совокупного капитала, то ежегодно подлежит возмещению $^1/_{30}$ совокупного капитала.

Но сравним теперь между собой основные капиталы, имеющие различные периоды воспроизводства, например основной капитал, требующий для своего воспроизводства 20 лет, в противоположность капиталу, требующему для этого. Уз года.

Из основного капитала, который воспроизводится в течение 20 лет, ежегодно подлежит возмещению только $^1/_{20}$. поэтому, если он составляет $^1/_2$ совокупного капитала, то ежегодно должна быть возмещаема только $^1/_{40}$ часть последнего, а если он составляет даже $^4/_5$ всего капитала, то ежегодно подлежит возмещению только $^4/_{100}$, т. е.- $^1/_{25}$ всего капитала. Напротив, если основной капитал, требующий для своего воспроизводства $^2/_6$ года, т. е. оборачивающийся три раза в год, составляет только $^1/_{10}$ капитала, то основной капитал должен возмещаться три раза в год; тем самым ежегодно возмещаются $^3/_{10}$, т. е. почти $^1/_3$ совокупного капитала. В среднем, чем больше основной капитал по отношению к совокупному капиталу, тем больше его *относительное* (не абсолютное) время воспроизводства, а чем он меньше, тем короче его *относительное* время воспроизводства. При ручном производстве инструмент образует гораздо меньшую часть капитала, чем машины при машинном, производстве. Но ремесленный инструмент изнашивается гораздо быстрее, чем машина.

Хотя с возрастанием абсолютной величины основного капитала возрастает абсолютная величина его воспроизводства — или его износ, — относительная величина его воспроизводства в большинстве случаев уменьшается, поскольку время оборота основного капитала, длительность его существования, в большинстве случаев возрастает пропорционально его размерам. Это доказывает, между прочим, что масса труда, воспроизводящего машины, или основной капитал, отнюдь не пропорциональна тому труду, который первоначально произвел эти машины (при неизменных условиях производства), так как возмещению подлежит только ежегодный износ. Если производительность труда увеличивается, как это постоянно происходит в этой отрасли, то еще больше уменьшается количество труда, необходимого для воспроизводства этой части постоянного капитала. Правда, сюда надо причислить также и то, что является для

машины ее ежедневными средствами потребления (которые, однако, непосредственно не имеют ничего общего с трудом, затрачиваемым в самом машиностроении). Но машина, потребляющая лишь уголь и немного смазочного масла или сала, живет на бесконечно более строгой диете, чем рабочий, — не только тот рабочий, которого она замещает, но и тот, который строит ее самоё.

* * *

Итак, мы разместили продукт всей категории *A* и часть продукта категории *B*. Продукт *A* потребляется полностью: $^1/_3$ потребляется его собственными производителями, $^2/_3$ — производителями *B*, которые не могут потребить свой собственный доход в виде своего собственного продукта. $^2/_3$ *A*, в виде которых производители *B* потребляют ту часть стоимости своего продукта, в которой представлен доход, возмещают вместе с тем производителям *A* in natura их постоянный капитал, т. е. доставляют им те товары, которые они *потребляют производственно.* Но тем самым, что продукт *A* съеден целиком и что $^2/_3$ *A* возмещены продуктом *B* в качестве постоянного капитала, — размещается также и *вся* та часть совокупного годового продукта, в которой представлен вновь присоединенный в течение года труд. Этот труд не может, следовательно, покупать никакой другой части совокупного продукта. В самом деле, весь присоединенный в течение года труд (если отвлечься от капитализации прибыли) равен *труду, содержащемуся в A.* Ибо $^1/_3$ продукта *A*, потребляемая его собственными производителями, представляет труд, вновь присоединенный ими за год к $^1/_3$ *A*, образующим постоянный капитал категории *A*. Кроме этого труда, потребляемого ими в виде их собственного продукта, они не выполнили никакого другого труда. Остальные же $^2/_3$ *A*, возмещаемые продуктом категории *B* и потребляемые производителями продукта *B*, представляют все то рабочее время, которое производители *B* присоединили к своему собственному постоянному капиталу. Больше они никакого труда не присоединили, и больше им нечего [387] потреблять.

По своей *потребительной стоимости* продукт *A* представляет всю ту часть совокупного годового продукта, которая ежегодно поступает в индивидуальное потребление. По своей *меновой стоимости* он представляет совокупное количество труда, вновь присоединенного производителями в течение года.

Но после всего этого у нас все еще имеется в качестве *остатка* некоторая третья часть совокупного продукта, составные части которой при своем обмене не могут представлять ни обмена

дохода на доход, ни обмена капитала на доход или дохода на капитал. Это — та часть продуктов *В,* которая представляет постоянный капитал *В*. Эта часть не входит в доход *В;* она, стало быть, не может быть возмещена продуктами *А* или обменена на них, не может, следовательно, также войти как составная часть в постоянный капитал *А*. Эта часть тоже потребляется, потребляется производственно, в той мере, в какой она — внутри категории *В* — входит не только в процесс труда, но и в процесс образования стоимости. Таким образом, и эта часть совершенно так же, как и все другие части совокупного продукта, должна быть возмещена *в той пропорции, в какой она образует составную часть совокупного продукта,* и притом она должна быть возмещена in natura *новыми* продуктами того же самого рода. С другой стороны, она не возмещается никаким новым трудом. Ибо совокупное количество вновь присоединенного труда равно рабочему времени, содержащемуся в продукте *А* и возмещаемому полностью только потому, что *В* потребляет свой доход в двух третях продукта *А* и доставляет *А* — в процессе обмена — средства производства взамен всех тех, которые потреблены в сфере *А* и подлежат возмещению. Ведь первая треть продукта *А,* потребляемая его собственными производителями, состоит — по своей меновой стоимости — только из ими самими вновь присоединенного труда и не содержит никакого постоянного капитала.

Рассмотрим же этот остаток.

Он состоит, во-первых, из постоянного капитала, входящего в сырье, во-вторых, из постоянного капитала, входящего в процесс образования основного капитала, и, в-третьих, из постоянного капитала, входящего во вспомогательные материалы.

Во-первых, сырье. Затраченный на его производство постоянный капитал сводится, во-первых, к основному капиталу, машинам, рабочим инструментам, постройкам и к тем вспомогательным материалам, которые являются средствами потребления для применяемых машин. В отношении пригодной для непосредственного потребления части сырья (такого сырья, как, например, скот, зерновой хлеб, виноград и т. п.) указанного затруднения не возникает. С этой стороны они относятся к классу *А.* Содержащаяся в них часть постоянного капитала входит в $^{2}/_{3}$ постоянной части *А,* которая обменивается как капитал на непригодные для непосредственного потребления продукты *В,* или в виде которой *В* потребляет свой доход. Это вообще относится также и к таким непригодным для непосредственного потребления сырым материалам, которые in natura входят в самый предмет потребления, сколько бы промежуточных

ступеней производственных процессов они при этом ни проходили. Та часть льна, которая превращается в пряжу, а затем в холст, входит целиком в предмет потребления.

Но часть этого *органического сырья* (такого, как дерево, лен, конопля, кожа и т. п.) входит частично прямо в составные элементы самого основного капитала, частично же во вспомогательные материалы последнего. Например, в форме смазочного масла, сала и т. д.

А затем к постоянному капиталу, затрачиваемому на производство сырья, относятся *семена.* Растительные и животные вещества воспроизводят себя сами: произрастание растений и размножение животных. Под семенами следует понимать собственно семена, затем корм для скота, в виде навоза возвращаемый почве, племенной скот и т. д. Эта значительная часть годового продукта — или постоянной части годового продукта — непосредственно служит самой себе материалом для восстановления [Regeneration], сама себя воспроизводит.

Неорганическое сырье — металлы, камни и т. д. Его стоимость состоит лишь из двух частей, так как здесь отпадают семена, которые представляют сырье в земледелии. Стоимость неорганического сырья состоит только из присоединенного труда и потребленных машин (включая сюда и средства потребления для машин). Таким образом, кроме части продукта, представляющей вновь присоединенный труд и потому входящей в обмен между *B* и $^2/_3$ *A,* возмещению подлежат только износ основного капитала и его средства потребления (каковы уголь, смазочное масло и т. д.). Но из этого неорганического сырья создается главная составная часть постоянного капитала — основной капитал (машины, рабочие инструменты, постройки и т. д.). Поэтому неорганическое сырье возмещает свой постоянный капитал in natura посредством обмена [капитала на капитал].

[388] *Во-вторых, основной капитал (машины, постройки, рабочие инструменты, сосуды всякого рода).*

Их постоянный капитал состоит 1) из их сырья, металлов, камней, органического сырья (такого, как дерево, ремни, канаты и т. д.). Но если это их сырье образует их (машин, инструментов, построек и т. д.) сырой материал, то сами они, в качестве орудий труда, входят в процесс добывания этого сырого материала. Поэтому они возмещают друг друга in natura. Железоделатель должен возместить машину, машиностроитель — железо. В каменоломне происходит износ машин, а в фабричном здании — износ строительного камня и т. д. 2) *Износ машиностроительных машин,* которые сами должны быть возмещены в течение определенного периода времени

новым продуктом этого же рода. А продукт того же рода может, естественно, возместить сам себя. 3) *Средства потребления для машины* (вспомогательные материалы). Машины потребляют уголь, но и уголь потребляет машины и т. д. В форме сосудов, труб, рукавов и т. д. машины всякого рода входят в производство средств потребления для машин, как, например, в производство сала, мыла, газа {для освещения}. Следовательно, также и здесь продукты каждой из этих сфер взаимно входят в постоянный капитал каждой другой соответствующей сферы и поэтому возмещают друг друга in natura.

Если рабочий скот причислять к машинам, то у него подлежит возмещению корм и, при известных условиях, стойло (здание). Но если корм входит в производство скота, то и скот входит в производство корма.

В-третьих, вспомогательные материалы. Часть из них, как, например, смазочное масло, мыло, сало, газ и т. д., нуждается в сырье. С другой стороны, в форме удобрений и т. п. они отчасти снова входят в процесс образования этого сырья. Уголь необходим для выработки газа, но газовое освещение, в свою очередь, употребляется при производстве угля, и т. д. Другие *вспомогательные материалы* состоят лишь из вновь присоединенного труда и основного капитала (машины, сосуды и т. п.). Уголь должен возмещать износ паровой машины, применяемой при его производстве. Но паровая машина потребляет уголь. Уголь сам входит в средства производства угля. Таким образом, он здесь сам возмещает себя in natura. Его перевозки по железной дороге входят в издержки производства угля, но уголь, в свою очередь, входит в издержки производства паровозов.

В дальнейшем следует еще кое-что добавить специально о химических заводах, которые все в той или иной мере приготовляют вспомогательные материалы, сырье для сосудов (например, стекло, фарфор), а также предметы, входящие непосредственно в потребление.

Все красящие вещества представляют собой вспомогательные материалы. Но они входят в продукт не только по своей стоимости, как, например, потребленный на фабрике уголь входит в хлопчатобумажную ткань, а воспроизводят себя в приобретаемой продуктом форме (в его окраске).

Вспомогательные материалы или являются *средствами потребления для машин,* — и тут они служат либо горючим для двигателя, либо средством, применяемым в целях уменьшения трения рабочей машины и т. д., как, например, сало, мыло, смазочное масло и т. д., — или же они представляют собой

вспомогательный материал при постройках, как, например, цемент и пр. Или, наконец, они служат вспомогательными материалами, необходимыми вообще для осуществления процессов производства, как, например, освещение, отопление и т. д. (в этом случае они — вспомогательные материалы, необходимые самим рабочим для того, чтобы рабочие могли работать).

Или *это такие вспомогательные материалы,* которые входят в процесс образования сырья, каковы удобрения всякого рода и все химические продукты, поглощаемые сырьем.

Или *это такие вспомогательные материалы,* которые входят в готовый продукт: краски, лаки и т. п.

* * *

Результат, стало быть, таков:

A возмещает свой собственный постоянный капитал, составляющий $^2/_3$ продукта, посредством обмена на ту часть непригодных для индивидуального потребления продуктов *B,* в которой представлен доход *B,* т. е. труд, вновь присоединенный в категории *B* в течение года. Но *A* не возмещает постоянного капитала *B.* Категория *B* должна со своей стороны возместить in natura этот постоянный капитал новыми продуктами того же самого рода. Но у нее не остается никакого рабочего времени для того, чтобы возместить их. Ибо все вновь присоединенное ею рабочее время образует ее доход и представлено, следовательно, той частью продукта *B,* которая входит в *A* как постоянный капитал. Как же возмещается постоянный капитал *B?*

Он возмещается отчасти посредством *собственного* (растительного или животного) *воспроизводства,* как это имеет место во всей области земледелия и скотоводства; отчасти — посредством *обмена in natura* частей одного постоянного капитала на части другого постоянного капитала, причем продукт одной сферы входит в другую в качестве сырья или средства производства, и наоборот. Здесь, стало быть, продукты различных сфер производства, [389] различные сорта постоянного капитала, входят взаимно друг в друга in natura в качестве условий производства.

Производители продуктов, непригодных для индивидуального потребления, являются производителями постоянного капитала для производителей индивидуально потребляемых продуктов. Но в то же время их продукты взаимно служат им элементами или факторами их собственного постоянного капитала. Это значит, что они *производственно* потребляют продукты друг друга.

Весь продукт *A* потребляется индивидуально. Следовательно, и весь содержащийся в нем постоянный капитал. $^1/_3$ *A* потребляют производители *A,* $^2/_3$ *A* — производители продуктов *B,* непригодных для индивидуального потребления. Постоянный капитал *A* возмещается продуктами *B,* образующими доход *B.* Это на деле единственная часть постоянного капитала, возмещаемая *вновь присоединенным трудом,* и она возмещается этим трудом потому, что то количество продуктов *B,* которое представляет труд, вновь присоединенный в категории *B,* не потребляется категорией *B,* а, напротив, потребляется производственно категорией А, в то время как категория *B* потребляет $^2/_3$ *A* индивидуально.

Пусть *A* будет равно 3 рабочим дням; тогда, согласно предположению, его постоянный капитал будет равен 2 рабочим дням. *B* возмещает $^2/_3$ продукта *A,* доставляет, следовательно, непригодные для индивидуального потребления продукты, равные 2 рабочим дням. Теперь у нас съедены 3 рабочих дня, остаются 2. Другими словами, два прошлых рабочих дня в *A* возмещены двумя рабочими днями, вновь присоединенными в *B,* но только потому, что два рабочих дня, вновь присоединенные в *B,* потребляются по стоимости в продукте А, а не в самом продукте *B.*

Постоянный капитал категории *B* в той мере, в какой он вошел в совокупный продукт *B,* также должен быть возмещен *in natura* новыми продуктами того же рода, следовательно продуктами, необходимыми для *производственного* потребления категории *B.* Но возмещается он не *новым* рабочим временем, хотя и *продуктами* рабочего времени, вновь затраченного в течение года.

Пусть в совокупном продукте *B* весь постоянный капитал составляет $^2/_3$. Тогда, если вновь присоединенный труд (равный сумме заработной платы и прибыли) равняется 1, прошлый труд, служивший ему материалом труда и средством труда, будет равен 2. Как же возмещаются эти 2? Отношение между переменным и постоянным капиталом может быть очень различным внутри различных сфер производства категории *B.* Но среднее отношение, согласно предположению, равно $^1/_3$:$^2/_3$, или 1:2. Каждый из производителей категории *B* имеет перед собой $^2/_3$ своего продукта — например, угля, железа, льна, машин, скота, пшеницы (а именно, той части скота и пшеницы, которая не входит в индивидуальное потребление) и т. д., — элементы производства которых должны быть возмещены, или которые должны быть обратно превращены в натуральную форму своих элементов производства. Но все эти

продукты сами входят опять в производственное потребление. Пшеница (в качестве семян) является вместе с тем снова своим собственным сырьем, часть выращенного скота возмещает потребленный скот, т. е. возмещает самоё себя. Таким образом, в этих сферах производства категории *B* (в земледелии и скотоводстве) часть их продукта будет в своей собственной натуральной форме возмещать свой собственный постоянный капитал. Часть этого продукта не поступает, стало быть, в обращение (по крайней мере, она не обязательно должна поступить в обращение и может поступить в него лишь формально). Другие из этих продуктов, как, например, лен, конопля и т. д.. уголь, железо, дерево, машины, входят частично как средства производства в свое собственное производство. Подобно семенам в земледелии, уголь входит в производство угля, а машина — в производство машины. Часть продукта, состоящего из машин и угля, и притом часть из той доли этого продукта, в которой представлен его постоянный капитал, возмещает, стало быть, самоё себя и лишь меняет свое место в процессе производства. Она перестает быть продуктом и становится своим собственным средством производства.

Другие части этих и других продуктов взаимно входят друг в друга как элементы производства: машина — в железо и дерево, дерево и железо — в машину, смазочное масло — в машину, а машина — в смазочное масло, уголь — в железо, железо (в качестве рельсового пути и т. д.) — в уголь и т. д. Таким образом, в той мере, в какой $^2/_3$ этих продуктов категории *B* не возмещают себя сами, т. е. не входят в своей натуральной форме опять в свое собственное производство, — так что, следовательно, часть продуктов *B* непосредственно потребляется производственно своими собственными производителями, подобно тому как часть продуктов *A* непосредственно потребляется индивидуально своими собственными производителями, — в той мере, стало быть, в какой это здесь не имеет места, продукты производителей категории *B* взаимно возмещают друг друга в качестве средств производства. Продукт производителя *a* входит в производственное потребление производителя *b,* а продукт производителя *b* — в производственное потребление производителя *a,* или окольным путем: продукт производителя *a* входит в производственное потребление производителя *b,* продукт этого последнего — в производственное потребление производителя *c,* а продукт производителя с — в производственное потребление производителя *a.* Таким образом, то, что в одной сфере производства категории *B* потребляется как постоянный капитал, в другой сфере производится

вновь, а то, что потребляется в этой последней, производится в первой. То, что в одной сфере перешло из формы машины и угля в форму железа, перешло в другой сфере из формы железа и угля в форму машины, и т. д.

[390] Необходимо, чтобы постоянный капитал категории *B* был возмещен в своей натуральной форме. Если рассматривать совокупный продукт категории *B,* то он представляет как раз весь постоянный капитал во всех его натуральных формах. И в тех случаях, когда продукт какой-либо особой сферы категории *B* не может возместить in natura свой собственный постоянный капитал, покупка и продажа, переход из рук в руки ставит здесь все опять на свое место.

Итак, здесь происходит возмещение постоянного капитала постоянным капиталом; поскольку это не совершается непосредственно, без обмена, постольку здесь перед нами *обмен капитала на капитал,* т. е. — по потребительной стоимости — обмен продуктов на продукты, которые взаимно входят в их соответственные процессы производства, так что каждый из этих продуктов производственно потребляется производителями соответствующего другого продукта.

Эта часть капитала не сводится ни к прибыли, ни к заработной плате. Она не содержит никакого вновь присоединенного труда. Она не обменивается на доход. Она ни прямо, ни косвенно не оплачивается потребителями. Опосредствовано ли купцами (т. е. купеческими капиталами) это взаимное возмещение капиталов или не опосредствовано, — от этого дело ничуть не меняется.

Но раз эти продукты (машины, железо, уголь, дерево и т. д., взаимно возмещающие друг друга) являются новыми продуктами, раз они продукты труда последнего года, — ведь пшеница, служащая в качестве семян, совершенно так же является продуктом нового труда, как и пшеница, входящая в индивидуальное потребление, и т. д., — то как можно утверждать, что в этих продуктах не содержится никакого вновь присоединенного труда? И разве, кроме того, их форма не показывает весьма убедительно как раз обратное? Если этого не видно на пшенице или на скоте, то машина, ее форма, прямо свидетельствует о труде, превратившем ее из железа и т. д. в машину. И т. д.

Эта проблема разрешена раньше*. Нет надобности возвращаться здесь снова к этому вопросу.

{Неправилен, стало быть, тезис А. Смита, что размеры торговли между одними «деловыми людьми» и другими должны

* См. настоящий том, часть I, стр. 83—132, 171—183 и 207. *Ред.*

быть равны размерам торговли между «деловыми людьми» и потребителями (под последними следует подразумевать непосредственных потребителей, а не производственных потребителей, которые сами причисляются Смитом к категории «деловых людей»). Этот тезис покоится на том его неверном положении, согласно которому весь продукт сводится к доходу, и на деле означает только то, что часть товарного обмена, образуемая обменом между капиталом и доходом, равняется совокупному обмену товаров. Поэтому столь же неправильны, как этот тезис, также и те практические выводы, которые делает из него Тук применительно к денежному обращению (в особенности применительно к соотношению денежной массы, обращающейся между «деловыми людьми», и денежной массы, обращающейся между «деловыми людьми» и потребителями).

Если в качестве последнего «делового человека», противостоящего потребителю, мы возьмем купца, покупающего продукты *А,* то продукты эти покупаются у него на доход производителей *А* (равный $^{1}/_{3}$ *A)* и на доход производителей *В* (равный $^{2}/_{3}$ *A).* Эти доходы возмещают ему его купеческий капитал, Сумма этих доходов должна покрыть его капитал. (Прибыль, выручаемая этой канальей, должна получаться в результате того, что часть *А* он удерживает для самого себя и меньшее количество *А* продает по стоимости всего *А.* Дело совершенно не меняется от того, считать ли эту каналью необходимым агентом производства или же паразитически вклинивающимся сибаритом.) Этот обмен, совершающийся между «деловым человеком», торгующим продуктом *А,* и потребителем этого продукта, покрывает по своей стоимости обмен между тем, кто торгует продуктом *А,* и всеми теми, кто участвовал в производстве продукта *А,* покрывает, следовательно, все сделки, имевшие место между этими производителями в их собственной среде.

Купец покупает холст. Это — последняя сделка между одним «деловым человеком» и другим. Ткач, изготовляющий холст, покупает пряжу, машины, уголь и т. д. Это — предпоследняя сделка между одним «деловым человеком» и другим. Прядильщик покупает лен, машины, уголь и т. д. Это — сделка между одним «деловым человеком» и другим, предшествующая предпоследней. Льновод и машиностроитель покупают машины, железо и т. д., и т. д. Но сделки между производителями льна, машин, железа, угля, совершаемые в целях возмещения их постоянного капитала, и стоимость этих сделок не входят в те сделки, через которые проходит продукт *А*, будь то для обмена дохода на доход или же для обмена дохода на постоянный

капитал. Эти сделки, — происходящие не между производителями *B* и производителями *A,* а между одними только производителями *B,* — совершенно так же ни в какой мере не подлежат возмещению со стороны покупателя продукта *A* в пользу продавца продукта *A,* как стоимость этой части продукта *B* ни в какой мере не входит в стоимость продукта *A.* Эти сделки также требуют денег, они также опосредствованы купцами. Но та часть денежного обращения, которая относится исключительно к этой сфере, совершенно отделена от денежного обращения, совершающегося между «деловыми людьми» и потребителями.} [391] Остается решить еще два вопроса:

1) В предыдущем изложении мы рассматривали заработную плату как доход, не проводя различия между нею и прибылью. Спрашивается, в какой мере здесь имеет значение то обстоятельство, что она одновременно выступает как часть оборотного капитала капиталиста?

2) До сих пор мы принимали, что весь доход расходуется как доход. Следует поэтому рассмотреть то изменение, которое возникает в том случае, когда часть дохода, прибыли, капитализируется. Это на деле совпадает с рассмотрением процесса накопления, однако не с его формальной стороны. Что та часть продукта, в которой представлена прибавочная стоимость, превращается обратно отчасти в заработную плату, отчасти в постоянный капитал, это довольно просто. Но здесь нужно исследовать, как это влияет на обмен товаров в тех вышеразобранных рубриках, под которыми он может рассматриваться по отношению к его носителям, а именно в рубриках: обмен дохода на доход, обмен дохода на капитал и, наконец, обмен капитала на капитал.}

{Это интермеццо надо, стало быть, довести до конца в этой историко-критической части, возвращаясь к нему от случая к случаю[82].}

[11)] ФЕРЬЕ [ПРОТЕКЦИОНИСТСКИЙ ХАРАКТЕР ПОЛЕМИКИ ФЕРЬЕ ПРОТИВ ТЕОРИИ СМИТА О ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОМ ТРУДЕ И НАКОПЛЕНИИ КАПИТАЛА. ПУТАНИЦА У СМИТА В ВОПРОСЕ О НАКОПЛЕНИИ. ВУЛЬГАРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ВО ВЗГЛЯДАХ СМИТА НА «ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ»]

Книга Ф. Л. О. Ферье *(таможенного субинспектора)* называется: «Du gouvernement considere dans ses rapports avec le commerce», Paris, 1805. (Это — главный источник, откуда черпал Ф. Лист.) Этот субъект — панегирист *бонапартовской* запретительной системы и т. д. В самом деле, правительству

(следовательно, также и государственным чиновникам, этим непроизводительным работникам) он придает важное значение, объявляя его руководителем, непосредственно вмешивающимся в производство. Этот таможенный чиновник поэтому весьма озлоблен тем, что А. Смит называет государственных чиновников непроизводительными работниками.

«Принципы *бережливости наций, установленные* Смитом, имеют своим основанием различение между производительным и непроизводительным трудом...»

{а именно потому, что Смит желает, чтобы возможно большая часть продукта расходовалась как капитал, т. е. в обмене на производительный труд, и возможно меньшая часть — как доход, в обмене на непроизводительный труд}.

«Это различение неправильно по существу. *Непроизводительного труда вовсе не существует»* (стр. 141). «Таким образом, существует бережливость и расточительность наций; но расточительной или бережливой нация бывает только в своих отношениях к *другим* народам, и вопрос следовало бы рассматривать именно так» (цит. соч., стр. 143).

Мы сейчас сопоставим с этим те рассуждения А. Смита, которые приводят Ферье в ужас.

«Существует», — говорит Ферье, — «бережливость наций, но совершенно отличная от смитовской. Она состоит в том, чтобы покупать заграничные продукты лишь в таком количестве, какое можно оплатить своими продуктами. А иногда она состоит в том, чтобы совсем обходиться без заграничных продуктов» (там же, стр. 174—175).

{В 6-й главе I книги (том I перевода Гарнье, стр. 108—109), в конце этой главы, трактующей «о составных частях цены товаров», *А. Смит* говорит:

«Так как в цивилизованной стране найдется только очень мало таких товаров, вся меновая стоимость которых происходит исключительно из труда, и так как в меновую стоимость подавляющей части товаров значительной долей входят рента и прибыль, то годовой продукт труда этой страны всегда будет достаточен для того, чтобы купить и получить в свое распоряжение гораздо большее количество труда, чем то, которое нужно было употребить на выращивание, обработку и доставку на рынок этого продукта. Если бы общество ежегодно применяло весь тот труд, который оно в состоянии ежегодно купить, то вследствие того, что количество этого труда с каждым годом значительно возрастало бы, продукт каждого следующего года имел бы несравненно бо́льшую стоимость, чем продукт предшествующего года. Но нет ни одной такой страны, где весь годовой продукт полностью употреблялся бы на содержание рабочих. Повсюду значительную часть продукта потребляют праздные люди, и в зависимости от различных пропорций, в каких этот продукт распределяется между этими двумя различными классами людей, его обычная, или средняя, стоимость с необходимостью должна возрастать, уменьшаться или оставаться из года в год неизменной» [Русский перевод, том I, стр. 50-51].

В этом месте, где Смит в сущности пытается разгадать загадку накопления, немало всякого рода путаницы.

Прежде всего, здесь перед нами опять та ложная предпосылка, что «меновая стоимость» годового продукта труда, а следовательно и *«годовой продукт труда»,* целиком разлагается на заработные платы и прибыли (включая сюда и земельные ренты). Не будем возвращаться к этой бессмыслице. Заметим только следующее. Масса годового продукта — или фонды, запасы товаров, составляющие годовой продукт труда, — в значительной части [392] состоит по своей натуральной форме из таких товаров, которые могут войти только в постоянный капитал в качестве его элементов {всякого рода сырье, семена, машины и пр.}, т. е. которые могут быть потреблены *только* производственно. Относительно этих товаров (а это бо̲льшая часть товаров, входящих в постоянный капитал) уже сама их *потребительная стоимость* показывает, что они непригодны для индивидуального потребления, что, следовательно, доход, будь то заработная плата, прибыль или рента, не может быть израсходован на них. Правда, часть сырых материалов (поскольку она не требуется для воспроизводства самих этих сырых материалов или не входит в основной капитал как вспомогательный материал или как непосредственная составная часть) впоследствии приобретет пригодную для потребления форму, но это может произойти только в результате труда текущего года. В качестве продукта прошлогоднего труда даже эти сырые материалы не составляют никакой части дохода. Только пригодная для потребления часть продукта может быть потреблена, может поступить в индивидуальное потребление и, следовательно, образовать доход. Но даже некоторая часть пригодного для потребления продукта не может быть потреблена без того, чтобы не сделать невозможным воспроизводство. Таким образом, даже от пригодной для потребления части товаров отходит такая часть, которая должна быть *потреблена производственно,* т. е. должна служить материалом для труда, семенами и т. д., а не жизненными средствами — будь то для рабочих или для капиталистов. Следовательно, эта часть продукта должна быть с самого начала вычтена из расчета А. Смита или, вернее, прибавлена к нему. Раз *производительность труда остается неизменной,* то ежегодно остается неизменной та часть *продукта,* которая не разлагается на доходы, — если только при неизменной производительности труда на производство затрачивается такое же количество рабочего времени, как и прежде.

Если предположить, что ежегодно применяется *большее количество* труда, чем прежде, то придется рассмотреть, как

в этом случае обстоит дело с постоянным капиталом. Одно несомненно: для того чтобы можно было применить большее количество труда, недостаточно иметь в своем распоряжении *большее количество труда* и *оплачивать это большее количество,* т. е. расходовать больше средств на заработную плату, — для этого необходимо еще сверх того располагать и средствами труда (сырьем и основным капиталом), которые могли бы поглотить это большее количество труда. Этот пункт, следовательно, подлежит еще разбору *после* выяснения тех пунктов, которые рассматривает А. Смит.

Итак, возьмем еще раз его первую фразу:

«Так как в цивилизованной стране найдется только очень мало таких товаров, вся меновая стоимость которых *происходит исключительно из труда,* и так как в меновую стоимость подавляющей части товаров *значительной долей входят рента и прибыль,* то *годовой продукт труда этой страны* всегда будет достаточен для того, чтобы *купить и получить в свое распоряжение* гораздо большее *количество труда,* чем то, *которое нужно было употребить на выращивание,* обработку и доставку на рынок *этого продукта»* (иными словами, на его производство).

Здесь явно смешаны и перепутаны различные вещи. В меновую стоимость совокупного годового продукта входит не только живой труд, не только затраченный в течение данного года живой труд, но и прошлый труд, продукт труда прошедших лет. Не только труд в живой форме, но и труд в овеществленной форме. Меновая стоимость продукта равна сумме содержащегося в нем рабочего времени, часть которого состояла из живого, а часть из овеществленного труда.

Предположим, что живой труд относится к овеществленному как $^{1}/_{3}$:$^{2}/_{3}$, т. е. как 1:2. Тогда стоимость всего продукта будет равна 3, из которых 2 — овеществленное рабочее время и 1 — живое. *Стоимость* всего продукта может, таким образом, купить больше живого труда, чем содержится в нем, если только исходить из предпосылки, что овеществленный и живой труд обмениваются друг на друга как эквиваленты, что определенное количество овеществленного труда получает в свое распоряжение только равное ему самому количество живого труда. Ибо продукт равняется 3 рабочим дням, а содержащееся в нем живое рабочее время равно 1 рабочему дню. Одного дня живого труда было достаточно, чтобы произвести продукт (в действительности — всего лишь для того, чтобы придать его элементам окончательную форму). Но в продукте содержатся 3 рабочих дня. Следовательно, если бы он целиком обменивался на живое рабочее время, если бы его употребили только на то, чтобы «купить и получить в свое распоряжение»

то или иное количество живого труда, то он мог бы получить в свое распоряжение, купить 3 рабочих дня.

А. Смит, однако, имеет в виду явным образом не это; да это и было бы для него совершенно бесполезной предпосылкой. Он хочет сказать следующее: значительная часть меновой стоимости продукта не разлагается (вместо «разлагается» Смит употребляет еще и другое, *ошибочное* выражение, проистекающее из того смешения понятий, которое мы отметили выше*) на заработные платы за труд, а разлагается на прибыли и ренты, или, как мы будем говорить для упрощения, на прибыли. Другими словами: та часть стоимости продукта, которая равна количеству труда, присоединенного в течение последнего года, — т. е. на деле та часть продукта, которая представляет собой в собственном смысле слова продукт труда последнего года, — оплачивает, во-первых, рабочих и, во-вторых, входит в доход капиталиста, в его фонд потребления. Вся эта часть совокупного продукта происходит от труда и притом исключительно от него; но она состоит из оплаченного и неоплаченного труда. Заработные платы равны сумме оплаченного труда, а прибыли [393] — сумме неоплаченного труда. Поэтому если бы весь этот продукт был израсходован на заработную плату, то он, естественно, мог бы привести в движение большее количество труда, чем то количество труда, продуктом которого он является; и притом отношение большего рабочего времени, какое может быть приведено продуктом в движение, к тому количеству рабочего времени, которое содержится в самом продукте, будет в точности зависеть от того отношения, в каком рабочий день делится на оплаченное и неоплаченное рабочее время.

Пусть отношение между оплаченным и неоплаченным рабочим временем будет таким, при котором рабочий производит, или воспроизводит, свою заработную плату в 6 часов, т. е. в течение половины рабочего дня. Тогда остальные 6 часов, или половина рабочего дня, образуют прибавочное время. Следовательно, из продукта, содержащего, например, 100 рабочих дней [вновь присоединенного труда], равных 50 ф. ст. (если рабочий день равен 10 шилл., то 100 рабочих дней равны 1000 шилл., или 50 ф. ст.), 25 ф. ст. составили бы заработную плату и 25 ф. ст. — прибыль (ренту). Посредством 25 ф. ст., равных 50 рабочим дням, были бы оплачены 100 рабочих, которые половину своего рабочего времени проработали бы даром, другими словами — на своих хозяев. Стало быть, если бы весь продукт (этих 100 рабочих дней) был затрачен на заработную

* См. настоящий том, часть I, стр. 71—73. *Ред.*

плату, то на 50 ф. ст. можно было бы привести в движение 200 рабочих, из которых каждый, как и прежде, получал бы в виде заработной платы 5 шилл., или половину продукта своего труда. Продукт этих рабочих составил бы 100 ф. ст. (а именно, 200 рабочих дней равны 2000 шилл., т. е. 100 ф. ст.), посредством которых можно было бы привести в движение 400 рабочих (каждый рабочий получает 5 шилл., 400 рабочих — 2000 шилл.), продукт которых равен 200 ф. ст., и т. д.

Вот что имеет в виду А. Смит, говоря, что «годовой продукт труда» всегда будет достаточен «для того, чтобы купить и получить в свое распоряжение гораздо большее количество труда», чем количество труда, употребленное на производство продукта. (Если бы рабочему выплачивался весь продукт его труда, т. е. если бы за 100 рабочих дней ему выплачивались 50 ф. ст., то эти 50 ф. ст. могли бы привести в движение также только 100 рабочих дней.) В этом же смысле А. Смит говорит далее:

«Если бы общество ежегодно применяло весь тот труд, который оно в состоянии ежегодно купить, то вследствие того, что количество этого труда с каждым годом значительно возрастало бы, продукт каждого следующего года имел бы несравненно большую стоимость, чем продукт предшествующего года».

Но часть этого продукта съедается собственниками прибыли и ренты, а часть — их прихлебателями. Поэтому та часть продукта, которая может быть опять затрачена на труд (производительный), определяется той его частью, которая не съедается самими капиталистами, получателями ренты и их прихлебателями (являющимися вместе с тем непроизводительными работниками).

Но таким образом здесь так или иначе всегда оказывается налицо некоторый новый фонд (новый фонд заработной платы) — для того, чтобы продуктом прошлогоднего труда привести в движение в данном году большую массу рабочих. А так как стоимость годового продукта определяется количеством затраченного рабочего времени, то стоимость годового продукта будет с каждым годом возрастать.

Разумеется, было бы бесполезно обладать фондом, могущим *окупить и получить в свое распоряжение* гораздо большее количество труда», чем в предыдущем году, если бы большее количество труда не находилось на рынке. Мне нет никакой пользы от того, что у меня есть больше денег для покупки какого-нибудь товара, если на рынке не имеется большего количества этого товара. Предположим, что из 50 ф. ст. берется сумма, которая приводит в движение вместо прежних 100 рабочих (получавших 25 ф. ст.) не 200, а только 150 рабочих, тогда как

капиталисты проедают сами $12^1/_2$ ф. ст. вместо 25 ф. ст. В таком случае 150 рабочих (получающих $37^1/_2$ ф. ст.) дали бы 150 рабочих дней, что составляет 1500 шилл., или 75 ф. ст. Однако если бы по-прежнему налицо была масса рабочих только в 100 человек, то эти 100 получили бы теперь в виде заработной платы вместо прежних 25 ф. ст. — $37^1/_2$ ф. ст., но их продукт по-прежнему составил бы только 50 ф. ст. Следовательно, доход капиталиста понизился бы с 25 ф. ст. до $12^1/_2$ ф. ст., так как заработная плата возросла бы на 50%. Но А. Смит знает, что увеличенное количество труда можно будет достать. Отчасти благодаря ежегодному приросту населения (прирост этот, правда, по мнению Смита, имеет своей предпосылкой прежнюю сумму заработной платы). Отчасти благодаря наличию безработных пауперов, полубезработных рабочих и т. д. Затем благодаря массе непроизводительных работников, которые частично, в результате иного применения прибавочного продукта, могут быть превращены в *производительных* рабочих. Наконец, та же самая рабочая масса может доставлять *большее количество* труда. Ведь совершенно безразлично, оплачиваю ли я 125 рабочих вместо 100 или же 100 рабочих работают ежедневно по 15 часов вместо 12.

Вдобавок то представление, что с ростом производительного капитала — или с ростом той части годового продукта, которая предназначается для воспроизводства, — в таком же отношении должен расти и *применяемый труд* (живой труд, затрачиваемая на заработную плату часть капитала), является ошибкой А. Смита, теснейшим образом связанной с его взглядом, будто весь продукт разлагается на доходы.

[394] Итак, Смит прежде всего утверждает, что имеется фонд пригодных для индивидуального потребления жизненных средств, который в данном году может «купить и получить в свое распоряжение» большее количество труда, чем в прошлом году. Имеется больше труда и вместе с тем больше жизненных средств для этого труда. Теперь надо посмотреть, как реализуется это добавочное количество труда.}

Если бы А. Смит вполне сознательно и последовательно придерживался того анализа прибавочной стоимости, который по существу у него имеется и согласно которому она создается лишь в обмене капитала на наемный труд, то производительным оказался бы только труд, обмениваемый на капитал, но ни в коем случае не труд, обмениваемый на доход как таковой. Для того чтобы быть обмененным на производительный труд, доход предварительно должен быть превращен в капитал.

Но так как Смит в то же время берет за исходный пункт одностороннее традиционное представление, что производительным является такой труд, который вообще непосредственно производит материальное богатство, и комбинирует с этим представлением свое различение, поскольку оно основывается на обмене между капиталом и трудом или же между доходом и трудом, — то у него оказываются возможными следующие определения: тот вид труда, на который обменивается капитал, всегда производителен (всегда создает материальное богатство и т. д.); а тот вид труда, на который обменивается доход, может быть как производительным, так и непроизводительным, но человек, тратящий свой доход, в большинстве случаев предпочитает применять, вместо производительного труда,тот или иной прямо непроизводительный труд. Здесь видно, как этим смешением обоих своих различений А. Смит весьма ослабляет и делает плоским главное из них.

Что А. Смит не сводит целиком фиксирование труда к чисто внешнему фиксированию, показывает следующая цитата, где среди различных составных частей основного капитала перечисляются:

«4) Полезные способности, приобретенные жителями, или членами общества. Приобретение этих способностей всегда сопряжено с реальной затратой на содержание того, кто их приобретает, во время его воспитания, его ученичества или его учебных занятий, и эта затрата есть капитал, фиксированный и овеществленный, так сказать, в его личности. Эти способности, составляя часть его достояния, вместе с тем составляют и часть достояния того общества, к которому он принадлежит. Повышенную ловкость рабочего можно рассматривать с такой же точки зрения, с какой рассматриваются машины или инструменты, которые облегчают и сокращают труд и, несмотря на затрату, произведенную на них, возмещают эту затрату с прибылью» (перевод Гарнье, том II, стр. 204—205) [Русский перевод, том I, стр. 234—235].

Странное происхождение накопления и его необходимости:

«В том первобытном состоянии общества, в котором не существует никакого разделения труда, в котором почти не происходит обмена и в котором каждый индивидуум своими собственными руками добывает все, в чем он нуждается, *нет необходимости в существовании накопленного или заранее собранного запаса для поддержания хозяйственной жизни общества»*

(ведь здесь уже с самого начала предположено, что никакого общества не существует).

«Каждый человек старается своей собственной деятельностью достать средства для удовлетворения своих текущих потребностей по мере того, как они дают себя чувствовать. Когда он испытывает голод, он отправляется в лес охотиться», и т. д. (там же, том II, стр. 191—192) (книга II, *Введение)* [Русский перевод, том I, стр. 229]. «Но как только повсеместно установилось разделение труда, отдельный человек может одним только

своим личным трудом удовлетворить лишь весьма небольшую часть появляющихся у него потребностей. Гораздо большую часть этих потребностей он удовлетворяет *предметами, произведенными трудом других* и покупаемыми им на продукт своего собственного труда, или, что сводится к тому же самому, за цену своего собственного продукта. Но такую *покупку* он может совершить лишь по истечении того времени, которое необходимо не только для *полного изготовления,* но *еще и для продажи продукта своего труда».*

(Также и в первом случае он не мог съесть зайца, предварительно не убив его, и не мог убить его, предварительно не изготовив себе классический «лук» или что-нибудь подобное. Поэтому единственным новым условием во втором случае является не необходимость какого бы то ни было «запаса», а «время, необходимое... для *продажи* продукта своего труда».)

«Необходимо поэтому, чтобы по крайней мере до того момента, как он сможет закончить оба эти дела, существовал где-либо некоторый, *заранее собранный запас предметов различного рода* для содержания его и, кроме того, для снабжения его сырьем и орудиями, необходимыми для его работы. Ткач *не может заниматься целиком* своей специальной работой, если не существует где-либо, *будь то в его собственном владении, будь то во владении какого-либо другого лица,* сделанный заранее *запас,* в котором он находит средства для существования, а также орудия своего ремесла и материал для своей работы, до того момента, когда его холст будет не только изготовлен, но еще и продан. Совершенно очевидно, что *накопление должно предшествовать* тому моменту, когда он сможет приложить свой труд к этому делу и довести его до конца... По самой природе вещей, *накопление капитала является необходимым предварительным условием разделения труда»* (там же, стр. 192—193) [Русский перевод, том I, стр. 229].

(С другой стороны, у Смита, согласно тому, что он утверждал в первой, вступительной фразе, как будто получается, что *до* разделения труда не существует никакого накопления капитала, — совершенно так же, как теперь он, наоборот, утверждает, что до накопления капитала не существует никакого разделения труда.)

Смит продолжает:

«Разделение труда может идти все дальше и дальше только по мере все большего предварительного накопления капиталов. По мере дальнейшего разделения труда *количество сырья, какое может быть переработано одним и тем же числом людей, увеличивается в очень значительной степени;* а так как работа каждого рабочего при этом сводится ко все более простым операциям, то изобретается масса новых машин для облегчения и [395] сокращения этих работ. Поэтому с ростом разделения труда, для того чтобы дать постоянное занятие прежнему числу рабочих, необходимо *предварительно накопить то же самое количество средств существования* и *большее количество сырых материалов и орудий труда,* чем это было бы необходимо при менее развитых условиях» (там же, стр. 193—194) [Русский перевод, том I, стр. 229—230]. «Подобно тому как значительный рост производительных сил труда не может происходить *без предварительного*

накопления капиталов, так и накопление капиталов естественно вызывает этот рост. *Тот, кто употребляет свой капитал на наем рабочих,* естественно желает сделать это так, чтобы они выполнили возможно больше работы. Поэтому он старается возможно целесообразнее распределить труд между своими рабочими, а также снабдить их наилучшими машинами, какие он только может изобрести или какие он в состоянии купить. Его возможности в обоих этих отношениях зависят в общем от величины его капитала, или от числа людей, которым этот капитал может дать занятие. Поэтому не только *количество труда возрастает в стране по мере увеличения капитала,* приводящего его в движение, но кроме того, *вследствие этого увеличения капитала,* одно и то же *количество труда производит гораздо большее количество продукта»* (там же, стр. 194—195) [Русский перевод, том I, стр. 230].

Предметы, уже находящиеся в фонде потребления, А. Смит трактует совершенно так же, как он трактует производительный и непроизводительный труд. Например:

«Жилой дом не приносит никакого дохода живущему в нем; и хотя этот дом, бесспорно, чрезвычайно полезен ему, но только в таком же смысле, в каком полезны его одежда и мебель, которые тоже очень полезны ему, но тем не менее составляют часть его расходов, а не доходов» (там же, том II, стр. 201—202) [Русский перевод, том I, стр. 233]. Напротив, к основному капиталу относятся «все постройки, предназначенные для какой-нибудь полезной цели и являющиеся средствами извлечения дохода не только для их собственника, который получает арендную плату, отдавая их в наем, но даже для их нанимателя, который платит за них; таковы торговые помещения, склады, мастерские, усадебные постройки со всеми их необходимыми службами, конюшнями, амбарами и т. д. Эти постройки сильно отличаются от помещений, предназначенных только для жилья; они представляют собой своего рода орудия производства» (там же, стр. 203—204) (книга II, глава 1) [Русский перевод, том I, стр. 234].

«Все успехи техники, дающие возможность с тем же числом рабочих выполнять то же количество работы при помощи более простых и менее дорогих машин, чем раньше, всегда считаются очень выгодными для общества. Известное количество сырых материалов и известное число рабочих, которые раньше употреблялись на поддержание в порядке более сложных и более дорогих машин, теперь могут быть применены для увеличения количества той работы, ради которой эти или другие машины были сделаны» (там же, том II, стр. 216—217) (книга II, глава 2) [Русский перевод, том I, стр. 239—240].

«Расход на поддержание *основного капитала...* необходимым образом вычитается из чистого дохода общества» (там же, том II, стр. 218) [Русский перевод, том I, стр. 240]. «Всякое сбережение в расходах по поддержанию *основного капитала,* не уменьшающее производительной силы труда, должно увеличивать фонд, приводящий предприятие в движение, а следовательно должно увеличивать и годовой продукт земли и труда, реальный доход всякого общества» (там же, том II, стр. 226—227) [Русский перевод, том I, стр. 244].

Золотые или серебряные деньги, вытесненные за границу банковскими билетами, вообще бумажными деньгами, — если они расходуются «на покупку иностранных товаров для потребления внутри страны», — идут либо на покупку предметов роскоши, каковы заграничные вина, шелковые ткани и т. д., словом, на покупку «товаров.., предназначенных для потребления *праздных людей,* ничего не производящих.., либо... на по-

купку добавочного фонда сырых материалов, орудий труда и средств существования для содержания и найма добавочного числа тех трудолюбивых людей, которые с прибылью воспроизводят стоимость своего годового потребления» (там же, том II, стр. 231—232) [Русский перевод, том I, стр. 246].

Первый способ употребления денег, говорит Смит, увеличивает расточительность, «увеличивает расходы и потребление, ничего не добавляя к производству и не создавая постоянного фонда для покрытия этих расходов, и он во всех отношениях вреден для общества» (там же, том II, стр. 232) [Русский перевод, том I, стр. 246]. Напротив, «будучи израсходованными вторым способом, деньги соответственно расширяют рамки производства; хотя они и увеличивают потребление общества, но они открывают постоянный источник для поддержания этого потребления, так как *те люди, которые потребляют это добавочное количество средств существования, воспроизводят с прибылью всю стоимость своего годового потребления»* (том II, стр. 232) [Русский перевод, том I, стр. 246].

«То количество производительного труда, которое может быть приведено в действие данным капиталом, должно, как это само собой очевидно, равняться числу рабочих, которых капитал этот может снабдить сырыми материалами, орудиями труда и средствами существования, соответствующими характеру их работы» (там же, том II, стр. 235) (книга II, глава 2) [Русский перевод, том I, стр. 247].

[396] В *3-й главе II книги* (там же, том II, стр. 314 и следующие) мы читаем:

«Производительные и непроизводительные работники, а также и те, которые совсем не работают, все одинаково содержатся на годовой продукт земли и труда данной страны. Этот продукт... неизбежно имеет свои границы. Поэтому, в зависимости от того, меньшая или большая доля его затрачивается в течение года на содержание непроизводительных работников, для производительных останется в одном случае больше, в другом меньше, и соответственно этому продукт следующего года увеличится или сократится...

Хотя вся совокупность годового продукта земли и труда данной страны... предназначается в конечном счете для того, чтобы покрывать потребление ее жителей и приносить им доход, *однако в тот момент,* когда он выходит из земли или из-под рук производительных рабочих, он делится естественным образом на две части. Одна из них — и часто наибольшая — предназначается в первую очередь на *возмещение капитала, или на восстановление тех средств существования, сырых материалов или законченных изделий,* которые были взяты из капитала; другая часть предназначена для образования дохода, причитающегося владельцу этого капитала (как прибыль) или некоторому другому лицу (как рента с его земли)...

Та часть годового продукта земли и труда данной страны, которая возмещает капитал, никогда непосредственно не употребляется на содержание каких-либо других наемных лиц, кроме производительных рабочих; из нее оплачивается заработная плата только за производительный труд. Та часть продукта, которая предназначена для того, чтобы непосредственно образовать доход,.. может идти на содержание одинаково как производительных, так и непроизводительных работников...

Непроизводительные работники и те люди, которые совсем не работают, все они содержатся *на доход:* либо, во-первых, на ту часть годового продукта, которая с самого начала предназначена для образования

дохода каких-нибудь частных лиц, в виде ли ренты с земли или прибыли с капитала; либо, во-вторых, на ту часть годового продукта, которая, хотя и предназначена на возмещение капитала и на содержание одних только производительных рабочих, однако, попав однажды в руки этих последних, может в части своей, превышающей то, что необходимо для их существования, расходоваться на содержание как производительных, так и непроизводительных людей. Так, простой рабочий, если его заработная плата высока, может... держать прислугу для себя лично или пойти иногда на комедию или в кукольный театр, внося таким образом свою долю на содержание одного из классов непроизводительных работников, или он может, наконец, платить некоторые налоги, помогая этим содержать другой из этих классов,.. столь же непроизводительный. Однако из той части годового продукта, которая с самого начала предназначена для возмещения капитала, ни одна доля не идет на содержание непроизводительных работников раньше, чем она приведет в движение все соответствующее ей количество производительного труда... Рабочий должен заработать свою заработную плату, выполнив свою работу, прежде чем он сможет произвести хотя бы малейший расход на непроизводительный труд... Земельная рента и прибыль с капитала... повсюду являются главными источниками, из которых непроизводительные работники черпают свое содержание... Оба эти дохода могут содержать одинаково как производительных, так и непроизводительных работников; однако обладатели этих доходов оказывают, по-видимому, всегда некоторое предпочтение последним...

Итак, соотношение между количеством производительных и непроизводительных работников в каждой стране зависит главным образом от соотношения между той частью годового продукта, которая, по выходе из земли или из-под рук произведших ее рабочих, предназначается на возмещение капитала, и той, которая предназначается на образование дохода в виде ренты или прибыли. А это соотношение весьма различно в богатых и бедных странах».

Смит затем сравнивает то положение вещей, которое существует

«у богатых наций Европы», где теперь «очень большая, часто наибольшая часть продукта земли *предназначается на возмещение капитала богатого и независимого фермера»,* с тем, прямо противоположным, положением вещей, которое существовало при «господстве феодального режима», когда «весьма малой доли продукта было достаточно для возмещения капитала, употребленного на обработку земли». То же самое в торговле и в промышленности. В настоящее время в них употребляются крупные капиталы; прежде капиталы были совсем незначительны, но они приносили очень большие прибыли. «Нигде процент не был ниже 10, и прибыли с капитала должны были быть достаточно велики, чтобы из них можно было оплатить столь высокие проценты. Ныне в более развитых странах Европы ссудный процент нигде не превышает 6, а в наиболее богатых странах он равняется 4, 3, 2. Если та часть дохода жителей, которая проистекает из прибылей, в богатых странах всегда значительно больше, чем в бедных, то это оттого, что капитал там имеет гораздо более крупные размеры; по отношению же к капиталу прибыль там обычно гораздо ниже.

Таким образом, та часть годового продукта, которая, по выходе из земли или из-под рук производительных рабочих, предназначается на возмещение [397] капитала, в богатых странах не только гораздо больше, чем в бедных, но и гораздо значительнее в процентном отношении к той

части, которая непосредственно предназначена для образования дохода в виде ренты или прибыли. Фонд, предназначенный для содержания производительного труда, в богатых странах не только гораздо обильнее, чем в бедных, но и значительнее в процентном отношении к тому фонду, который, хотя и может служить для содержания одинаково как производительных, так и непроизводительных работников, однако обычно затрачивается преимущественно на содержание последних».

(Смит впадает в ту ошибку, что отождествляет величину производительного капитала с *величиной той его части,* которая предназначается на содержание производительного труда. Но это связано с тем, что крупная промышленность была ему фактически известна еще только в своем зачаточном состоянии.)

«Соотношение между этими двумя различными видами фондов с необходимостью определяет в каждой стране общий характер ее жителей в смысле трудолюбия или лености». Так, например, — говорит Смит, — «в английских и голландских промышленных городах, где низшие классы парода живут главным образом за счет применяемых капиталов, они в общем трудолюбивы, воздержанны и бережливы. Напротив, в столичных городах, где находятся королевские дворы и пр. и где низшие классы народа живут за счет траты доходов высшими классами, они, по общему правилу, ленивы, распутны и бедны; пример этому — Рим, Версаль и т. д. ...»

«Таким образом, соотношение между суммой капиталов и суммой доходов повсюду определяет соотношение между трудолюбием и праздностью: везде, где преобладают капиталы, там господствует трудолюбие; везде, где преобладают доходы, там господствует праздность. Поэтому *всякое увеличение или уменьшение массы капиталов,* естественно, ведет к тому, что реально увеличиваются или уменьшаются сумма производственной деятельности, количество производительных рабочих, а следовательно и меновая стоимость годового продукта земли и труда данной страны, богатство и реальный доход всех ее жителей...

То, что сберегается в течение года, потребляется-столь же регулярно, как и то, что в течение года расходуется, и притом приблизительно в одно и то же время; но потребляется оно другим классом людей. Доля дохода, расходуемая в течение года, потребляется домашними слугами, бесполезными ртами и т. д., которые не оставляют после себя решительно ничего, что возмещало бы их потребление. А доля дохода, сберегаемая в течение года, потребляется рабочими, которые с прибылью воспроизводят стоимость своего годового потребления... Потребление такое же, но потребители разные...»

Отсюда проповеди Смита (дальше, в той же главе, стр. 328, 329 и сл.) на тему о бережливом человеке, который своими ежегодными сбережениями как бы создает общественную мастерскую для добавочного числа производительных рабочих,

«учреждает своего рода вековечный фонд для содержания соответствующего числа производительных рабочих», тогда как «расточитель уменьшает массу фондов, предназначенных для содержания производительного труда... Если бы то количество пищи и одежды, какое таким образом» (вследствие мотовства расточителей) «потреблено непроизводительными людьми, было распределено между производительными рабочими, эти

последние *воспроизвели бы, да еще с прибылью,* всю стоимость того, что ими потреблено...»

Всю эту мораль Смит завершает утверждением, что это (бережливость и расточительность) уравновешивается в среде частных лиц и что фактически преобладает «благоразумие». Великие нации

«никогда не беднеют из-за расточительности и неблагоразумия частных лиц, хотя иногда беднеют из-за расточительности и неблагоразумия своего правительства. В большинстве стран весь или почти весь национальный доход употребляется на содержание непроизводительных людей. Сюда относятся придворные, церковь, флоты, армия, которые в мирное время ничего не производят, а во время войны не приобретают ничего такого, что могло бы компенсировать издержки на их содержание хотя бы только в продолжение самой войны. *Люди этого рода, ничего сами не производящие, содержатся на продукт труда других.* Поэтому, когда их число увеличивается сверх необходимого, они могут за год потребить столь значительную часть этого продукта, что остающаяся часть окажется недостаточной, для содержания производительных рабочих, которые должны были бы воспроизвести его в следующем году...» [там же, том II, стр. 314—336. Русский перевод, том I, стр. 279—289].

В 4-й главе II книги Смит пишет:

«Так как фонд, предназначенный для содержания производительного труда, возрастает со дня на день, то возрастает также с каждым днем и спрос на этот труд: рабочие [398] легко находят себе работу, а владельцы капиталов испытывают затруднения в приискании рабочих, которых они могли бы нанять. Конкуренция капиталистов повышает заработную плату и понижает прибыль» (там же, том II, стр. 359) [Русский перевод, том 1, стр. 299].

В 5-й главе II книги «О *разных способах применения капиталов»* Смит классифицирует различные виды капиталов в зависимости от того, какому количеству производительного труда они дают занятие и, следовательно, в какой мере они увеличивают «меновую стоимость» годового продукта. На первом месте у Смита — *земледелие.* Затем *мануфактура.* Потом *торговля.* Наконец, *розничная торговля.* Таков тот последовательный ряд, в который Смит располагает эти виды применения капиталов сообразно количеству производительного труда, приводимого ими в движение. Мы получаем здесь вдобавок и совершенно новое определение «производительных работников»:

«Лица, капиталы которых употребляются одним из этих четырех способов, сами являются *производительными работниками.* Их труд, когда он надлежащим образом направлен, фиксируется и овеществляется в том предмете, или товаре, к которому он приложен, и обычно прибавляет к цене этого товара по крайней мере стоимость их личного содержания и потребления» (там же, том II, стр. 374) [Русский перевод, том I, стр. 306].

(В общем Смит сводит их производительность к тому, что они приводят в движение производительный труд.) О *фермере* он говорит:

«Никакой капитал той же величины не приводит в движение большего количества *производительного труда,* чем капитал фермера. Не только его батраки, но также и *его рабочий скот являются производительными работниками»* [там же, том II, стр. 376. Русский перевод, том I, стр. 307].

Стало быть, в конце концов, и бык оказывается производительным работником.

[12)] ГРАФ ЛОДЕРДЕЛЬ (АПОЛОГЕТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ГОСПОДСТВУЮЩИЕ КЛАССЫ КАК НА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВАЖНЕЙШИХ ВИДОВ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОГО ТРУДА]

Lauderdale (Earl of). An Inquiry into the Nature and Origin of Public Wealth etc., London. 1804 (французский перевод: Recherches sur la nature et l'origine de la richesse publique etc., Paris, 1808).

Выдвигаемое Лодерделем апологетическое обоснование прибыли должно быть рассмотрено только в дальнейшем, в третьем отделе[83]. Согласно этому апологетическому взгляду, прибыль возникает из самих капиталов, так как они *«замещают»* труд. Капиталы оплачиваются за то, что они выполняют либо ту работу, которую иначе должен был бы выполнить сам человек, либо же ту, которую человек вообще не мог бы выполнить без помощи капиталов:

«Теперь понятно, что прибыль с капиталов получается всегда или потому, что капиталы замещают такой труд, который человек должен был бы выполнить собственными руками; или же потому, что они выполняют такой труд, который превосходит личные силы человека и который человек не мог бы выполнить сам» (французский перевод, стр. 119).

Господин «граф» — заядлый враг учения Смита о накоплении и бережливости. Он также заядлый враг проводимого Смитом различения между *производительными* и *непроизводительными работниками;* но по его мнению и то, что Смит называет «производительными силами труда», есть лишь «производительная сила капитала». Он прямо отрицает выдвинутое Смитом объяснение прибавочной стоимости, и притом на следующем основании:

«Если бы это понимание прибыли с капитала было в строгом смысле правильным, то из него вытекало бы, что прибыль является не первичным источником дохода, а только производным, и капитал нельзя было бы рассматривать как один из источников богатства, так как приносимая

им прибыль была бы только перемещением дохода из кармана рабочего в карман капиталиста» (пит. соч., стр. 116—117).

Ясно, что при таких предпосылках Лодердель и в своей полемике против Смита хватается за самое плоское. Так, он говорит:

«Таким образом, один и тот же труд может оказаться производительным или непроизводительным в зависимости от последующего употребления того предмета, к которому его приложили. Например, если мой повар делает торт, который я сейчас же съедаю, он является непроизводительным работником, а его занятие бесплодным трудом, так как эта услуга исчезла сейчас же, как только была оказана. Но если тот же самый труд выполняется в кондитерской, то он становится производительным трудом» (цит. соч., стр. 110).

(Патент здесь принадлежит *Гарнье,* так как его издание труда Смита, снабженное его примечаниями, появилось в 1802 году, т. е. за два года до книги Лодерделя.)

«Это экстраординарное различение, основанное на одной лишь долговечности оказываемых услуг, включает в число непроизводительных работников людей, выполняющих важнейшие функции в обществе. Государь, служители религии и правосудия, защитники государства, все эти люди, не исключая и тех, умелость которых... сохраняет здоровье граждан или образовывает их ум, — все они признаются непроизводительными работниками» (там же, стр. 110—111) (или, как эта милая иерархия приводится у А. Смита: «священники, юристы, врачи, всякого рода писатели; актеры, паяцы, музыканты, оперные певцы, танцовщики и т. д.»[*]).

«Если признавать, что основой богатства является меновая стоимость, то нет необходимости пускаться в пространные рассуждения для того, чтобы показать ошибочность этой доктрины. Ничто [399] не доказывает лучше ее неправильность, чем то уважение, с каким люди относятся к этим услугам, если судить по тому, как эти услуги оплачиваются» *[Лодердель,* цит. соч., стр. 111].

Далее:

«Труд мануфактурного рабочего фиксируется и овеществляется в каком-нибудь пригодном для продажи товаре... Ни *труд слуги,* ни труд, сберегаемый оборотным капиталом» {под «оборотным капиталом» Лодердель понимает здесь *деньги*}, «не образуют, конечно, накопления, не образуют такого фонда, который можно было бы передавать из рук в руки за определенную стоимость. Выгода, которую они доставляют, получается одинаково вследствие того, что они *сберегают труд хозяина* или владельца. Они дают настолько сходные результаты, что тот, кто объявил один из них непроизводительным, неизбежно должен был считать таковым же и другой» {и вслед за этим он цитирует Смита, книгу II, главу 2-ю[84]} (*Лодердель,* цит. соч., стр. 144—145).

* * *

Итак, можно было бы составить такой ряд: Ферье, Гарнье, Лодердель, Ганиль. Последняя фраза, толкующая о *«сбережении труда»,* особенно заезжена *Токвилем.*

[*] Перевод Гарнье, том II, стр. 313 [Русский перевод, том I, стр. 279].

[13) КОНЦЕПЦИЯ «НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ ПРОДУКТОВ» У СЭЯ. ОПРАВДАНИЕ БЕЗУДЕРЖНОГО РОСТА НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНОГО ТРУДА]

После Гарнье появился «Trait*e* d'Economie Politique» пошлого Ж. Б. Сэя. Он упрекает Смита за то, что тот

«*результатам* таких видов деятельности, как деятельность врача, музыканта, актера, отказывает в названии *продуктов.* Труд, которому они посвящают себя, он называет *непроизводительным»* (3-е издание, том I, стр. 117).

Смит вовсе не отрицает, что «эти виды деятельности» производят тот или иной «результат», тот или иной «продукт». Он даже прямо упоминает о

«безопасности, спокойствии, охране государства» как о «результате годового труда» («служителей государства») *(Смит,* книга II, глава 3; перевод Гарнье, том II, стр. 313) [Русский перевод, том I, стр. 279].

Сэй, со своей стороны, придерживается того дополнительного определения Смита, согласно которому эти «услуги» и их продукт «обычно исчезают в момент их выполнения, в момент их производства» *(Смит,* в той же главе). Господин Сэй называет потребленные таким образом «услуги» или их продукты, их результаты — короче, их потребительную стоимость — «нематериальными продуктами, или стоимостями, потребляемыми в момент их производства». Вместо того чтобы называть тех работников, которые выполняют такого рода услуги, «непроизводительными», он называет их «производящими нематериальные продукты». Он дает другое название. Но в дальнейшем он заявляет,

«что они не служат для увеличения национального капитала» (том I, стр. 119). «Нация, у которой имеется большое количество музыкантов, священников, чиновников, может очень приятно развлекаться, прекрасно разбираться в религиозных вопросах и быть превосходно управляемой; но и только. Ее капитал не получил бы от труда всех занятых этим людей никакого непосредственного прироста, так как их продукты потребляются в момент их создавания» (там же, стр. 119).

Таким образом, господин Сэй объявляет эти виды труда *непроизводительными* в самом ограниченном смысле смитовского определения. Но вместе с тем он хочет присвоить себе «шаг вперед», сделанный Гарнье. И потому он изобретает новое название для непроизводительных видов труда. В этом его особая оригинальность, производительность и манера делать открытия. При этом, со своей обычной логикой, он снова сам себя опровергает. Он говорит:

«Нельзя согласиться с мнением господина Гарнье, который из того, что труд врачей, юристов и других подобных лиц производителен, делает

тот вывод, что для нации столь же выгодно увеличивать его, как и всякий другой труд» (там же, стр. 120).

Но почему же нельзя согласиться с этим, если один вид труда столь же производителен, как и другой, и если увеличение количества производительного труда вообще «выгодно для нации»? Почему не так же выгодно увеличивать этот вид труда, как и всякий другой? Потому, — с характерным для него глубокомыслием отвечает Сэй, — что вообще невыгодно, увеличивать количество какого бы то ни было вида производительного труда сверх потребности в этом труде. Но ведь тогда прав Гарнье. Тогда одинаково выгодно, — т. е. одинаково невыгодно, — увеличивать количество как тех, так и других видов труда сверх определенной меры.

«Тут происходит», — продолжает Сэй, — «то же самое, что и с физическим трудом, если бы его затрачивали на продукт в большем количестве, чем это необходимо для изготовления соответствующего продукта».

(На изготовление стола не следует затрачивать больше столярного труда, чем это необходимо для производства стола. Точно так же и при починке больного тела не следует затрачивать больше труда, чем необходимо для его излечения. Таким образом, адвокаты и врачи должны затрачивать только необходимый труд для изготовления своих «нематериальных продуктов».)

«Труд, производящий нематериальные продукты, *как и всякий другой труд,* производителен только до тех пор, пока он увеличивает полезность продукта и тем самым его стоимость»

(т. е. его потребительную стоимость, но Сэй смешивает полезность с меновой стоимостью);

«если он переступает эти границы, то он становится совершенно непроизводительным трудом» (там же, стр. 120).

Логика Сэя, стало быть, такова:

Для нации *не так полезно* увеличивать число- «производителей нематериальных продуктов», как число производителей материальных продуктов. *Доказательство:* абсолютно бесполезно увеличивать сверх потребности число производителей какого бы то ни было продукта, материального или нематериального. *Следовательно,* полезнее увеличивать число бесполезных производителей материальных продуктов, чем число бесполезных производителей нематериальных продуктов. В обоих случаях делается не тот вывод, что бесполезно увеличивать число всех этих производителей вообще, а только тот, что бесполезно увеличивать число производителей какого-нибудь определенного рода продуктов в соответствующей отрасли.

По мнению Сэя, материальные продукты [400] никогда не могут быть произведены в слишком большом количестве, точно так же и нематериальные. Но variatio delectat*. Поэтому нужно производить в обоих подразделениях продукты различного рода. Кроме того, господин Сэй поучает:

«Задержка в сбыте некоторых продуктов вызывается редкостью некоторых других» [цит. соч., том I, стр. 438).

Значит, никогда не может быть произведено слишком много столов, а разве лишь слишком мало, скажем, мисок, которые можно было бы ставить на эти столы. Если слишком увеличилось число врачей, то беда не в том, что их услуги предлагаются в излишнем количестве, а, пожалуй, в том, что предлагается слишком мало услуг других производителей «нематериальных продуктов», например проституток (см. там же, стр. 123, где на одну доску ставится труд носильщиков, проституток и т. д. и где Сэй выставляет смелое утверждение, что «время обучения» для проститутки «сводится к нулю»).

В конце концов у Сэя перевес оказывается на стороне «непроизводительных работников». При данных условиях производства всегда точно известно, сколько нужно рабочих для того, чтобы сделать стол, как велико должно быть количество определенного вида труда, чтобы изготовить определенный продукт. Иначе обстоит дело с многими «нематериальными продуктами». Здесь определение количества труда, требующегося для получения определенного результата, является столь же гадательным, как и самый результат. Двадцать священников совместно сумеют, может быть, добиться обращения грешника, которое не удается одному; шесть врачей, совещающихся между собой, найдут, может быть, целительное средство, которого один врач единолично не находит. В судебной коллегии производится, может быть, больше правосудия, чем отдельным судьей, который только сам себя контролирует. Сколько солдат требуется для защиты страны, сколько полицейских требуется для поддержания в ней порядка, сколько чиновников нужно для хорошего «управления» ею, и т. д., — все это вещи проблематичные, очень часто являющиеся предметом споров, например в английских парламентах, хотя в Англии весьма точно знают, какое количество труда прядильщиков необходимо для производства 1000 фунтов пряжи. Что касается других «производительных» работников этого рода, то в самом понятии их заключено, что приносимая ими польза зависит как раз только от их числа, состоит в самом количестве их. Так обстоит дело,

* — разнообразие доставляет удовольствие. *Ред.*

например, с лакеями, которые должны служить свидетельством богатства и знатности своих господ. Чем больше их число, тем сильнее эффект, который они должны «производить». Поэтому господин Сэй так и остается при своем мнении: число «непроизводительных работников» никогда не может быть увеличено в достаточной степени. [400]

[14)] ГРАФ ДЕСТЮТ ДЕ ТРАСИ [ВУЛЬГАРНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПРИБЫЛИ. ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ «ДЕЯТЕЛЬНЫХ КАПИТАЛИСТОВ» ЕДИНСТВЕННЫМИ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫМИ РАБОТНИКАМИ В ВЫСШЕМ СМЫСЛЕ СЛОВА]

[400] *Le Comte Destutt de Tracy.* Elemens d'ideologie. IV-e et V-e parties. Traite de la volonte et de ses effets. Paris, 1826 (первое издание вышло в 1815 году).

«Всякий полезный труд действительно производителен, и всякий трудящийся класс общества одинаково заслуживает названия *производительного»* (стр. 87).

Но в этом производительном классе Дестют де Траси различает

«трудящийся класс, *непосредственно производящий* все наши богатства» (стр. 88),

т. е. то, что Смит называет производительными рабочими.

Напротив, *бесплодный* класс состоит из богачей, потребляющих свою земельную или денежную ренту. Это — *«праздный класс».*

«Действительно *бесплодный* класс — это класс праздных людей, занятых исключительно тем, что они живут, как говорится, *по-благородному,* на продукты до них выполненного труда, которые либо овеществлены в земельном участке, сдаваемом ими в аренду, т. е. в *наем,* тому или иному работнику, либо же состоят из денег или вещей, отдаваемых ими взаймы за известное вознаграждение, что тоже представляет собой *сдачу в наем.* Это настоящие трутни пчелиного улья (fruges consumere nati*)» (стр. 87). Эти праздные люди «могут тратить только свой *доход.* Если они расходуют [401] свой капитал, то последний ничем уже не возмещается, и их потребление, — после того как оно на короткий срок далеко вышло за свои пределы, — совершенно прекращается» (стр. 237).

«Доход этот представляет собой... не что иное, как вычет из продуктов деятельности трудящихся граждан» (стр. 236).

Как же обстоит дело с теми работниками, которых непосредственно применяют эти «праздные люди»? Поскольку эти последние потребляют товары, они потребляют не прямо труд, а продукты труда производительных рабочих. Речь здесь, следовательно, идет о тех работниках, труд которых покупается

* — рожденные для вкушения плодов (Гораций, «Послания»). *Рвд.*

праздными людьми в порядке непосредственного расходования их дохода; стало быть, о работниках, получающих свою заработную плату непосредственно из дохода, а не из капитала.

«Так как люди, которым он» (доход) «принадлежит, праздны, то ясно, что они не *управляют никаким производительным трудом.* Все оплачиваемые ими работники имеют своим единственным назначением доставлять им наслаждения. Наслаждения эти, разумеется, различного рода... Расходы всего этого класса людей... кормят многочисленное население, существование которого они обеспечивают, но труд которого совершенно бесплоден... Некоторые из этих расходов могут быть более или менее полезны, как, например, постройка дома, мелиорация земель. Но это — исключения, благодаря которым праздные люди становятся на время руководителями производительного труда. За этими маловажными исключениями, все потребление этого рода капиталистов во всех отношениях является, с точки зрения воспроизводства, чистой потерей и представляет собой соответствующий вычет из произведенного богатства» (стр. 236).

{Политическая экономия в собственно смитовском духе рассматривает капиталиста только как персонифицированный капитал, как *Д — Т — Д,* как агента производства. Но кто же должен потреблять производимые продукты? Рабочий? Нет, не рабочий. Сам капиталист? Но тогда он выступает как крупный потребитель, как «праздный человек», а не как капиталист. Владельцы земельной и денежной ренты? Но они не воспроизводят того, что ими потребляется, и этим они наносят ущерб богатству. — И тем не менее, есть два правильных пункта в этом противоречивом взгляде, который усматривает в капиталисте лишь реального собирателя сокровищ, в отличие от того иллюзорного собирателя сокровищ, каким является собиратель сокровищ в собственном смысле этого слова: 1) капитал (а отсюда и капиталист, его персонификация) рассматривается только как агент, содействующий развитию производительных сил и производства; 2) здесь сказывается точка зрения восходящего капиталистического общества, для которого имеет значение не потребительная стоимость, а меновая стоимость, не потребление, а богатство. Потребляющее богатство представлялось излишней роскошью восходящему капиталистическому обществу, пока это последнее само не научилось соединять эксплуатацию с потреблением и не подчинило себе потребляющее богатство.}

«Чтобы найти, как образуются эти доходы» (на которые живут праздные), «всегда нужно восходить к *деятельным капиталистами* (стр. 237, примечание). *«Деятельные капиталисты»* — второй род капиталистов — «включают всех предпринимателей любой отрасли хозяйства, т. е. всех тех людей, которые, *имея капиталы,..* употребляют свои способности и свой труд на то, чтобы самим использовать их, вместо того чтобы отдавать их взаймы другим людям, и которые поэтому живут не на заработную плату и не на доходы, а на *прибыли»* (стр. 237).

У Дестюта — как уже и у А. Смита — ясно обнаруживается, что кажущееся превознесение производительных рабочих на самом деле представляет собой лишь превознесение *«деятельных капиталистов»* в противоположность земельным собственникам и тем денежным капиталистам, которые просто живут на свой доход.

«Деятельные капиталисты держат... в своих руках почти все богатства общества... Эти люди расходуют в течение года не только ренту с этих богатств, но и самый капитал, а иногда они проделывают это и несколько раз в год, если дела идут достаточно быстро, чтобы это было возможно. Ибо, так как они в качестве деловых людей производят расходы только для того, чтобы эти расходы вернулись к ним с прибылью, их прибыли тем значительнее, чем больше они при этом условии могут расходовать» (стр. 237—238).

Что касается их личного потребления, то оно таково же, как и личное потребление праздных капиталистов. Но оно

«в общем умеренно, так как деловые люди обычно скромны» (стр. 238). Иное дело их производственное потребление. «Оно отнюдь не является окончательным; оно возвращается к ним с прибылью» (там же). Их прибыль должна быть достаточно велика не только для их «личного потребления, но также и» для оплаты «ренты с земель и с денег, которые они получили в пользование от праздных капиталистов» (стр. 238).

Здесь Дестют прав. Земельная рента и денежная рента представляют собой лишь *«вычеты»* из промышленной прибыли, те части последней, которые деятельный капиталист отдает из своей валовой прибыли земельным собственникам и денежным капиталистам.

«Доходы праздных богачей — это лишь ренты, взимаемые с производства; только производство и создает эти доходы» (стр. 248). Деятельные капиталисты «за ренту нанимают их» (т. е. праздных капиталистов) «земли, их дома, берут взаймы их деньги и пользуются всем этим таким образом, что *извлекают* отсюда *прибыли, превышающие размеры этой, ренты»* [стр. 237], т. е. ренты, уплачиваемой ими бездельникам и составляющей, стало быть, только часть этих прибылей. Эта рента, уплачиваемая ими таким путем праздным капиталистам, является «единственным доходом этих праздных людей и единственным фондом их ежегодных расходов» (стр. 238).

До сих пор все идет хорошо. Но как же обстоит дело с *«наемными людьми»?* (с производительными рабочими, которых применяют деятельные капиталисты?).

«Они не обладают никаким другим сокровищем, кроме своего повседневного труда. Этот труд доставляет им заработную плату... Но откуда берется эта заработная плата? Ясно, что из имущества тех, [402] кому наемные рабочие *продают свой труд,* т. е. из фондов, заранее находящихся во владении нанимателей и представляющих собой не *что иное, как накопленные продукты прежде выполненных работ.* Отсюда следует, что хотя потребление, оплачиваемое этими богатствами, и является по-

треблением наемных рабочих в том смысле, что оно поддерживает именно их существование, но в сущности *оплачивают его не они,* или, во всяком случае, они оплачивают его только *из тех фондов, которые заранее находятся в руках их нанимателей.* Их потребление следует, таким образом, рассматривать как потребление, осуществляемое теми, кто их содержит на жалованье. Они только и делают, что одной рукой берут, а другой отдают обратно... Не только все то, что они» (наемные рабочие) «расходуют, но и все то, что они получают, следует рассматривать как действительный расход *тех, кто покупает их труд,* и как *собственное потребление этих последних.* Это настолько верно, что для решения вопроса о том, причиняет ли это потребление больший или меньший ущерб наличному богатству или, наоборот, способствует его увеличению,.. необходимо знать, *как капиталисты употребляют покупаемый ими труд,* ибо от этого зависит все» (стр. 234—235).

Превосходно. Но откуда берутся прибыли предпринимателей, дающие им возможность выплачивать доход самим себе и праздным капиталистам и т. д.?

«Меня спросят, каким образом эти предприниматели различных отраслей производства могут получать такие большие прибыли и откуда они могут извлекать их? Я отвечаю, что достигают они этого *тем, что всякий произведенный ими продукт* они *продают дороже, чем им обошлось его производство»* (стр. 239).

А кому они все это продают дороже, чем это стоит им самим?

«Они продают это:

1) друг другу на всю сумму их потребления, которая предназначена для удовлетворения их потребностей и которую они оплачивают некоторой частью своих прибылей;

2) наемным работникам — как тем, которых нанимают они сами, так и тем, которых нанимают праздные капиталисты, — причем таким способом *они получают обратно от всех этих наемных работников всю сумму заработных плат этих последних,* за исключением разве небольших сбережений, какие те могут сделать;

3) праздным капиталистам, *уплачивающим им той частью своего дохода,* которую они не отдали уже наемным работникам, непосредственно нанимаемым ими; так что вся рента, ежегодно уплачиваемая праздным капиталистам деятельными капиталистами, тем или другим путем снова притекает к последним» (там же, стр. 239).

Рассмотрим поближе эти три рубрики, по которым здесь распределены продажи.

1) *Часть* своего продукта (или прибыли) деятельные капиталисты съедают сами. Они никак не могут обогатиться от того, что надувают друг друга и продают друг другу свои продукты *дороже,* чем *заплатили* за них. Да и никто не может надуть таким путем другого. Если *A* продает слишком дорого свой продукт, съедаемый деятельным капиталистом *B,* то *B* продает слишком дорого свой продукт, съедаемый деятельным капиталистом *A.* Это — то же самое, как если бы *A* и *B* продавали друг другу свои продукты по их действительной стоимости.

Рубрика 1-я показывает нам, как капиталисты расходуют одну часть своей прибыли; она нам не показывает, откуда они ее извлекают. Во всяком случае они не получают никакой прибыли от того, что «всякий произведенный ими продукт они *продают друг другу дороже,* чем им обошлось его производство».

2) Из той части продукта, которую они продают своим рабочим по цене, *превышающей издержки производства,* они точно так же не могут извлекать никакой прибыли. Согласно предположению, все потребление рабочих фактически представляет собой «собственное потребление тех, кто покупает их труд». Кроме того, Дестют еще добавляет, что капиталисты, продавая свои продукты наемным работникам (своим собственным и работникам праздных капиталистов), лишь «получают обратно всю сумму их заработных плат». И даже не всю целиком, а за вычетом сделанных рабочими сбережений. Продают ли капиталисты рабочим продукты дешево или дорого, — это совершенно безразлично, ибо они всегда лишь получают обратно то, что дали рабочим: как сказано выше, наемные рабочие «только и делают, что одной рукой берут, а другой отдают обратно». Капиталист сперва платит рабочему *деньги* в качестве заработной платы. Затем он продает ему слишком «дорого» свои продукты и этим извлекает деньги обратно. Но так как рабочий не может вернуть капиталисту больше денег, чем получил от него, то капиталист *никогда* не может продать рабочему свои продукты *дороже,* чем *заплатил* ему за его труд. Он может при продаже своих продуктов получить от рабочего обратно всегда лишь столько денег, сколько дал ему за его труд. Ни гроша больше. Как же возможно, чтобы в результате этого «обращения» количество денег у капиталиста увеличивалось?

[403] Вдобавок у Дестюта получается еще другая нелепость. Капиталист *K* уплачивает рабочему *P* недельную заработную плату в размере 1 ф. ст. и затем извлекает этот фунт стерлингов обратно, продавая ему на 1 ф. ст. товара. Таким способом, полагает Траси, капиталист вернул себе обратно всю сумму заработной платы. Но сначала он дает рабочему 1 ф. ст. деньгами, а потом дает ему на 1 ф. ст. товара. Стало быть, то, что он на самом деле дал рабочему, составляет 2 ф. ст.: 1 ф. ст. товаром и 1 ф. ст. деньгами. Из этих 2 ф. ст. он 1 ф. ст. извлекает обратно в форме денег. Таким образом, из заработной платы в 1 ф. ст. он на самом деле не извлек обратно ни одного гроша. И если бы ему суждено было обогащаться посредством такого рода «обратного извлечения» заработной платы (а не посредством того, что рабочий ему обратно отдал трудом то, что он авансировал рабочему товаром), то он скоро сел бы на мель.

Благородный Дестют смешивает здесь денежное обращение с действительным обращением товаров. Так как капиталист, вместо того чтобы прямо дать рабочему на 1 ф. ст. товара, дает ему 1 ф. ст. деньгами, благодаря чему рабочий может теперь сам определить, какой ему купить товар, и так как рабочий, получив в собственность приходящийся на его долю товар, возвращает капиталисту в форме денег ассигновку, которую тот дал ему на свой товар, — то Дестют воображает, что капиталист «извлекает обратно» заработную плату, когда к нему обратно притекает та же самая монета. И на той же самой странице господин Дестют замечает, что феномен обращения «плохо понят» (стр. 239). Этот феномен, действительно, совершенно не понят им самим. Если бы Дестют не объяснял себе таким оригинальным способом «обратное извлечение всей суммы заработной платы», то эта нелепость была бы еще по крайней мере мыслима в том виде, в каком мы ее сейчас рассмотрим.

(Но предварительно еще следующее замечание для иллюстрации его премудрости. Если я захожу в лавку и лавочник дает мне 1 ф. ст., а я на этот 1 ф. ст. покупаю товара на 1 ф. ст. в его лавке, то он извлекает обратно этот 1 ф. ст. Никто не станет утверждать, что лавочник в результате такой операции обогатился. Вместо 1 ф. ст. деньгами и 1 ф. ст. товаром у него теперь только 1 ф. ст. деньгами. Даже если стоимость его товара составляла только 10 шилл., а он продал его мне за 1 ф. ст., то все же он стал на 10 шилл. беднее сравнительно с тем, чем был до продажи, хотя он и извлек обратно всю выданную им сумму — один фунт стерлингов.)

Если бы капиталист *К* дал рабочему 1 ф. ст. заработной платы и затем продал ему товар стоимостью в 10 шилл. за 1 ф. ст., то, конечно, он получил бы прибыль в 10 шилл., потому что продал бы рабочему товар на 10 шилл. дороже. Но с точки зрения господина Дестюта даже и в данном случае было бы непонятно, как от этого должна получиться прибыль для *К*. (Прибыль-де получается вследствие того, что капиталист платит рабочему пониженную заработную плату, что он дал рабочему в обмен на его труд на самом деле меньшую долю продукта, чем дает ему *номинально*.) Если бы он дал рабочему 10 шилл. и продал ему свой товар за 10 шилл., то он был бы столь же богат, как если бы дал ему 1 ф. ст. и продал ему за 1 ф. ст. свой товар стоимостью в 10 шилл. К тому же Дестют в своих рассуждениях исходит из предположения необходимой заработной платы. В лучшем случае все объяснение прибыли свелось бы здесь лишь к ссылке на мошенническую проделку с заработной платой.

Итак, этот случай 2-й показывает, что Дестют совершенно забыл, что такое производительный рабочий, и не имеет ни малейшего представления об источнике прибыли. Самое большее можно было бы сказать, что капиталист создает прибыль посредством продажи продуктов выше их стоимости, поскольку он продает их не своим собственным наемным рабочим, а наемным работникам праздных капиталистов. Но так как потребление непроизводительных работников на самом деле составляет лишь часть потребления праздных капиталистов, то мы приходим теперь к случаю 3-му.

3) В-третьих, деятельный капиталист продает свои продукты слишком «дорого», выше их стоимости,

«праздным капиталистам, уплачивающим ему той частью своего дохода, которую они не отдали уже наемным работникам, непосредственно нанимаемым ими; так что вся рента, ежегодно уплачиваемая праздным капиталистам деятельными капиталистами, тем или другим путем снова притекает к последним».

Здесь опять ребяческое представление об обратном притоке ренты и т. д., как раньше — об обратном извлечении всей суммы заработной платы. Пусть, например, *К* платит 100 ф. ст. земельной или денежной ренты *П* (праздному капиталисту). 100 ф. ст. служат для *К* средством платежа. Они являются покупательным средством для *П,* который на эти деньги извлекает из склада *К на* 100 ф. ст. товаров. Тем самым эти 100 ф. ст. возвращаются к *К* обратно как превращенная форма его товара. Но он имеет теперь на 100 ф. ст. меньше товаров, чем прежде. Вместо того чтобы дать *П* прямо товары, он дал ему 100 ф. ст. деньгами, на которые тот покупает у него на 100 ф. ст. его товаров. Но этот товар на сумму 100 ф. ст. *П* покупает на деньги *К,* а не на средства из собственного фонда. И Траси воображает, что таким путем к *К* возвращается та рента, которую он уплатил *П.* Какое слабоумие! Это — первая нелепость.

Во-вторых, Дестют нам сам сказал, что земельная и денежная ренты представляют собой лишь вычеты из прибыли деятельного капиталиста, следовательно лишь доли этой прибыли, отданные праздным капиталистам. Если теперь предположить, что *К* при помощи какого-нибудь фокуса вернул себе обратно всю эту долю [404], хотя это и не может быть сделано ни одним из тех двух путей, которые описаны у Траси, — другими словами, если предположить, что капиталист *К* не платит никакой ренты ни земельным собственникам, ни денежным капиталистам, что он удерживает у себя *всю* свою прибыль *целиком,* то как раз и надо будет объяснить, *откуда* он ее взял, как он создал ее, как она возникла. И если это не объясняется тем,

что он ее *имеет* или *удерживает у себя,* не отдавая доли ее земельному собственнику и денежному капиталисту, то столь же невозможно объяснить это и тем, что он, целиком или частично, тем или иным способом перетащил обратно из кармана праздного капиталиста в свой собственный ту долю прибыли, которую он раньше отдал ему под тем или иным названием. Вторая нелепость!

Но отвлечемся от этих нелепостей. *К* должен уплатить *П* (праздному капиталисту) ренту в размере 100 ф. ст. за землю или за капитал, занятый (loue) первым у второго. Он платит эти 100 ф. ст. из своей прибыли (откуда она возникла, мы еще не знаем). Затем он продает *П* свои продукты, которые съедаются или самим *П* непосредственно или его прихлебателями (непроизводительными наемными работниками); и при этом *К* продает ему эти продукты по *чрезмерно дорогой* цене, например на 25% выше их стоимости. Продукты стоимостью в 80 ф. ст. он продает *П* за 100 ф. ст. В данном случае *К*, безусловно, выручает прибыль в 20 ф. ст. Он дал *П* ассигновку на товар в 100 ф. ст. Но когда тот реализует полученную ассигновку, *К* отпускает ему товара лишь на 80 ф. ст., повысив номинальную цену своих товаров на 25% выше их стоимости. Если бы *П* примирился с таким положением вещей, при котором он потребляет товаров на 80 ф. ст., а уплачивает за них 100 ф. ст., то прибыли *К* никогда не могли бы превысить 25%. Эти цены, это надувательство повторялись бы из года в год. Но *П* желает есть на 100 ф. ст. Если он — землевладелец, то что остается ему делать? Он закладывает капиталисту *К* участок земли за 25 ф. ст., за которые тот доставляет ему товар стоимостью в 20 ф. ст., ибо он продает товар на 25% ($^1/_4$) выше его стоимости. Если *П* — владелец денег, дающий их в ссуду, то он уступает капиталисту *К* 25 ф. ст. из своего капитала, за что капиталист *К* доставляет ему на 20 ф. ст. товара.

Предположим, что капитал (или стоимость земли) был отдан в ссуду из 5 процентов. В таком случае он составлял 2000 ф. ст. Теперь он составляет только 1975 ф. ст. Рента этого *П* равна теперь $98^3/_4$ ф. ст. И так продолжалось бы дальше: *П* все время потреблял бы действительную товарную стоимость в 100 ф. ст., а его рента непрерывно уменьшалась бы, так как для того, чтобы иметь на 100 ф. ст. товара, он все время должен проедать все большую часть самого капитала, имеющегося у него. Так мало-помалу *К* получил бы в свои руки весь капитал *П* и присвоил бы себе, вместе с самим капиталом, также и его ренту, т. е. ту часть получаемой им на занятый капитал прибыли, которую он раньше отдавал праздному капиталисту *П*. Очевидно, этот

процесс и представляется воображению господина Дестюта, потому что он продолжает:

«Но, скажут, если это так и если предприниматели различных отраслей производства действительно *пожинают ежегодно больше, чем посеяли,* то в короткое время они должны завладеть *всем общественным богатством,* и в государстве вскоре останутся одни только наемные работники, не имеющие собственности, и капиталистические предприниматели. *Это верно,* и дело обстояло бы так в действительности, если бы предприниматели или их наследники, обогатившись, не удалялись от дел и, таким образом, не пополняли непрерывно класс праздных капиталистов; и все же, несмотря на подобного рода эмиграцию, часто имеющую место, мы видим, что, когда производство в данной стране развивается в течение некоторого времени без слишком больших потрясений, капиталы предпринимателей всегда возрастают не только пропорционально росту общего богатства, но и в гораздо еще большей степени... К этому можно было бы добавить, что этот результат был бы еще гораздо ощутительнее, не будь тех громадных поборов, которыми в форме налогов все правительства из года в год отягощают деятельный в производстве класс» (стр. 240—241).

И господин Дестют до известного пункта совершенно прав, хотя совсем не в том, что он хочет объяснить. В эпоху гибнущего средневековья и поднимающегося капиталистического производства быстрое обогащение «деятельных капиталистов» отчасти объясняется тем, что они прямо надували земельных собственников. Когда стоимость денег в результате сделанных в Америке открытий понизилась, фермеры продолжали платить земельным собственникам номинально, но не реально, прежнюю ренту, тогда как промышленники продавали товары тем же земельным собственникам не только по повысившейся денежной стоимости, но даже просто выше их стоимости. Точно так же во всех тех странах, например азиатских, где главный доход страны в форме земельной ренты находится в руках земельных собственников, государей и т. д., *малочисленные* и потому не зависящие от конкуренции промышленники продают им свои товары по монопольным ценам и таким путем присваивают себе часть их дохода, обогащаются [405] не только тем, что продают им «неоплаченный» труд, но и тем, что продают товары за большее количество труда, нежели в них содержится. Только господин Дестют опять неправ, полагая, что капиталисты, ссужающие деньги, дают себя обманывать подобным же образом. Наоборот, взимая высокие проценты, они являются, прямо или косвенно, участниками этих высоких прибылей, участниками этого надувательства.

Что господину Дестюту рисовалось именно это явление, показывает следующая его фраза:

«Достаточно только бросить взгляд на то, как они» (деятельные капиталисты) «были слабы во всей Европе триста или четыреста лет тому назад

по сравнению с огромными богатствами всяких могущественных особ и как они теперь увеличили свою численность и окрепли, тогда как богатства тех уменьшились» (пит. соч., стр. 241).

Господин Дестют хотел объяснить нам *прибыли,* и притом *высокие прибыли,* деятельного капитала. Он объяснял это двояким образом. Во-первых, тем, что *деньги,* уплачиваемые этими капиталистами в форме заработных плат и рент, притекают к ним обратно, так как на эти заработные платы и ренты у них покупаются их продукты. На самом деле этим объяснено только то, почему они не уплачивают заработную плату и ренту *вдвойне* — сперва в форме денег, а затем в форме товаров на ту же сумму денег. Второе объяснение состоит в том, что они продают свои товары выше их цены, *слишком дорого:* во-первых, *самим себе,* надувая, стало быть, самих себя и друг друга; во-вторых — рабочим, опять надувая, следовательно, самих себя, потому что ведь господин Дестют сказал нам, что потребление наемных работников «следует рассматривать как потребление, осуществляемое теми, кто их содержит на жалованье» (стр. 235); наконец, в-третьих — *получателям ренты,* надувая также и их; и это, действительно, могло бы объяснить, почему деятельные капиталисты удерживают для самих себя все большую часть своей прибыли, вместо того чтобы отдавать ее праздным капиталистам. Это показало бы, почему *распределение совокупной прибыли* между деятельными и недеятельными капиталистами совершается все больше и больше к выгоде первых за счет вторых. Но это ни на йоту не приблизило бы нас к пониманию того, *откуда* эта *совокупная прибыль* происходит. Даже если допустить, что деятельные капиталисты целиком завладели ею, все-таки остается вопрос: откуда она берется?

Таким образом, Дестют ни на что не ответил, а только обнаружил, что принимает обратный приток денег за обратный приток самого товара. Этот *обратный приток денег* означает только то, что капиталисты сначала платят заработную плату и ренту деньгами, вместо того чтобы уплачивать их товарами; что на эти деньги у них затем покупаются их товары и таким образом получается, что они этим окольным путем уплатили товарами. Эти деньги непрерывно притекают, следовательно, к ним обратно, но лишь в той мере, в какой у них на ту же денежную стоимость окончательно отбираются товары, поступающие в потребление наемных рабочих и получателей ренты.

Господин Дестют (чисто по-французски, у Прудона мы тоже встречаем подобные возгласы изумления по своему собственному адресу) прямо поражен той

«ясностью», которую «этот способ рассмотрения потребления наших богатств... вносит в понимание всего хода общественной жизни. Откуда проистекают эта гармония и этот свет? Они проистекают из того обстоятельства, что мы открыли истину. Это напоминает действие тех зеркал, в которых предметы отражаются четко и в их правильных пропорциях, когда наблюдатель занял надлежащее место, и в которых все представляется спутанным и бессвязным, когда наблюдатель находится слишком близко или слишком далеко» (стр. 242—243).

В дальнейшем господин Дестют совершенно мимоходом вспоминает — из того, что он читал у А. Смита, — о действительном положении вещей, но по существу он повторяет лишь словесную формулировку этого действительного положения вещей, не поняв подлинного ее смысла; ибо в противном случае он, этот член Института Франции[85], никак не мог бы изливать упомянутые выше «потоки света». Дестют пишет (стр. 246):

«Откуда получают эти праздные люди свои доходы? Разве не из ренты, которую им платят из своих *прибылей* те, кто *приводит в действие свои капиталы,* т. е. те, которые своими фондами *оплачивают труд, производящий больше, чем он стоит сам,* одним словом деловые люди?»

{Ага! Значит, ренты (а также и собственные прибыли), выплачиваемые деятельными капиталистами праздным капиталистам за занятые у последних фонды, получаются оттого, что они этими фондами оплачивают труд, *«производящий больше, чем он стоит»,* т. е. труд, продукт которого обладает большей стоимостью, чем уплаченная выполнившему этот труд рабочему; или прибыль получается, стало быть, из того, что наемными рабочими производится сверх издержек на их содержание, т. е. из прибавочного продукта, который присваивается деятельным капиталистом и из которого этот последний отдает только ту или иную часть получателям земельной и денежной ренты.}

Господин Дестют делает из этого не тот вывод, что нужно восходить к этим производительным рабочим, а тот, что следует восходить к капиталистам, использующим их:

«Именно эти деятельные капиталисты и кормят в действительности даже тех наемных работников, которые заняты у других» (стр. 246).

Разумеется. Поскольку они эксплуатируют труд непосредственно, а праздные капиталисты делают это лишь через их посредство. И в этом смысле правильно рассматривать деятельный капитал как источник богатства.

[406] «Поэтому всегда нужно восходить к ним» (к деятельным капиталистам), «если мы хотим найти источник всякого богатства» (стр. 246).

«С течением времени *богатства накопились в более или менее значительном количестве, так как результат прежнего труда не потреблялся целиком тотчас же после того, как был произведен.* Из владельцев этих богатств одни довольствуются извлечением из них ренты и потребле-

нием последней. Это те, которых мы назвали праздными капиталистами. Другие, более активные, пускают в дело свои собственные и занятые у других фонды. Они употребляют их *на оплату труда, который воспроизводит эти фонды с прибылью».*

{Следовательно, здесь мы имеем не только воспроизводство этих фондов, но и производство избытка, образующего *прибыль.*}

«Этой прибылью они оплачивают свое собственное потребление и платят за потребление других. И в результате самого этого потребления» (их собственного, а также и праздных капиталистов? — опять прежняя нелепость) «их фонды возвращаются к ним несколько увеличенными, и деятельные капиталисты начинают то же самое снова. Вот что представляет собой обращение» (стр. 246—247).

Исследование о «производительном рабочем» и результат этого исследования, гласящий, что производительным оказывается только тот рабочий, покупателем которого является деятельный капиталист, только тот рабочий, труд которого производит прибыль для непосредственного покупателя этого труда, — привели господина Дестюта к заключению, что *деятельные капиталисты* являются в действительности *единственными производительными работниками* в высшем смысле слова:

«Те, которые живут на прибыль» (деятельные капиталисты), «кормят всех остальных людей; только они увеличивают общественное богатство и создают все наши средства наслаждения. Так и должно быть, *потому что труд является источником всякого богатства* и потому что только они одни дают *полезное направление текущему труду, применяя с пользой накопленный труд»* (стр. 242).

То, что они «дают полезное направление текущему труду», означает на деле только то, что они применяют полезный труд, труд, имеющий своим результатом потребительные стоимости. Но то, что они «применяют с пользой накопленный труд», — если это не должно означать опять то же самое, а именно, что они используют накопленное богатство производственно, для производства потребительных стоимостей, — означает, что они применяют «с пользой накопленный труд» для того, чтобы покупать на него больше текущего труда, чем содержится в нем самом. В только что цитированной фразе Дестют наивно резюмирует противоречия, составляющие сущность капиталистического производства. Так как труд есть источник всякого богатства, то источником всякого богатства оказывается капитал; и настоящим творцом растущего богатства является не тот, кто трудится, а тот, кто извлекает прибыль из труда других. Производительные силы труда оказываются производительными силами капитала.

«Наши способности составляют наше единственное первоначальное богатство; наш труд производит всякое другое богатство, и всякий хорошо направленный труд производителен» (стр. 243).

Отсюда, по мнению Дестюта, само собой следует, что деятельные капиталисты «кормят всех остальных людей, что только они увеличивают общественное богатство и создают все средства наслаждения». Наши способности (facultes) — наше единственное первоначальное богатство, поэтому способность к труду (рабочая сила) не является богатством. Труд производит все другие богатства; это значит, что он производит богатства для всех остальных, кроме самого себя, и не он сам составляет богатство, а лишь его продукт. Всякий хорошо направленный труд производителен; это значит, что всякий производительный труд, всякий труд, приносящий капиталисту прибыль, хорошо направлен.

Нижеследующие замечания Дестюта, относящиеся не к *различным классам потребителей,* а к *различной природе предметов потребления,* очень хорошо передают взгляд А. Смита, высказанный им в книге II, глава 3, где он, в конце главы, исследует, какой род (непроизводительного) расхода, т. е. индивидуального потребления, потребления дохода, является более выгодным и какой род менее выгодным. Смит начинает это исследование следующими вступительными словами (перевод Гарнье, том II, стр. 345) [Русский перевод, том I, стр. 292]:

«Если бережливость увеличивает общую массу капиталов, а расточительность уменьшает ее, то образ действий тех, кто свои расходы в точности соразмеряет со своим доходом, ничего не накопляя и не затрагивая своих фондов, не увеличивает, равно как и не уменьшает, общую массу капиталов. Однако существуют некоторые способы расходования дохода, которые, по-видимому, больше других содействуют увеличению всеобщего благосостояния».

Дестют так резюмирует рассуждение Смита:

«Если потребление бывает весьма разнообразным в зависимости от характера потребителя, то оно изменяется также и в зависимости от природы потребляемых вещей. Правда, все вещи представляют труд, но стоимость его в одних вещах фиксирована более прочно, чем в других. Устройство фейерверка может стоить столько же труда, сколько добыча и шлифовка бриллианта, и потому первый может иметь такую же стоимость, как и второй. Но поело того как я купил их, заплатил за них и использовал тот и другой, от первого через полчаса у меня ничего не останется, тогда как второй еще и через сто лет может служить для моих внуков источником богатства... Точно так же обстоит дело с теми продуктами, [407] которые называют» (т. е. называет господин Сэй) «нематериальными *продуктами. Какое-нибудь открытие обладает вечной полезностью.* Какое-нибудь литературное произведение, какая-нибудь картина тоже обладает более или менее длительной полезностью, тогда как полезность бала, концерта, спектакля мгновенна и тотчас же исчезает. То же самое можно сказать о *личных услугах* врачей, адвокатов, солдат, домашних слуг и вообще всех тех, кого называют *служащими.* Их полезность существует лишь в тот момент, когда в них нуждаются... Наиболее быстрое потребле-

ние является наиболее разорительным, так как именно оно за равный промежуток времени уничтожает наибольшее количество труда или в более короткое время уничтожает то же количество труда; в сравнении с этим всякое более медленное потребление есть своего рода *образование сокровищ,* так как оно дает возможность наслаждаться в будущем частью того, чем мы сегодня пожертвовали... Каждый знает, что гораздо экономнее иметь *за ту же цену* одежду, которая носится три года, чем одежду, изнашивающуюся уже за три месяца» (стр. 243—244).

[15) ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЛЕМИКИ ПРОТИВ СМИТОВСКОГО РАЗЛИЧЕНИЯ МЕЖДУ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫМ И НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫМ ТРУДОМ. АПОЛОГЕТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ КАК НА НЕОБХОДИМЫЙ СТИМУЛ К ПРОИЗВОДСТВУ]

Большинство писателей, полемизировавших против смитовского различения между производительным и непроизводительным трудом, рассматривают *потребление* как необходимый стимул к производству. *Поэтому* в их глазах те *наемные работники,* которые живут за счет дохода, т. е. непроизводительные работники, наем которых не производит богатства, а сам является новым потреблением богатства, оказываются столь же производительными *даже в смысле создания материального богатства,* как и производительные рабочие, потому что они расширяют область материального потребления, а тем самым и область производства. Большей частью это было, следовательно, апологией, с буржуазно-экономической точки зрения, отчасти праздных богачей и тех «непроизводительных работников», *услуги* которых они потребляют, отчасти «сильных правительств», делающих крупные затраты, апологией роста государственных долгов, апологией обладателей доходных местечек в церкви и государстве, всякого рода синекур и т. д. Ибо все эти «непроизводительные работники», — услуги которых фигурируют в числе расходов праздных богачей, — имеют между собой то общее, что, *производя «нематериальные продукты»,* они потребляют *«материальные продукты»,* т. е. продукты труда производительных рабочих.

Другие политико-экономы, как, например, Мальтус, принимают различение между производительными и непроизводительными работниками, но доказывают «деятельному капиталисту», что последние столь же необходимы ему даже для производства материального богатства, как и первые.

Здесь ни к чему фразы о том, что производство и потребление тождественны или что потребление является целью всякого производства или что производство представляет собой

предпосылку всякого потребления. В основе всей полемики — помимо указанной тенденции — лежит скорее следующее:

Потребление рабочего равно в среднем лишь издержкам его производства, а не его продукту. Весь избыток рабочий, следовательно, производит для других, и таким образом вся эта часть его продукта оказывается *производством для других.* Далее, «деятельный капиталист», принуждающий рабочего к этому *перепроизводству* (т. е. к производству сверх собственных жизненных потребностей рабочего) и пускающий в ход все средства для того, чтобы возможно больше увеличить это относительное *перепроизводство* в противоположность необходимому производству, непосредственно присваивает себе прибавочный продукт. Но в качестве персонифицированного капитала он производит ради производства, стремится к обогащению ради обогащения. Поскольку он является простым исполнителем функций капитала, т. е. носителем капиталистического производства, его интересует меновая стоимость и ее увеличение, а не потребительная стоимость и увеличение ее количества. Его интересует увеличение абстрактного богатства, растущее присвоение чужого труда. Он охвачен совершенно таким же абсолютным стремлением к обогащению, как и собиратель сокровищ, с тем только различием, что он удовлетворяет это стремление не в иллюзорной форме образования золотых и серебряных сокровищ, а в форме образования капитала, которое является действительным производством. Если перепроизводство у рабочего есть *производство для других,* то производство у нормального капиталиста, у «деятельного капиталиста», каким он должен быть, является *производством ради производства.* Правда, чем больше возрастает его богатство, тем больше он изменяет этому идеалу и сам становится расточительным, хотя бы для того, чтобы выставлять напоказ свое богатство. Но это всегда — потребляющее богатство с нечистой совестью, с задней мыслью о бережливости и расчетливости. При всей своей расточительности «деятельный капиталист», как и собиратель сокровищ, остается по существу скрягой.

Если Сисмонди говорит, что развитие производительных сил труда дает рабочему возможность пользоваться все большими наслаждениями, но что сами эти наслаждения, если бы они были ему предоставлены, сделали бы его (как наемного рабочего) непригодным к труду[*], то не менее верно и то, что

[*] *Сисмонди* говорит: «Благодаря прогрессу промышленности и науки каждый рабочий может ежедневно производить гораздо больше, чем требуется для его необходимого потребления. Но, в то время как его труд производит богатство, это богатство, если бы он был призван потреблять его сам, сделало бы его мало пригодным к труду» («Nouveaux Principes», том J, стр. 85) [Русский перевод, том I, стр. 183—184].

«деятельный капиталист» становится в большей или меньшей степени неспособным к выполнению своей функции, как только он сам делается представителем потребляющего богатства, как только он начинает стремиться к накоплению наслаждений вместо наслаждения накоплением.

Таким образом, «деятельный капиталист» тоже является производителем *перепроизводства, производства для других.* Этому перепроизводству на одной стороне должно противостоять перепотребление на другой стороне, производству ради производства — потребление ради потребления. То, что «деятельный капиталист» должен отдавать владельцам земельной ренты, государству, кредиторам государства, церкви и т. д., которые только потребляют доход [408], абсолютно уменьшает его богатство, но не дает застыть его жажде обогащения и таким путем сохраняет его капиталистическую душу. Если бы получатели земельной и денежной ренты и т. д. тоже стали тратить свой доход на производительный труд вместо непроизводительного, то цель осталась бы недостигнутой. Они сами стали бы «деятельными капиталистами», вместо того чтобы представлять функцию потребления как такового. В дальнейшем мы еще ознакомимся с чрезвычайно комической полемикой по этому вопросу между одним рикардианцем и одним мальтузианцем[86].

Производство и потребление *внутренне [an sich]* нераздельны. Из этого следует, что так как они в системе капиталистического производства фактически отделены, то их единство восстанавливается посредством их противоположения, тем путем, что если *А* должен производить за *В,* то *В* должен потреблять за *А.* Подобно тому, как каждый отдельный капиталист, что касается его самого, желает, чтобы расточительность проявляли те, которые являются участниками его дохода, так и вся старая меркантилистская система основана на той идее, что нация должна быть скромной по отношению к себе самой, но должна производить предметы роскоши для чужих наций, предающихся наслаждению. Здесь мы имеем все ту же идею производства ради производства на одной стороне, а потому и потребления чужой продукции — на другой стороне. Эта идея меркантилистской системы выражена, между прочим, в «Moral Philosophy» доктора Пейли, том II, глава 11:

«Умеренный и трудолюбивый народ направляет свою деятельность на удовлетворение спроса, предъявляемого богатой, предающейся роскоши нацией»[87].

* * *

«Они» («наши политики», т. е. Гарнье и др.), — говорит Дестют, — «выставляют тот общий принцип, что потребление есть причина производства и потому чем оно больше, тем лучше. Они утверждают, что именно это создает большое различие между общественной экономией и частной» (цит. соч., стр. 249—250).

Хороша также следующая фраза:

«*Бедные нации* — это те, где народу хорошо живется, а *богатые нации* — те, где народ обычно беден» (там же, стр. 231).

[16)] АНРИ ШТОРХ [АНТИИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ МАТЕРИАЛЬНЫМ И ДУХОВНЫМ ПРОИЗВОДСТВОМ. КОНЦЕПЦИЯ «НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ТРУДА», ВЫПОЛНЯЕМОГО ГОСПОДСТВУЮЩИМ КЛАССОМ]

Henri Storch. Cours d'economie politique и т. д. Издание Ж. Б. Сэя. Париж, 1823. (Это — лекции, читанные великому князю Николаю и законченные в 1815 году.) *Том III.*

После Гарнье Шторх был по сути дела первым, кто в полемике против смитовского различения между производительным и непроизводительным трудом пытался стать на новую почву.

От материальных благ, составных частей материального производства, он отличает *«внутренние блага,* или элементы цивилизации», законы производства которых должна изучать «теория цивилизации» (назв. соч., том III, стр. 217). (В I томе, стр. 136, мы читаем:

«Ясно, что человек никогда не приступает к производству богатств, пока он не обладает внутренними благами, т. е. пока он не развил свои физические, умственные и моральные способности, а это предполагает средства для их развития, такие, как *общественные учреждения* и т. д. Следовательно, чем цивилизованнее данный народ, тем больше может возрастать его национальное богатство». Точно так же и наоборот.)

Против Смита:

«Смит... исключает из числа *производительных видов труда* все те, которые не участвуют *непосредственно* в производстве богатств; но при этом он имеет в виду только национальное *богатство...* Ошибка его в том, что он не провел должного различения между *нематериальными* ценностями и *богатствами»* (том III, стр. 218).

Этим дело собственно и кончается. Различение между производительными видами труда и непроизводительными имеет решающее значение для того, что рассматривает Смит, — для производства материального богатства, и притом для определенной формы этого производства, для капиталистического

способа производства. В духовном производстве в качестве производительного выступает другой вид труда. Но Смит не рассматривает его. Наконец, взаимодействие и внутренняя связь обоих видов производства тоже не входят в круг его рассмотрения; к тому же это может привести к чему-нибудь большему, чем пустые фразы, только тогда, когда материальное производство рассматривается sub sua propria specie*. Если Смит говорит о таких работниках, которые являются производительными не непосредственно, то лишь постольку, поскольку они *непосредственно* участвуют в потреблении материального богатства, а не в его производстве.

У самого Шторха, — хотя в его *«теории цивилизации»* и попадаются некоторые остроумные замечания, например о том, что материальное разделение труда является предпосылкой разделения духовного труда, — *«теория цивилизации»* не идет дальше тривиальных общих фраз. В какой мере это и *должно было* иметь место у Шторха, насколько далек он был даже от того, чтобы хотя бы только *сформулировать* себе эту задачу, не говоря уже о ее решении, явствует из одного *единственного* обстоятельства. Чтобы исследовать связь между духовным [409] и материальным производством, прежде всего необходимо рассматривать само это материальное производство не как всеобщую категорию, а в *определенной исторической* форме. Так, например, капиталистическому способу производства соответствует другой вид духовного производства, чем средневековому способу производства. Если само материальное производство не брать в его *специфической исторической* форме, то невозможно понять характерные особенности соответствующего ему духовного производства и взаимодействия обоих. Дальше пошлостей тогда не уйдешь. Это по поводу фразы о «цивилизации».

Далее: из определенной формы материального производства вытекает, во-первых, определенная структура общества, во-вторых, определенное отношение людей к природе. Их государственный строй и их духовный уклад определяются как тем, так и другим. Следовательно, этим же определяется и характер их духовного производства.

Наконец: под духовным производством Шторх понимает вместе с тем различные виды профессиональной деятельности всех тех слоев господствующего класса, для которых выполнение социальных функций является промыслом. Существование этих сословий, равно как и их функции могут быть поняты

* — под своим собственным углом зрения. *Ред.*

только из определенного исторического строя их производственных отношений.

Так как Шторх рассматривает само материальное производство не *исторически,* рассматривает его как производство материальных благ вообще, а не как определенную, исторически развившуюся и специфическую форму этого производства, то этим он сам лишает себя той основы, на которой только и возможно понять как идеологические составные части господствующего класса, так и свободное духовное производство данной общественной формации. Он не в состоянии выйти за пределы общих, бессодержательных фраз. Да и само это отношение совсем не так просто, как он предполагает. Так, капиталистическое производство враждебно известным отраслям духовного производства, например искусству и поэзии. Не учитывая этого, можно прийти к иллюзии французов XVIII века, так хорошо высмеянной Лессингом[88]. Так как в механике и т. д. мы ушли дальше древних, то почему бы нам не создать и свой эпос? И вот взамен «Илиады» появляется «Генриада»[89].

Правильным, напротив, является то, что Шторх подчеркивает специально против Гарнье, который собственно и является отцом *этой* полемики против Смита. А именно, Шторх подчеркивает, что противники Смита подходят к вопросу не с того конца.

«Что делают критики Смита? Весьма далекие от того, чтобы установить это различение» (между «нематериальными ценностями» и «богатствами»), «они окончательно смешивают оба эти вида ценностей, которые столь явно различны». (Они утверждают, что производство духовных продуктов или производство услуг является *материальным* производством.) «Рассматривая нематериальный труд как *производительный,* они предполагают, что он *производит»* (т. е. непосредственно производит) *«богатства,* т. е. материальные и пригодные к обмену ценности; а между тем он производит только нематериальные и непосредственные ценности; критики Смита исходят из предположения, что продукты нематериального труда подчинены тем же законам, что и продукты материального труда, а между тем первые управляются иными принципами, чем вторые» (том III, стр. 218).

Отметим следующие положения Шторха, которые у него заимствовались позднейшими авторами:

«Так как внутренние блага являются отчасти продуктом услуг, то решили, что они не более долговечны, чем сами услуги, и что они необходимым образом потребляются по мере их производства» (том III, стр. 234). «Первичные внутренние блага, отнюдь не уничтожаясь от их употребления, возрастают и умножаются благодаря упражнению, так что само их *потребление* увеличивает их ценность» (там же, стр. 236). «Внутренние блага, как и богатства, могут быть накопляемы и способны образовать капиталы, которые можно применять для воспроизводства» и т. д. (там же, стр. 236). «Материальный труд должен быть разделен, и его продукты должны быть накоплены прежде, чем можно начать думать о разделении нематериального труда» (стр. 241).

Но все это лишь самые общие поверхностные аналогии и параллели между духовным и материальным богатством. Совершенно таково же, например, и то его замечание, что неразвитые нации *заимствуют* свои духовные капиталы из зарубежных стран, подобно тому как материально неразвитые нации заимствуют оттуда свои материальные капиталы (там же, стр. 306), что разделение нематериального труда зависит от спроса на него, короче говоря — от рынка, и т. д. (стр. 246).

А вот те места, которые прямо списывались:

[410] «*Производство* внутренних благ, далекое от того, чтобы уменьшать национальное богатство потреблением материальных продуктов, в которых оно нуждается, является, напротив, мощным средством его увеличения», как и наоборот, «производство богатств служит столь же мощным средством для роста цивилизации» (там же, стр. 517). «Национальное благосостояние растет благодаря равновесию этих двух видов производства» (стр. 521).

По Шторху, врач производит здоровье (но он производит также и болезнь), профессора и писатели — просвещение (но они производят также и обскурантизм), поэты, художники и т. д. — вкус (но они производят также и безвкусие), моралисты и т. п. — нравы, проповедники — религию, труд государя — безопасность, и т. д. (стр. 347—350). С таким же правом можно сказать, что болезнь производит врачей, глупость — профессоров и писателей, безвкусие — поэтов и художников, безнравственность — моралистов, суеверие — проповедников, а отсутствие всеобщей безопасности — государей. Эта манера утверждать, что все эти виды деятельности, эти «услуги», производят действительную или воображаемую потребительную стоимость, повторяется позднейшими авторами для доказательства того, что упомянутые выше лица являются производительными работниками в смитовском смысле, т. е. непосредственно производят не продукты sui generis*, а продукты материального труда и поэтому непосредственно — богатство. У Шторха еще нет этой нелепости, которая, впрочем, может быть полностью объяснена следующими моментами:

1) в буржуазном обществе различные функции взаимно предполагают друг друга;

2) антагонизмы в области материального производства делают необходимой надстройку из идеологических сословий, деятельность которых, — хороша ли она или дурна, — хороша потому, что необходима;

3) все функции состоят на службе у капиталиста, идут ему на «благо»;

* — особого рода. *Ред.*

4) даже высшие виды духовного производства получают признание и становятся *извинительными* в глазах буржуа только благодаря тому, что их изображают и ложно истолковывают как прямых производителей материального богатства.

[17)] НАССАУ СЕНИОР (ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ ВСЕХ ПОЛЕЗНЫХ ДЛЯ БУРЖУАЗИИ ФУНКЦИЙ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫМИ. РАБОЛЕПСТВО ПЕРЕД БУРЖУАЗИЕЙ И БУРЖУАЗНЫМ ГОСУДАРСТВОМ]

W. Nassau Senior. Principes fondamentaux de l'economie politique. Перевод Жана Аррибабене. Париж, 1836. Нассау Сениор напускает на себя важный вид.

«По Смиту, законодатель евреев был непроизводительным работником» (назв. соч., стр. 198).

Кто это: Моисей Египетский или Моисей Мендельсон? Очень поблагодарил бы Моисей господина Сениора за признание его смитовским «производительным работником». Эти люди до такой степени порабощены своими буржуазными навязчивыми идеями, что по их мнению Аристотель или Юлий Цезарь обиделись бы, если бы их назвали «непроизводительными работниками». А между тем Аристотель и Цезарь сочли бы оскорблением уже само название «работники».

«Разве врач, вылечивающий своим предписанием больного ребенка и таким образом сохраняющий ему жизнь на долгие годы, не *производит* длительного результата?» (там же).

Вздор! Если ребенок умирает, результат не менее длителен. А если ребенок остается больным, то *услуга* врача все же должна быть оплачена. По Нассау, врачам следовало бы платить лишь постольку, поскольку они излечивают, адвокатам — лишь постольку, поскольку они выигрывают процессы, а солдатам — лишь постольку, поскольку они одерживают победы.

Но теперь он становится поистине возвышенным:

«Разве голландцы, боровшиеся против тирании испанцев, или англичане, восставшие против тирании, грозившей стать еще более ужасной, произвели только мимолетные результаты?» (цит. соч., стр. 198).

Беллетристический хлам! Голландцы и англичане совершали восстания за свой собственный счет. Никто не платил им за то, что они трудились «в революции». А в вопросе о производительных или непроизводительных работниках речь всегда идет о покупателе труда и продавце его. Что за вздор!

Пошлая беллетристика этих молодчиков в их полемике против Смита показывает только, что они являются представи-

телями «образованного капиталиста», тогда как Смит был *истолкователем* откровенно грубого буржуа-выскочки. Образованный буржуа и его рупор, оба до такой степени тупоумны, что они значение всякой деятельности измеряют ее [411] воздействием на кошелек. С другой стороны, они являются настолько образованными, что *признают* также и такие функции и виды деятельности, которые не имеют ничего общего с производством богатства, и притом признают их потому, что и эти виды деятельности «косвенно» увеличивают и т. д. их богатство, словом, выполняют «полезную» для богатства функцию.

Человек сам является основой своего материального, как и всякого иного осуществляемого им производства. Поэтому все те обстоятельства, которые воздействуют на человека, этого *субъекта* производства, модифицируют в большей или меньшей степени все его функции и виды деятельности, значит также и те его функции и виды деятельности, которые он выполняет как созидатель материального богатства, товаров. В этом смысле можно действительно доказать, что *все* человеческие отношения и функции, в какой бы форме и в чем бы они ни проявлялись, влияют на материальное производство и более или менее определяющим образом воздействуют на него.

«Существуют страны, где совершенно невозможно обрабатывать землю без охраны со стороны солдат. И что же! По классификации Смита, собранный урожай не является продуктом совместного труда того человека, который ходит за плугом, и того, который рядом с ним шагает с оружием в руках; по мнению Смита, только земледелец является производительным работником, а деятельность солдата непроизводительна» (цит. соч., стр. 202).

Во-первых, это неверно. Смит сказал бы, что деятельность солдата производит защиту, но не хлеб. Если бы в стране установился порядок, то земледелец продолжал бы, как и прежде, производить хлеб, не будучи вынужденным производить в придачу к этому средства для содержания солдата, а стало быть и его жизнь. Солдат относится к faux frais* производства, как значительная часть непроизводительных работников, которые сами ничего не производят — ни в области духовного, ни в области материального производства — и только вследствие недостатков социальной структуры оказываются полезными и необходимыми, будучи обязаны своим существованием наличию социальных зол.

Но Нассау мог бы сказать, что при изобретении машины, делающей из 20 рабочих 19 человек излишними, эти 19 тоже становятся faux frais производства. Однако солдат может

---

* См. сноску на стр. 149. *Ред.*

оказаться излишним несмотря на то, что *материальные условия производства,* условия земледелия как такового, остаются те же. А 19 рабочих могут оказаться излишними только в том случае, если труд остающегося одного рабочего сделался в 20 раз более производительным, следовательно только в результате революции в данных материальных условиях производства. К тому же, уже *Бьюкенен* замечает:

«Если бы, например, солдата следовало называть производительным работником на том основании, что его труд содействует производству, то производительный рабочий с таким же правом мог бы претендовать на воинские почести, так как не подлежит сомнению, что без его содействия никакая армия не могла бы выступить в поход, чтобы сражаться и одерживать победы» *(D. Buchanan.* Observations on the subjects treated of in Dr. Smith's Inquiry etc. Edinburgh, 1814, стр. 132).

«Богатство нации зависит не от числового соотношения между теми, кто производит *услуги,* и теми, кто производит *стоимости,* а от такой пропорции между ними, которая наиболее способствует тому, чтобы сделать труд каждого возможно более плодотворным» *[Сениор,* цит. соч., стр. 204).

Этого Смит никогда не отрицал, так как он хочет, чтобы количество таких «необходимых» непроизводительных работников, как государственные чиновники, адвокаты, попы и т. п., было сокращено до тех *размеров,* в каких их услуги необходимы. А это, во всяком случае, и есть та «пропорция», при которой они делают возможно более плодотворным труд производительных рабочих. Что же касается других «непроизводительных работников», труд которых каждый покупает только *добровольно,* чтобы пользоваться их *услугами,* т. е. покупает как предмет потребления, предоставляемый его выбору, то тут могут быть различные случаи. Число этих живущих на доход работников может быть велико по сравнению с числом «производительных» рабочих, *во-первых,* потому, что богатство вообще невелико или носит односторонний характер, как, например, у средневековых баронов с их свитой. Вместо того чтобы потреблять в сколько-нибудь значительных количествах промышленные товары, они поедали вместе со своей свитой свои сельскохозяйственные продукты. Когда же вместо этого они стали потреблять промышленные товары, их свите пришлось взяться за труд. Число живущих на доход было велико только потому, что значительная часть годового продукта потреблялась не *в целях воспроизводства.* При всем том общее количество населения было невелико. *Во-вторых,* число живущих на доход может быть велико потому, что высока производительность производительных рабочих, т. е. велик их прибавочный продукт, которым кормятся прихлебатели. В этом случае труд

производительных рабочих не потому производителен, что существует так много прихлебателей, а наоборот, существует так много прихлебателей потому, что труд производительных рабочих столь производителен.

Если взять две страны с одинаковым народонаселением и одинаковым развитием производительных сил труда, то всегда с полным правом можно будет сказать вместе с А. Смитом, что богатство обеих стран следует измерять соотношением между производительными и непроизводительными работниками. Ибо это означает только то, что в стране, где имеется относительно большее число производительных рабочих, относительно большее количество годового дохода потребляется в целях воспроизводства и, стало быть, ежегодно производится большая масса стоимостей. Таким образом, господин Сениор только пересказывает положение [412] Адама, вместо того чтобы противопоставить ему какую-нибудь новую мысль. А затем он сам проводит здесь различие между «производителями услуг» и «производителями стоимостей», и таким образом с ним происходит то же самое, что и с большинством этих противников смитовского различения: они принимают и сами применяют то самое различение, которое они же отвергают.

Характерно, что все «непроизводительные» экономисты, которые решительно ничего не создают в своей собственной специальности, выступают против различения между производительным и непроизводительным трудом. Но по отношению к буржуа эта позиция «непроизводительных» экономистов выражает, с одной стороны, раболепство, стремление изобразить все функции состоящими на службе у производства богатства для буржуа; а с другой стороны, стремление доказать, что буржуазный мир — самый лучший из миров, все в нем полезно, а сам буржуа настолько образован, что видит и понимает это.

По отношению же к рабочим эта точка зрения сводится к утверждению, что потребление больших масс продуктов непроизводительными элементами вполне в порядке вещей, так как непроизводительные потребители в такой же мере содействуют производству богатства, как и рабочие, хотя и на свой особый манер.

Но в конце концов Нассау проговаривается и показывает, что он ни слова не понял в сделанном Смитом существенном различении. Он говорит:

«В самом деле, кажется, что в данном случае внимание Смита было целиком сосредоточено на положении *крупных земельных собственников,* к которым вообще только и могут быть применены его замечания о непроизводительных классах. Иначе я не могу объяснить себе его утверждение,

что *капитал применяется только для содержания производительных работников, тогда как непроизводительные живут на доход.* Наибольшая часть из тех, *кого* он преимущественно называет непроизводительными, — учителя, правители государства, — содержится *за счет капитала,* т. е. *на средства, авансируемые на воспроизводство»* (там же, стр. 204—205).

Здесь, действительно, немеешь от изумления. Открытие господина Нассау, что государство и школьный учитель живут за счет капитала, а не за счет дохода, не нуждается в дальнейших комментариях. Если господин Сениор хочет этим сказать нам, что они живут на прибыль с капитала, а значит в этом смысле за счет капитала, то он лишь забывает, что доход с капитала не есть сам капитал и что этот доход, результат капиталистического производства, не авансируется на воспроизводство, а напротив, сам является его результатом. Или он думает так потому, что некоторые налоги входят в издержки производства определенных товаров, следовательно в расходы определенных производств? Так пусть он знает, что это только одна из форм взимания налогов с дохода.

Относительно Шторха Нассау Сениор, этот умничающий пачкун, замечает еще:

«Господин Шторх, вне всякого сомнения, заблуждается, категорически утверждая, что эти *результаты»* (здоровье, вкус и т. д.) «составляют, подобно другим предметам, имеющим стоимость, часть *дохода* тех, кто ими обладает, и что они подобным же образом могут обмениваться» (а именно, поскольку они могут быть куплены у их производителей). «Если бы это было так, если бы вкус, нравственность, религия действительно были *предметами,* которые можно *покупать,* то богатство имело бы совсем иное значение, чем то, какое экономисты... ему приписывают. *Ми* покупаем вовсе не здоровье, не знания и не благочестие. Врач, священник, учитель... могут производить только средства, при помощи которых с большей или меньшей вероятностью и с большим или меньшим совершенством будут произведены эти дальнейшие результаты... Если в каждом данном случае были применены наиболее подходящие средства для достижения успеха, то производитель этих *средств* имеет право на вознаграждение даже в том случае, если он и не добился успеха, не достиг ожидаемых результатов. Обмен завершен, как только дан совет или же дан урок и за них получено вознаграждение» (цит. соч., стр. 288—289).

В конце концов великий Нассау сам снова принимает смитовское различение. А именно, он различает, вместо производительного и непроизводительного труда, «производительное потребление и непроизводительное потребление» (стр. 206). А предметом потребления является или товар, — по речь здесь идет не о нем, — или же непосредственно труд.

Производительно, согласно Сениору, то потребление, которое применяет труд, либо воспроизводящий самоё рабочую силу (что может делать, например, труд школьного учителя или труд врача), либо *воспроизводящий* стоимость тех товаров, на

которые этот труд покупается. Непроизводительно потребление такого труда, который не совершает ни того, ни другого. Между тем Смит заявляет: труд, который может быть потреблен только производительно (т. е. производственно), я называю производительным трудом, а тот, который можно потреблять непроизводительно, потребление которого не является по природе своей производственным потреблением, я называю непроизводительным трудом. Здесь, стало быть, господин Сениор доказал свое остроумие посредством nova vocabula rerum*. В общем Нассау списывает у Шторха.

[18)] П. РОССИ (ИГНОРИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ФОРМЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ. ВУЛЬГАРНАЯ КОНЦЕПЦИЯ «СБЕРЕЖЕНИЯ ТРУДА» НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫМИ РАБОТНИКАМИ]

[413] *P. Rossi.* Cours d'economie politique (читан в 1836/37 году), брюссельское издание 1842 года. Вот где мудрость!

«К *косвенным средствам»* (производства) «относится все то, что благоприятствует производству, все то, что способствует устранению препятствий, придает производству большую действенность, быстроту,'легкость». (До этого у него сказано, стр. 268: «Существуют прямые средства производства и косвенные. Это значит: существуют такие средства, которые являются *необходимым* условием интересующего нас результата, силами, *совершающими* это производство; существуют и другие средства производства, которые способствуют производству, но не совершают его. Первые могут действовать даже *одни,* вторые могут лишь помогать первым в процессе производства».) ... «Всякий правительственный труд — косвенное средство производства... Тот, кто изготовил эту шляпу, должен признать, что жандарм, прохаживающийся по улице, судья, заседающий в суде, тюремщик, принимающий преступника в тюрьму и содержащий его в заключении, армия, защищающая границу от вторжений неприятеля, — что все они содействуют производству» (стр. 272).

Какое наслаждение для шляпника сознавать, что весь мир приходит в движение для того, чтобы он мог произвести и продать эту шляпу! Заставляя этого тюремщика и т. д. *косвенно* — а не *прямо* — содействовать материальному производству, Росси фактически делает то же различение, что и Адам (XII лекция).

В следующей, тринадцатой лекции Росси — по сути дела в том же примерно духе, как и его предшественники, — ополчается против Смита ex professo**.

* — новых наименований вещей. *Ред.*
** — специально. *Ред.*

Тремя причинами, говорит он, вызвано неправильное различение между производительными и непроизводительными работниками.

1) «Среди *покупателей* одни покупают продукты или *труд* с целью *их непосредственного личного потребления;* другие покупают их только для того, чтобы продавать новые продукты, которые они изготовляют при помощи приобретенных ими продуктов и купленного ими труда. Для первых определяющее значение имеет *потребительная стоимость,* для вторых — меновая стоимость». Когда во внимание принимают только меновую стоимость, то впадают в ошибку Смита. «Труд моего слуги непроизводителен для меня, — допустим это на минуту; но разве этот труд непроизводителен и для него?» (цит. соч., стр. 275—276).

Так как все капиталистическое производство основано на том, что труд покупается непосредственно с той целью, чтобы в процессе производства часть применяемого труда присвоить себе *без купли,* но затем и эту часть *продать* в продукте, — так как это составляет основу существования капитала, самую суть его, — то не является ли различение между трудом, производящим капитал, и трудом, его не производящим, базисом для понимания процесса капиталистического производства? Смит не отрицает, что труд слуги производителен для *него* самого. Всякая услуга производительна для ее продавца. Лжеприсяга производительна для того, кто получает за нее наличные деньги. Подделка документов производительна для того, кому за это платят. Убийство производительно для того, кому платят за убийство. Занятия сикофантов*, доносчиков, прихлебателей, паразитов, льстецов производительны для них, если они выполняют такого рода «услуги» не бесплатно. По Росси получается, что все они — «производительные работники», производители не только богатства, но и капитала. И мошенник, который оплачивает себя сам, — совершенно так же, как это делают суды и государство, — тоже «затрачивает некоторую силу, прилагает ее определенным образом, производит результат, удовлетворяющий потребность человека» [там же, стр. 275], а именно потребность вора и, быть может, сверх того еще его жены и детей. Выходит, что он — производительный работник, если все дело только в том, чтобы производить «результат», удовлетворяющий «потребность», или если для отнесения услуг к категории «производительных» нужно, как в вышеприведенных случаях, только то, чтобы человек продавал свои «услуги».

2) «Вторая ошибка заключалась в том, что не делали различия между прямым производством и косвенным производством. Вот почему государ-

* — подхалимов, прислужников. *Ред.*

ственный чиновник у А. Смита непроизводителен. Но если производство почти невозможно» (без труда государственного чиновника), «то ведь совершенно очевидно, что этот труд содействует производству если и не посредством прямой и материальной помощи, то все же посредством косвенного действия, которое нельзя не принимать в расчет» (цит. соч., стр. 276).

Этот косвенно участвующий в производстве труд (а он составляет только часть непроизводительного труда) мы и называем непроизводительным трудом. Иначе пришлось бы сказать, что так как государственный чиновник абсолютно не может существовать без крестьянина, то крестьянин является «косвенным производителем» юстиции и т. д. Вздор! Есть еще одна точка зрения — относящаяся к вопросу о разделении труда, по об этом после.

[3)] «Недостаточно тщательно установлено различие между тремя главными фактами производства: между *силой, или производительным средством, применением* этой силы и *результатом».* Мы покупаем часы у часовщика; при этом нас интересует только *результат* труда. Или покупаем сюртук у портного; здесь имеет место то же самое. Однако «находятся еще люди старого закала, которые не так смотрят на вещи. Они зовут к себе рабочего и поручают ему сшить ту или другую одежду, снабжая его материей и всем необходимым для этой работы. Что они покупают, эти люди старого закала? Они покупают силу» {но также ведь и «применение этой силы»}, «средство, которое за их страх и риск произведет известные результаты... Объектом договора является покупка силы».

(Но в том-то и штука, что эти «люди старого закала» применяют такой способ производства, который не имеет ничего общего с капиталистическим и при котором невозможно все то развитие производительных сил труда, какое приносит с собой капиталистическое производство. Характерно, что такое специфическое различие для Росси и всех ему подобных является несущественным.)

«Нанимая слугу, я покупаю силу, которая может быть использована для выполнения сотен услуг и результаты деятельности которой зависят от того, как я эту силу использую» (стр. 276).

Все это не имеет никакого отношения к делу.

[414] В-третьих,

«можно покупать или нанимать... определенное применение какой-нибудь силы... В этом случае вы покупаете не продукт и не результат, который имеете в виду». Защитительная речь адвоката может привести или не привести к тому, что я выиграю процесс. «Во всяком случае сделка между вами и вашим адвокатом состоит в том, что за определенную стоимость он отправится в такой-то день в такое-то место, чтобы говорить там за вас и применять в ваших интересах свои интеллектуальные силы» (стр. 276).

{К этому еще одно замечание. В XII лекции, стр. 273, Росси говорит:

«Я далек от того, чтобы считать производителями лишь тех людей, которые проводят свою жизнь в изготовлении коленкора или сапог. Я уважаю труд, каков бы он ни был,.. но это уважение не должно быть исключительной привилегией *работника физического труда».*

Этого А. Смит не делает. Кто создает книгу, картину, музыкальное произведение, статую, тот у него «производительный работник» во втором смысле, хотя ни импровизатор, ни декламатор, ни виртуоз и т. д. не является таковым для Смита. А «услуги», поскольку они прямо входят в производство, А. Смит рассматривает как материализованные в продукте, будь то труд работника физического труда или же директора, приказчика, инженера и даже ученого, если он является изобретателем, работником мастерской, работающим в ее стенах или вне их. Говоря о разделении труда, Смит разъясняет, как эти операции распределяются между различными лицами, и показывает, что продукт, товар, является результатом их совместного труда, а не труда кого-либо одного из них. Но «духовные» работники вроде Росси озабочены тем, чтобы оправдать ту крупную долю, которую они получают из материального производства.}

После этого рассуждения Росси продолжает:

«Таким образом, в меновых сделках внимание сосредоточивается то на одном, то на другом из этих трех главных фактов производства. Но могут ли *эти различные формы обмена* отнять у известных *продуктов* характер *богатства,* а у *усилий определенного класса производителей — качество производительного труда?* Очевидно, что между этими идеями нет такой связи, которая оправдывала бы подобный вывод. Если я, вместо покупки определенного результата, покупаю силу, необходимую для его производства, то неужели вследствие этого *действие этой силы не будет производительным,* а *продукт не будет богатством?* Возьмем опять пример с портным. Покупают ли у портного одежду в совершенно готовом виде или же поручают сшить ее рабочему-портному, выдав ему материал и заработную плату, — в отношении результата в обоих случаях всегда получается одно и то же. Никто не скажет, что первый труд — *производительный труд,* а второй — *непроизводительный труд;* разница лишь та, что во втором случае тот, кто *хотел получить платье,* был *своим собственным предпринимателем.* Но в чем же, в отношении производительных сил, разница между рабочим-портным, которого вы взяли к себе на дом, и вашим слугой? Никакой разницы между ними нет» (цит. соч., стр. 277).

Здесь квинтэссенция всей ложной мудрости этого важничающего водолея. Поскольку А. Смит, в своем втором, менее глубоком определении, различает труд производительный и непроизводительный в зависимости от того, овеществляется ли труд прямо в таком товаре, который может быть продан покупателем труда, или не овеществляется, — постольку он назы-

вает портного в обоих случаях производительным работником. Но согласно его более глубокому определению портной, фигурирующий во втором из указанных случаев, — «непроизводительный работник». Росси показывает только, что он «очевидно» не понимает А. Смита.

То, что *«формы обмена»* кажутся Росси безразличными, равносильно тому, как если бы физиолог сказал, что ему безразличны определенные формы жизни, ибо все они — лишь формы органической материи. Но как раз только эти формы и важны для нас, когда речь идет о том, чтобы понять специфический характер какого-либо общественного способа производства. Сюртук есть сюртук. Но если он произведен при первой форме обмена, то перед вами капиталистическое производство и современное буржуазное общество; если же он произведен при второй форме обмена, то перед вами некоторая форма ручного труда, совместимая даже с азиатскими отношениями или со средневековыми и т. д. И эти *формы* являются определяющими для самого вещественного богатства.

Сюртук есть сюртук, в этом — вся премудрость Росси. Но в первом случае рабочий-портной производит не только сюртук, он производит капитал, а значит и прибыль; он производит своего хозяина как капиталиста и себя самого как наемного рабочего. Когда я поручаю рабочему-портному сшить для меня лично сюртук у меня на дому, то благодаря этому я столь же мало становлюсь своим собственным *предпринимателем* (в смысле определенной экономической категории), как мало *предприниматель-портной* становится предпринимателем оттого, что [415] он сам носит и потребляет сшитый его рабочими сюртук. В одном случае покупатель портняжного труда и рабочий-портной противостоят друг другу как простой покупатель и простой продавец. Один платит деньги, другой поставляет товар, в потребительную стоимость которого превращаются мои деньги. Это решительно ничем не отличается от того случая, когда я покупаю сюртук в магазине. Продавец и покупатель противостоят здесь друг другу просто как таковые. В другом случае, напротив, они противостоят друг другу как капитал и наемный труд. Что же касается слуги, то с рабочим-портным № 2, труд которого я сам покупаю ради его потребительной стоимости, он имеет то общее, что им обоим присуща одна и та же общественная форма. Оба — простые покупатели и продавцы. Разница только в том, что здесь, вследствие специфического способа пользования покупаемой потребительной стоимостью, имеет место еще некоторое патриархальное отношение, отношение господства и услужения, что видоизменяет и делает

отвратительным это отношение простой купли и продажи, если не по его экономической форме, то по его содержанию.

К тому же Росси лишь в других выражениях повторяет Гарнье.

«Когда Смит утверждает, что труд слуги не оставляет после себя никакого следа, то он, — скажем это прямо, — ошибается больше, чем это позволительно для Адама Смита. Допустим, что какой-нибудь фабрикант сам управляет большой фабрикой, требующей усиленного и внимательного надзора... Этот самый человек, не терпящий возле себя непроизводительных работников, не держит домашней прислуги. Он, следовательно, вынужден *сам себя обслуживать...* Что же будет с его производительным трудом в течение того времени, которое он должен посвящать этому якобы непроизводительному труду? Разве не ясно, что ваши слуги выполняют работу, которая дает вам возможность заниматься трудом, более соответствующим вашим способностям? Поэтому как же можно говорить, что от их услуг не остается никакого следа? Остается все то, что вы делаете и чего вы не могли бы делать, если бы в обслуживании вашей особы и вашего дома вас не заменяли слуги» (пит. соч., стр. 277).

Это опять то *сбережение труда, о* котором говорили Гарнье, Лодердель и Ганиль. Согласно этому взгляду, непроизводительные виды труда являются производительными лишь в той мере, в какой они сберегают труд и оставляют больше времени для собственного труда, будь то «деятельному капиталисту», будь то производительному рабочему, — оба они-де в состоянии выполнять более ценный труд благодаря тому, что в области менее ценного труда их заменяют другие. Этим самым исключается значительная часть непроизводительных работников — домашние слуги, в той мере, в какой они являются только предметом роскоши, и все те непроизводительные работники, которые производят только наслаждение и трудом которых я могу пользоваться лишь *тратя на пользование им ровно столько же времени,* сколько *требуется продавцу этого труда на то, чтобы произвести его,* выполнить его. В обоих случаях о «сбережении» труда не может быть и речи. Наконец, даже действительно сберегающие труд личные услуги были бы производительны лишь постольку, поскольку их потребитель является производительным работником. Если он праздный капиталист, то они сберегают ему труд только в том смысле, что избавляют его от необходимости вообще что-либо делать. Свински неопрятная барынька заставляет причесывать себя и стричь себе ногти, вместо того чтобы самой делать это; провинциальный дворянчик нанимает себе конюха, вместо того чтобы самому быть своим собственным конюхом; человек, единственным занятием которого является еда, держит повара, вместо того чтобы самому готовить себе пищу.

К числу этих работников принадлежали бы также и те, которые, по выражению Шторха (цит. соч.), производят *«досуг»,* благодаря чему кое-кто получает возможность заполнить свое свободное время наслаждениями, умственным трудом и т. д. Полицейский сберегает мне то время, которое понадобилось бы мне для того, чтобы быть своим собственным жандармом, солдат сберегает мне время, необходимое для самозащиты., правительственный чинуша сберегает время, нужное мне для управления самим собой, чистильщик сапог — время, необходимое мне на чистку сапог, поп сберегает время, необходимое для размышлений, и т. д.

Что в этом верно, так это мысль о *разделении труда.* Кроме своего производительного труда или эксплуатации производительного труда, каждому приходилось бы выполнять еще массу функций, которые были бы непроизводительны и которые отчасти входят в издержки потребления. (Собственно производительные рабочие должны сами нести эти издержки потребления и сами выполнять для себя непроизводительный труд.) Если это «услуги» приятного свойства, то господин нередко выполняет их за холопа, как это показывает jus primae noctis* или труд по управлению и т. п., который господа издавна берут на себя. Но это отнюдь не уничтожает различия между производительным и непроизводительным трудом; напротив, само это различие выступает как результат *разделения труда* и в этом смысле способствует развитию общей производительности труда — в силу того, что разделение труда превращает непроизводительный труд в исключительную функцию одной части работников, а производительный труд — в исключительную функцию другой части.

Но Росси утверждает, что даже *«труд»* той массы домашних слуг, которая предназначена только для того, чтобы выставлять напоказ богатство ее хозяина, чтобы удовлетворять его тщеславие, «не является непроизводительным трудом». Почему? Потому, что он производит *нечто:* удовлетворение тщеславия, возможность похвастаться, выставить напоказ богатство (цит. соч., стр. 277). Здесь мы опять наталкиваемся на ту чепуху, будто всякий вид услуг что-нибудь да производит: проститутка производит сладострастие, убийца — убийство и т. д. К тому же Смит-де сказал, что каждый вид этой дряни имеет свою *стоимость.* Недоставало [416] еще, чтобы эти «услуги» оказывались бесплатно. Об этом нет и речи. Но даже если бы они выполнялись бесплатно, они и тогда ни на грош не увеличили бы богатства (материального).

* — право первой ночи. *Ред.*

Затем идет беллетристическая белиберда:

«Певец, когда он кончил петь, ничего, как утверждают, нам не оставляет. — Нет, он оставляет воспоминание!» (очень мило!). «Когда вы выпили шампанского, что остается после этого?.. Экономические результаты могут быть различны в зависимости от того, следует ли потребление сейчас же за фактом производства или нет, совершается ли оно быстрее или медленнее, но самый факт потребления, каков бы он ни был, не может отнять у продукта характер богатства. Существуют нематериальные продукты, более долговечные, чем некоторые материальные. Дворец существует долго, но *«Илиада»* — еще более долговечный источник наслаждения» (стр. 277—278).

Какая чушь!

В том смысле, в каком Росси здесь понимает богатство, т. е. в смысле потребительной стоимости, дело обстоит даже так, что только *потребление* впервые и делает продукт богатством, все равно, как бы это потребление ни совершалось: медленно или быстро (продолжительность потребления зависит от его собственной природы и от природы предмета). Потребительная стоимость имеет значение только для потребления, и ее существование для потребления есть лишь существование в качестве предмета потребления, есть лишь ее существование в потреблении. Как питье шампанского не есть производительное потребление, хотя оно и производит «похмелье», так не является производительным потреблением и слушание музыки, хотя оно и оставляет после себя «воспоминание». Если музыка хороша и слушатель понимает музыку, то потребление музыки возвышеннее потребления шампанского, хотя производство последнего есть «производительный труд», а производство первой — непроизводительный.

* * *

Подводя итог всей галиматье, направленной против смитовского различения производительного и непроизводительного труда, можно сказать, что Гарнье и еще, пожалуй, Лодердель и Ганиль (последний, однако, не дал ничего нового) исчерпали все содержание этой полемики. Последующие авторы (за исключением неудавшейся попытки Шторха) дают лишь беллетристические рассуждения, просвещенную болтовню. Гарнье — экономист Директории и консульства, Ферье и Ганиль — экономисты империи. С другой стороны — Лодердель, его сиятельство граф, который скорее ставил себе целью *апологетически представить потребителей как производителей «непроизводительного труда». Превознесение* прислужничества, лакейства, *восхваление* сборщиков налогов, паразитов проходит красной нитью через писания всех этих псов. В сравнении с этим тот

грубо циничный характер, который присущ классической политической экономии, выступает как критика существующих порядков.

[19) АПОЛОГИЯ РАСТОЧИТЕЛЬНОСТИ БОГАТЫХ У МАЛЬТУЗИАНЦА ЧАЛМЕРСА]

Одним из самых фанатических мальтузианцев является *его преподобие Т. Чалмерс,* профессор теологии, автор книги «On Political Economy in connexion with the Moral State and Moral Prospects of Society» (2nd edition, London, 1832). По мнению Чалмерса, нет другого средства против всех социальных неустройств, кроме религиозного воспитания рабочего класса (под этим он понимает христиански-приукрашенное, поповски-назидательное вдалбливание мальтусовской теории народонаселения). В то же время он ревностный защитник всякого рода злоупотреблений, расточительных расходов государства, крупных окладов для попов и безумного мотовства богатых. Он скорбит (стр. 260 и следующие) о «духе времени», скорбит о «суровой, граничащей с голоданием бережливости», требует больших налогов, обильной жратвы для «высших» и непроизводительных работников, попов и т. д. (там же) и, разумеется, поднимает шум но поводу смитовского различения. Этому различению он уделил целую главу (одиннадцатую), которая не содержит ничего нового, кроме утверждения, что бережливость и т. д. лишь вредит «производительным работникам». Тенденция этой главы характерным образом резюмирована в следующих словах:

«Это различение представляется вздорным и к тому же злонамеренным в его применении» (цит. соч., стр. 344).

В чем же состоит эта злонамеренность?

«Мы потому так подробно останавливались на этом вопросе, что считаем политическую экономию наших дней слишком строгой и враждебной по отношению к установленной церкви, и мы не сомневаемся, что этому сильно способствовало вредное смитовское различение» (стр. 346).

Под «установленной церковью» этот поп подразумевает свою собственную церковь, англиканскую церковь как «установленную» законом. К тому же он был одним из тех молодчиков, которые способствовали распространению этого «установления» на Ирландию. Поп этот, по крайней мере, отличается откровенностью.

[20) ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ОБ АДАМЕ СМИТЕ И ЕГО ВЗГЛЯДАХ НА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ И НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД]

[417] Прежде чем закончить раздел об Адаме Смите, процитируем из его книги еще два места: первое, в котором он дает волю своей ненависти к непроизводительному правительству; второе, в котором он старается доказать, почему прогресс промышленности и т. д. предполагает свободный труд. О *ненависти Смита к попам!*[90]

Первое место гласит:

«Поэтому величайшей наглостью и самонадеянностью со стороны королей и министров являются их поползновения наблюдать за бережливостью частных лиц и ограничивать их расходы посредством законов против роскоши или путем запрещения ввоза заграничных предметов роскоши. Они сами всегда и без всяких исключений являются величайшими расточителями во всем обществе. Пусть они хорошенько следят за своими собственными расходами, а заботу о расходах частных лиц пусть предоставят этим последним. Если их собственная расточительность не разоряет государства, то его никогда не разорит расточительность их подданных» (книга II, глава 3, издание Мак-Куллоха, том II, стр. 122) [Русский перевод, том I, стр. 292].

И еще раз следующее место[*]:

«Труд некоторых наиболее уважаемых сословий общества, подобно *труду домашних слуг,* не производит *никакой стоимости»* {он имеет стоимость, стоит поэтому некоторого эквивалента, но он не производит никакой стоимости} «и не фиксируется или не овеществляется ни в каком длительно существующем предмете, или пригодном для продажи товаре... Например, государь со всеми своими судебными чиновниками и офицерами, вся армия и флот являются *непроизводительными работниками.* Они — *слуги* общества и содержатся на часть годового продукта *труда других людей...* К *этому же классу* должны быть отнесены... священники, юристы, врачи, всякого рода писатели; актеры, паяцы, музыканты, оперные певцы, танцовщики и т. д.» (там же, стр. 94—95) (Русский перевод, том I, стр. 279].

Это — язык еще революционной буржуазии, которая еще не подчинила себе все общество, государство и т. д. Все эти трансцендентные занятия, искони пользовавшиеся почетом, — государь, судьи, офицеры, попы и т. д., — вся совокупность порождаемых ими старых идеологических сословий, все принадлежащие к этим сословиям ученые, магистры и попы... *экономически* приравниваются к толпе собственных лакеев и шутов буржуазии, которые содержатся ею и представителями праздного богатства — земельным дворянством и праздными капиталистами. Они просто *слуги* общества, подобно тому как другие — их слуги. Они живут на продукт *труда других*

[*] См. настоящий том, часть I, стр. 141, 143 и 258. *Ред.*

людей. Поэтому их число должно быть сокращено до неизбежного минимума. Государство, церковь и т. п. правомерны лишь постольку, поскольку они являются комитетами для управления общими интересами производительных буржуа или для обслуживания этих общих интересов, и затраты на эти учреждения должны быть сведены к самому необходимому минимуму, так как сами по себе они относятся к faux frais* производства. Этот взгляд исторически интересен по своей резкой противоположности, с одной стороны, воззрениям античной древности, где материально производительный труд носит на себе клеймо рабства и рассматривается лишь как пьедестал для праздного гражданина, а с другой стороны — представлениям возникшей из разложения средневековья абсолютной или аристократически-конституционной монархии, представлениям, которые Монтескье, сам еще находящийся в плену у них, столь наивно выражает в следующем тезисе («Esprit des lois», книга VII, глава 4):

«Если богатые не будут много расходовать, то бедняки умрут с голоду».

Напротив, с тех пор как буржуазия овладела положением и отчасти сама захватила в свои руки государство, отчасти пошла на компромисс с его прежними хозяевами; с тех пор как она признала идеологические сословия плотью от своей плоти и повсюду превратила их в своих приказчиков, преобразовав их сообразно своей собственной природе; с тех пор как сама она уже не противостоит им в качестве представителя производительного труда, а против нее поднимаются настоящие производительные рабочие и точно так же заявляют ей, что она живет за счет труда других людей; с тех пор как она достаточно просветилась для того, чтобы не отдаваться всецело производству, а стремиться также и к «просвещенному» потреблению; с тех пор как даже духовный труд все в большей и большей степени выполняется для ее *обслуживания,* поступает на службу к капиталистическому производству, — с тех пор дело принимает иной оборот, и буржуазия старается «экономически» со своей собственной точки зрения оправдать то, против чего она раньше боролась своей критикой. Ее рупорами и успокоителями ее совести в этом отношении являются Гарнье и др. К этому присоединяется еще ревностное стремление этих экономистов (которые сами являются попами, профессорами и т. д.) доказать свою «производительную» полезность, «экономически» оправдать свои оклады.

* См. сноску на стр. 149. *Ред.*

[418] Второе — относящееся к рабству — место гласит:

«Подобного рода профессии» (профессии ремесленника и работника мануфактуры) «считались» (во многих античных государствах) «подходящими только для рабов, и гражданам воспрещалось заниматься ими. Даже в тех государствах, где такого запрещения не существовало, как, например, в Афинах и в Риме, народ был фактически отстранен от всех тех профессий, какими ныне обычно занимаются низшие классы городского населения. Этими профессиями в Риме и в Афинах занимались рабы богачей, причем они занимались ими в пользу своих господ, богатство, могущество и покровительство которых делали для свободных бедняков почти невозможным находить сбыт для своих изделий, когда эти изделия конкурировали с изделиями рабов богача. Но рабы редко бывают изобретательны, и все важнейшие усовершенствования в промышленности, облегчающие и сокращающие труд, в виде ли машин или в виде лучшей организации и разделения труда, были изобретены свободными людьми. Даже если бы какой-нибудь раб придумал и предложил какое-либо усовершенствование такого рода, его хозяин был бы склонен усмотреть в этом проявление лени и желания сберечь свой труд за счет хозяина. Бедного раба вместо награды ожидали бы, по всей вероятности, лишь ругательства, а может быть, даже и побои. Поэтому в тех предприятиях, где применяется труд рабов, для выполнения одной и той же работы приходится, как правило, затрачивать больше труда, чем в предприятиях, применяющих труд свободных людей. Вследствие этого изделия предприятий первого рода должны были, как правило, быть дороже, чем изделия предприятий второго рода. Монтескьё замечает, что рудники Венгрии, не будучи более богатыми, чем находящиеся по соседству с ними рудники Турции, всегда эксплуатировались с меньшими издержками и, следовательно, с большей прибылью. Турецкие рудники эксплуатируются при помощи рабов, и *руки этих рабов представляют собой единственные машины,* до которых додумались *турки.* Венгерские рудники эксплуатируются при помощи свободных людей, которые употребляют большое количество машин для облегчения и сокращения своего труда. Судя по тому немногому, что нам известно о ценах промышленных изделий во времена греков и римлян, изделия высокого качества были, по-видимому, чрезвычайно дороги» (цит. соч., книга IV, глава 9; перевод Гарнье, том III, стр. 549—551) [Русский перевод, том II, стр. 228—229].

* * *

А. Смит сам пишет в 1-й главе IV книги[91]:

«Господин Локк отмечает различие между деньгами и всяким другим движимым имуществом. Все другие движимые предметы, говорит он, *столь непрочны по своей природе,* что нельзя особенно полагаться на богатство, состоящее из них... Деньги, напротив, — надежный друг» и т. д. (там же, том III, стр. 5) [Русский перевод, том II, стр. 10].

И далее там же, на стр. 24—25:

«Предметы потребления, говорят нам, быстро уничтожаются, тогда как золото и серебро *более долговечны по своей природе,* и если бы их не вывозили постоянно за границу, то эти металлы могли бы накопляться из столетия в столетие, что невероятно увеличило бы действительное богатство страны» [Русский перевод, том II, стр. 17].

Приверженец монетарной системы мечтает о золоте и серебре потому, что они — *деньги,* самостоятельное бытие меновой стоимости, ее осязательное бытие, и притом неразрушимое, вечное бытие ее, поскольку им не позволяют стать средством обращения, всего лишь мимолетной формой меновой стоимости товаров. Накопление золота и серебра, нагромождение их, образование сокровищ являются поэтому тем способом обогащения, который проповедует монетарная система. И, как я показал при помощи цитаты из Петти[92], даже другие товары ценятся здесь только в той степени, в какой они более или менее долговечны, т. е. в какой они остаются меновыми стоимостями.

И вот, А. Смит, *во-первых,* повторяет то же самое соображение об относительно большей или меньшей долговечности товаров в том месте, где он говорит, что потребление может быть более полезным или менее полезным для образования богатства в зависимости от большей или меньшей продолжительности существования предметов потребления[93]. Таким образом, здесь у него проглядывают представления монетарной системы, и так оно и должно быть, ибо даже при непосредственном потреблении у обладателя товара остается задняя мысль о том, что [419] предмет потребления продолжает быть *богатством,* товаром, следовательно единством потребительной стоимости и меновой стоимости, а это зависит от степени долговечности потребительной стоимости, следовательно от того, что в ряде случаев потребление только постепенно и медленно лишает данную потребительную стоимость возможности быть *товаром,* или носителем меновой стоимости.

Во-вторых: В своем втором различении между производительным и непроизводительным трудом Смит целиком возвращается — в более широкой форме — к различению, проводимому монетарной системой.

Производительный труд «фиксируется и овеществляется в каком-либо отдельном предмете, или товаре, который можно продать и *который существует, по крайней мере, некоторое время после того, как сам этот труд уже прекратился.* Это есть, так сказать, определенное количество труда, скопленное в процессе его овеществления и хранящееся в резерве, чтобы быть использованным, если понадобится, при каком-либо другом случае». Напротив, результаты непроизводительного труда, или выполняемые им услуги, «обычно исчезают в самый момент их выполнения и редко оставляют после себя какой-либо след или какую-нибудь *стоимость,* за которую можно было бы впоследствии получить равное количество услуг» (книга II, глава 3, издание Мак-Куллоха, том II, стр. 94) [Русский перевод, том I, стр. 278—279].

Следовательно, Смит проводит то же различение между товарами и услугами, какое монетарная система проводит

между золотом и серебром, с одной стороны, и всеми другими товарами, с другой стороны. Также и у Смита различение проводится с точки зрения накопления, но накопление мыслится уже не в форме образования сокровищ, а в реальной форме воспроизводства. Товар уничтожается в потреблении, но при этом он вновь порождает товар более высокой стоимости или, при ином применении его, он сам является такой стоимостью, на которую могут быть куплены другие товары. Свойством самого продукта труда является то, что он существует в виде потребительной стоимости более или менее долговечной, а потому способной к повторному отчуждению, существует в виде такой потребительной стоимости, в которой он оказывается пригодным для продажи полезным предметом, носителем меновой стоимости, *товаром,* или, по сути дела, *деньгами.* Услуги непроизводительных работников не становятся вновь *деньгами.* Услугами, за которые я плачу адвокату, врачу, попу, музыканту и т. д., государственному деятелю, солдату и т. д., я не могу ни уплатить долги, ни купить товар, ни купить труд, создающий прибавочную стоимость. Эти услуги исчезли совершенно так же, как исчезают преходящие предметы потребления.

Итак, Смит утверждает в сущности то же самое, что и монетарная система. Последняя считает производительным только тот труд, который производит *деньги,* золото и серебро. У Смита производительным является только тот труд, который производит *деньги* своему покупателю; разница лишь в том, что Смит обнаруживает во всех товарах присущий им денежный характер, как бы он ни был в них прикрыт, тогда как монетарная система видит его только в том товаре, который представляет собой самостоятельное бытие меновой стоимости.

Это различение основывается на самой сущности буржуазного производства, так как богатство не равнозначно потребительной стоимости и богатством является только *товар,* потребительная стоимость как носительница меновой стоимости, как деньги. Монетарная система не понимала, что эти деньги создаются и умножаются посредством потребления товаров, а не посредством превращения их в золото и серебро, в которых товары кристаллизуются как самостоятельная меновая стоимость, но в которых не только утрачивается их потребительная стоимость, но и остается без изменения *величина* их *стоимости.*

[ГЛАВА ПЯТАЯ]

НЕККЕР

[ПОПЫТКА ИЗОБРАЗИТЬ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ КЛАССОВ ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ КАК ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ МЕЖДУ БЕДНОСТЬЮ И БОГАТСТВОМ]

Уже приведенные выше цитаты из Ленге показывают, что ему ясен характер капиталистического производства[94]. Тем не менее здесь, после Неккера, можно будет еще раз уделить место Ленге[95].

В обоих своих сочинениях, в «Sur la Legislation et le Commerce des Grains», вышедшем впервые в 1775 году, и в «De l'Administration des Finances de la France» и т. д., Неккер показывает, как развитие производительных сил труда способствует только тому, что рабочий затрачивает *меньше времени* на воспроизводство своей собственной заработной платы, что он, следовательно, *больше времени* работает на своего нанимателя *без оплаты.* При этом Неккер правильно берет за основу *среднюю заработную плату,* минимум заработной платы. Но его по существу интересует не само превращение труда в капитал и не накопление капитала посредством этого процесса, а скорее общее развитие противоположности между бедностью и богатством, между бедностью и роскошью, основанное на том, что в той самой мере, в какой уменьшается количество труда, требующегося для производства необходимых жизненных средств, часть труда становится во все возрастающей степени избыточной и поэтому может быть использована для производства предметов роскоши, может быть применена в другой сфере производства. Часть этих предметов роскоши обладает способностью сохраняться; таким образом, предметы роскоши накопляются в руках тех, кто из столетия в столетие распоряжается прибавочным трудом, и указанная противоположность становится вследствие этого все более и более значительной.

Важно то, что богатство нетрудящихся сословий [420] — прибыль и ренту — Неккер вообще выводит из прибавочного труда. При рассмотрении же прибавочной стоимости он имеет в виду относительную прибавочную стоимость, проистекающую не из удлинения всего рабочего дня, а из сокращения *необходимого рабочего времени.* Производительная сила труда становится производительной силой владельцев условий труда. А сама эта производительная сила выражается в сокращении рабочего времени, необходимого для получения определенного результата. Главные места — следующие:

Во-первых, «De l'Administration des Finances de la France» и т. д. («Oeuvres», том II, Лозанна и Париж, 1789):

«Я вижу, что у одного из классов общества доход всегда остается почти неизменным; я замечаю, ,что у другого класса богатство неизбежно возрастает: так, роскошь, в основе которой лежит сопоставление и сравнение, должна была сопутствовать развитию этого несоответствия, становясь с течением времени все разительнее...» (назв. соч., стр. 285—286).

(Уже здесь хорошо подмечена противоположность *обоих классов* как *классов.*)

«Тот класс общества, судьба которого как бы *закреплена* социальными законами, состоит из всех тех, кто, *живя трудом своих рук,* поневоле подчиняется законам *собственников»* (собственников условий производства) «и вынужден довольствоваться *заработной платой, соответствующей лишь самым насущным потребностям жизни;* конкуренция между этими людьми и *гнет нужды* ставят *их в зависимое положение;* и эти обстоятельства не могут измениться» (там же, стр. 286).

«Изобретение все новых и новых орудий, упростивших все механические работы, увеличило таким образом *богатство и благосостояние собственников;* часть этих орудий, *уменьшившая издержки по обработке земли, увеличила доход,* которым могут располагать владельцы земли; другая часть изобретений человеческого гения *до такой степени облегчила* труд в промышленности, что *люди, работающие у тех, кто распределяет средства существованиям* (т. е. у капиталистов), «могут *в то же самое время и за то же вознаграждение* производить большее количество изделий всякого рода» (цит. соч., стр. 287). «Предположим, что в минувшем столетии нужны были сто тысяч рабочих, чтобы сделать то, что в настоящее время выполняют восемьдесят тысяч; остальные двадцать тысяч человек вынуждены в таком случае, чтобы не остаться без заработной платы, обратиться к *другим занятиям;* и в результате создаются новые изделия ручного труда, которые увеличивают наслаждения и роскошь богатых» (стр. 287—288).

«Потому что», — продолжает Неккер, — «не следует упускать из виду, что оплата всех тех работ, которые не требуют особого искусства, всегда пропорциональна *цене необходимых для каждого рабочего средств существования;* поэтому *ускорение в изготовлении изделий,* когда знание дела становится распространенным явлением, *нисколько не идет на пользу людям труда, а лишь ведет к увеличению средств,* служащих для удовлетворения вкусов и тщеславия тех, кто располагает продуктами земли» (там же, стр. 288). «Среди различных благ природы, которые искусство человека формирует и видоизменяет, есть много таких, которые по своей

долговечности значительно превосходят обычную продолжительность человеческой жизни: каждое поколение наследует часть того, что создано трудом предыдущих поколений»

{Неккер рассматривает здесь лишь накопление того, что А. Смит называет фондом потребления},

«и постепенно во всех странах *накопляется* все большее количество произведений искусного труда; а так как все это количество всегда распределяется среди собственников, то несоответствие между их условиями жизни и теми условиями, в каких находится многочисленный класс граждан, неизбежно становится все более значительным и все более заметным» (стр. 289).

Итак:

«Ускорение работ в промышленности, увеличившее на земле число предметов роскоши и великолепия, длительность периода времени, в течение которого происходило их накопление, и законы собственности, сосредоточившие эти блага в руках одного только класса общества,.. все эти обильные источники роскоши все равно существовали бы, какова бы ни была при этом сумма денег, находящихся в обращении» (стр. 291).

(Последнее замечание направлено полемически против тех, кто выводит роскошь из возросшей массы денег.)

Во-вторых, «Sur la Legislation et le Commerce des Grains» и т. д. («Oeuvres», том IV):

«Как только ремесленник или земледелец *лишаются запасов,* они становятся беззащитными; они должны *работать сегодня, чтобы завтра не умереть с голоду;* и в этой борьбе интересов между [421] собственником и рабочим один ставит на карту свою собственную жизнь и жизнь своей семьи, а для другого дело идет лишь о возможной задержке в возрастании его роскоши» (назв. соч., стр. 63).

Эта противоположность между богатством, которое не трудится, и бедностью, которая трудится, чтобы жить, порождает также и противоположность знания. Знание и труд отделяются друг от друга — и тогда первое противостоит второму уже как капитал или как предмет роскоши богатых:

«Способность знать и понимать есть общий дар природы, но развивается она только посредством обучения; если бы собственность была распределена равномерно, то каждый *работал бы умеренно»*

(таким образом, решающим является опять-таки количество рабочего времени),

«*и каждый человек обладал бы некоторыми знаниями,* потому что у каждого оставалось бы *известное количество времени»* (свободного времени) «для учебных занятий и для размышления; но при неравенстве имуществ, которое порождено общественным строем, *путь к образованию закрыт* для всех тех, кто родился без собственности. Так как все средства существования находятся в руках той части нации, которая владеет *деньгами или землей,* и так как никто не отдает ничего даром, то человек, который со дня своего рождения не имеет никакого другого запаса, кроме

собственной силы, вынужден отдавать эту последнюю, — лишь только она начинает развиваться, — на службу собственникам, и это — в течение всей жизни, изо дня в день, с восхода солнца до того момента, когда наступает полное истощение этой силы и когда для ее восстановления становится необходимым сон» (стр. 112). «И, наконец, разве не бесспорно, что такое неравенство знаний сделалось необходимым для поддержания всех тех общественных неравенств, *которые породили его?»* (там же, стр. 113; ср. стр. 118, 119).

Неккер высмеивает смешение экономических понятий, характерное для физиократов в отношении земли, а для всех позднейших экономистов в отношении вещественных элементов капитала, — смешение, в силу которого собственники условий производства возвеличиваются потому, что эти условия — но отнюдь не сами собственники — необходимы для процесса труда и для производства богатства:

«Начинают с того, что смешивают значение земельного собственника (функции, столь легко выполнимой) с тем значением, которое имеет земля» (там же, стр. 126). [IX—421]

[ГЛАВА ШЕСТАЯ]
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА КЕНЭ (ОТСТУПЛЕНИЕ)

[1) ПОПЫТКА КЕНЭ ПРЕДСТАВИТЬ ПРОЦЕСС ВОСПРОИЗВОДСТВА И ОБРАЩЕНИЯ СОВОКУПНОГО КАПИТАЛА]

[X—422] *Экономическая таблица по Кенэ*[96].

5 млрд. ежегодного валового продукта (в турских ливрах)

В качестве первоначальных и ежегодных авансов фермеры затрачивают	В качестве ренты земельные собственники получают	Бесплодный класс располагает фондом в размере
a') 2 *млрд.*	*a*) 2 *млрд.*	*a''*) 1 *млрд.*
b) 1 *млрд.*		
b'') 1 *млрд.*		*c*) 1 *млрд.*
d) 1 *млрд.*		*b'*) 1 *млрд.*
5 млрд.		2 млрд., из которых половина остается в качестве фонда, принадлежащего бесплодному классу.

Чтобы сделать таблицу более наглядной, я обозначаю то, что у Кенэ в каждом отдельном случае мыслится как исходный пункт обращения, через *a, a', a''*, дальнейшие же звенья в данном обращении — через *b, c, d* и соответственно через *b', b''*[97].

То, что в этой таблице прежде всего заслуживает внимания и что не могло не произвести большое впечатление на современников, это — тот способ, каким денежное обращение

выступает здесь как всецело определенное товарным обращением, и товарным воспроизводством, на деле — процессом обращения капитала.

[2) ОБРАЩЕНИЕ МЕЖДУ ФЕРМЕРАМИ И ЗЕМЕЛЬНЫМИ СОБСТВЕННИКАМИ. ВОЗВРАЩЕНИЕ ДЕНЕГ К ФЕРМЕРАМ, НЕ ВЫРАЖАЮЩЕЕ ВОСПРОИЗВОДСТВА]

Фермер прежде всего уплачивает деньгами 2 млрд. земельному собственнику (propriétaire). Последний на 1 млрд. из этих денег покупает предметы питания у фермера. Таким образом, к фермеру притекает обратно 1 млрд. деньгами, причем реализованной оказывается $^1/_5$ валового продукта, которая окончательно переходит из сферы обращения в сферу потребления.

Затем земельный собственник на 1 млрд. деньгами покупает промышленные товары, неземледельческие продукты, стоимостью в 1 млрд. Тем самым еще одна пятая часть продукта (в преобразованном уже виде) переходит из сферы обращения в сферу потребления. Этот миллиард деньгами оказывается теперь в руках бесплодного класса, который покупает на него предметы питания у фермера. Вместе с тем второй миллиард, который фермер уплатил в форме ренты земельному собственнику, возвращается обратно к фермеру. С другой стороны, другая $^1/_5$ часть его продукта досталась бесплодному классу, перешла из сферы обращения в сферу потребления. К концу этого первого движения мы, следовательно, находим эти 2 млрд. денег опять в руках фермера. Они совершили четыре различных процесса обращения.

Во-первых, они послужили средством платежа, необходимым для уплаты ренты. В этой функции они являются не средством обращения для какой-либо части годового продукта, а только обращающейся ассигновкой на часть валового продукта, равную ренте.

Во-вторых. На половину 2 млрд., на 1 млрд., земельный собственник покупает предметы питания у фермера; земельный собственник реализует, следовательно, свой миллиард в предметах питания. В виде этого миллиарда денег фермер на деле лишь получает обратно половину той ассигновки на $^2/_5$ своего продукта, которую он выдал земельному собственнику. В данном случае этот миллиард, так как он служит покупательным средством, приводит в обращение — на такую же сумму — товар, переходящий окончательно в потребление. Этот миллиард служит здесь земельному собственнику только *покупательным средством:* земельный собственник превращает деньги

Tableau Économique suivant Quesnay.

5000 millions de produit brut annuel.

2000 millions

2000 m.

1000 millions

1000 m.

1000 m.

5000 m.

1000 m.

1000 m.

2000 m.

Страница рукописи К. Маркса «Теории прибавочной стоимости»
с изображением схемы «Экономической таблицы» Кенэ

обратно в потребительную стоимость (в товар, который, однако, окончательно переходит в потребление, который покупается как потребительная стоимость).

Если мы рассматриваем только этот отдельный акт, то в нем деньги играют для фермера лишь ту роль, в которой они, в качестве покупательного средства, всегда выступают для продавца, а именно, представляя собой превращенную форму его товара. Земельный собственник превратил свой миллиард денег в хлеб, тогда как фермер превратил хлеб, ценой в 1 млрд., в деньги, реализовал его цену. Но если мы рассмотрим этот акт в связи с предыдущим актом обращения, то деньги выступают здесь не как простой метаморфоз товара фермера, не как золотой эквивалент его товара. Этот миллиард денег составляет ведь только половину тех 2 млрд. денег, которые фермер [423] уплатил земельному собственнику в форме ренты. За 1 млрд. в товаре фермер, правда, получает 1 млрд. деньгами, но *на деле он таким путем лишь выкупает те деньги, которыми он уплатил ренту земельному собственнику; другими словами: земельный собственник на миллиард, полученный им от фермера, покупает у этого последнего товар стоимостью в 1 млрд. Земельный собственник платит фермер у* деньгами, которые он получил от фермера, *не дав ему эквивалента.*

Это возвращение денег к фермеру обусловливает, прежде всего, то, что деньги здесь, в связи с первым актом, не являются для фермера простым средством обращения. А затем это возвращение существенно отличается от того возвратного движения денег к исходному пункту, которое выражает процесс воспроизводства.

Например: капиталист или, — чтобы совершенно оставить здесь в стороне то, что характерно только для капиталистического воспроизводства, — производитель затрачивает 100 ф. ст., приобретая необходимые на все время его работы сырье, орудия труда и жизненные средства. Предположим, что он присоединяет к средствам производства не больше труда, чем затратил на жизненные средства, на свою, выплаченную им самому себе, заработную плату. Если сырье и т. д. = 80 ф. ст., а присоединенный труд = 20 ф. ст. (стольким же фунтам стерлингов равняются и потребленные им жизненные средства), то продукт = 100 ф. ст. И если производитель, в свою очередь, этот продукт продает, то 100 ф. ст. опять притекают к нему в виде денег — и так все снова и снова. Этот обратный приток денег к их исходному пункту выражает здесь не что иное, как постоянное воспроизводство. Мы имеем здесь простой метаморфоз *Д—Т—Д,* превращение денег в товары обратное превращение

товара в деньги. Эта простая смена товарной и денежной форм представляет здесь вместе с тем процесс воспроизводства. Деньги превращаются в товары — в *средства производства* и жизненные средства; затем эти товары вступают в процесс труда в качестве его элементов и выходят из него в качестве продукта; таким образом, результатом процесса опять является товар, с того именно момента, когда готовый продукт опять вступает в процесс обращения и тем самым снова противостоит деньгам как товар; и, наконец, товар обратно превращается в деньги, так как готовый товар может быть снова обменен на элементы его производства только после того, как он предварительно превращен в деньги.

Постоянный обратный приток денег к их исходному пункту выражает здесь не только формальное превращение денег и товар и товара в деньги — в том виде, в каком это превращение выступает в простом процессе обращения, или в простом обмене товаров, — *но вместе с тем и постоянное воспроизводство товара на стороне того же производителя.* Меновая стоимость (деньги) превращается в товары, которые входят в потребление, используются как потребительные стоимости, и притом входят в воспроизводительное, или производственное, потребление, восстанавливают поэтому первоначальную стоимость и вследствие этого снова превращаются в *ту же* сумму денег (в вышеприведенном примере, где производитель работает только для поддержания своего существования). Формула *Д—Т—Д* обозначает здесь то, что *Д* не только формально превращаются в *Т,* но что *Т* действительно потребляется как потребительная стоимость, переходит из сферы обращения в сферу потребления, но это — потребление производственное, так что в нем стоимость товара сохраняется и воспроизводится, вследствие чего *Д* опять появляются в конце процесса и сохраняются в движении *Д— Т—Д.*

Напротив, в упомянутом обратном притоке денег от земельного собственника к фермеру нет никакого процесса воспроизводства. Дело обстоит так, как если бы фермер дал земельному собственнику марки или талоны на 1 млрд. продукта. Когда земельный собственник расходует эти талоны, они притекают обратно к фермеру, последний их выкупает. Если бы земельный собственник согласился на уплату ему половины ренты сразу in natura*, то в данном случае не было бы никакого обращения денег. Все обращение ограничилось бы простой передачей из рук в руки, переходом продукта из рук фермера в руки

* — в натуре, в натуральной форме. *Ред.*

земельного собственника. Но сначала фермер выдает земельному собственнику вместо товара деньги, а затем земельный собственник отдает деньги обратно фермеру, чтобы получить самый товар. Деньги служат фермеру *средством платежа* в его сношениях с земельным собственником; они служат земельному собственнику *покупательным средством* в сношениях с фермером. В первой функции они удаляются от фермера, во второй — возвращаются к нему обратно.

Такого рода обратный приток денег к производителю должен иметь место всякий раз, когда производитель, вместо того чтобы отдать часть своего продукта, уплачивает своим кредиторам стоимость этого продукта деньгами; кредитором же выступает здесь всякий, кто является совладельцем его прибавочного продукта. Примером может служить следующее. Все налоги производители уплачивают деньгами. Деньги здесь являются для них средством платежа по отношению к государству. Государство покупает на эти деньги товары у производителей. В руках государства деньги становятся покупательным средством и притекают таким образом обратно к производителям по мере того, как от этих последних уходят их товары.

Этот момент обратного притока денег — этот своеобразный, не определяемый воспроизводством обратный приток денег — должен всегда иметь место при обмене дохода на капитал. Здесь обратный приток денег вызывается не воспроизводством, а потреблением. Доход выплачен деньгами, но потреблен он может быть только в виде товаров. Деньги, полученные от производителей в качестве дохода, должны, следовательно, обратно быть уплачены производителям для того, чтобы получить от них такую же стоимость в товарах, — для того, стало быть, чтобы иметь возможность потребить доход. Деньги, которыми выплачивается доход, — например, рента или проценты или налоги, — имеют всеобщую форму средства платежа. [424] {Промышленный капиталист выплачивает сам себе свой доход продуктом или же, продав продукт, выплачивает себе ту часть полученных за продукт денег, которая образует его доход.} Предполагается, что тот, кто выплачивает этот доход, получил раньше от своего кредитора часть своего собственного продукта, например фермер — те $^{2}/_{5}$ продукта, которые, по Кенэ, составляют ренту. Фермер является лишь номинальным собственником их, или владельцем лишь de facto*.

Итак, та часть продукта фермера, которая составляет уплачиваемую им ренту, требует для своего обращения между

* — фактически (в отличие от de jure — юридически, на основании закона). *Ред.*

фермером и земельным собственником лишь такой суммы денег, которая равняется стоимости продукта, хотя эта стоимость обращается дважды. Сперва фермер уплачивает ренту деньгами; затем земельный собственник на те же деньги покупает продукт. Первое представляет собой простую передачу денег, так как деньги функционируют здесь лишь как *средство платежа;* следовательно, предполагается, что товар, за который они уплачиваются, уже находится во владении плательщика и они не служат ему покупательным средством, он не получает за них эквивалента, — наоборот, этот эквивалент уже заранее находится в его руках. Во втором случае деньги, напротив, функционируют как покупательное средство, как средство обращения товара. Дело обстоит так, как если бы фермер на деньги, которыми он уплачивает ренту, выкупил у земельного собственника ту долю в продукте, которая принадлежит земельному собственнику. Последний на те самые деньги, которые он получил от фермера (отдавшего их на деле, однако, без эквивалента), обратно покупает для себя продукт у фермера.

Следовательно, та же сумма денег, которую производители выплачивают владельцам дохода в форме средства платежа, служит владельцам дохода покупательным средством для приобретения товаров у производителей. Это двукратное перемещение денег, из рук производителя в руки владельца дохода и из рук последнего обратно в руки производителя, выражает собою, таким образом, только однократное перемещение товара, а именно — из рук производителя в руки владельца дохода. Так как предполагается, что производитель — в отношении части своего продукта — является должником владельца дохода, то производитель в виде денежной ренты на деле лишь уплачивает владельцу дохода задним числом стоимость товара, которым он, производитель, уже владеет. Товар находится в его руках. Но товар ему не принадлежит. На деньги, выплачиваемые производителем в форме дохода, он, следовательно, выкупает этот товар в свою собственность. Товар поэтому не переходит из рук в руки. Переход денег из рук в руки выражает только *перемену права собственности* на товар, остающийся по-прежнему в руках производителя. Отсюда это двукратное перемещение денег при однократном только переходе товара из одних рук в другие. Деньги обращаются дважды, чтобы вызвать однократное обращение товара. Но и они только один раз обращаются в качестве средства обращения (покупательного средства), тогда как другой раз они совершили свое обращение в качестве средства платежа; при этом последнем обра-

щении, как я уже показал выше, не происходит одновременного перемещения товара и денег.

В самом деле, если у фермера нет денег, а есть только продукт, то фермер может оплатить свой продукт только после того, как он предварительно продал свой товар; следовательно, прежде чем фермер сможет оплатить земельному собственнику свой товар деньгами, этот товар должен уже проделать свой первый метаморфоз. Но даже и при таком положении вещей мы имеем больше перемещений на стороне денег, чем на стороне товара. Сперва мы имеем *Т—Д:* $^2/_5$ товара продаются и превращаются в деньги. Здесь происходит одновременное перемещение товара и денег. Но затем те же самые деньги, без перемещения товара, переходят из рук фермера в руки земельного собственника. Здесь происходит перемещение денег без перемещения товара. Дело обстоит так, как если бы фермер имел компаньона. Он выручил деньги, по должен делиться ими со своим компаньоном. Вернее будет сказать, что для рассматриваемых $^2/_5$ дело обстоит так, как если бы деньги выручил приказчик фермера. Этот приказчик должен передать их фермеру, он не имеет права оставить их у себя в кармане. Переход денег из одних рук в другие не выражает здесь никакого метаморфоза товара, а является лишь передачей денег из рук их непосредственного владельца в руки их собственника. Так, стало быть, может обстоять дело в том случае, когда первый получатель денег является только агентом, получающим деньги для своего хозяина. В этом случае деньги не являются даже средством платежа; происходит простой переход их из рук получателя, которому они не принадлежат, в руки их собственника.

Такого рода перемещение денег не имеет абсолютно ничего общего с метаморфозом товара, как не имеет с ним ничего общего и такое перемещение, которое происходит при простом размене одних денег на другие. Но когда деньги функционируют как средство платежа, то всегда предполагается, что плательщик раньше получил тот товар, за который он после расплачивается. Что же касается фермера и т. д., то он этого товара *не получал:* товар этот, — прежде чем он попадает в руки земельного собственника, — находится в руках фермера и представляет собой часть *его* продукта. Однако *юридически* фермер становится собственником этого товара лишь тогда, когда он передает земельному собственнику полученные за товар деньги. Изменение происходит в его праве на товар; самый же товар находится, как и прежде, в его руках. Но раньше товар находился в его руках в качестве того, чем он *владеет,* собственником же товара был земельный собственник. А теперь товар

находится в его руках как принадлежащая ему самому собственность. Перемена юридической формы, в которой находится товар, оставаясь при этом в одних и тех же руках, естественно не вызывает перехода самого товара из одних рук в другие.

[3) К ВОПРОСУ О ДЕНЕЖНОМ ОБРАЩЕНИИ МЕЖДУ КАПИТАЛИСТОМ И РАБОЧИМ]

[а) НЕЛЕПОСТЬ ВЗГЛЯДА НА ЗАРАБОТНУЮ ПЛАТУ КАК НА АВАНС КАПИТАЛИСТА РАБОЧЕМУ. БУРЖУАЗНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ПРИБЫЛИ КАК О ПРЕМИИ ЗА РИСК]

[425] {Из сказанного вместе с тем видно, как нелепа фраза, «объясняющая» прибыль капиталиста тем, что он будто бы авансирует рабочему деньги раньше, чем превратил в деньги свой товар.

Во-первых.. Когда я покупаю товар для своего потребления, то для меня никакой «прибыли» не возникает из того обстоятельства, что я являюсь покупателем, а владелец товара — «продавцом», что мой товар имеет форму денег, а его только еще должен превратиться в деньги. Капиталист оплачивает труд только после того, как потребил его, тогда как другие товары оплачиваются до того, как они потребляются. Это проистекает из своеобразной природы покупаемого им товара, который на деле переходит к покупателю полностью только после того, как он потреблен. Деньги выступают здесь как средство платежа. Капиталист всегда присваивает себе товар «труд» *раньше,* чем оплачивает его. Но то обстоятельство, что он покупает его только с целью получения прибыли от продажи продукта этого труда, отнюдь не может служить *причиной* того, что он эту прибыль получает. Это только мотив. И все в таком случае свелось бы лишь к следующему: покупая наемный труд, капиталист-де получает прибыль *потому, что* он хочет извлечь прибыль из продажи продукта этого труда.

Во-вторых. Но, говорят нам, капиталист все же авансирует рабочему в форме денег ту часть продукта, которая приходится на его долю в качестве заработной платы, и таким образом избавляет рабочего от забот, риска и потери времени, которые были бы неизбежны для рабочего, если бы он сам должен был превратить в деньги часть товара, причитающуюся ему в качестве заработной платы. Не должен ли рабочий оплачивать капиталисту эти заботы, риск и потерю времени? Не должен ли, следовательно, рабочий получать меньшую долю продукта, чем та, которая, не будь этого, причиталась бы ему?

При такой постановке вопроса сводится на нет все отношение наемного труда и капитала и в корне уничтожается экономическое объяснение прибавочной стоимости. Правда, результат процесса состоит в том, что фонд, из которого капиталист оплачивает наемного рабочего, представляет собой в действительности только собственный продукт последнего и что таким образом капиталист и рабочий *фактически* делят продукт в определенной пропорции между собой. Но этот фактический результат не имеет абсолютно ничего общего со сделкой между капиталом и наемным трудом (сделкой, на которую опирается экономическое обоснование прибавочной стоимости, вытекающее из законов самого товарного обмена). Капиталист покупает не что иное, как временное распоряжение рабочей силой, и платит за это только после того, как рабочая сила действовала, овеществилась в продукте. Как и везде, где деньги выступают в роли средства платежа, так и здесь купля и продажа предшествуют реальному отчуждению денег со стороны покупателя. Но после этой сделки, которая закончилась еще до начала действительного процесса производства, труд *принадлежит* уже капиталисту. Ему же целиком принадлежит и *товар,* выходящий как продукт из этого процесса. Капиталист произвел его принадлежащими ему средствами производства и купленным им, а следовательно, и принадлежащим ему — хотя еще и не оплаченным, — трудом. Дело обстоит так, как если бы он совсем не потребил чужого труда для производства товара.

Прибыль, получаемая капиталистом, прибавочная стоимость, реализуемая им, проистекает именно из того, что рабочий продал ему как товар не труд, овеществленный в товаре, а самоё свою рабочую силу. Если бы рабочий противостоял ему как товаровладелец в первом смысле[98], то капиталист не мог бы получить никакой прибыли, не мог бы реализовать никакой прибавочной стоимости, так как согласно закону стоимости обмениваются эквиваленты, обменивается равное количество труда на равное количество труда. Прибавочная стоимость капиталиста проистекает именно из того, что он покупает у рабочего не товар, а самоё его рабочую силу, которая имеет меньшую стоимость, чем ее продукт, или, что то же самое, которая реализуется в большем количестве овеществленного труда, чем реализовано в ней самой. Но вот, для оправдания прибыли затушевывается самый ее источник и отвергается вся сделка, из которой она возникает. Так как фактически, — поскольку процесс непрерывен, — капиталист платит рабочему только из собственного продукта этого последнего, так что рабочий оплачивается только частью своего собственного

продукта и, следовательно, авансирование является простой видимостью, — то теперь нам говорят: рабочий продал капиталисту свою долю продукта *раньше, чем этот продукт был превращен в деньги.* (Может быть, даже раньше, чем продукт получил способность превратиться в деньги, ибо может случиться, что хотя труд рабочего и получил свою материализацию в каком-нибудь продукте, но изготовлена в данный момент только часть пригодного для продажи товара, — например, только часть дома.) При таком взгляде на вещи капиталист перестает быть собственником продукта, и этим устраняется весь тот процесс, посредством которого он *безвозмездно* присваивал себе чужой труд. Выходит, что друг другу противостоят просто товаровладельцы. У капиталиста в руках деньги, а рабочий продает ему не свою рабочую силу, а товар, именно ту часть продукта, в которой овеществлен его собственный труд.

Рабочий может в таком случае сказать капиталисту: «Из этих 5 фунтов продукта (например, пряжи) $^{3}/_{5}$ представляют постоянный капитал. Они принадлежат тебе. $^{2}/_{5}$, т. е. 2 фунта, представляют мой вновь присоединенный труд. Следовательно, ты должен выдать мне плату в размере 2 фунтов пряжи. Вот и оплати мне стоимость этих двух фунтов». В данном случае рабочий положил бы себе в карман не только заработную плату, но и прибыль, короче говоря, всю сумму денег, равную количеству вновь присоединенного им, материализованного труда, существующего в форме 2 фунтов пряжи.

— «Но разве я», — говорит капиталист, — «не авансировал постоянный капитал?»

— «Пусть так», — отвечает рабочий, — «зато ты и берешь себе три фунта, а платишь мне только два».

— «Но ты ведь не мог бы», — настаивает капиталист, — «материализовать свой труд, не мог бы прясть без моего хлопка и без моих веретен. За это ты должен заплатить особо».

— «Полно!» — отвечает рабочий. — «Хлопок сгнил бы, а веретена заржавели бы, если бы я не употребил их для прядения. [426] Правда, те 3 фунта пряжи, которые ты удерживаешь в свою пользу, представляют только стоимость твоего хлопка и твоих веретен, потребленных в процессе производства пяти фунтов пряжи и, следовательно, содержащихся в этих последних. Но только мой труд, потребив эти средства производства как таковые, сохранил стоимость хлопка и веретен. За эту, сохраняющую стоимость, силу моего труда я ничего от тебя не требую, так как, — помимо самого прядения, за которое я получаю 2 фунта, — она не стоила мне никакого добавочного рабочего времени. Это природный дар, присущий моему труду, дар,

который мне ничего не стоит, но который сохраняет стоимость постоянного капитала. И если я ничего за это от тебя не требую, то и ты не имеешь никаких оснований требовать от меня вознаграждения за то, что *без* веретен и хлопка я не мог бы прясть. Ведь без прядения твои веретена и хлопок не стоили бы и ломаного гроша».

Прижатый к стене капиталист говорит: «2 фунта пряжи, действительно, стоят 2 шилл. Они представляют это именно количество твоего рабочего времени. Но ведь я должен платить тебе за них еще до того, как я их продал. Может быть, мне совсем не удастся продать их. Это — риск № 1. Во-вторых, возможно, что я их продам ниже их цены. Это — риск № *2.* А, в-третьих, как бы там ни было, приходится еще тратить время на их продажу. Должен ли я ради тебя *даром* брать на себя оба эти риска и, сверх того, еще потерю времени? Даром ничего, кроме смерти, не получишь».

— «Постой-ка», — отвечает рабочий, — «каковы наши отношения? Мы противостоим друг другу как *товаровладельцы, ты — как покупатель, мы — как продавцы,* потому что ты ведь хочешь купить у нас нашу долю в продукте, 2 фунта, а то, что в них содержится, — это на деле не что иное, как наше собственное овеществленное рабочее время. И вот ты заявляешь, что мы должны продать тебе свой товар *ниже* его стоимости, чтобы ты в результате этого получил больше стоимости в виде товара, чем имеешь теперь в виде денег. Стоимость нашего товара равна 2 шилл. Ты хочешь дать за него только 1 шилл., благодаря чему ты, — так как один шиллинг содержит столько же рабочего времени, сколько 1 фунт пряжи, — получишь в обмен стоимость вдвое большую, чем та, которую сам отдаешь в обмен. Напротив, мы получили бы вместо эквивалента только половину эквивалента, вместо эквивалента двух фунтов пряжи — лишь эквивалент одного фунта. И на чем основываешь ты это требование, противоречащее закону стоимости и обмена товаров в соответствии с их стоимостями? На чем? На том, что ты — покупатель, а мы — продавцы, что наша стоимость существует в форме пряжи, товара, а твоя стоимость — в форме денег, что определенная стоимость, оставаясь той же, противостоит, в форме пряжи, такой же стоимости в форме денег. Но, милейший! Ведь это — только смена формы, касающаяся того *выражения,* которое стоимость получает, но оставляющая неизменной *величину стоимости.* Или ты держишься того ребяческого взгляда, что всякий товар должен продаваться *ниже* своей цены, — т. е. ниже той суммы денег, в которой представлена его стоимость, — потому что в форме денег он-де приобретает *бóльшую* стоимость?

Но нет, милейший, он вовсе не приобретает большей стоимости; величина его стоимости не изменяется, она только представлена теперь в чистом виде меновой стоимости.

Подумай-ка, дружище, каким неприятностям ты сам себя подвергаешь! Твое утверждение сводится к тому, что продавец всегда должен продавать *покупателю* товар *ниже* его стоимости. Действительно, так дело и обстояло на твоей стороне, когда мы еще продавали тебе не товар, изготовленный нами, а самоё нашу рабочую силу. Ты, правда, покупал ее по ее стоимости, однако самый наш труд ты купил *ниже* той стоимости, в которой он находит свое выражение. Но оставим это неприятное воспоминание. Мы, слава богу, вышли из этого положения с тех пор, как ты сам соизволил вынести решение, что продавать тебе мы должны уже не нашу рабочую силу как товар, а самый товар, являющийся продуктом нашего труда. Вернемся к тем неприятностям, на которые ты себя этим самым обрекаешь. Ведь новый провозглашенный тобой закон, согласно которому продавец за превращение своего товара в деньги платит не просто своим товаром, не тем, что просто обменивает свой товар на деньги, а тем, что продает товар *ниже* его цены, — этот закон, по которому покупатель всегда обманывает, обсчитывает продавца, должен в одинаковой мере иметь силу для любого покупателя и продавца. Положим, что мы принимаем твое предложение — однако с тем лишь условием, что ты сам подчинишься тобой же измышленному закону, а именно тому закону, согласно которому продавец должен *даром* отдавать часть своего товара покупателю за то, что этот последний превращает для продавца его товар в деньги. Итак, ты покупаешь наши 2 фунта пряжи стоимостью в 2 шилл. за 1 шилл. и, следовательно, получаешь барыш в 1 шилл., т. е. в 100%. Но теперь, после того как ты купил у нас принадлежащие нам 2 фунта, у тебя в руках — 5 фунтов пряжи стоимостью в 5 шилл. Ты, конечно, рассчитываешь сделать выгодное дельце. 5 фунтов пряжи стоят тебе только 4 шилл., а ты хочешь продать их за 5 шилл. «Стой! — говорит *твой покупатель.* — Твои 5 фунтов пряжи — товар, а ты — продавец. Я обладаю такой же стоимостью в виде денег, я — покупатель. Следовательно, согласно признанному тобой закону, сделка с тобой должна принести мне 100% барыша. А потому ты должен продать мне 5 фунтов пряжи на 50% ниже их стоимости, т. е. за $2^1/_2$ шилл. Я даю тебе $2^1/_2$ шилл., получаю за них товар стоимостью в 5 шилл., и таким образом сделка с тобой приносит мне 100% барыша, — ведь что справедливо для одного, то справедливо и для другого».

Ты, приятель, видишь сам, — [продолжает рабочий], — к чему приводит твой новый закон; ты только надул бы сам себя, — ведь хотя ты и стал на минуту покупателем, но потом снова выступишь в роли продавца. В данном случае ты в качестве продавца потерял бы больше, чем выгадал бы в качестве покупателя. Ты подумай хорошенько! Разве до того, как были произведены 2 фунта пряжи, которые ты теперь хочешь купить у нас, ты не делал других покупок, без которых вообще не было бы тех 5 фунтов пряжи, о которых идет речь? [426a] Разве ты не купил предварительно хлопок и веретена, которые теперь представлены в 3 фунтах пряжи? При этих покупках оптовый торговец хлопком в Ливерпуле и фабрикант прядильных машин в Олдеме противостояли тебе в качестве *продавцов,* а ты им в качестве *покупателя;* они выступали как представители товара, ты как представитель денег — совершенно такое же отношение, в каком мы в данную минуту имеем честь или несчастье противостоять друг другу. Разве тебя не высмеяли бы плутоватый торговец хлопком и твой бойкий коллега из Олдема, если бы ты потребовал, чтобы они *даром* отпустили тебе часть хлопка и веретен, или, что то же самое, продали тебе эти товары ниже их цены (и их стоимости), на том основании, что ты для них превращаешь товар в деньги, а они для тебя превращают деньги в товар, что они — продавцы, а ты — покупатель? Они ведь ничем не рисковали, они получали наличные деньги, меновую стоимость в чистой самостоятельной форме. Зато с твоей стороны — какой риск! Сперва выработать из веретен и хлопка пряжу, нести весь риск процесса производства, а потом еще вдобавок нести риск, связанный с продажей пряжи, с обратным превращением ее в деньги. Риск — будет ли она продана по своей стоимости, выше или ниже стоимости. Риск — совсем не продать ее, совсем не превратить ее обратно в деньги. Что же касается пряжи как таковой, то она нисколько тебя не интересует. Ты пряжу не ешь, не пьешь, ты не можешь использовать ее иначе, как только продав ее. И уж во всяком случае должна быть оплачена потеря времени, сопряженная с обратным превращением пряжи в деньги, в котором, в скрытом виде, содержится обратное превращение в деньги веретен и хлопка! — Старина! — возразили бы тебе твои коллеги. — Не валяй дурака! Не говори глупостей! Какое нам, черт побери, дело до того, как ты думаешь использовать наш хлопок и наши веретена, на что ты намерен их употребить! Сожги их, выброси, делай с ними что хочешь, но только заплати за них! Что за идея! Мы должны принести тебе в дар наши товары потому, что ты заделался хлопкопрядильным фабрикантом и, по-видимому,

плохо чувствуешь себя в этой отрасли деловой жизни, если уж так сильно преувеличиваешь связанные с нею риск и опасности! Брось свою хлопкопрядильню или не показывайся на рынке с такими нелепыми идеями!»

На эту речь рабочих капиталист отвечает с пренебрежительной улыбкой: «Видать, что вы, простофили, слышали звон, да не знаете, откуда он. Вы толкуете о вещах, в которых ничего не смыслите. Вы думаете, я заплатил ливерпульскому пройдохе и олдемскому молодчику наличными деньгами? Черта с два! Я заплатил им векселями, и хлопок ливерпульского пройдохи на самом деле был переработан в пряжу и продан еще до того, как наступил срок его векселю. С вами — совсем другое дело. Вы хотите получать наличными».

— «Прекрасно», — говорят рабочие, — «по что сделали ливерпульский пройдоха и олдемский молодчик с твоими векселями?»

— «Что они с ними сделали?!» — восклицает капиталист. — «Глупый вопрос! Они снесли их своим банкирам, и те учли их!»

— «Сколько они за это платят банкиру?»

— «Сколько? Деньги теперь весьма дешевы. Думаю, что они заплатили за учет примерно 3%, т. е. не три процента со всей суммы векселя, а столько, сколько, считая из 3% годовых, приходится на то время, которое остается до истечения срока векселя».

— «Тем лучше», — говорят рабочие.,— «Плати нам по 2 шилл., какова и есть стоимость нашего товара, или же по 12 шилл., так как мы хотим понедельного расчета вместо ежедневного. И удержи из них проценты за 14 дней из расчета 3% годовых».

— «Но этот вексель слишком мал», — говорит капиталист. — «Ни один банкир не учтет его».

— «Прекрасно», — возражают рабочие, — «нас 100 человек. Ты, значит, должен заплатить нам 1200 шилл. Выдай нам на них вексель. 60 ф. ст. вовсе уж не такая маленькая сумма, чтобы такой вексель нельзя было учесть. А кроме того, ты ведь учитываешь его сам, и эта сумма не должна быть слишком мала для тебя, потому что это как раз та самая сумма, из которой ты, по твоим словам, берешь выжимаемую из нас прибыль. Вычет был бы ничтожный. И так как мы получали бы в таком случае полностью большую часть нашего продукта, то мы скоро перестали бы нуждаться в твоем учете. Разумеется, мы откроем тебе не больший кредит, чем даст тебе биржевой маклер, — всего лишь на 14 дней».

Если выводить заработную плату (совершенно извращая действительные отношения) из дисконтирования принадлежа-

щей рабочим части стоимости совокупного продукта — из того, что капиталист оплачивает рабочим эту часть *деньгами* вперед,— то капиталист должен был бы выдавать им очень краткосрочные векселя, какие он выдает, например, торговцу, промышляющему хлопком, и т. д. Рабочий получал бы большую часть своего продукта, а капиталист скоро перестал бы быть капиталистом. Из собственника продукта он превратился бы для рабочие просто в банкира.

К тому же, если капиталист стоит перед риском продать товар ниже его [427] стоимости, то он имеет также и шансы продать его выше его стоимости. Если продукт не удается продать, то рабочего выбрасывают на улицу. Если цена продукта долгое время остается ниже рыночной, то заработная плата рабочего падает ниже среднего уровня, и фабрики работают неполное время. Наибольший риск несет, следовательно, рабочий.

В-третьих. Никому не приходит в голову, что фермер, уплачивая ренту деньгами, или промышленный капиталист, уплачивая проценты деньгами, могут удерживать часть причитающихся с них ренты или процента на том только основании, что они, — для того чтобы иметь возможность производить эти платежи, — должны предварительно превратить свой продукт в деньги.}

[б) ПОКУПКА РАБОЧИМ ТОВАРОВ У КАПИТАЛИСТА. ОБРАТНЫЙ ПРИТОК ДЕНЕГ, НЕ ВЫРАЖАЮЩИЙ ВОСПРОИЗВОДСТВА]

Возвращение денег к их исходному пункту имеет место также и в той части капитала, которая обращается между промышленным капиталистом и рабочим (следовательно, в той части оборотного капитала, которая составляет переменный капитал). Капиталист выплачивает рабочему заработную плату деньгами; рабочий покупает на эти деньги товары у капиталиста, и таким образом деньги притекают обратно к капиталисту. (На практике — к банкиру капиталиста. Но в действительности банкиры являются по отношению к отдельным капиталистам представителями совокупного капитала, капитала в целом, поскольку он принимает вид *денег.)* Этот обратный приток денег сам по себе вовсе не выражает воспроизводства. Капиталист покупает в обмен на деньги труд у рабочего, рабочий покупает на эти же деньги товар у капиталиста. Одни и те же деньги выступают сперва как средство для покупки труда, а потом — как средство для покупки товара. Обратный приток их к капиталисту обусловлен тем, что капиталист выступает по отношению

к одним и тем же лицам сперва в роли покупателя, а потом — в роли продавца. Деньги уходят от него как от покупателя и возвращаются к нему как к продавцу. Рабочий, напротив, выступает сначала как продавец, а затем — как покупатель, он сначала получает деньги, а затем расходует их, тогда как капиталист, в противоположность рабочему, сначала расходует деньги, а затем получает их обратно.

На стороне капиталиста здесь происходит движение *Д—Т—Д.* Он на деньги покупает товар (рабочую силу); посредством продукта этой рабочей силы, посредством товара, он покупает деньги, или обратно продает этот продукт рабочему, противостоявшему ему раньше как продавец. Рабочий, напротив, представляет обращение *Т — Д — Т.* Он продает свой товар (рабочую силу) и на полученные за него деньги выкупает часть своего собственного продукта, произведенного им товара. Конечно, можно было бы сказать: рабочий продает товар (рабочую силу) за деньги, затрачивает эти деньги на покупку товара и затем снова продает свою рабочую силу, так что процесс *Д — Т — Д* представлен также и на стороне рабочего; и так как деньги постоянно обращаются между рабочим и капиталистом взад и вперед, то, в зависимости от того, с чьей стороны рассматривается этот процесс, можно было бы с одинаковым правом сказать, что рабочий — так же, как и капиталист — представляет движение *Д — Т — Д.* Однако покупателем является капиталист. Возобновление процесса исходит от него, а не от рабочего; обратный же приток денег к капиталисту обусловлен тем, что рабочий должен покупать жизненные средства. Здесь, как и во всех процессах, где *Д — Т — Д* является формой обращения на одной стороне, а *Т — Д — Т* — формой обращения на другой, обнаруживается, что целью процесса обмена для одной стороны является меновая стоимость, деньги, а потому и увеличение стоимости, а для другой стороны — потребительная стоимость, потребление. То же самое происходит и при обратном притоке денег в первом, упомянутом выше случае, где процесс *Д — Т — Д* совершается на стороне фермера, а *Т — Д — Т* — на стороне земельного собственника; это ясно, если принять во внимание, что *Д,* на которые земельный собственник покупает товар у фермера, представляют собой денежную форму земельной ренты, а следовательно являются уже результатом *Т — Д,* превращенной формой той части продукта, которая по сути дела принадлежит земельному собственнику in natura.

Эта разновидность процесса *Д — Т — Д,* — являющаяся в отношениях между рабочим и капиталистом лишь выраже-

нием обратного притока к капиталисту тех денег, которые он израсходовал на заработную плату, — сама по себе не выражает процесса воспроизводства, а выражает лишь то обстоятельство, что покупатель в свою очередь становится по отношению к тем же самым лицам продавцом. Не является она также и выражением денег как капитала, того именно процесса *Д — Т — Д',* где второе *Д* есть большая сумма денег, чем первое *Д,* и где *Д*, следовательно, представляет самовозрастающую стоимость (капитал). Напротив, это лишь выражение формального обратного притока *той же* суммы денег (часто даже меньшей) к исходному пункту. (Под капиталистом здесь, конечно, разумеется класс капиталистов.) Следовательно, с моей стороны было неправильно, когда я в первой части[99] сказал, что форма *Д — Т — Д* непременно должна иметь вид *Д — Т — Д'.* Она может выражать просто форму обратного притока денег, на что я уже намекнул там же, объясняя круговое движение денег, возвращающихся к тому же исходному пункту, тем обстоятельством, что покупатель, в свою очередь, становится продавцом[100].

Но не посредством *этого* обратного притока денег обогащается капиталист. Например, он уплатил 10 шилл. заработной платы. На эти 10 шилл. рабочий покупает у него товар. Капиталист дал рабочему на 10 шилл. товара за его рабочую силу. Если бы он дал рабочему жизненные средства, ценой в 10 шилл., in natura, то здесь не было бы никакого обращения денег, следовательно не было бы и обратного притока денег. Это явление обратного притока денег не имеет, стало быть, ничего общего с обогащением капиталиста, проистекающим только из того, что в самом процессе производства капиталист присваивает больше труда, чем израсходовал на заработную плату, и что его продукт превышает таким образом издержки производства этого продукта, — тогда как деньги, уплачиваемые капиталистом рабочему, ни в коем случае не могут быть меньше того количества денег, на которое рабочий покупает у капиталиста товар. Этот формальный обратный приток денег не имеет здесь ничего общего с обогащением, следовательно не выражает собой [428] *Д* в качестве капитала, — совершенно так же, как в том случае, когда деньги, израсходованные на уплату ренты, процента и налога, обратно притекают к плательщику земельной ренты, процента и налога, этот обратный приток не содержит в себе увеличения стоимости или [хотя бы] ее возмещения.

Д — Т — Д, поскольку это движение представляет формальный обратный приток денег к капиталисту, выражает лишь то

обстоятельство, что выданная капиталистом денежная ассигновка реализована в его собственном товаре.

Пример неправильного толкования этого денежного потока— этого возвращения денег к их исходному пункту — смотри выше, в разделе о Дестюте де Траси[101]. В качестве второго примера — в особенности применительно к денежному обращению между рабочим и капиталистом — следует привести в дальнейшем Брея[102]. Наконец, в отношении капиталиста, дающего деньги в ссуду, привести *Прудона*[103].

Эта форма обратного притока *Д — Т — Д* имеет место везде, где покупатель в свою очередь становится продавцом; она, следовательно, имеет место на стороне всего торгового капитала, где все купцы покупают друг у друга для того, чтобы продавать, и продают для того, чтобы покупать. Возможно, что покупатель — *Д —* не может продать товар, например рис, дороже, чем купил его; он, возможно, вынужден даже продать товар ниже его цены. В таком случае мы имели бы лишь простое возвращение денег, так как покупка переходит здесь в продажу без того, чтобы деньги проявили себя как самовозрастающая стоимость, как капитал.

То же самое происходит, например, при обмене постоянного капитала. Машиностроитель покупает железо у производителя железа и продает ему машину. В этом случае деньги притекают обратно к машиностроителю. Они были затрачены в качестве покупательного средства для приобретения железа. После этого они служат производителю железа покупательным средством для приобретения машины и таким образом притекают обратно к машиностроителю. За отданные деньги машиностроитель получил железо, за полученные деньги он отдал машину. Одно и то же количество денег сделало здесь возможным обращение вдвое большей стоимости. Например, на 1000 ф. ст. машиностроитель купил железо; на те. же 1000 ф. ст. производитель железа покупает машины. Стоимость железа и машин вместе = 2000 ф. ст. Но таким образом в движении должны находиться 3000 ф. ст.: на 1000 ф. ст. — денег, на 1000 ф. ст.— машин и на 1000 ф. ст. — железа. Если бы капиталисты производили обмен in natura, товары переходили бы из рук в руки без того, чтобы хоть один фартинг находился при этом в обращении.

То же происходит и тогда, когда капиталисты производят взаимные расчеты друг с другом и деньги служат для них средством платежа. Если обращаются бумажные деньги или кредитные деньги (банкноты), то общее положение вещей меняется лишь в одном отношении. В этом случае имеются еще

1000 ф. ст. в банкнотах, но они лишены «внутренней стоимости». Как бы то ни было, также и здесь имеются 3000 ф. ст.: 1000 ф. ст. в виде железа, 1000 ф. ст. в виде машин и 1000 ф. ст. в виде банкнот. Но эти 3000 ф. ст. существуют, как и в первом случае, только потому, что машиностроитель имел в своих руках 2000 ф. ст.: на 1000 ф. ст. — машин и на 1000 ф. ст. (золотом и серебром или банкнотами) — денег. В обоих случаях производитель железа лишь возвращает машиностроителю эти последние (т. е. деньги), так как производитель железа получил их вообще только потому, что машиностроитель в качестве покупателя не являлся — непосредственно тут же — в свою очередь продавцом: он оплатил первый товар, железо, не товаром, а деньгами. Когда же он платит товаром, т. е. продает свой товар производителю железа, последний возвращает ему деньги, так как оплата не производится дважды, один раз деньгами, второй раз товаром.

В обеих операциях золото или банкнота представляет превращенную форму того товара, который был куплен машиностроителем, или же того товара, который после этого был куплен у него его контрагентом; либо же они представляют такой товар, который, хотя он и не был куплен, все же был превращен в деньги, как это имеет место при получении дохода земельным собственником (его предки и т. д.)[104]. Здесь возвращение денег выражает, следовательно, лишь то обстоятельство, что тот, кто, уплатив за товар деньги, бросил их в обращение, извлекает их оттуда обратно путем продажи другого товара, бросаемого им в обращение.

Те же самые 1000 ф. ст., о которых только что шла речь, могли, обращаясь между капиталистами, пройти в течение одного дня через сорок, пятьдесят рук, и это было бы только переходом капитала из одних рук в другие. Машина перешла бы к производителю железа, железо — к крестьянину, зерно — к фабриканту крахмала или спирта, и т. д. В конце концов 1000 ф. ст. могли бы снова очутиться в руках машиностроителя, от последнего перейти к производителю железа и т. д. И таким образом с помощью этих 1000 ф. ст. обращался бы капитал в 40000 и более фунтов стерлингов, причем деньги могли бы постоянно возвращаться к тому, кто первый пустил их в обращение. Часть прибыли, полученной на эти 40000 ф. ст., превращается в процент, уплачиваемый различными капиталистами, например машиностроителем — тому лицу, которое дало ему ссуду в 1000 ф. ст., производителем железа — тому, кто дал ему взаймы 1000 ф. ст., давно истраченных им на уголь и т. д. или же на заработную плату, и т. д. Отсюда господин

Прудон делает тот вывод, что эта тысяча фунтов стерлингов приносит *всю сумму процентов,* получаемую с 40000 ф. ст. Если бы, таким образом, норма процента равнялась пяти, то проценты составили бы 2000 ф. ст. Предположив это, он правильно исчисляет, что 1000 ф. ст. принесли 200%. Таков этот прославленный критик политической экономии!*

Но хотя процесс *Д — Т — Д* в том виде, в каком он представляет денежное обращение между капиталистом и рабочим, сам по себе не выражает никакого акта воспроизводства, все же постоянное повторение этого процесса, непрерывность обратного притока денег, указывает на воспроизводство. Ни один покупатель не может вообще выступать постоянно как продавец, если он не воспроизводит продаваемых им товаров. Правда, это имеет силу по отношению ко всем, кто живет не на ренту, проценты или налоги. Но у одного контрагента при завершении процесса всегда происходит обратный приток денег *Д — Т — Д,* как у капиталиста в его отношении к рабочему или же к земельному собственнику или к рантье (со стороны двух последних имеет место всего лишь обратный приток денег). У другого же контрагента процесс завершается покупкой товара, т. е. происходит процесс *Т — Д — Т,* как это имеет место у рабочего. Этот процесс рабочий постоянно возобновляет. Инициатива принадлежит ему всегда как продавцу, а не как покупателю. То же самое относится ко всей совокупности того денежного обращения, [429] которое означает лишь трату дохода. Капиталист, например, сам потребляет за год известное количество продуктов. Он превратил свой товар в деньги, чтобы затратить эти деньги на покупку товаров, которые он намерен окончательно потребить. Здесь происходит *Т — Д — Т* и от-

* [437] То место у Прудона, которое имелось в виду выше, гласит:

«Сумма ипотечных долгов достигает, согласно наилучше осведомленным авторам, 12 млрд., согласно другим — 16 млрд.; сумма долгов по простым векселям составляет по меньшей мере 6 млрд., по коммандитным вкладам — около 2 млрд., государственный долг — 8 млрд.; итого 28 млрд. Необходимо иметь в виду, что все эти долги складываются из денежных сумм, которые взяты в ссуду, или считаются взятыми в ссуду, из 4, 5, 6, 8, 12 и даже 15 процентов. Для первых трех категорий этих долгов я принимаю среднюю норму в 6 процентов; на 20 млрд. это дает 1200 млн. К этому следует добавить проценты на государственный долг, около 400 млн. Всего — 1600 млн. годовых процентов на капитал в 1 млрд.» (стр. 152). Следовательно, 160%. Ибо «сумма наличных денег, — я не хочу сказать: вообще имеющихся во Франции, но сумма денег, находящихся в обращении, включая и кассовую наличность Банка, — не превышает, по наиболее распространенным оценкам, одного миллиарда» (стр. 151). «Когда обмен закончен, деньги опять свободны и, следовательно, могут снова быть отданы в ссуду... Капитал-деньги от одного обмена к другому постоянно все снова и снова возвращается к своему источнику, и отсюда следует, что всякая новая отдача этих денег в ссуду, совершаемая одними и теми же руками, приносит прибыль всегда тому же самому лицу» (стр. 153—154). «Gratuité du Crédit. Discussion entre M. *F. Bastiat* et M. *Proudhon*». *Paris,* 1850[105] [437]

сутствует обратный приток денег к капиталисту, но деньги притекают обратно к продавцу (например, к лавочнику), капитал которого возмещается благодаря тому, что капиталист тратит свой доход.

Но мы видели также, что существует обмен, дохода на доход обращение доходов. Мясник покупает хлеб у пекаря, пекарь покупает мясо у мясника; оба они потребляют свой доход. Мясо, которое съедает сам мясник, он не оплачивает; точно так же и пекарь не оплачивает тот хлеб, который он сам съедает. Эту часть дохода каждый из них потребляет in natura. Но возможно, что мясо, покупаемое пекарем у мясника, возмещает этому последнему не капитал, а доход, т. е. определенную часть проданного им мяса, представляющую не просто его прибыль, а ту именно часть его прибыли, которую он намерен сам потребить как доход. Хлеб, который мясник покупает у пекаря, тоже является для мясника расходованием его дохода. При расчете тот или другой должен уплатить только балансовую разницу. Сбалансированная часть их взаимных покупок и продаж не входит в денежное обращение. Но предположим, что пекарю приходится платить балансовую разницу и что эта разница представляет для мясника доход. Тогда мясник затратит деньги пекаря на приобретение других предметов потребления. Предположим, что это будет 10 ф. ст., которые он уплачивает портному. Если эти 10 ф. ст. представляют для портного доход, то портной израсходует их подобным же образом. Он. в свою очередь, купит на них хлеб и т. д. Тем самым деньги притекают обратно к пекарю, но они возмещают ему уже не доход, а капитал.

Может быть поставлен еще следующий вопрос: в том процессе *Д — Т — Д,* который проделывается капиталистом и который представляет самовозрастающую стоимость, капиталист извлекает из обращения больше денег, чем он бросил в обращение. (К этому собственно стремился собиратель сокровищ, но он этого не достиг. Ибо он извлекает из сферы обращения в форме золота и серебра не больше стоимости, чем он в нее бросил в форме товаров. Он обладает теперь большей стоимостью в форме денег, тогда как раньше он обладал большей стоимостью в форме товара.) Пусть у капиталиста все издержки производства его товара равны 1000 ф, ст. Он продает свой товар за 1200 ф. ст., ибо в этом товаре содержится теперь неоплаченного труда 20%, или $^{1}/_{5}$» — труда, который он продает, хотя и не оплатил его. Как же возможно, что все капиталисты, класс промышленных капиталистов, постоянно извлекают из обращения больше денег, чем бросают в обращение?

С другой стороны, можно сказать, что капиталист постоянно бросает в обращение больше, чем извлекает из него. Он должен был оплатить свой основной капитал. Но он продает этот последний только по мере того, как потребляет его, только частями. Входя целиком в процесс производства товара, основной капитал всегда входит в *стоимость* товара только гораздо меньшей частью. Если период обращения основного капитала равен 10 годам, то в товар входит ежегодно лишь одна десятая часть его, а остальные $^{9}/_{10}$ не входят в денежное обращение, так как эти $^{9}/_{10}$ вообще не поступают в обращение в форме товара. Таков один вопрос.

Эту проблему мы рассмотрим позже[106], а пока вернемся к Кенэ.

Но предварительно — еще об одном вопросе. Возвращение банкнот в банк, который производит учет векселей или также выдает ссуды банкнотами, представляет собой совершенно другое явление, чем рассмотренные до сих пор обратные приливы денег. В данном случае предвосхищается превращение товара в деньги. Товар получает форму денег еще до того, как он продан, быть может даже еще до того, как он произведен. Но возможно, что он уже и продан (под вексель). *Во всяком случае* он еще не *оплачен,* еще не превращен обратно в деньги. Таким образом, это превращение в деньги и в том и в другом случае предвосхищается. Как только товар продан (или *предполагается* проданным), деньги притекают обратно в банк — либо в виде его собственных банкнот, которые возвращаются тогда из обращения; либо в виде чужих банкнот, которые обмениваются тогда на его собственные банкноты (между банкирами), так что и те и другие банкноты изымаются из обращения, возвращаются к своему исходному пункту; либо же в виде золота и серебра. Если это золото и серебро идет на размен банкнот, находящихся в руках третьих лиц, то банкноты возвращаются в банк. Если банкноты не предъявляются к размену, то находящиеся в обращении золото и серебро уменьшаются на такое их количество, какое лежит теперь вместо банкнот в кладовых банка.

Во всех этих случаях процесс заключается в следующем:

Наличное бытие денег (превращение товара в деньги) было предвосхищено. Когда же товар действительно превращается в деньги, он превращается в них вторично. Но это второе денежное бытие товара возвращается к исходному пункту, оно погашает, замещает его первое денежное бытие, возвращается из обращения в банк. Возможно, что это второе денежное бытие товара выражается *в той же самой, совершенно идентичной*

массе банкнот, в которой выражалось его первое денежное бытие. Например, вексель был учтен фабриканту пряжи. Вексель получен им от ткача. Полученными 1000 ф. ст. фабрикант пряжи заплатил за уголь, хлопок и т. д. Различные лица, через руки которых проходят эти банкноты при платежах за их товары, затрачивают их в конце концов на покупку холста, и таким образом банкноты попадают к ткачу, который в день истечения срока векселя оплачивает его прядильщику теми же самыми банкнотами, а прядильщик возвращает их банку. Вовсе нет необходимости в том, чтобы второе (посмертное) превращение товара в деньги — после его предвосхищенного превращения — [430] совершалось посредством других денег, чем первое. И таким образом кажется, будто прядильщик на деле ничего не получил, ибо вначале он занял банкноты, а заканчивается процесс тем, что прядильщик получает их обратно и возвращает выдавшему их банку. Но в действительности та же самая банкнота служила в течение этого времени средством обращения и средством платежа, и прядильщик частью уплачивал ею свои долги, частью покупал на нее товары, необходимые для воспроизводства пряжи, и таким образом выручал создаваемую посредством эксплуатации рабочего прибавочную стоимость, часть которой он может теперь выплатить банку. И притом — тоже деньгами, ибо к нему притекает обратно больше денег, чем он израсходовал, авансировал, затратил. Каким образом? Это опять-таки относится к тому вопросу, рассмотрение которого мы отложили[107].

[4) ОБРАЩЕНИЕ МЕЖДУ ФЕРМЕРАМИ И ПРОМЫШЛЕННИКАМИ В «ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТАБЛИЦЕ»]

Итак, мы возвращаемся к Кенэ. Мы переходим к третьему и четвертому актам обращения.

P — земельный собственник — покупает на 1 млрд. промышленных товаров у *S*[108] («бесплодный» класс, занятый в промышленности; в таблице — линия *a* — *c*[109]). Здесь деньги, 1 млрд., приводят в обращение товар на такую же сумму. {Это потому, что в данном случае происходит однократный обмен. Если бы *P* покупал товар у *S* частями и точно так же частями получал свою ренту от *F* (фермера), то промышленные товары на сумму в 1 млрд. могли бы быть куплены, скажем, посредством 100 млн. Ибо *P* покупает при этом на 100 млн. промышленные товары у *S, S* покупает на 100 млн. предметы питания у *F,* а *F* платит 100 млн. ренты *P;* и если бы это повторилось 10 раз, то от *S* к *P* и от *P* к *S* перешло бы товаров на 100 млн. ×

10, а от *F* к *P* перешла бы рента в 100 млн. × 10. Все обращение совершилось бы посредством 100 млн. Но если *F* платит всю ренту сразу, то из 1 млрд., находящегося в руках *S,* и из 1 млрд., возвращающегося к *F,* часть могла бы храниться в сундуке, а часть — обращаться.} Товар на 1 млрд. перешел теперь от *S* к *P,* и, наоборот, деньги на сумму в 1 млрд. перешли от *P* к *S.* Это — простое обращение. Деньги и товар только переходят из одних рук в другие во взаимно противоположных направлениях. Но кроме предметов питания на 1 млрд., которые фермер продал *P* и которые таким образом перешли в сферу потребления, перешло в потребление еще на 1 млрд. фабричных товаров, которые *S* продал *P.* Необходимо отметить, что эти товары существовали уже до нового урожая (иначе *P* не мог бы купить их в обмен на продукт нового урожая).

S, со своей стороны, покупает у *F* предметы питания на 1 млрд. Таким образом, теперь из обращения перешла в потребление *еще. одна пятая часть валового продукта.* Этот один миллиард выполняет в сношениях между *S* и *F* функцию средства обращения. Но в то же время здесь имеют место два явления, которых мы не встречаем в процессе между *S* и *P.* В этом последнем процессе *S* снова превратил в деньги часть своего продукта, а именно промышленные товары на 1 млрд. В обмене же с *F* он превращает деньги снова в предметы питания, — что у Кенэ означает: в заработную плату, — следовательно, возмещает ими свой затраченный на заработную плату и потребленный капитал. Это обратное превращение 1 млрд. в жизненные средства выражает у *P* просто потребление, а у *S* — производственное потребление, воспроизводство, потому что *S* снова превращает часть своего товара в один из его элементов производства — в жизненные средства. Таким образом, один из этих метаморфозов товара, его обратное превращение из денег в товар, выражает здесь вместе с тем начало его *действительного,* а не только *формального,* метаморфоза, начало его воспроизводства, начало его обратного превращения в его собственные элементы производства. Здесь совершается вместе с тем и метаморфоз капитала. Напротив, на стороне *P* имеет место только превращение дохода из формы денег в форму товара. Это выражает только потребление.

Во-вторых, когда *S* покупает у *F* на 1 млрд. предметы питания, к *F* возвращается второй миллиард, которым он уплатил *P* ренту в денежной форме. Но возвращаются они к нему только потому, что он снова извлекает их из обращения, выкупает их посредством эквивалента в товарах стоимостью в 1 млрд. Это то же самое, как если бы земельный собственник купил у него

на 1 млрд. (кроме первого миллиарда) предметы питания, т. е. принял бы вторую половину своей денежной ренты от фермера в виде товара, и затем обменял бы этот товар на товар, принадлежащий *S.* Последний только взыскивает вместо *P* в товарах вторую половину тех двух миллиардов, которые *F* уплатил *P* деньгами. Если бы уплата производилась в натуральной форме, то *F* дал бы *P* на 2 млрд. предметов питания, из которых 1 млрд. *P* потребил бы сам, а другой миллиард обменял бы с *S* на его промышленные товары. В этом случае произошло бы только следующее: 1) перемещение предметов питания на 2 млрд. от *P* к *P;* 2) меновая торговля между *P* и *S,* из которых первый обменивает 1 млрд. предметов питания на 1 млрд. промышленных товаров, а второй — наоборот.

Вместо этого имели место четыре следующих акта: [431] 1) перемещение 2 млрд. денег от *P* к *P;* 2) *P* покупает на 1 млрд. предметы питания у *F.* Деньги возвращаются к *F,* служат средством обращения; 3) *P* покупает на 1 млрд. деньгами промышленные товары у *S.* Деньги функционируют как средство обращения, переходят из одних рук в другие в направлении, противоположном движению товара; 4) *S* покупает на этот миллиард деньгами предметы питания у *F.* Деньги функционируют как средство обращения. Вместе с тем для *S* они обращаются как капитал. Они притекают обратно к *F,* потому что теперь с него взыскан второй миллиард предметов питания, на который земельный собственник имел от него ассигновку. Но деньги притекают к *F* обратно не прямо от земельного собственника, а лишь после того, как они послужили средством обращения между *P* и *S,* после того, как они, не взыскав еще с *F* на 1 млрд. предметов питания, унесли с собой на своем пути на 1 млрд. промышленных товаров и передали их от промышленника земельному собственнику. Превращение этого товара в деньги (в обмене с земельным собственником), как и последующее превращение денег в предметы питания (в обмене с фермером), является на стороне *S* метаморфозом его капитала, принимающего сперва форму денег, а затем форму составных элементов, необходимых для воспроизводства капитала.

Результат предыдущих четырех актов обращения, следовательно, таков: земельный собственник израсходовал свой доход, истратив одну половину его на предметы питания, а другую половину — на промышленные товары. Тем самым израсходованы 2 млрд., которые он получил в качестве денежной ренты. Половина этой суммы вернулась от него к фермеру прямым путем, другая половина — окольным путем, через *S.* Но *S* освободился от части своего готового товара и возместил ее

предметами питания, следовательно одним из элементов воспроизводства. Этими процессами заканчивается обращение, поскольку в нем фигурирует земельный собственник. Но из обращения перешли в потребление (частично в непроизводительное, частично в производственное, поскольку земельный собственник своим доходом возместил частично капитал *S):* 1) на 1 млрд. предметов питания (продукт нового урожая); 2) на 1 млрд. промышленных товаров (продукт урожая предыдущего года); 3) на 1 млрд. предметов питания, входящих в воспроизводство, т. е. в производство тех товаров, которые *S* в следующем году должен будет обменять на половину ренты земельного собственника.

2 млрд. денег находятся опять в руках фермера. Теперь он покупает у *S* на 1 млрд. товаров для возмещения своих «ежегодных и первоначальных авансов», поскольку они состоят частично из орудий труда и т. д., частично — из других промышленных товаров, потребляемых во время производства. Это — простой процесс обращения. Тем самым 1 млрд. переходит в руки *S,* и таким образом превращается в деньги вторая половина его продукта, существующего в форме товара. На обеих сторонах имеет место метаморфоз капитала. 1 млрд. фермера превращается обратно в элементы производства, необходимые для процесса воспроизводства. Готовый товар *S* превращается обратно в деньги, проделывает тот *формальный* метаморфоз из товара в деньги, без которого капитал не может превратиться обратно в свои элементы производства, а следовательно не может воспроизводиться. Это пятый процесс обращения. Из обращения переходит в воспроизводительное потребление на *1 млрд. промышленных товаров* (продукт урожая предыдущего года) *(a′ — b′)*[110].

Наконец, *S* обратно превращает 1 млрд. денег, в виде которых теперь существует половина его товара, в другую половину условий производства этого товара — в сырье и т. д. *(a″ — b″).* Это — простое обращение. Для *S* это вместе с тем — метаморфоз его капитала в пригодную для воспроизводства форму, а для *F* — обратное превращение его продукта в деньги. Теперь из обращения переходит в потребление последняя пятая часть «валового продукта».

Итак: $^1/_5$ входит у фермера в процесс воспроизводства и не поступает в обращение; $^1/_5$ потребляется земельным собственником; итого — $^2/_5$; $^2/_5$ получает *S;* в общей сложности — $^4/_5$[111].

Здесь в расчете явный пробел. Кенэ, по-видимому, строит расчет следующим образом. *F* отдает *P* на 1 млрд. предметов питания (линия *a — b).* Сырьем на 1 млрд. он возмещает капи-

тал *S* (*a''* — *b''*). Предметы питания на 1 млрд. образуют для *S* заработную плату, стоимость которой, присоединяемая им к товарам, сводится к стоимости предметов, потребляемых им в процессе этого присоединения *(c — d).* А 1 млрд. остается в процессе воспроизводства (*a'*) и не поступает в обращение. Наконец, 1 млрд. продукта возмещает «авансы» (*a'* — *b'*). Но Кенэ упускает из виду, что *S* на эти промышленные товары стоимостью в 1 млрд. не покупает у фермера ни предметов питания, ни сырья: *S,* в своих денежных расчетах с фермером, только возвращает фермеру его собственные деньги. Ведь Кенэ с самого начала исходит из того предположения, что фермер, кроме своего валового продукта, имеет еще 2 млрд. деньгами и что это вообще есть тот фонд, из которого черпаются деньги для обращения.

Кроме того, Кенэ забывает, что сверх этих 5 млрд. валового продукта существуют еще 2 млрд. валового продукта в промышленных товарах, которые были произведены до нового урожая. Ибо 5 млрд. представляют только всю годовую продукцию фермеров, [432] весь урожай, полученный фермерами, но никоим образом не валовой продукт промышленности, которая должна возместить из этого урожая необходимые ей для воспроизводства элементы.

Таким образом, налицо имеются: 1)2 млрд. денег на стороне фермера; 2) 5 млрд. валового продукта земли; 3) 2 млрд. стоимости в промышленных товарах. Следовательно, 2 млрд. деньгами и 7 млрд. продуктами (земледельческими и промышленными). Процесс обращения может быть представлен в сжатом виде следующим образом (*F* — фермер, *P* — земельный собственник, *S* — промышленник, бесплодный класс):

F уплачивает *P* 2 млрд. ренты в денежной форме, а *P* покупает у *F* на 1 млрд. предметы питания. Этим путем реализуется $^1/_5$ часть валового продукта фермера. Вместе с тем к нему притекает обратно 1 млрд. денег. Далее *P* покупает товара на 1 млрд. у *S.* Тем самым реализуется $^1/_2$ валового продукта *S.* Взамен этого *S* получает 1 млрд. деньгами. На эти деньги он покупает у *F* предметы питания стоимостью в 1 млрд. Тем самым *S* возмещает $^1/_2$ элементов воспроизводства своего капитала. Этим путем реализуется еще $^1/_5$ часть валового продукта фермера. Вместе с тем в руках фермера опять оказываются 2 млрд. денег, что составляет цену 2 млрд. предметов питания, проданных им *P* и *S.* Затем *F* покупает у *S* на 1 млрд. товаров для возмещения половины своих «авансов». Тем самым реализована вторая половина валового продукта промышленника. Наконец, *S* на последний миллиард деньгами покупает сырье

у фермера, — этим реализуется третья $^{1}/_{5}$ часть валового продукта фермера, возмещается вторая половина элементов воспроизводства капитала *S,* а 1 млрд. притекает обратно к фермеру. В распоряжении этого последнего опять оказываются 2 млрд., что в порядке вещей, потому что Кенэ рассматривает фермера как капиталиста, по отношению к которому *P* является лишь получателем дохода, а *S* — только получателем заработной платы. Если бы фермер платил *P* и *S* непосредственно своим продуктом, то он совсем не расходовал бы денег. Но так как он их расходует, то *P* и *S* покупают его продукт на эти деньги, и деньги притекают к нему обратно. Это — то формальное возвращение денег, которое имеет место у промышленного капиталиста, начинающего всю операцию в качестве покупателя и затем завершающего ее. Далее, та $^{1}/_{5}$ валового продукта фермера, которая возмещает его «авансы», принадлежит воспроизводству. Остается реализовать ту $^{1}/_{5}$, которая состоит из предметов питания, не поступающих в обращение.

[5) ОБРАЩЕНИЕ ТОВАРОВ И ОБРАЩЕНИЕ ДЕНЕГ В «ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТАБЛИЦЕ» . РАЗЛИЧНЫЕ СЛУЧАИ ВОЗВРАЩЕНИЯ ДЕНЕГ К ИСХОДНОМУ ПУНКТУ]

S покупает у фермера на 1 млрд. предметов питания и на 1 млрд. сырья, а *F,* наоборот, покупает у *S* только на 1 млрд. товара для возмещения своих «авансов». Таким образом, *S* должен уплатить балансовую разницу в 1 млрд., уплачиваемую в конечном счете тем миллиардом, который *S* получил от *P*. Эту *уплату* 1 млрд. фермеру Кенэ, по-видимому, смешивает с *покупкой* у него продукта на сумму в 1 млрд. О том, как это представлял себе Кенэ, следует посмотреть замечания Бодо[112].

В самом деле (согласно нашему расчету), 2 млрд. послужили лишь для следующего: 1) для уплаты ренты в размере 2 млрд. деньгами, 2) для обращения валового продукта фермера на сумму в 3 млрд. (а именно, на 1 млрд. предметов питания, переходящих к *P,* и на 2 млрд. предметов питания и сырья, переходящих к *S*) и для обращения на 2 млрд. валового продукта *S* (из них на 1 млрд. — для *P,* для его потребления, и на 1 млрд. — для *F,* который потребляет эти продукты в целях воспроизводства).

При последней покупке (a''— b'') *S,* покупающий сырье у *F,* платит ему за товар деньгами.

[433] Итак, еще раз:

S получил от *P* 1 млрд. деньгами. На этот миллиард денег он покупает у *F* предметы питания стоимостью в 1 млрд. На

этот же миллиард денег *F* покупает у *S* товары. На тот же миллиард денег *S* покупает у *F* сырье.

Либо же дело обстоит так: *S* покупает у *F* на 1 млрд. деньгами сырье и на 1 млрд. деньгами предметы питания. *F* покупает у *S* товары на 1 млрд. деньгами. В этом последнем случае 1 млрд. вернулся обратно к *S,* но только потому, что *S,* по предположению, кроме 1 млрд. денег, полученного им от земельного собственника, и товара на 1 млрд., остающегося у него для продажи, располагал еще одним миллиардом денег, который он сам бросил в обращение. По этому предположению, для обращения товаров между *S* и фермером вместо 1 млрд. денег потребовалось 2 млрд. В результате 1 млрд. вернулся к *S.* Это потому, что последний покупает у фермера на 2 млрд. деньгами. А фермер покупает у *S* на 1 млрд., выплачивая ему половину полученных от него же денег.

В первом случае *S* покупает в два приема. Сперва он затрачивает 1 млрд.; этот миллиард обратно притекает к нему от *P,* а затем он еще раз затрачивает этот же миллиард — уже окончательно, — уплачивая его *F,* и таким образом к нему уже ничего не притекает обратно.

Напротив, во втором случае *S* покупает сразу на 2 млрд. И когда *F,* в свою очередь, покупает на 1 млрд. у *S,* то этот миллиард остается у *S.* Обращение потребовало бы в этом случае 2 млрд. вместо одного. В первом случае 1 млрд. денег реализовал посредством двух оборотов товары на 2 млрд. Во втором случае 2 млрд. денег реализовали товары также на 2 млрд. посредством одного оборота. И когда фермер уплачивает теперь обратно 1 млрд. промышленнику *S,* последний получает от этого не больше, чем в первом случае. Ибо, кроме товаров на 1 млрд., он бросил в обращение еще 1 млрд. денег из своего собственного фонда, существовавшего еще до начала этого процесса обращения. Он отдал их для нужд обращения, и деньги поэтому притекают к нему обратно.

В первом случае: *S* посредством 1 млрд. денег покупает у *F* на 1 млрд. товара. *F* посредством 1 млрд. денег покупает на 1 млрд. товара у *S.* Посредством 1 млрд. денег *S* покупает у *F* на 1 млрд. товара, так что у *F* остается 1 млрд. денег.

Во втором случае: *S* посредством 2 млрд. денег покупает на 2 млрд. товара у *F.* Последний посредством 1 млрд. денег покупает у *S* на 1 млрд. товара. Как и в первом случае, фермер удерживает у себя 1 млрд. денег. А *S* получает обратно тот миллиард, который был капиталом, авансированным с его стороны обращению, и который теперь возвращается к нему из обращения. *S* покупает на 2 млрд. товара у *F. F* покупает на

1 млрд. товара у *S.* Следовательно, при всех обстоятельствах *S* должен уплатить балансовую разницу в 1 млрд., но не больше. Так как *S,* в порядке уплаты указанной балансовой разницы, благодаря особенностям этого вида обращения уплатил фермеру 2 млрд., то фермер возвращает ему 1 млрд., тогда как в первом случае он никаких денег ему не возвращает.

А именно, в первом случае *S* покупает на 2 млрд. у *F,* а *F* — на 1 млрд. у *S.* Следовательно, балансовая разница по-прежнему составляет 1 млрд. в пользу *F.* Но эта разница выплачивается ему так, что к нему притекают обратно его собственные деньги, так как сначала *S* покупает на 1 млрд. у *F,* затем *F* покупает на 1 млрд. у *S* и, наконец, *S* покупает на 1 млрд. у *F.* Один миллиард привел здесь в обращение 3 млрд. Но в общей сложности в обращении находилась стоимость (если деньгами служили реальные деньги), равная 4 млрд.: 3 — в товарах и 1 — в деньгах. Обращающаяся и первоначально (для уплаты фермеру) брошенная в обращение сумма денег ни разу не превышала 1 млрд., т. е. ни разу не превышала той балансовой разницы, которую *S* должен был уплатить *F.* Благодаря тому, что *F* покупает на 1 млрд. у *S* раньше, чем последний вторично покупает у *F* на 1 млрд., *S* может уплатить следуемую с него балансовую разницу этим миллиардом.

Во втором случае *S* бросает в обращение 2 млрд. Он, правда, покупает на них у *F* товар стоимостью в 2 млрд. Здесь эти 2 млрд. требуются в качестве средства обращения, и они отдаются в обмен на эквивалент в виде товара. *Но F,* в свою очередь, покупает у *S* на 1 млрд. Следовательно, к *S* возвращается 1 млрд., так как балансовая разница, которую он должен уплатить фермеру, составляет не два миллиарда, а только один. *S* возместил теперь фермеру один миллиард товаром, а потому *F* должен вернуть *S* тот миллиард, который *S,* как *теперь* оказалось, переплатил ему деньгами. Случай этот достаточно примечателен, чтобы коротко остановиться на нем.

При предположенном выше обращении товаров на 3 млрд., из которых 2 млрд. составляют предметы питания [и сырье], а 1 млрд. — промышленные изделия, возможны различные случаи; но здесь следует принять во внимание, *во-первых,* что по предположению Кенэ к началу процесса обращения между *S* и *F* 1 млрд. денег находится в руках *S* и 1 млрд. денег — в руках *F; во-вторых,* в порядке иллюстрации, предположим, что у *S,* кроме 1 млрд. денег, полученного от *P,* имеется еще 1 млрд. денег в кассе.

[434] I) *Во-первых,* случай, представленный у Кенэ. *S* на 1 млрд. денег покупает у *F* 1 млрд. товара; *F* на 1 млрд. денег, полученный от *S,* покупает у последнего 1 млрд. товара; наконец, *S* на вернувшийся к нему таким образом 1 млрд. денег покупает у *F* 1 млрд. товара. Следовательно, у *F* остается тот миллиард денег, который представляет для него капитал (фактически этот миллиард, вместе с другим миллиардом денег, полученным им обратно от *P,* образует доход, которым он в следующем году снова уплачивает ренту деньгами, — а именно, 2 млрд. денег). Здесь 1 млрд. денег обращался трижды: от *S* к *P,* от *P* к *S,* от *S* к *F,* — и каждый раз в уплату за 1 млрд. товара, следовательно всего за 3 млрд. товара. Если сами деньги обладают стоимостью, то в обращении находится стоимостей на 4 млрд. Деньги функционируют здесь только как средство обращения, по для *F,* — в чьих руках они в конечном счете остаются, — они превращаются в деньги и eventualiter* — в капитал.

II) *Во-вторых.* Деньги функционируют только как средство платежа. В этом случае подводится баланс между *S,* покупающим у *F* на 2 млрд. товара, и *F,* покупающим у *S* на 1 млрд. товара. Балансовую разницу в 1 млрд. *S* должен уплатить, по окончании сделки, деньгами. Как и в предыдущем случае, 1 млрд. денег попадает в кассу *F, с* той, однако, разницей, что до этого они не служили здесь средством обращения. Эти деньги представляют для *F* передачу капитала, так как они лишь возмещают ему капитал, состоявший из 1 млрд. товара. Таким образом, в обращение вошло, как и в первом случае, на 4 млрд. стоимостей. Но вместо трех движений одного миллиарда денег произошло только одно, и деньги оплатили только равную им самим сумму товарных стоимостей. А в первом случае они оплатили стоимость, в три раза большую, чем их собственная стоимость. По сравнению с первым случаем дело обходится без двух излишних актов обращения.

III) *В-третьих. F,* располагая одним миллиардом денег (полученным им от *P*)*,* выступает сначала как покупатель, покупает на 1 млрд. товара у *S.* Этот миллиард денег — вместо того чтобы праздно лежать у *F,* в качестве сокровища, до взноса ренты за следующий год — вступает таким путем в обращение. Итак, у *S* — 2 млрд. денег (1 млрд. денег, полученный от *P,* и 1 млрд. денег, полученный от *F*). На эти 2 млрд. денег он покупает у *F* товар стоимостью в 2 млрд. Теперь в обращении оказалось стоимостей на 5 млрд. (3 млрд. товара и 2 млрд.

* — в возможности, при определенных условиях. *Ред.*

денег). Произошло обращение 1 млрд. денег и 1 млрд. товара и обращение 2 млрд. денег и 2 млрд. товара. Из этих 2 млрд. денег тот миллиард, который исходит от фермера, обращается дважды, а тот миллиард, который исходит от *S,* только один раз. Теперь к *F* притекают 2 млрд. денег, но из них только 1 млрд. денег сальдирует его баланс, другой же миллиард денег, — брошенный в обращение им самим, так как он первый выступил как покупатель, — возвращается к нему через процесс обращения.

IV) *В-четвертых. S* на 2 млрд. денег (1 млрд. денег, полученный им от *P,* и 1 млрд., который он сам бросает в обращение из своей кассы) покупает в один прием у *F* товар стоимостью в 2 млрд. В свою очередь, *F* покупает на 1 млрд. товара у *S,* следовательно возвращает ему 1 млрд. денег, удерживая, как и в предыдущем случае, 1 млрд. денег в порядке сальдирования баланса между ним и *S.* Тут обращалось стоимостей на 5 млрд. Актов же обращения — два.

В случае III — из 2 млрд. денег, которые *S* отдает *F*, 1 млрд. представляет те деньги, которые *F* сам бросил в обращение, и только 1 млрд. представляет те деньги, которые в обращение бросил *S.* Здесь к *F* притекают 2 млрд. денег вместо 1 млрд., но фактически он получает только 1 млрд., так как другой миллиард он сам бросил в обращение. В случае IV — к *S* возвращается 1 млрд. денег, но это тот миллиард денег, который он бросил в обращение сам, из своей кассы, а не выручил от продажи своего товара фермеру.

Если в случае I, как и в случае II, денег в обращении ни разу не бывает больше 1 млрд., но при этом в случае I они обращаются три раза, три раза переходят из рук в руки, а в случае II только один раз, — то объясняется это просто тем, что в случае II предполагается развитый кредит, а следовательно экономия в количестве платежей, тогда как в случае I имеет место быстрое движение, но каждый раз деньги выступают при этом как средство обращения, так что всякий раз стоимость должна появляться на обоих полюсах в двояком виде: на одном полюсе — в виде денег, на другом — в виде товара. Если в случаях III и IV обращаются 2 млрд. денег — вместо 1 млрд., как было в случаях I и II, — то это потому, что в обоих случаях в обращение вступает сразу товарная стоимость в 2 млрд. (в случае III мы имеем дело с *S* как покупателем, замыкающим процесс обращения, а в случае IV — с *S* как покупателем, открывающим процесс обращения); короче говоря, в обращение сразу вступает на 2 млрд. товаров, и притом предполагается, что они покупаются немедленно, а не оплачиваются лишь после подведения баланса.

Но как бы то ни было, наибольший интерес представляет в этом движении тот миллиард денег, который в случае III оставляет у себя фермер, а в случае IV — промышленник, хотя в обоих случаях балансовая разница в 1 млрд. уплачивается фермеру и этот последний в случае III не получает ни на грош больше, а в случае IV — ни на грош меньше. Здесь, разумеется, все время обмениваются эквиваленты, и когда мы говорим о балансовой разнице, то под этим следует понимать только эквивалент стоимости, уплачиваемый деньгами, а не товаром.

В случае III *F* бросает в обращение 1 млрд. денег и получает взамен от *S* товарный эквивалент, т. е. получает на 1 млрд. товара. Но затем *S* покупает у него товар на 2 млрд. денег. Таким образом, первый миллиард денег, который *F* бросил в обращение, возвращается к нему, но зато от него уходит 1 млрд. в товарах. Этот миллиард товара оплачивается ему теми деньгами, которые он же израсходовал. Второй миллиард денег *F* получает в уплату за второй миллиард товара. Эта денежная балансовая разница в его пользу получается потому, что он в общем покупает товара только на 1 млрд. денег, а у него покупают товар стоимостью в 2 млрд.

[435] В случае IV *S* в один прием бросает в обращение 2 млрд. денег и получает взамен от *P* на 2 млрд. товара. *F* в свою очередь покупает у него 1 млрд. товара на деньги, израсходованные самим *S,* и таким образом 1 млрд, денег возвращается к *S.*

В случае IV *S* фактически дает фермеру в виде товара — на 1 млрд. товара, равняющийся 1 млрд. денег, и в виде денег — 2 млрд. денег, всего, следовательно, 3 млрд. денег. Получает же он от *F* только на 2 млрд. товара. Поэтому *F* должен вернуть ему 1 млрд. денег.

В случае III *F* дает *S,* в виде товара, на 2 млрд. товара (= 2 млрд. денег) и в виде денег — 1 млрд. денег, всего, следовательно, 3 млрд. денег, а получает от него только на 1 млрд. товара = 1 млрд. денег. Поэтому *S* должен вернуть ему 2 млрд. денег; 1 млрд. он выплачивает теми деньгами, которые бросил в обращение *F,* а 1 млрд. он сам бросает в обращение. *F* оставляет у себя в качестве балансовой разницы 1 млрд. денег; оставить у себя оба миллиарда он не может.

В обоих случаях *S* получает на 2 млрд. товара, а *F* — на 1 млрд. товара-плюс 1 млрд. денег, т. е. денежную балансовую разницу. Если в случае III к *F* притекает, кроме того, еще 1 млрд. денег, то это только те деньги, которые он бросил в обращение сверх того, что он извлекает из обращения путем продажи товаров. Так же обстоит дело и с *S* в случае IV.

В обоих случаях *S* приходится уплачивать балансовую разницу в 1 млрд. деньгами, потому что он извлекает из обращения на 2 млрд. товара, а бросает в обращение товара только на 1 млрд. В обоих случаях *F* должен получить деньгами балансовую разницу в 1 млрд. денег, потому что он бросает в обращение на 2 млрд. товара, а извлекает из обращения товара только на 1 млрд., так что второй миллиард товара должен быть сальдирован ему деньгами. В конечном счете только этот миллиард денег и может в обоих случаях переходить из рук в руки. Но так как в обращении находятся 2 млрд. денег, то этот миллиард должен вернуться к тому, кто бросил его в обращение, будь то *F,* который получил из обращения балансовую разницу в 1 млрд. денег и, помимо того, бросил в обращение еще другой миллиард деньгами, или же *S,* который должен уплатить в качестве балансовой разницы только 1 млрд. денег и, кроме того, бросил в обращение деньгами еще 1 млрд.

В случае III в обращение поступает на 1 млрд. денег больше, чем это необходимо для обращения товарной массы при других обстоятельствах, так как *F,* выступая первым в роли покупателя, должен бросить деньги в обращение независимо от того, как сложатся окончательные расчеты. В случае IV в обращение поступают тоже 2 млрд. денег — вместо одного лишь миллиарда, как в случае II, — ибо в случае IV, во-первых, в самом же начале *S* выступает как покупатель, и, во-вторых, он покупает на 2 млрд. товара в один прием. В случаях III и IV денежная масса, *обращающаяся* между этими покупателями и продавцами, в конечном счете может равняться лишь балансовой разнице, какую должна уплатить одна из сторон. Ибо те деньги, которые *S* или *F* отдал сверх этой суммы, выплачиваются тому или другому из них обратно.

Предположим, что *F* покупает у *S* на 2 млрд. товара. В таком случае дело складывалось бы следующим образом. *F* от-' дает *S* 1 млрд. денег за товар. *S* покупает товара на 2 млрд. денег у *F,* благодаря чему к последнему возвращается первый миллиард и сверх того еще один миллиард денег. *F* снова покупает у *S* на 1 млрд. деньгами, благодаря чему эта сумма возвращается к *S*. К концу процесса *F* имел бы товара на 2 млрд. денег и тот миллиард денег, которым он располагал первоначально, еще до начала процесса обращения; а *S* имел бы на 2 млрд. товара и 1 млрд. денег, которым он точно так же располагал с самого начала. Тот миллиард денег, который принадлежит *F,* и тот миллиард денег, который принадлежит *S,* сыграли бы роль только средства обращения, чтобы потом вернуться к обеим пустившим их в обращение сторонам в качестве денег

или, в данном случае, также и в качестве капитала. Если бы обе эти стороны применили деньги в качестве средства платежа, то они товаром в 2 млрд. рассчитались бы за товар также в 2 млрд.; их счета покрыли бы друг друга; ни один грош не обращался бы между ними.

Следовательно, деньги, циркулирующие в качестве средства обращения между обеими этими сторонами, из которых каждая противостоит другой двояким образом — и как покупатель и как продавец, — эти деньги возвращаются обратно; причем возможны три случая их обращения.

[Во-первых.] Введенные в обращение товарные стоимости уравновешивают друг друга. В этом случае деньги возвращаются к тому, кто авансировал их процессу обращения и таким образом своим капиталом покрыл издержки обращения. Так, например, если *F* и *S,* каждый на 2 млрд., покупают товар друг у друга, причем первым выступает на сцену *S,* то этот последний покупает товара у *F* сразу на 2 млрд. денег. *F* возвращает ему эти 2 млрд. денег, покупая у него на 2 млрд. товара. Таким образом *S* — как перед сделкой, так и после нее — имеет 2 млрд. товарами и 2 млрд. деньгами. Или, если оба они — как в вышеприведенном случае — авансируют средства обращения в размере одной и той же части покупаемого ими товара, то на обеих сторонах к каждому возвращается та сумма, которую он авансировал процессу обращения; так, например, выше мы видели, что 1 млрд. денег возвращается к *F* и 1 млрд. денег к *S.*

Во-вторых. Товарные стоимости, которые обе стороны обменяли между собой, не уравновешивают друг друга. Образуется балансовая разница, которая должна быть уплачена деньгами. И если, как это имело место выше в случае I, товарное обращение складывалось так, что в результате количество денег, поступившее *в обращение,* не превысило суммы, необходимой для уплаты балансовой разницы, — так как только эта сумма все время перемещалась взад и вперед между обеими сторонами, — то в конце концов она попадает в руки последнего продавца, в пользу которого получилась балансовая разница.

В-третьих. Товарные стоимости, которые обе стороны обменяли между собой, не уравновешивают друг друга; должна быть уплачена балансовая разница; но товарное обращение происходит в такой форме, что обращается больше денег, чем необходимо для уплаты балансовой разницы; в этом случае деньги, превышающие эту балансовую разницу, возвращаются к той стороне, которая их авансировала. В случае III они возвращаются к тому, кто получает разницу, в случае IV — к тому, кто должен ее уплатить.

В случаях, объединенных под рубрикой «во-вторых», деньги *возвращаются к* получателю балансовой разницы только при том условии, если он первым выступает в роли покупателя, как это было в примере с рабочим и капиталистом. Если же первой в роли покупателя выступает другая сторона, то деньги уходят от нее к ее контрагенту, как это имеет место в случае II.

[436] {Все это, разумеется, имеет место только при предположении, что купля и продажа определенного количества товаров происходят между одними и теми же лицами, так что каждое из них выступает по отношению к другой стороне попеременно то как покупатель, то как продавец. Предположим, напротив, что товар на сумму в 3 тысячи распределен равными частями между товаровладельцами-продавцами *A, A′* и *A″* и что им противостоят покупатели *B, B′* и *B″*. Если три акта купли совершаются здесь одновременно, следовательно совершаются один рядом с другим в пространстве, то должны обращаться 3 тысячи денег, так что в руки каждого *A* попадает 1 тысяча денег и в руки каждого *B* — 1 тысяча товара. Если же акты купли совершаются один за другим, последовательно во времени, то это создает возможность обращения одной и той же тысячи денег лишь в том случае, если метаморфозы товаров переплетаются друг с другом, т. е. если часть действующих лиц выступает как в роли покупателей, так и в роли продавцов, хотя и не по отношению к одним и тем же лицам, как в вышеприведенном случае, а по отношению к одним — в роли покупателей, по отношению же к другим — в роли продавцов. Так, например: 1) *A* продает *B* на 1 тысячу; 2) *A* покупает на эту тысячу у *B′*; 3) *B′* покупает на эту тысячу у *A′*; 4) *A′* — на эту тысячу у *B″*; 5) *B″* на эту тысячу — у *A″*. Деньги в данном случае пять раз переходили бы из рук в руки, перемещаясь между шестью лицами, но и товара обращалось бы при этом на 5 тысяч. Если бы товара обращалось только на 3 тысячи, то мы имели бы следующее: 1) *A* покупает на 1 тысячу у *B*; 2) *B* покупает на 1 тысячу у *A′*; 3) *A′* покупает на 1 тысячу у *B′*. Три перемещения между четырьмя лицами. Это — процесс *Д—Т*.}

Разобранные выше случаи не противоречат ранее развитому закону,

«по которому при данной скорости обращения денег и при данной сумме товарных цен количество обращающихся средств представляет собой определенную величину» (I, стр. 85)[113].

В приведенном выше примере — случай I — 1000 денег[114] обращаются трижды и при этом приводят в движение товаров на

3000 (сумма цен) 3000. Поэтому масса обращающихся денег = $\frac{3\,000\text{ (сумма цен)}}{3\text{ (скорость обращения)}}$, или

$\frac{3\,000\text{ (сумма цен)}}{3\text{ оборота}}$ = 1000 денег.

В случае III или IV сумма цен обращающихся товаров, правда, та же самая (3000 денег); но скорость обращения другая. 2000 денег обращаются один раз, т. е. 1000 денег плюс 1000 денег. Но из этих 2000 денег одна тысяча делает еще один оборот. 2000 денег служат для обращения двух третей товара, имеющего стоимость в 3000, а половина этих денег приводит в обращение товар на 1000, т. е. оставшуюся треть; одна тысяча денег делает два оборота, а другая тысяча денег — только один оборот. Двукратный оборот 1000 денег реализует товарную цену в 2000 денег, а однократный оборот 1000 денег реализует товарную цену в 1000 денег; итого 3000 товара. Итак, какова же скорость обращения денег по отношению к тем товарам, которые они здесь приводят в обращение? 2000 денег делают $1^1/_2$ оборота (это равнозначно тому, что *сперва* вся сумма совершает один оборот, а затем половина ее — еще один) = $^3/_2$. И действительно: $\frac{3\,000\text{ (сумма цен)}}{^3/_2\text{ оборота}}$ = 2000 денег.

Но чем же определяется здесь *различная скорость* обращения денег?

Как в III, так и в IV случае различие вызывается, в противоположность случаю I, следующим обстоятельством. В случае I сумма цен обращающихся в каждый данный момент товаров никогда не бывает ни больше, ни меньше, чем $^1/_3$ суммы цен всей товарной массы, вообще поступающей в обращение. Товара в обращении все время находится только на 1000. В случаях же III н IV, напротив, один раз обращается на 2000 товара и один раз. — на 1000; следовательно, один раз обращаются $^1/_3$ имеющейся товарной массы, а один раз — $^1/_3$. По той же причине в оптовой торговле должны обращаться более крупные монеты, чем в розничной торговле.

Как я уже заметил (I, «Обращение денег»), обратный приток денег указывает прежде всего на то, что *покупатель, в свою очередь, стал продавцом*[115], причем по сути дела безразлично, продает ли он тем же самым лицам, у которых он купил, или другим. Однако когда это происходит между одними и теми же лицами, то имеют место явления, породившие такое множество заблуждений (Дестют де Траси)[116]. То обстоятельство, что покупатель становится продавцом, показывает, что продаже подлежит новый товар. Непрерывность товарного обращения равнозначна его постоянному возобновлению (I, стр. 78)[117], — следовательно, мы здесь имеем процесс воспроизводства. Покупатель

может стать, в свою очередь, продавцом — как фабрикант по отношению к рабочему — и без того, чтобы это выражало какой-нибудь акт воспроизводства. Только непрерывность этого обратного притока денег, его повторение, указывает здесь на процесс воспроизводства.

Тот обратный приток денег, который представляет обратное превращение капитала в его денежную форму, свидетельствует необходимым образом об окончании одного оборота и о возобновлении воспроизводства, если капитал продолжает свое движение как таковой. Также и здесь, как и во всех других случаях, капиталист был продавцом, *Т — Д,* а затем становится покупателем, *Д — Т,* но только в *Д* его капитал снова обладает той формой, в которой он может быть обменен на свои элементы воспроизводства, и *Т* представляет здесь эти элементы воспроизводства. *Д — Т* представляет здесь превращение денежного капитала в производительный, или промышленный, капитал.

Далее, обратный приток денег к их исходному пункту может, как мы видели, указывать на то, что в результате ряда покупок и продаж денежная балансовая разница получается в пользу того покупателя, который открывает ряд этих процессов. *F* покупает у *S* на 1000 деньгами. *S* покупает у *F* на 2000 деньгами. Здесь 1000 денег притекает обратно к *Р.* Что же касается другой тысячи, то здесь происходит только простое перемещение денег между *S* и *F.*

[437] Наконец, обратный приток денег к исходному пункту может происходить и без того, чтобы это выражало уплату балансовой разницы; это может иметь место как 1) в том случае, когда баланс платежей уравновешивается, т. е. когда не приходится уплачивать деньгами никакой балансовой разницы, так 2) и в том случае, когда баланс *не* уравновешен и приходится уплачивать балансовую разницу деньгами. Смотри разобранные выше случаи. Во всех этих случаях безразлично, вступает ли, например, в отношение к *F* один и тот же *S* или не один и тот же. Здесь *S* представляет по отношению к *F* и *F* по отношению к *S* всю совокупность тех, кто продает ему и покупает у него (совершенно так же, как в том примере, где уплата балансовой разницы проявляется в обратном притоке денег). Во всех этих случаях деньги притекают обратно к тому, кто, так сказать, авансировал их процессу обращения. Они, подобно банкнотам, сделали в обращении свое дело и возвращаются к лицу, пустившему их в обращение. *Здесь деньги служат только средством обращения. Те капиталисты, которые выступают последними, расплачиваются друг с другом, и деньги*

возвращаются таким образом к тому, кто первый пустил их в обращение.

Остается еще отложенный для дальнейшего рассмотрения вопрос: капиталист извлекает из обращения больше денег, чем он бросил в обращение[118].

[6) ЗНАЧЕНИЕ «ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТАБЛИЦЫ» В ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ]

Вернемся к Кенэ.

А. Смит не без иронии цитирует гиперболическое высказывание маркиза Мирабо:

«Со времени возникновения мира были сделаны три великих открытия... Первое из них, это — изобретение *письменности...* Второе, это — *изобретение»* (!) *«денег...* Третье, это — *«Экономическая таблица»,* которая является результатом первых двух изобретений и завершает их» (перевод *Гарнье,* том III, книга IV, глава 9, стр. 540) [Русский перевод, том II, стр. 224—225].

На самом же деле это была попытка представить весь процесс производства капитала как *процесс воспроизводства,* а обращение — только как форму этого процесса воспроизводства; денежное обращение — только как момент обращения капитала; вместе с тем это была попытка включить в этот процесс воспроизводства происхождение дохода, обмен между капиталом и доходом, отношение между воспроизводительным и окончательным потреблением, а в обращение капитала включить обращение между производителями и потребителями (в действительности — между капиталом и доходом); наконец, это была попытка представить в качестве моментов процесса воспроизводства обращение между двумя большими подразделениями производительного труда — между производством сырья и промышленностью, — и все это в одной *«Таблице»,* которая фактически состоит всего лишь из пяти линий, связывающих шесть исходных точек или же точек возврата. Эта попытка, сделанная во второй трети XVIII века, в период детства политической экономии, была в высшей степени гениальной идеей, бесспорно самой гениальной из всех, какие только выдвинула до сего времени политическая экономия.

Что касается обращения капитала, процесса его воспроизводства, различных форм, которые капитал принимает в этом процессе воспроизводства, той связи, которая существует между обращением капитала и общим обращением, следовательно, что касается не только обмена капитала на капитал, но и обмена между капиталом и доходом, — то Смит на деле лишь

воспринял наследие физиократов и дал более строгую классификацию и детальное описание отдельных статей инвентаря, но едва ли изобразил и истолковал процесс в целом так правильно, как он был — по общему замыслу — намечен в «Экономической таблице», несмотря на ошибочные предпосылки Кенэ.

И если, далее, Смит говорит о физиократах:

«Их труды, без сомнения, оказали известную услугу их стране» (там же, стр. 538) [Русский перевод, том II, стр. 224],

то это до нескромности скромная оценка значения такого, например, человека, как Тюрго, который — в смысле прямого влияния — является одним из отцов французской революции. [437]

[ГЛАВА СЕДЬМАЯ]

ЛЕНГЕ

[РАННЯЯ КРИТИКА БУРЖУАЗНО-ЛИБЕРАЛЬНОГО ВЗГЛЯДА НА «СВОБОДУ» РАБОЧЕГО]

[438] *Linguet.* Theorie dos Loix Civiles etc. Londres, 1767.

Согласно плану моего сочинения, социалистические и коммунистические писатели вообще не включаются в исторические обзоры. Эти обзоры должны лишь показать, с одной стороны, в какой форме политико-экономы критикуют самих себя, а с другой стороны, в каких формах, явившихся историческими вехами, были впервые высказаны и развиты далее законы политической экономии. Поэтому при рассмотрении прибавочной стоимости я оставляю в стороне таких писателей XVIII века, как Бриссо, Годвин и т. д., и точно так же социалистов и коммунистов XIX века. Те немногие социалистические писатели, о которых я, в дальнейшем, буду говорить в этом обзоре[119], либо сами становятся на точку зрения буржуазной политической экономии, либо исходят в своей борьбе против нее из ее же собственной точки зрения.

Ленге, однако, не социалист. Его полемика против буржуазно-либеральных идеалов современных ему просветителей, против начинающегося господства буржуазии облекается — наполовину всерьез, наполовину иронически — в реакционную оболочку. Он защищает азиатский деспотизм, выступая против цивилизованных европейских форм деспотизма, отстаивает рабство, выступая против наемного труда.

Том I. Уже одно его замечание против Монтескьё:

«Собственность — вот дух законов»[120] —

показывает глубину его взгляда.

Единственные политико-экономы, с которыми Ленге приходилось иметь дело, были физиократы.

Богачи, доказывает Ленге, завладели всеми условиями производства; это — *отчуждение условий производства,* каковыми в их простейшей форме являются сами стихии природы.

«В наших цивилизованных странах все стихии природы стали рабами» (стр. 188).

Для того чтобы получить часть этих присвоенных богачами сокровищ, их надо купить тяжелым трудом, увеличивающим богатство этих богачей.

«Таким образом, захваченная в плен природа перестала предоставлять своим детям легко доступные источники для поддержания их жизни. Ее благодеяния приходится оплачивать чрезвычайными усилиями, а ее дары — упорным трудом».

(Здесь — в «дарах природы» — проглядывает физиократическое воззрение.)

«Богач, *захвативший их в свое исключительное владение,* только за эту цену соглашается вернуть для общего пользования самую незначительную их часть. *Чтобы получить доступ к его сокровищам, необходимо трудиться над их умножением»* (стр. 189). «Приходится, таким образом, отказаться от химер свободы» (стр. 190). Законы существуют для «санкционирования первоначальной узурпации» (частной собственности) и для «предотвращения новых узурпаций» (стр. 192). «Они представляют собой своего рода заговор против наиболее многочисленной части рода человеческого» (а именно, против неимущих — цит. соч. [стр. 195]). «Общество создало законы, а не законы — общество» (стр. 230). «Собственность появилась раньше законов» (стр. 236).

Само «общество» — тот факт, что человек живет в обществе, а не как независимый самостоятельный индивидуум, — является корнем собственности, основанных на ней законов и неизбежно возникшего из нее рабства.

С одной стороны, жили мирно и разрозненно земледельцы и пастухи. С другой стороны, существовали «охотники, привыкшие добывать средства к жизни кровопролитием и соединяться в банды, для того чтобы иметь возможность легче совершать облавы на животных, мясом которых они питались, и сговариваться о дележе добычи» (стр. 279). «Именно у охотников должны были появиться первые признаки общества» (стр. 278). «*Настоящее общество образовалось в ущерб интересам пастухов и хлебопашцев, и основой ему послужило их порабощение»* бандой объединившихся охотников (стр. 289). Все обязанности в обществе сводятся к командованию и повиновению. «Эта деградация части рода человеческого сначала явилась причиной возникновения общества, а затем породила законы» (стр. 294).

Нужда заставляет рабочих, лишенных условий производства, — для того чтобы иметь возможность жить, — трудиться над увеличением чужого богатства.

«Только невозможность прожить иначе заставляет наших поденщиков пахать землю, плодами которой им не придется воспользоваться,

а наших каменщиков — воздвигать дома, в которых им не придется жить. Нищета гонит их на рынок, где они поджидают господ, которые соблаговолили бы их купить. *Нищета вынуждает их на коленях умолять богача, чтобы тот позволил им обогащать его»* (стр. 274).

«Итак, порабощение было первой причиной возникновения общества, а насилие — его первым связующим началом» (стр. 302). «Их» (людей) «первой заботой было, без сомнения, добыть себе пищу... Вторая забота должна была заключаться в изыскании средств, позволяющих *добывать себе пищу не трудясь»* (стр. 307 — 308). «Этого они могли достичь только *присвоением плодов чужого труда»* (стр. 308). «Первые завоеватели только для того стали властвовать, чтобы безнаказанно вести праздную жизнь; они сделались королями, чтобы иметь в своем распоряжении средства существования. Этим весьма суживается и упрощается... идея господства» (стр. 309). «Общество порождено насилием, а собственность — узурпацией» (стр. 347). «Как только появились господа и рабы, образовалось общество» (стр. 343). «С самого начала двумя [439] устоями гражданского общества являлись, с одной стороны, рабство большей части мужчин, а с другой — рабство всех женщин... За счет трех четвертей общего числа своих членов общество обеспечило счастье, богатство, досуг небольшого числа собственников, о которых оно только и заботилось» (стр. 365).

Том II.

«Следовательно, дело идет не о выяснении того, противоречит ли рабство природе как таковой, а о том, противоречит ли оно природе общества... Рабство неразрывно связано с существованием общества» (стр. 256). «Общество и гражданское порабощение возникли вместе» (стр. 257). «Пожизненное рабство... такова необходимая основа обществ» (стр. 347).

«Люди, вынужденные получать свои -средства существования от щедрот какого-нибудь другого человека, появились только тогда, когда *этот человек достаточно обогатился отнятым у них же добром,* чтобы иметь возможность *вернуть* им небольшую часть его. Мнимое великодушие этого человека могло быть лишь *возвращением некоторой части плодов их труда, которые он себе присвоил»* (стр. 242). «Разве не в том именно, что человек принужден сеять без того, чтобы самому пользоваться жатвой, жертвовать своим благополучием ради благополучия другого, принужден работать, не имея надежды впереди, — разве не в этом и *состоит рабство?* И не берет ли свое начало действительная история рабства с того момента, когда появились люди, которых можно было принудить к работе под ударами бича, давая им, при их возвращении в конюшню, некоторое количество овса? Только в развитом обществе средства существования кажутся *голодному* бедняку достаточным *эквивалентом* за его свободу; в обществе же, находящемся в самом начале своего развития, свободным людям показался бы чем-то чудовищным такой неравный обмен. Его можно предлагать только *пленникам.* Лишь после того как у последних было отнято пользование каким бы то ни было имуществом, можно сделать необходимостью для них подобного рода обмен» (стр. 244—245).

«Сущность общества... состоит в том, чтобы избавлять богатого от труда; в том, чтобы предоставлять в его распоряжение новые органы, неутомимые члены, на долю которых приходятся все тяжелые работы, между тем как *плоды работ присваивает себе богатый.* Такова цель, которую рабство делало легко достижимой для богатого. Он покупал людей, которые должны были служить ему» (стр. 461). «Отменяя рабство, вовсе не имели в виду уничтожить ни богатство, ни его преимущества... А потому все, кроме названия, должно было остаться по-прежнему. Наибольшая часть людей всегда должна была жить на заработную плату,

находясь в зависимости от ничтожного меньшинства, *присвоившего себе все блага.* Таким образом, рабство было увековечено на земле, но под более мягким названием. Оно фигурирует теперь среди нас, приукрашенное названием domesticité»* (стр. 462).

Под этими «слугами», говорит Ленге, он подразумевает не лакеев и т. п.:

«Города и деревни густо населены другого рода слугами, более многочисленными, более полезными, более трудолюбивыми, — они известны под именем *«journaliers»* (поденщиков), *«людей ручного труда»* и т. д. Они не позорят себя мишурой роскоши; они стонут под отвратительными лохмотьями, этой *ливреей* нищеты. *Они никогда не имеют доли в том изобилии, источником которого служит их труд.* Богатство как будто оказывает им милость, когда оно соизволяет принимать *приносимые ими дары.* Они должны еще быть признательны *за те услуги, которые они же оказывают богатству.* Оно награждает их самым оскорбительным пренебрежением, когда они обнимают его колени, выпрашивая у него *разрешение быть ему полезными.* Оно заставляет людей умолять о подобном разрешении, и *при этом единственном в своем роде обмене действительной щедрости на мнимое благодеяние* высокомерие и презрение имеют место *на стороне получающих,* а покорность, заботливость, усердие — *на стороне дающих.* Именно этот род слуг на самом деле заменил у нас рабов» (стр. 463—464).

«Необходимо выяснить, какова в действительности та выгода, которую принесло им *уничтожение рабства.* Говорю с горечью и вполне откровенно: вся выгода состоит для них в том, что их вечно преследует страх голодной смерти, — несчастье, от которого, по крайней мере, их предшественники в этом низшем слое человеческого общества были избавлены» (стр. 464). «Он [рабочий] свободен, говорите вы. Увы! В этом-то и состоит его несчастье. Ему ни до кого нет дела, но и никому нет дела до него. Когда в нем нуждаются, его *нанимают по самой дешевой цене.* Ничтожная *плата,* которую ему обещают, едва достигает *цены тех средств существования, которые необходимы ему в течение рабочего дня, отдаваемого им в обмен.* Над ним ставят *надсмотрщиков»* (overlookers), *«заставляющих его работать как можно быстрее;* его понукают, его подгоняют, опасаясь, как бы изобретательная на отговорки лень не помогла ему утаить половину его силы; боятся, как бы желание *растянуть занятое данной работой время* не уменьшило проворство его рук и не притупило его инструменты. *Скаредная экономия, с беспокойством следящая за ним, осыпает его упреками при малейшем перерыве, который он готов себе позволить,* и если он предается минутному отдыху, *начинает утверждать, что он ее обкрадывает.* А когда работа окончена, его отпускают с тем же холодным безразличием, с каким его приняли, — отпускают, не задумываясь над тем, хватит ли ему на жизнь, — [440] *если он на другой же день не найдет себе работы,* — тех 20 или 30 су, которые он получил за изнурительный рабочий день» (стр. 466—467).

«Да, он свободен! Именно поэтому я и жалею его. Потому-то его и щадят гораздо меньше на тех работах, на которых его применяют. Потому-то и проявляют еще большую беззастенчивость, расхищая его жизнь. Раб представлял для своего хозяина известную ценность, потому что хозяин уплатил за него деньги. А за рабочего богатый прожигатель жизни, нанявший его, не заплатил ничего. Во времена рабства кровь человеческая имела некоторую цену. Люди имели стоимость по меньшей мере

* — прислуга, совокупность слуг. *Ред.*

равную той сумме, за которую их продавали на рынке. С тех пор как прекратилась продажа людей, они в действительности не имеют никакой внутренней стоимости. В армии сапер ценится гораздо меньше, чем обозная лошадь, потому что лошадь стоит очень дорого, а сапер достается даром. Уничтожение рабства привело к перенесению такой оценки из военной жизни в гражданскую; и *с тех пор нет ни одного зажиточного буржуа, который не расценивал бы людей так, как это делают доблестные воители»* (стр. 467).

«Поденщики родятся, растут и воспитываются» (zuchten sich heran) «для служения богатству, и это, — подобно той дичи, которую богатство убивает в своих владениях, — не требует от него ни малейших издержек. Кажется, будто богатство действительно владеет той тайной, знанием которой — без всяких на то основании — похвалялся злополучный Помпей. Стоит только богатству топнуть ногой о землю, как из земли появляются легионы трудолюбивых людей, оспаривающих друг у друга честь служить ему. И если исчезает один из толпы этих наемников, которые строят ему дома или ухаживают за его садами, то пустого места и не видно — оно тотчас же заполняется без всякого вмешательства с чьей-либо стороны. Не жаль потерять каплю воды из большой реки, потому что непрестанно прибывают новые потоки. Так обстоит дело и с рабочими; легкость, с какой одни замещаются другими, питает бесчувственное отношение к ним со стороны *богатых»*

(таков способ выражения Ленге; он еще не говорит о капиталистах) (стр. 468).

«У них, говорят, нет господ... Но это явное злоупотребление словом. Что это означает: у них нет господ? У них есть господин, и притом самый ужасный, самый деспотичный из всех господ: *нужда.* Она ввергает их в самое жестокое рабство. *Им приходится повиноваться не какому-либо отдельному человеку, а всем вообще.* Над ними властвует не какой-нибудь единственный тиран, капризам которого они должны угождать и благоволения которого должны добиваться, — это поставило бы известные границы их рабству и сделало бы его более сносным. *Они становятся слугами всякого, у кого есть деньги,* и в силу этого их рабство приобретает неограниченный характер и неумолимую суровость. Говорят, если им плохо живется у одного хозяина, то у них, по крайней мере, имеется то утешение, что они могут заявить ему об этом и искать себе другого, — рабы же не могут делать ни того, ни другого. Рабы, следовательно, еще более несчастны. — Какой софизм! Подумайте-ка о том, что число *тех, кто заставляет работать других,* очень незначительно, а число тех, кто работает, напротив, огромно» (стр. 470—471). «К чему сводится для них та призрачная свобода, которую вы им пожаловали? *Они живут лишь отдачей в наем своих рук. Следовательно, они должны найти кого-нибудь, кто нанял бы их, или же умереть с голоду. Разве это значит быть свободным?»* (стр. 472).

«Ужаснее всего то, что сама незначительность этого заработка служит причиной его дальнейшего понижения. Чем бедственнее положение поденщика, тем дешевле вынужден он продавать себя. Чем сильнее его нужда, тем ниже оплачивается его труд. Люди, противостоящие ему как деспоты в тот момент, когда он со слезами на глазах умоляет принять его услуги, не краснеют от стыда, щупая, так сказать, его пульс, чтобы удостовериться, много ли у него осталось еще сил. В соответствии с тем, насколько он ослабел, они и устанавливают предлагаемую ему плату. Чем ближе кажется он им к смерти от истощения, том больше урезывают они то, что

могло бы его еще спасти. То, что дают ему эти варвары, способно не столько продлить его жизнь, сколько отсрочить его смерть» (стр. 482—483). «Независимость» (поденщика)... «это — одно из самых пагубных бедствий, порожденных присущей нашему времени изощренностью. Она увеличивает изобилие у богача и нужду у бедняка. Богач сберегает все то, что бедняк сам затрачивает на поддержание своей жизни; а этот последний вынужден экономить не на излишнем, а на самом необходимом» (стр. 483).

«Если в настоящее время так легко содержать громадные армии, которые, в соединении с роскошью, ведут к истреблению рода человеческого, то этим мы обязаны только отмене рабства... Только с тех пор как нет больше рабов, разврат и нищенство поставляют воителей за пять су в день» (стр. 484—485).

«Я нахожу, что оно» (азиатское рабство) «во сто раз предпочтительнее, чем всякое иное состояние, для тех людей, которые вынуждены зарабатывать себе на жизнь ежедневным трудом» (стр. 496).

«Их» (рабов и наемных рабочих) «цепи сделаны из одного и того же материала, и различаются они только по окраске. Цепи одних окрашены в черный цвет и кажутся более массивными; цепи других — менее мрачного цвета и кажутся более легкими; но взвесьте их беспристрастно, и вы не обнаружите между ними ни малейшей разницы: и те и другие в равной мере выкованы нуждой. Они совершенно одинакового веса, и даже больше того: если одни несколько тяжелее, то как раз те, которые с виду кажутся более легкими» (стр. 510).

Ленге восклицает по поводу рабочих, обращаясь к французским просветителям:

«Разве вы не видите, что покорность и, надо прямо сказать, полнейшее смирение этой столь многочисленной части стада создает богатство пастырей?.. Поверьте мне, в его» (пастыря) «интересах, в ваших интересах и даже в интересах их самих» (овец) — «оставить их в том укоренившемся в них убеждении, будто собака, лающая на них, одна сильнее всех овец, вместе взятых. Пусть они бессмысленно убегают при одном виде ее тени. Выиграют от этого все... Тем легче будет вам сгонять их для стрижки. Тем меньше будет угрожать им опасность, что их пожрут волки. [441] Правда, они избавляются от этой опасности только для того, чтобы доставаться в пищу людям. Но такова уж их участь с того момента, как они вошли в хлев. Прежде чем говорить о том, чтобы вызволить их оттуда, вам следовало бы начать с разрушения хлева, т. е. общества» (стр. 512— 513). [X—441]

ПРИЛОЖЕНИЯ

[1) ГОББС О ТРУДЕ, О СТОИМОСТИ И ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РОЛИ НАУКИ]

[XX—1291a] Гоббс считает *науку,* а не *труд исполнителя,* матерью искусств:

«Искусства, имеющие значение для общества, как, например, фортификация, создание машин и других орудий войны, представляют собой силу, ибо они способствуют обороне и победе; и хотя истинной матерью **их** является *наука, а именно математика,* всё же, так как они производятся на свет рукой ремесленника, они рассматриваются как его порождение, подобно тому как у простонародья повивальная бабка именуется матерью» («Leviathan», в книге «English Works of Th. Hobbes», edit. by Molesworth, London, 1839—1844, том III, стр. 75) [Русский перевод: *Гоббс, Томас.* Левиафан, или Материя, форума и власть государства церковного и гражданского. М., 1936, стр. 90].

Продукт умственного труда — наука — всегда ценится далеко ниже ее стоимости, потому что рабочее время, необходимое для ее воспроизведения, не идет ни в какое сравнение с тем рабочим временем, которое требуется для того, чтобы первоначально ее произвести. Так, например, теорему о биноме школьник может выучить в течение одного часа.

Рабочая сила:

«Стоимость, или *ценность, человека,* как и всех других вещей, — это его цена, т. е. она составляет столько, сколько можно дать *за пользование его силой»* (там же, стр. 76) [Русский перевод, стр. 90]. *«Труд человека»* (стало быть, «пользование его рабочей силой») «тоже является *товаром,* который можно с пользой обменять точно так же, как и всякую другую *вещь»* (там же, стр. 233) [Русский перевод, стр. 196].

Производительный и непроизводительный труд:

«Недостаточно, чтобы человек только *трудился* для поддержания своего существования: он должен также *сражаться,* в случае необходимости, для *защиты своего труда.* Люди должны либо поступать так, как поступали, возвратившись из плена, евреи, когда они при восстановлении храма одной рукой строили, а в другой держали меч; либо же должны нанимать других, чтобы те сражались за них» (там же, стр. 333) [Русский перевод, стр. 262]. [XX—1291a]

[2)] ИЗ ОБЛАСТИ ИСТОРИИ: ПЕТТИ

[ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ К НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫМ ПРОФЕССИЯМ. ЗАЧАТКИ ТРУДОВОЙ ТЕОРИИ СТОИМОСТИ. ПОПЫТКА ОБЪЯСНИТЬ НА ОСНОВЕ ТЕОРИИ СТОИМОСТИ ЗАРАБОТНУЮ ПЛАТУ, ЗЕМЕЛЬНУЮ РЕНТУ, ЦЕНУ ЗЕМЛИ И ПРОЦЕНТ]

[XXII—1346] *Petty.* A Treatise of Taxes and Contributions. London, 1667.

У нашего приятеля Петти[121] «теория народонаселения» совершенно другая, чем у Мальтуса. По мнению Петти, следовало бы поставить препятствие для «размножения» пасторов и восстановить безбрачие духовенства.

Все это относится к разделу о *производительном и непроизводительном труде*[122].

a) Пасторы:

«Так как в Англии больше мужчин, чем женщин.., то было бы хорошо, если бы священники *вернулись к* безбрачию, другими словами, если бы никто, будучи женатым, не мог получить духовный сан... И тогда наш *неженатый пастор* мог бы жить на *половину* церковного дохода так же хорошо, как он теперь живет на весь свой церковный доход» (стр. 7—8) [Русский перевод, стр. 20].

b) Купцы и лавочники:

«Из числа их также можно было бы сократить значительную часть; ведь они по сути дела не заслуживают того, чтобы получать что-либо от общества, являясь лишь своего рода игроками, которые ведут между собой [1347] азартную игру за счет труда бедняков, сами же не доставляют никакого продукта и только распределяют по разным направлениям, подобно венам и артериям, кровь и питательные соки общественного тела, т. е. продукцию сельского хозяйства и промышленности» (стр. 10) [Русский перевод, стр. 22].

c) Адвокаты, врачи, чиновники и т. д.:

«Если бы были сокращены многочисленные должности и жалованья, связанные с *управлением, судом* и *церковью,* а также число духовных лиц, адвокатов, врачей, купцов и лавочников, которые все получают *крупные*

вознаграждения за незначительную работу, совершаемую ими для общества, то насколько легче было бы покрывать общественные расходы!» (стр. 11) [Русский перевод, стр. 22].

d) Пауперы: «избыточные люди» [supernumeraries]:

«Кто должен оплачивать этих людей? Я отвечаю: все... Для меня ясно, что они не должны ни умереть с голоду, ни быть повешены, ни быть отданы за границу», и т. д. (стр. 12) [Русский перевод, стр. 23—24]. Необходимо либо дать им «избыточные продукты», либо же, если таковых не имеется, «если *излишка нет,... немного сократить* изысканность питания других в количественном или в качественном отношении» (стр. 12—13) [Русский перевод, стр. 24]. Какую работу возлагать на этих «избыточных людей», это безразлично, лишь бы только она «не требовала расходования иностранных товаров». Главное заключается в том, чтобы «приучать сознание этих людей к дисциплине и повиновению, а их тела — к выносливости, которая потребуется от них при более полезной работе, когда в ней появится нужда» (стр. 13) [Русский перевод, стр. 24]. «Лучше всего использовать их для постройки дорог, мостов, для разработки рудников и т. д.» (стр. 12) [Русский перевод, стр. 23].

Население — богатство:

«Малочисленность населения — это действительная бедность. Народ, насчитывающий 8 миллионов, более чем вдвое богаче того народа, который на такой же территории насчитывает только 4 миллиона» (стр. 16) [Русский перевод, стр. 27].

К пункту *а* выше *(Пасторы).* О попах Петти говорит с утонченной иронией:

«Религия лучше всего процветает там, где священники больше всего умерщвляют свою плоть, подобно тому как... право... лучше всего процветает там, где адвокаты имеют наименьшие заработки» (стр. 57) [Русский перевод, стр. 64]. При всех обстоятельствах он советует пасторам *«не плодить духовных лиц больше,* чем могут поглотить существующие в настоящее время *церковные приходы».* Например, допустим, что в Англии и Уэльсе имеется 12000 церковных приходов. В таком случае «будет неблагоразумно наплодить 24000 священников». Ибо тогда 12000 необеспеченных вступят в конкурентную борьбу с теми, которые имеют приходы, «а это им легче всего сделать, убеждая людей в том, что 12000 обладателей приходов отравляют или иссушают их души» (намек на английскую религиозную войну) «и сбивают их с пути, ведущего в царство небесное» (стр. 57) [Русский перевод, стр. 64].

Происхождение прибавочной стоимости и ее исчисление. Изложение этой темы идет несколько беспорядочно, мысль напряженно борется в поисках подходящего выражения, но при всем этом разбросанные там и сям меткие замечания образуют некоторое связное целое.

Петти различает «естественную цену», «политическую цену» и «истинную рыночную цену» (стр. 67) [Русский перевод, стр. 73]. Под *«естественной ценой»* он понимает по сути дела *стоимость,* и это только и интересует нас здесь, так как [1348]

от *определения стоимости зависит* и определение прибавочной стоимости.

В рассматриваемом нами произведении Петти по сути дела определяет *стоимость товаров* сравнительным *количеством* содержащегося в них *труда.*

«Но прежде чем распространяться о *рентах,* мы должны попытаться объяснить таинственную природу их, с одной стороны, в отношении *денег, рента с которых называемся процентом,* а с другой стороны — в отношении ренты с *земель и домов»* (стр. 23) [Русский перевод, стр. 33].

Прежде всего спрашивается: что такое *стоимость* товара, в частности хлеба?

α*)* «Если одну унцию серебра можно добыть и доставить в Лондон из перуанских рудников с *такой же затратой времени,* какая необходима для производства одного бушеля хлеба, то первый из этих продуктов будет составлять естественную цену второго; и если вследствие открытия новых, более богатых рудников две унции серебра можно будет добывать так же легко, как теперь одну, то caeteris paribus* хлеб будет так же дешев при цене в 10 шилл. за бушель, как теперь при цене в 5 шилл.» (стр. 31) [Русский перевод, стр. 40]. «Допустим, что производство одного бушеля хлеба и *производство одной унции серебра* требуют *равного труда»* (стр. 66) [Русский перевод, стр. 72]. Это прежде всего и есть «действительный, а не мнимый путь исчисления цен товаров» (стр. 66) [Русский перевод, стр. 72].

β) Вторым пунктом, подлежащим исследованию, является *стоимость труда.*

«Закон... *должен обеспечивать рабочему только самое необходимое для жизни;* ибо если рабочему давать вдвое больше необходимого, то он будет работать только наполовину по сравнению с тем, сколько он мог бы работать и фактически работал бы без такого удвоения заработной платы, а *это для общества означает потерю продукта соответствующего количества труда»* (стр. 64) [Русский перевод, стр. 70—71].

Стоимость труда определяется, стало быть, необходимыми жизненными средствами. Рабочий только потому обречен на производство прибавочного продукта и на прибавочный труд, что его вынуждают употреблять всю свою годную к делу рабочую силу [Arbeitskraft] для того, чтобы сам он получил *только самое необходимое для жизни.* А дешевизна или дороговизна его труда определяется двумя обстоятельствами: природным плодородием почвы и размерами издержек (потребностей), обусловленных климатом.

«Естественная *дороговизна или дешевизна* зависит от того, *больше или, меньше требуется рук для удовлетворения естественных потребностей* (так, хлеб дешевле там, где *один человек* производит его для десятерых, чем там, где один в состоянии делать это только для шестерых); а кроме

* — при прочих равных условиях. *Ред.*

того, от климата, поскольку он принуждает людей в одних случаях к большим издержкам, в других случаях — к меньшим» (стр. 67) [Русский перевод, стр. 73].

γ) Для Петти *прибавочная стоимость* существует только в двух формах: *рента с земли* и *рента с денег* (процент). Последнюю он выводит из первой. Первая для него, как позднее для физиократов, является *истинной формой* прибавочной стоимости. (Но Петти тут же заявляет, что под хлебом он подразумевает

«все необходимое для жизни, как это понимается под словом «хлеб» в молитве «Отче наш»».)

В своем изложении он не только изображает ренту (прибавочную стоимость) как избыток, извлекаемый предпринимателем сверх необходимого рабочего времени, но и трактует этот избыток как избыток прибавочного труда самого производителя над причитающейся ему заработной платой и возмещением его собственного капитала.

«Допустим, что какой-нибудь человек своими собственными руками возделывает под зерновой хлеб определенный участок земли, т. е. вскапывает или вспахивает его, боронит, очищает от сорняков, снимает урожай, увозит снопы домой, молотит и веет, как этого требует земледелие в данной стране, и что он, к тому же, обладает *семенами,* чтобы засеять этот участок земли. Я утверждаю, что когда этот человек *вычтет из подученного им урожая свои семена»* (т. е.. во-первых, вычтет из продукта эквивалент постоянного капитала), [1349] «а также все то, что он сам съел и что он отдал другим в обмен на одежду и другие предметы, необходимые для удовлетворения насущных потребностей, то *остаток хлеба* составит *естественную и истинную ренту с земли за этот год;* а *среднее за семь лет* или, вернее, за тот ряд лет, в течение которого недороды чередуются с хорошими урожаями, дает обычную ренту с земли, выраженную в хлебе» (стр. 23—24) [Русский перевод, стр. 34].

Стало быть, так как стоимость хлеба определяется у Петти содержащимся в нем рабочим временем и так как рента есть у него то, что остается от совокупного продукта после того, как из этого продукта будут вычтены заработная плата и семена, то эта рента равняется прибавочному продукту, в котором овеществляется прибавочный труд. Рента здесь включает в себя прибыль; прибыль еще не отделена от ренты.

С такой же остротой ума Петти затем ставит следующий вопрос:

«Но здесь может возникнуть дальнейший, хотя и побочный, вопрос: *какому количеству английских денег равняется по своей стоимости этот хлеб, или эта рента?* Я отвечаю: такому количеству денег, которое *в течение одинакового времени* может сберечь другой индивидуум, за вычетом всех его издержек, если он целиком займется производством денег. А именно, предположим, что другой человек отправляется в такую страну, где имеется серебро, выкапывает его там из земли, очищает его, доставляет

его в ту же местность, где первый возделывает свой зерновой хлеб, чеканит из него монеты, и т. д., и при этом в течение всего времени своей работы над серебром приобретает себе необходимую пищу, одежду и т. д. Тогда серебро *одного должно признаваться равным по своей стоимости зерновому хлебу другого.* Если серебра имеется, например, 20 унций, а зернового хлеба 20 бушелей, то унция серебра будет представлять собой цену бушеля этого хлеба» (стр. 24) [Русский перевод, стр. 34].

При этом Петти определенно указывает на то, что различие видов труда не имеет здесь никакого значения — все зависит только от *рабочего времени:*

«Хотя, быть может, производство серебра требует большего искусства и связано с большим риском, чем производство хлеба, но в общем итоге все сводится к одному и тому же. Допустим, что сто человек производят *в течение десяти лет* хлеб и что *такое же число людей столько же времени* затрачивает на добычу серебра; я говорю, что *чистая добыча* серебра будет *ценой всего чистого сбора хлеба* и одинаковые части первого составят цену одинаковых частей второго» (стр. 24) [Русский перевод, стр. 34].

После того как Петти таким путем определил *ренту,* которая здесь равна всей *прибавочной стоимости* (включая сюда и прибыль), и нашел ее денежное выражение, он приступает к определению *денежной стоимости земли,* что опять весьма гениально.

«Итак, мы были бы рады определить *естественную стоимость* свободно продаваемой земли, хотя бы и не лучше, чем мы определили стоимость ususfructus'a*, о которой говорилось выше... После того как мы определили *ренту, или стоимость ususfructus'a за год,* возникает вопрос, *какой сумме годичных рент* естественно равна по своей стоимости свободно продаваемая земля. Если мы скажем: бесконечному числу, то стоимость одного акра земли (так как бесконечность единиц равна бесконечности тысяч) будет равна стоимости тысячи акров такой же самой земли, что нелепо. Поэтому мы должны взять какое-нибудь *ограниченное число* лет, и я полагаю, что таким числом будет то число лет, которое могут рассчитывать еще прожить живущие одновременно представители трех поколений, из коих одному 50 лет, второму 28, третьему 7, т. е. дед, отец и сын. Ведь мало кто имеет основание заботиться о более отдаленном потомстве... Вот почему я принимаю, что *число годичных рент, составляющих естественную стоимость какого-нибудь участка земли,* равняется обычной [1350] продолжительности совместной жизни трех таких лиц. У нас в Англии эта продолжительность считается равной двадцати одному году. Следовательно, *стоимость земли* равна приблизительно *такому же числу годичных рент»* (стр. 25—26) [Русский перевод, стр. 35—36].

После того как Петти свел ренту к *прибавочному труду* и, следовательно, к *прибавочной стоимости,* он заявляет, что земля — это не что иное, как капитализированная рента, т. е. *определенная сумма годичных рент,* или сумма рент в продолжение определенного числа лет.

* — пользование чужой собственностью (главным образом земельной); здесь — в смысле чистого дохода с земли. *Ред.*

Рента капитализируется, т. е. исчисляется как стоимость земли, в действительности следующим образом:

Пусть акр земли приносит ежегодно 10 ф. ст. ренты. Если процентная ставка равна 5, то 10 ф. ст. представляют проценты с капитала в 200 ф. ст., и так как при 5% проценты возмещают капитал в 20 лет, то стоимость акра земли была бы равна 200 ф. ст. (20 × 10). Капитализация ренты зависит, стало быть, от высоты процентной ставки. Если бы процентная ставка была равна 10, то 10 ф. ст. представляли бы проценты с капитала в 100 ф. ст., другими словами — с суммы дохода за десять лет.

Однако Петти, — так как он исходит из *земельной ренты* как всеобщей формы прибавочной стоимости, включающей в себя прибыль, — не может предполагать процент с капитала как нечто данное, а должен, наоборот, выводить его из ренты как ее *особую форму* (как это делает также и Тюрго, что вполне последовательно с его точки зрения). Но как же в таком случае определить то число лет, т. е. то число годичных рент, которое образует *стоимость земли?* Для человека [рассуждает Петти] представляет интерес купить лишь столько годичных рент, сколько лет ему надо «заботиться» о себе и своем ближайшем потомстве, т. е. сколько лет живет *средний человек* — дед, отец и ребенок. А это составляет 21 год по «английской» оценке. Следовательно, для него не имеет значения то, что лежит за пределами 21-летнего «ususfructus'а». Поэтому он оплачивает «ususfructus» двадцати одного года, что и образует *стоимость земли.*

Этим остроумным способом Петти выручает себя из затруднения; но важно при этом то,

что, во-первых, *рента,* как выражение совокупной *сельскохозяйственной прибавочной стоимости,* выводится не из земли, а из труда и определяется как созданный трудом избыток над тем, что необходимо для поддержания жизни работника;

что, во-вторых, *стоимость земли* оказывается не чем иным, как наперед закупленной на определенное число лет рентой, такой *превращенной* формой самой ренты, в которой прибавочная стоимость (или прибавочный труд) стольких-то лет (например, 21 года) выступает как *стоимость земли;* короче говоря, *стоимость земли* оказывается не чем иным, как *капитализированной рентой.*

Так глубоко проникает Петти в сущность вопроса. С точки зрения *покупателя* ренты (т. е. покупателя земли) *рента* выступает, таким образом, просто как *процент с его капитала,* с того капитала, на который он ее купил, а в этой форме рента

становится совершенно неузнаваемой и выступает как *приносимый капиталом процент.*

Определив таким путем *стоимость земли* и *стоимость годичной ренты,* Петти может теперь вывести «ренту с денег», или ссудный процент, как вторичную форму:

«Что касается *ссудного процента,* то он по меньшей мере должен быть равен *ренте с такого количества земли, которое можно купить за отдаваемые в ссуду деньги,* если при этом обеспеченность возвращения ссуды не вызывает сомнений» (стр. 28) [Русский перевод, стр. 38].

Здесь процент определяется *ценой ренты,* между тем как в действительности, наоборот, *цена ренты,* или *покупная стоимость земли,* определяется уровнем процента. Но это вполне последовательно, так как *рента* изображается у Петти как всеобщая форма прибавочной стоимости и вследствие этого *процент с денег* должен выводиться им из ренты как вторичная форма.

Дифференциальная рента. У Петти мы находим также и первое понятие о дифференциальной ренте. Он выводит ее не из *различного* плодородия земельных участков одинаковой величины, а из *различного местоположения,* из различного расстояния от рынка при *одинаковом плодородии земельных участков,* что, как известно, является одним из элементов дифференциальной ренты. Он говорит:

[1351] «Подобно тому как большой спрос на деньги повышает денежный курс, так большой спрос на хлеб повышает *цену хлеба,* а *вследствие этого* и *ренту с земли, на которой растет хлеб»*

(здесь, стало быть, прямо сказано, что ренту определяет *цена* хлеба, подобно тому как уже из предыдущего изложения следует, что *стоимость* хлеба рентой не определяется),

«и, *в конце концов, цену самой земли.* Если, например, хлеб, которым питается Лондон или какая-нибудь армия, доставляется туда из мест, отстоящих на 40 миль, то *хлеб, растущий на расстоянии только одной мили от Лондона* или от места расквартирования армии, *принесет столько сверх своей естественной цены,* сколько составляют издержки перевозки на 39 миль... Отсюда получается, что поблизости от населенных мест, для пропитания которых нужны большие районы, земли не только приносят по этой причине *более высокую ренту,* но и стоят большей суммы годичных рент, чем *земли совершенно таково же качества,* но находящиеся в более отдаленных местах», и т. д. (стр. 29) [Русский перевод, стр. 38—39].

Петти упоминает также и о второй причине дифференциальной ренты, о *различном плодородии* земли и, следовательно, и *различной производительности* труда на землях одинакового размера:

«Богатство или скудость земли, или ее ценность, зависит от отношения той, большей или меньшей, доли приносимого ею продукта,

которая уплачивается за пользование ею, к простому труду, затраченному на выращивание указанного продукта» (стр. 67) [Русский перевод, стр. 73].

Таким образом, Петти объяснил дифференциальную ренту *лучше, чем Адам Смит.* [XXII—1351]

* * *

[XXII—1397] *Дополнения из «A Treatise of Taxes and Contributions»* (издание 1667 года).

1) *О массе находящихся в обращении денег,* необходимой для данной страны, стр. 16—17 [Русский перевод, стр. 27—28].

Взгляд Петти на *производство, взятое в целом,* проявляется в следующей фразе:

«Если на данной территории живет 1000 человек и 100 из них в состоянии производить необходимую пищу и одежду для всей тысячи; если следующие 200 производят столько товаров, сколько другие страны готовы брать в обмен на свои товары или на деньги, и если следующие 400 заняты созданием украшений, удовольствий и великолепия для всей страны в целом; если, наконец, 200 человек являются правителями, духовными лицами, юристами, врачами, купцами и лавочниками — всего, стало быть, 900 человек, — то возникает вопрос» и т. д. — относительно пауперов («supernumeraries»*) (стр. 12) [Русский перевод, стр. 24].

При исследовании ренты и ее денежного выражения, где Петти берет за основу *«равный труд»*** (равные количества труда), он замечает:

«Я утверждаю, что это является *основой* для *уравнивания и взвешивания стоимостей;* однако я должен сознаться, что в надстройках, возвышающихся на этой основе, и в практических ее применениях имеет место большое разнообразие и большая сложность» (стр. 25) [Русский перевод, стр. 35].

[1398] 2) Что очень занимало Петти, это — «естественное отношение равенства между землей и трудом».

«Наши серебряные и золотые монеты имеют различные названия, таковы в Англии: фунты, шиллинги, пенсы, и каждая из этих монет может быть выражена как сумма или часть любой другой. Но по этому поводу мне хочется сказать вот что: *оценку* всех вещей следовало бы *привести к двум естественным знаменателям — к земле и к труду;* т. е. нам следовало бы говорить: стоимость корабля или сюртука равна стоимости такого-то и такого-то количества земли плюс такое-то и такое-то количество труда, так как оба они — и корабль и сюртук — *произведены землей и человеческим трудом.* А раз это так, то нам было бы весьма желательно найти *естественное отношение равенства между землей и трудом,* чтобы быть в состоянии выражать стоимость при помощи какого-нибудь

* — «избыточных людей». *Ред.*
** См. настоящий том, часть I, стр. 358. *Ред.*

одного из этих двух факторов нисколько не хуже (или даже еще лучше), чем при-помощи обоих вместе, и чтобы можно было так же легко и надежно сводить один из них к другому, как пенсы к фунтам».

Поэтому он и ищет *«естественную, стоимость* свободно продаваемой земли», после того как он нашел денежное выражение ренты (стр. 25) [Русский перевод, стр. 35].

У Петти беспорядочно переплетаются троякого рода определения:

a) Величина стоимости, которая определяется равным рабочим временем, причем *труд* рассматривается *как источник стоимости.*

b) Стоимость как форма общественного труда. Поэтому деньги выступают как *истинная форма стоимости,* хотя в других местах Петти опрокидывает все иллюзии монетарной системы. Здесь у него, стало быть, намечается *определение понятия.*

c) Смешение труда как источника меновой стоимости с трудом как источником потребительной стоимости, где труд предполагает вещество природы (землю). По сути дела у Петти, когда он устанавливает «отношение равенства» между трудом и землей, свободно продаваемая земля изображается как *капитализированная рента* — стало быть, Петти говорит здесь не о земле как веществе природы, с которым имеет дело реальный труд.

3) По вопросу о *процентной ставке* Петти говорит:

«Я высказался в другом месте относительно того, насколько тщетно и бесплодно издавать *положительные гражданские законы,* противоречащие *законам природы»*

(т. е. законам, проистекающим из природы буржуазного производства) (стр. 29) [Русский перевод, стр. 38].

4) Относительно ренты: прибавочная стоимость как следствие возросшей производительности труда:

«Если бы можно было сделать названные графства более плодородными путем приложения большего, чем теперь, количества труда (например, посредством того, чтобы вспахивание земли заменить ее вскапыванием, сеяние заменить посадкой, употребление семян без разбора — их сортировкой и отбором лучших, применение семян без всякой предварительной обработки — их размачиванием, удобрение почвы гнилой соломой — удобрением ее солями, и т. д.), то *рента* возросла бы тем больше, чем больше *увеличившийся доход превзошел бы увеличенный труд»* (стр. 32) [Русский перевод, стр. 41].

(Под увеличенным трудом здесь подразумевается возросшая *«цена труда»,* или *заработная плата.)*

5) *Повышение государством достоинства денег* (глава XIV) [Русский перевод, стр. 68—74].

6) Цитированное выше* место: «если рабочему давать вдвое больше необходимого, то он будет работать только наполовину...» — следует понимать так: если бы рабочий за 6 часов труда получал стоимость, создаваемую за эти 6 часов, то он получал бы *вдвое больше* того, что он получает теперь, когда ему за 12 часов платят стоимость, создаваемую за 6 часов. В таком случае он стал бы работать только 6 часов, что «для общества означает потерю» и т. д.

Petty. An Essay concerning the Multiplication of Mankind (1682 год). Разделение труда (стр. 35—36) [Русский перевод, стр. 231].

* * *

Petty. Political Anatomy of Ireland (1672 год) и «Verbum Sapienti» (лондонское издание 1691 года).

1) «Это приводит меня к важнейшему вопросу *политической экономии,* к вопросу о том, как составить *отношение равенства и уравнение* между землей и трудом, чтобы выражать стоимость любой вещи посредством только одного из этих двух факторов» (стр. 63) [Русский перевод, стр. 122].

По сути дела в основе такой постановки вопроса лежит лишь задача свести *стоимость* самой *земли* к *труду.*

[1399] 2) Эта работа написана позже, чем та, которая рассматривалась выше[123].

«Общей мерой стоимости является среднее *дневное пропитание взрослого человека,* а не *его дневной труд;* эта мера представляется столь же регулярной и постоянной, как стоимость чистого серебра... Поэтому я *определил стоимость* ирландской хижины *числом дневных пайков, израсходованных строителем при ее постройке»* (стр. 65) [Русский перевод, стр. 123].

Последнее звучит совсем физиократически.

«Дело не меняется от того, что одни едят больше других, так как под дневным пайком мы понимаем сотую часть того количества пищи, которое потребляется сотней людей самого разнообразного телосложения и которое дает им возможность жить, работать и размножаться» (стр. 64) [Русский перевод, стр. 122].

* См. настоящий том, часть I, стр. 358. *Ред.*

Но то, что Петти здесь ищет в *статистике* Ирландии, есть не *«общая* мера» стоимости, а мера *стоимостей* в том смысле, в каком мерой стоимостей являются *деньги.*

3) *Масса денег и богатство нации* («Verbum Sapienti», стр. 13) [Русский перевод, стр. 84—85].

4) *Капитал:*

«То, что мы называем богатством, капиталом или запасом нации и что является результатом прежнего, или прошлого, труда, не должно мыслиться как нечто отличное от действующих в настоящее время сил» (стр. 9) [Русский перевод, стр. 82].

5) *Производительная сила труда:*

«Мы сказали, что половина населения могла бы путем затраты весьма небольшого количества труда значительно обогатить королевство... Производством каких товаров должны эти люди заняться? На этот вопрос я отвечаю в общей форме: производством пищи и предметов необходимости для всего населения страны *посредством затраты труда небольшого числа людей;* этого можно достигнуть либо путем *большего напряжения труда,* либо путем *применения средств, сокращающих и облегчающих труд,* что равносильно тому результату, который люди тщетно надеялись получить от *полигамии.* Ибо тот, кто может выполнить один работу пяти человек, достигает такого же результата, как если бы он произвел на свет четырех взрослых работников» (стр. 22) [Русский перевод, стр. 88—89]. *«Пища* будет *наиболее дешева...* в том случае, когда она *производится при помощи меньшего, чем где бы то ни было, количества рабочих рук»* (стр. 23) [Русский перевод, стр. 89].

6) Цель и назначение человека (стр. 24).

7) О *деньгах* см. также «Quantulumcunque» (1682 год). [XXII—1399]

[3)] ПЕТТИ, СЭР ДАДЛИ НОРС, ЛОКК

[XXII—1397] Сравнение произведений Норса и Локка с работами Петти «Quantulumcunque» (1682), «A Treatise of Taxes and Contributions» (1662) и «The Political Anatomy of Ireland» (1672) показывает зависимость их от Петти 1) в вопросе о *снижении процентной ставки,* 2) в вопросе о повышении и снижении достоинства денег государством, 3) в том, что *Норс* называет процент «рентой с денег», и т. д.

Норс и *Локк* писали свои работы[124] одновременно, по одному и тому же поводу: *снижение процентной ставки* и *повышение достоинства денег государством.* Но развивают они самые противоположные взгляды. По Локку, *недостаток денег* в обращении является причиной высокой процентной ставки и вообще причиной того, что вещи не продаются по их действительным ценам и что они не приносят всех тех доходов, которые должны получаться из выручки, доставляемой этими вещами. Норс, наоборот, показывает, что причиной этого является не недостаток денег в обращении, а недостаток капитала или дохода. У него впервые появляется определенное понятие о *stock*[*]*,* или *капитале,* или вернее о *деньгах* в качестве всего лишь *формы капитала,* поскольку они не служат средством обращения. У *сэра Дадли Норса* мы имеем первое правильное понятие о проценте в противоположность представлению Локка. [XXII—1397]

[*] — запас, фонд, капитал. *Ред.*

[4)] ЛОКК

[ТРАКТОВКА РЕНТЫ И ПРОЦЕНТА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ БУРЖУАЗНОЙ ТЕОРИИ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА]

[XX—1291а] Если общее воззрение Локка на труд сопоставить с его воззрением на *происхождение процента* и *ренты,* — ибо прибавочная стоимость выступает у него только в этих определенных формах, — то прибавочная стоимость оказывается не чем иным, как *чужим трудом,* прибавочным трудом, присваивать который дают возможность своим собственникам земля и капитал, эти условия труда. А собственность на большее количество условий труда, чем то количество их, которое человек может использовать своим собственным трудом, представляет собой, по Локку, *политическое* изобретение, [1292а] находящееся в противоречии с естественноправовой основой частной собственности.

{У *Гоббса* труд тоже — единственный источник всякого богатства, если не считать тех даров природы, которые существуют в годной для немедленного потребления форме. Бог (природа)

«или *безвозмездно дает* роду человеческому необходимые для него вещи или же *продает* их ему *за труд»* («Leviathan», [стр. 232]) [Русский перевод, стр. 196].

Но у Гоббса собственность на землю распределяет по своему усмотрению суверен.}

Вот относящиеся сюда места из работ Локка:

«Хотя *земля* и все низшие твари принадлежат сообща всем людям, все же каждый человек обладает некоторой собственностью, заключающейся в его собственной личности, на которую никто, кроме него самого, но имеет никаких прав. Мы можем с полным основанием сказать, что труд его тела и произведения его рук по самой природе вещей принадлежат

ему. То, что человек извлек из предметов, созданных и предоставленных ему природой, он слил со своим трудом, с чем-то таким, что ему неотъемлемо принадлежит; и тем самым он делает это своей собственностью» («Of Government», книга II, глава 5; «Works», 7th edition, 1768, том II, стр. 229).

«Труд человека взял необходимые ему предметы из рук природы, где они были общей собственностью и принадлежали одинаково всем ее детям, и тем самым присвоил их себе» (там же, стр. 230).

«Тот же закон природы, который таким путем дает нам собственность, точно так же и ограничивает размеры этой собственности... Человек имеет право обратить своим трудом в свою собственность столько, сколько он может употребить на какие-нибудь нужды своей жизни прежде, чем этот предмет подвергнется порче. А то, что выходит за эти пределы, превышает его долю и принадлежит другим» (там же).

«Но главным предметом собственности являются теперь не *плоды земли* и т. д., а сама *земля...* Участок земли, имеющий такие размеры, что один человек может вспахать, засеять, удобрить, возделать его и потребить его произведения, составляет собственность этого человека. Человек как бы отгораживает его своим трудом от общего достояния» (там же).

«Как мы видим, подчинение земли человеческому труду, или ее возделывание, и владение ею — связаны друг с другом. Одно дало право на другое» (там же, стр. 231).

«Меру собственности природа правильно установила *в соответствии с тем, как далеко простираются труд человека* и его жизненные удобства: никто не мог бы подчинить себе своим трудом, или присвоить себе, все, и никто не мог бы потребить для удовлетворения своих потребностей больше, чем только незначительную часть всего этого; так что этим путем ни одному человеку невозможно было нарушить права другого или приобрести себе собственность в ущерб своему соседу... Первоначально эта мера ставила владению каждого человека очень скромные пределы и ограничивала это владение тем, что он мог себе присвоить, не нанося ущерба другому... *Еще и теперь,* хотя мир кажется переполненным, *можно было бы наделить* каждого собственностью в этом размере без ущерба для кого бы то ни было» (стр. 231—232).

Труд дает вещам почти всю их стоимость {value* означает у Локка потребительную стоимость, и труд берется как конкретный труд, а не с количественной его стороны; но измерение меновой стоимости трудом действительно основывается на том, что работник создает потребительную стоимость}. Тот остаток потребительной стоимости, который не может быть сведен к труду, есть, по Локку, дар природы, а потому, сам по себе, *общая собственность.* Поэтому Локк старается доказать не то положение, что собственность может быть приобретена еще и другими путями, кроме труда, — это противоречило бы его исходной точке зрения, — а то, каким образом индивидуальный труд, вопреки общей собственности на предметы природы, может создать индивидуальную собственность.

«В самом деле, именно *труд создает различия в стоимости всех вещей...* В продуктах земли, полезных для человеческой жизни,.. девяносто девять сотых следует отнести всецело на счет труда» (стр. 234).

* — стоимость, ценность. *Ред.*

«Таким образом, большую часть стоимости земли создает труд» (стр. 235).

«Хотя предметы природы даны всем сообща, но человек есть *господин над самим собой* и *владелец своей собственной личности,* ее действий и ее труда, и в качестве такового он в себе самом заключает великую основу собственности» (там же).

Итак, одним пределом собственности является *предел личного труда;* другой состоит в том, чтобы человек не накоплял предметов больше, чем он может использовать. Этот второй предел собственности расширяется (помимо прочего обмена) благодаря обмену недолговечных продуктов на *деньги:*

«Человек может накоплять этих *долговечных* вещей столько, сколько ему угодно, потому что выход за пределы его правомерной собственности» {если отвлечься от того *предела,* который ставится его личным трудом} «состоит не в том, что у него много имущества, а в том, что часть этого имущества портится, не принося ему никакой пользы. Поэтому и было введено употребление денег, этой долговечной вещи, которая может оставаться у человека, не подвергаясь порче, и которую люди принимают, по взаимному соглашению, в [1293a] обмен на действительно полезные, но недолговечные средства существования» (стр. 236).

Так возникает неравенство индивидуальной собственности, по *та мера, которая состоит в личном труде,* остается в силе.

«Этому неравенству в распределении вещей между частными собственниками люди придали такие размеры, которые — без посредства какого-либо особого договора — выходят за пределы, устанавливаемые обществом. Люди сделали все это возможным единственно только потому, что приписали стоимость золоту и серебру и молчаливо согласились на употребление денег» (стр. 237).

С этим надо сопоставить следующее место из сочинения Локка о проценте[125], не забывая притом, что, по его мнению, естественное право делает пределом собственности *личный труд:*

«Теперь мы посмотрим, каким образом деньги приобретают такую же природу, как и земля, принося определенный ежегодный доход, который мы называем процентом или лихвой. Ведь земля естественным образом производит нечто новое и полезное, ценное для человечества. Напротив, деньги бесплодны и ничего не производят, но зато они, в силу взаимного соглашения, *переносят ту прибыль, которая была вознаграждением за труд одного человека, в карман другого.* Это вызывается неравенством в распределении денег, неравенством, которое в области земельных отношений ведет к таким же последствиям, какие оно имеет в области денежных отношений... Если у тебя больше земли, чем ты можешь или хочешь обработать, а у другого ее меньше, то вследствие этого неравенства у тебя появляется арендатор твоей земли; и такое же неравенство в распределении денег... доставляет мне арендатора для моих денег; таким образом, *мои деньги приобретают, благодаря прилежанию заемщика, способность* производить для него в его предприятии более шести процентов, совершенно так же, как твоя земля имеет способность, *благодаря труду твоего арендатора,* родить плоды в количестве большем того,

которое составляет уплачиваемую им ренту» (folio edition of Locke's Works, 1740, vol. II [стр. 19])[126].

Тут у Локка отчасти был полемический интерес: он хотел показать земельным собственникам, что их рента ничем но отличается от процентов, взимаемых ростовщиком. Вследствие неравномерного распределения условий производства, и рента и процент «переносят ту прибыль, которая была вознаграждением за труд одного человека, в карман другого».

Взгляды Локка имеют тем более важное значение, что он является классическим выразителем правовых представлений буржуазного общества в противоположность феодальному; кроме того, его философия служила всей позднейшей английской политической экономии основой для всех ее представлений. [XX—1293a]

[5)] НОРС

[ДЕНЬГИ КАК КАПИТАЛ. РОСТ ТОРГОВЛИ КАК ПРИЧИНА ПОНИЖЕНИЯ ПРОЦЕНТА]

[XXIII—1418] *Sir Dudley North.* Discourses upon Trade. London, 1691 (Добавочная тетрадь *C)*[127].

Это сочинение, совершенно так же, как и экономические работы Локка, находится в непосредственной связи с сочинениями Петти и прямо опирается на них.

Сочинение Норса трактует главным образом о *торговом капитале* и постольку относится не сюда. В пределах рассматриваемого им круга вопросов Норс проявляет находчивость и мастерство.

В высшей степени замечательно, что со времени реставрации Карла II до середины XVIII века со стороны лендлордов беспрестанно раздаются жалобы на падение ренты (чему ведь и соответствует то, что цены на пшеницу, особенно с ? года[128], постоянно идут вниз). Хотя (со времен Калпепера и сэра Джозая Чайлда) класс промышленных капиталистов принимал большое участие в насильственном снижении процентной ставки, однако настоящими вдохновителями этого мероприятия были *земельные собственники. «Стоимость земли»* и «способы увеличения этой стоимости» выставляются на передний план в качестве национального интереса (совершенно так же, как, наоборот, начиная примерно с 1760 года возрастание рент, повышение стоимости земли, рост цен на хлеб, как и на другие продукты питания, и жалобы промышленных капиталистов по этому поводу образуют основу экономических исследований этого предмета).

Борьба между денежными людьми и земельными собственниками заполняет — за небольшими исключениями — все сто-

летие от 1650 до 1750 года, так как дворяне, которые жили на широкую ногу, к своему крайнему недовольству видели, как ростовщики забирают их в свои руки, а возникновение в конце XVII века новейшей системы кредита и государственного долга дало этим ростовщикам возможность успешно бороться с дворянами в области законодательства и т. д.

Уже *Петти* говорит о жалобах лендлордов на понижение рент и о их оппозиции против сельскохозяйственных улучшений (посмотреть соответствующее место)[129]. Он защищает ростовщика от лендлорда и ставит на одну доску ренту с денег и ренту с земли.

Локк сводит и ту и другую ренту к эксплуатации труда. Он занимает такую же позицию, как и Петти. Оба выступают против насильственного регулирования процента. Земельные собственники заметили, что с понижением процента *стоимость земли* возрастает. При данной величине ренты ее *капитализированное выражение,* т. е. стоимость земли, падает или возрастает в обратном отношении к величине процентной ставки.

Сэр Дадли Норс, в указанном выше сочинении, является третьим представителем этого направления, начало которому положил Петти.

Это первый вид восстания *капитала* против *земельной собственности.* Да и на самом деле *ростовщичество,* т. е. переход в руки ростовщика части доходов земельного собственника, было одним из главных средств для накопления капитала. Но против этой старомодной формы капитала промышленный капитал и капитал торговый выступают более или менее рука об руку с земельными собственниками.

«Как земельный собственник отдает внаем свою землю, так отдают внаем свой *капитал [stock]* те, которые владеют необходимым для торговли *капиталом,* но не обладают достаточным уменьем для употребления его в торговле или не любят беспокойств, связанных с этим делом. То, что они при этом получают, называется *процентом,* но это только *рента* с капитала»

{тут, как и у Петти, мы видим, что людям, только что вышедшим из средневековья, рента [1419] представляется первичной формой прибавочной стоимости},

«подобно тому как доход земельного собственника есть рента с земли. На некоторых языках выражения «наем земли» и «наем денег» являются общеупотребительными выражениями; так обстоит дело также и в некоторых графствах Англии. Таким образом, быть *земельным собственником [landlord]* — это то же, что быть *капиталистом [stocklord].* Первый имеет только то преимущество, что арендатор его земли не может ее унести, между тем как арендатору капитала легко это сделать. И поэтому земля должна давать *меньше прибыли,* чем капитал, который отдается внаем с большим риском» (стр. 4).

Процент. Норс, по-видимому, первый правильно понял процент, ибо, как это видно будет из нижеследующих цитат, он под словом *stock* понимает не просто деньги, а капитал (подобно тому как ведь и Петти различает *stock* и *деньги.* У Локка уровень процента определяется исключительно количеством находящихся в обращении денег. То же самое у Петти. *Посмотреть у Масси об этом):*

«Если будет больше заимодавцев чем заемщиков, то процентная ставка понизится... Дело обстоит не так, что низкий процент оживляет торговлю, а так, что с *ростом торговли капитал нации* понижает уровень процента» (стр. 4).

«Золото и серебро и делаемые из них монеты — не что иное, как меры и веса, при помощи которых торговля совершается с большим удобством, чем это было бы возможно без них; а кроме того они служат фондом, пригодным для того, чтобы *в этом виде откладывать излишек капитала»* (стр. 16).

Цена и деньги. Так как цена есть не что иное, как *эквивалент* товара, выраженный в *деньгах* и — когда речь идет о *продаже* — реализованный в них, т. е. так как в цене *товар* выражается как *меновая стоимость* с тем, чтобы потом быть превращенным снова в потребительные стоимости, то одним из первых шагов экономической мысли явилось усмотрение того, что золото и серебро фигурируют здесь не как таковые, а только как *форма существования меновой стоимости* самих товаров, как *момент их метаморфоза.* Норс выражает это очень хорошо для своего времени:

«Так как деньги... служат всеобщей мерой для купли и продажи, то всякий, кто имеет что-либо для продажи, но не находит покупателя, склонен думать, что причиной, по которой его товары не находят сбыта, является *недостаток денег в королевстве.* И вот повсюду раздаются жалобы на недостаток денег. Но это большая ошибка...

Что нужно тем людям, которые жалуются на недостаток денег? Начну с *нищего...* Ему нужны не деньги, а хлеб и другие предметы первой необходимости... На недостаток денег жалуется и фермер... Он думает, что если бы в стране было больше денег, то ему удалось бы получить лучшую цену за свои товары. Следовательно, не деньги нужны ему, а хорошая цена за его хлеб и скот, которые ему хотелось бы, но не удается продать... А почему ему не удается получить за них хорошую цену?.. 1) Либо потому, что в стране имеется слишком много хлеба и скота, так что большинство из тех людей, которые приходят на рынок, нуждается, подобно ему самому, в том, чтобы продать эти продукты, и только немногие нуждаются в том, чтобы купить их. 2) Либо потому, что прекращается обычная продажа этих продуктов за границу, вывоз их за границу, как это бывает во время войны, когда торговля небезопасна или запрещена. 3) Либо потому, что сокращается потребление, как это бывает тогда, когда люди из-за бедности тратят на жизнь меньше прежнего. Поэтому не увеличение количества звонкой монеты облегчило бы фермеру сбыт его товаров, а устранение этих трех причин, которые в действительности вызывают спад на рынке.

В таком же точно смысле нуждаются в деньгах купец и лавочник, а именно — они нуждаются в том, чтобы продать те товары, которыми они торгуют, и это — в результате того, что рынки не предъявляют достаточного спроса» (стр. 11—12)[130].

Далее, *капитал* есть *самовозрастающая стоимость,* между тем как при *образовании сокровищ* целью служит *кристаллизованная форма меновой стоимости* как таковая. Поэтому одно из самых первых открытий классической политической экономии состоит в том, что она усматривает противоположность между *образованием сокровищ* и *самовозрастанием денег,* т. е. трактует *деньги как капитал:*

«Ни один человек не становится богаче оттого, что он держит у себя все свое имущество в форме денег, золотой и серебряной посуды и т. д.; наоборот, он от этого беднеет. Богаче всех тот, чье имущество находится в *состоянии роста,* будь это сданная в аренду земля или отданные взаймы за проценты деньги или пущенные в торговлю товары» (стр. 11).

{Вот как говорит об этом Джон Беллерс в своих «Essays about the Poor, Manufactures, Trade, Plantations, and Immorality» etc., London, 1699:

«Деньги *возрастают* и приносят пользу только тогда, когда с ними расстаются; и подобно тому как для частного лица деньги бесполезны, если оно не отдает их в обмен на что-нибудь более ценное, так и вся масса денег, превышающая то, что абсолютно необходимо для внутренней торговли, есть мертвый капитал для королевства или нации и не приносит никакой прибыли той стране, которая их удерживает» (стр. 13).}

«Хотя всякий желает иметь их» (деньги), «однако никто не желает — или только очень немногие желают — держать их у себя, а все стараются немедленно избавиться от них, зная, что от всех тех денег, которые лежат мертвыми, надо ожидать не прибыли, а только верного убытка» *(Норс,* цит. соч., стр. 21).

[1420] *Деньги как мировые деньги*:

«Что касается торговли, то отдельная страна занимает в мире во всех отношениях такое же положение, какое город занимает в государстве и семья в городе» (стр. 14). «В этих торговых сношениях золото и серебро ничем не отличаются от других товаров: они берутся у тех, которые имеют их в избытке, и перевозятся туда, где замечается в них недостаток или предъявляется требование на них» (стр. 13).

Количество денег, которое может находиться в обращении, определяется товарным обменом:

«Сколько бы денег ни было доставлено из-за границы и сколько бы ни начеканили их внутри страны, все то, что превышает потребность в них, испытываемую национальной торговлей, является *просто-напросто драгоценным металлом* и будет рассматриваться только как таковой; и начеканенные деньги, подобно подержанным серебряным изделиям, будут продаваться только по их металлическому содержанию» (стр. 17—18).

Превращение денег в слитки, и наоборот (стр. 18) (Добавочная тетрадь C, стр. 13). *Оценка* и *взвешивание* денег. Колебательное движение (Добавочная тетрадь *C,* стр. 14)[131].

Ростовщичество, земельные собственники и торговля:

«Из тех денег, которые в нашей стране отдаются под проценты, едва ли одна десятая часть *размещена среди торговых людей,* использующих эти ссуды в своих предприятиях; в большинстве случаев деньги даются взаймы для поддержания роскоши, для покрытия расходов тех людей, которые хотя и владеют крупными имениями, однако тратят приносимые их имениями доходы быстрее, чем эти доходы к ним поступают, и, не желая продавать что-либо из своего имущества, предпочитают закладывать свои имения» *(Норс,* цит. соч., стр. 6—7). [XXIII—1420]

[6) БЕРКЛИ О ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ИСТОЧНИКЕ БОГАТСТВА]

[XIII—670a] «Разве не было бы ошибочным думать, что *земля сама по себе* есть *богатство?* И разве мы не должны рассматривать прежде всего трудовую деятельность народа как то, что образует богатство и делает богатством даже землю и серебро, которые не имели бы никакой стоимости, если бы они не были *средствами и стимулами к* трудовой деятельности?» (The Querist. By Dr. *G. Berkley.* London, 1750. Вопрос 38). [XlII-670a]

[7)] ЮМ И МАССИ

[а) ВОПРОС О ПРОЦЕНТЕ У МАССИ И ЮМА]

[XX—1293а] Анонимное сочинение Масси «An Essay on the Governing Causes of the Natural Rate of Interest» появилось в 1750 году; вторая часть «Essays» Юма, в которой находится очерк «Of Interest», вышла в 1752 году, т. е. двумя годами позже. Таким образом, приоритет принадлежит Масси. Юм выступает против Локка, а Масси против Петти и Локка, которые оба еще придерживались того взгляда, что высота процентной ставки зависит от количества находящихся в обращении денег и что на самом деле настоящим предметом займа являются деньги (а не капитал).

Масси решительнее, чем Юм, объявляет *процент* всего лишь частью прибыли. Юм занимается главным образом доказательством того, что стоимость денег не имеет значения для высоты процентной ставки, так как при данной пропорции между процентом и денежным капиталом (например, при 6%) 6 ф. ст. повышаются или понижаются в стоимости вместе с повышением или понижением стоимости 100 ф. ст. (значит — вместе с изменениями стоимости одного фунта стерлингов), но сама пропорция, выражаемая в данном случае числом 6, нисколько этим не затрагивается.

[б) ЮМ. ПАДЕНИЕ ПРИБЫЛИ И ПРОЦЕНТА В СВЯЗИ С РОСТОМ ТОРГОВЛИ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ]

Начнем с Юма.

«Все в мире покупается на труд» («Essays», vol. I, part II. London, 1764 [«Of Commerce»], стр. 289).

Высота процентной ставки зависит, по Юму, от спроса со стороны заемщиков и от предложения со стороны заимодавцев,— она зависит, стало быть, от спроса и предложения. А затем она существенным образом зависит от высоты

«прибылей, проистекающих из торговли» (там же [«Of Interest»], стр. 329). «Больший или меньший запас труда и товаров должен иметь большое влияние на уровень процента, так как на самом деле и фактически мы берем взаймы труд и товары, когда занимаем деньги под проценты» (там же, стр. 337). «Ни один человек не удовольствуется низкой прибылью там, где он может получить высокий процент; и ни один человек не удовольствуется низким процентом там, где он может получить высокую прибыль» (там же, стр. 335).

Высокий процент и высокая прибыль, оба являются выражением

«незначительного развития торговли и промышленности, а не недостатка золота и серебра. Низкий же процент указывает на обратное» (стр. 329).

[1294a] «Поэтому в таком государстве, где имеются одни только земельные собственники» (или, как Юм говорит дальше, «помещики и крестьяне»), «всегда должно быть много заемщиков, и процентная ставка должна быть высока» (стр. 330),

так как представители только наслаждающегося богатства со скуки гоняются за удовольствиями, а с другой стороны, производство, за исключением земледелия, имеет очень ограниченные размеры. Обратное происходит, как только получает развитие торговля. Купец всецело охвачен страстью к наживе. Для него

«нет большего удовольствия, чем видеть ежедневный рост своего состояния».

(Здесь в погоне за потребительными стоимостями сильно перевешивает погоня за меновой стоимостью, за абстрактным богатством.)

«И это является причиной того, почему торговля способствует росту бережливости и почему среди купцов скряги так же преобладают над мотами, как — в противоположность этому — моты преобладают над скрягами в среде земельных собственников» (стр. 333).

{*Непроизводительный труд*:

«Адвокаты и врачи не вызывают к жизни никакой производственной деятельности; больше того, они приобретают свои богатства только за счет других, так что они непременно уменьшают имущество кого-нибудь из своих сограждан в такой же степени, в какой они увеличивают свое собственное имущество» (стр. 333—334).}

«Итак, рост торговли влечет за собой увеличение количества заимодавцев и благодаря этому *вызывает понижение процентной ставки»* (стр. 334).

«*Низкий процент* и *низкая прибыль* в *торговле* — это две вещи, взаимно содействующие одна другой. *Обе они проистекают* из развития торговли, которое создает богатых купцов и увеличивает количество денежных людей. Там, где купцы владеют большими капиталами, — безразлично, представлены ли эти капиталы большим или небольшим количеством монет, — часто случается, что, когда они устают от торговых дел или когда их наследники не расположены или неспособны заниматься торговлей, значительная часть капиталов естественным образом ищет спокойного годового дохода. Большое предложение вызывает падение цены и заставляет заимодавцев соглашаться на низкую процентную ставку. Это соображение побуждает многих оставлять свои капиталы в торговле и скорее довольствоваться низкими прибылями, чем отдавать свои деньги в ссуду по еще более низким процентам. С другой стороны, когда торговля достигает значительного развития и начинает применять весьма крупные капиталы, то неизбежно *возникает соперничество среди купцов,* которое *уменьшает прибыли от торговли,* но в то же время увеличивает объем самой торговли. Падение прибыли в торговле заставляет купцов охотнее соглашаться на низкий процент, когда они оставляют торговые дела и начинают предаваться спокойному безделью. Поэтому, *бесполезно* исследовать, какое из этих обстоятельств — *низкий процент или низкая прибыль* — является *причиной* и какое *следствием.* Оба они проистекают из сильно развитой торговли и взаимно содействуют друг другу... Сильно развитая торговля, создавая крупные капиталы, понижает как процент, так и прибыль, и всякий раз как она понижает процент, ей в этом понижении помогает соответственное падение прибыли, и наоборот. Я могу добавить, что подобно тому как низкие прибыли проистекают из *роста торговли и промышленности,* так они в свою очередь способствуют дальнейшему росту торговли, удешевляя товары, увеличивая потребление и стимулируя промышленность. И таким образом... *процент* является *истинным барометром состояния государства,* и *низкая процентная ставка* есть почти безошибочный признак процветания народа» (там же, стр. 334-336).

[в) МАССИ. ПРОЦЕНТ КАК ЧАСТЬ ПРИБЫЛИ. ОБЪЯСНЕНИЕ ВЫСОТЫ ПРОЦЕНТА УРОВНЕМ ПРИБЫЛИ]

[J. Massie.] An Essay on the Governing Causes of the Natural Rate of Interest; wherein the Sentiments of Sir William Petty and Mr. Locke, on that Head, are considered. London, 1750.

«Из приведенных выдержек[132] видно следующее: господин Локк полагает, что естественный *уровень процента* определяется отношением имеющегося в стране количества денег к задолженности ее жителей друг другу, с одной стороны, и к ее торговле, с другой стороны; а сэр Уильям Петти ставит этот уровень процента в зависимость только от количества имеющихся в стране денег; так что они расходятся только по вопросу о роли задолженности» (стр. 14—15). [XX—1294a]

[XXI—1300] Богатые люди, «вместо того чтобы самим употреблять в дело свои деньги, отдают их взаймы другим для того, чтобы те извлекали из них прибыль и некоторую *часть этой прибыли* предоставляли владельцам денег. Но если богатство страны равномерно распределено между большим числом лиц, так что в ней мало таких людей, которые могли бы прокормить две семьи посредством помещения денег в торговлю, то *денежные займы не могут получить большого распространения;* ибо если

2000 ф. ст. принадлежат одному лицу, то оно может отдать их взаймы, так как на проценты с них можно содержать семью; если же они принадлежат десяти лицам, то эти последние не в состоянии отдавать их взаймы, так как проценты с них не могут прокормить десять семей» (стр. 23—24).

«Всякая попытка определить естественную норму процента, исходя из *той процентной ставки, которую правительство платит за ссужаемые ему деньги,* неизбежно обречена на неудачу. Опыт показывает, что между этой процентной ставкой и естественной нормой процента не бывает ни совпадения, ни соответствия, а разум говорит нам, что этого никогда и не может быть, потому что *естественная норма процента имеет свое основание в прибыли,* а *высота процента по государственным займам определяется нуждой,* причем прибыль имеет границы, а нужда их не имеет. Для дворянина, который берет взаймы деньги на улучшение своей земли, и для купца или промышленника, который занимает их для ведения своего предприятия, существуют определенные границы, дальше которых они нейдут: если с помощью взятых взаймы денег они в состоянии получить 10 процентов прибыли, то 5 процентов они могут отдать за полученную ссуду заимодавцу, но они не дадут ему 10 процентов. Напротив, у того, кто занимает из нужды, все определяется только степенью его нужды, а нужда не подчиняется никаким нормам» (стр. 31—32).

«Правомерность взимания процента зависит не от того, получает ли заемщик в самом деле *прибыль* с занятых им денег, а от того, могут ли эти деньги принести прибыль, если им дать правильное применение» (стр. 49). «Если *то, что заемщики платят в качестве процента* за занятые деньги, есть *часть той прибыли, которую способны принести занятые деньги,* то уровень *процента* всегда должен определяться этой *прибылью»* (стр. 49).

«Какая часть этой прибыли принадлежит по праву заемщику и какая заимодавцу? Определить это вообще могут только мнения тех, которые берут ссуды, и тех, которые дают их. Ибо определение того, что здесь правильно и что неправильно, является лишь результатом соглашения между людьми» (стр. 49).

«Однако это правило *дележа прибыли* применимо не к каждому отдельному заимодавцу и заемщику, а только к заимодавцам и заемщикам вообще. .. Исключительно большие и исключительно малые прибыли являются наградой за предприимчивость и расплатой за непредусмотрительность, до которых *заимодавцам нет решительно никакого дела;* ибо подобно тому как эти последние не несут убытка от указанной непредусмотрительности, так они не должны пользоваться выгодой от указанной предприимчивости. И то, что здесь сказано об *отдельных людях в одной и той же отрасли торговли или промышленности,* верно и в применении к *отдельным отраслям торговли или промышленности»* (стр. 50).

«Естественная норма процента определяется *прибылью торговых и промышленных предприятий»* (стр. 51).

Почему в Англии процентная ставка составляет теперь 4% вместо 8, как это было прежде? Потому, что тогда английские купцы

«получали прибыль вдвое большую, чем теперь».

Почему процентная ставка в Голландии равна 3, во Франции, Германии, Португалии — 5 и 6, в Вест-Индии и Ост-Индии — 9, в Турции — 12?

«Для всех этих случаев достаточно дать один общин ответ, состоящий в том, что торговая прибыль в этих различных странах отличается от той, которая получается у нас, и притом отличается так сильно, что этим вызываются все указанные различия в норме процента» (стр. 51).

А чем обусловливается падение прибыли? Внешней и внутренней конкуренцией:

«уменьшением внешней торговли» (в результате иностранной конкуренции) «или же тем, что *торговые люди один перед другим всё больше понижают цены своих товаров...* как потому, что им вообще необходимо продать что-нибудь, так и потому, что они, охваченные жадностью, стремятся продать возможно больше» (стр. 52—53).

«Торговая прибыль вообще определяется соотношением между *числом торговцев* и *размерами торговли»* (стр. 55). В Голландии, где отношение числа «людей, занятых в торговле, ко всему населению наибольшее,.. *норма процента самая низкая»;* в Турции, где в наибольшей степени имеет место обратное отношение, норма процента самая высокая (стр. 55—56).

[1301] «Чем определяется *соотношение между размерами торговли и числом торговцев?»* (стр. 57). «Стимулами к торговле»: вытекающей из природных условий необходимостью, свободой, соблюдением частных прав людей, общественной безопасностью (стр. 58).

«Нет двух таких стран, которые доставляли бы одинаковое число предметов необходимости в одинаковом изобилии и с *затратой на их производство одинакового количества труда.* Потребности людей возрастают и уменьшаются в зависимости от суровости или мягкости климата, в котором они живут. Поэтому *размеры торговли,* которую в силу необходимости вынуждены вести обитатели различных стран, не могут не быть различными, и степень этих различий нельзя определить иначе, чем степенью тепла или холода; из чего можно вывести то общее заключение, что *количество труда,* требующееся для содержания определенного количества населения, больше всего в странах с холодным климатом и меньше всего в странах с жарким климатом; ибо в холодных странах не только нужно больше одежды людям, но и земля нуждается в большей обработке, чем в жарких странах» (стр. 59). «Особого рода необходимость развивать торговлю присуща Голландии... Она проистекает из перенаселенности страны. Это обстоятельство, вместе с *необходимостью затрачивать много труда на постройку плотин и осушение почвы,* приводит к тому, что необходимость вести торговлю оказывается в Голландии более настоятельной, чем в какой бы то ни было другой части обитаемого мира» (стр. 60).

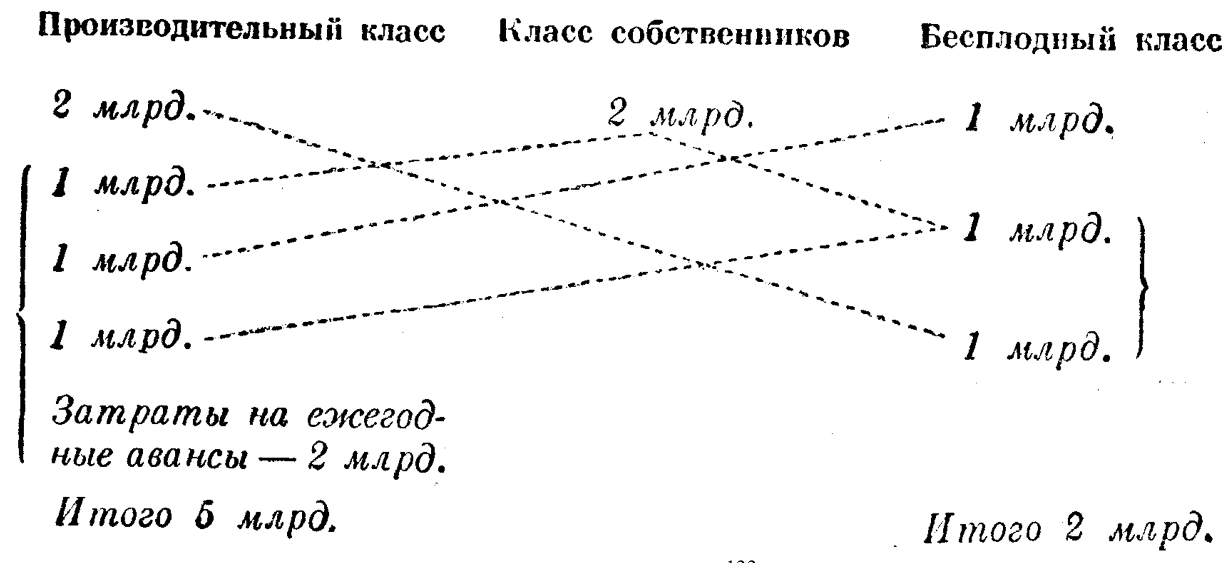
[г) ЗАКЛЮЧЕНИЕ]

Масси еще определеннее, чем Юм, изображает процент как всего лишь *часть прибыли.* Оба они объясняют падение процентной ставки накоплением капиталов (Масси говорит специально о конкуренции) и проистекающим отсюда падением прибыли. Оба одинаково мало занимаются вопросом об *источнике* самой *«торговой прибили».* [XXI—1301]

[8) ДОБАВЛЕНИЯ К ГЛАВАМ О ФИЗИОКРАТАХ]

[а) ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ОБ «ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТАБЛИЦЕ». ОШИБОЧНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ КЕНЭ]

[XXIII—1433]

Это — простейшая форма «Экономической таблицы»[133].

1) *Обращение денег* (предполагается, что платежи производятся только раз в год). Отправной точкой обращения денег является класс, производящий расходы, класс собственников, который не имеет никаких *товаров* для продажи, который покупает, ничего не продавая.

Собственники покупают на 1 млрд. у производительного класса, возвращая ему тот миллиард денег, которым он выплатил им ренту. (Тем самым реализуется $^1/_5$ сельскохозяйственного продукта.) На 1 млрд. они покупают у бесплодного класса, к которому таким образом притекает 1 млрд. деньгами. (Вместе с тем реализуется $^1/_2$ продукта промышленности.) Бесплодный

класс покупает на этот миллиард предметы питания у производительного класса, к которому таким образом притекает обратно еще 1 млрд. деньгами. (Тем самым реализуется вторая $^{1}/_{5}$ сельскохозяйственного продукта.) На этот же миллиард денег производительный класс покупает промышленные изделия стоимостью в 1 млрд., и этим он возмещает половину своих «авансов». (Вместе с тем реализуется вторая $^{1}/_{2}$ промышленной продукции.) Бесплодный класс покупает [1434] на этот самый миллиард денег сырье. (Тем самым реализуется еще $^{1}/_{5}$ сельскохозяйственного продукта.) Два миллиарда денег таким образом притекают обратно к производительному классу.

Остаются еще, следовательно, $^{2}/_{5}$ сельскохозяйственного продукта. $^{1}/_{5}$ потребляется в натуральной форме. В какой же форме происходит накопление второй $^{1}/_{5}$? Это следует разобрать в дальнейшем[134].

2) Даже с точки зрения самого Кенэ, согласно которой все принадлежащие к бесплодному классу являются на деле только наемными работниками, можно обнаружить в «Таблице» ошибочность предпосылок.

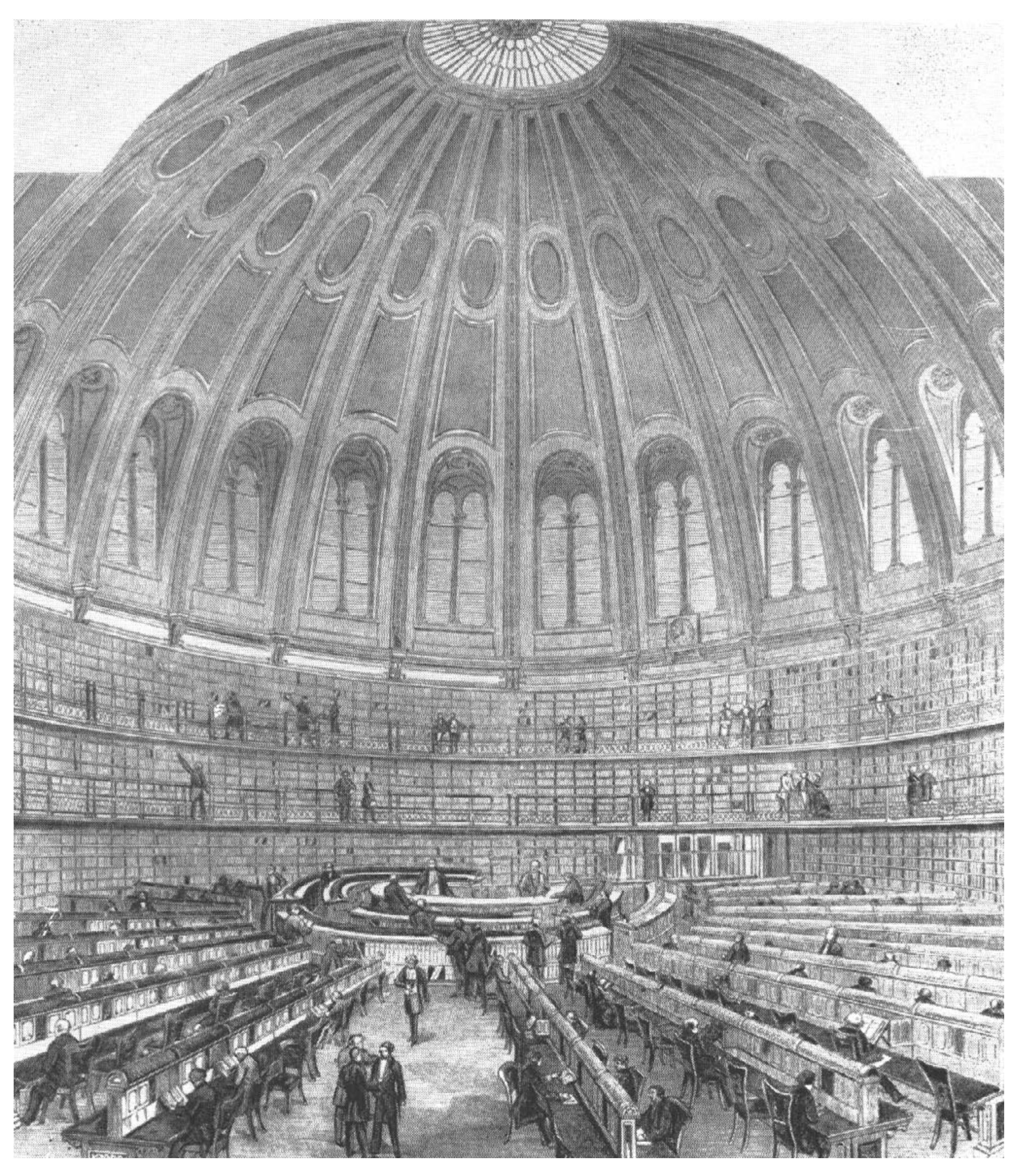
У производительного класса «первоначальные авансы» (основной капитал) предполагаются в размере, превышающем в пять раз «ежегодные авансы». Для бесплодного класса эта статья вовсе не упоминается, что, конечно, не мешает ей существовать.

Далее, неверно, что воспроизводство равняется 5 млрд. Согласно самой «Таблице», оно равняется 7 млрд.: 5 — на стороне производительного класса, 2 — на стороне бесплодного.

[б) ЧАСТИЧНЫЙ ВОЗВРАТ ОТДЕЛЬНЫХ ФИЗИОКРАТОВ К МЕРКАНТИЛИСТСКИМ ПРЕДСТАВЛЕНИЯМ. ТРЕБОВАНИЕ СВОБОДЫ КОНКУРЕНЦИИ У ФИЗИОКРАТОВ]

Продукт бесплодного класса равен 2 млрд. Этот продукт представляет собой результат сложения сырых материалов на 1 млрд. (материалов, которые таким образом частью входят в продукт, частью возмещают износ машин, вошедший в стоимость продукта) и предметов питания на 1 млрд., потребленных при обработке этого сырья.

Весь этот продукт бесплодный класс продает классу собственников и производительному классу, чтобы, *во-первых,* возместить «авансы» (в виде сырья), а *во-вторых,* получить сельскохозяйственные жизненные средства. У бесплодного класса не остается, следовательно, для собственного потребления *ни на грош промышленных изделий,* а о проценте или прибыли

Читальный зал Британского музея в Лондоне,
где Маркс работал над «Теориями прибавочной стоимости»
(с английской гравюры середины XIX века)

и говорить не приходится. Бодо (или Ле Трон) замечает это и объясняет дело тем, что бесплодный класс продает свой продукт *выше* его *стоимости;* то, что. он продает за 2 млрд., равняется, таким образом, 2 млрд. минус *x.* Стало быть, прибыль и даже то, что этот класс *сам* потребляет в виде промышленных изделий, относящихся к числу необходимых ему жизненных средств, — все это сводится, согласно указанному объяснению, только к тому, что этот класс *поднимает цену своих товаров выше их стоимости*[135]. Следовательно, тут физиократы неизбежным образом возвращаются к меркантилистской системе, к понятию *«прибыли от отчуждения».*

Поэтому они и полагают, что свободная конкуренция между промышленниками совершенно необходима для того, чтобы последние не слишком уж надували производительный класс, сельских хозяев. С другой стороны, эта свободная конкуренция нужна для того, чтобы сельскохозяйственный продукт продавался по *«хорошей* цене», т. е. чтобы его цена, благодаря вывозу его за границу, поднималась *выше* его первоначальной местной цены, так как предполагается страна, вывозящая пшеницу и т. д.

[в) ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ ФОРМУЛИРОВКА НЕВОЗМОЖНОСТИ УВЕЛИЧЕНИЯ СТОИМОСТИ В ОБМЕНЕ]

«Всякая купля есть продажа, и всякая продажа есть купля» *(Quesnay.* Dialogues sur le Commerce et sur les Travaux des Artisans и т. д., издание Дэра[136], стр. 170) [Русский перевод, стр. 414]. «Покупать — значит продавать, а продавать — значит покупать» (*Кенэ* у *Дюпон де Немура,* «Origine» и т. д., стр. 392)[137].

«Цена всегда предшествует покупкам и продажам. Если конкуренция продавцов и покупателей не привносит каких-либо изменений, цена остается такой же, какой она установилась в силу других причин, *не зависящих* от торговли» (стр. 148) [Русский перевод, стр. 384—385][138].

«Всегда можно предположить, что он» (обмен) «выгоден для обоих» (контрагентов), «так как обе стороны обеспечивают себе возможность пользоваться такими богатствами, которые они могут получить лишь посредством обмена. Но при этом всегда имеет место только обмен богатств *одной определенной стоимости* на другие богатства *равной стоимости,* и, следовательно, тут *не может быть никакого действительного увеличения богатств»* (надо было бы сказать: никакого действительного увеличения стоимости) (там же, стр. 197) [Русский перевод, стр. 482—483][139].

«Авансы» и *«капитал»* определенно отождествляются. *Накопление капиталов* как главное условие:

«Увеличение капиталов является, таким образом, *главным средством для приумножения труда* и приносит *наибольшую пользу обществу»* — и т. д. (*Кенэ* у *Дюпон дв Немура,* там же, стр. 391)[140]. [XXIII—1434]

[9) ВОСХВАЛЕНИЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ АРИСТОКРАТИИ У ЭПИГОНА ФИЗИОКРАТОВ ГРАФА ДЮ БЮА]

[XXII—1399] *Buat (comte du).* Elements de la politique, ou Recherche des vrais principes de l'economie sociale (6 томов). Лондон, 1773.

Этого слабого и многословного писателя, который внешнюю видимость физиократии принимает за ее сущность и всячески превозносит землевладельческую аристократию, — он прием-лет физиократию фактически лишь постольку, поскольку она соответствует подобной цели, — этого автора можно было бы и вовсе не упоминать, если бы грубо-буржуазный характер не обнаруживался у него так же резко, как впоследствии, скажем, у Рикардо. Ошибочный взгляд, будто «чистый продукт» ограничивается одной только рентой, нисколько не меняет дела.

Дю Бюа говорит то, что Рикардо затем повторяет относительно «чистого продукта» вообще[141]. Рабочие принадлежат к faux frais* и существуют только для того, чтобы владельцы «чистого продукта» «составляли общество» (см. относящиеся сюда места)[142]. Положение свободных рабочих рассматривается им как всего лишь измененная форма рабства, которая, однако, необходима, по его мнению, для того, чтобы высшие слои составляли «общество». {Также и у *Артура Юнга* «чистый продукт», прибавочная стоимость, трактуется как цель производства[143].}

[1400] В этой связи можно вспомнить то место у Рикардо, где он спорит со Смитом, считавшим наиболее производительным тот капитал, который применяет наибольшее количество рабочих[144]. Ср. у Бюа — том VI, стр. 51—52, 68—70; далее, отно-

---

* См. сноску на стр. 149. *Ред.*

сительно рабочего класса и рабства — том II, стр. 288, 297, 309; том III, стр. 74, 95—96, 103; том VI, стр. 43, 51; о том, что эти рабочие вынуждены выполнять прибавочный труд, а также о том, что означают «необходимейшие средства существования» — том VI, стр. 52—53.

Мы приведем здесь одно-единственное место, так как оно содержит неплохое возражение против болтовни о *риске,* которому-де вообще подвергается капиталист:

«Они» (купцы) «многим-де рисковали, чтобы много заработать. Но рисковали они либо людьми, либо товарами и деньгами. Если они ради наживы подвергали явной опасности людей, то они делали весьма дурное дело. Что же касается товаров, то определенную заслугу имеет тот человек, который их производит; но не может быть никакой заслуги в том, что эти товары подвергаются риску ради обогащения какого-нибудь одного человека», и т. д. (том II, стр. 297). [XXII—1400]

[10) ПОЛЕМИКА ПРОТИВ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ АРИСТОКРАТИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ФИЗИОКРАТОВ (АНОНИМНЫЙ АНГЛИЙСКИЙ АВТОР) [145]

[XXIII—1449] «The Essential Principles of the Wealth of Nations, illustrated, in opposition to some False Doctrines of Dr. Adam Smith, and others». London, 1797.

Автор этого сочинения знал работы Андерсона, так как в Приложении к своей книге он перепечатывает отрывок из сельскохозяйственного отчета Андерсона относительно графства Абердин.

Это — *единственное значительное* английское сочинение, прямо примыкающее к учению физиократов. Книжка *Уильяма Спенса* «Britain independent of commerce» (1807 год) — просто карикатура. Тот же самый Спенс выступал в 1814—1815 годах одним из самых фанатических защитников земельных собственников, отстаивавшим их интересы на основе физиократического учения, проповедующего... свободу торговли. Не нужно смешивать этого молодчика с *Томасом Спенсом,* смертельным врагом *частной собственности на землю.*

Сочинение «The Essential Principles» содержит прежде всего превосходное сжатое резюме физиократического учения.

Автор правильно прослеживает происхождение физиократических взглядов из взглядов *Локка* и *Вандерлинта.* Физиократов он изображает как таких авторов, которые

«весьма систематически, *хотя и не совсем правильно,* развивали» свое учение (стр. 4). См. об этом еще стр. 6 (выписки в *тетради H,* стр. 32—33)[146].

Из даваемого анонимным автором резюме физиократического учения очень хорошо видно, как *теория о воздержании,* которое позднейшие апологеты, а отчасти уже и Смит, изображают как основу образования капитала, прямым образом воз-

никла из того взгляда физиократов, что в промышленности и т. д. не создается *никакой прибавочной стоимости:*

«Затраты, идущие на применение и содержание ремесленников, мануфактуристов[147] и купцов, имеют своим результатом только *сохранение стоимости затраченных сумм* и поэтому непроизводительны» (ибо они не производят прибавочной стоимости). «Богатство общества ни в малейшей степени не может быть *увеличено* ремесленниками, мануфактуристами и купцами иначе как путем *сбережения и накопления ими части того, что предназначено на их ежедневное содержание.* Следовательно, *только путем воздержания и бережливости»* (теория воздержания Сениора и теория сбережения Адама Смита) «они могут прибавить что-нибудь к совокупному капиталу. Напротив, земледельцы могут потреблять весь свои доход и тем не менее обогащать в то же время государство; ибо их деятельность приносит прибавочный продукт, называемый рентой» (стр. 6).

«Класс людей, труд которых хотя и производит кое-что, но не больше того, что было издержано для поддержания этого труда, по всей справедливости может быть назван *непроизводительным классом»* (стр. 10).

Производство прибавочной стоимости надо строго отличать от ее «перемещения из рук в руки».

«Увеличение дохода» (т. е. *накопление}* «только косвенным образом является предметом изучения для экономистов[148]... Предметом их изучения является *производство и воспроизводство дохода»* (стр. 18).

И в этом-то и состоит большая заслуга физиократии. Физиократы ставят перед собой вопрос, как производится и воспроизводится *прибавочная стоимость* (у анонимного автора прибавочная стоимость называется «доходом»). Вопрос о том, как эта прибавочная стоимость *воспроизводится в более крупном масштабе,* т. е. как она увеличивается, возникает только во вторую очередь. Прежде всего необходимо вскрыть *категорию* прибавочной стоимости, [1450] раскрыть тайну ее производства.

Прибавочная стоимость и торговый капитал:

«Когда речь идет о *производстве* дохода, то совершенно нелогично подменять этот вопрос вопросом о *перемещении дохода из рук в руки, к* чему только и сводятся *все торговые сделки»* (стр. 22). «Слово *commerce*[*] означает не что иное, как *commutatio mercium*[**]... Иногда этот обмен более выгоден для одной стороны, чем для другой; но всегда то, что выигрывается одним, теряется другим, и торговая сделка между ними в действительности не *производит никакого увеличения богатства»* (стр. 23). «Если бы какой-нибудь еврей продал крону за 10 шилл. или фартинг королевы Анны за гинею[149], то он, несомненно, увеличил бы свой собственный доход, но он не увеличил бы этим *имеющегося количества драгоценных металлов;* и природа этой торговой сделки была бы одной и той же независимо от того, живет ли любящий редкости покупатель на одной улице с продавцом старинных монет или же во Франции или в Китае» (стр. 23).

---

[*] — торговля. *Ред.*
[**] — обмен товарами *Ред.*

У физиократов промышленная прибыль рассматривается как «прибыль от отчуждения», т. е. она объясняется меркантилистически. Поэтому наш англичанин делает правильный вывод, что эта прибыль только тогда является действительной прибылью, когда промышленные товары продаются за границей. Из меркантилистической предпосылки он делает правильный меркантилистический вывод.

«Ни один мануфактурист, как бы он сам ни обогащался, ничего не прибавляет к национальному доходу, если его товары продаются и потребляются внутри страны; ибо *покупатель* его товаров *теряет... ровно столько, сколько приобретает мануфактурист...* Здесь имеет место *обмен* между продавцом и покупателем, а не увеличение богатства (стр. 26). «Чтобы *компенсировать себя за отсутствие избытка,...* хозяин предприниматель набавляет 50% прибыли на свои издержки по заработной плате, или 6 пенсов на каждый шиллинг, выплачиваемый им мануфактурным рабочим... Если товар продается за границей», то это «будет *национальная прибыль»* с такого-то и такого-то числа «искусных в ремеслах рабочих» (стр. 27).

Автор очень хорошо излагает причины богатства Голландии. Рыбная ловля (следовало бы указать также и скотоводство). Монополия на восточные пряности. Фруктовое дело. Одалживание денег иностранцам (Добавочная тетрадь *H,* стр. 36—37)[150].

Мануфактуристы, — пишет наш автор, — «являются *необходимым* классом», но они не являются *«производительным классом»* (цит. соч., стр. 35). Они «вызывают только *замену* или *перемещение* того дохода, который был предварительно добыт земледельцем, и достигают они этого тем, что придают *долговечность* этому доходу в некоторой новой форме» (стр. 38).

Существует только четыре необходимых класса: 1) производительный класс, или земледельцы; 2) мануфактуристы; 3) защитники страны; 4) «класс учителей», которых он ставит на место фигурирующих у физиократов «получателей десятины», т. е. попов.

«Ведь всякое гражданское общество нуждается в питании, одежде, защите и образовании» (стр. 50—51).

Ошибка «экономистов» состоит в том, что *«получателей земельной ренты,* как *всего лишь получателей ренты,* они считали *производительным классом* общества... До некоторой степени они исправили свою ошибку, намекнув на то, что церковь и король должны содержаться за счет тех рент, которые получаются земельными собственниками. Д-р Смит..., у которого она» (указанная ошибка «экономистов») «проходит через *все его сочинение»* (это верно), «направляет свою критику как раз против здоровой части системы экономистов» (стр. 8).

[1451] Земельные собственники как таковые не только не являются *производительным* классом, но они даже не являются *необходимым классом* общества:

«Земельные собственники как всего лишь получатели земельной ренты *не составляют необходимого класса общества... Поскольку земельная рента отделяется от предназначенной ей конституцией цели — служить делу защиты государства,* получатели этой ренты, вместо того чтобы быть необходимым классом, становятся одним из самых ненужных и наиболее обременительных для общества классов» (стр. 51). См. дальнейшее об этом в Добавочной тетради *H,* стр. 38—39[151].

Все это очень хорошо, и эта полемика против получателей земельной ренты, развиваемая с физиократической точки зрения, *очень важна как завершение учения физиократов.*

Автор отмечает, что реальный *налог на землю* характерен для турок (цит. соч., стр. 59).

Земельный собственник облагает налогом не только наличные «улучшения земли», но часто также «предположения о будущих улучшениях» (стр. 63—64). Налог на ренту (стр. 65).

В отношении налогового обложения физиократическая доктрина осуществлялась *в старину* в Англии, Ирландии, феодальной Европе, империи Могола (стр. 93—94).

Земельный собственник как тот, кто облагает налогом (стр. 118).

Физиократическая ограниченность обнаруживается в следующем рассуждении (нет *понимания разделения труда):*

Предположим, что какой-нибудь часовщик или ситцевый фабрикант не может продать свои часы или свой ситец; тогда он попадает в самое затруднительное положение. Это показывает, «что мануфактурист обогащается только благодаря тому, что является *продавцом»*

(в действительности это показывает только то, что он свой продукт производит как *товар),*

«и что когда он перестает быть *продавцом,* его *прибыли* немедленно прекращаются»

(а как обстоит дело с прибылями фермера, не являющегося *продавцом?),*

«потому что они не естественные, а искусственные прибыли. Земледелец же... *может существовать,* преуспевать и увеличивать свое богатство, не *продавая* ничего» (стр. 38—39)

(но в таком случае он должен вместе с тем быть мануфактуристом).

Почему автор говорит только о часовщике или ситцевом фабриканте? С таким же правом можно предположить, что производитель угля, железа, льна, индиго и т. д. не в состоянии продать эти продукты или что даже производитель пшеницы не может продать свою пшеницу. Об этом очень хорошо говорит упомянутый выше Беарде де л'Аббеи[152]. Анонимному автору приходится выдвигать против *производства товаров*

производство для *непосредственного* потребления, в резком противоречии с тем обстоятельством, что самым главным для физиократов является, наоборот, *меновая стоимость.* Но этот последний момент проходит красной нитью и у нашего парня: *буржуазный* взгляд на вещи в рамках добуржуазного *способа представления*[153].

Наш аноним выступает против Артура Юнга, считавшего, что *высокие цены важны для процветания земледелия; но эти возражения Юнгу являются вместе с тем полемикой против физиократии* (пит. соч., стр. 65—78 и 118).

Прибавочная стоимость не может быть выведена из номинального повышения цены продавцами:

«Увеличение *номинальной стоимости продукта... не может обогатить продавцов,...* так как все то, что они выигрывают в качестве продавцов, они теряют в качество покупателей» (стр. 60).

В духе *Вандерлинта* написано следующее место:

«Пока для каждого безработного может быть найден участок земли, годный для обработки, ни один безработный не должен оставаться без земельного участка. Дома трудолюбия — хорошая вещь; но ноля трудолюбия гораздо лучше» (стр. 47).

Будучи вообще противником арендной системы, аноним все же отдает предпочтение аренде на длительный срок перед краткосрочной арендой, при которой собственность на землю только мешает производству и препятствует улучшению почвы (стр. 118—423). *(Ирландское арендное право.)*[154] [XXIII—1451]

[11) АПОЛОГЕТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ВСЕХ ПРОФЕССИЙ]

IV—182] Философ производит идеи, поэт — стихи, пастор — проповеди, профессор — руководства, и т. д. Преступник производит преступления. Если мы ближе присмотримся к той связи, которая существует между этой последней отраслью производства и обществом в целом, то освободимся от многих предрассудков. Преступник производит не только преступления, но и уголовное право, а потому и профессора, читающего курс уголовного права, и, вместе с этим, также и то неизбежное руководство, в форме которого этот самый профессор выбрасывает свои лекции, в качестве «товара», на всеобщий рынок товаров. Этим достигается-де увеличение национального богатства, не говоря уже о том личном наслаждении, которое рукопись такого руководства, — по заверению компетентного свидетеля, господина профессора Рошера, — доставляет самому автору.

Преступник производит, далее, всю полицию и всю уголовную юстицию, сыщиков, судей, палачей, присяжных и т. д., и все эти различные профессии, каждая из которых представляет собой определенную категорию общественного разделения труда, развивают различные способности человеческого духа, создают новые потребности и новые способы их удовлетворения. Уже одни только пытки дали толчок к остроумнейшим механическим изобретениям и обеспечили работой множество почтенных ремесленников, обратившихся к производству орудий пыток.

Преступник производит впечатление — то морально-назидательное, то трагическое, смотря по обстоятельствам, и тем самым оказывает определенную «услугу» в смысле возбуждения

моральных и эстетических чувств публики. Он производит не- только руководства по уголовному праву, не только уголовные кодексы, а стало быть и законодателей в этой области, но также и искусство, художественную литературу — романы и даже трагедии; доказательством этого служат не только «Вина» Мюльнера и «Разбойники» Шиллера, но даже «Эдип» и «Ричард III». Преступник нарушает однообразие буржуазной жизни, ее спокойное повседневное течение. Тем самым он предохраняет ее от застоя и порождает ту беспокойную напряженность и подвижность, без которой притупилось бы даже жало конкуренции. Этим он дает толчок производительным силам. В то время как преступления освобождают рынок труда от некоторой части избыточного населения и, ослабляя тем самым конкуренцию между рабочими, до известной степени препятствуют падению заработной платы ниже определенного минимума, — в это самое время борьба против преступлений поглощает некоторую другую часть избыточного населения. Выходит, таким образом, что преступник осуществляет одно из тех естественных «уравновешиваний», которые устанавливают надлежащий уровень и открывают поприще для целой вереницы «полезных» профессий.

Влияние преступника на развитие производительных сил можно было бы проследить до мелочен. Достигли ли бы замки их теперешнего совершенства, если бы не было воров? Получило ли бы изготовление банкнот такое усовершенствование, если бы не существовало [183] подделывателей денег? Проник ли бы микроскоп в обыкновенные торговые сферы (смотри Баббеджа), не будь в торговле обмана? Не обязана ли практическая химия своими успехами в такой же мере фальсификации товаров и стремлению ее обнаружить, в какой она ими обязана рвению честных производителей? Изобретая всё новые средства покушения на собственность, преступление вызывает к жизни всё новые средства защиты собственности и этим самым в такой же мере стимулирует производство, в какой забастовки стимулируют изобретение машин. И, — если покинуть сферу преступлений частных лиц, — мог ли бы без национальных преступлений возникнуть мировой рынок? Могли ли бы без них возникнуть сами нации? И разве древо греха не является со времен Адама вместе с тем и древом познания?

Уже Мандевиль в своей «Басне о пчелах» (1705) доказывал производительность всех возможных профессий и т. д., и у него уже видна общая тенденция всего этого рассуждения:

«То, что мы называем в этом мире злом, как моральным, так и физическим, является тем великим принципом, который делает нас социаль-

ными существами, — является прочной основой, *животворящей силой и опорой всех профессий, и занятий* без исключения; здесь должны мы искать истинный источник всех искусств и наук; и в тот самый момент, когда зло перестало бы существовать, общество должно было бы прийти в упадок, если не разрушиться совсем»[155].

Только Мандевиль был, разумеется, бесконечно смелее и честнее проникнутых филистерским духом апологетов буржуазного общества. [V—183]

[12)] ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ КАПИТАЛА. ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ И НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД

[а) ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ КАПИТАЛА КАК КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОЙ СИЛЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ТРУДА]

[XXI—1317] Мы видели не только, как капитал производит, по и как его самого производят и как он в качестве существенно измененного отношения возникает из процесса производства, как в этом последнем он получает свое развитие[156]. С одной стороны, капитал видоизменяет способ производства, а с другой стороны, это видоизменение способа производства и эта особая ступень в развитии материальных производительных сил представляют собой основу и условие самого капитала, предпосылку его собственного формирования.

Так как живой труд — в результате обмена между капиталом и рабочим — превращен в составную часть капитала и с первого же момента процесса труда выступает как деятельность, принадлежащая капиталу, то все производительные силы общественного труда принимают вид производительных сил капитала, совершенно так же, как всеобщая общественная форма труда выступает в деньгах в виде свойства некоторой вещи. Точно так же производительная сила общественного труда и его особые формы получают теперь свое выражение в виде производительных сил и форм капитала, т. е. *овеществленного* труда, вещественных условий труда, которые, в качестве такого обособившегося элемента, противостоят живому труду, персонифицированные в капиталисте. Здесь мы опять сталкиваемся с той извращенной формой отношения, которая выражается в том, что мы уже при рассмотрении денег обозначили как *фетишизм*[157].

Сам капиталист является властителем лишь в качестве *персонификации капитала.* (В итальянской бухгалтерии эта

его роль *капиталиста,* персонифицированного капитала, неизменно противопоставляется ему просто как отдельному лицу, фигурирующему всего лишь в качестве частного потребителя и должника своего собственного капитала.)

Производительность капитала, — даже если рассматривать одно только *формальное* подчинение труда капиталу, — состоит прежде всего в *принуждении к прибавочному труду,* к большему количеству труда, чем то, которое необходимо для удовлетворения непосредственных потребностей. Капиталистический способ производства разделяет это принуждение с предшествующим способом производства, но осуществляет, применяет его в такой форме, которая в большей степени благоприятствует производству.

Даже если рассматривать это всего лишь формальное отношение, *всеобщую* форму капиталистического производства, которая является общей как для менее развитой его стадии, так и для более развитой, — даже в этом случае *средства производства,* вещественные условия труда — материал труда, средства труда (а также и жизненные средства) — выступают не как подчиненные рабочему; наоборот, рабочий подчинен им. Не он применяет их, а они применяют его. В силу этого они и являются капиталом. «Капитал *применяет* труд». По отношению к рабочему они выступают не как средства для производства продуктов — в виде ли непосредственных средств существования или же в виде средств обмена, в виде товаров. Наоборот, рабочий является для них таким средством, благодаря которому они и сохраняют свою стоимость и превращают ее в капитал, т. е. увеличивают ее, впитывая в себя прибавочный труд.

Уже в своем простом виде это вывернутое наизнанку отношение является олицетворением вещей и овеществлением лиц; ибо эта форма отличается от всех предшествующих тем, что капиталист господствует над рабочим не как носитель того или иного личного качества, а лишь поскольку он представляет «капитал». Его господство есть не что иное, как господство овеществленного труда над живым, как власть созданного рабочим продукта над самим рабочим.

Это отношение становится еще более сложным и кажется еще более мистическим вследствие того, что с развитием специфически капиталистического способа производства против рабочего выступают, противостоя ему в качестве «капитала», не только эти, непосредственно материальные вещи {все они — продукты труда; рассматриваемые со стороны потребительной стоимости, они, будучи продуктами труда, являются вещественными условиями труда; рассматриваемые со стороны меновой

стоимости, они — овеществленное всеобщее рабочее время, или деньги}; также и формы общественно развитого труда — кооперация, мануфактура (как форма разделения труда), фабрика (как такая форма общественного труда, которая имеет своей материальной основой систему машин) — получают свое выражение в виде *форм развития капитала,* и поэтому производительные силы труда, развившиеся из этих форм общественного труда, а стало быть также наука и силы природы, принимают вид *производительных сил капитала.* И действительно, объединение одинаковых видов труда, осуществляемое в кооперации, сочетание различных видов труда, имеющее место при разделении труда, применение в машинной промышленности, в производственных целях, природных сил и науки, а также продуктов труда — все это противостоит рабочим, каждому в отдельности, как нечто *чуждое* им самим и как нечто *вещное,* как всего лишь форма бытия независимых от них и господствующих над ними средств труда, — подобно тому как сами эти средства труда, в их простой осязаемой форме, в качестве материала, инструмента и т. д., противостоят рабочим как функции *капитала,* а следовательно и *капиталиста.*

Общественные формы собственного труда рабочих — или формы их собственного [1318] общественного труда — представляют собой такие отношения, которые образовались совершенно независимо от рабочих, взятых отдельно друг от друга; рабочие, находясь в подчинении у капитала, становятся элементами этих общественных образований, но принадлежат эти общественные образования не им. Рабочим они противостоят поэтому как *образы,* принимаемые самим капиталом, как такие сочетания, которые — в отличие от рабочей силы каждого из этих рабочих в отдельности — составляют принадлежность капитала, возникают из него и включены в его состав. И это принимает все более реальную форму по мере того как, с одной стороны, сама рабочая сила этих рабочих претерпевает под воздействием указанных форм такие видоизменения, что она, в своем самостоятельном существовании, т. е. *вне* этой капиталистической связи, становится бессильной и ее самостоятельная способность к производству уничтожается; а с другой стороны, с развитием машинного производства условия труда все более выступают как силы, господствующие над трудом также и технологически, одновременно с этим заменяя труд, угнетая его, делая его излишним в его самостоятельных формах.

В этом процессе, в котором *общественные* черты труда рабочих противостоят им как нечто, в известном смысле, *капитализированное* (так, например, в машинном производстве осязае-

мые продукты труда выступают как властители труда), то же самое, естественно, происходит с силами природы и с наукой, этим продуктом всеобщего исторического процесса развития, абстрактно выражающим его квинтэссенцию: силы природы и наука противостоят рабочим как *силы* капитала. Наука и ее применения действительно отделяются от искусства отдельного рабочего и его знания дела, и хотя они, — если их проследить до самого их источника, — представляют собой опять-таки продукты труда, всё же они всюду, где они входят в процесс труда, выступают как *включенные в состав капитала.* Капиталист, применяющий машину, не должен обязательно понимать ее устройство (см. Юра)[158]. Но *в машине* сама реализованная наука противостоит рабочим в качестве *капитала.* И в самом деле, все эти основанные на *общественном труде* применения науки, сил природы и огромных масс продуктов труда выступают только как *средства эксплуатации* труда, как средства присвоения прибавочного труда, а следовательно как *силы,* принадлежащие капиталу и противостоящие труду. Капитал, конечно, применяет все эти средства лишь для того, чтобы эксплуатировать труд, но для эксплуатации труда капиталу неизбежно приходится применять эти средства в процессе производства. И таким образом развитие *общественных* производительных сил труда и условия этого развития выступают как такое *деяние капитала,* которое не только совершается помимо воли отдельного рабочего, но и прямо направлено против него.

Сам капитал имеет двойственный характер, так как он состоит из товаров:

1) *Меновая стоимость* (деньги); но это — *самовозрастающая стоимость,* такая стоимость, которая — благодаря тому, что она есть *стоимость,* — создает стоимость, *возрастает как стоимость,* получает приращение. Это возрастание стоимости сводится к обмену данного количества овеществленного труда на большее количество живого труда.

2) *Потребительная стоимость.* Здесь капитал проявляется со стороны тех определенных отношений, которые присущи ему в процессе труда. Но именно здесь капитал не остается таким материалом труда и таким средством труда, которым принадлежит просто лишь *труд,* включенный ими в свой состав: вместе с трудом капитал включил в свой состав также и *общественные сочетания* труда и ту ступень развития средств труда, которая соответствует этим его общественным сочетаниям. Капиталистическое производство впервые в крупном масштабе развивает как вещные, так и субъективные условия процесса труда, отрывая их от отдельного самостоятельного работника, но развивает

их как такие силы, которые господствуют над *отдельным рабочим* и являются *чуждыми* для него.

Все это делает капитал каким-то весьма мистическим существом. [1318][159]

* * *

[1320] Капитал, таким образом, производителен: 1) как сила, *принуждающая* к прибавочному труду, 2) как сила, поглощающая и присваивающая себе (в качестве их персонификации) производительные силы общественного труда и всеобщие общественные производительные силы, например науку.

Спрашивается: как или почему труд, противостоящий капиталу, выступает в качестве производительного, выступает как *производительный труд,* хотя производительные силы труда перешли к капиталу и хотя одну и ту же производительную силу нельзя считать дважды, один раз — как производительную силу труда, а другой раз — как производительную силу капитала? {Производительная сила труда составляет производительную силу капитала. А *рабочая сила* производительна вследствие *различия* между ее *стоимостью* и *той стоимостью, которую эта рабочая сила создает.*}

[б) ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД В СИСТЕМЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА]

Только буржуазная ограниченность, считающая капиталистические формы производства абсолютными его формами, а следовательно вечными естественными формами производства. может смешивать вопрос о том, что такое *производительный труд* с точки зрения капитала, с вопросом, какой труд вообще является производительным, или что такое производительный труд вообще; только она может поэтому кичиться, как проявлением особой мудрости, своим ответом, гласящим, что всякий труд, производящий вообще что-либо, имеющий что-либо своим результатом, тем самым есть уже производительный труд.

Производительным является лишь такой труд, *который прямо превращается в капитал,* т. е. только такой труд, который делает переменный капитал переменной величиной, а весь капитал K делает равным $K + \Delta$[160]. Если переменный капитал до его обмена на труд равен x, — так что мы имеем уравнение $y = x$, — то производительным трудом является тот труд, который превращает x в $x + h$, а уравнение $y = x$ превращает в уравнение $y' = x + h$. Таков *первый* пункт, требующий выяснения. Речь идет о труде, создающем прибавочную стоимость, или служащем капиталу тем фактором, который дает ему воз-

можность образовать прибавочную стоимость и, следовательно, проявить себя в качестве капитала, в качестве самовозрастающей стоимости.

Во-вторых: общественные и всеобщие производительные силы труда выступают как производительные силы капитала; но эти производительные силы касаются только процесса труда, затрагивают только потребительную стоимость. Они принимают вид свойств, присущих капиталу как вещи, представляются в виде его потребительной стоимости. Они не затрагивают непосредственно *меновой стоимости.* Работают ли сто рабочих вместе или же каждый из них работает в одиночку, — стоимость произведенной ими массы продуктов равна ста рабочим дням, независимо от того, в большом или малом количестве продуктов представлены эти рабочие дни; другими словами, стоимость этой массы продуктов не зависит от производительности труда.

[1321] В одном только отношении различие в производительности труда затрагивает меновую стоимость.

Если, например, производительность труда развивается в какой-нибудь отдельной отрасли производства, — если, скажем, производство ткани с помощью механических ткацких станков, вместо ручных, перестает быть исключением и если при этом для изготовления одного аршина на механическом станке требуется только половина того рабочего времени, которое затрачивается при работе на ручном, — то 12 часов ручного ткача выражаются уже не в двенадцатичасовой стоимости, а только в шестичасовой, так как *необходимое* рабочее время сократилось теперь до 6 часов. 12 часов ручного ткача теперь равны уже только 6 часам общественного рабочего времени, несмотря на то, что этот ткач по-прежнему работает 12 часов.

Но не об этом здесь идет речь. Если мы, напротив, возьмем какую-нибудь другую отрасль производства, например в типографском деле — работу наборщика, где машины еще не применяются, то 12 часов труда в этой отрасли будут создавать совершенно такое же количество *стоимости,* какое создают 12 часов в тех отраслях производства, где машины и т. д. достигли самой высокой степени развития. Стало быть, как созидатель *стоимости* труд всегда остается трудом *отдельного рабочего,* только выраженным в виде *всеобщего труда.* Поэтому производительный труд в качестве труда, производящего стоимость, всегда противостоит капиталу как труд отдельной рабочей силы, как труд *изолированного рабочего,* в какие бы общественные сочетания эти рабочие ни вступали в процессе производства. Значит,

в то время как противостоящий рабочему капитал представляет общественную производительную силу труда, — противостоящий капиталу производительный труд рабочего всегда представляет только труд *отдельного рабочего.*

В-третьих: если свойство капитала — вынуждать у рабочего прибавочный труд и присваивать себе общественные производительные силы труда — принимает видимость такого свойства, которое присуще капиталу от природы, следовательно видимость свойства, вытекающего из его потребительной стоимости, — то также и наоборот: представляется, будто труду от природы присуще проявлять свои собственные общественные производительные силы как производительные силы капитала, а произведенный трудом прибавочный продукт — как произведенную капиталом прибавочную стоимость, как самовозрастание капитала.

Эти три пункта должны быть теперь рассмотрены в развернутом виде, и отсюда надлежит вывести различие между трудом производительным и непроизводительным.

К пункту 1-му. Производительность капитала состоит в том, что он противопоставляет себе труд как наемный труд, а производительность труда состоит в том, что он противопоставляет себе средства труда как капитал.

Мы видели, что деньги превращаются в капитал, т. е. определенная меновая стоимость превращается в самовозрастающую стоимость, в стоимость плюс прибавочная стоимость, благодаря тому, что одна часть этой меновой стоимости превращается в такие товары, которые являются для процесса труда необходимыми ему средствами труда (сырые материалы, инструменты, словом — вещественные условия труда), а другая часть идет на покупку рабочей силы. Однако не этот первоначальный обмен денег на рабочую силу, не самый факт покупки этой последней превращает деньги в капитал. Эта покупка превращает применяемую рабочую силу на определенный срок в составную часть капитала; другими словами, определенное количество живого труда становится одной из форм бытия самого капитала, его, так сказать, энтелехией*.

В действительном процессе производства живой труд превращается в капитал вследствие того, что этот труд, с одной стороны, воспроизводит заработную плату, — следовательно, воспроизводит стоимость переменного капитала, — ас другой стороны, создает прибавочную стоимость; в результате этого процесса превращения вся [авансированная] сумма денег

* — деятельностью, действительностью, действенностью. *Ред.*

превращается в капитал, хотя та ее часть, которая непосредственно функционирует как переменная, затрачивается лишь на заработную плату. Если раньше стоимость равнялась *c + v,* то теперь она равна *c + (v + x),* или, что то же самое, *(c + v) + x*[161]; другими словами: первоначальная сумма денег, первоначальная величина стоимости, возросла в процессе труда, проявила себя в качестве такой стоимости, которая одновременно и сохраняет и увеличивает себя.

{Необходимо отметить следующее: то обстоятельство, что только *переменная часть* капитала создает его приращение, ни в какой мере не меняет того факта, что посредством этого процесса увеличивается совокупная первоначальная стоимость, возрастая на величину прибавочной стоимости; остается, стало быть, в силе, что вся первоначальная сумма денег превращается в капитал. Ведь первоначальная стоимость равна *c + v* (постоянный капитал и переменный капитал). В указанном процессе она превращается в *c + (v + x)*; выражение *v + x* представляет собой вновь созданную часть, возникшую путем превращения живого труда в труд овеществленный, превращения, которое обусловлено обменом *v* на рабочую силу и которое ведет свое начало от этого обмена, от превращения переменного капитала в заработную плату. Но *c + (v + x) = (c + v)* (первоначальный капитал) + *x.* Кроме того, превращение *v* в *v + x,* а стало быть и превращение *(c + v)* в *(c + v) + x,* могло осуществиться только благодаря тому, что часть денег превратилась в с. Одна часть денег может превратиться в *переменный* капитал лишь при том условии, что другая часть их превращается в постоянный капитал.}

В действительном процессе производства труд *realiter** превращается в капитал, но это превращение обусловлено первоначальным обменом денег на рабочую силу. Только благодаря этому *непосредственному* превращению труда в *овеществленный* труд, принадлежащий не рабочему, а капиталисту, деньги и превращаются в капитал, включая и ту часть денег, которая приняла форму средств производства, условий труда. До этого деньги лишь *an sich*** являются капиталом, все равно, существуют ли они в своей собственной форме или же в виде таких товаров (продуктов), которые по своей натуральной форме могут служить средствами производства, необходимыми для создания новых товаров.

[1322] Только это определенное *отношение* к труду превращает деньги или товары в капитал, и только труд, превращающий

* — реально, на самом деле. *Ред.*
** — «в себе», в возможности, потенциально. *Ред.*

деньги или товар в капитал, — в силу указанного отношения труда к условиям производства, которому соответствует определенный характер отношений в действительном процессе производства, — только этот *труд* и является *производительным;* иными словами, производительным является лишь тот труд, который сохраняет и увеличивает стоимость *овеществленного* труда, противостоящего рабочей силе как обособившийся от нее. Производительный труд — это лишь сокращенное выражение, обозначающее всю полноту и особый характер того отношения, в котором рабочая сила фигурирует в капиталистическом процессе производства. Но различение между производительным трудом и *другими* видами труда является в высшей степени важным, так как оно выражает как раз ту определенную форму труда, на которой основан весь капиталистический способ производства и сам капитал.

Итак, *производительный труд* в системе капиталистического производства — это такой труд, который производит для того, кто его применяет, *прибавочную стоимость,* или, иначе, это — труд, превращающий объективные условия труда в капитал, а их владельца — в капиталиста; это, стало быть, труд, создающий свой собственный продукт в качестве капитала.

Поэтому когда мы говорим о *производительном труде,* то мы говорим об *общественно-определенном* труде, о труде, который включает совершенно определенное отношение между покупателем труда и его продавцом.

И хотя деньги, находящиеся в руках покупателя рабочей силы, или имеющиеся у него товары — как средства производства, так и жизненные средства для рабочих — становятся капиталом только в силу указанного процесса, в котором они и претерпевают это превращение в капитал (до вступления же в процесс эти вещи не капитал, а только еще должны стать им), — тем не менее они «*в себе»* являются капиталом. Этим они обязаны тому факту, что они противостоят рабочей силе как нечто самостоятельное и что точно так же противостоит им рабочая сила, — мы имеем здесь то отношение, которое обусловливает и обеспечивает обмен на рабочую силу и последующий процесс действительного превращения труда в капитал. Средствам производства и жизненным средствам в их отношении к рабочим здесь с самого начала присущ тот *определенный общественный характер,* который делает их капиталом и дает им власть над трудом. По отношению к труду они являются поэтому *предпосылкой,* противостоя ему в качестве капитала.

Производительный труд может быть поэтому определен как такой труд, который прямо обменивается на *деньги как на*

капитал, или — что является лишь сокращенным выражением того же самого — как труд, непосредственно обменивающийся на *капитал,* т. е. на деньги, которые «в себе» являются капиталом, которые предназначены функционировать как капитал, другими словами, которые противостоят рабочей силе в качестве *капитала.* Выражение: «труд, обменивающийся *непосредственно* на *капитал»,* подразумевает, что труд обменивается на деньги как на *капитал* и actu* превращает эти деньги в капитал. Какие следствия вытекают из характеристики *«непосредственно»,* — это будет сейчас выяснено точнее.

Производительным трудом является, следовательно, тот труд, который для рабочего лишь воспроизводит заранее определенную стоимость его рабочей силы, но вместе с этим, как созидающая стоимость деятельность, увеличивает стоимость капитала, иными словами: тот труд, который противопоставляет самому рабочему в виде капитала созданные этим трудом стоимости.

[в) ДВА СУЩЕСТВЕННО РАЗЛИЧНЫХ МОМЕНТА В ОБМЕНЕ МЕЖДУ КАПИТАЛОМ И ТРУДОМ]

В обмене между капиталом и трудом следует различать, как мы видели при рассмотрении процесса производства[162], два существенно различных, хотя и обусловливающих друг друга, момента.

Во-первых: Первоначальный обмен между трудом и капиталом есть *формальный процесс,* в котором капитал фигурирует как *деньги,* а рабочая сила — как *товар.* Продажа рабочей силы имеет место идеально, или юридически, в этом первом процессе, несмотря на то, что *оплачивается* труд только после того, как он выполнен, т. е. к концу дня, недели и т. д. Это ничего не меняет в сделке, посредством которой совершается *продажа* рабочей силы. В данном случае *непосредственно* продается не товар, содержащий овеществленный уже труд. а *употребление самой рабочей силы,* стало быть фактически *самый труд,* так как употребление рабочей силы выражается в ее действии — в труде. Значит, здесь мы имеем дело не с тем обменом труда на труд, который совершается через посредство обмена товара на товар. Если *А* продает *В* сапоги, то оба они обменивают труд: один обменивает труд, овеществленный в сапогах, а другой — труд, овеществленный в деньгах. Здесь же вступают в обмен, с одной стороны, *овеществленный труд*

* — действительно, на деле. *Ред.*

в его всеобщей общественной форме, т. е. в виде *денег,* а с другой стороны — *труд, существующий еще только в качестве рабочей силы;* предметом же купли и продажи служит употребление этой рабочей силы, т. е. самый труд, хотя *стоимость* продаваемого в данном случае товара представляет собой не стоимость труда (иррациональное выражение), а *стоимость* рабочей силы. Таким образом, здесь имеет место непосредственный обмен между *овеществленным* трудом и *рабочей силой,* которая de facto* превращается в живой труд, — т. е. здесь имеет место обмен между овеществленным и живым трудом. Поэтому заработная плата, — стоимость рабочей силы, — как это было развито выше, получает свое выражение в виде *цены труда*[163], его непосредственной покупной цены.

В пределах этого первого момента отношение между рабочим и капиталистом есть отношение между продавцом и покупателем товара. Капиталист уплачивает *стоимость* рабочей силы, т. е. *стоимость* покупаемого им товара.

Но в то же время рабочая сила покупается только потому, что то количество труда, которое она может и обязывается выполнить, больше того количества труда, которое требуется для воспроизводства рабочей силы; поэтому выполняемый ею труд и выражается в стоимости большей, чем стоимость рабочей силы.

[1323] *Во-вторых:* Второй момент *обмена* между капиталом и трудом не имеет на деле ничего общего с первым моментом, — строго говоря, он вовсе не является *обменом.*

Для первого момента характерен обмен денег на товар — обмен эквивалентов; рабочий и капиталист противостоят здесь друг другу только как товаровладельцы. Происходит обмен эквивалентов (а это значит: данное отношение не меняется от того, *когда* именно обмен фактически осуществляется; и стоит ли цена труда *выше* или *ниже стоимости* рабочей силы или же *равна* ей, — от этого характер сделки нисколько не меняется. Эта сделка *может,* следовательно, осуществляться в соответствии с общим законом товарного обмена).

Для второго момента характерно то, что здесь совсем нет обмена. Владелец денег перестал быть покупателем товара, а рабочий перестал быть его продавцом. Владелец денег действует теперь как капиталист. Он потребляет купленный им товар; поставляет же этот товар рабочий, так как употребление его рабочей силы есть не что иное, как самый труд его. В результате предшествующей сделки *труд* сам стал частью вещественного

* — на самом деле, фактически. *Ред.*

богатства. Рабочий выполняет этот труд, но *принадлежит* этот его труд капиталу, являясь отныне лишь функцией капитала. Он совершается поэтому под непосредственным контролем и управлением капитала, а продукт, в котором этот труд овеществляется, представляет собой ту новую форму, в которой выступает капитал, или, точнее, в которой он actu себя *осуществляет* в качестве капитала. Вот почему в этом процессе труд прямым образом *овеществляется, непосредственно* превращается в капитал, после того как в результате первой сделки труд *формально* уже превращен в составную часть капитала. При этом количество труда, превратившееся здесь в капитал, превышает то количество капитала, которое прежде было затрачено на покупку рабочей силы. В рассматриваемом процессе присваивается определенное количество неоплаченного труда, и только вследствие этого деньги превращаются в капитал.

Но хотя здесь в действительности и нет обмена, однако, отвлекаясь от посредствующих звеньев, мы видим, что в этом процессе — в качестве его результата, охватывающего оба момента в их единстве, — определенное количество овеществленного труда обменялось на большее количество живого труда. В итоге всего процесса это получает следующее выражение: труд, овеществившийся в своем продукте, больше того труда, который овеществлен в рабочей силе, и поэтому больше того овеществленного труда, который достается рабочему в качестве выплачиваемой ему заработной платы; иными словами: действительный результат процесса состоит в том, что капиталист не только получает обратно ту часть капитала, которую он израсходовал на заработную плату, но получает еще и прибавочную стоимость, которая достается ему совершенно безвозмездно. *Непосредственный* обмен между трудом и капиталом означает здесь: 1) непосредственное превращение труда в капитал, в вещественную составную часть капитала, — превращение, совершающееся в процессе производства; 2) обмен определенного количества овеществленного труда на такое же количество живого труда плюс добавочное количество живого труда, которое присваивается *без обмена.*

Выражение: *«производительный труд* есть такой труд, который *непосредственно* обменивается на *капитал»,* охватывает все указанные моменты и представляет собой лишь производную формулировку того положения, что это — *труд,* превращающий деньги в капитал, труд, обменивающийся на условия производства как на *капитал;* следовательно, к этим условиям производства, фигурирующим здесь не просто лишь как условия производства, труд вступает в определенное отношение

отнюдь не как *труд* просто, отнюдь не как лишенный специфического общественного характера.

Это заключает в себе: 1) взаимоотношение между деньгами и рабочей силой как отношение между товарами, куплю и продажу, происходящую между владельцем денег и владельцем рабочей силы; 2) прямое подчинение труда капиталу; 3) реальное превращение труда в капитал, совершающееся в процессе производства, или, что одно и то же, создание прибавочной стоимости для капитала. Происходит *двоякого рода обмен между трудом и капиталом.* Первый обмен выражает только покупку рабочей силы, стало быть, — если иметь в виду фактический результат, — покупку труда, а следовательно и его продукта. Второй обмен есть прямое превращение *живого* труда в капитал, или овеществление живого труда как осуществление капитала.

[г) СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ПОТРЕБИТЕЛЬНАЯ СТОИМОСТЬ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОГО ТРУДА ДЛЯ КАПИТАЛА]

Результатом капиталистического процесса производства является не просто продукт (потребительная стоимость) и не *товар,* т. е. потребительная стоимость, имеющая определенную меновую стоимость. Его результат, его продукт, состоит в создании *прибавочной стоимости* для капитала, а потому — в действительном *превращении* денег или товара в капитал, тогда как до процесса производства деньги и товары являются капиталом лишь в смысле своей общей направленности, лишь «в себе», лишь по своему назначению. Процесс производства поглощает большее количество труда, чем то, которое куплено. Это поглощение, [1324] это *присвоение* чужого неоплаченного труда, совершающееся в процессе производства, является *непосредственной целью* процесса капиталистического производства, ибо в задачи капитала как такового (а стало быть, и капиталиста как такового) не входит ни производство потребительных стоимостей, непосредственно предназначенных для собственного потребления, ни производство товаров для последующего превращения их в деньги, а затем — в потребительные стоимости. Цель капиталистического производства — *обогащение, приумножение стоимости,* ее *увеличение,* следовательно — сохранение прежней стоимости и создание прибавочной стоимости. И этот *специфический продукт, производимый* в процессе капиталистического производства, достается капиталу только в результате обмена на труд, называемый поэтому *производительным трудом.*

Для того чтобы производить *товар,* труд должен быть полезным трудом, должен производить какую-нибудь *потребительную стоимость,* выражать себя в какой-нибудь *потребительной стоимости.* И только труд, выражающий себя в *товаре,* следовательно — в потребительных стоимостях, является поэтому таким трудом, который обменивается на капитал. Эта предпосылка есть нечто само собой разумеющееся. Однако не этот конкретный характер труда, не его потребительная стоимость как таковая, не то, следовательно, обстоятельство, что он является, например, трудом портного, сапожника, прядильщика, ткача и т. д., — не это составляет специфическую потребительную стоимость труда для капитала, не это налагает на него в системе капиталистического производства печать *производительного труда.* Его *специфическую потребительную стоимость* для капитала образует не его определенный полезный характер, а также и не особые полезные свойства того продукта, в котором он овеществляется. Потребительная стоимость труда для капитала обусловлена характером этого труда как фактора, создающего меновую стоимость, обусловлена присущим ему характером абстрактного труда; однако дело не в том, что он представляет вообще определенное количество этого всеобщего труда, а в том, что он представляет *большее* количество абстрактного труда, чем то, которое *содержится* в цене труда, т. е. в *стоимости рабочей силы.*

Для капитала потребительная стоимость рабочей силы заключается именно в избытке того количества труда, которое доставляется рабочей силой, над тем количеством труда, которое овеществлено в ней самой и которое требуется поэтому для ее воспроизводства. Труд доставляется, конечно, в той *определенной форме,* которая присуща ему как особому полезному труду — как прядению, ткачеству и т. д. Но этот конкретный характер труда, который вообще делает его способным выражать себя в товаре, не составляет его *специфическую потребительную стоимость* для капитала. Для капитала эта потребительная стоимость труда состоит в том его количестве, которое он доставляет как труд вообще, и в избытке количества выполняемого труда *над* тем его количеством, которое составляет его оплату.

Определенная сумма денег x становится капиталом в силу того, что в своем продукте она выражается как $x + h$, т. е. в силу того, что то количество труда, которое содержится в ней как продукте, больше того количества труда, которое содержалось в ней первоначально. И это есть результат обмена между деньгами и производительным трудом; иными словами: только

тот труд является *производительным,* который, обмениваясь на овеществленный труд, делает возможным, что этот последний получает свое выражение в виде увеличенного количества овеществленного труда.

Поэтому-то процесс капиталистического производства не есть просто производство товаров. Это — процесс, поглощающий неоплаченный труд, процесс, превращающий средства производства — материалы и средства труда — в средства поглощения неоплаченного труда.

Из всего вышеизложенного следует, что «производительный труд» — это такая характеристика труда, которая непосредственно не имеет абсолютно ничего общего с *определенным содержанием* труда, с его особой полезностью или со специфической потребительной стоимостью, в которой он выражается.

Один и тот же вид труда может быть как *производительным,* так и *непроизводительным.*

Например, Мильтон, написавший «Потерянный рай» и получивший за него 5 ф. ст., был *непроизводительным работником.* Напротив, писатель, работающий для своего книготорговца на фабричный манер, является *производительным работником.* Мильтон создавал «Потерянный рай» с той же необходимостью, с какой шелковичный червь производит шелк. Это было действенное проявление *его* натуры. Потом он продал свое произведение за 5 ф. ст. А лейпцигский литератор-пролетарий, фабрикующий по указке своего издателя те или иные книги (например, руководства по политической экономии), является *производительным работником,* так как его производство с самого начала подчинено капиталу и совершается только для увеличения стоимости этого капитала. Певица, продающая свое пение на свой страх и риск, — *непроизводительный работник.* Но та же самая певица, приглашенная антрепренером, который, чтобы загребать деньги, заставляет ее петь, — *производительный работник,* ибо она производит капитал.

[д) НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД КАК ТРУД, ДОСТАВЛЯЮЩИЙ УСЛУГИ. ПОКУПКА УСЛУГ В УСЛОВИЯХ КАПИТАЛИЗМА. ВУЛЬГАРНЫЙ ВЗГЛЯД НА ОТНОШЕНИЕ МЕЖДУ КАПИТАЛОМ И ТРУДОМ КАК НА ОБМЕН УСЛУГ]

[1325] Здесь возникают различные вопросы, которые нельзя смешивать.

Покупаю ли я брюки в готовом виде или же покупаю сукно и нанимаю портного для работы у меня на дому, оплачивая ему его *услугу* (т. е. его портняжную работу), состоящую в пре-

вращении сукна в брюки, — это для меня совершенно безразлично, поскольку для меня имеют значение самые брюки. Вместо того чтобы брать портного на дом, я покупаю брюки у владельца портняжной мастерской, и я это делаю потому, что первый способ связан с большими издержками, — ведь брюки стоят меньше труда, следовательно обходятся дешевле, когда их производит портной-капиталист, нежели тогда, когда их производит портной у меня на дому. Но в обоих случаях я превращаю деньги, на которые я покупаю брюки, не в капитал, а в брюки; и в обоих случаях дело идет для меня о том, чтобы употребить деньги просто как средство обращения, т. е. превратить их в данную определенную потребительную стоимость. Таким образом, здесь деньги функционируют не в качестве капитала, несмотря на то, что в одном случае они обмениваются на *товар,* в другом же случае покупают самый *труд* как *товар.* Они функционируют только как деньги, выражаясь более определенно — как средство обращения.

С другой стороны, работающий у меня на дому портной не есть *производительный рабочий,* хотя его труд доставляет мне продукт, брюки, а ему — цену его труда, деньги. Возможно, что количество труда, доставляемое этим портным, превышает то количество труда, которое заключается в получаемой им от меня плате; это даже весьма вероятно, так как цена его труда определяется ценой, получаемой теми портными, которые являются *производительными рабочими.* Но для меня это абсолютно безразлично. Раз цена установлена, то мне совершенно все равно, работает ли этот портной 8 или 10 часов. Для меня имеет значение только *потребительная стоимость,* брюки, причем — независимо от того, приобретаю ли я их первым или вторым способом, — я заинтересован, конечно, в том, чтобы заплатить за них как можно меньше; в этом я одинаково заинтересован как в первом, так и во втором случае: *уплаченная мною цена в обоих случаях не должна быть выше нормальной.* Это — *расход* на мое потребление: не прирост моих денег, а наоборот, их убыль. Это — отнюдь не средство обогащения, как и вообще ни одна затрата денег для моего *личного потребления* не является средством обогащения.

Какой-нибудь «ученый», из персонажей Поль де Кока, пожалуй, скажет мне, что без этой покупки, так же как и без покупки хлеба, я не могу жить, а стало быть не могу и *обогащаться;* что эта покупка является, таким образом, косвенным средством — или по крайней мере условием — моего обогащения. На том же основании можно было бы считать мое кровообращение и процесс моего дыхания условиями моего обогащения.

Однако ни мое кровообращение, ни процесс моего дыхания сами по себе меня нисколько не обогащают, а наоборот, и то и другое предполагает наличие дорогостоящего обмена веществ, и если бы этот последний не был совершенно необходим, то на свете и бедняков не было бы. Поэтому простой, *непосредственный* обмен денег на труд не превращает ни деньги в капитал, ни труд — в производительный труд.

Что же является наиболее характерным в этом обмене? Чем отличается он от обмена денег на производительный труд? С одной стороны — тем, что *деньги* расходуются в данном случае *как деньги,* как самостоятельная форма меновой стоимости, которая должна быть превращена в какую-нибудь *потребительную стоимость,* в жизненные средства, в предмет личного потребления. Деньги не становятся здесь капиталом, а наоборот, они перестают существовать в качестве меновой стоимости — для того чтобы быть истраченными, потребленными в виде потребительной стоимости. С другой стороны, труд интересует меня здесь только как потребительная стоимость, как *услуга,* благодаря которой сукно превращается в брюки, — как такая услуга, которую труд оказывает мне вследствие присущего ему определенного полезного характера.

Напротив, та услуга, которую этот же наемный портной оказывает нанявшему его портному-капиталисту, состоит вовсе не в том, что он превращает сукно в брюки, а в том, что необходимое рабочее время, овеществляемое в брюках, равно 12 часам, получаемая же наемным портным заработная плата равна всего лишь 6 часам. Услуга, которую он оказывает капиталисту, состоит, стало быть, в том, что он работает 6 часов безвозмездно. То обстоятельство, что это совершается в форме шитья брюк, только *прикрывает* действительное отношение. Поэтому при первой же возможности портной-капиталист старается превратить брюки обратно в деньги, т. е. в такую форму, в которой определенный характер портняжного труда бесследно исчезает, а оказанная услуга получает свое выражение в том, что — вместо рабочего времени в 6 часов, [1326] представленного в определенной сумме денег, — налицо оказывается рабочее время в 12 часов, выраженное в сумме денег вдвое большей.

Я покупаю портняжный труд ради той услуги, которую он оказывает именно в качестве *портняжного труда,* удовлетворяя мою нужду в одежде, обслуживая, следовательно, одну из моих *потребностей.* Портной-капиталист покупает его как средство, позволяющее из одного талера сделать два. Я покупаю портняжный труд потому, что он производит определенную потребительную стоимость, оказывает определенную услугу.

Капиталист покупает этот труд потому, что последний доставляет такую сумму меновой стоимости, которая больше затраченных на него издержек, т. е. потому, что он для капиталиста всего лишь средство обменять меньшее количество труда на большее его количество.

В тех случаях, когда деньги непосредственно обмениваются на такой труд, который не производит капитала, т. е. на *непроизводительный* труд, этот труд покупается как *услуга.* Это выражение означает вообще не что иное, как ту особую потребительную стоимость, которую доставляет этот труд, подобно всякому другому товару; но особая потребительная стоимость этого труда получила здесь специфическое название «услуги» потому, что труд оказывает услуги не в качестве *вещи,* а в качестве *деятельности,* — что, однако, нисколько не отличает его, скажем, от какой-нибудь машины, например от часов. Do ut facias, facio ut facias, facio ut des, do ut des[164] являются здесь совершенно одинаковыми по своему значению формами одного и того же отношения, в то время как в капиталистическом производстве форма do ut facias выражает собой весьма специфическое отношение между отдаваемой стоимостью, имеющей вещную форму, и присваиваемой живой деятельностью. Поэтому, так как в покупке *услуг* совершенно не содержится специфического отношения труда и капитала, — здесь оно либо полностью изгладилось, либо вовсе отсутствует, — то. покупка услуг естественно является для Сэя, Бастиа и всей их компании излюбленной формой для выражения *отношения между капиталом и трудом.*

Как устанавливается *стоимость* этих услуг и как сама эта *стоимость* определяется законами заработной платы, — это вопрос, который совершенно не относится к исследованию изучаемого нами здесь отношения и который подлежит рассмотрению в главе о заработной плате.

Из сказанного вытекает, что один лишь обмен денег на труд еще не превращает этого последнего в *производительный труд* и что, с другой стороны, *содержание* этого труда, при первом подходе к вопросу, есть нечто безразличное.

Рабочий сам может покупать труд, т. е. товары, доставляемые в форме услуг, и расходование его заработной платы на такие услуги ничем не отличается от расходования ее на покупку каких бы то ни было других товаров. Услуги, покупаемые рабочим, могут быть более необходимыми или менее необходимыми: он может купить, например, услугу врача или услугу попа, совершенно так же, как он может купить себе хлеба или водки. Как покупатель, — т. е. как представитель денег, противо-

стоящих товару, — рабочий принадлежит к той же самой категории, к которой капиталист принадлежит в тех случаях, когда он выступает только в роли покупателя, т. е. когда дело сводится только к тому, чтобы перевести деньги в форму товара. Как определяется цена этих услуг и каково отношение ее к заработной плате в собственном смысле слова, в какой мере она регулируется законами заработной платы, в какой мере отклоняется от них, — все эти вопросы подлежат рассмотрению в исследовании о заработной плате и к настоящему исследованию совершенно не относятся.

Если, таким образом, один лишь обмен денег на труд еще не превращает этого последнего в *производительный труд,* или, что то же, не превращает денег в капитал, — то, с другой стороны, и *содержание* труда, его конкретный характер, его особая полезность выступает, при первом подходе к вопросу, как нечто безразличное: выше мы видели, что тот же труд того же портного в одном случае фигурирует как производительный труд, а в другом — как непроизводительный.

Известного рода *услуги,* иными словами: *потребительные стоимости,* представляющие собой результат известных видов деятельности или труда, воплощаются в *товарах,* другие же услуги, напротив, не оставляют осязательных результатов, *существующих отдельно* от исполнителей этих услуг; иначе говоря, результат их не есть *пригодный для продажи товар.* Так, например, услуга, оказываемая мне певцом, удовлетворяет мою эстетическую потребность; но то, чем я наслаждаюсь, существует только в виде деятельности, неотделимой от самого певца, и как только прекращается его труд, т. е. пение, так прекращается и наслаждение, испытываемое мной; я наслаждаюсь самой деятельностью — ее воздействием на мой слух. Сами по себе эти услуги, подобно покупаемым мной товарам, могут быть действительно необходимыми или же только казаться таковыми — как, например, услуги солдата, врача, адвоката, — либо же они могут быть такими услугами, значение которых ограничивается доставляемым ими наслаждением. Но от этого нисколько не меняется их экономический характер. Если я здоров и не нуждаюсь в помощи врача или если я имею счастье не вести судебных процессов, то я буду избегать, как чумы, траты денег на услуги врачей и юристов.

[1328][165] *Услуги* могут быть также навязанными, например *услуги чиновников* и т. п.

Если я покупаю услугу учителя — или другие покупают ее для меня — не с той целью, чтобы развить мои способности, а с той целью, чтобы приобрести известную сноровку, дающую

мне возможность зарабатывать деньги, и если я при этом действительно что-нибудь усваиваю, — что само по себе нисколько не зависит от оплаты учителю выполняемой им услуги, — то издержки на это обучение, подобно издержкам на мое содержание, входят в издержки производства моей рабочей силы. Но особая полезность этой услуги *нисколько не изменяет данного экономического отношения;* деньги не превращаются здесь в капитал, другими словами: я не становлюсь по отношению к исполнителю услуги, к учителю, *капиталистом,* не превращаюсь в его хозяина. И потому *экономический характер* этого отношения нисколько не зависит от того, излечивает ли меня врач, успешно ли обучает меня учитель, выигрывает ли мое дело адвокат. Оплачивается здесь услуга как таковая, но по самой ее природе ее результат не может быть гарантирован исполнителем услуги. Оплата значительной части *услуг* принадлежит к издержкам, связанным с *потреблением* товаров; таковы, например, услуги кухарки, горничной и т. д.

Характерным для всех видов *непроизводительного труда* является то, что я могу пользоваться ими, — как это имеет место и при покупке всех остальных товаров с целью потребления, — только в той мере, в какой я эксплуатирую *производительных рабочих.* Поэтому *производительный рабочий* меньше всех имеет возможность располагать *услугами* непроизводительных работников, хотя ему и приходится больше всех платить за *навязанные* ему услуги (государство, налоги). Наоборот, возможность применять труд *производительных рабочих* отнюдь не увеличивается для меня пропорционально тому, в какой мере я применяю труд *непроизводительных работников;* здесь, напротив, имеет место отношение обратной пропорциональности.

Даже *производительные рабочие* могут быть по отношению ко мне *непроизводительными работниками.* Если я, например, обиваю комнаты своего дома матерчатыми обоями, причем обойщики являются наемными рабочими того предпринимателя, который выполняет этот мой заказ, то для меня дело обстоит точно так же, как если бы я купил обитый уже дом, т. е. затратил бы деньги на товар, служащий мне предметом потребления. Но для предпринимателя, заставляющего этих рабочих производить обивку, они являются производительными рабочими, так как производят для него прибавочную стоимость. [1328]

* * *

[1333] Насколько с точки зрения капиталистического производства *непроизводителен* тот рабочий, который, хотя и производит пригодные для продажи товары, но лишь в размере

стоимости его собственной рабочей силы, — тот рабочий, который,- следовательно, не создает прибавочной стоимости для капитала, — это видно уже из тех мест у Рикардо, где говорится, что самое существование такого рода людей является обузой[166]. Такова теория и практика капитала:

«Как теория капитала, так и *практика, состоящая в том, что продолжительность труда доводится до той точки,* на которой труд, сверх издержек на содержание рабочего, может произвести еще и *прибыль* для капиталиста, противоречат, по-видимому, естественным законам, регулирующим производство» *(Th. Hodgskin.* Popular Political Economy, London, 1827, стр. 238) [Русское издание, стр. 196]. [1333]

* * *

[1336] Мы видели: процесс капиталистического производства — это не только процесс производства *товаров,* но и процесс производства *прибавочной стоимости,* поглощение прибавочного труда и, следовательно, процесс производства капитала. Первый, формальный акт обмена между деньгами и трудом — или между капиталом и трудом — лишь *в возможности* является присвоением чужого живого труда посредством труда овеществленного. Действительный процесс присвоения совершается только в действительном процессе производства, для которого пройденным уже этапом является указанная первая, формальная сделка, где капиталист и рабочий противостоят друг другу *просто как товаровладельцы,* относятся друг к другу как покупатель и продавец. Поэтому-то все вульгарные экономисты, например Бастиа, не идут дальше этой первой, формальной сделки, — для того именно, чтобы мошеннически отделаться от специфически капиталистического отношения. В обмене между деньгами и непроизводительным трудом это различие обнаруживается с полной ясностью. Здесь деньги и труд обмениваются друг на друга *только* в качестве товаров. Этот обмен, стало быть, не образует капитала, а представляет собой *трату дохода.* [1336]

[e) ТРУД РЕМЕСЛЕННИКОВ И КРЕСТЬЯН В КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ]

[1328] Как же обстоит дело с теми самостоятельными ремесленниками или крестьянами, которые не имеют наемных рабочих и производят, стало быть, не как капиталисты? Они, — что является типичным для крестьянина {но не относится, скажем, к садовнику, которого я нанимаю лично для себя}, — могут быть *товаропроизводителями,* и я покупаю тогда у них *товар,* причем дело нисколько не меняется, например, от того,

что ремесленник изготовляет свой товар по заказу, а крестьянин поставляет свой товар в меру имеющихся у него средств. В данном случае они вступают в определенное отношение ко мне в качестве продавцов товаров, а не в качестве продавцов труда, и, стало быть, это отношение не имеет ровно ничего общего с обменом капитала на труд, а следовательно сюда неприменимо различение между *производительным трудом* и *непроизводительным,* — различение, которое основано на том, обменивается ли труд на деньги как на таковые или же он обменивается на деньги как на капитал. Поэтому крестьяне и ремесленники не принадлежат ни к категории *производительных рабочих,* ни к категории *непроизводительных работников,* хотя и являются товаропроизводителями. Но это такие товаропроизводители, производство которых не подчинено капиталистическому способу производства.

Возможно, что эти производители, работающие с помощью собственных средств производства, не только воспроизводят свою рабочую силу, но и создают прибавочную стоимость, причем их положение позволяет им присваивать себе свой собственный прибавочный труд или же часть его (так как остальная часть отнимается у них в форме налогов и т. д.). Здесь перед нами выступает одна особенность, характерная для такого общества, в котором определенный способ производства является преобладающим, хотя еще не все производственные отношения данного общества подчинены этому способу производства. Так, в феодальном обществе приобрели феодальный облик даже и такие отношения, которые весьма далеки от существа феодализма (лучше всего можно изучать это на примере Англии, потому что феодальная система была перенесена туда из Нормандии в готовом виде и ее формы наложили свою печать на существовавший там общественный уклад, отличавшийся от нее во многих отношениях). Например, феодальный облик приобрели чисто-денежные отношения, где дело идет вовсе не о взаимных личных услугах сюзерена и вассала. Иллюстрацией может служить также фикция, состоящая в том, что мелкий крестьянин владеет своим участком земли на правах лена.

Точно так же обстоит дело при капиталистическом способе производства. Независимый крестьянин или ремесленник подвергается раздваиванию[*]. В качестве владельца средств производства он является капиталистом, в качестве работника — своим собственным наемным рабочим. Он, таким образом, как

[*] «В мелких предприятиях... *предприниматель* часто является своим *собственным рабочим» (Шторх* [«Cours d'economie politique»], том I, стр. 242. Петербургское издание).

капиталист, уплачивает самому себе заработную плату и извлекает прибыль из своего капитала, т. е. эксплуатирует себя самого как наемного рабочего и, в виде прибавочной стоимости, платит себе самому ту дань, которую труд вынужден отдавать капиталу. Равным образом может случиться, что он, в качестве землевладельца, уплачивает себе еще и некоторую третью часть (ренту), подобно тому, — мы в дальнейшем увидим это[167], — как промышленный капиталист, применяющий в своем предприятии свой собственный [1329] капитал, уплачивает себе самому процент и притом считает, что это причитается ему не как промышленному капиталисту, а как капиталисту просто.

Тот *определенный общественный характер,* который средства производства, выражая определенное *производственное отношение,* приобретают при капиталистическом производстве, в такой мере сросся с материальным бытием этих средств производства как таковых, а в представлении буржуазного общества в такой степени неотделим от этого материального бытия, что указанный общественный характер (выражаемый как определенная категория) приписывается даже таким отношениям, которые прямо противоречат ему. Средства производства становятся капиталом лишь постольку, поскольку они, обособившись, выступают против труда как самостоятельная сила. В рассматриваемом же случае производитель — работник — является владельцем своих средств производства, их собственником. Стало быть, они — не капитал, и работник ни в какой мере не противостоит им как наемный рабочий. Тем не менее они рассматриваются как капитал, а сам работник раздваивается, — выходит, что *он* в качестве капиталиста нанимает самого себя как рабочего.

Такой способ представления, каким бы иррациональным он ни казался на первый взгляд, выражает все же на деле нечто правильное в следующем смысле. В рассматриваемом случае производитель создает, правда, свою собственную прибавочную стоимость {предполагается, что производитель продает свой товар по его стоимости}, иными словами: во всем его продукте овеществлен только его собственный труд. Но тот факт, что он может присваивать *самому себе* весь продукт своего собственного труда, что третьим лицом, *хозяином,* не присваивается избыток стоимости его продукта над средней ценой его труда в течение, скажем, одного дня, — этот факт должен быть отнесен не за счет его труда (в данном отношении он ничем не отличается от других рабочих), а только за счет того обстоятельства, что он владеет средствами производства. Значит, только благодаря тому, что он является собственником средств производ-

ства, ему достается его собственный прибавочный труд, и в этом смысле он относится как свой собственный капиталист к самому себе как к наемному рабочему.

Разъединение выступает в нынешнем обществе как нормальное отношение. Поэтому там, где это разъединение не имеет места в действительности, оно предполагается, и, как только что было показано, это в известном смысле правильно; ибо (в отличие, например, от общественных отношений Древнего Рима, Норвегии, а также Америки — на северо-западе Соединенных Штатов) *соединение* фигурирует здесь как нечто случайное, а *разъединение* — как нечто нормальное, и потому разъединение кладется в основу как определенное отношение даже и там, где в одном лице соединяются различные функции. Здесь совершенно разительно обнаруживается тот факт, что капиталист как таковой есть лишь функция капитала, а рабочий — функция рабочей силы. К тому же законом является то, что в процессе экономического развития эти функции разделяются между различными лицами и что ремесленник — или крестьянин, — производящий при помощи своих собственных средств производства, либо мало-помалу превращается в мелкого капиталиста, уже эксплуатирующего чужой труд, либо лишается своих средств производства {чаще всего бывает последнее, хотя бы он даже и оставался *номинальным* собственником средств производства, как, например, крестьянин при ипотечной задолженности} и превращается в наемного рабочего. Такова тенденция развития в той общественной формации, в которой преобладает капиталистический способ производства.

[ж) ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОГО ТРУДА КАК ТРУДА, ОВЕЩЕСТВЛЯЮЩЕГОСЯ В МАТЕРИАЛЬНОМ БОГАТСТВЕ]

При изучении существенных отношений капиталистического производства можно, таким образом, допустить {так как капиталистическое производство к этому все более и более приближается; так как это — основное направление процесса и так как только при этом условии развитие производительных сил труда достигает наиболее высокой точки}, что весь мир товаров, все сферы материального производства — производства материального богатства — подчинены (формально или реально) капиталистическому способу производства. При этом предположении, которое выражает предел указанного процесса и которое, следовательно, все больше приближается к тому, чтобы стать точным изображением действительности, все рабочие,

занятые в производстве товаров, являются наемными рабочими, а средства производства противостоят им во всех сферах материального производства как капитал. Согласно этому, можно признать характерным для *производительных рабочих,* т. е. для рабочих, производящих капитал, то обстоятельство, что их труд овеществляется в *товарах,* в материальном богатстве. И таким образом *производительный труд,* — кроме своей, имеющей решающее значение, характерной черты, которая относится совершенно безразлично к *содержанию труда* и которая от этого содержания не зависит, — кроме этой черты, производительный труд приобретает отличающуюся от нее вторую, дополнительную характеристику.

[з) ПРОЯВЛЕНИЯ КАПИТАЛИЗМА В ОБЛАСТИ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА]

В нематериальном производстве, — даже если оно ведется исключительно для обмена и, следовательно, производит *товары,* — возможны два случая:

1) Оно имеет своим результатом такие *товары,* такие потребительные стоимости, которые обладают самостоятельной формой, обособленной как по отношению к производителю, так и по отношению к потребителю, — которые, следовательно, способны сохранять свое существование в промежутке времени между производством и потреблением и, стало быть, могут обращаться в течение этого времени как *пригодные для продажи товары;* таковы, например, книги, картины и вообще все произведения искусства, существующие отдельно от художественной деятельности создающего их художника. Здесь капиталистическое производство применимо только в очень ограниченном масштабе, — например, в том случае, когда какой-нибудь литератор эксплуатирует для какого-нибудь коллективного произведения, скажем для энциклопедии, многих других авторов в качестве подручных работников. [1330] В большинстве случаев здесь дело ограничивается *переходной к капиталистическому производству формой,* заключающейся в том, что люди, занятые различными видами научного и художественного производства, ремесленники или же мастера своего дела, работают на совокупный торговый капитал книготорговцев, — отношение, не имеющее ничего общего с капиталистическим способом производства в собственном смысле слова и еще не подчиненное ему даже формально. То обстоятельство, что именно в этих переходных формах эксплуатация труда достигает наивысшей степени, нисколько не меняет существа дела.

2) Производимый продукт неотделим от того акта, в котором он производится, как это имеет место у всех художников-исполнителей, ораторов, актеров, учителей, врачей, попов и т. д. Капиталистический способ производства также и здесь находит себе применение только в небольшом объеме и по самой природе вещей может здесь применяться только в некоторых сферах. Например, учителя могут быть в учебных заведениях простыми наемными работниками для предпринимателя, владельца учебного заведения; подобного рода фабрики для обучения весьма многочисленны в Англии. Хотя по отношению к своим ученикам эти учителя вовсе не являются *производительными рабочими,* но они являются таковыми по отношению к нанявшему их предпринимателю. Последний обменивает свой капитал на их рабочую силу и обогащается путем этого процесса. Таким же путем обогащаются также и антрепренеры театров, увеселительных заведений и т. д. По отношению к публике актер выступает здесь как художник, но для своего предпринимателя он — *производительный рабочий.* Все эти проявления капиталистического производства в данной области так незначительны в сравнении со всем производством в целом, что могут быть оставлены совершенно без внимания.

[и) ПРОБЛЕМА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОГО ТРУДА ПОД УГЛОМ ЗРЕНИЯ ПРОЦЕССА МАТЕРИАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ЦЕЛОМ]

С развитием специфически капиталистического способа производства, при котором значительное число рабочих сообща производит один и тот же товар, неизбежно становится весьма различным, конечно, то отношение, которое непосредственно существует между трудом тех или иных рабочих и предметом производства. Например, упомянутые выше чернорабочие на фабрике[168] совсем не имеют прямого отношения к обработке сырья. Рабочие, состоящие надсмотрщиками над теми рабочими, которые непосредственно имеют дело с этой обработкой, стоят еще несколько дальше. Отношение инженера опять-таки другое, и работает он преимущественно только головой — и т. д. Но *совокупность всех этих работников,* обладающих рабочими силами различной стоимости (хотя вся масса применяемого труда находится примерно на одном и том же уровне), производит такой результат, который, — если рассматривать *результат* процесса труда, взятого просто как процесс труда, — получает свое выражение в *товаре,* в каком-нибудь *материальном продукте.* Все эти работники вместе, в качестве одного производственного коллектива, представляют собой живую

машину для производства этих *продуктов,* — подобно тому как они, если рассматривать весь процесс производства в целом, обменивают свой труд на капитал и воспроизводят деньги капиталиста как капитал, т. е. в качестве самовозрастающей, увеличивающейся стоимости.

Характерную черту капиталистического способа производства составляет как раз то, что он отрывает друг от друга различные виды труда, а стало быть разъединяет также умственный и физический труд — или те виды труда, в которых преобладает та или другая сторона, — и распределяет их между различными людьми. Это, однако, не мешает материальному продукту быть *продуктом совместного труда* всех этих людей, или — что то же — не мешает продукту их совместного труда овеществляться в материальном богатстве; с другой стороны, это разъединение нисколько не мешает также и тому, что отношение каждого из этих людей в отдельности к капиталу неизменно остается отношением наемного работника, отношением *производительного рабочего* в этом специфическом смысле. Все эти люди не только *непосредственно* участвуют в производстве материального богатства, но и обменивают свой труд *непосредственно* на деньги как на капитал и поэтому не только воспроизводят свою заработную плату, но непосредственно создают еще прибавочную стоимость для капиталиста. Их труд состоит из оплаченного труда плюс неоплаченный, прибавочный труд.

[к) ТРАНСПОРТНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ КАК ОДНА ИЗ СФЕР МАТЕРИАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА. ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД В ТРАНСПОРТНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ]

Кроме добывающей промышленности, земледелия и обрабатывающей промышленности существует еще четвертая сфера материального производства, которая в своем развитии тоже проходит различные ступени производства: ремесленную, мануфактурную и машинную. Это — *транспортная промышленность,* все равно, перевозит ли она людей или товары. Отношение *производительного труда,* т. е. наемного рабочего, к капиталисту здесь совершенно такое же, как и в других сферах материального производства. Далее, здесь предмет труда подвергается известному материальному изменению — в смысле *пространственной* перемены, перемены места. Когда речь идет о перевозке людей, эта перемена места является только *услугой,* выполняемой для них предпринимателем. Но отношение между покупателями этой *услуги* и ее продавцами имеет так же мало общего с отношением производительных рабочих к капиталу,

как и отношение между продавцами пряжи и ее покупателями.

Если же рассматривать этот процесс по отношению к товарам, то [1331] здесь в процессе труда предмет труда, *товар,* действительно претерпевает известное изменение. Изменяется его пространственное бытие и тем самым подвергается изменению его потребительная стоимость, так как изменяется пространственное бытие этой последней. Меновая стоимость товара возрастает при этом в размере того количества труда, которое требуется для того, чтобы произвести данное изменение потребительной стоимости товара, — в размере той суммы труда, которая определяется, с одной стороны, потреблением постоянного капитала, т. е. суммой овеществленного труда, входящего в товар, а с другой стороны, суммой живого труда, — как это имеет место в процессе увеличения стоимости всех других товаров.

Как только товар дошел до места назначения, перемена, которую претерпевала его потребительная стоимость, исчезла, и выражается эта перемена еще только в повысившейся меновой стоимости товара, в его вздорожании. И хотя реальный труд не оставил при этом никакого следа в потребительной стоимости, тем не менее этот труд реализовался в меновой стоимости данного материального продукта. Для транспортной промышленности, стало быть, имеет силу то же, что и для всех других сфер материального производства: труд также и в этой сфере воплощается в *товаре,* хотя он и не оставляет на потребительной стоимости товара никакого заметного следа.

* * *

Здесь мы имеем дело пока только с *производительным капиталом,* т. е. с капиталом, занятым в *непосредственном процессе производства.* В дальнейшем мы перейдем к капиталу в *процессе обращения,* и только потом, при рассмотрении той особой формы, которую капитал принимает в качестве *торгового капитала,* можно будет ответить на вопрос, в какой мере занятые им рабочие являются производительными или непроизводительными[169]. [XXI—1331]

[13) НАБРОСКИ ПЛАНОВ I и III ЧАСТЕЙ «КАПИТАЛА»[170].

[а) ПЛАН I ЧАСТИ, или I ОТДЕЛА, «КАПИТАЛА»]

[XVIII—1140] Первый отдел[171] — *«Процесс производства капитала»* — разделить следующим образом:

1) Введение: Товар, Деньги.

2) Превращение денег в капитал.

3) Абсолютная прибавочная стоимость: a) Процесс труда и процесс увеличения стоимости; b) Постоянный капитал и переменный капитал; c) Абсолютная прибавочная стоимость; d) Борьба за нормальный рабочий день; e) Одновременные рабочие дни (число одновременно применяемых рабочих). Сумма прибавочной стоимости и норма прибавочной стоимости (величина и высота?).

4) Относительная прибавочная стоимость: a) Простая кооперация; b) Разделение труда; c) Машины и т. д.

5) Сочетание абсолютной и относительной прибавочной стоимости. Соотношения (пропорция) между наемным трудом и прибавочной стоимостью. Формальное и реальное подчинение труда капиталу. Производительность капитала. Производительный и непроизводительный труд.

6) Обратное превращение прибавочной стоимости в капитал. Первоначальное накопление. Теория колонизации Уэйкфилда.

7) Результат процесса производства. (Переворот в проявлении закона присвоения может быть рассмотрен либо в пункте 6-м, либо в пункте 7-м.)

8) Теории прибавочной стоимости.

9) Теории о производительном и непроизводительном труде. [XVIII—1140]

[б) ПЛАН III ЧАСТИ, или III ОТДЕЛА, «КАПИТАЛА»]

[XVIII—1139] Третий отдел — *«Капитал и прибыль»* — разделить следующим образом:

1) Превращение прибавочной стоимости в прибыль. Норма прибыли в ее отличии от нормы прибавочной стоимости.

2) Превращение прибыли в среднюю прибыль. Образование общей нормы прибыли. Превращение стоимостей в цены производства.

3) Теории прибыли и цен производства у А. Смита и Рикардо.

4) Земельная рента (Иллюстрация различия между стоимостью и ценой производства).

5) История так называемого рикардовского закона земельной ренты.

6) Закон падения нормы прибыли. А. Смит, Рикардо, Кэри.

7) Теории прибыли.

(Вопрос, не следует ли включить Сисмонди и Мальтуса уже в «Теории прибавочной стоимости».)

8) Распадение прибыли на промышленную прибыль и процент. Торговый капитал. Денежный капитал.

9) Доход и его источники. Сюда же включить и вопрос об отношении между процессом производства и процессом распределения.

10) Возвратные движения денег в совокупном процессе капиталистического производства.

11) Вульгарная политическая экономия.

12) Заключение. Капитал и наемный труд. [XVIII—1139]

[в) ПЛАН 2-й ГЛАВЫ[172] III ЧАСТИ «КАПИТАЛА»]

[XVIII—1109] Вторая глава третьей части, исследующей *«Капитал и прибыль»,* трактует об образовании общей нормы прибыли. Здесь надо рассмотреть следующие вопросы:

1) Различное органическое строение капиталов. Оно обусловлено отчасти различием [соотношения] между переменным и постоянным капиталом, поскольку это различие проистекает из определенной *ступени развития производства,* из абсолютных *количественных* соотношений между машинами и сырьем, с одной стороны, и той массой труда, которая приводит их в движение. Эти различия относятся к процессу труда. Равным образом здесь необходимо рассмотреть и те проистекающие из процесса обращения различия основного и оборотного капитала, которые вносят изменения в увеличение стоимости капитала за данный период времени в различных сферах.

2) Различия в соотношении стоимостей составных частей различных капиталов, не проистекающие из их органического строения. Это возникает в таком случае преимущественно из различия в стоимости сырья, даже при предположении, что в двух различных сферах сырье поглощает одинаковое количество труда.

3) Неодинаковость норм прибыли в различных сферах капиталистического производства, возникающая в результате упомянутых выше различий. Только для капиталов одинакового строения и т. д. верно то, что норма прибыли у них одна и та же и что масса прибыли прямо пропорциональна величине применяемого капитала.

4) Для совокупного же капитала имеет силу то, что изложено в первой главе. В капиталистическом производстве каждый капитал выступает как частица совокупного капитала, как некоторая его доля. Образование общей нормы прибыли (Конкуренция).

5) Превращение стоимостей в цены производства. Различие между стоимостью, издержками производства и ценой производства.

6) Чтобы включить еще разбор рикардовских представлений об этом предмете, добавить такой пункт: Влияние общих колебаний заработной платы на общую норму прибыли, а отсюда на цены производства. [XVIII—1109]

ПРИМЕЧАНИЯ

УКАЗАТЕЛИ

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Это оглавление рукописи «Теорий прибавочной стоимости» написано Марксом на обложках тетрадей VI—XV рукописи 1861—1863 годов. В некоторых из этих тетрадей оглавление было написано раньше самого текста, что видно из тех поправок и зачеркиваний, которые были сделаны в записях оглавления впоследствии, когда соответствующая тетрадь была уже заполнена текстом. В тетради XIV набросанное на обложке оглавление осталось не приведенным в соответствие с фактическим содержанием тетради: оно является тем планом, который был выполнен в тетрадях XIV, XV и XVIII. — *3.*

[2] Перед заголовком «Теории прибавочной стоимости» у Маркса стоит арабская цифра 5. Она означает пятый, заключительный раздел первой главы того исследования о капитале, которое Маркс предполагал опубликовать как непосредственное продолжение первого выпуска «К критике политической экономии», трактующего о товаре и деньгах. Этому пятому разделу предшествовали в тетрадях I—V три набросанных в общих чертах раздела: 1) Превращение денег в капитал, 2) Абсолютная прибавочная стоимость и 3) Относительная прибавочная стоимость. В V тетради, на стр. 184, Маркс указывает, что «после относительной прибавочной стоимости надо рассмотреть абсолютную и относительную прибавочную стоимость в их сочетании». Это рассмотрение и должно было составить раздел 4-й, который, однако, остался тогда ненаписанным. От оставшегося незаконченным 3-го раздела Маркс сразу перешел к 5-му разделу — к «Теориям прибавочной стоимости». — *3.*

[3] Фактически получилось, что это не «окончание», а только «продолжение» раздела о Смите. Окончание этого раздела дано в следующей, IX тетради. — *3.*

[4] Глава о противниках политико-экономов в XIV тетради только начата. Продолжение этой главы дано в первой половине XV тетради. — *5.*

[5] Выписки из книги Брея «Labour's Wrongs and Labour's Remedy» («Несправедливости в отношении труда и средства к их устранению»), с немногочисленными замечаниями Маркса, содержатся в X тетради. — *5*.

[6] Главы о Рамсее, Шербюлье и Р. Джонсе содержатся в XVIII тетради. — *5*.

[7] О доходах и их источниках Маркс трактует во второй половине XV тетради, вскрывая в этой связи классовые и гносеологические корни вульгарной политической экономии. Этот «эпизод» (т. е. экскурс) в дальнейшем предназначался Марксом для третьей части «Капитала», как это видно из составленного им в январе 1863 года плана этой части, согласно которому девятая глава должна была иметь заголовок «Доход и его источники» (см. настоящий том, часть I, стр. 425). — *5*.

[8] Раздел о Рейвнстоне начинается на стр. 861 предыдущей (XIV) тетради. Этому разделу в XIV тетради предшествует под номером 1 раздел об анонимной брошюре «The Source and Remedy of the National Difficulties» («Источник и разрешение национальных трудностей»). — *5*.

[9] Окончание раздела о Годскине содержится в XVIII тетради (стр. 1084— 1086). — *5*.

[10] Анализ вульгарной политической экономии Маркс дает в XV тетради в связи с разработкой вопроса о доходах и их источниках. На стр. 935 этой тетради он отсылает к «разделу о вульгарных экономистах», как к той не написанной еще главе своего труда, в которой он «вернется» к затронутой мимоходом полемике между Прудоном и Бастиа. Эта ссылка показывает, что Маркс предполагал посвятить критике вульгарной политической экономии специальную главу, которая, однако, не была написана. В XVIII тетради, заканчивая разбор взглядов Годскина и упомянув о его полемике против теорий буржуазных апологетов, Маркс замечает, обращаясь к самому себе: «Привести это в главе о вульгарных экономистах» (стр. 1086). Это замечание также свидетельствует о намерении Маркса написать в дальнейшем специальную главу о вульгарной политической экономии. В составленном в январе 1863 года плане третьей части «Капитала» предпоследняя, 11-я глава носит заголовок «Вульгарная политическая экономия» (см. настоящий том, часть I, стр. 425). — *5*.

[11] На обложке XV тетради, на которой Марксом записано оглавление этой тетради, некоторые из входящих в него заголовков написаны сбоку или сверху. В печатаемом в настоящем томе тексте оглавления эти заголовки расположены в том порядке, который соответствует фактическому содержанию тетради. — *5*.

[12] Под *«третьей главой»* Маркс понимает здесь третью часть своего исследования о «капитале вообще». Эта глава должна была иметь такой заголовок: «Единство процесса производства и процесса обращения капитала, или Капитал и прибыль». В дальнейшем (см., например, тетрадь IX, стр. 398, и тетрадь XI, стр. 526) Маркс вместо «третьей главы» употребляет выражение «третий отдел» («dritter Abschnitt»). Еще позднее он стал называть эту третью главу «третьей книгой» (например, в письме к Энгельсу от 31 июля 1865 года). Начало «третьей главы» исследования о «капитале вообще» изложено Марксом в XVI тетради.

Как видно из наброска плана этой «третьей главы», или «третьего отдела» (см. настоящий том, часть I, стр. 425), Маркс предполагал дать там два специальных исторических экскурса о теориях прибыли. Но в ходе своей работы над «Теориями прибавочной стоимости» Маркс уже в пределах этого своего историко-критического исследования подверг обстоятельному критическому анализу также и взгляды различных буржуазных экономистов на прибыль. Поэтому и дальнейшее, более полное раскрытие теоретических заблуждений, проистекающих из смешения прибавочной стоимости с прибылью, осуществлено Марксом уже на страницах «Теорий прибавочной стоимости», особенно во второй и в третьей части этого произведения. — *6.*

[13] В оригинале: «Arbeitsvermogen». В рукописи 1861—1863 годов Маркс в громадном большинстве случаев употребляет вместо термина «Arbeitskraft» термин «Arbeitsvermogen». В I томе «Капитала» эти два термина употребляются Марксом как равнозначные: «Unter Arbeitskraft oder Arbeitsvermogen verstehen wir den Inbegriff der physischen und geistigen Fahigkeiten, die in der Leiblichkeit, der lebendigen Personlichkeit eines Menschen existieren und die er in Bewegung setzt, so oft er Gebrauchsweree irgead einer Art produziert» (4-е нем. изд., стр. 130). Русский перевод этого места гласит: «Под рабочей силой, или способностью к труду, мы понимаем совокупность физических и духовных способностей, которыми обладает организм, живая личность человека, и которые пускаются им в ход всякий раз, когда он производит какие-либо потребительные стоимости» (см. настоящее издание, т. 23, стр. 178).

Русское выражение «способность к труду» не передает с достаточной точностью немецкий термин «Arbeitsvermogen». Немецкое слово «Vermogen» переводится на русский язык также и словом «сила». Термин «рабочая сила» вообще более точно, чем выражение «способность к труду», передает смысл слова «Arbeitsvermogen». Поэтому в настоящем томе термин «Arbeitsvermogen» всюду переводится термином «рабочая сила», а там, где Маркс употребляет термин «Arbeitskraft», этот термин дается в квадратных скобках вслед за русским термином «рабочая сила». — *11.*

[14] Имеется в виду вторая глава исследования о «капитале вообще», которая в конце концов выросла во II том «Капитала». Десятая глава II тома «Капитала» («Теории основного и оборотного капитала. Физиократы и Адам Смят») содержит анализ взглядов физиократов на основной и оборотный капитал. А в отделе «Воспроизводство и обращение всего общественного капитала» имеется специальный параграф о физиократах в главе девятнадцатой «Прежние представления о предмете». — *13.*

[15] Маркс имеет в виду страницы 58—60 второй тетради своей рукописи 1861—1863 годов (раздел «Превращение денег в капитал», параграф «Две составные части процесса превращения»). — *13.*

[16] Маркс имеет в виду III тетрадь своей рукописи 1861—1863 годов, стр. 105—106, где он мимоходом упоминает и о физиократах (раздел «Абсолютная прибавочная стоимость», параграф «Характер прибавочного труда»). — *19.*

[17] Маркс имеет в виду радикальных рикардианцев, делавших из теории Рикардо практические выводы против существования частной земельной

собственности, которую они предлагали превратить (полностью или частично) в собственность буржуазного государства. К числу этих радикальных рикардианцев принадлежали Джемс Милль, Джон Стюарт Милль, Хильдич, а также до известной степени Шербюлье. См. об этом настоящий том, часть II, стр. 458 рукописи Маркса, часть III, стр. 791, 1120 и 1139 рукописи Маркса; а также «Нищету философии» (настоящее издание, т. 4, стр. 174) и письмо Маркса к Зорге от 20 июня 1881 г. (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., 1 изд., т. XXVII, стр. 138—140). — *24.*

[18] *«Экономистами»* во Франции второй половины XVIII и первой половины XIX века называли физиократов. — *34.*

[19] V том выполненного Жерменом Гарнье французского перевода «Богатства народов») Адама Смита (издание 1802 года) содержит «Примечания переводчика», т. е. Жермена Гарнье. — *35.*

[20] Мирабо-отца называли при его жизни «L'Ami des hommes» («друг людей», «друг человечества») по названию одного из его произведений. — *38.*

[21] См. примечание 17. — *38.*

[22] В рукописи этот абзац находится тремя абзацами ниже (на той же 241-й странице). От предыдущего и от последующего текста он отделен горизонтальной разделительной чертой, как не связанный непосредственно ни с предшествующим, ни с последующим абзацем. Поэтому в настоящем издании абзац этот и перенесен к концу 240-й страницы, куда он непосредственно относится по своему содержанию. — *39.*

[23] Ср. выше стр. 12—13 текста и примечание 14 к этому месту. В «Теориях прибавочной стоимости» Маркс возвращается к физиократам в X тетради, где имеется большое «отступление», озаглавленное «Экономическая таблица Кенэ» (см. стр. 305—346 в I части настоящего тома). — *39.*

[24] *Демагогами* называли в Германии в 20-х годах XIX века участников оппозиционного движения среди немецкой интеллигенции. Слово вошло в обиход после Карлсбадской конференции министров немецких государств в августе 1819 г., принявшей специальные постановления для борьбы против «происков демагогов». — *39.*

[25] Немецкий оригинал книги Шмальца вышел в Берлине в 1818 году под заголовком: «Staatswirthschaftslehre in Briefen an einen teutschen Erbprinzen», Erster und zweiter Theil («Политическая экономия в письмах к одному немецкому наследному принцу», часть I и II). — *39.*

[26] Физиократический элемент во взглядах Смита на земельную ренту Маркс подвергает критическому анализу во II части «Теорий прибавочной стоимости» (стр. 628—632 рукописи, глава «Теория ренты А. Смита»). Ср. выше главу «Физиократы», стр. 32—36. — *43.*

[27] Маркс имеет в виду первый выпуск «К критике политической экономии». См. настоящее издание, т. 13, стр. 45—46. — *43.*

[28] Речь идет о «Началах политической экономии и налогового обложения» Рикардо, глава 1-я, отдел I. — *44.*

[29] В III части «Теории прибавочной стоимости», в главе «Т. Р. Мальтус» (стр. 753—781 рукописи), Маркс дает развернутую критику взглядов Мальтуса на стоимость и прибавочную стоимость (стр. 753—767 рукописи). — *46.*

[30] Маркс цитирует первое французское издание своей книги «Нищета философии» (Париж — Брюссель, 1847). См. настоящее издание, т. 4, стр. 88. — *47.*

[31] Маркс ссылается на одну из своих «записных тетрадей», т. е. тех тетрадей, в которых он делал выписки из читаемой им литературы. На 173-й странице VII записной тетради (судя по газетным выпискам, имеющимся в этой части VII тетради, 173-я страница написана в январе 1860 года) Маркс приводит цитаты из 6-й главы I книги «Богатства народов» Смита и снабжает их своими критическими замечаниями, в которых указывает на нелепость попытки вывести прибыль из «риска предпринимателя». Что касается «главы об апологетических объяснениях прибыли», то Маркс предполагал ее написать для третьей части своего исследования о «капитале вообще». В III части «Теории прибавочной стоимости» (стр. 777 рукописи) Маркс в том же смысле упоминает о подлежащем написанию разделе «Апологетическая трактовка отношения капитала и наемного труда».

Буржуазное представление о прибыли как о «премии за риск» подвергается Марксом критике также в X тетради рукописи 1861— 1863 годов при анализе «Экономической таблицы» Кенэ (см. настоящий том, часть I, стр. 314—321). — *53.*

[32] Апологетический взгляд на предпринимательский доход как на заработную плату, получаемую капиталистом за «труд по надзору и управлению», Маркс подвергает критике в III части «Теорий прибавочной стоимости» (глава о Рамсее и экскурс «Доход и его источники. Вульгарная политическая экономия»). См. также настоящее издание, т. 23, стр. 342—344, и т. 25, ч. I, стр. 420—429. — *55.*

[33] Вопрос о «более старых формах» капитала Маркс рассматривает в экскурсе «Доход и его источники. Вульгарная политическая экономия» (стр. 899—901 рукописи). См. также «Капитал», том III, глава 36: «Докапиталистические отношения». — *57.*

[34] См. примечание 29. — *63.*

[35] См. примечание 12. В ходе своей дальнейшей работы над «Теориями прибавочной стоимости» Маркс подверг в них критике также и воззрения рикардианцев на прибыль. В III части «Теорий прибавочной стоимости», в главе «Разложение рикардианской школы», Маркс специально останавливается на схоластических приемах, с помощью которых рикардианец Джемс Милль стремился разрешить противоречия рикардовской теории прибыли, и на бесплодных попытках Джона Стюарта Милля вывести непосредственно из теории стоимости рикардовское положение об обратной пропорциональности между нормой прибыли и величиной заработной платы. — *64.*

[36] Под термином *«средняя цена»* («Durchschnittspreis») Маркс понимает здесь то же самое, что под термином «цена производства», т. е. издержки производства ($c + v$) плюс средняя прибыль. Вопрос о соотношении

между стоимостью товаров и их «средней ценой» Маркс рассматривает во II части «Теорий прибавочной стоимости» — в главе о Родбертусе и в главе «Теория цены издержек у Рикардо и Адама Смита». Самый термин «средняя цена» указывает на то, что здесь имеется в виду «средняя рыночная цена за более или менее продолжительный период, или та центральная точка, к которой тяготеет рыночная цена», как Маркс разъясняет на стр. 605 своей рукописи (глава «Теория ренты Рикардо [окончание]»). — *71.*

[37] Термин *«цена издержек»* («Kostenpreis» или «Kostpreis», «cost price») употребляется Марксом в трех различных смыслах: 1) в смысле издержек производства для капиталиста ($c + v$), 2) в смысле «имманентных издержек производства» товара ($c + v + m$), которые совпадают со стоимостью товара, и 3) в смысле цены производства ($c + v$ + средняя прибыль). В данном месте этот термин взят во втором его смысле, т. е. в смысле имманентных издержек производства. Во II части «Теорий прибавочной стоимости» термин «цена издержек» употребляется Марксом в его третьем смысле, т. е. в смысле цены производства, или «средней цены». Маркс там прямо отождествляет эти термины. Так, на стр. 529 рукописи Маркс пишет: «... отличающиеся от самих стоимостей средние цены, или, как мы будем говорить, *цены издержек,* которые определяются не прямо стоимостями товаров, а авансированным на эти товары капиталом плюс средняя прибыль». А на стр. 624 Маркс указывает: «Цена, которая является необходимым условием для предложения товара, которая необходима для того, чтобы он вообще производился, появлялся на рынке как товар, есть, конечно, его *цена производства,* или *цена издержек».*

В III части «Теорий прибавочной стоимости» термин «Kostenpreis» употребляется Марксом то в смысле цены производства (в этих случаях он переводится словами «цена издержек»), то в смысле издержек производства для капиталиста, т. е. в смысле $c + v$ (в этих случаях он переводится словами «издержки производства»).

Троякое употребление термина «Kostenpreis» объясняется тем, что слово «Kosten» («издержки», «издержки производства») в экономической науке употреблялось в трех значениях, как это специально отмечает Маркс в III части «Теорий прибавочной стоимости» (стр. 788— 790 и 928 рукописи 1861—1863 годов): 1) в смысле того, что авансировано капиталистом, 2) в смысле цены авансированного капитала плюс средняя прибыль и 3) в смысле реальных (или имманентных) издержек производства для самого товара.

Кроме этих трех значений, встречающихся у классиков буржуазной политической экономии, имеется еще четвертое, вульгарное значение термина «издержки производства», в котором его употребляет Ж. Б. Сэй, определяющий «издержки производства» как «то, что уплачивается за производительные услуги труда, капитала и земли» (J. B. Say. «Traite d'economie politique». Seconde edition. Tome II, Paris, 1814, p. 453). Это вульгарное понимание «издержек производства» Маркс решительно отвергает (см., например, стр. 506 и 693—694 рукописи во II части «Теорий прибавочной стоимости»). — *72.*

[38] Во II части «Теорий прибавочной стоимости», в обширном разделе о Рикардо, занимающем в рукописи Маркса тетради XI, XII и XIII, имеется глава «Теория цены издержек у Рикардо и А. Смита (опровержение)», в которой Маркс возвращается к анализу смитовской концепции «естественной цены» (стр. 549—560 рукописи). — *73.*

[39] Критический анализ положения Смита о том, что рента входит в состав цены продукта иначе, чем прибыль и заработная плата, дается Марксом во II части «Теорий прибавочной стоимости», в главе «Теория ренты А. Смита» (стр. 620—625 рукописи). Цитата из «Богатства народов» Смита приведена Марксом по книге Ганиля «Des systemes d'economie politique» (Париж, 1821, том II, стр. 3). — *73.*

[40] См. примечание 12. — *81.*

[41] Поставленной здесь проблеме Маркс в III томе «Капитала», глава 49, дает следующую формулировку: «Каким образом возможно, чтобы рабочий на свою заработную плату, капиталист на свою прибыль, земельный собственник на свою ренту могли купить товары, из которых каждый содержит в себе не только одну из этих составных частей, но все три, и каким образом возможно, чтобы сумма стоимости заработной платы, прибыли, ренты, следовательно трех источников дохода, вместе взятых, могла купить товары, составляющие все потребление получателей этих доходов, товары, которые, сверх этих трех составных частей стоимости, содержат в себе еще одну составную часть стоимости, а именно постоянный капитал? Каким образом могут они на стоимость трех частей купить стоимость четырех?» (К. Маркс. «Капитал», том III, М., 1955, стр. 857).

Вслед за этим Маркс пишет: «Анализ мы дали в книге II, отдел III» (там же, стр. 858). Речь идет об отделе «Воспроизводство и обращение всего общественного капитала» (см. настоящее издание, т. 24, стр. 394—596). — *83.*

[42] Термин *«издержки производства»* («Produktionskosten») употреблен здесь в смысле «имманентных издержек производства», т. е. в смысле $c + v + m$. Ср. примечание 37. — *85.*

[43] Слова *«(Форкад, Прудон)»* представляют собой приписку, которую Маркс сделал в рукописи карандашом. Маркс имеет здесь в виду выписанное им в записной тетради XVI место из статьи французского буржуазного публициста, вульгарного экономиста Форкада «Война социализма» (статья вторая), напечатанной в журнале «Revue des deux Mondes» за 1848 год (том 24, стр. 998—999). В этом месте своей статьи Форкад критикует тезис Прудона о том, что «рабочий не может выкупить свой собственный продукт, потому что в него входит процент, присоединяющийся к себестоимости продукта» (тезис этот фигурирует в книге Прудона «Qu' est-ce que la propriete», Paris, 1840, chapitre IV, § 5). Форкад обобщает то затруднение, которое Прудон выставил в такой узкоограниченной форме, и отмечает, что цена товара содержит в себе избыток не только над заработной платой, но также и над прибылью, поскольку она содержит в себе еще и стоимость сырья и т. д. Пытаясь разрешить вопрос в этой обобщенной форме, Форкад ссылается на «непрерывный рост национального капитала» как на то, что якобы объясняет указанный «выкуп». В III томе «Капитала», глава 49, примечание 53, Маркс показывает нелепость этой ссылки Форкада на рост капитала и клеймит ее как «образчик оптимизма буржуазного скудоумия».

«Revue des deux Mondes» («Обозрение Старого и Нового света») — двухнедельный буржуазный литературно-художественный и публицистический журнал, издается в Париже с 1829 года. — *89.*

[44] В дальнейшем Маркс, сохраняя приведенные выше цифровые данные, меняет буквенные обозначения сфер производства (кроме *A).* Вместо

обозначений *B* и *C* Маркс пользуется теперь обозначениями B^1 — B^2 (или B^{1-2}); вместо обозначений *D, E, F, G, H, I* — обозначениями C^1—C^6 (или C^{1-6}); вместо обозначений K^1—K^{18} — обозначениями D^1 —-D^{18} (или D^{1-18}); вместо обозначений L^1 — L^{54}— обозначениями E^1 — E^{54} (или E^{1-54}); вместо обозначений M^1 — M^{162} — обозначениями F^1 — F^{162} (или F^{1-162}); вместо обозначений N^1 — N^{486} — обозначениями G^1 — G^{486} (или G^{1-486}). — *96*.

[45] Обозначения *B* и *C* берутся здесь Марксом в том же смысле, в каком Маркс употребляет их до стр. 96 (см. примечание 44). Маркс имеет здесь в виду две сферы производства, в каждой из которых вновь присоединенный труд составляет один рабочий день. Сумма вновь присоединенного труда в сферах *A, B* и *C* равняется трем рабочим дням, т. е. равняется труду, овеществленному в продукте сферы *A*. — *101.*

[46] Маркс употребляет здесь буквенные обозначения *B* и *C* уже не в смысле двух сфер производства: в этом случае их продукт составлял бы всего лишь 6 рабочих дней, между тем как у Маркса здесь идет речь о 18 рабочих днях. Но Маркс берет эти обозначения также и не в смысле B^1 — B^2 и C^1 — C^6 (B^1 — B^2 означает у Маркса группу из двух сфер производства; C^1 — C^6 означает группу из шести сфер производства; совокупный продукт этих восьми сфер составляет 24 рабочих дня). Здесь Маркс имеет в виду группу, состоящую из шести сфер производства. Их совокупный продукт составляет 18 рабочих дней и, следовательно, может быть отдан в обмен на вновь присоединенный труд в D^1 — D^{18}, также равняющийся 18 рабочим дням. — *101.*

[47] Вставка в квадратных скобках вытекает из всего хода мысли Маркса. Согласно расчетам Маркса, в каждой последующей группе сфер производства число этих последних вдвое больше общего числа всех предыдущих сфер. Так, в группе D^{1-18}, охватывающей 18 сфер производства, в два раза больше сфер, нем во всех предыдущих группах, вместе взятых (*A* — одна сфера, B^{1-2} — две сферы, C^{1-6} — шесть сфер; в общей сложности — девять сфер). Поэтому Маркс после обозначения D^{1-18} пишет в скобках: 2×9.— *102.*

[48] Маркс цитирует здесь Смита в переводе Гарнье. Пояснение относительно термина «dealers», на которое в скобках указывает Маркс, принадлежит Гарнье. — *104.*

[49] Отдельные критические замечания об этом ошибочном положении Смита и Тука Маркс делает ниже на стр. 122—123 и 241—243.

Во II томе «Капитала», глава 20, Маркс показывает, что взгляд Смита и Тука, будто «денег, требующихся для обращения годового дохода, достаточно также и для обращения всего годового продукта», тесно связан с догмой Смита, сводившего всю стоимость общественного продукта к доходам (настоящее издание, т. 24, стр. 540—541). См. также К. Маркс. «Капитал», том III, М., 1955, глава 49, стр. 856— 857. — *104.*

[50] Согласно предыдущему расчету, $5^1/_3$ арш. холста представляют совокупный постоянный капитал прядильщика *и* фабриканта ткацкого станка. Поэтому для определения доли льновода надо брать за исходную величину не $5^1/_3$ арш., а меньшее количество холста. В дальнейшем Маркс исправляет эту неточность и предполагает, что постоянный капитал прядильщика представлен всего лишь в 4 арш. холста. — *108.*

[51] Маркс критикует здесь положение Смита (воспринятое Туком) о том, что «стоимость товаров, обращающихся между различными деловыми людьми, никогда не может превысить стоимость товаров, обращающихся между деловыми людьми и потребителями». См. выше стр. 104. — *123.*

[52] Маркс имеет в виду сделанное им на стр. 121—122 пояснение, что он оставляет здесь в стороне «ту часть прибыли, которая превращается в новый капитал». — *123.*

[53] См. настоящее издание, т. 24, стр. 478—481. — *128.*

[54] Критику буржуазной концепции, согласно которой все «то, что является для одного капиталом, для другого есть доход, и наоборот», Маркс дает во II томе «Капитала» (см. настоящее издание, т. 24, стр. 497—499). Ср. там же стр. 425—433, 438—440 и «Капитал», том III, М., 1955, стр. 856. — *129.*

[55] Заключенный в фигурные скобки отрывок находится в рукописи на странице 304-й, относящейся к главе IV. В III главу этот отрывок перенесен в соответствии с пометкой Маркса, стоящей в самом его начале: «К стр. 300». На 300-й странице рукописи находится отрывок о Сэе, начинающийся словами: «Добавление к предшествующему». При сопоставлении этих отрывков обращает на себя внимание следующее обстоятельство: отрывок, находящийся на стр. 304, заканчивается вопросом: «как это возможно, что стоимость проданного продукта» и т. д. В конце отрывка о Сэе содержится ответ на этот вопрос: «Доход, состоящий исключительно из присоединенного труда, может оплатить этот продукт» и т. д. В соответствии с этим отрывок, находящийся на стр. 304 рукописи, дается до отрывка о Сэе, помещаемого в качестве заключительной части всего десятого параграфа III главы. — *131.*

[56] См. примечание 18. — *131.*

[57] Маркс имеет в виду тот порочный круг в смитовской концепции «естественной цены заработной платы», о котором он писал выше (см. стр. 72). — *132.*

[58] Имеется в виду первый выпуск «К критике политической экономии». См. настоящее издание, т. 13, стр. 49—60. — *132.*

[59] Отрывок, выясняющий общий характер противоречий Смита, в настоящем издании дается, в качестве заключительного замечания, в самом конце III главы. Это соответствует тому месту, которое данный отрывок занимает в рукописи Маркса, где непосредственно за этим отрывком находятся начальные строки следующей главы. — *132.*

[60] Маркс имеет в виду слова Мальтуса о том, что различение между производительным и непроизводительным трудом является краеугольным камнем в произведении Адама Смита и той основой, на которой покоится главная нить его рассуждений (Malthus. «Principles of Political Economy», 2nd edition, London, 1836, p. 44). — *138.*

[61] О банкирах и их паразитической роли в капиталистическом общество см. К. Маркс. «Капитал», том III, М., 1955, стр. 492—493, 520, 525— 526 и 559—560. — *146.*

[62] О концентрации капитала как первоначальном условии для увеличения производительности труда Маркс говорит в IV тетради своей рукописи 1861—1863 годов, на стр. 171—172 (раздел «Относительная прибавочная стоимость», параграф «Разделение труда»). — *153.*

[63] Маркс имеет в виду первый выпуск «К критике политической экономии». В 13-м томе настоящего издания упоминаемая Марксом цитата из Петти находится на стр. 112. — *157.*

[64] Речь идет о сатире английского писателя Мандевиля «The Fable of the Bees, or Private Vices Publick Benefits», вышедшей первым изданием в 1705 году, пятым изданием — в 1728 году. — *159.*

[65] Имеется в виду вышедшее анонимно сочинение Давенанта «Discourses on the Publick Revenues, and on the Trade of England», part II, London, 1698, к которому приложена перепечатка появившегося годом раньше трактата Давенанта «An Essay on the East-India Trade».

Данный в тексте перевод этого места приведен в соответствие с тем, что Маркс говорит о Давенанте в своей записной тетради, откуда он взял все приведенные в тексте цитаты из работ Давенанта (тетрадь эта имеет на обложке пометку Маркса: «Манчестер. Июль 1845»). — *162.*

[66] «Трактат о налогах и сборах» Уильяма Петти Маркс цитирует здесь по книге Шарля Ганиля «Des systemes d'economie politique», tome II, p. 36—37 (Paris, 1821), где это место приведено во французском переводе Ганиля. Текст французского перевода данного отрывка несколько отличается от текста английского оригинала, который приводится Марксом по-английски в XXII тетради его рукописи (см. настоящий том, часть I, стр. 359—360). — *165.*

[67] После этой цитаты из Гарнье в рукописи идет обширное отступление о Джоне Стюарте Милле (стр. 319—345 рукописи), небольшая заметка о Мальтусе (стр. 345—346) и небольшой экскурс о Петти (стр. 346— 347). Отступление о Дж. Ст. Милле начинается следующими словами: «Прежде чем разбирать взгляды Гарнье, изложим здесь эпизодически [т. е. в виде экскурса] кое-что о вышецитированном *Милле младшем.* То, что мы имеем в виду здесь сказать, относится, собственно, к дальнейшему, где речь будет идти о рикардовской теории прибавочной стоимости, а не к данному месту, где мы рассматриваем пока еще А. Смита». В оглавлении XIV тетради (см. настоящий том, часть I, стр. 4), а также в самом тексте этой тетради, раздел о Дж. Ст. Милле включен в состав главы «Разложение рикардианской школы». На основании всего этого экскурс о Дж. Ст. Милле в настоящем издании перенесен в указанную главу, входящую в состав третьей части «Теорий прибавочной стоимости». Заметка о Мальтусе перенесена в главу о Мальтусе, а экскурс о Петти помещен выше на стр. 164—165. После всех этих отступлений в рукописи (тетрадь VIII, стр. 347) написано: «Теперь мы возвращаемся к вопросу о производительном и непроизводительном труде. *Гарнье.* См. тетрадь VII, стр. 319». И далее следует разбор взглядов Гарнье, печатаемый на стр. 166—187. — *166.*

[68] До сих пор Маркс буквой x обозначал продукт, рассматриваемый как потребительная стоимость, а буквой z — стоимость продукта. Начиная с этого места Маркс меняет буквенные обозначения: через x он обозначает стоимость, а через z — потребительную стоимость. В настоящем издании везде даны буквенные обозначения, первоначально принятые Марксом. — *172.*

[69] Этот отрывок, представляющий собой добавление к параграфу о Жермене Гарнье, взят из IX тетради, где он записан между параграфом о Сэе и параграфом о Дестюте де Траси. Книгу Гарнье «Abrege elementaire des principes de l'economie politique» Маркс цитирует по книге Дестюта де Траси «Elemens d'ideologie. IV-e et V-e parties», Paris, 1826, p. 250—251. — *188.*

[70] Несколько абзацев под общим заголовком *«Шмальц»* представляют собой приписку в самом конце IX тетради. По своему содержанию они являются добавлением к дополнительной заметке о Гарнье, находящейся в той же тетради на стр. 400 (см. настоящий том, часть I, стр. 187—188). — *189.*

[71] Даваемое Канаром определение богатства Маркс цитирует по книге Ганиля «Des systemes d'economie politique» (издание 2-е, том I, стр. 75). В книге Канара оно находится на стр. 4. — *189.*

[72] Это утверждение Ганиля находится в первом томе его сочинения «Des systemes d'economie politique» (seconde edition, Paris, 1821), p. 213.

Книга Ганиля «Theorie de l'economie politique» вышла в 1815 году, за два года до первого издания «Начал» Рикардо. — *200.*

[73] Строго говоря, стоимость машин при предположении, что она в 4 раза больше остальной части капитала, равняющейся 460 ф. ст. (150 + 310), должна была бы составить 1840 ф. ст. Но это число значительно усложнило бы расчеты. Поэтому Маркс, для упрощения расчетов, принимает стоимость машин равной 1600 ф. ст. — *201.*

[74] Примечание Сэя к 26-й главе «Начал» Рикардо Маркс цитирует здесь по книге Ганиля (том I, стр. 216). — *209.*

[75] См. примечание 18. — *210.*

[76] Маркс указывает страницу первого тома книги Ганиля, по которой он здесь цитирует (во французском переводе Констансио) отрывки из 26-й главы «Начал» Рикардо. В дальнейшем, на стр. 377 своей рукописи, Маркс снова приводит это же место из «Начал» Рикардо, но уже на английском языке (по 3-му английскому изданию) и в более полном виде (см. настоящий том, часть I, стр. 214—215). — *212.*

[77] *Vos, non vobis* (вы, не для вас) — слова из эпиграммы Вергилия, гласящей: «Так вы, птицы, вьете гнезда не для вас самих; так вы, овцы, носите шерсть не для вас самих; так вы, пчелы, делаете мед не для вас самих; так вы, волы, тащите плуг не для вас самих». — *213.*

[78] Маркс приводит здесь цитату из 26-й главы «Начал» Рикардо спорна во французском переводе Констансио (по книге Ганиля, том 1, стр. 214), а затем в английском оригинале (по 3-му изданию, стр. 416). — *214.*

[79] Далее в рукописи идут перечеркнутые карандашом $4^1/_2$ страницы (стр. 372—376), на которых Маркс подвергает подробному разбору числовые данные, содержащиеся в приводимом у Рикардо примере с «человеком, имеющим капитал в 20000 ф. ст.». Маркс показывает несообразность этих числовых данных. В одном случае владелец капитала в 20000 ф. ст. применяет 100 рабочих и продает произведенный товар за 10000 ф. ст. В другом случае он применяет 1000 рабочих

и продаст произведенный товар за 20000 ф. ст. Рикардо утверждает, что в обоих этих случаях прибыль на капитал в 20000 ф. ст. может быть одна и та же — 2000 ф. ст. Маркс производит детальные расчеты, показывающие, что при данных предпосылках этот результат невозможен. В связи с этим Маркс высказывает следующее общее положение: «*Предпосылки* в иллюстративных примерах не имеют права противоречить самим себе. Они должны быть так формулированы, чтобы быть *реальными* предпосылками, реальными гипотезами, а не предпосылаемыми нелепостями, не гипотетическими нереальностями и невозможностями» (стр. 373). Неудовлетворительность приводимого у Рикардо примера обнаруживается также и в том, что в этом примере указаны только количества применяемых рабочих, но не указаны количества производимого в обоих случаях валового продукта. В целях более глубокого анализа этих двух случаев Маркс подбирает более подходящие числа для количества рабочих и для количества произведенного продукта и делает соответствующие расчеты. Но когда Маркс доходит до вычисления тех количеств продукта, которые в каждом из двух случаев достаются рабочим в виде заработной платы, он обнаруживает ошибку в своих вычислениях и решает прекратить свои выкладки. Перечеркнутое в рукописи место заканчивается (на стр. 376) такими словами: «Этот расчет надо прекратить. Нет оснований для того, чтобы терять время на конструирование этой рикардовской чепухи». — *214.*

[80] Маркс имеет в виду рассуждения Сэя (в его «Lettres a Malthus», Paris, 1820, p. 15) о том, что если, например, в Италии наблюдается переполнение рынка английскими товарами, то причиной этого является недостаточное производство тех итальянских товаров, которые могли бы быть обменены на английские товары. Эти рассуждения Сэя цитируются в анонимном трактате «An Inquiry into those Principles...» (London, 1821, p. 15) и фигурируют в сделанных Марксом выписках из «An Inquiry into those Principles...» в его записной тетради XII, стр. 12. Ср. также тезис Сэя о том, что «задержка в сбыте некоторых продуктов вызывается редкостью некоторых других», который Маркс разбирает на стр. 261 первой части настоящего тома. — *223.*

[81] Маркс берет круглую цифру 10, чтобы не усложнять дальнейших расчетов. При взятых в тексте цифрах (110 лет как общая сумма периодов оборота для 14 различных видов основного капитала) точное исчисление среднего оборота основного капитала (если допустить, что все 14 различных видов его одинаковы по своим размерам) дает не 10 лет, а только 7,86 года. — *232.*

[82] К некоторым из вопросов, затронутых в этом «интермеццо», Маркс возвращается в X тетради своей рукописи в связи с разбором «Экономической таблицы» Кенэ (см. настоящий том, часть I, глава VI). А подробный систематический ответ на поставленные выше два вопроса дается во II томе «Капитала» (особенно в главе 20-й, раздел X: «Капитал и доход: переменный капитал и заработная плата», и в главе 21-й: «Накопление и расширенное воспроизводство»).

Во II части «Теорий прибавочной стоимости» Маркс возвращается к вопросам, разбираемым в этом «интермеццо», в главе о теории накопления Рикардо.

В III части «Теорий» Маркс возвращается к вопросу об обмене между капиталом и доходом в главе о «пролетарских противниках

политико-экономов» (в связи с критическим анализом анонимного памфлета «The Source and Remedy of the National Difficulties») и в главе о Шербюлье (в связи с вопросом о накоплении как расширенном воспроизводстве). — *243.*

[83] См. примечание 12. — *257.*

[84] Речь идет о следующем месте: «Золото и серебро, находящиеся в обращении какой-либо страны и служащие средством для обращения и распределения между надлежащими потребителями годового продукта ее земли и труда, представляют собой, как и наличные деньги отдельного коммерсанта, мертвый капитал. Эта весьма ценная часть капитала страны ничего не производит для нее» (Адам Смит. «Исследование о природе и причинах богатства народов». М.—Л., 1935, том I, стр. 270). — *258.*

[85] *Институт Франции* — высшее научное учреждение, состоящее из нескольких отделений, или академий; существует с 1795 года. Дестют де Траси был членом Академии моральных и политических наук. — *272.*

[86] В XIV тетради своей рукописи (эта тетрадь входит в III часть настоящего тома) Маркс, после разбора взглядов Мальтуса, останавливается на двух анонимных произведениях, из которых одно выступает с рикардианских позиций против Мальтуса, а другое защищает взгляды Мальтуса против рикардианцев. Первое озаглавлено: «An Inquiry into those Principles, respecting the Nature of Demand and the Necessity of Consumption, lately advocated by Mr. Malthus, from which it is concluded, that Taxation and the Maintenance of Unproductive Consumers can be conducive to the Progress of Wealth». London, 1821. Второе называется: «Outlines of Political Economy». London, 1832. — *277.*

[87] Эту цитату из книги Уильяма Пейли «The Principles of Moral and Political Philosophy» (London, 1785) Маркс приводит на французском языке из книги: T. R. Malthus. «Essai sur le principe de population». Traduit de l'anglais sur la cinquieme edition par P. Prevost et G. Prevost. 3-e edition francaise. Tome IV, Paris — Geneve, 1836, p. 109. — *277.*

[88] Маркс имеет в виду полемику Лессинга против Вольтера в «Гамбургской драматургии» (1767—1768) Лессинга. — *280.*

[89] *«Генриада»* — поэма Вольтера о французском короле Генрихе IV; впервые издана в 1723 году. — *280.*

[90] О враждебном отношении Адама Смита к попам см. К. Маркс. «Капитал», том I, глава 23, примечание 75. — *296.*

[91] В этой главе Смит рассматривает общие теоретические представления меркантилизма. — *298.*

[92] Маркс имеет в виду параграф «Образование сокровищ» в первом выпуске «К критике политической экономии», где он приводит цитату из «Политической арифметики» Петти. На эту же цитату Маркс ссылается выше, на стр. 157, где он отмечает у Смита частичный возврат к представлениям меркантилистов. — *299.*

[93] Маркс имеет в виду последние шесть абзацев 3-й главы II книги «Богатства народов» Смита, где Смит исследует, какой вид расходования

дохода в большей степени содействует росту общественного богатства и какой — в меньшей. Смит полагает, что это зависит от различной природы предметов потребления, от степени их долговечности. Об этом взгляде Смита Маркс упоминает выше — в параграфе о Дестюте де Траси, на стр. 274—275. — *299.*

[94] В V тетради, на стр. 181 рукописи (глава первая, раздел третий: «Относительная прибавочная стоимость», параграф «Разделение труда»), Маркс приводит следующую цитату из Ленге:

«Скаредная экономия, с беспокойством следящая за ним» (поденным рабочим), «осыпает его упреками при малейшем перерыве, который он готов себе позволить, и если он предается минутному отдыху, начинает утверждать, что он ее обкрадывает» ([Linguet.] «Théorie des Loix Civiles». Tome II, Londres, 1767, p. 466).

Это же самое место приводится Марксом в X тетради, на стр. 439 рукописи, в главе о Ленге (см. настоящий том, часть I, стр. 350). В I томе «Капитала» оно — в сокращенном виде — дано в виде примечания 39 к главе 8-й (см. настоящее издание, т. 23, стр. 244). — *301.*

[95] Маркс помещает главу о Ленге после главы о Неккере несмотря на то, что, по времени опубликования, сочинение Ленге «Théorie des Loix Civiles» (1767 г.) предшествовало обоим сочинениям Неккера, которые здесь рассматриваются Марксом: «Sur la Législation et le Commerce des Grains» (1775 г.) и «De l'Administration des Finances de la France» (1784 г.). Такое расположение материала обусловлено у Маркса тем, что в смысле понимания характера капиталистического производства сочинение Ленге представляет собой более высокую ступень, чем указанные работы Неккера. — *301.*

[96] Маркс воспользовался здесь тем изображением «Экономической таблицы», которое дано в книге: Schmalz. «Economie politique». Ouvrage traduit de l'allemand par Henri Jouffroy. Tome I, Paris, 1826, p. 329.

Критика взглядов Шмальца дана Марксом в тетради VI, стр. 241— 242 (см. настоящий том, часть I, стр. 39—40).

Дополнительные замечания о Шмальце с цитатами из его книги содержатся в самом конце тетради IX, стр. 421 (см. настоящий том, часть I, стр. 188—189). На следующей же странице рукописи (тетрадь X, стр. 422) Маркс переходит к «Отступлению», посвященному критическому разбору «Экономической таблицы» Кенэ, которую он и дает здесь по книге Шмальца.

Характерно, что на протяжении почти всего «Отступления» (стр. 422—437 рукописи) Маркс совершенно не приводит цитат из произведений упоминаемых им авторов. Только на последней странице «Отступления» (стр. 437) приведены цитаты из Смита и дана выписка из Прудона с указанием, что она относится к тому месту в рукописи (стр. 428), где речь идет о Пру доне (в соответствии с этим указанием Маркса выписка из Прудона и помещена в I части настоящего тома на стр. 326). Все это приводит к выводу, что у Маркса, когда он писал «Отступление», не было под рукой произведений Кенэ и других упоминаемых здесь авторов. Весьма вероятно, что почти все «Отступление» (до приведенных на стр. 437 цитат из Смита и Прудона) было написано Марксом в апреле 1862 года, во время его пребывания у Энгельса в Манчестере.

В тех дополнительных замечаниях о физиократах, которые содержатся в тетради XXIII, стр. 1433—1434, Маркс приводит «Экономи-

ческую таблицу» в том виде, в каком она дана у Кенэ в его «Analyse du Tableau Economique» (см. настоящий том, часть I, стр. 383). В таком же виде «Экономическая таблица» приводится Марксом и в его письме к Энгельсу от 6 июля 1863 года. — *305.*

[97] Буквенные обозначения (и значки к ним), вводимые здесь Марксом, придают «Таблице» наглядность, которой она лишена как у Шмальца, так и у Кенэ.

Обозначение каждой линии двумя буквами *(ab, ac, cd* и т. д.) позволяет определить ее направление — от какого класса к какому идет эта линия (направление определяется последовательностью букв в алфавите: *ab, ac, cd...).* Так, линия *ab* указывает на то, что обращение между классом земельных собственников и производительным классом (фермерами) имеет своим исходным пунктом класс собственников (покупка последними предметов питания у фермеров).

Обозначение каждой линии двумя буквами — в начале линии и в конце ее — выражает одновременно движение денег и движение товаров. Так, линия *ab* изображает движение денег (класс земельных собственников уплачивает 1 млрд. денег производительному классу); но эта же линия, рассматриваемая в противоположном направлении *(ba),* показывает движение товаров (производительный класс передает классу собственников на 1 млрд. предметы питания).

Ломаная линия *abcd* слагается из следующих звеньев: 1) отрезок *ab,* изображающий обращение между земельными собственниками и производительным классом (собственники покупают на 1 млрд. предметы питания у фермеров); 2) отрезок *ac,* изображающий обращение между собственниками и бесплодным классом — промышленниками (собственники покупают у промышленников на 1 млрд. промышленные изделия); 3) отрезок *cd,* изображающий обращение между бесплодным классом и производительным классом (промышленники покупают у фермеров предметы питания на 1 млрд.).

Линия *a'b'* изображает обращение между производительным классом и бесплодным классом (фермеры покупают у промышленников на 1 млрд. промышленные изделия).

Линия *a''b''* изображает заключительное обращение между бесплодным классом и производительным классом (промышленники покупают у фермеров на 1 млрд. необходимое для промышленного производства сырье). — *305.*

[98] Маркс противопоставляет рабочего, единственным товаром которого является его рабочая сила, «товаровладельцу в первом смысле», т. е. такому товаровладельцу, который имеет для продажи «товары, отличные от самой рабочей силы» (ср. выше, стр. 149 и 153—154). — *315.*

[99] Маркс имеет в виду первый выпуск «К критике политической экономии», глава вторая, раздел третий — «Деньги», первые два абзаца (см. настоящее издание, т. 13, стр. 105—106). — *323.*

[100] Маркс имеет в виду следующее место в первом выпуске «К критике политической экономии»: «Деньги, которые они [товаровладельцыъ израсходовали как покупатели, возвращаются обратно в их руки, как только они выступают снова в качестве продавцов товаров. Постоянное возобновление товарного обращения отражается, таким образом, в том, что деньги не только постоянно перекатываются из одних рук в другие по всей поверхности буржуазного общества, но

вместе с тем описывают множество различных маленьких кругооборотов, выходя из бесконечно различных точек и возвращаясь к тем же самым точкам, чтобы снова повторить то же самое движение» (см. настоящее издание, т. 13, стр. 83). — *323.*

[101] См. настоящий том, часть I, стр. 262—275. См. также К. Маркс. «Капитал», том II, глава 20-я, раздел XIII: «Теория воспроизводства Дестюта де Траси». — *324.*

[102] Раздел о Брее находится в X тетради, на стр. 441—444 рукописи. Этот раздел остался незаконченным, и взгляды Брея по вопросу о денежном обращении между рабочим и капиталистом не были в нем затронуты.

О взглядах Брея на сущность и роль денег см. у Маркса: рукопись 1847 года «Заработная плата» (настоящее издание, т. 6, стр. 584); «Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie», Moskau, 1939, S. 55, 690, 754; письмо Маркса к Энгельсу от 2 апреля 1858 года; «К критике политической экономии» (настоящее издание, т. 13, стр. 70). — *324.*

[103] В дальнейшем, на стр. 428 и 437 тетради X, Маркс дает краткую характеристику взглядов Прудона по данному вопросу (см. настоящий том, часть I, стр. 325—326). — *324.*

[104] Поставленные в скобки слова носят характер записи мысли, которую Маркс предполагал развить позднее. Маркс, по всей вероятности, имел в виду апологетическую концепцию Кенэ по вопросу о частной собственности на землю: по этой концепции, право земельных собственников на землю основано на том, что их предки сделали девственную землю пригодной для земледелия. В X главе второго отдела «Анти-Дюринга», написанной Марксом, этот взгляд физиократов получил следующую характеристику: «... Настоящая функция земельных собственников, согласно «естественному праву», и заключается, по мнению Кенэ, именно «в заботе о хорошем управлении и в производстве затрат на поддержание их вотчин», или... в avances foncieres, т. е. в затратах для подготовки почвы и снабжения ферм всем необходимым инвентарем, что позволяет фермеру употреблять весь свой капитал исключительно на ведение действительного сельскохозяйственного производства» (настоящее издание, т. 20, стр. 260). — *325.*

[105] В III части «Теорий прибавочной стоимости», в экскурсе «Доход и его источники. Вульгарная политическая экономия» (стр. 935—937 рукописи), Маркс подвергает критике вульгарный взгляд Прудона на роль денежного капитала и на сущность процента, развитый Прудоном в «Gratuite du Credit». См. также настоящее издание, т. 25, ч. I, стр. 379—381. — *326.*

[106] Эту проблему Маркс подверг всестороннему рассмотрению во II томе «Капитала» — глава 17; глава 20, разделы V и XII; глава 21 (в особенности раздел I, параграф 1: «Образование сокровища»). — *328.*

[107] См. предыдущее примечание. — *329.*

[108] Маркс употребляет здесь следующие обозначения для трех классов, фигурирующих у Кенэ; *P* — classe des Proprietaires (класс земельных

собственников), *S* — classe Sterile (бесплодный класс — промышленники), *F* — Fermiers, classe productive (фермеры, производительный класс). — *329.*

[109] См. примечание 97. — *329.*

[110] См. примечание 97. — *332.*

[111] Маркс принимает здесь и в дальнейшем, что, по Кенэ, *только одна пятая* часть валового сельскохозяйственного продукта не вступает в обращение, а используется производительным классом в натуральной форме.

Маркс возвращается к этому вопросу в XXIII тетради, стр. 1433— 1434 рукописи (см. настоящий том, часть I, стр. 383—384), и в написанной им X главе второго отдела «Анти-Дюринга». В этой главе дана следующая уточненная характеристика взглядов Кенэ на возмещение оборотного капитала в сельском хозяйстве: «Весь валовой продукт, стоимостью в пять миллиардов, находится, таким образом, в руках производительного класса, т. е. прежде всего фермеров, которые произвели его путем израсходования годового оборотного капитала в два миллиарда, соответствующего основному капиталу в десять миллиардов. Сельскохозяйственные продукты, жизненные средства, сырые материалы и т. д., которые требуются для возмещения оборотного капитала, стало быть, в том числе и для поддержания жизни всех непосредственно занятых в земледелии лиц, изымаются in natura из совокупного урожая и расходуются для нового сельскохозяйственного производства. Так как предполагаются, как уже было сказано выше, постоянные цены и простое воспроизводство в однажды установленном масштабе, то денежная стоимость этой заранее изымаемой из валового продукта части равна двум миллиардам ливров. Следовательно, эта часть не вступает в общее обращение, ибо, как уже было замечено, из таблицы исключено обращение, происходящее *в пределах* каждого отдельного класса, а не между различными классами» (настоящее издание, т. 20, стр. 257).

Отсюда следует, что, по Кенэ, надо говорить о *двух пятых* всего валового продукта фермеров как о той части их продукта, которая в натуральной форме идет на возмещение их оборотного капитала. —*332.*

[112] Маркс имеет в виду комментарий Бодо «Explication du Tableau Economique» (в книге: «Physiocrates». Avec une introduction et des commentaires par E. Daire. Deuxieme partie. Paris, 1846, p. 822— 867). — *334.*

[113] Имеется в виду первый выпуск «К критике политической экономии». См. настоящее издание, т. 13, стр. 89. — *342.*

[114] Вместо фигурирующих в «Экономической таблице» Кенэ *тысяч миллионов* (т. е. миллиардов) турских ливров Маркс говорит здесь просто о *тысячах* денежных единиц, что нисколько не меняет сути дела. — *342.*

[115] См. настоящее издание, т. 13, стр. 83. — *343.*

[116] См. примечание 101. — *343.*

[117] Маркс ссылается на первый выпуск «К критике политической экономии» (см. настоящее издание, т. 13, стр. 83). Ср. примечание 100. — *343.*

[118] См. примечание 106. — *345.*

[119] В III части «Теорий прибавочной стоимости» (в тетрадях XIV и XV, стр. 852—890 рукописи) имеется глава: «Пролетарские противники политико-экономов, исходившие из рикардовской теории». К этой же главе относятся оставшийся незаконченным раздел о Брее в X тетради (стр. 441—444) и окончание раздела о Годскине в XVIII тетради (стр. 1084—1086). — *347.*

[120] [Linguet, N.] «Theorie des Loix Civiles, ou Principes fondamentaux de la Societe». Tome I, Londres, 1767, p. 236. — *347.*

[121] О некоторых взглядах Петти Маркс говорил уже выше, в главе «Теории о производительном и непроизводительном труде», а именно в той ее части, где речь идет о ранних попытках различения между производительным и непроизводительным трудом (см. стр. 163—165 в I части настоящего тома). — *356.*

[122] Имеется в виду последний, 9-й раздел первой части «Капитала», как он намечался планом Маркса, набросанным на стр. 1140 в XVIII тетради (см. план первой части «Капитала» в I части настоящего тома, стр. 424). — *356.*

[123] Имеется в виду «Трактат о налогах и сборах», впервые напечатанный в 1662 году. — *365.*

[124] Речь идет о «Discourses upon Trade» Норса и о «Some Considerations of the Consequences of the Lowering of Interest, and Raising the Value of Money» Локка. Обе работы были написаны в 1691 году и вышли в Лондоне: первая — в 1691, вторая — в 1692 году. — *367.*

[125] Сочинение это называется «Some Considerations of the Consequences of the Lowering of Interest, and Raising the Value of Money» (1691). — *370.*

[126] Маркс цитирует здесь Локка по книге Масси «An Essay on the Governing Causes of the Natural Rate of Interest», p. 10—11. В издании сочинений Локка 1768 года это место находится на стр. 24 второго тома. — *371.*

[127] Маркс имеет в виду одну из своих «Добавочных тетрадей» (Beihefte) к рукописи 1861—1863 годов, в которых он весной 1863 года «делал выписки по истории литературы политической экономии в связи с написанной уже частью» своего труда, как он писал об этом Энгельсу 29 мая 1863 года. До нас дошли Beihefte *A, B, C, D, E, F, G, H.* В Добавочной тетради *C* выписки из сочинения Норса занимают страницы 12—14. — *372.*

[128] В рукописи здесь первоначально было написано «с 1688 года», а затем цифра 1688 была зачеркнута и заменена вопросительным знаком. В XI тетради своей рукописи 1861—1863 годов, на стр. 507—508, Маркс приводит данные о движении цен на пшеницу с 1641 года. Если в 1641—1649 годах средняя цена на пшеницу составляла 60 шилл. $5^{2}/_{3}$ пенса за 1 квартер, то во второй половине XVII века средняя цена упала до 44 шилл. $2^{1}/_{5}$, пенса, а в первой половине XVIII века — до 35 шилл. $9^{29}/_{50}$ пенса за 1 квартер. — *372.*

[129] Маркс, по-видимому, имеет в виду то место из IV главы «Политической арифметики» (1676) Петти, которое он приводит во II части «Теорий прибавочной стоимости», в главе о Родбертусе (стр. 494 рукописи). Ср. «Капитал», том III, М., 1955, стр. 673: «В эпоху Петти и Давенанта жалобы сельского населения и землевладельцев на улучшения и распашки; понижение ренты с лучших земель...». — *373.*

[130] Эта цитата (начиная со слов «Начну с *нищего»)* дана по Добавочной тетради *С,* стр. 12—13, в соответствии с указанием Маркса на 1419-й странице XXIII тетради рукописи 1861—1863 годов. — *375.*

[131] На стр. 14 Добавочной тетради *С* даны выписки из сочинения Норса, в которых Норс говорит о «приливах и отливах» в денежном обращении страны. Одну из этих выписок Маркс приводит в 95-м примечании к 3-й главе I тома «Капитала». — *376.*

[132] Перед этим Масси приводит выдержки из «Политической арифметики» Петти и из трактата Локка «Некоторые соображения о последствиях снижения процента и повышения стоимости денег государством». — *380.*

[133] Маркс приводит здесь (с некоторыми сокращениями) «Экономическую таблицу» в том виде, в каком она дана у Кенэ в «Analyse du Tableau Economique» (издание Дэра, часть I, стр. 65). — *383.*

[134] См. примечание 111. — *384.*

[135] Эта точка зрения развивалась физиократом Бодо в его «Explication du Tableau Economique», глава III, параграф 12 (издание Дэра, часть II, стр. 852—854). — *385.*

[136] Под этим заголовком в издании Дэра, часть I, объединены два диалога, принадлежащие Кенэ: «Du commerce. Premier dialogue entre M. H. et M. N.» и «Sur les travaux des artisans. Second dialogue». Цитата, приведенная Марксом, взята из первого диалога. — *385.*

[137] Приведенная Марксом цитата находится не в самом тексте книги Дюпон де Немура «De l'origine et des progres d'une science nouvelle», а в примыкающих к ней по содержанию «Maximes du docteur Quesnay, ou Resume de ses principes d'economie sociale». — *385.*

[138] Цитата взята из «Dialogue sur le commerce» Кенэ. — *385.*

[139] Из «Dialogue sur les travaux des artisans». — *385.*

[140] Из «Maximes du docteur Quesnay». — *385.*

[141] Маркс имеет в виду главу 26-ю («О валовом и чистом доходе») в «Началах политической экономии» Рикардо. — *386.*

[142] Маркс имеет в виду свои выписки из сочинения дю Бюа, содержащиеся в Добавочной тетради *А* (см. примечание 127), на стр. 27—32. В дальнейших ссылках Маркса указания на страницы Добавочной тетради заменены в самом тексте указаниями на страницы сочинения дю Бюа. — *386.*

[143] О Юнге, как «фанатике прибавочного продукта», см. примечание 34 к 7-й главе I тома «Капитала». — *386.*

[144] См. примечание 141. — *386.*

[145] Впоследствии было выяснено, что автором анонимного сочинения, разбираемого здесь Марксом, является некий Джон Грей (John Gray), годы жизни которого не установлены. В 1802 году этот автор выпустил в Лондоне еще книгу о подоходном налоге. — *388.*

[146] Маркс имеет в виду свою Добавочную тетрадь *H* (см. примечание 127). Почти все выписки с 6-й страницы разбираемого анонимного сочинения, находящиеся на 32—33-й страницах Добавочной тетради *H,* приводятся в дальнейшем тексте. — *388.*

[147] Под «мануфактуристами» («manufacturers») анонимный английский автор понимает как мануфактурных рабочих (которых он иногда называет «labouring manufacturers» — «работающими мануфактуристами»), так и промышленников-предпринимателей (которые иногда фигурируют у него под термином «masters employers» — «хозяева-предприниматели»). А термин «ремесленники» («artificers») охватывает у этого автора как наемных рабочих, так и ремесленников в собственном смысле слова. — *389.*

[148] См. примечание 18. — *389.*

[149] *Крона* — монета в 5 шилл., *фартинг* — четвертая часть пенса, *гинея* равна 21 шилл. — *389.*

[150] На страницах 36—37 Добавочной тетради *H* находятся выписки со страниц 31—33 анонимного сочинения. — *390.*

[151] На страницах 38—39 Добавочной тетради *H* находятся выписки со страниц 51—54 анонимного сочинения. В дальнейших ссылках Маркса указания на страницы Добавочной тетради *H* заменены в самом тексте указаниями на страницы анонимного сочинения. — *391.*

[152] На стр. 1446 своей рукописи 1861—1863 годов (тетрадь XXIII) Маркс упоминает о направленной против физиократов книге Беарде де л'Аббеи «Recherches sur les moyens de supprimer les impots». Amsterdam, 1770. Выписки из этой книги находятся на страницах 10—11 Добавочной тетради *H.* То место из книги Беарде де л'Аббеи, которое имеет в виду Маркс, находится в ней на стр. 43. — *391.*

[153] При переводе на русский язык последних абзацев, трактующих о «физиократической ограниченности» анонимного автора, пришлось несколько изменить расположение отдельных вставок Маркса, вкрапленных им в текст цитаты из разбираемой книги (со страниц 38—39 этой книги). Цитата приводится Марксом в сокращенном виде. Опущенные слова восстановлены по цитируемой книге, поскольку без них невозможно полное понимание той критики, которой Маркс подвергает приводимое им рассуждение анонимного автора. — *392.*

[154] Об «ирландском арендном праве» см. статью Маркса в газете «New-York Daily Tribune» от 11 июля 1853 года (настоящее издание, т. 9, стр. 161— 167). — *392.*

155 [Mandeville, B.] «The Fable of the Bees, or Private Vices, Publick Benefits». The 5lh edition. London, 1728, p. 428. Первое издание этой книги вышло в 1705 году. — *395.*

156 Маркс имеет в виду раздел «Формальное и реальное подчинение труда капиталу. Переходные формы» (XXI тетрадь, стр. 1306—1316), непосредственно предшествующий разделу «Производительность капитала. Производительный и непроизводительный труд». О формальном и реальном подчинении труда капиталу см. настоящее издание, т. 23, стр. 518—519 и 748. — *396.*

157 Уже в первом выпуске «К критике политической экономии» (1859 г.) Маркс показал, что в буржуазном обществе мистификация общественных отношений выступает особенно резко в деньгах, что буржуазному производству присуща кристаллизация богатства как фетиша в виде благородных металлов (см. настоящее издание, т. 13, стр. 35— 36 и 136—137). Процесс фетишизации буржуазных отношений Маркс подверг анализу в III части «Теорий прибавочной стоимости», в экскурсе «Доход и его источники. Вульгарная политическая экономия» (стр. 891—899 и 910—919 рукописи). — *396.*

158 В примечании 108 к 13-й главе I тома «Капитала» Маркс пишет: «Наука вообще «ничего» не стоит капиталисту, что нисколько не препятствует ему эксплуатировать ее. Капитал присваивает «чужую» науку, как он присваивает чужой труд. Но «капиталистическое» присвоение и «личное» присвоение науки или материального богатства — это совершенно различные вещи. Сам д-р Юр жаловался на поразительное незнакомство дорогих ему фабрикантов, эксплуатирующих машины, с механикой...». — *399.*

159 Страницу 1318 своей рукописи 1861—1863 годов Маркс вырезал (за исключением последних 9 строк) из XXI тетради и наклеил на страницу 490 рукописи предпоследнего варианта I тома «Капитала» (дошедшая до нас 6-я глава этого предпоследнего варианта опубликована в «Архиве Маркса и Энгельса», том II (VII), 1933 г.). Дальнейший текст 1318-й, 1319-й и первой половины 1320-й страницы Маркс предполагал использовать для раздела о прибыли, как это явствует из пометки «Прибыль», дважды сделанной им на полях рукописи (в конце 1318-й страницы и в начале 1320-й). — *400.*

160 Греческую букву Δ, применяемую в математике для обозначения приращения, Маркс употребляет здесь для обозначения прибавочной стоимости. Дальше в тексте Маркс в том же смысле употребляет латинскую букву *h*. — *400.*

161 Здесь, а также в последующем, Маркс пользуется латинской буквой *x* для обозначения прибавочной стоимости. — *403.*

162 Маркс имеет в виду раздел «Обмен между капиталом и трудом. Процесс труда. Процесс увеличения стоимости» (тетрадь I, стр. 15—53), в котором имеется подраздел: «Единство процесса труда и процесса увеличения стоимости (процесс капиталистического производства)» (стр. 49—53). — *405.*

163 Речь идет о подразделах: «Стоимость рабочей силы. Минимум заработной платы, или средняя заработная плата» (тетрадь I, стр. 21—25)

и «Обмен между деньгами и рабочей силой» (там же, стр. 25—34). К вопросу о «цене труда» Маркс возвращается в XXI тетради, стр. 1312—1314. — *406.*

[164] Четыре формулы договорных отношений по римскому праву: «даю, чтобы ты сделал»; «делаю, чтобы ты сделал»; «делаю, чтобы ты дал»; «даю, чтобы ты дал». Ср. настоящее издание, т. 23, стр. 550— 551. — *413.*

[165] В нумерации страниц рукописи здесь у Маркса описка: вместо «1327» проставлено «1328». — *414.*

[166] См. примечание 141. — *416.*

[167] См. настоящее издание, т. 25, ч. I, стр. 406—420. — *418.*

[168] О труде чернорабочих на фабрике Маркс писал в той же (XXI) тетради, стр. 1308. — *421.*

[169] См. К. Маркс. «Капитал», том II, глава 6, и том III, глава 17. — *423.*

[170] Эти наброски планов написаны Марксом в январе 1863 года. Они находятся в XVIII тетради рукописи 1861—1863 годов посреди текста глав о Шербюлье и Ричарде Джонсе (от текста этих глав они отделены в рукописи жирными квадратными скобками). — *424.*

[171] Три теоретические части «Капитала» Маркс сперва называл «главами», потом «отделами», наконец «книгами». Ср. примечание 12. — *424.*

[172] К моменту написания этого плана 1-я глава III части «Капитала» была уже набросана в XVI тетради рукописи 1861—1863 годов. Тема 1-й главы III части сформулирована в XVI тетради следующим образом: «Прибавочная стоимость и прибыль». — *425.*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Андерсон (Anderson), Джемс (1739— 1808) — английский буржуазный экономист, разработавший в основных чертах теорию дифференциальной ренты. — 388.

Анна (1665—1714) — английская королева (1702—1714). — 389.

Аристотель (384—322 до н. э.) — великий мыслитель древности, в философии колебался между материализмом и идеализмом, идеолог класса рабовладельцев; по своим экономическим взглядам защитник натурального рабовладельческого хозяйства, первым анализировал форму стоимости. — 282.

Арнд (Arnd), Карл (1788—1877) — немецкий буржуазный экономист, представитель вульгарной политической экономии. — 19.

Аррprincipal (Arrivabene), Жан (1787—1881) — итальянский политический эмигрант, экономист; переводчик работ Сениора на французский язык. — 282.

Б

Баббедж (Babbage), Чарлз (1792— 1871) — английский математик и механик, буржуазный экономист. — 394.

Бартон (Barton), Джон (конец XVIII — начало XIX в.) — английский экономист, представитель классической буржуазной политической экономии. — 4, 136.

Бастиа (Bastiat), Фредерик (1801— 1850) — французский вульгарный экономист, проповедник теории гармонии классовых интересов в буржуазном обществе. — 413, 416.

Беарде де л'Аббеи (Bearde de l'Abbaye) (1704—1771) — французский экономист и агроном. — 391.

Беллерс (Bellers), Джон (1654— 1725) — английский экономист, подчеркивал значение труда в создании богатства; автор ряда утопических проектов социальных реформ. — 375.

Беркли (Berkeley), Джордж (1685— 1753) — английский реакционный философ, видный представитель субъективного идеализма, епископ; в политической экономии — критик меркантилизма; считал труд главным источником богатства; представитель номиналистической теории денег. — 377.

Бланки (Blanqui), Жером Адольф (1798—1854) — французский буржуазный экономист и историк

экономических учений, представитель вульгарной политической экономии. — 34, 36, 157.

Бодо (Baudeau), Никола (1730— 1792) — французский аббат, экономист, представитель школы физиократов. — 334, 385.

Брей (Bray), Джон Фрэнсис (1809— 1897) — английский экономист, социалист-утопист, последователь Р. Оуэна; развивал теорию «рабочих денег». — 4, 5, 324.

Бриссо (Brissot), Жан Пьер (1754— 1793) — видный деятель французской буржуазной революции конца XVIII в., в начале революции член Якобинского клуба, затем вождь и теоретик партии жирондистов. — 347.

Брум (Brougham), Генри Питер, барон (1778—1868) — английский юрист и литератор, в 20—30-х годах видный деятель партии вигов, лорд-канцлер (1830—1834). — 160, 219.

Буагильбер (Boisguillebert), Пьер (1646—1714) — французский экономист, родоначальник классической буржуазной политической экономии во Франции, предшественник физиократов. — 22.

Бьюкенен (Buchanan), Давид (1779—1848) — английский публицист и буржуазный экономист, последователь и комментатор А. Смита. — 20, 284.

Бюа-Нансе (Buat-Nancay), Луи Габриель, граф *дю* (1731—1787) — французский историк и экономист, эпигон физиократов. — 386.

В

Вандерлинт (Vanderlint), Джейкоб (ум. в 1740 г.) — английский экономист, предшественник физиократов, один из ранних представителей количественной теории денег. — 388, 392.

Вергилий (Публий Вергилий Марон) (70—19 до н. э.) — выдающийся римский поэт. — 213.

Верри (Verri), Пьетро (1728— 1797)— итальянский буржуазный экономист, один из первых критиков учения физиократов. — 31, 40, 41.

Вольтер (Voltaire), Франсуа Мари (настоящая фамилия *Аруэ*) (1694—1778) — французский философ-деист, писатель-сатирик, видный представитель буржуазного Просвещения XVIII в., боролся против абсолютизма и католицизма. — 280.

Г

Ганиль (Ganilh), Шарль (1758— 1836) — французский буржуазный политический деятель; вульгарный экономист, эпигон меркантилизма. — 139, 189—200, 202, 205, 208, 210, 211, 213, 217, 218, 258, 292, 294.

Гарнье (Garnier), Жермен (1754— 1821) — французский экономист и политический деятель, монархист; эпигон школы физиократов; переводчик и критик А. Смита. — 35, 36, 160, 166, 168, 170, 184—190, 258—260, 278, 280, 292, 294, 297

Гоббс (Hobbes), Томас (1588—1679) — выдающийся английский философ, представитель механистического материализма; социально-политические воззрения Гоббс а отличались резко антидемократическими тенденциями. — 48, 355, 368.

Годвин (Godwin), Уильям (1756— 1836) — английский мелкобуржуазный писатель и публицист, рационалист, один из родоначальников анархизма. — 347.

Годскин (Hodgskin), Томас (1787— 1869) — английский экономист и публицист; защищал интересы пролетариата и критиковал капитализм с позиций утопического социализма, использовал теорию Рикардо для социалистических выводов. — 5, 63, 416.

Гомер — полулегендарный древнегреческий поэт, автор «Илиады» и «Одиссеи». — 280, 294.

Гораций (Квинт Гораций Флакк) (65—8 до н. э.) — выдающийся римский поэт. — 159, 262.

Д

Давенант (Davenant), Чарлз (1656—1714) — английский экономист и статистик, меркантилист. — 161, 162.

Дестют де Траси (Destutt de Tracy), Антуан Луи Клод, граф (1754— 1836) — французский вульгарный экономист, философ-сенсуалист; сторонник конституционной монархии. — 167, 262, 264, 266—268, 270—274, 278, 324, 343.

Джонс (Jones), Ричард (1790— 1855) — английский экономист, один из последних представителей классической буржуазной политической экономии. — 5, 19.

Дэр (Daire), Эжен (1798—1847) — французский буржуазный экономист, издатель сочинений по политической экономии. — 24—26, 37, 38, 385.

Дюпон де Немур (Dupont de Nemours), Пьер Самюэль (1739— 1817) — французский политический деятель и экономист-физиократ. — 385.

Ж

Жуффруа (Jouffroy), Анри — прусский тайный советник, по происхождению француз, автор и переводчик ряда работ по политической экономии и праву (20—40-е годы XIX века). — 39, 188.

К

Калпепер (Culpeper), Томас (1578— 1662) — английский буржуазный экономист, сторонник меркантилизма. — 372.

Канар (Canard), Никола Франсуа (1750—1833) — французский экономист и математик. — 189.

Кантильон (Cantillon), Ричард (1680—1734) — английский экономист, предшественник физиократов. — 47.

Карл II (1630—1685) — английский король (1660—1685). — 372.

Кейзнов (Cazenove), Джон (XIX в.) — английский вульгарный буржуазный экономист, последователь Мальтуса. — 47.

Кенэ (Quesnay), Франсуа (1694— 1774) — крупнейший французский экономист, основатель школы физиократов; по профессии врач. — 3, 21, 25, 37, 38, 189, 218, 305, 311, 328—330, 332—334, 336, 337, 345, 346, 383—385.

Кинг (King), Грегори (1648— 1712) — английский статистик. — 161.

Кок (Kock). Поль *де* (ок. 1794— 1871) — французский буржуазный писатель, автор фривольных развлекательных романов. — 411.

Кольбер (Colbert), Жан Батист (1619—1683) — французский государственный деятель, генеральный контролер финансов, проводил политику меркантилизма в интересах укрепления абсолютной монархии. — 31, 38.

Констансио (Constancio), Франсиско Солано (1772—1846) — португальский врач, дипломат и писатель; переводил на французский язык труды английских экономистов. — 208, 210.

Кустоди (Custodi), Пьетро (1771— 1842) — итальянский экономист, издатель сочинений итальянских экономистов конца XVI — начала XIX веков, — 32, 40.

Кэри (Carey), Генри Чарлз (1793— 1879) — американский вульгарный буржуазный экономист, автор реакционной теории гармонии классовых интересов в капиталистическом обществе. — 159, 425.

Л

Лажанти де Лаваис (Lagentie de Lavaisse) — переводчик книги Лодерделя на французский язык (1808). — 68.

Ленге (Linguet), Симон Никола Анри (1736—1794) — французский адвокат, публицист,историк и экономист; выступал с критикой физиократов и буржуазного либерализма с феодально-абсолютистских позиций, высказав,

однако, ряд глубоких критических замечаний о буржуазных свободах и собственности. — 3, 301, 347, 348, 350—352.

Лессинг (Lessing), Готхольд Эфраим (1729—1781) — великий немецкий писатель, критик и философ, один из видных просветителей XVIII века. — 280.

Ле Трон (Le Trosne), Гийом Франсуа (1728—1780) — французский буржуазный экономист, физиократ. — 385.

Лист (List), Фридрих (1789— 1846) — немецкий вульгарный буржуазный экономист, проповедник крайнего протекционизма. — 243.

Ло (Law), Джон (1671—1729) — английский буржуазный экономист и финансист, министр финансов Франции (1719—1720); известен своей спекулятивной деятельностью по выпуску бумажных денег, закончившейся полным крахом. — 31, 36.

Лодердель (Lauderdale), Джемс, граф (1759—1839) — английский буржуазный политический деятель и экономист; критиковал теорию Смита с позиций вульгарной политической экономии. — 68, 69, 160, 219, 257, 258, 292, 294.

Локк (Locke), Джон (1632—1704) — выдающийся английский философ-дуалист, сенсуалист; буржуазный экономист, колебался между номиналистический и металлической теориями денег. — 68. 298, 367—374, 378, 380, 388.

Лютер (Luther), Мартин (1483— 1546) — видный деятель Реформации, основатель протестантизма (лютеранства) в Германии; идеолог немецкого бюргерства; во время Крестьянской войны 1525 г. выступил против восставших крестьян и городской бедноты на стороне князей. — 5.

М

Мак-Куллох (MacCulloch), Джон Рамси (1789—1864) — английский буржуазный экономист, вульгаризатор экономического учения Рикардо, ярый апологет капитализма. — 4, 162.

Мальтус (Malthus), Томас Роберт (1766—1834) — английский священник, экономист, идеолог обуржуазившейся землевладельческой аристократии, апологет капитализма, проповедник человеконенавистнической теории народонаселения. — 4, 33, 46, 47, 63, 136, 138, 159, 199, 275, 295, 356, 425.

Мандевиль (Mandeville), Бернар (1670—1733) — английский писатель и экономист. — 159, 394, 395.

Масси (Massie), Джозеф (ум. в 1784 г.) — английский экономист, представитель классической буржуазной политической экономии. — 374, 378, 380, 382.

Мендельсон (Mendelssohn), Мозес (Моисей) (1729—1786) — немецкий реакционный буржуазный философ-деист. — 282.

Мерсье де ля Ривьер (Mercier de la Riviere), Поль Пьер (1720— 1793) — французский буржуазный экономист, физиократ. — 34, 37, 38.

Милль (Mill), Джемс (1773—1836) — английский буржуазный экономист и философ, вульгаризатор теории Рикардо; вместе с тем делал из нее некоторые радикальные выводы. — 4.

Милль (Mill), Джон Стюарт (1806—1873)— английский буржуазный экономист и философ-позитивист, эпигон классической школы политической экономии; сын Джемса Милля. — 4, 165.

Мильтон (Milton), Джон (1608— 1674) — великий английский поэт и публицист, участник английской буржуазной революции XVII века. — 410.

Мирабо (Mirabeau), Виктор Рикетти, маркиз *де* (1715—1789) — французский экономист, физиократ; отец видного деятеля французской буржуазной революции конца XVIII в. Мирабо, Оноре Габриеля. — 17, 21, 38, 345.

Молсуорт (Molesworth), Уильям (1810—1855) — английский политический деятель, издатель произведений Гоббса. — 355.

Монтескьё (Montesquieu), Шарль (1689—1755) — выдающийся французский буржуазный социолог, экономист и писатель, представитель буржуазного Просвещения XVIII века; сторонник количественной теории денег. — 297, 298, 347.

Мюльнер (Mullner), Адольф (1774— 1829) — немецкий писатель и критик. — 394.

Н

Наполеон I Бонапарт (1769— 1821) — французский император (1804—1814 и 1815). — 243.

Неккер (Necker), Жак (1732— 1804) — французский политический деятель и экономист, в 70— 80-х годах XVIII в. неоднократно назначался генеральным директором финансов, накануне буржуазной революции пытался осуществить некоторые реформы. — 3, 301—304.

Николай I (1796—1855) — русский император (1825—1855). — 278.

Норс (North), Дадли (1641—1691)— английский экономист, один из первых представителей классической буржуазной политической экономии. — 367, 372—376.

П

Паолетти (Paoletti), Фердинандо (1717—1801) — итальянский священник; экономист-физиократ. — 31, 32.

Пейли (Paley), Уильям (1743— 1805) — английский теолог, философ и экономист. — 277.

Петти (Petty), Уильям (1623— 1687) — выдающийся английский экономист и статистик, родоначальник классической буржуазной политической экономии в Англии. — 157, 161, 163—165, 299, 356—367, 372—374, 378, 380.

Пилат, Понтий (ум. ок. 37 г.) — римский прокуратор (наместник) Иудеи (26—36). — 75.

Помпей (Гней Помпей Магнус) (106—48 до н. э.) — римский полководец и государственный деятель. — 351.

Прево (Prevost), Гийом (1799— 1883) — швейцарский буржуазный экономист, вульгаризатор теории Рикардо. — 4.

Прудон (Proudhon), Пьер Жозеф (1809—1865) — французский публицист, экономист и социолог, идеолог мелкой буржуазии, один из родоначальников анархизма.— 36, 89, 271, 324, 326.

Р

Рамсей (Ramsay), Джордж (1800— 1871) — английский экономист, один из последних представителей классической буржуазной политической экономии. — 5, 79— 83.

Редерер (Roederer), Пьер Луи, граф (1754—1835) — французский буржуазный политический деятель. — 38.

Рейвнстон (Ravenstone), Пирси (ум. в 1830 г.) — английский экономист-рикардианец, защищал интересы пролетариата, противник мальтузианства. — 5.

Рикардо (Ricardo), Давид (1772— 1823) — английский экономист, крупнейший представитель классической буржуазной политической экономии. — 4, 32, 33, 44, 46, 55. 56, 62—64, 67, 72—74, 80, 81, 132, 159—161, 190, 200, 208, 210—217, 386, 416, 425, 426.

Родбертус-Ягецов (Rodbertus-Jagetzow), Иоганн Карл (1805— 1875) — немецкий вульгарный экономист и политический деятель, идеолог обуржуазившегося прусского юнкерства, проповедник реакционных идей прусского «государственного социализма». — 4.

Росси (Rossi), Пеллегрино (1787— 1848) — итальянский вульгарный

буржуазный экономист, юрист и. политический деятель; долгое время жил во Франции. — 160, 219, 287—294.

Рошер (Roscher), Вильгельм Георг Фридрих (1817—1894) — немецкий вульгарный экономист, профессор Лейпцигского университета, основатель так называемой исторической школы в политической экономии. — 393.

С

Сениор (Senior), Нассау Уильям (1790—1864) — английский вульгарный буржуазный экономист; апологет капитализма, выступал против сокращения рабочего дня. — 160, 219, 282—287, 389.

Сисмонди (Sismondi), Жан Шарль Леонар *Симонд де* (1773—1842) — швейцарский экономист, мелкобуржуазный критик капитализма, видный представитель экономического романтизма. — 160, 276, 425.

Смит (Smith), Адам (1723—1790) — английский экономист, один из крупнейших представителей классической буржуазной политической экономии.— 3,4,11, 13, 18, 20, 32, 33, 35, 36, 42—44, 46—60, 62—80, 82, 104, 132—138, 141—147, 149—158, 160, 165— 171, 184—188, 190, 196, 197, 199, 211, 213—215, 241—259, 262, 264, 272, 274, 275, 278—280, 282—285, 287—293, 296, 298— 300, 303, 345, 346, 363, 386, 388—390, 425.

Софокл (ок. 497 — ок. 406 до н. э.) — выдающийся древнегреческий драматург, автор классических трагедий. — 394.

Спенс (Spence), Томас (1750— 1814) — английский социалист-утопист, проповедовал отмену частной собственности на землю и установление аграрного социализма. — 388.

Спенс (Spence), Уильям (1783— 1860) — английский энтомолог, занимался также экономическими вопросами. — 388.

Стирлинг (Stirling), Патрик Джемс (1809—1891) — английский вульгарный экономист. — 4.

Стюарт (Steuart), Джемс (1712— 1780) — английский буржуазный экономист, один из последних представителей меркантилизма. — 3, 9—11, 19, 21, 52.

Сэй (Say), Жан Батист (1767— 1832) — французский буржуазный экономист, представитель вульгарной политической экономии. — 79, 80, 131, 160, 208— 211, 217, 223, 259—262, 274, 413.

Т

Токвиль (Tocqueville), Алексис (1805—1859) — французский буржуазный историк и политический деятель, легитимист и сторонник конституционной монархии. — 219, 258.

Торренс (Torrens), Роберт (1780— 1864) — английский буржуазный экономист; вульгаризатор экономического учения Рикардо; отрицал применимость трудовой теории стоимости к условиям капиталистического способа производства. — 4.

Тук (Tooke), Томас (1774—1858) — английский буржуазный экономист, примыкал к классической школе политической экономии, критик теории денег Рикардо; автор многотомной работы «История цен». — 104, 242.

Тюрго (Turgot), Анн Робер Жак (1727—1781) — французский экономист и государственный деятель; крупнейший представитель школы физиократов; генеральный контролер финансов (1774— 1776). — 11, 17, 21, 25, 26, 29, 30, 33, 37—39, 346, 361.

У

Уэйкфилд (Wakefield), Эдуард Гиббон (1796—1862) — английский государственный деятель, экономист, выдвинувший буржуазную теорию колонизации. — 4, 424.

Ф

Ферье (Ferrier), Франсуа Луи Огюст (1777—1861) — французский вульгарный буржуазный экономист, эпигон меркантилизма. — 219, 243, 244, 258, 294.

Форкад (Forcade), Эжен (1820— 1869) — французский буржуазный публицист; вульгарный экономист. — 89.

Ц

Цезарь (Гай Юлий Цезарь) (ок. 100—44 до н. э.) — знаменитый римский полководец и государственный деятель. — 282.

Ч

Чайлд (Child), Джозая (1630— 1699) — английский экономист-меркантилист, банкир и купец.— 372.

Чалмерс (Chalmers), Томас (1780— 1847) — английский протестантский теолог и буржуазный экономист, последователь Мальтуса. — 295.

Ш

Шекспир (Shakespeare), Вильям (1564—1616) — великий английский писатель. — 394.

Шербюлье (Cherbuliez), Антуан Элизе (1797—1869) — швейцарский экономист, последователь Сисмонди, соединявший теорию Сисмонди с элементами теории Рикардо. — 5.

Шиллер (Schiller), Фридрих (1759— 1805) — великий немецкий писатель. — 394.

Шмальц (Schmalz), Теодор Антон Генрих (1760—1831) — немецкий юрист и экономист, эпигон школы физиократов, крайний реакционер. — 39, 40, 188.

Шторх (Storch), Андрей (Анри, Генрих) Карлович (1766—1835) — русский экономист, статистик и историк, член Петербургской Академии наук, эпигон классической буржуазной политической экономии. — 79, 80, 157, 160, 219, 278—281, 286, 287, 293, 294, 417.

Э

Эпикур (ок. 341—ок. 270 до н. э.) — выдающийся древнегреческий философ-материалист, атеист. — 38.

Ю

Юм (Hume), Давид (1711—1776) — английский философ, субъективный идеалист, агностик; буржуазный историк и экономист, противник меркантилизма, один из ранних представителей количественной теории денег. — 378, 379, 382.

Юнг (Young), Артур (1741—1820) — английский агроном и буржуазный экономист. — 386, 392.

Юр (Ure), Эндрью (1778—1857) — английский химик, вульгарный буржуазный экономист, автор ряда работ по экономике промышленности. — 399.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ

Адам — по библейскому преданию, первый человек, созданный богом из глины и впавший затем в грех. — 394.

Моисей Египетский — по библейскому преданию, пророк, освободивший древних евреев от преследований египетских фараонов. — 282.

УКАЗАТЕЛЬ ЦИТИРУЕМОЙ И УПОМИНАЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ*

Arnd, K. Die naturgemasse Volkswirthschaft, gegenuber dem Monopoliengeiste und dem Communismus, mit einem Ruckblicke auf die einschlagende Literatur. Hanau, 1845 *(Арнд, К.* Сообразная природе политическая экономия в противопоставлении духу монополий и коммунизму, с обзором относящейся сюда литературы. Ханау, 1845). — 19.

Barton, J. Observations on the circumstances which influence the condition of the labouring classes of society. London, 1817 (*Бартон, Дж.* Замечания об обстоятельствах, влияющих на положение рабочих классов общества. Лондон, 1817). — 123, 124.

Bastiat, Fr. Gratuite du credit. Discussion entre M. Fr. Bastiat et M. Proudhon. Paris, 1850 *(Бастиа, Фр.* Безвозмездность кредита. Дискуссия между г-ном Фр. Бастиа и г-ном Прудоном. Париж, 1850). — 136.

Baudeau, N. Explication du Tableau economique (1767). In: Physiocrates. Avec une introduction et des commentaires par E. Daire. Deuxieme partie. Paris, 1846 *(Бодо, Н.* Объяснение Экономической таблицы (1767). В книге: Физиократы. С вступительной статьей и комментариями Э. Дэра. Часть вторая. Париж, 1846). — 334, 385.

Bearde de l'Abbaye. Recherches sur les moyens de supprimer les impots. Amsterdam, 1770 *(Беарде де л'Аббеи.* Исследования о способах упразднения налогов. Амстердам, 1770). — 391.

Bellers, J. Essays about the poor, manufactures, trade, plantations, and immorality. London, 1699 *(Беллерс, Дж.* Очерки о бедных, промышленности, торговле, колониях и безнравственности. Лондон, 1699). — 375.

Berkley, G. The Querist, containing several queries, proposed to the consideration of the public. London, 1750 *(Беркли, Дж.* Вопрошатель. Вопросы, предлагаемые на рассмотрение публики. Лон-

* В тех случаях, когда не удалось установить с достоверностью, каким изданием той или иной работы пользовался Маркс, в данном указателе приводится ее первое издание.

В квадратные скобки заключены выявленные имена авторов книг, вышедших анонимно. Звездочкой отмечены работы, переведенные на русский язык.

дон, 1750). Первое издание вышло в Дублине в 1735—1737 годах. — 377.

**Blanqui, J. A.* Histoire de l'economie politique en Europe depuis les anciens jusqu'a nos jours. In: Cours d'economie politique. Bruxelles, 1839 *(Бланки, Ж. А.* История политической экономии в Европе от античности до наших дней. В сборнике: Курс политической экономии. Брюссель, 1839). Первое издание книги Бланки вышло в Париже в 1837 году. — 34, 36, 37, 157.

[Buat, du.] Elements de la politique, ou Recherche des vrais principes de l'economie sociale. Tomes I—VI. Londres, 1773 *(*[*Бюа, дю.*] Элементы политики, или Исследование истинных принципов социальной экономии. Тома I—VI. Лондон, 1773). — 386, 387.

Buchanan, D. Observations on the subjects treated of in Dr. Smith's Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. Edinburgh, 1814 *(Бьюкенен, Д.* Замечания о предметах, трактуемых в «Исследовании о природе и причинах богатства народов» д-ра Смита. Эдинбург, 1814). — 284.

Canard, N. F. Principes d'economie politique. Paris, 1801 *(Канар, Н. Ф.* Начала политической экономии. Париж, 1801). — 189.

[Cantillon, R.] Essai sur la nature du commerce en general. Londres, 1755 *(*[*Кантильон, Р.*] Опыт о природе торговли вообще. Лондон, 1755). — 47.

[*Cazenove, J.*] Outlines of political economy; being a plain and short view of the laws relating to the production, distribution, and consumption of wealth. London, 1832 *(*[*Кейзнов, Дж.*] Очерки политической экономии, представляющие собой общепонятный и краткий обзор законов, относящихся к производству, распределению и потреблению богатства. Лондон, 1832). — 277.

Cazenove, J. Preface, notes, and supplementary remarks to a new edition of Malthus' Definitions in political economy — см. *Malthus, Th. R.* Definitions in political economy.

Chalmers, Th. On political economy in connexion with the moral state and moral prospects of society. Second edition. Glasgow, Edinburgh, Dublin and London, 1832 *(Чалмерс, Т.* О политической экономии в ее связи с нравственным состоянием и нравственными перспективами общества. Издание второе. Глазго, Эдинбург, Дублин и Лондон, 1832). Первое издание вышло там же в том же 1832 году. — 295.

Considerations on the East-India trade — см. [*North, D.*] Considerations upon the East-India trade.

Daire, E. Introduction sur la doctrine des physiocrates. In: Physiocrates. Avec une introduction et des commentaires par E. Daire. Premiere partie. Paris, 1846 *(Дэр, Э.* Вступительная статья об учении физиократов. В книге: Физиократы. С вступительной статьей и комментариями Э. Дэра. Часть первая. Париж, 1846). — 25.

[*Davenant, Ch.*] Discourses on the publick revenues, and on the trade of England. Part I and II. London, 1698 ([*Давенант, Ч.*] Рассуждения об общественных доходах и о торговле Англии. Часть I и II. Лондон, 1698). — 162, 163.

[*Davenant, Ch.*] An Essay on the East-India trade (1697). In: Discourses on the publick revenues, and on the trade of England. Part II. London, 1698 ([*Давенант, Ч.*] Опыт об ост-индской торговле (1697). В книге: Рассуждения об общественных доходах и о торговле Англии. Часть II. Лондон, 1698). — 162.

[*Davenant, Ch.*] An Essay upon the probable methods of making a people gainers in the ballance

of trade. London, 1699 ([*Давенант. Ч.*] Опыт о методах, с достаточной вероятностью обеспечивающих народу благоприятный торговый баланс. Лондон, 1699). — 161, 162.

Destutt de Tracy, A. L. C. Elemens d'ideologie. IV-e et V-e parties: Traite de la volonte et de ses effets. Paris, 1826 *(Дестют де Траси, А. Л. К.* Элементы идеологии. Части IV и V: Трактат о воле и ее действиях. Париж, 1826). Первое издание вышло в Париже в 1815 году. В 1823 году IV часть «Элементов идеологии» вышла в Париже отдельным изданием под заголовком «Traite d'economie politique» («Трактат по политической экономии»). — 262—265, 267, 268, 270—275, 278.

Dupont de Nemours, P. S. De l'origine et des progres d'une science nouvelle (1767). In: Physiocrates. Avec une introduction et des commentaires par E. Daire. Premiere partie. Paris, 1846 *(Дюпон де Немур, П. С.* О происхождении и успехах новой науки (1767). В книге: Физиократы. С вступительной статьей и комментариями Э. Дэра. Часть первая. Париж, 1846). — 385.

Dupont de Nemours, P. S. Maximes du docteur Quesnay, ou Resume de ses principes d'economie sociale. In: Physiocrates. Avec une introduction et des commentaires par E. Daire. Premiere partie. Paris, 1846 *(Дюпон де Немур, П. С.* Положения доктора Кенэ, или Резюме его основных начал социальной экономии. В книге: Физиократы. С вступительной статьей и комментариями Э. Дэра. Часть первая. Париж, 1846). — 385.

An Essay on the East-India trade — см. *[Davenant, Ch.]* An Essay on the East-India trade.

The Essential principles of the wealth of nations, illustrated, in opposition to some false doctrines of Dr. Adam Smith, and others. London, 1797 (Разъяснение основных причин богатства народов. Против некоторых неправильных учений д-ра Адама Смита и других. Лондон, 1797). — 388—392.

Ferrier, F. L. A. Du gouvernement considere dans ses rapports avec le commerce. Paris, 1805 *(Ферье, Ф. Л. О.* О правительстве с точки зрения его взаимоотношений с торговлей. Париж, 1805). — 243, 244.

Forcade, E. La guerre du socialisme. II: L'economie politique revolutionnaire et sociale. In: «Revue des deux Mondes», nouvelle serie, tome XXIV. Paris, 1848 *(Форкад, Э.* Война социализма. Статья вторая: Революционная и социальная политическая экономия. В журнале «Revue des deux Mondes», новая серия, том XXIV. Париж, 1848). — 89.

Ganilh, Ch. Des systemes d'economie politique, de la valeur comparative de leurs doctrines, et de celle qui parait la plus favorable aux progres de la richesse. Seconde edition. Tomes I—II. Paris, 1821 *(Ганиль, Ш.* О системах политической экономии, о сравнительной ценности их доктрин и о той из них, которая представляется наиболее благоприятной для роста богатства. Издание второе. Тома I—II. Париж, 1821). Первое издание вышло в Париже в 1809 году. — 165,189—199, 202, 208,210—212, 217, 218.

Ganilh, Ch. La theorie de l'economie politique. Tomes I—II. Paris, 1815 *(Ганиль, Ш.* Теория политической экономии. Тома I—II. Париж, 1815). — 200.

[Garnier, G.] Abrege elementaire des principes de l'economie politique. Paris, 1796 *([Гарнье, Ж.]* Краткое изложение основных начал политической экономии. Париж, 1796). — 187, 188.

**Garnier, G.* Notes du traducteur. In: *Smith, A.* Recherches sur la nature et les causes de la richesse des nations. Traduction nouvelle.

avec des notes et observations, par Germain Garnier. Tome cinquieme. Paris, 1802 *(Гарнье, Ж.* Примечания переводчика. В книге: *Смит, А.* Исследования о природе и причинах богатства народов. Новый перевод Жермена Гарнье, с примечаниями и замечаниями переводчика. Том пятый. Париж, 1802). — 35, 36, 166—168, 170, 171, 184—187, 258.

**Hobbes, Th.* Leviathan, or the Matter, form, and power of a commonwealth, ecclesiastical and civil (1651). In: The English works of Thomas Hobbes; now first collected and edited by Moles-worth. Vol. III. London, 1839 *(Гоббс, Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства, церковного и гражданского (1651). В книге: Английские произведения Томаса Гоббса, впервые собранные и изданные Молсуортом. Том III. Лондон, 1839). — 355, 368.

**Hodgskin, Th.* Popular political economy. Four lectures delivered at the London Mechanics' Institution. London, 1827 *(Годскин, Т.* Народная политическая экономия. Четыре лекции, прочитанные в Лондонской рабочей школе. Лондон, 1827). — 63, 416.

**Hume, D.* Of commerce (1752). In: *Hume, D.* Essays and treatises on several subjects. In two volumes. Vol. I, containing Essays, moral, political, and literary. A new edition. London, 1764 *(Юм, Д.* О торговле (1752). В книге: *Юм, Д.* Очерки и трактаты по разным вопросам. В двух томах. Том I, содержащий моральные, политические и литературные очерки. Новое издание. Лондон, 1764). — 378.

**Hume, D.* Of interest (1752). In: *Hume, D.* Essays and treatises on several subjects. In two volumes. Vol. I, containing Essays, moral, political, and literary. A new edition. London, 1764 *(Юм, Д.* О проценте (1752). В книге: *Юм, Д.* Очерки и трактаты по разным вопросам. В двух томах. Том I, содержащий моральные, политические и литературные очерки. Новое издание. Лондон, 1764). — 378—380.

An Inquiry into those principles, respecting the nature of demand and the necessity of consumption, lately advocated by Mr. Malthus, from which it is concluded, that taxation and the maintenance of unproductive consumers can be conducive to the progress of wealth. London, 1821 (Исследование недавно защищавшихся г-ном Мальтусом принципов, которые касаются природы спроса и необходимости потребления и из которых делается вывод, что налоги и содержание непроизводительных потребителей могут способствовать росту богатства. Лондон, 1821). — 33, 277.

**Jones, R.* An Essay on the distribution of wealth, and on the sources of taxation. Part I: Rent. London, 1831 *(Джонс, Р.* Опыт о распределении богатства и об источниках налогов. Часть I: Рента. Лондон, 1831). — 19.

**Lauderdale, J.* An Inquiry into the nature and origin of public wealth, and into the means and causes of its increase. Edinburgh and London, 1804 *(Лодердель, Дж.* Исследование о природе и происхождении национального богатства и о способах и причинах его увеличения. Эдинбург и Лондон, 1804). — 257.

**Lauderdale, J.* Recherches sur la nature et l'origine de la richesse publique, et sur les moyens et les causes qui concourent a son accroissement. Traduit de l'anglais par E. Lagentie de Lavaisse. Paris, 1808 *(Лодердель, Дж.* Исследования о природе и происхождении национального богатства и о способах и причинах его увеличения. Перевод с английского Э. Лажанти де Лаваиса. Париж, 1808). — 68, 257, 258.

[Linguet, N.] Theorie des loix civiles, ou Principes fondamentaux de la societe. Tomes I—II. Londres, 1767 *([Ленге, Н.]* Теория гражданских законов, или Основные начала общества. Тома I—II. Лондон, 1767). — 347— 352.

Locke, J. Some considerations of the consequences of the lowering of interest, and raising the value of money (1691). In: The Works of John Locke. Folio edition, 1740. Vol. II *(Локк, Дж.* Некоторые соображения о последствиях снижения процента и повышения стоимости денег государством (1691). В книге: Сочинения Джона Локка. Издание ин-фолио 1740 года, том II). — 367, 370, 371.

**Locke, J.* Two treatises of government (1690). In: The Works of John Locke, in four volumes. The 7th edition. Vol. II. London, 1768 *(Локк, Дж.* Два трактата о государственном правлении (1690). В книге: Сочинения Джона Локка, в четырех томах. Издание седьмое. Том II. Лондон, 1768). — 368—370.

Malthus, Th. R. Definitions in political economy. A new edition with a preface, notes, and supplementary remarks by John Cazenove. London, 1853 *(Мальтус, Т. Р.* Определения в политической экономии. Новое издание, с предисловием, примечаниями и дополнительными заметками Джона Кейзнова. Лондон, 1853). — 47.

**Malthus, Th. R.* Essai sur le principe de population. Traduit de l'anglais sur la 5-eme edition par Pierre et Guillaume Prevost. 3-eme edition francaise. Tomes I— IV. Paris et Geneve, 1836 *(Мальтус, Т. Р.* Опыт о законе народонаселения. Перевод Пьера и Гийома Прево с 5-го английского издания. Третье французское издание. Тома I—IV. Париж и Женева, 1836). — 277.

Malthus, Th. R. Principles of political economy considered with a view to their practical application. 2nd edition with considerable additions from the author's own manuscript and an original memoir. London, 1836 *(Мальтус, Т. Р.* Начала политической экономии, рассматриваемые в расчете на их практическое применение. Издание второе, с значительными добавлениями из собственной рукописи автора и с краткой биографией автора. Лондон, 1836). — 138.

[Mandeville, B.] The Fable of the bees, or Private vices publick benefits. 5th edition. London, 1728 ([*Мандевиль, Б.]* Басня о пчелах, или Частные пороки — общественные выгоды. Издание пятое. Лондон, 1728). Первое издание вышло в Лондоне в 1705 году. — 159, 394, 395.

**Marx, K.* Misere de la philosophie. Reponse a la Philosophie de la misere de M. Proudhon. Paris — Bruxelles, 1847 *(Маркс, К.* Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона. Париж — Брюссель, 1847). — 47.

**Marx, K.* Zur Kritik der politischen Oekonomie. Erstes Heft. Berlin, 1859 *(Маркс, К.* К критике политической экономии. Выпуск первый. Берлин, 1859). — 43, 132, 157, 299, 323, 342, 343, 396.

[Massie, J.] An Essay on the governing causes of the natural rate of interest; wherein the sentiments of Sir William Petty and Mr. Locke, on that head, are considered. London, 1750 *([Масси, Дж.]* Опыт о причинах, определяющих естественную норму процента; где рассматриваются взгляды сэра Уильяма Петти и г-на Локка по этому вопросу. Лондон, 1750). — 378, 380— 382.

[Mercier de la Riviere, P. P.] L'ordre naturel et essentiel des societes politiques. Tomes I—II. Londres

et Paris, 1767 *([Мерсье де ля Ривьер, П. П.]* Естественный и существенный порядок политических обществ. Тома I—II. Лондон и Париж, 1767). — 34, 37, 38.

Mill, J. St. Essays on some unsettled questions of political economy. London, 1844 *(Милль, Дж. Ст.* Очерки о некоторых нерешенных вопросах политической экономии. Лондон, 1844). — 165, 166.

**[Montesquieu, Ch.]* De l'esprit des loix. Geneve, 1748 *([Монтескьё, Ш.]* О духе законов. Женева, 1748). — 297.

**Necker, J.* De l'administration des finances de la France (1784). In: Oeuvres de Necker. Tome deuxieme. Lausanne et Paris, 1789 *(Неккер, Ж.* Об управлении финансов Франции (1784). В книге: Сочинения Неккера. Том второй. Лозанна и Париж, 1789). — 301—303.

Necker, J. Sur la legislation et le commerce des grains (1775). In: Oeuvres de Necker. Tome quatrieme. Lausanne, 1786 *(Неккер, Ж.* О законодательстве и торговле хлебом (1775). В книге: Сочинения Неккера. Том четвертый. Лозанна, 1786). — 301, 303, 304.

[North, D.] Considerations upon the East-India trade. London, 1701 *([Норс, Д.]* Соображения об ост-индской торговле. Лондон, 1701). — 162.

**[North, D.]* Discourses upon trade. London, 1691 *([Норс, Д.].* Рассуждения о торговле. Лондон, 1691). — 367, 372—376.

Outlines of political economy — см. *[Cazenove, J.]* Outlines of political economy.

Paley, W. The Principles of moral and political philosophy. London, 1785 *(Пейли, У.* Начала моральной и политической философии. Лондон, 1785). — 277.

Paoletti, F. I veri mezzi di render felici le societa (1772). In: Scrittori classici italiani di economia politica. Parte moderna. Tomo XX. Milano, 1804 *(Паолетти, Ф.* Истинные средства сделать общества счастливыми (1772). В издании: Итальянские классики политической экономии. Современные экономисты. Том XX. Милан, 1804). — 31, 32.

**Petty, W.* An Essay concerning the multiplication of mankind (1682). In: *Petty, W.* Several essays in political arithmetick. London, 1699 *(Петти, У.* Опыт об увеличении численности рода человеческого (1682). В книге: *Петти, У.* Очерки из области политической арифметики. Лондон, 1699). — 365.

**Petty, W.* The Political anatomy of Ireland (1672). To which is added Verbum sapienti. London, 1691 *(Петти, У.* Политическая анатомия Ирландии (1672). С приложением: Слово, достаточное для понимающего. Лондон, 1691). — 365—367.

**Petty, W.* Political arithmetick (1676). In: *Petty, W.* Several essays in political arithmetick. London, 1699 *(Петти, У.* Политическая арифметика (1676). В книге: *Петти, У.* Очерки из области политической арифметики. Лондон, 1699). — 157, 163—165.

**Petty, W.* Quantulumcunque concerning money, 1682. London, printed in the year 1695 *(Петти, У.* Кое-что о деньгах, 1682. Лондон, напечатано в 1695 году). — 366, 367.

**[Petty, W.]* A Treatise of taxes and contributions. London, 1662 *([Петти, У.]* Трактат о налогах и сборах. Лондон, 1662). — 165, 365, 367.

**Idem.* London, 1667 *(То же.* Лондон, 1667). — 356—360, 362—365.

**Idem.* London, 1679 (*То же.* Лондон, 1679). — 164.

**Petty, W.* Verbum sapienti (1665). In: *Petty, W.* The Political anatomy of Ireland. London, 1691 *(Петти, У.* Слово, достаточное для понимающего (1665). В книге: *Петти, У.* Политическая анато-

мия Ирландии. Лондон, 1691). — 365, 366.

Physiocrates. Avec une introduction et des commentaires par E. Daire. Paris, 1846 — см. *Baudeau.* Explication..., *Daire.* Introduction. .., *Dupont de Nemours.* De l'origine..., *Dupont de Nemours.* Maximes..., *Quesnay.* Analyse..., *Quesnay.* Dialogues..., *Quesnay.* Maximes...

Physiocratie, ou Constitution naturelle du gouvernement le plus avantageux au genre humain. Recueil [d'oeuvres de Quesnay] publie par Du Pont. Leyde et Paris, 1767 *(Физиократия,* или Естественный строй управления, наиболее полезного для рода человеческого. Сборник [работ Кенэ], изданный Дюпоном. Лейден и Париж, 1767). — 218.

Proudhon, P. J. Gratuite du credit — см. *Bastiat, Fr.* Gratuite du credit. Discussion entre M. Fr. Bastiat et M. Proudhon.

**Proudhon, P. J.* Qu' est-ce que la propriete? ou Recherches sur le principe du droit et du gouvernement. Paris, 1840 *(Прудон, П. Ж.* Что такое собственность? или Исследование о принципе права и власти. Париж, 1840). — 89.

Proudhon, P. J. Systeme des contradictions economiques, ou Philosophie de la misere. Tomes I—II. Paris, 1846 *(Прудон, П. Ж.* Система экономических противоречий, или Философия нищеты. Тома I—II. Париж, 1846). — 36.

**Quesnay, F.* Analyse du Tableau economique (1766). In: Physiocrates. Avec une introduction et des commentaires par E. Daire. Premiere partie. Paris, 1846 *(Кенэ, Ф.* Анализ Экономической таблицы (1766). В книге: Физиократы. С вступительной статьей и комментариями Э. Дэра. Часть первая. Париж, 1846). — 25, 383.

**Quesnay, F.* Dialogues sur le commerce et sur les travaux des artisans (1766). Du commerce. Premier dialogue entre M. H. et M. N. Sur les travaux des artisans. Second dialogue. In: Physiocrates. Avec une introduction et des commentaires par E. Daire. Premiere partie. Paris, 1846 *(Кенэ, Ф.* Диалоги о торговле и о труде ремесленников (1766). О торговле. Диалог первый между г-ном Г. и г-ном Н. О труде ремесленников. Диалог второй. — В книге: Физиократы. С вступительной статьей и комментариями Э. Дэра. Часть первая. Париж, 1846). — 385.

**Quesnay, F.* Maximes generales du gouvernement economique d'un royaume agricole (1758). In: Physiocrates. Avec une introduction et des commentaires par E. Daire. Premiere partie. Paris, 1846 *(Кенэ, Ф.* Общие принципы экономической политики земледельческого государства (1758). В книге: Физиократы. С вступительной статьей и комментариями Э. Дэра. Часть первая. Париж, 1846). — 37, 38.

Ramsay, G. An Essay on the distribution of wealth. Edinburgh, 1836 *(Рамсей, Дж.* Опыт о распределении богатства. Эдинбург, 1836). — 80, 81, 83, 84.

Return to an address of the Honourable The House of Commons, dated 24 April 1861. Ordered, by The House of Commons, to be printed, 11 February 1862 (Отчет, представленный по запросу высокочтимой палаты общин от 24 апреля 1861 года. Напечатано по распоряжению палаты общин от 11 февраля 1862 года). — 186.

**Ricardo, D.* On the principles of political economy, and taxation. 2nd edition. London, 1819 *(Рикардо, Д.* О началах политической экономии и налогового обложения. Издание второе. Лондон, 1819). Первое издание вышло в Лондоне в 1817 году. — 33.

**Idem.* 3d edition. London, 1821 *(То же.* Издание третье. Лондон, 1821). — 160, 161, 214, 215, 386.

Ricardo, D. Des principes de l'economie politique et de l'impot. Traduit de l'anglais par Constancio, avec des notes explicatives et critiques par J. B. Say. Tomes I—II. Paris, 1819 *(Рикардо, Д.* О началах политической экономии и налогового обложения. Перевод с английского Констансио, с пояснительными и критическими примечаниями Ж. Б. Сэя. Тома I—II. Париж, 1819). — 208, 210—212, 214.

Rossi, P. Cours d'economie politique. Annee 1836—1837 (Contenant les deux volumes de l'edition de Paris). In: Cours d'economie politique. Bruxelles, 1843 *(Росси, П.* Курс политической экономии. Читан в 1836/37 году (Содержит оба тома парижского издания). В сборнике: Курс политической экономии, Брюссель, 1843). Первое издание книги Росси вышло в Париже в двух томах в 1840—1841 годах. — 287—290, 292—294.

Say, J. B. Lettres a M. Malthus, sur differens sujets d'economie politique, notamment sur les causes de la stagnation generale du commerce. Paris — Londres, 1820 *(Сэй, Ж. Б.* Письма г-ну Мальтусу по различным вопросам политической экономии, особенно о причинах всеобщего застоя в торговле. Париж — Лондон, 1820). — 223.

**Say, J. B.* Traite d'economie politique. Tomes I—II. Paris, 1803 *(Сэй, Ж. Б.* Трактат по политической экономии. Тома I—II. Париж, 1803). — 217, 259.

**Idem.* Troisieme edition. Tomes I—II. Paris, 1817 *(То же.* Издание третье. Тома I—II. Париж, 1817). — 79, 131, 259—261.

Schmalz, Th. A. H. Economie politique. Ouvrage traduit de l'allemand par Henri Jouffroy. Tomes I—II. Paris, 1826 *(Шмальц, Т. А. Г.* Политическая экономия. Перевод с немецкого Анри Жуффруа. Тома I—II. Париж, 1826). Немецкое издание вышло в Берлине в 1818 году. — 39, 40, 188, 189.

Senior, N. W. Principes fondamentaux de l'economie politique, tires de lecons edites et inedites de Mr. N. W. Senior par le c-te Jean Arrivabene. Paris, 1836 *(Сениор, Н. У.* Основные начала политической экономии, извлеченные графом Жаном Арривабене из лекций г-на Н. У. Сениора, как изданных, так и неизданных. Париж, 1836). — 282—286.

**Sismondi, J. Ch. L. Simonde de.* Nouveaux principes d'economie politique, ou De la richesse dans ses rapports avec la population. Seconde edition. Tomes I—II. Paris, 1827 *(Сисмонди, Ж. Ш. Л. Симонд де.* Новые начала политической экономии, или О богатстве в его отношении к народонаселению. Издание второе. Тома I—II. Париж, 1827). Первое издание вышло в Париже в 1819 году. — 160, 276.

**Smith, A.* An Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. In two volumes. London, 1776 *(Смит, А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. В двух томах. Лондон, 1776). — 11, 32, 33, 62, 73, 184.

**Smith, A.* An Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. With a life of the author, an introductory discourse, notes, and supplemental dissertations by MacCulloch. In four volumes. Edinburgh and London, 1828 *(Смит, А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. С биографией автора, вступительной статьей, примечаниями и дополнительными рассуждениями Мак-Куллоха. В четырех томах. Эдинбург и Лондон, 1828). — 42, 43, 57, 59, 137, 140—141, 143, 296, 299.

**Smith, A.* Recherches sur la nature et les causes de la richesse des nations. Traduction nouvelle, avec des notes et observations, par Germain Garnier. Tomes I—IV.

Paris, 1802 *(Смит, А.* Исследования о природе и причинах богатства народов. Новый перевод Жермена Гарнье, с примечаниями и замечаниями переводчика. Тома I—IV. Париж, 1802). — 42, 44, 47—53, 55—58, 64—66, 69, 70, 74—79, 104, 144, 145, 150—153, 156, 244, 246, 248, 250—259, 274, 298, 345, 346.

Spence, W. Britain independent of commerce. London, 1807 *(Спенс, У.* Британия не зависит от торговли. Лондон, 1807). — 388.

Steuart, J. An Inquiry into the principles of political oeconomy. In two volumes. London, 1767 *(Стюарт, Дж.* Исследование о началах политической экономии. В двух томах. Лондон, 1767). — 11.

Steuart, J. An Inquiry into the principles of political oeconomy. In: The Works of Sir James Steuart, collected by General Sir James Steuart, his son, in six volumes. Vol. I. London, 1805 *(Стюарт, Дж.* Исследование о началах политической экономии. В книге: Сочинения сэра Джемса Стюарта, собранные его сыном генералом сэром Джемсом Стюартом, в шести томах. Том I. Лондон, 1805). — 9—10.

Idem. Vol. III. London, 1805 *(Тоже.* Том III. Лондон, 1805). — 11.

Storch, H. Considerations sur la nature du revenu national (tome V du «Cours d'economie politique»). Paris, 1824 *(Шторх, А.* Соображения о природе национального дохода (том V «Курса политической экономии»). Париж, 1824).— 80.

**Storch, H.* Cours d'economie politique, ou Exposition des principes qui determinent la prosperite des nations. Tomes I—VI. St.-Petersbourg, 1815 *(Шторх, А.* Курс политической экономии, или Изложение начал, определяющих благоденствие народов. Тома I—VI. С.-Петербург, 1815). — 417.

Storch, H. Cours d'economie politique, ou Exposition des principes qui determinent la prosperite des nations. Avec des notes explicatives et critiques par J. B. Say. Tomes I—IV. Paris, 1823 *(Шторх, А.* Курс политической экономии, или Изложение начал, определяющих благоденствие народов. С пояснительными и критическими примечаниями Ж. Б. Сэя. Тома I—IV. Париж, 1823). — 278, 280, 281.

**Turgot.* Reflexions sur la formation et la distribution des richesses (1766). In: Oeuvres de Turgot. Nouvelle edition par E. Daire. Tome premier. Paris, 1844 *(Тюрго.* Размышления о создании и распределении богатств (1766). В книге: Сочинения Тюрго. Новое издание Э. Дэра. Том первый. Париж, 1844). — 11, 26—31, 33, 34, 37.

**Verri, P.* Meditazioni sulla economia politica (1771). In: Scrittori classici italiani di economia politica. Parte moderna. Tomo XV. Milano, 1804 *(Верри, П.* Размышления о политической экономии (1771). В издании: Итальянские классики политической экономии. Современные экономисты. Том XV. Милан, 1804). — 32, 40, 41.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

«Revue des deux Mondes» («Обозрение Старого и Нового света»), Париж, новая серия, том XXIV, 1848. — 89.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Вергилий. Эпиграмма. — 213.
Вольтер. Генриада. — 280.
Гомер. Илиада. — 280, 294.
Гораций. Послания. — 159, 262.
Лессинг. Гамбургская драматургия. — 280.
Мандевиль. Басня о пчелах. — 159, 394, 395.
Мильтон. Потерянный рай. — 410.
Мюльнер. Вина. — 394.
Софокл. Эдип. — 394.
Шекспир. Ричард III. — 394.
Шиллер. Разбойники. — 394.

УКАЗАТЕЛЬ РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ ЦИТИРУЕМЫХ КНИГ*

Бланки, А. История политической экономии в Европе с древнейшего до настоящего времени с приложением критической библиографии политической экономии. С четвертого издания (1860), исправленного и снабженного примечаниями, перевел П. А. Бибиков. Тома I—II. Спб., 1869.

Верри. Политическая экономия, или О государственном хозяйстве. Переведено с французского, а на французский с итальянского, с седьмого издания. Спб., 1810.

**Гоббс, Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М., 1936.

**Годскин, Т.* Сочинения. М., 1938.

**Джонс, Р.* Экономические сочинения. Перевод с английского. Соцэкгиз. Ленинградское отделение, 1937.

**Кенэ, Ф.* Избранные экономические произведения. М., 1960.

Лаудердаль (в настоящем издании: *Лодердель).* О народном благосостоянии. Перевод Я. Ляпина. Спб., 1811.

Локк, Д. О государственном правлении (в книге: *Д. Локк.* Избранные философские произведения в двух томах. Том II. М., 1960).

Мальтус, Т. Р. Опыт о законе народонаселения. Перевел П. А. Бибиков. Тома I—II. Спб., 1868.

Мальтус, Т. Р. Опыт закона о народонаселении. Перевод И. А. Living Вернера. М., 1895 (перевод с сокращениями).

Монтескьё. О духе законов (в книге: *Ш. Монтескьё.* Избранные произведения. М., 1955).

Неккер. Об управлении государственных доходов Французского королевства. Спб., 1786.

Норс, Д. Очерки о торговле (в сборнике: Меркантилизм. Под редакцией и со вступительной статьей И. С. Плотникова. Л., 1935).

* Настоящий указатель содержит только последние из имеющихся русских переводов цитируемых и упоминаемых Марксом книг. Однако для работ, которые последний раз были выпущены в сокращенном виде, сделано исключение. В этом случае приводится также и предыдущий, более полный перевод.

Звездочкой отмечены те русские издания, на которые в тексте тома, в квадратных скобках, даны ссылки с указанием страниц этих изданий. Ссылки эти даются также и в тех случаях, когда приводимый в тексте тома русский перевод цитируемых Марксом мест отличается от текста соответствующих русских изданий.

*_Петти, В._ Экономические и статистические работы. Перевод под редакцией М. Смит. М., 1940.

Прудон, П. Ж. Что такое собственность? или Исследование о принципе права и власти. Перевод Е. и И. Леонтьевых. М., 1919.

*_Рикардо, Д._ Начала политической экономии и налогового обложения. М., 1955 _(Рикардо._ Сочинения. Перевод под редакцией М. Н. Смит. Том I).

*_Сисмонди, Ж. Симонд де._ Новые начала политической экономии, или О богатстве в его отношении к народонаселению. Тома I—II. М., 1937.

Смит, А. Исследования о природе и причинах богатства народов. С примечаниями Бентама, Бланки, Буханана, Гарнье, Мак-Куллоха, Мальтуса, Милля, Рикардо, Сэя, Сисмонди и Тюрго. Перевел П. А. Бибиков. Тома I—III. Спб., 1866.

*_Смит, А._ Исследование о природе и причинах богатства народов. Тома I—II. М.—Л., 1935.

_Сэ, Ж. Б._ (в настоящем издании: _Сэй, Ж. Б.)_ Трактат политической экономии. Перевод Е. Н. Каменецкой. М., 1896 (перевод отдельных глав).

Тюрго, А. Р. Избранные экономические произведения. М., 1961.

Шторх, Г. Курс политической экономии, или Изложение начал, обусловливающих народное благоденствие. Перевод с французского с биографическим очерком автора, под редакцией и с заметками д-ра И. В. Вернадского. Том I. Спб., 1881.

_Юм, Д._ Опыты [О торговле, О деньгах, О проценте, О торговом балансе, О зависти в торговле, О налогах]. Перевод М. О. Гершензона. М., 1896.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие .... V—XXVI

ТЕОРИИ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

(IV ТОМ «КАПИТАЛА»)

Часть первая

[СОДЕРЖАНИЕ РУКОПИСИ «ТЕОРИЙ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ»] .... 3—5

[ОБЩЕЕ ЗАМЕЧАНИЕ] 6

[Глава первая] СЭР ДЖЕМС СТЮАРТ [Различение между «прибылью от отчуждения» и положительным увеличением богатства] .... 9—11

[Глава вторая] ФИЗИОКРАТЫ .... 12—41

[1) Перенесение вопроса о происхождении прибавочной стоимости из сферы обращения в сферу производства. Взгляд на земельную ренту как на единственную форму прибавочной стоимости] .... 12—20

[2) Противоречия в системе физиократов: феодальный облик системы и ее буржуазная сущность; двойственность в трактовке прибавочной стоимости] .... 20—25

[3) Кенэ о трех классах общества. Дальнейшее развитие физиократической теории у Тюрго: элементы более глубокого анализа капиталистических отношений] .... 25—31

[4) Смешение стоимости с веществом природы (Паолетти)] .... 31—32

[5) Элементы физиократической теории у Адама Смита] .... 32—36

[6) Физиократы как сторонники крупного капиталистического земледелия] .... 36—38

[7) Противоречия в политических взглядах физиократов. Физиократы и французская революция] .... 38—39

[8) Вульгаризация физиократического учения у прусского реакционера Шмальца] .... 39—40

[9) Ранняя критика физиократического предрассудка в вопросе о земледелии (Верри)] .... 40—41

[Глава третья] АДАМ СМИТ .... 42—132

[1) Два различных определения стоимости у Смита: определение стоимости количеством затраченного труда, содержащимся в товаре, и определение ее количеством живого труда, покупаемым в обмен на этот товар] .... 42—51

[2) Общая концепция прибавочной стоимости у Смита. Взгляд на прибыль, земельную ренту и процент как на вычеты из продукта труда рабочего] .... 51—59

[3) Распространение Смитом понятия прибавочной стоимости на все сферы общественного труда] .... 59—60

[4) Непонимание Смитом специфического действия закона стоимости в обмене между капиталом и наемным трудом] .... 60—63

[5) Смешение у Смита прибавочной стоимости с прибылью. Вульгарный элемент в теории Смита] .... 63—68

[6) Ошибочный взгляд Смита на прибыль, земельную ренту и заработную плату как на источники стоимости] .... 68—70

[7) Двойственность во взглядах Смита на соотношение между стоимостью и доходами. Порочный круг в смитовской концепции «естественной цены» как суммы заработной платы, прибыли и ренты] .... 70—73

[8) Ошибка Смита, сводившего всю стоимость общественного продукта к доходам. Противоречия во взглядах Смита на валовой и чистый доход] ..... 73—79

[9) Сэй как вульгаризатор теории Смита. Отождествление общественного валового продукта с общественным доходом у Сэя. Попытки их различения у Шторха и Рамсея] .... 79—83

[10)] Исследование того, каким образом возможно, что годовая прибыль и годовая заработная плата покупают произведенные за год товары, которые, кроме прибыли и заработной платы, содержат еще и постоянный капитал .... 83—132

[a) Невозможность возмещения постоянного капитала производителей предметов потребления путем обмена среди этих производителей] .... 83—104

[б) Невозможность возмещения всего общественного постоянного капитала путем обмена между производителями предметов потребления и производителями средств производства] .... 104—118

[в) Обмен напитала на капитал среди производителей средств производства. Произведенный за год продукт труда и продукт вновь присоединенного в данном году труда] .... 119—132

[11) Добавления: путаница у Смита по вопросу о мере стоимости; общий характер противоречий Смита] 132

[Глава четвертая] ТЕОРИИ О ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОМ И НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНОМ ТРУДЕ .... 133—300

[1) Производительный труд при капитализме как труд, создающий прибавочную стоимость] .... 133—134

[2) Постановка вопроса о производительном труде у физиократов и у меркантилистов] .... 134—136

[3) Двойственность смитовской концепции производительного труда. Первая трактовка вопроса: взгляд на производительный труд как на труд, обмениваемый на капитал] .... 136—142

[4) Вторая трактовка вопроса у Смита: производительный труд как труд, овеществляющийся в товаре] .... 142—157

[5) Процесс вульгаризации буржуазной политической экономии в вопросе о производительном труде] .... 157—159

[6) Сторонники взглядов Смита по вопросу о производительном труде. К истории вопроса] .... 160—166

[а) Сторонники первой трактовки: Рикардо, Сисмонди] .... 160—161

[б) Ранние попытки различения между производительным и непроизводительным трудом (Давенант, Петти)] .... 161—165

[в) Сторонник второй смитовской трактовки производительного труда — Джон Стюарт Милль] .... 165—166

[7)] Жермен Гарнье [Вульгаризация теорий Смита и физиократов] .... 166—189

[а) Смешение труда, обмениваемого на капитал, с трудом, обмениваемым на доход. Ложная концепция возмещения всего капитала доходами потребителей] .... 166—171

[б) К вопросу о возмещении постоянного капитала в процессе обмена капитала на капитал] .... 171—183

[в) Вульгарные предпосылки полемики Гарнье против Смита. Возврат Гарнье к физиократическим представлениям. Шаг назад в сравнении с физиократами: взгляд на потребление непроизводительных работников как на источник производства] .... 184—189

[8)] Шарль Ганиль [Меркантилистский взгляд на обмен и меновую стоимость. Подведение всякого труда, получающего оплату, под понятие производительного труда] .... 189—199

[9) Ганиль и Рикардо о «чистом доходе». Ганиль как сторонник уменьшения производительного населения; Рикардо как сторонник накопления капитала и роста производительных сил] ..... 200—219

[10)] Обмен дохода и капитала [Возмещение всей массы годового продукта при простом воспроизводстве: а) обмен дохода на доход; б) обмен дохода на капитал; в) обмен капитала на капитал] ..... 219—243

[11)] Ферье [Протекционистский характер полемики Ферье против теории Смита о производительном труде и накоплении капитала. Путаница у Смита в вопросе о накоплении. Вульгарный элемент во взглядах Смита на «производительных работников»] ..... 243—257

[12)] Граф Лодердель [Апологетический взгляд на господствующие классы как на представителей важнейших видов производительного труда] ..... 257—258

[13) Концепция «нематериальных продуктов» у Сэя. Оправдание безудержного роста непроизводительного труда] ..... 259—262

[14)] Граф Дестют де Траси [Вульгарная концепция происхождения прибыли. Провозглашение «деятельных капиталистов» единственными производительными работниками в высшем смысле слова] ..... 262—275

[15) Общая характеристика полемики против смитовского различения между производительным и непроизводительным трудом. Апологетический взгляд на непроизводительное потребление как на необходимый стимул к производству] ..... 275—278

[16)] Анри Шторх [Антиисторический подход к проблеме взаимоотношения между материальным и духовным производством. Концепция «нематериального труда», выполняемого господствующим классом] ..... 278—282

[17)] Нассау Сениор [Провозглашение всех полезных для буржуазии функций производительными. Раболепство перед буржуазией и буржуазным государством] ..... 282—287

[18)] П. Росси [Игнорирование общественной формы экономических явлений. Вульгарная концепция «сбережения труда» непроизводительными работниками] ..... 287—295

[19) Апология расточительности богатых у мальтузианца Чалмерса] 295

[20) Заключительные замечания об Адаме Смите и его взглядах на производительный и непроизводительный труд] ..... 296—300

[Глава пятая] НЕККЕР [Попытка изобразить противоположность классов при капитализме как противоположность между бедностью и богатством] ..... 301—304

[Глава шестая] ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА КЕНЭ (ОТСТУПЛЕНИЕ) .... 305—346

[1) Попытка Кенэ представить процесс воспроизводства и обращения совокупного капитала] .... 305—306

[2) Обращение между фермерами и земельными собственниками. Возвращение денег к фермерам, не выражающее воспроизводства] .... 306—314

[3) К вопросу о денежном обращении между капиталистом и рабочим] .... 314—329

[а) Нелепость взгляда на заработную плату как на аванс капиталиста рабочему. Буржуазное представление о прибыли как о премии за риск] .... 314—321

[б) Покупка рабочим товаров у капиталиста. Обратный приток денег, не выражающий воспроизводства] .... 321—329

[4) Обращение между фермерами и промышленниками в «Экономической . таблице»] .... 329—334

[5) Обращение товаров и обращение денег в «Экономической таблице». Различные случаи возвращения денег к исходному пункту] .... 334—345

[6) Значение «Экономической таблицы» в истории политической экономии] .... 345—346

[Глава седьмая] ЛЕНГЕ [Ранняя критика буржуазно-либерального взгляда на «свободу» рабочего] .... 347—352

ПРИЛОЖЕНИЯ

[1) Гоббс о труде, о стоимости и об экономической роли науки] 355

[2)] Из области истории: Петти [Отрицательное отношение к непроизводительным профессиям. Зачатки трудовой теории стоимости. Попытка объяснить на основе теории стоимости заработную плату, земельную ренту, цену земли и процент] .... 356—366

[3)] Петти, сэр Дадли Норс, Локк 367

[4)] Локк [Трактовка ренты и процента с точки зрения буржуазной теории естественного права] .... 368—371

[5)] Норс [Деньги как капитал. Рост торговли как причина понижения процента] .... 372—376

[6) Беркли о трудовой деятельности как источнике богатства] 377

[7)] Юм и Масси .... 378—382

[а) Вопрос о проценте у Масси и Юма] 378

[б) Юм. Падение прибыли и процента в связи с ростом торговли и промышленности] .... 378—380

[в) Масси. Процент как часть прибыли. Объяснение высоты процента уровнем прибыли] .... 380—382

[г) Заключение] 382

[8) Добавления к главам о физиократах] .... 383—385

[а) Дополнительные замечания об «Экономической таблице». Ошибочные предпосылки Кенэ] .... 383—384

[б) Частичный возврат отдельных физиократов к меркантилистским представлениям. Требований свободы конкуренции у физиократов] .... 384—385

[в) Первоначальная формулировка невозможности увеличения стоимости в обмене] 385

[9) Восхваление землевладельческой аристократии у эпигона физиократов графа дю Бюа] .... 386—387

[10) Полемика против землевладельческой аристократии с точки зрения физиократов (анонимный английский автор)] .... 388—392

[11) Апологетическая концепция производительности всех профессий] .... 393—395

[12)] Производительность капитала. Производительный и непроизводительный труд .... 396—423

[а) Производительность капитала как капиталистическое выражение производительной силы общественного труда] .... 396—400

[б) Производительный труд в системе капиталистического производства] .... 400—405

[в) Два существенно различных момента в обмене между капиталом и трудом] .... 405—408

[г) Специфическая потребительная стоимость производительного труда для капитала] .... 408—410

[д) Непроизводительный труд как труд, доставляющий услуги. Покупка услуг в условиях капитализма. Вульгарный взгляд на отношение между капиталом и трудом как на обмен услуг] .... 410—416

[е) Труд ремесленников и крестьян в капиталистическом обществе] .... 416—419

[ж) Дополнительная характеристика производительного труда как труда, овеществляющегося в материальном богатстве] .... 419—420

[з) Проявления капитализма в области нематериального производства] .... 420—421

[и) Проблема производительного труда под углом зрения процесса материального производства в целом] .... 421—422

[к) Транспортная промышленность как одна из сфер материального производства. Производительный труд в транспортной промышленности] ... 422—423

[13) Наброски планов I и III частей «Капитала»] .... 424—426

[а) План I части, или I отдела, «Капитала»] 424

[б) План III части, или III отдела, «Капитала»] 425

[в) План 2-й главы III части «Капитала»] .... 425—426

Примечания .... 429—450
Указатель имен .... 451—457
Указатель цитируемой и упоминаемой литературы .... 458—467
Указатель русских переводов цитируемых книг .... 468—469

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Первая страница рукописи К. Маркса «Теории прибавочной стоимости»
(начало VI тетради рукописи 1861— 1863 годов) 7

Страница рукописи К. Маркса «Теории прибавочной стоимости»
с поправкой Ф. Энгельса (в конце страницы) 15

Страница рукописи К. Маркса «Теории прибавочной стоимости»
с изображением схемы «Экономической таблицы» Кенэ 307

Читальный зал Британского музея в Лондоне, где Маркс работал
над «Теориями прибавочной стоимости» (с английской гравюры
середины XIX века) .... между 384—385

Том подготовили к печати

В. К. Бругилинский и *И. И. Прейс*

при участии *В. С. Выгодского*

Технический редактор *Ц. Л. Бейлина*

Корректоры *С. Тарасова* и *В. Фокина*

*

Сдано в набор 20 января 1962 г. *Подписано к печати 3 мая 1962 г. Формат* $60x92^{1}/_{16}$.
Физ. печ. л. $31^{1}/_{2}$ *+ 1 вклейка* ($^{1}/_{8}$ *п. л.)*
Условн. печ. л. $31^{5}/_{8}$. *Уч.-изд. л. 32,4.*
Тираж 120 тыс. экз. Заказ № 1213.
Цена 1 руб.

*

Государственное издательство политической литературы.
Москва, А-47, Миусская пл., 7.

*

Ленинградский Совет народного хозяйства. Управление полиграфической промышленности.

Типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.